

MODERN HUMANITIES
SUCCESS/УСПЕХИ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

№2, 2022 год

Подписано к публикации: 01.02.2022

Главный редактор журнала:

доктор педагогических наук,
профессор

Солопанова Ольга Юрьевна

**«Modern Humanities Success /
Успехи гуманитарных наук»
включен в список ВАК с
8.07.2019г., (Elibrary.ru).**

**Свидетельство о регистрации
СМИ:** Эл № ФС77-75120 от 19 фев-
раля 2019г. Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых ком-
муникаций
(Роскомнадзор)
ISSN 2618-7175 (online)
E-mail: info@mhs-journal.ru
Сайт: <http://mhs-journal.ru>

© Modern Humanities Success /
Успехи гуманитарных наук 2022

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Абдуллаева Арзугуль Айюбовна (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат филологических наук, доцент
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, г. Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабкина Екатерина Сергеевна (РФ, г. Хабаровск) – доктор филологических наук, доцент
Балута Анастасия Анатольевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна (Кыргызстан, г. Нарын) – кандидат педагогических наук, доцент
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абильтяевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Ваджибов Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Вегвари Валентина Васильевна (Венгрия, г. Печ) – кандидат педагогических наук, доцент
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзага оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Дулебова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулдзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, доцент
Касымова Рашида Таукеловна (Казахстан, г. Алматы) – доктор педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джимшервна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна (РФ, г. Белгород) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Метревели Медея Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Насипов Ильшат Сахиятуллович (Республика Башкортостан, г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор
Новрузолиева Севда Джаид гызы (Азербайджан, г. Баку) – кандидат филологических наук
Нугуманова Людмила Николаевна (РТ, г. Казань) – доктор педагогических наук, доцент
Оганян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Олджай Тюркан (Турция, г. Стамбул) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Раkitина Светлана Владимировна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Сухомлина Татьяна Александровна (РФ, г. Самара) – доктор филологических наук, доцент
Тимофеева Анастасия Анатольевна (Чехия, г. Брно) – кандидат филологических наук
Тихомирова Евгения Ивановна (РФ, г. Самара) – доктор педагогических наук, профессор, академик
Российской академии Естественных наук, академик МАН
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Шайденко Надежда Анатольевна (РФ, г. Тула) – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлев Евгений Владимирович (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Беляков Д.А. ТОМАС МАНН И НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС	7
Шарипова А.С. МОТИВ ПОКАЯНИЯ В ДРАМЕ ТУФАНА МИННУЛЛИНА «МУЛЛА»	12
Сат Н.Д. ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ Л.Н. ТОЛСТОГО	17
Бакиров Р.А., Бакирова К.С. Н.Н. АСЕЕВ В ЧИСТОПОЛЕ: ФЕНОМЕН НЕПОПУЛЯРНОСТИ	23
Курникова Н.С., Засецкова Е.Н. ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКИ И ПРОЗЫ СИЛЬВИИ ПЛАТ	28
Парахневич Е.В. ФУНКЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИЗДАНИЙ)	37
Шарипова А.С. ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРАМЫ ТУФАНА МИННУЛЛИНА «ХУШЫГЫЗ!» («ПРОЩАЙТЕ!»)	43
Ван Шиюй РАЗЛИЧИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. НАБОКОВА В КИТАЕ	48
Даренская Н.А. ЛИТЕРАТУРНО-ИГРОВОЕ НАЧАЛО В РАССКАЗЕ А.И. КУПРИНА «ПОСЛЕДНИЙ ДЕБЮТ»	56
Царёва О.А. ОСНОВЫ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО	62
Кадри Сухила «МЯГКАЯ СИЛА» В МЕДИАКОНТЕНТЕ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «КУЛЬТУРЫ СТРАХА»	66
Баракат Е.А. КОНЦЕПЦИЯ ВОЛЬФГАНГА ИЗЕРА И ЕЁ ПРИМЕНЕНИЕ В ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	71
Батгалова А.Д. СКОТОВОДЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ЧИСТОПОЛЬСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	77
Прокофьева И.О., Хафизова Д.Р. ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ АВТОБИОГРАФИИ: В. ДИЛЬТЕЙ, Г. МИШ, М. БАХТИН	82
Мещерякова Л.А. «ЭПИТИМИЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (ПО РОМАНУ ДЖ.М. КУТЗЕЕ «ОСЕНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ»)	86

Бетеева Ф.Г. СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ В ОСЕТИНСКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ	93
Ханина К.А. ТРЕБОВАНИЯ К «ИДЕАЛЬНОМУ ТЕРМИНУ» В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ КЛИНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)	99
Хуснетдинов Р.М., Рязанова Л.З. ИЗУЧЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОГО И ОРФОЭПИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ КАК ФУНДАМЕНТ ПРИ ОСВОЕНИИ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА	106
Гамидова Т.Г. ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ ПИЦЦИ КУНКИНСКОГО ГОВОРА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА	111
Гилева Е.В. ОБРАЗ РОССИИ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКИХ СБОРНИКАХ МОНГОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ	115
Никонова Е.А. ЖАНР “OPINION”: ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ПАРАМЕТРЫ	120
Саттарова З.М., Абляметова С.М. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА	128
Стоянова Н.И. МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АРАБСКОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ ЧАСТИЦ)	132
Хрипкова Д.И., Каюмова Д.Ф. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	141
Гончар А.А. ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АВТОРСКОЙ АФОРИСТИЧНОЙ ФОРМУЛЫ ТЕАТРАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ	145
Хватаева Н.П., Захарищева М.А. ОБЪЕМ И СОДЕРЖАНИЕ АВТОРСКОЙ АКЦИОСФЕРЫ	152
Коробчак В.Н., Слепенчук Р.Ю. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ АНИМАЦИОННОГО ДИСКУРСА	157
Раздубев А.В., Марьева И.Я., Казарьянц К.Э., Сибирко Н.С. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ И НОМЕНКЛАТУРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ СУККУЛЕНТНЫХ РАСТЕНИЙ ПОДСЕМЕЙСТВА АГАВОВЫЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	162
Шипунова А.Е., Кочева О.Л. ОТРАЖЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА ГИПЕРБОЛЫ ВО ФРАНКО-БРИТАНСКОМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	171

Дибирова А.М. ФРЕЙМОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА <i>CRIME</i> В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	181
Зими́на И.В., Ефимова Т.О., Николаева А.А. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЭМОЦИИ И ЧУВСТВА	184
Ли Синьюй, Фадеева И.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ «МОЛЧАНИЕ» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА	188
Мозжегорова Е.Н., Громова Е.Н. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	192
Клобукова Л.П., Молчанова Н.С., Головина Л.С. ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ МИГРАНТОВ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РФ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОФОНОВ И ИХ ИНТЕГРАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО	198
Садуов Р.Т., Тимербаева Е.И. ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ В ЦЕНТРЕ И НА ПЕРИФЕРИИ ГОРОДА УФА	204
Хисамова В.Н., Халиуллина А.А., Магдеев Р.Р. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЕНЕФАКТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТАТАРСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ	208
Ван Хайцзяо ОСНОВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДОГОВОРОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ	214
Гасанова Дж.С. К ВОПРОСУ О МОДАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ РЕЧЕВОГО ЖАНРА УПРЕКА В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКАХ	221
Цебровская Т.А. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕРОГАТИВНО МАРКИРОВАННЫХ ЭТНОНИМОВ-ХЭШТЕГОВ ДЛЯ НЕГРОИДНОЙ РАСЫ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ	225
Галахова М.С. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЯЗЫКА МАОРИ СО ЗНАЧЕНИЕМ «УСТНОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО» НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НОВОЗЕЛАНДСКОГО ПИСАТЕЛЯ МАОРИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИТИ ИХИМАЭРА	231
Грищук А.В. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ В ТЕКСТАХ АМЕРИКАНСКОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПЕСНИ	236

Лазько А.Ю., Непоклонова М.Е., Дубовская О.В.
 ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТЕРМИНОЛОГИИ
 СФЕРЫ ТРАНСПОРТНОЙ ЛОГИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ
 СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) 242

Балута А.А., Орлова Н.Н.
 «ОБРАТНЫЙ ПЕРЕВОД» ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СКАЗКИ КАК МЕТОД
 НЕЙРОКОРРЕКЦИИ РЕЧИ ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ COVID-19 249

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вагабова Т.А.
 ИДЕИ О ГУМАНИЗМЕ И ВОСПИТАНИИ ВЕЛИКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ
 И ПЕДАГОГОВ АЗЕРБАЙДЖАНА. МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
 И ЕГО МЕСТО В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 253

Черепанов К.Н., Тихонов А.М., Морданёв А.П.
 ПОДГОТОВКА УЧЕНИКОВ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ К ВЫПОЛНЕНИЮ
 НОРМ ВФСК «ГТО» МЕТОДОМ УЧЕБНОГО ПРОЕКТА 260

Каленикова Н.Г.
 САМООЦЕНКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО УРОВНЯ ЗДОРОВЬЯ ПО
 СОВОКУПНОСТИ ПРИЗНАКОВ БОЛЕЗНИ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ
 СТУДЕНТОВ БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
 ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА) 266

Балканов И.В., Макаренко А.С., Мурог И.А.
 МЕТОДИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ
 ПЕРЕВОДЧИКОВ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 272

Пяо Лисян
 ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО ПРАЗДНИКА
 И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ 277

Дюкина Н.Г.
 МЕТАПРЕДМЕТНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ
 МАТЕМАТИКЕ В ШКОЛЕ 282

Салехова Л.Л., Литвиненко Е.В.
 ВЕДУЩИЕ МОТИВЫ К ИЗУЧЕНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
 СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ И ПРАКТИКУЮЩИХ
 УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА 288

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ТОМАС МАНН И НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

*Беляков Д.А., кандидат филологических наук,
Московский государственный лингвистический университет*

Аннотация: цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить и концептуально обобщить особенности генезиса и эволюции восприятия Томасом Манном Международного Нюрнбергского трибунала – в контексте жизни и творчества писателя. *Научная новизна* работы обоснована тем, что значительная часть исследования строится на анализе малоизученной отечественным литературоведением и не переведенной на русский язык заметки Манна “Zu den Nürnberger Prozessen” («К Нюрнбергским процессам»). Затронутая в данном тексте проблема не получила всестороннего осмысления и в зарубежной критике. Кроме того, новизна предлагаемого подхода обуславливается анализом концептуальных выводов, сформулированных Т. Манном, в свете идей М.М. Бахтина. В результате автор статьи приходит к выводу о принципиально амбивалентном отношении писателя к событиям осени 1945 года, а также о взаимообусловленности модели их восприятия и основополагающего для позднего творчества Манна понятия «новый гуманизм».

Ключевые слова: Томас Манн, Нюрнбергский процесс, Вторая мировая война, национал-социализм, новый гуманизм, амбивалентность

Введение

Актуальность исследования обусловлена годовщиной окончания Нюрнбергского трибунала. 70 лет назад, осенью 1946 года, в Нюрнберге завершился продлившийся около года Международный военный трибунал, осудивший руководителей нацистской Германии за многочисленные злодеяния против мира и человечности. В настоящей статье предпринимается попытка пролить дополнительный свет на это эпохальное историческое событие, рассмотрев его и ряд сопряженных с ним реалий в литературно-публицистическом контексте, а именно – сквозь призму его восприятия классиком немецкой литературы XX века – Томасом Манном.

Международный Нюрнбергский трибунал, подводящий черту под историей развязанной гитлеровской Германией Второй мировой войны, обретает для Томаса Манна символическое значение. По этой причине представляется необходимым предварить анализ его восприятия концептуальным экскурсом в ряд ключевых для более раннего творчества писателя этапов.

Метафизика войны и смерти, эстетизация архаики, тоталитарное мышление, фашизм, национал-социализм, трагическая вина, ответственность художника – магистральные темы для наследия Манна конца 1920-1940-х гг., разрабатываемые в характерном для его творческого метода философско-психологическом ключе.

И речь здесь далеко не только о художественной прозе – новеллах и романах, но и о публицистических работах Манна, его выступлениях в СМИ, личных письмах. С опорой на эти – в большинстве своем малоизученные отечественной филологией источники – и осуществляется данное

исследование. Центральное место занимает анализ написанной в ноябре 1945 года и не переведенной на русский язык заметки «Zu den Nürnberger Prozessen».

Указанная цель работы достигается с опорой на биографический, историко-культурный и сравнительный **методы исследования** и предполагает решение **следующих задач:** выявить закономерности творческой рецепции военно-политической проблематики в творчестве Т. Манна; ввести в научный оборот заметку «К Нюрнбергским процессам»; изучить ее взаимосвязь с философско-антропологическими воззрениями писателя 1930-х – 1940-х гг.; оценить сформулированные Т. Манном политические и философские выводы с позиций эстетической концепции М.М. Бахтина.

Теоретической базой выступают работы Э. Шиллинга [14], Х. Оберройтера [13], И.А. Эбанонидзе [6], М. Гёртемакера [8], И. Феста [7], посвященные политическому измерению творческой биографии Т. Манна.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования ее результатов в вузовских курсах гуманитарных профилей, а также в научных исследовательских проектах, посвященных творческой рецепции трагических событий немецкой истории XX века.

Основная часть

Первая коллизия рассматриваемого нами сюжета относится к концу 1910-х – началу 1920-х гг. – времени кардинальной трансформации политических воззрений Томаса Манна.

Еще в конце 1910-х писатель склонен причислять себя к приверженцам так называемой консервативной революции, о чем, среди прочего, свидетельствует опубликованный в 1918 году фунда-

ментальный эссеистический труд «Размышления аполитичного». Такие понятия, как «демократия», «цивилизация» и «политика» представляются автору губительными для немецкого духа, для истинно немецких «культуры» и «искусства» – одним словом, для особого немецкого пути, которому всячески пытается противостоять коллективный Запад во главе с Францией.

В октябре 1922 г. на торжестве, посвященном 60-летию Г. Гауптмана, Манн в своей речи, к удивлению, многих, выступает с призывом поддержать Веймарскую республику, отныне именно в ней он видит подлинную хранительницу немецкой гуманности (“Von deutscher Republik”).

Не вызывает сомнений тревога, с которой писатель наблюдал за стремительным развитием ультраправых террористических группировок, вдохновленных – среди прочего – его «Размышлениями аполитичного». Точкой невозврата, очевидно, явилось убийство Вальтера Ратенау, главы внешнеполитического немецкого ведомства, организованное 24 июня того же года праворадикальным движением «Консул».

С историей эволюции политических воззрений Манна непосредственно связан роман «Волшебная гора» (1924), одним из ключевых героев которого становится иезуит Нафта. Его имморализм, нигилистический пафос, пропагандируемый им культ архаики и иррационализма позволяют говорить о нем как о своего рода предвестнике тоталитарной, национал-социалистической идеологии.

Недавний исторический труд Х. Хёне концептуально подтверждает правомерность осмысления Манном духа и сущности тоталитаризма посредством иезуитской «темы». Ведь принцип организации ордена Иезуитов послужил своего рода прообразом для военизированных отрядов СС, а руководителя этих «отрядов охраны» (“Schutzstaffeln”) Генриха Гиммлера фюрер имел обыкновение называть «своим Игнатием Лойолой» [9, с. 125-150].

Отметим еще одну деталь этого многоуровневого провидческого романа, изображенную в главе «Избыток благозвучий». Акцентированная зачарованность протагониста Ганса Касторпа «волшебством» «Липы» Шуберга отсылает к теме трагических последствий «наивной» (по терминологии Ф. Шиллера) рецепции романтизма в историческом развитии Германии первой половины XX в. Не случайно речь в этой главе заходит и о возможности «придать этой песне исполинские размеры и покорить ею весь мир», а также о том, что «можно было бы создать на ее основе целые царства» (в оригинале “Reiche” – империи) [3, с. 440].

В статье «Русская антология» (1921) Т. Манн со ссылкой на Гоголя, заключает: мистический

смысл русского комизма состоит в том, чтобы «выставить черта шутком». В сущности, именно эта мировоззренческая модель, предполагающая долгосрочное преодоление деструктивного влияния некоего искусителя посредством краткосрочного «вживания» (Einfühlung) в его ценности и последующего нравственного дистанцирования от них [2], во многом обуславливает его понимание «святости» и «глубины» русской литературы, упоминаемых еще в ранней новелле «Тонио Крёгер» (1903). Именно этот художественный принцип лежит в основе взаимоотношений Ганса Касторпа и Нафты. Именно к этому художественному принципу Манн будет неоднократно возвращаться как в художественном творчестве, так и в общественной жизни, рассматривая его то и дело под новым углом зрения.

В новелле «Марио и Волшебник» (1929) Манн фокусирует внимание на фигуре бродячего итальянского артиста Чиполлы и механизмах его психологического (в сущности, гипнотического) воздействия на публику, стремительно превращающуюся в безмолвную и безвольную массу. Подобные механизмы абсолютного подчинения и индивидуализации лежат, согласно Т. Манну, в основе как итальянского фашизма, так и немецкого национал-социализма. В статье «Братец Гитлер» (1938) Т. Манн подчеркивает, что в феномене фюрера, этого «постыдного брата», мы «встречаемся с одной из форм проявления артистичности». И далее он пишет о «низкосортном, но зато действующем на массы красноречии, этом специально приспособленным для истерики и всяческого комедианства инструменте» [2, с. 291-292].

Личный и творческий интерес Манна к современным ему открытиям З. Фрейда и К.Г. Юнга, провозгласившим, что человек – не хозяин даже в собственном «Я», также косвенно обусловлены активизацией национал-социалистических идеологем. Ведь в глубинной психологии Манн видит своего рода инструмент рационализации бессознательного – прежде всего мифа, что в перспективе сулит возможность «вырвать миф из рук фашизма», гуманизировать его. Вершина этого процесса – тетралогия «Иосиф и его братья» (1933-1943).

В отечественной и зарубежной науке неоднократно отмечалось, что наиболее глубокий в философско-психологическом и историко-культурном смыслах анализ предпосылок национал-социализма изображен в романе «Доктор Фаустус» (1947). История трагической судьбы гениального композитора Адриана Леверкюна, вплетенная в еще более трагическую судьбу его родины, проливает свет на целый комплекс смежных тем, таких как: экзистенциальная вина и расплата,

ответственность художника, демоническая природа гения.

Возвращаясь к теме политических воззрений Томаса Манна, следует отметить следующее обстоятельство. Ретроспективно обозревая свой творческий и жизненный путь, Т. Манн неоднократно заявлял, что не считает себя подлинным приверженцем демократии: роль ее «странствующего проповедника» [4, с. 315] вынужденно принята им перед лицом фашизма. «Я человек равновесия, – делает важное признание писатель. – Я инстинктивно склоняюсь влево, когда лодка дает крен вправо, – и наоборот...» [4, с. 63].

Психологическую природу консерватизма писателя остроумно подметил И. Фест: «В общественно-политических заявлениях, обращаясь к публике непосредственно, Томас Манн выступал как единомышленник <...> Сеттембрини, а в глубине души <...> питал смутную симпатию к Нафте» [7, с. 88].

Об особой форме консерватизма Манна свидетельствует и более чем трехлетний отказ публично выступить против Третьего рейха, основной причиной которого, по мнению его биографов, стало нежелание терять немецких читателей. Ведь вплоть до середины 1936 г. книги Манна издавались в Германии, и вследствие этого он, вероятно, не терял надежды найти с новой властью общий язык. Несмотря на приказ о заочном аресте писателя, изданный в 1933 г. баварской политической полицией, власти старались не применять к нобелевскому лауреату 1929 г. жестких санкций. Министр пропаганды Й. Геббельс до последнего надеялся сподвигнуть Манна к возвращению на родину: авторитет писателя возвысил бы образ новой Германии в глазах международного сообщества. Лишь в 1936 г., после трехлетней паузы, выдержанной Т. Манном, в “*Neue Zürcher Zeitung*” выходит статья, обличающая преступный нацистский режим.

Именуя себя в упомянутом выше письме «проповедником демократии», Манн имеет в виду прежде всего серию организованных BBC радиобращений к жителям Германии под названием «Немецкие слушатели!» (“*Deutsche Hörer!*”), транслировавшихся с марта 1941 по май 1945 г. «Предупредить вас, немцы, означает укрепить вас в ваших собственных мрачных предчувствиях» [10, с. 997], – так начинается Т. Манн одно из первых свои выступлений.

В 1945 г., анализируя в статье «Германия и немцы» (“*Deutschland und die Deutschen*”) причины и результаты постигшей страну катастрофы, Манн приходит к выводу, идущему вразрез с позицией большинства эмигрантских групп (во главе с Бертольдом Брехтом) и довольно болезненно воспри-

нятому внутри Германии. Писатель выступает за принцип коллективной (т.е. опять-таки «равновесной») ответственности (*deutsche Kollektivschuld*): вину за развязывание кровопролитной войны должна нести не только нацистская политическая элита, но и весь немецкий народ, так или иначе поддержавший преступный режим.

Именно поэтому Манн призывает не делить Германию на «добрую» и «злую»; «злая» Германия – лишь трагически сбившаяся с пути «добрая» [11]. Напомним, что Брехт в отличие от Манна утверждал, что у *темных сил непременно есть конкретное имя, адрес и лицо*, являясь, таким образом, сторонником индивидуальной, а не коллективной вины.

Заметка «К Нюрнбергским процессам», фиксирующая своего рода промежуточные итоги рецепции Манном «немецкой катастрофы», написана 24 ноября 1945 года, спустя всего несколько дней после начала трибунала. Возникший по инициативе United Press текст был опубликован 29 ноября в газете “*Daily News*” в Лос-Анджелесе – в переработанном и сокращенном виде, представленным в качестве блиц-интервью. (Как известно, с 1938 года Манн проживает в эмиграции в США, с 1944 года – является американским гражданином).

На немецком языке текст впервые был издан в 1986 году в рамках издания дневников 1944-1946 гг.; в настоящее время – эта трехстраничная заметка издается во второй части 19-го тома Большого франкфуртского собрания сочинений («Эссе 1945-1950») [12].

Лейтмотив этого текста – амбивалентность впечатлений от происходящего, характерная для склонного к аналитическому взгляду на вещи Манна.

В первой части заметки он останавливается на очевидной логической уязвимости процесса. С одной стороны, поскольку сами обвинители – далеко не безгрешны (Мюнхенский сговор 1938 года, пакт Молотова-Риббентропа 1939 года, британско-американские ковровые бомбардировки Гамбурга июля-августа 1943 года и Дрездена февраля 1945 года, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки августа 1945 года).

С другой стороны, поскольку часть выдвинутых в адрес нацистов обвинений (например, «преступление против мира» – “*Verschöpfung gegen den Frieden*”), очевидно, сопряжены с известным нарушением принципа обратной силы закона, поскольку подобные категории отсутствовали в донюрнбергском судопроизводстве.

В одном из абзацев Манн констатирует ощущение совпадения ролей прокурора и судьи, в силу чего процесс интуитивно воспринимается им

скорее актом демонстрации власти, нежели актом правосудия.

В одном из следующих абзацев – писатель готов согласиться с точкой зрения, согласно которой искупления вины в свете драматических реалий середины XX века должны требовать не прокуроры держав-победительниц, а сама цивилизация, сам «гений человечества» [12, с. 122].

В конечном счете Манн – все же на стороне процесса. Он отказывается считать его критику состоятельной, поскольку смотрит на него не как на узко юридический случай, а как на фундаментальное цивилизационное событие – «глобальную политико-моральную демонстрацию с далекоидущими педагогическими намерениями» (“eine politisch-moralische Demonstration mit weittragenden pädagogischen Absichten”), как на «пролог новой реальности», грядущего гуманистического, объединенного мира, где императив духа долгожданным образом совпадет с эмпирией повседневности [12, с. 121].

Таким образом, природа Нюрнбергского процесса осмысливается Манном в тех же терминах, что и сущность «нового гуманизма», важнейшей для зрелого и позднего этапов творчества писателя философско-антропологической концепции. Новый гуманизм – гуманизм углубленный и деятельный, лишенный наивной просветительской риторики, принявший, познавший и преодолевший теневую (К.Г. Юнг) сторону человеческого «Я», а значит – способный отвечать вызовам драматически изменившейся реальности.

В заключении заметки Манн вновь прибегает к излюбленному приему – делает замечание, лишаящее магистральное высказывание одноакцентности и, тем самым, проблематизирующее тему. Он пишет, что если процесс установления нового гуманистического миропорядка затянется или вовсе не будет доведен до конца, то Нюрнбергский трибунал все-таки *придется* считать лицемерием и правовой комедией [12, с. 123]. «Прямое, безоговорочное, непреломленное слово» [1, с. 235] отвергается художественно-публицистическим миром писателя как неадекватное его полифоническому содержанию, которое только и может обнаружить адекватный подход к обострившейся к середине XX века «проблеме человека». Таким образом, амбивалентность и полифонизм оказываются в числе принципиальных характеристик «нового гуманизма».

Заключение

Подводя итоги исследования, стоит сделать четыре **вывода**. **Во-первых**, политическая проблематика преломляется в прозе Т. Манна, прежде всего, посредством художественного осмысления метафизики войны, природы тоталитаризма и со-

пряженного с ними чувства ответственности. При этом характер базовой общественно-политической ориентации художника с течением времени эволюционирует от крайних форм правого консерватизма к идее социал-демократической республики. **Во-вторых**, обращает на себя внимание амбивалентное восприятие подводных промежуточных итогов «немецкой катастрофы» Нюрнбергского трибунала: речь о нем идет одновременно и как об эпохальной педагогической акции, и как о правовой комедии. **В-третьих**, Манн допускает аналогии между духом и сущностью Нюрнбергского процесса и природой «нового гуманизма», важнейшей для своего зрелого творчества философско-антропологической концепции, которая, тем самым, обретает более четкие контуры и более конкретное историческое наполнение. Наконец, **в-четвертых**, сама возможность гуманистического решения «проблемы человека» осмысливается Манном сквозь призму понятий амбивалентности и полифонизма.

Перспективы дальнейшей научной разработки темы видятся автору статьи в ответе на вопрос – воплотился ли манновский идеал нового гуманизма? Данный ответ заслуживает отдельного историко-литературного исследования.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
2. Манн Т. Братец Гитлер // Томас Манн. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе. М.: Культурная революция, 2009. С. 289 – 294.
3. Манн Т. Волшебная гора (главы шестая-седьмая) // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 4. 541 с.
4. Манн Т. Письма. М.: Наука, 1975. 464 с.
5. Манн Т. Русская антология // Томас Манн. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе. М.: Культурная революция, 2009. С. 69 – 80.
6. Эбаноидзе И.А. Томас Манн // История литературы Германии XX века. Т. I, Кн. II. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 17 – 55.
7. Fest J. Betrachtung über einen Unpolitischen: Thomas Mann und die Politik // Merkur. 1981. № 8 (399). P. 83 – 90.
8. Görtemaker M. Thomas Mann und die Politik. Frankfurt am Main: Fischer, 2005. 284 p.
9. Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. München: Bassermann, 2008. 600 p.
10. Mann Th. Deutsche Hörer! // Mann Th. Gesammelte Werke in 13 Bänden. Frankfurt am Main: Fischer, 1990. Band 11. P. 986 – 1124.

11. Mann Th. Deutschland und die Deutschen // Mann Th. Gesammelte Werke in 13 Bänden. Frankfurt am Main: Fischer, 1990. Band 11. P. 1126 – 1148.

12. Mann Th. Zu den Nürnberger Prozessen // Mann Th. Gesammelte Werke in 38 Bänden. Band 19.1: Essays VI (1945-1950). Frankfurt am Main: Fischer, 2009. P. 121 – 123.

13. Oberreuter H. (Hg.) Praeceptor Germaniae: Thomas Mann und die politische Kultur der Deutschen. Baden-Baden: Nomos, 2019. 204 p.

14. Schilling E. (Hg.) Thomas Manns "Betrachtungen eines Unpolitischen" nach 100 Jahren: neue Perspektiven und Kontexte. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2020. 217 p.

References

1. Bahtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo. M.: Sovetskaya Rossiya, 1979. 320 s.

2. Mann T. Bratec Gitler. Tomas Mann. Aristokratiya duha. Sbornik ocherkov, statej i esse. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2009. S. 289 – 294.

3. Mann T. Volshebnyaya gora (glavy shestaya-sed'maya). Mann T. Sobranie sochinenij: v 10 t. M.: Goslitizdat, 1959. T. 4. 541 s.

4. Mann T. Pis'ma. M.: Nauka, 1975. 464 s.

5. Mann T. Russkaya antologiya. Tomas Mann. Aristokratiya duha. Sbornik ocherkov, statej i esse. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2009. S. 69 – 80.

6. Ebanoidze I.A. Tomas Mann. Istoriya literatury Germanii XX veka. T. I, Kn. II. M.: IMLI RAN, 2018. S. 17 – 55.

7. Fest J. Betrachtung über einen Unpolitischen: Thomas Mann und die Politik. Merkur. 1981. № 8 (399). P. 83 – 90.

8. Görtemaker M. Thomas Mann und die Politik. Frankfurt am Main: Fischer, 2005. 284 p.

9. Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. München: Bassermann, 2008. 600 p.

10. Mann Th. Deutsche Hörer! Mann Th. Gesammelte Werke in 13 Bänden. Frankfurt am Main: Fischer, 1990. Band 11. P. 986 – 1124.

11. Mann Th. Deutschland und die Deutschen. Mann Th. Gesammelte Werke in 13 Bänden. Frankfurt am Main: Fischer, 1990. Band 11. P. 1126 – 1148.

12. Mann Th. Zu den Nürnberger Prozessen. Mann Th. Gesammelte Werke in 38 Bänden. Band 19.1: Essays VI (1945-1950). Frankfurt am Main: Fischer, 2009. P. 121 – 123.

13. Oberreuter H. (Hg.) Praeceptor Germaniae: Thomas Mann und die politische Kultur der Deutschen. Baden-Baden: Nomos, 2019. 204 p.

14. Schilling E. (Hg.) Thomas Manns "Betrachtungen eines Unpolitischen" nach 100 Jahren: neue Perspektiven und Kontexte. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2020. 217 p.

THOMAS MANN AND THE NUREMBERG TRIAL

*Belyakov D.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Moscow State Linguistic University*

Abstract: the article is devoted to the reception by Thomas Mann of the International Nuremberg Trial. The purpose of the study is to identify and conceptually generalize the features of the genesis and evolution of the perception of the Nuremberg events in the context of the life and work of a German writer based on biographical, historical, cultural and comparative methods. The relevance of the study is due to the 70th anniversary of the end of the Nuremberg Trial. The scientific novelty is substantiated by the fact that the study includes, among other things, an analysis of Mann's note "Zu den Nürnberger Prozessen" ("To the Nuremberg Trials"), which has not been sufficiently studied by Russian literary criticism and has not been translated into Russian. The problem considered in this text has not received a comprehensive understanding in foreign literary criticism either. The novelty of the proposed approach is also due to the analysis of the conceptual conclusions formulated by Th. Mann in the light of the ideas of M. Bakhtin. As a result, the author of the article comes to the conclusion about the writer's ambivalent perception of the events of the autumn of 1945, as well as the interdependence of the model of their perception and the concept "new humanism" that was fundamental for Mann's later work.

Keywords: Thomas Mann, Nuremberg Trials, World War II, National Socialism, New Humanism, Ambivalence

МОТИВ ПОКАЯНИЯ В ДРАМЕ ТУФАНА МИННУЛЛИНА «МУЛЛА»

*Шарипова А.С., кандидат филологических наук,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Аннотация: целью настоящей статьи является анализ мотива покаяния в драме Туфана Миннуллина «Мулла» (2006). Для достижения вышеуказанной цели поставлены следующие задачи: 1) выявить особенности проявления мотива покаяния в драме Туфана Миннуллина «Мулла»; 2) раскрыть роль мотива покаяния в идейно-эстетическом содержании произведения; 3) на основе проведенного анализа драмы определить художественные и социальные задачи, поставленные автором. **Полученные результаты** показывают, что мотив покаяния, являющийся центральным в произведении, раскрывается в отношении социально-политических событий недалекого прошлого, поломанных этими событиями судеб героев, трансформирующихся в судьбу народа. Основная идея драмы заключается в том, что отказ от многовековых ценностей ради идеологических целей приводит к хаосу как в человеческом сознании, так и в обществе в целом. Создание сложных национальных характеров, раскрытие личных и этнических ценностных ориентиров позволили автору сформировать новый философский взгляд на современное состояние общества. Рассмотрение религиозного кода в качестве одной из основ выражения национальной идентичности обеспечивает оценку будущего, перспектив этнического сообщества в положительном ключе.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования материалов в фундаментальных трудах по истории татарской литературы, на курсах по татарской драматургии в вузах, а также при составлении учебников и методических пособий по данной теме.

Ключевые слова: татарская драматургия, Туфан Миннуллин, мотив покаяния, религиозная тематика, сюжет, проблема, идея, герой

«Современная драматургия представляет очень сложный, многоаспектный художественный мир, главное в котором – преодоление шаблонов, стандартов, выработанных за многие годы «нормативной эстетики» социалистического реализма и идеологией застойного времени» [2, с. 4]. Возвращение религиозной тематики в татарскую драматургию в философском ключе, сквозь призму мотива покаяния, стало одним из самых важных особенностей литературы постсоветского периода.

По мнению К. Султанова, «в современной кризисной ситуации, в образовавшемся после краха воинствующего атеизма мировоззренческом вакууме, необычайно обострилась духовная тревога, поиск точки опоры, новых стабильных ценностных ориентаций. (...) Специфика культурно-исторического творчества требует, безусловно, внимания к религии как одной из ценностных форм сознания» [6, с. 73]. Из этих позиций особенно актуальна драма татарского драматурга Туфана Миннуллина «Мулла» (2006), в которой религия рассматривается как одна из основ национальной идентичности и основным мотивом является мотив покаяния. Пьеса, удостоенная специальной премии в конкурсе «Новая татарская пьеса», была неоднократно поставлена в театрах Республики Татарстан и Республики Башкортостан и вызвала большой интерес у читателей и зрителей.

Как было отмечено А. Закирзяновом, в драме, основанной на универсальном мифологическом сюжете, связанной с изображением жизни пророка

Мухаммада, а также на национальных мотивах обретения героем своей личности через трудности и испытания, проблема возрождения татарской деревни, восстановления национального образа жизни рассматривается в неразрывной связи с опорой на религиозные устои [4, с. 151-152]. Сюжет пьесы построен на изображении борьбы молодого муллы Асфандияра с явлениями бездуховности и агрессии, распространенными в татарской деревне постперестроечного периода. Главный герой – двадцатидвухлетний Асфандияр, выросший в городе без родителей и прошедший через колонию для несовершеннолетних, окончив медресе, встает на религиозный путь и приглашению бизнесмена Самата приезжает в деревню для службы муллой. В отличие от произведений классической татарской литературы, в этой пьесе Асфандияр не представляется собирательным образом типичных мулл, он обычный молодой парень, к своим двадцати двум годам прошедший уже через многое. Его переезд в деревню понимается как решение, принятое даже от некоей безысходности.

Изображая события, происходящие в деревне, которые становятся настоящим испытанием на прочность веры и убеждений Асфандияра, автор от действия к действию начинает тонко и глубоко раскрывать характер главного героя. «Опираясь на мифологему пророка Мухаммада как образца совершенства, в качестве главных элементов содержания автор выбирает такие его черты, как терпеливость и целеустремленность, и проводит испытание главного героя Асфандияра сквозь

призму этих качеств» [4, с. 152]. Пережив моменты растерянности, сомнения в правильности своих действий, принятых решений, иногда и отчаявшись перед трудностями, молодой хазрат в конце произведения обретает уверенность в себе, силы и надежду на возрождение татарской деревни. Эта мысль подтверждается звучащей в финале пьесы на всю деревню молитвой (азаном) из минарета мечети, пронизывающей светом, верой на будущее татарской нации. Возглашение азана юным мальчиком Ильдаром, учеником Асфандияра, приехавшим так же, как и он – из города, символизирует возможность возвращения к национальному образу жизни татарского народа, и одним из главных условий этого показывается опора на религиозные устои. И сам Асфандияр, проводя параллель между жизнью в современном обществе, где торжествует разврат, преступность, алкоголизм, и пребыванием в колонии, убежден, что человека в любой ситуации может спасти только искренняя вера в наивысшую инстанцию – в Бога:

Ә с ф ә н д и я р. ... Беләсеңме, бердәнберем, мин беркемгә дә, бер нәрсәгә дә ышанмый идем. Ләкин минем ышанасым килә иде. Безгә бер бабай килеп йөри башлады. Сөйлә бу татар балаларын жыеп. Тыңдыйбыз инде. Тыңларга кушалар чөнки.

Н а л и м ә. Мәктәптәме?

Ә с ф ә н д и я р. Әйе, «мәктәптә»... Тимерчыбыклы мәктәптә. Тагын килә бу. Кешене өмет яшәтә, ди, ышану яшәтә, ди. Нинди өмет, кемгә ышану? Шунда инде бу әйтә, шундый бөек көч бар, ди. Мөселманнар аны «Аллаһы Тәгалә, Ходай» дип атыйлар, ди. Әллә кайчангы бабаларыбыз «Тәңре» дип әйткәннәр, руслар «Бог» дип әйтәләр, ди. Жирдә бүтән ышанычың калмаса, шуңа ышанырга кирәк, ди. Ул сине саклый, ди. Гәм, чыннан да, ул мине саклап калды. Югыйсә, мин синең яныңда утырып тора алмаган булыр идем. Мин дә теге бабай кебек кемнәрнедер саклап каласым килә. Ышанмыйча моны эшләп булмый» [5, с. 209].

А с ф а н д и я р. ... Знаешь, единственная моя, я никому, ни во что не верил. Но мне хотелось верить. К нам стал приходиться один старик. Собирает татарских детей и рассказывает. Мы слушаем. Потому что велят слушать.

Н а л и м а. В школе?

А с ф а н д и я р. Да, «в школе»... В школе с железными проволками. Он снова приходит. Говорит, что человеку помогают жить надежда, вера. Какая надежда, в кого верить? Затем он говорит, что есть такая великая сила. Мусульмане ее называют «Всевышний, Бог». Наши древние предки называли «Тэнгре», а русские называют «Бог». Говорит, что, если у вас

на земле не останется никакой надежды, вы должны верить в нее. Говорит, что она защищает тебя. И, действительно, она меня сохранила. Иначе я не смог бы сидеть рядом с тобой. Я тоже, как тот дедушка, хочу спасти других. Без веры этого сделать невозможно» (Здесь и далее перевод автора статьи. – А.Ш.).

Через мотив покаяния, мотив обретения своей личности через трудности и испытания автором проводится мысль о том, что отказ от многовековых ценностей ради идеологических целей приводит к хаосу как в человеческом сознании, так и в обществе в целом. Изображенное в пьесе состояние татарской деревни, в которой нашли место многие острые социальные проблемы эпохи: безнравственность, алкоголизм, проституция, воровство, суициды и др. – воспринимаются как последствия продолжительного атеистического периода общественного развития. Разрушение советской идеологии, отказ от многолетних единых установок и рамок, потеря идеалов, неожиданная демократия привели к тому, что привыкшее жить под жестким контролем общество оказалось не готовым к самостоятельной жизни, и это привело к полному хаосу. Драма, изображающая кризисное состояние переломного периода и «раскрывающая тему духовного обнищания нации» [7, с. 321], которая всегда опиралась на такие ценности, как чистота помыслов, великодушие, честность, характеризуется, в первую очередь, идейным конфликтом, проходящим через нравственные, философские и идеологические контексты.

Идеологический контекст в пьесе наиболее глубоко раскрывается через образ Валиахмета, внука некогда сосланного в Сибирь деревенского муллы, вернувшегося с целью отомстить за свой род. Противоречивость характера, его внутренние коллизии психологически тонко изображены в пьесе. Давняя обида на односельчан, передающаяся из поколения в поколение, ненависть к государственной системе в целом сделали его характер жестоким:

«В ә л и ә х м ә т (кычкырып). Юк! Юк ул миндә жан. Жансыз бәндә мин. Жансыз жан иясе. Жан дигән нәрсә күптән инде адәм балаларын ташлап качты. Кешеләр Газраилнең килгәннен көтмичә үк жан бирәләр, Жаннарын саталар» [5, с. 195] / «В ә л и а х м е т (кричит). Нет! Нет у меня души. Бездушный человек я. Бездушное существо. Так называемая душа уже давно покинула людей. Люди отдают свои жизни, даже не дожидаясь прихода Газраиля. Продают свои жизни». Вместе с тем, несмотря на жестокость, внешнюю грубость, он в душе глубоко несчастен и одинок, месть и обида ему не приносят удовлетворения,

поэтому он, как и главный герой Асфандияр, ищет опору в религии («*Мин аны* (Коръанне / Корана – пояснение автора статьи – А.Ш.) *урыс телендә укып кына өйрәндем. Тәрҗемәләр алар барысы да. «Ясин»ны гына Коръан телендә беләм*» [5, с. 212] / «*Я изучал его только на русском языке. Переводы они все. Знаю только «Ясина» на языке Корана*») и в финальном действии, приходит к Асфандияру, глубоко покаявшись в своих действиях, заявляет о готовности к возвращению к подлинно народному образу жизни («*иманга кайту*») и просит молодого муллу остаться в деревне. Таким образом, изображение жестокой реальности 1990-х годов на примере судеб Валиахмета, внука изгнанного из деревни хазрата, безвольного пьяницы Бадретдина, предпринимателя Самата, внуков людей, срезавших минарет деревенской мечети, указывает трагичность последствий проведенной в стране политики.

«Портрет социального явления – целого поколения молодых, сильных, голодных до жизни людей, выросших в условиях дикого капитализма и не имеющих нравственных ограничений» [8, с. 322], в пьесе передается через образ прошедшего тюремный срок Эльбруса. Несмотря на то, что Асфандияр и Эльбрус являются ровесниками, даже имеют схожие судьбы, у них совершенно разные взгляды на жизнь. Таким образом, наряду с социальным контекстом появляется и философский контекст, выраженный в противопоставлении двух жизненных позиций. Автором создается два абсолютно разных характера, две противоположные модели поведения и акцентируется мысль о том, что путь к очищению, совершенствованию находится в руках самих людей. Наличие мотива истинного покаяния путем раскаяния в совершенном грехе и обращения к Всевышнему с просьбой о прощении и быть прощенным, свойственного религии, приводит к тому, что в отличие от русской драматургии постперестроечного периода, по мнению М. Громовой, характеризующейся «потоком беспросветной «чернухи», «шоковой терапии» [1, с. 94], пьеса Т. Миннуллина вселяет надежду на возрождение национальных традиций и будущее татарского народа в целом.

В данном произведении актуализация религиозного кода рассматривается в качестве одной из основ выражения национальной идентичности, в результате чего характер нового национального героя татарской постсоветской драматургии начинает дополняться такими качествами, как религиозность, благочестивость, которые были свойственны героям классической татарской литературы начала XX века. «Если типичность действующих персонажей была одним

из основных принципов социалистического реализма, то «нестандартные», нетипичные герои, и центрирование вокруг них новой концепции личности становятся главной отличительной особенностью и причиной трансформации реализма в татарской литературе данного периода» [3, с. 76], что подтверждается появлением таких образов, как Асфандияр. Национальный герой начинает идентифицироваться обыкновенному человеку со своим противоречивым внутренним миром, душевными переживаниями, философским взглядом на жизнь и уникальностью.

Таким образом, изучив особенности проявления мотива покаяния в драме Туфана Миннуллина «Мулла», можно прийти к следующим выводам. Развитие национального самосознания, изменение ценностных ориентиров и общественных идеалов в постсоветском обществе становятся предпосылкой для выдвижения на передний план татарской драматургии тем о судьбе нации, о ее нынешнем состоянии и будущем, о предназначении отдельного человека в обществе и жизни нации. Растабуирование религиозной тематики, этноцентризм приводят к переосмыслению произошедших событий, оценки и подведения итогов через призму национальных и общечеловеческих ценностей.

Полное отчуждение советской идеологией татар от ислама, который является неотъемлемой основой национального самосознания, перестраивается в постсоветской драматургии в переосмысление произошедших в стране историко-политических событий с позиций разрушения национальной идентичности народов. Показ сложных процессов возвращения религии, неготовности общества к подобным переменам, ситуаций с целыми поколениями, воспитанными в атеистическом ключе позволяла рассматривать религию как единственную нить, связующую духовность с традициями народа, с вековыми нравственными законами, с общечеловеческими ценностями. Мотив покаяния, сопровождающий религиозную тематику, на наш взгляд, в какой-то мере освобождала татарскую драматургию от чернухи, безысходности, вселяя надежду на возрождение.

Литература

1. Громова М.И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 368 с.
2. Громова М.И. Русская современная драматургия [Электронный ресурс]: учебное пособие для студентов-филологов, учащихся средних учебных заведений гуманитарного профиля. 4-е изд.. М.: Флинта, 2013. 160 с. URL: https://thelibrary.ru/books/m_i_gromova/russkaya_sovremennaya_dramaturgiya_uchebnoe_posobie-read.html (дата обращения: 23.11.2021)
3. Загидуллина Д.Ф. Современная татарская проза (1986-2016 гг.): основные тенденции историко-культурного процесса. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 246 с.
4. Закирзянов А.М. Мифопоэтическая основа драмы Т. Миннуллина «Мулла» // Башкирский народный эпос «Урал батыр» и духовное наследие народов мира: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения выдающегося ученого-фольклориста, доктора филологических наук, профессора А.М. Сулейманова (24 мая 2019 года). Ч. 1. Уфа: Изд-во БГПУ, 2019. С. 148 – 152.
5. Миңнуллин Т.А. Пьесалар / [Кереш сүз авт. А. Габәши-Салихова]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 415 б.
6. Султанов К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 196 с.
7. Султанова Р.Р. Сценография татарского театра: основные этапы и закономерности развития (XX-XXI вв.): дис. ... докт. искусствоведения. Москва, 2018. 440 с.
8. Салихова А.Р. Особенности формирования и развития татарского сценического искусства. Казань: ИЯЛИ, 2016. 360 с.

References

1. Gromova M.I. Russkaya dramaturgiya konca XX – nachala XXI veka: ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. M.: Flinta: Nauka, 2006. 368 s.
2. Gromova M.I. Russkaya sovremennaya dramaturgiya [Elektronnyj resurs]: uchebnoe posobie dlya studentov-filologov, uchashchihsya srednih uchebnyh zavedenij gumanitarnogo profilya. 4-e izd.. M.: Flinta, 2013. 160 s. URL: https://thelibrary.ru/books/m_i_gromova/russkaya_sovremennaya_dramaturgiya_uchebnoe_posobie-read.html (data obrashcheniya: 23.11.2021)
3. Zagidullina D.F. Sovremennaya tatarskaya proza (1986-2016 gg.): osnovnye tendencii istoriko-kul'turnogo processa. Kazan': Izd-vo Akademii nauk RT, 2017. 246 s.
4. Zakirzyanov A.M. Mifopoeticheskaya osnova dramy T. Minnullina «Mulla». Bashkirskij narodnyj epos «Ural batyr» i duhovnoe nasledie narodov mira: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya uchenogo-fol'klorista, doktora filologicheskikh nauk, professora A.M. Sulejmanova (24 maya 2019 goda). CH. 1. Ufa: Izd-vo BGPU, 2019. S. 148 – 152.
5. Miñnullin T.A. P'esalar. [Keresh syz avt. A. Gabәshi-Salihova]. Kazan: Tatar. kit. nәshr., 2010. 415 b.
6. Sultanov K. Nacional'noe samosoznanie i cennostnye orientacii literatury. M.: IMLI RAN, «Nasledie», 2001. 196 s.
7. Sultanova R.R. Scenografiya tatarskogo teatra: osnovnye etapy i zakonomernosti razvitiya (XX-XXI vv.): dis. ... dokt. iskusstvovedeniya. Moskva, 2018. 440 s.
8. Salihova A.R. Osobennosti formirovaniya i razvitiya tatarskogo scenicheskogo iskusstva. Kazan': IYALI, 2016. 360 s.

THE MOTIVE OF REPENTANCE IN TUFAN MINNULLIN'S DRAMA «MULLA»

*Sharipova A.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
G. Ibragimov Institute of Language,
Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences*

Abstract: the purpose of this article is to analyze the motive of repentance in Tufan Minnullin's drama «Mulla» (2006). To achieve the above goal, the following tasks are set: 1) to identify the features of the manifestation of the motive of repentance in Tufan Minnullin's drama «Mulla»; 2) to reveal the role of the motive of repentance in the ideological and aesthetic content of the work; 3) on the basis of the analysis of the drama to determine the artistic and social tasks set by the author. The results obtained show that the motive of repentance, which is central in the work, is revealed in relation to the socio-political events of the recent past, the destinies of the heroes broken by these events, transforming into the fate of the Tatar people. The main idea of the drama is that the rejection of centuries-old values for the sake of ideological goals leads to chaos both in human consciousness and in society as a whole. The creation of complex national characters, the disclosure of personal and ethnic value orientations allowed the author to form a new philosophical view of the current state of society. Consideration of the religious code as one of the foundations of the expression of national identity provides an assessment of the future, prospects of the ethnic community in a positive way.

The practical significance of the work is determined by the possibility of using materials in fundamental works on the history of Tatar literature, in courses on Tatar drama at universities, as well as in the compilation of textbooks and methodological manuals on this topic.

Keywords: Tatar drama, Tufan Minnullin, motive of repentance, religious theme, plot, problem, idea, hero

ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

*Сам Н.Д., кандидат филологических наук, доцент,
Тувинский государственный университет*

Аннотация: вероучение Л.Н. Толстого состоит из системы духовных практик самопознания, одна из которых – этическая практика – включает исповедание «правды Христовой» [6, с. 735], выраженной в Нагорной проповеди Христа как духовный кодекс «нравственного оздоровления жизни» [6, с. 735]. Метафизический аспект практики, который зачастую остаётся вне поля зрения исследователей, позволяет трактовать исповедание христианских заповедей, составляющих духовный кодекс, как *путь* к христосознанию и богообщению. Исповедуя заповеди Христа, поступая как «истинный христианин», человек оздоравливает свою душу от нравственных болезней и, благодаря обновлённому сознанию, – христоцентричному сознанию, – выходит в духовные сферы бытия, к осознанию божественной природы своей души [2, с. 406]. Толстой в своих многочисленных статьях, трактатах и в художественных произведениях интерпретировал исповедание заповедей Христа как духовное действие, «возвышающее дух» [4, с. 225]. В данном случае «морализм» Толстого объясняется оздоравливающей, животворящей и преображающей силой христианских заповедей, исполняемых на практике, благодаря чему художественное произведение обретает дидактический характер.

В статье анализируются произведения, в которых Толстой поэтически обосновывает учение Христа как духовную практику по эгопреодолению, обновлению сознания и богообщению – это, прежде всего, его «народные» рассказы. При помощи метода литературоведческого анализа исследуется поэтическое воплощение нравственно-этического учения Толстого.

Практическая значимость и новизна работы заключается в установлении связи между нравственно-этическим учением Толстого и его прозаическим творчеством позднего периода.

Ключевые слова: духовно-этическая практика, духовное действие, метафизика духовной этики, христоцентричное сознание, евангельские заповеди, теоцентрическая антропология, теоцентризм Толстого, духовная проза

«Народные» рассказы Толстого – часть его постпереломной прозы. Они писались в тот период жизни писателя, когда он последовательно и осознанно стал создавать свое учение, основываясь на этике, вычлененной из христианского вероучения.

В результате духовного кризиса, который он переживает в 1880-е годы, Толстой приходит к выводу, что смысл и счастье жизни человека может составить практическое исполнение заповедей Христа. Плодом художественного осмысления этой темы становится целый корпус рассказов, сюжет которых он часто заимствует из народных преданий, проложных чтений. Рассказы эти носят иногда притчевый, иногда сказочный характер: они создавались Толстым именно для народа, были несложны, непритязательны с художественной точки зрения. Отчасти, вероятно, обращение Толстого к таким простым художественным формам в поздний период творчества может быть объяснено исходя из признаний самого писателя. В «Исповеди» он говорит о том, что в какой-то момент осознал, что искусство, ради которого можно было бы жить, есть не что иное, как «зеркальце», через которое он смотрел на жизнь и которое не помогло ему в понимании смысла жизни, поэтому, собственно, художественное отходит на второй план, и Толстой создает своеобразные «инструкции» по применению заповедей Христа в повседневной жизни, не лишённые, однако, некоторой художественной обработки.

Герои этих рассказов – простые люди, чаще всего с нелегкой жизнью, однако практически каждый из них переживает некоторое духовное преображение после того, как на практике начинает следовать тому этическому идеалу, который вывел Толстой из христианства, жизнь его становится лучше. Обратимся к некоторым из этих рассказов.

«Кающийся грешник». Рассказ «Кающийся грешник» – авторский вариант широко распространенных народных легенд о блужданиях души в потустороннем мире (мытарствах, по христианскому вероучению).

Рассказу предшествует эпитафия, отсылающий к Евангелию:

«42. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!»

43. И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» [Лк. 23: 42-43], [3, с. 9].

Ситуация евангельского благоразумного разбойника на кресте проецируется на жизнь обычного человека: покающийся в последний предсмертный миг грешник оказывается перед райскими вратами. Именно покаяние открывает этот путь. Но оказывается, что врата закрыты. Душа же не отчаивается и, воплощая в действия другой евангельский призыв «Стучите, и вам откроют», продолжает стремиться в рай. Когда обличаются все ее грехи, ей отвечают святые – апостол Петр и царь-пророк Давид:

«...Не могут такие грешники жить с нами вместе в раю» [3, с. 80].

Однако человек не останавливается в своем стремлении к Богу, он вновь и вновь стучит во врата и взывает к святым, вспоминая их грехи при жизни и уподобляя себя им, что есть также покаяние, и в то же время исполнение еще одного евангельского призыва – «Царствие Небесное силою берется». В конце концов врата рая открывает человеку апостол Иоанн Богослов, который считается среди учеников наиболее раскрывшим сущность Бога как любви: «*Братья, любите друг друга!*» [3, с. 81]. Любопытно то, в каком порядке отвечают святые кающемуся грешнику. Вначале это апостол Петр, который отрекался от Христа трижды, и ему уподобляет себя грешник, всю жизнь проживший во грехе и, тем самым, отрекавшийся от учения Христа. Затем ему отвечает царь и пророк Давид, который при жизни совершал тяжелые грехи, и человек признает и свои такие же грехи. И, наконец, кающийся взывает к Иоанну Богослову, напоминая ему его слова о том, что Бог есть любовь. Так, он проходит путь от отречения к признанию своих грехов (покаянию) и постижению самой главной истины – любви. И тогда райские врата для него открываются.

«**Вражье лепко, а божье крепко**». В основе этого рассказа лежит одна из центральных истин христианства и одна из главных идей толстовского учения – непротивление злу как путь богопознания. Несмотря на то, что рассказ не предваряется евангельскими стихами, в нем все же звучит скрытая цитата:

«39. *А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую*» [Мф. 5: 39].

В рассказе показывается ситуация, в которой на зло, явное, предумышленное следует реакция непротивления. Тем самым Толстой показывает свое буквальное понимание принципа непротивления, его абсолютность. Совершенное зло показывается как содеянное по злой воле дьявола, поработившей человека: раб наносит ущерб любимому и лучшему барану своего хозяина, пытаясь вызвать в нем гнев и преумножить зло в мире. Однако хозяин вместо этого останавливается и поднимает голову к небу, ища правильного ответа, как ему поступить. Имея над собою другого хозяина – Бога, он отказывается от мести и отпускает раба на волю без всякого наказания («*О, Алеб, Алеб! Твой хозяин велел тебе меня рассердить. Да мой хозяин сильнее твоего: и ты не рассердил меня...*» [3, с. 60]). Тем самым он прерывает цепочку зла, прекращает его.

В своем милосердии хозяин уподобляется самому Христу, а непротивление злу насилем ста-

новится этическим идеалом, который повергает главного врага – дьявола. В духе лубочного рассказа он, видя такую развязку, скрежещет зубами и проваливается сквозь землю. На простом и понятном человеку языке Толстой показывает, что хорошо, и что плохо, что агрессия и жестокость покрываются милосердием и любовью. Знаменательно то, что в критический момент, в который человек мог совершить зло еще большее, чем ему причинили, он останавливается и обращается к Богу, и благодаря этому принимает единственно верное решение. В этом можно видеть отражение опыта самого писателя: в своем поиске смысла жизни он остановился на вере и религиозности как единственном спасении от зла и грозившего ему самоубийства.

«**Два брата и золото**». Этот рассказ посвящен пониманию Толстым еще одного евангельского императива:

«24. *Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и мамоне*» [Мф. 6: 24].

Писатель затрагивает тему противоборства в человеке сребролюбия и бескорыстия, которые, по его мнению, несовместимы.

Рассказ этот – о двух братьях, которые воплощают в своих жизнях два пути служения Богу. Оба они живут неподалеку от Иерусалима, трудятся для других людей, отказываясь принимать деньги за работу и питаясь подаванием.

«*Все дни братья проводили на работе. Работали они не свою работу, а работу бедных. Где были утружденные работой, где были больные, сироты и вдовы, туда ходили братья и там работали и уходили, не принимая платы*» [3, с. 28].

На первый взгляд, жизнь обоих братьев праведна и есть служение людям и Богу:

«*Только воскресный день они оставались дома, молились и беседовали. И ангел Господень сходил к ним и благословлял их*» [3, с. 28].

Однажды братья подвергаются сильному искушению деньгами, наткнувшись на золото, лежавшее на дороге. Младший брат Иоанн в ужасе отскакивает и убегает, почитая золото за зло, и выдерживает это искушение, сохраняя идеал нестяжательной праведной жизни.

Старший брат, Афанасий, поддается искушению, рассуждая, что в самом золоте нет ничего плохого, но с его помощью можно было бы сотворить гораздо больше добра. Взяв золото, он делает эти добрые дела, ничего не оставляя лично себе:

«*И когда принёс всё золото, то пошёл к купцам, купил земли в городе, купил камней, лесу, нанял рабочих и стал строить три дома... Один*

дом – приют для вдов и сирот, другой дом – больница для больных и убогих, третий дом – для странников и нищих... И осталось ещё 3000 золотых монет у Афанасия. И отдал он каждому старцу по тысяче, чтобы на руки раздавать бедным...» [3, с. 29].

После всего этого Афанасий встречает ангела, который препятствует ему возвратиться домой к брату, говоря, что недостойн он теперь такой праведной жизни, что золото было дьявольским искушением. Символично, что у Афанасия остаются свободные золотые монеты, которые он назначает раздавать на руки бедным. Вот в этом, видимо, по мнению Толстого, заключается возможность того, что деньги добра не принесут, а принесут зло. Известен эпизод из его биографии, когда он, оказавшись в одном из московских приютов и пожалев его обитателей, опустившихся на дно нищих, хотел одарить их деньгами и стал размышлять, кому же из них отдать их. Спрашивал о том у трактирщика, и у каждого из «претендентов» обнаружился какой-то недостаток – пьянство или еще что-то, чему могли бы способствовать подаренные графом Толстым деньги. В результате, убедившись в том, что его деньги не могут принести никому из обитателей абсолютного добра, Толстой оставляет их у себя и приходит к мысли, что помощь человеку может быть только деятельной, практической.

«И тогда обличила Афанасия совесть его, и познал он, что не для Бога делал дела свои, и он заплакал и стал каяться» [3, с. 30]. Афанасий все-таки преодолевает свой грех и понимает: «не золотом, а только трудом можно служить Богу и людям» [3, с. 30]. Так, в рассказе находит отражение отношение самого Толстого к деньгам как ко злу. Этическим идеалом в данном случае становится нестяжание.

«Чем люди живы». Рассказ предваряется целым рядом евангельских цитат в качестве эпиграфа. Все они посвящены любви к ближнему. Именно этот христианский императив и становится центральным в рассказе. Этим императивом рассказ и «закольцовывается». Если в эпиграфе читаем:

«16. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём» [1Ин. 4: 16],

то в концовке этот императив снова повторяется и утверждается:

«Кто в любви, тот в Боге, и Бог в нём, потому что Бог есть любовь» [3, с. 25].

Любовь в рассказе представляется как путь к Богу, к богопознанию. Путь героя к Богу нелегок и тернист.

Герои рассказа – сапожник Семен и его жена – ведут нищенское существование, имеют одну под-

девку на двоих, чтобы выходить на улицу. В начале рассказа Семен предстает в общем положительным героем: он не гневается на мужиков, которые не отдают ему долги, не пропивает взятые у жены на шубу деньги. Но это не является достаточным для того, чтобы приблизиться к Богу, и на его пути появляется особенный человек, который станет его «проводником» к пониманию более важных вещей.

Сам находясь в тяжелом положении, Семён видит у часовни обнаженного человека, нуждающегося в помощи. Сначала он проходит мимо, однако потом, повинаясь велению совести, вернулся. Это – первый его поступок на пути преобразования. Совершив его, Семен начинает меняться в лучшую сторону сам и в лице незнакомца теперь видит не угрозу:

«То в лице его была смерть, а теперь вдруг стал живой, и в лице его узнал Бога» [3, с. 23].

Также преобразается и Матрена, жена Семёна, поначалу было встретившая мужа и странника, которого он привел домой, неприязненно:

«И вдруг муж её напомнил ей о Боге, и женщина вдруг переменилась. И когда она подала нам ужинать, а сама глядела на меня, я взглянул на неё – и в ней уже не было смерти, она была живая, и я и в ней узнал Бога» [3, с. 24].

Важно, что в лице «преображенного» человека окружающие начинают видеть Бога. Это происходит потому, что их духовное просветление связано с проявлением деятельной любви к ближнему. Семен, буквально исполняя заповедь о последней рубашке, отдает нагому человеку свой последний кафтан, а Матрена выкладывает на стол последнюю еду, которая была в доме. Заповедь любви исполняет и крестьянка Марья, вскормившая и вырастившая чужих детей.

Для большей наглядности Толстой включает в рассказ идеальный, легендарный план повествования. В самые важные минуты, когда герои понимают суть невероятного рассказа странника и постигают смысл любви, происходят чудесные события: странник-ангел просветляется и возносится на небеса через крышу избы. Проявление Бога в лицах, чудесное свечение ангела – формы теофании, богоявления, видеть которые удостаиваются герои, исполнившие заповедь любви и, тем самым, познавшие Бога.

«Где любовь, там и Бог». Темой рассказа также становится любовь в том ее проявлении, которое связано с состраданием к ближнему.

В центре рассказа – мучительный путь от заблуждения к духовной истине сапожника Мартына Авдеича, человека нелегкой судьбы, потерявшего жену и любимого сына, очерстневшего душою и замкнувшегося на своей подвальной жизни.

Отметим, что здесь, как и в предыдущем рассказе, перемена в жизни героя начинается после встречи с особенным человеком – сакральным героем – божьим странником; странник посоветовал Мартыну Авдеичу купить Евангелие и читать, чтобы понять, как Господь заповедал жить для других.

«И с той поры переменилась вся жизнь Авдеича» [3, с. 36].

По мере чтения Мартын все больше проникается и начинает буквально исполнять прочитанное на деле и соизмерять с ним свою жизнь. Готовясь встретить Христа, он воспринимает весть о его приходе прямо, буквально, по-детски чисто. Он приготавливает пищу и свою комнату к приходу гостя.

«...Сам всё поглядывает в окно – Христа ждёт, всё о нём и об его делах думает. И в голове у него всё Христовы речи разные» [3, с. 40].

Так, в рассказе находит отражение концепция Толстого о деятельной любви, о практической вере.

Авдеич практикует деятельную любовь: даст добрый совет, пожалеет, одарит гривенником. Жизнь героя преображается:

«Жизнь стала его тихая и радостная» [3, с. 44-45].

В этой радости Авдеич сам становится «сакральным» героем для других: он напоминает о Боге дворнику Степаньчу:

«Забыл свой чай Степаньч, человек он был старый и мягкослёзный. Сидит, слушает, а по лицу слёзы катятся» [3, с. 40].

Слезы в данном случае – знак некоего очищения, духовного преображения, совершившегося в человеке.

Евангельскими заповедями и притчами он примиряет и направляет на путь любви двух недавних антагонистов: старуху-торговку и мальчика-воришку, который от намерения украсть яблоко переходит к помощи старушке.

Возникает тема учительства: герои рассказа уподобляются раскаявшимся грешниками или даже апостолам Христа (Авдеич). Эта тема была важна для Толстого по двум причинам. Во-первых, он сам в переломный период своей жизни, раскаявшись в грехах, занял позицию учителя нравственности. Во-вторых, именно христианскую нравственность Толстой вычленил из всего Евангелия, поняв её метафизический смысл.

Ожидая Христа, Авдеич принимает и согревает чужих ему людей, проявляя к ним милосердие и любовь. Эта любовь способствует тому, что происходит долгожданная встреча со Христом. И здесь Толстой снова включает ирреальный план: Мартын видит поочередно выступающих из темноты обогретых им людей и слышит голос Христа:

«40. ... Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» [Мф. 25: 40]; [3, с. 44].

«Свечка». Этот рассказ продолжает тему непротivления злу. Рассказ предваряет евангельское:

«38. Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб.»

39. А я говорю вам: не противься злему...» [мф. 5: 38 – 39]; [3, с. 106].

Идея эта закрепляется и в концовке:

«И поняли мужики, что не в грехе, а в добре сила Божия» [3, с. 113].

В рассказе противопоставляются два полюса – насилия, зла и христианского благочестия, добра. Первый связан с образом приказчика Михаила Семеныча, который взяв власть в руки, употребил ее на жестокость и наживу, а не на заботу о своих братьях-мужиках, ведь сам он вышел из крестьян. Надо сказать, что к этому же полюсу тяготеют и сами мужики, замыслившие убийство приказчика, чтобы освободиться от его тяжелой власти.

Другой полюс – полюс христианина, крестьянина Петра Михеева, который «не шел в совет с мужиками» об убийстве приказчика. Здесь Толстой прямо цитирует начало Псалма 1: *«Блажен муж иже не идет на совет нечестивых»* [Пс. 1:1]. В противоположность другим мужикам, держащим «нечестивый» совет, Петр Михеев изображается христиански благочестивым: выйдя в праздник в поле по повелению, он прикрепляет на соху свечку и во время работы поет воскресные стихи. Свечка эта символизирует душу самого героя, которая в тяжелых условиях все же не очерствела и продолжала светиться огнем веры:

« – ...Ты станешь зло изводить, а оно в тебя перейдет. Человека убить не мудро, да кровь к душе липнет. Человека убить – душу себе окровенить. Ты думаешь – худого человека убил, думаешь – худо извёл, ан глядь, ты в себе худо злее того завёл. Покорись беде, и беда покорится» [3, с. 108].

Петр отказывается отвечать злом на зло, не противится злему, а терпит. Его правота снова отмечается Толстым видимым сверхъестественным образом: свеча, которую он зажигает, остается гореть даже на ветру и не гаснет.

Свечка эта – символ богоявления. Вероятно, послушав Петра, мужики не совершают убийства, в чем видится преображающая сила праведника. Похожим образом действует это, хотя и «заочно», на приказчика.

Услышав историю о свечке, интуитивно и приказчик понимает, что Петр Михеев – праведник (*«Дошло теперь и до меня!»* [3, с. 112]) и признает, что был неправ (*«Победил он меня!»* [3, с.

112]). Он готов уже отпустить крестьян с работ, но наступает неожиданная развязка: он погибает страшной смертью, которая наступала в народном христианском сознании только грешников и еретиков:

«И попади он пузом прямо на этот кол. И порол себе брюхо, свалился наземь» [3, с. 113].

Развязка показывает торжество добра над злом: зло само себя изживает, когда ему нет сопротивления:

«И поняли мужики, что не в грехе, а в добре сила Божия» [3, с. 113].

Для мужиков история оказалась поучительной, какой, по мысли Толстого, должна была быть и для читателей.

Вывод

«Народные» рассказы публиковались недорогими брошюрными изданиями в созданном Л.Н. Толстым и В.Г. Чертковым издательстве «Посредник» и распространялись среди народа. В простой, но увлекательной, не лишенной сказочного начала художественной форме, Толстой воплотил свой этический идеал, в центре которого – христианские идеи *ненасилия, милосердия, всепрощения и любви*.

Объектом изображения в «народных» рассказах Толстого являются нравственные болезни человека и христианская праведность, излечивающая их. Толстой объясняет, что источником всех нравственных болезней человека является эгоизм. Эгоизм – это патологическое «влечение к благополучию» [8, с. 383]; это противоестественное состояние корыстного человека, заикленного на собственной персоне. Эгоизм порождает нравственные болезни: *сребролюбие, зложелательство, ненависть, насилие, зависть, тщеславие, сластолюбие, чревоугодие, жадность, гордыню, злорадство, жестокость* и т.п. В противовес этим сквернам герой, исповедующий «правду Христову», сознательно практикует *невредительство, бескорыстие, покаяние, нестяжание, непротивление злу насилием, любовь к ближнему* как духовные действия по оздоровлению, оживлению и одухотворению души.

Таким образом, тема эгопреодоления решается Толстым в парадигме теоцентрического сознания героя «народных» рассказов, что позволяет отнести данный корпус произведений к разряду духовной прозы.

Литература

1. Библия. Минск.: Библейская лига, 2001. 1217 с.
2. Дао: гармония мира. М.:Изд-во Эксмо, Харьков: Изд-во Фолио, 2002. 864 с.
3. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Юбил. изд. М.; Л., 1928-1958. Т. 25, 1937.
4. Толстой Л.Н. Четвероевангелие: Соединение и перевод четырёх Евангелий. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 768 с.
5. Флоровский Г.В. Восточные отцы Церкви. М.: АСТ, 2005. 633 с.
6. Франк С.Л. С нами Бог. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 750 с.
7. Шестов Л.И. На весах Иова. М.:ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2001. 464 с.
8. Шопенгауэр А. Афоризмы и истины: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1999. 736 с.

References

1. Bibliya. Minsk.: Biblejskaya liga, 2001. 1217 s.
2. Dao: garmoniya mira. M.:Izd-vo Eksmo, Har'kov: Izd-vo Folio, 2002. 864 s.
3. Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. Yubil. izd. M.; L., 1928-1958. T. 25, 1937.
4. Tolstoj L.N. CHetveroevangelie: Soedinenie i perevod chetyryoh Evangelij. M.: Izd-vo Eksmo, 2002. 768 s.
5. Florovskij G.V. Vostochnye otcy Cerkvi. M.: AST, 2005. 633 s.
6. Frank S.L. S nami Bog. M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003. 750 s.
7. SHestov L.I. Na vesah Iova. M.:ООО «Izdatel'stvo AST»; Har'kov: «Folio», 2001. 464 s.
8. SHopengauer A. Aforizmy i istiny: Sochineniya. M.: ЗАО Izd-vo EKSMO-Press; Har'kov: Izd-vo Folio, 1999. 736 s.

THE ETHICAL IDEAL IN THE LATE PROSE BY L.N. TOLSTOY

*Sat N.D., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tuva State University*

Abstract: Tolstoy's faith consists of a system of spiritual practices of self-knowledge, one of which - ethical practice – includes the confession of the "truth of Christ" [6, p. 735], expressed in the Sermon on the Mount of Christ as the spiritual code of "moral health of life" [6, p. 735]. The metaphysical aspect of practice, which often remains outside the field of vision of researchers, allows us to interpret the confession of the Christian commandments that make up the spiritual code, as a path to Christ consciousness and communion with God. Confessing the commandments of Christ, acting like a "true Christian", a person heals his soul from moral illnesses and, thanks to a renewed consciousness, a Christ-centered consciousness, goes into the spiritual spheres of being, to the realization of the divine nature of his soul [2, p. 406]. Tolstoy, in his numerous articles, treatises and works of fiction, interpreted the confession of the commandments of Christ as a spiritual action, "raising the spirit" [4, p. 225]. In this case, Tolstoy's "moralism" is explained by the healing, life-giving and transforming power of the Christian commandments, performed in practice, due to which even a work of art acquires didactic character.

The article analyzes the works in which Tolstoy poetically substantiates the teaching of Christ as a spiritual practice for overcoming ego, renewal of consciousness and communion with God – these are, first of all, his "folk" stories. By the method of literary analysis, the poetic embodiment of Tolstoy's moral and ethical teachings is investigated.

The practical actuality and novelty of the work lies in the establishment of a connection between the moral and ethical teachings of Tolstoy and his prose work of the late period.

Keywords: spiritual and ethical practice, spiritual action, metaphysics of spiritual ethics, Christocentric consciousness, the Gospel commandments, theocentric anthropology, Tolstoy's theocentrism, spiritual prose

Н.Н. АСЕЕВ В ЧИСТОПОЛЕ: ФЕНОМЕН НЕПОПУЛЯРНОСТИ

*Бакиров Р.А., кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник, старший преподаватель,
Казанский научный центр Российской Академии наук,
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Бакирова К.С., заместитель директора,
Детская музыкальная школа № 2, г. Казань*

Аннотация: в статье описывается период пребывания писателя Николая Асеева в Чистополе во время эвакуации в ходе Великой Отечественной войны. Приводится краткая характеристика творчества поэта этого периода, а также биографические данные. Описываются и анализируются причины, которые не позволили стать военной поэзии Асеева популярной среди современников и потомков – на уровне особенностей поэтики и биографии. В частности, по мнению исследователей, это могло быть связано с тем, что писатель не стал менять художественный метод, подстраиваясь под изменившуюся актуальную повестку и тематико-образный план. Кроме того, Асеев писал военные стихи находясь в эвакуации и не посещая фронт, что уже ставили ему в упрек некоторые современники. Кроме того, еще до Великой Отечественной войны несколько падает качество поэзии исследуемого автора. Он становится одним из самых плодовитых и массовых писателей 1930-ых годов, реагируя своими стихами на все основные события в жизни государства. Однако параллельно с плодовитостью, возможно, происходит выхолащивание поэзии Асеева. Между тем, сам писатель не считал необходимым уступать по всем вопросам и находился, по собственному признанию, на творческом подъеме во время пребывания в Чистополе.

Ключевые слова: Асеев, Чистополь, поэзия, эвакуация, непопулярность

Николай Николаевич Асеев (1889-1963) современным массовым читателем позабыт. Последний значительный всплеск интереса к его творчеству был связан со 100-летним юбилеем в 1989 году, после чего – неуклонное угасание интереса и почти полное забвение. Книги Асеева практически не переиздаются, его стихи всё реже попадают в подборки и хрестоматии. Если сейчас имя Асеева и мелькает в интернете или публикациях в СМИ, научных и научно-популярных изданиях, то преимущественно в связи с именами Владимира Маяковского, Бориса Пастернака, Марины Цветаевой. Причем в последнем случае – зачастую в негативном ключе.

Статистика – данные по запросам в поисковых интернет-системах – свидетельствует, что лишь в Курской области, на малой родине автора, к нему еще сохраняется интерес (по последним данным, Affinity index (региональная популярность) по запросам с упоминанием поэта в процентном отношении здесь, в среднем, на порядок выше, чем в других российских регионах). Между тем, творчество Асеева чистопольского периода заслуживает отдельного блока исследований.

Если в 1920-ые годы Николай Асеев, как и его друг Владимир Маяковский – один из самых заметных писателей страны, то к 40-ым годам Асеев подходит уже несколько исписавшимся и «будничным». Он пишет стихи на злобу дня, по поводу открытия очередного завода, успехов советских рабочих и т.д. Во многом, как следует и из признания самого Асеева в одной из автобиографий, это было связано со смертью друга, хотя он про-

живет после смерти «соратника» (вспоминаем ка-таевское определение из романа «Алмазный мой венец») еще долгих 33 года, которые назовет лишь «вариантами главного»:

«Неизменная товарищеская заботливость со стороны Владимира Владимировича продолжалась до конца его жизни. Благодаря ему было издано много моих книг. Позже я написал о нем поэму, чтобы хоть отчасти восполнить свой долг перед ним. Без него мне стало труднее. И, несмотря на знаки внимания со стороны товарищей по литературе, я так никогда и не оправился от этой потери. Это невосвратимо и неповторимо.

На этом, собственно, и заканчивается моя автобиография. Все остальное лишь варианты главного» [4, с. 14].

С 1931 года и до своей кончины Асеев жил в «Доме писательского кооператива» в Камергерском переулке в Москве. Отсюда он уедет в эвакуацию в Чистополь, где, не будучи военнообязанным по возрасту, проведет с женой и ее сестрами первые годы войны, сюда вернется.

В военный период Николай Асеев всё же входит именно как писатель актуальный, «газетный поэт» – собственно, и первое его стихотворение о Великой Отечественной появляется в «Правде» уже на следующий день после начала войны. И в этом была своя трагедия писателя, с одной стороны, уже поставившего поэзию на конвейер актуальности, с другой – оторванного от нужд реального читателя на потребу заказчика в лице государства. Во многом поэтому Асееву было не суж-

дено стать частью того поэтического взрыва, охватившего русскую литературу в военный период.

Однако, возможно, характерные особенности военных стихов Асеева, традиционно относимые к недостаткам, были вовсе не следствием угасания вдохновения или упрощения творческих задач во имя мгновенного реагирования на злобу дня, а осознанным следованием определенной и вполне стройной поэтической системе, в рамках которой они вполне эстетически оправданы.

Вскоре после начала войны, в июле, началась эвакуация из Москвы в Чистополь деятелей литературы и культуры, органов правления творческих союзов из Москвы, Ленинграда и других городов. Более двухсот писателей, литературных и театральных критиков, художников, артистов и около 2 тыс. членов их семей переезжали в Чистополь. И только 25 июня 1943 года состоялся массовый отъезд большинства писателей из Чистополя обратно домой на пароходе «Михаил Шолохов».

Среди первых эвакуированных была и супруга Асеева Ксения Михайловна. Она уехала в Чистополь вместе со своими сестрами Верой Гехт, художницей Марией Синяковой-Уречиной и пианисткой Надеждой Михайловой. Асеев остался в Москве и продолжал работать, хотя очень скучал по супруге. Вот он пишет в письме к ней в начале июля, подписываясь «Колядон»: «Милая моя, милая моя, милая моя Кутичка! Каждое утро я просыпаюсь с этими словами. Каждое утро я браню себя, зачем отпустил тебя без себя. Здесь все хорошо, продуктов много, а у тебя там не знаю что; жду телеграммы вот уже пятый день <...>».

Миленьш мой золотой, как я смотрю на все вещи вокруг и как я люблю все, до чего касались твои руки. Я разговариваю с твоим голубым халатиком. Он у меня висит на двери, и я гляжу на него и говорю те слова, которые стоят в начале письма» [5, с. 391-392].

Проходит полтора месяца, и тоска поэта только усиливается, он уже пытается добиться воссоединения с супругой и подключает для этого свои связи. Вскоре Асееву удается добиться отправки в Чистополь, во многом благодаря покровительству влиятельных знакомых [6, с. 31].

В Чистополе Асеевы сначала жили в здании городской школы – их разместили в одном из классов. Но еще до наступления зимы они переехали на Володарского, 69. Сестры Синяковы работали на колхозных полях и в артели по производству игрушек, а Асеев продолжал писать, притом весьма активно. Позже в письме ученикам школы №1 Чистополя он рассказывал о своей работе в условиях тесноты и холода:

«Не в вашей ли школе я жил одно время в физическом кабинете с рядами пробирок и препара-

тов? Я писал там, уходя в дальний класс, свою поэму «Пламя победы» <...>».

В памяти моей прочно остался Чистополь, с его плодородной почвой, замечательной водой, свежим чистым ветром. В особенности он мне вспоминается зимой: с широкими улицами, обстроеными одноэтажными домиками, над крышами которых нависли белые снеговые наметы, сверкающие днем при солнце радужной искрой. А вечером огоньки, огоньки по окнам и тишина, мягкая, снежная, пуховая» [3, с. 251-252].

Помимо коллег-писателей (а в Чистополе Асеев, например, вновь сблизился с Борисом Пастернаком), поэт быстро находит себе друзей среди местной интеллигенции. Асеев много времени проводит в доме врача Дмитрия Авдеева, сын которого Валерий позднее так вспоминал о посещениях своего дома писателем:

«Со временем, как это ни странно, я больше всех сблизился с Асеевым, хотя никогда не был большим поклонником всей его поэзии. Мне, провинциалу, нравилась простота его обращения, а ведь это был не кто иной, как сам Асеев! И потом – особенно редкое его остроумие, умное, действительно «острое», которым, впрочем, обычно он наживал немало врагов» [1, с. 134]. Да и сам Николай Асеев в одном из писем Валерию Авдееву уже в 1949 году пишет, что благодарен за радость общения с семьей Авдеевых и сохраняет память о городе спустя годы:

«Чистополь вспоминаю с волнением и благодарностью, и это – не пустые слова!

*Спасибо тебе, городок на Каме –
Далекий, надежный советский тыл, –
Что с нашей прозой и стихами
Ты нас не обидел и приютил.*

Так начинается моя маленькая поэма о Чистополе, которая теперь мне ближе всех остальных моих стихотворений. В ней я подвожу итоги всему, что случилось со мной за эти годы» [5, с. 423-424].

Впрочем, как отмечают в своих письмах и воспоминаниях все знакомые Асеева, тот находился во время эвакуации на определенном творческом подъеме. Здесь пригодилась его способность писать быстро на актуальную тему. Надежда Чертова вспоминает, что Асеев написал стихотворение об осквернении фашистами Ясной Поляны на следующий день после этого акта.

Свой творческий оптимизм Асеев сохранил и в наступившую холодную зиму. И если сестры Синяковы в письмах к другу семьи Мстиславу Левашову жалуются на ее суровость – температура доходила, по их словам, почти до -60 градусов, то Николай Асеев в своем эпистолярном это время в Чистополе предельно поэтизирует – например, в

декабрьском письме поэту Алексею Крученых называя его «зима величественная, пухово-серебряная».

Причина оптимизма Асеева может крыться в том, что он наконец оказался с любимой женой, за которую сильно переживал в разлуке. Косвенным подтверждением этому может служить его письмо советскому партийному деятелю Георгию Александрову. В нем Асеев пишет, что завершил в Чистополе поэму «Пламя победы» и хочет вернуться в Москву, от которой уже были отброшены фашистские силы.

Так или иначе, «чистопольский период творчества Асеева был особенно плодотворным» [7, с. 43]. Асеев посылает свои тексты в московские и фронтовые издания. Появляются его публикации и в Казани, и в Чистополе. Это как отдельные стихотворения, так и части поэмы «Пламя победы». Одновременно у писателя более десятка выступлений на тематических вечерах в Доме учителя, на митингах, собраниях, школьных уроках. Асеев оказался одним из наиболее продуктивных членов писательской колонии в Чистополе.

О том, что он много и хорошо пишет, Асеев говорит в письме от 13 мая 1942 года Семену Трегубу, полемизируя с собеседником по поводу того, можно ли вообще писать про войну, находясь в эвакуации, далеко от фронта:

«Дорогой Трегуб! Получил сразу 2 Ваших письма от 15.IV и от 27.IV и сейчас же Вам отвечаю. В первом – Вы пишете, что меня попутал бес, что в такое горячее и грозное время нельзя сидеть в Чистополе и писать для потомков... Здесь же Вы просите опровергнуть Вас. Опровергать нет смысла, потому что это уж будет похоже на спор, а спора между нами нет. Конечно, писать для потомков дело темное. Но потомки мои – на фронте, и вот когда я им присылаю стихи, а не рассуждения, то они, оказывается, одобряют меня и даже в ладоши хлопают. Что ж, значит, столь презируемый Чистополь помогает мне писать? О чем же тогда и спорить? Страшнее всего мне сейчас это – не написать того, что я чувствую и что должен написать. А где это я сделаю – безразлично» [5, с. 396].

Асеев в Чистополе пишет активно и в самых разных жанрах. Это и поэмы, и стихотворения, и даже (возврат к истокам) агитационные стихи. Он не изменяет общим принципам своей поэзии того периода. Она минимально лирична, но при этом метафорична и ритмически насыщена, предельно актуальна по своей тематике. Однако в глаза бросается, как и в других текстах Асеева военного периода, стремление сохранить футуристическую направленность стиха: желание поиграть с образами, языком, рифмой, уйти от обыденности.

При этом для поэта важно соответствие формы содержанию. Тема у него часто диктует и ритм, и рифму – описывая горы он словно ведет читателя по перевалам, к вершинам гор, постепенно сужая строки:

*Это – медленный рассказ,
тяжкий ход
туч.
Это Северный Кавказ –
мощный взмет
круч.*

А в стихотворении «Москва – Кама» ритмический рисунок меняется несколько раз – также в зависимости от темы и настроения. Спокойные волны подмосковных водоемов – «Мирно зеленющий осот / водяную тишь да гладь сосет», – сменяются в пределах одного текста мощными камскими накатами: «Сколько шума, сколько гама / по тебе несется, Кама!».

Возможно, подобное внимание к поэтическим деталям и эксперименту, творческая последовательность и верность своей поэтике и привели к тому, что Асеев тех лет оказался не так популярен, как те «писатели-фронтовики», которые стремились к простоте и вживую видели своих читателей – тех, кто мог погибнуть через несколько минут после того, как прочел их стихи, не знал, доживет ли он до завтра, и для кого окоп стал на сегодня домом.

У Асеева есть стихотворение под названием «Будни войны», но и оно совсем не о военном быте:

*Это невероятно:
камни дорог в крови,
в праечных ржавые пятна,
а люди – туда и обратно,
туда и обратно,
как ничего не случилось,
как муравьи!*

Асеев здесь пишет не про конкретных людей, а скорее про масштабное событие в целом. Однако это отнюдь не схематичность, а следование высокой поэтической традиции – традиции классицистической батальной оды: именно для одической оптики характерен такой взгляд на войну и историю, взгляд «сверху». Сравним со стихами Державина из «Песни лирической Россу по взятии Измаила»:

*О! что за зрелище предстало!
О пагубный, о страшный час!
Злодейство что ни вымышляло,
Поверглось, Россы, все на вас!
Зрю камни, ядра, вар и бревны, –
Но чем герои уstraшены?
Чем может отражен быть Росс?
Тот лезет по бревну на стену;*

*А тот летит с стены в геенну;
Всяк Курций, Деций, Буароз!*

Особенно одические традиции заметны в поэмах Асеева, написанных в Чистополе: «Урал» и «Пламя победы». В этом случае характерно, что, публикуя вторую в 1945 году в «Новом мире», поэт предпослал ей эпитафия из державинской оды «Бессмертие души», который из последующих редакций уже убрал, равно как и подзаголовок – «Из лирического дневника».

В итоге и рождается этот особенный, новый и для самого Асеева, и для русской поэзии голос войны. Он не плохой и не хороший, он просто другой. И этот другой Асеев тех лет оказался не понят ни критиками, ни друзьями. Кажется, и сам поэт поддался мнению большинства и поверил в свою творческую неудачу – многое из написанного тогда он или сильно переделает в дальнейшем, или вовсе опубликует уже только под конец жизни. В основном это будут стихи лирического толка. А в то время «Асееву хочется говорить сильно, веско, чтобы сказанное схватывало событие целиком, в самой его сути, и доходило до сердца слушающего – до многих слушателей» [8, с. 358]. Об этом поэт не только думает и пишет сам, но пытается донести свою позицию до коллег, выступая перед писателями.

Между тем, и непонятность аудитории, коллегами и даже самим собой привела к тому, что многие стихи Асеева чистопольского периода практически не переиздавались. Мы начали исправлять это упущение и надеемся продолжить работу с опорой на архивные и редкие источники [2]. При издании нашей книги выявилась одна важная деталь – некоторые стихи Асеева тех лет даже им самим не были включены ни в послевоенные сборники, ни в итоговое пятитомное собрание сочинений, которое начало выходить в конце его жизни, а завершилось уже после смерти поэта. Поэтому и нам пришлось прибегнуть в некоторых случаях к публикациям по последнему газетному или журнальному изданию. Кроме того, ряд стихотворений, выходивших в военное время отдельными текстами в газетах, Асеев позже включил составной частью в поэму «Пламя победы», существенно переделанную после первых изданий. Если учитывать даже только этот аспект, видна необходимость создания если не отдельного музея (как, например, чистопольский музей Бориса Пастернака), то, возможно, отдельной музейной экспозиции на тему «Асеев и Чистополь». Творчество писателя военных лет, его дружеские и литературные связи, биографические моменты, безусловно, интересны и практически не исследованы. Они позволяют не только понять дух эпохи, но и то,

какие трансформации происходят с поэтикой писателя, его художественным методом – и как они взаимодействуют с современными им общелитературными тенденциями.

Литература

1. Авдеев В.Д. Наш город в 1941 году // Чистопольские страницы (Сост. Г.С. Муханов). Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. С. 134.
2. Асеев Н.Н. Избранные стихотворения и поэмы / сост., вступ. ст. и комментарии: Р.А. Бакиров. Казань: Изд-во «Заман», 2020. 224 с.
3. Асеев Н.Н. Письмо учащимся чистопольской средней школы № 1 23 ноября 1950 г. // «Русская литература». 1965. № 3. С. 251 – 252.
4. Асеев Н.Н. Путь в поэзию // Н.Н. Асеев. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Изд-во Художественной литературы, 1963. Т. 1. С. 14.
5. Асеев Н.Н. Родословная поэзии. Статьи, воспоминания, письма. М.: Советский писатель, 1990. С. 391 – 392; С. 423 – 424. С. 396.
6. Асеева К.М. Из воспоминаний // Воспоминания о Николае Асееве. М.: Советский писатель, 1980. С. 31.
7. Чистополь литературный. Энциклопедия / авт.-сост.: Н.М. Валева, Р.Ш. Сарчин. Казань: Изд-во «Заман», 2017. С. 43.
8. Шайтанов И.О. В содружестве светил. Поэзия Николая Асеева: монография. М.: Сов. писатель, 1985. С. 358.

References

1. Avdeev V.D. Nash gorod v 1941 godu. Chistopol'skie stranicy (Sost. G.S. Muhanov). Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1987. S. 134.
2. Aseev N.N. Izbrannye stihotvoreniya i poemy. sost., vstup. st. i kommentarii: R.A. Bakirov. Kazan': Izd-vo «Zaman», 2020. 224 s.
3. Aseev N.N. Pis'mo uchaschimya chistopol'skoj srednej shkoly № 1 23 noyabrya 1950 g. «Russkaya literatura». 1965. № 3. S. 251 – 252.
4. Aseev N.N. Put' v poeziyu. N.N. Aseev. Sobranie sochinenij: v 5 t. M.: Izd-vo Hudozhestvennoj literatury, 1963. T. 1. S. 14.
5. Aseev N.N. Rodoslovnaya poezii. Stat'i, vospominaniya, pis'ma. M.: Sovetskij pisatel', 1990. S. 391 – 392; S. 423 – 424. S. 396.
6. Aseeva K.M. Iz vospominanij. Vospominaniya o Nikolae Aseeve. M.: Sovetskij pisatel', 1980. S. 31.
7. Chistopol' literaturnyj. Enciklopediya. avt.-sost.: N.M. Valeev, R.Sh. Sarchin. Kazan': Izd-vo «Zaman», 2017. S. 43.
8. Shajtanov I.O. V sodruzhestve svetil. Poeziya Nikolaya Aseeva: monografiya. M.: Sov. pisatel', 1985. S. 358.

N.N. ASEEV IN CHISTOPOL: THE PHENOMENON OF UNPOPULARITY

*Bakirov R.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Senior Research Officer, Senior Lecturer,
Institute of Philology and Intercultural Communication named after Leo Tolstoy,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Bakirova K.S., Deputy Director,
Children's Music School No. 2, Kazan*

Abstract: the article describes the period of writer Nikolai Aseev's stay in Chistopol during the evacuation during the Great Patriotic War. A brief characteristic of the poet's work of this period is given, as well as biographical data. The reasons that prevented Aseev's war poetry from becoming popular among his contemporaries and descendants are described and analyzed - at the level of peculiarities of poetics and biography. In particular, according to the researchers, this could be due to the fact that the writer did not change his artistic method, adjusting to the changed actual agenda and thematic and imaginative plan. Besides, Aseev wrote war poems being in evacuation and not visiting the front, which some contemporaries have already reproached him for. In addition, even before the Great Patriotic War, the quality of the poetry of the studied author falls somewhat. He becomes one of the most prolific and popular writers of the 1930s, responding with his poems to all major events in the life of the state. However, in parallel with the prolificity, perhaps, Aseev's poetry is emasculated. Meanwhile, the writer himself did not consider it necessary to concede on all issues and was, by his own admission, on the creative rise during his stay in Chistopol.

Keywords: Aseev, Chistopol, poetry, evacuation, unpopularity

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКИ И ПРОЗЫ СИЛЬВИИ ПЛАТ

*Курникова Н.С., кандидат педагогических наук, доцент,
Засецкова Е.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Чувашияский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева*

Аннотация: данная статья посвящена исследованию лексических и стилистических особенностей лирики и прозы Сильвии Плат, которая является ярким представителем “исповедальной поэзии”. Жанр исповеди в литературе восходит к одноименному произведению Августина Блаженного (IV в. н.э.), однако его возрождение и обновление происходит в Америке в первой половине XX в. в творчестве С. Плат. Научная новизна работы состоит в том, что это – первое в своем роде исследование, в котором предпринимается попытка изучить лексико-стилистические особенности лирики и прозы С. Плат в тесной связи с фактами ее биографии, а также с тем социально-историческим контекстом, который способствовал становлению исповедальной литературы. Стилистический и филологический анализ произведений автора позволяет констатировать высокую аллюзивность и образность текстов Плат. Лейтмотивами ее творчества являются смерть, природа, отношения с отцом, фемининность, что находит отражение в частотности отдельных ключевых слов. Среди преобладающих стилистических приемов – метафоры, эпитеты и сравнения: именно они позволяют наиболее точно передать субъективность ощущений и переживаний автора. Картину дополняет частотная лексика с семантикой цвета. Исследование расширяет имеющиеся представления о творчестве С. Плат и об особенностях исповедальной литературы.

Ключевые слова: С. Плат, лирика, проза, лексико-стилистические особенности, метафора, исповедальная литература

Сильвия Плат (Sylvia Plath, 1932-1963) является одним из значимых поэтов Америки второй половины XX века. Она обрела известность не только на родине, но и в других странах благодаря сборникам пронзительных стихов на близкую каждому человеку тему душевного страдания. В своих произведениях она с непосредственной откровенностью делится мыслями и чувствами по поводу отношений к отцу, рассказывает о попытках суицида, депрессии, а также затрагивает такие значимые социальные проблемы как положение женщин в обществе, мировые войны, компульсивное массовое потребление и др. Большой интерес представляет индивидуальный авторский стиль С. Плат, ее смелые эксперименты со словами и образами, которые позволяют максимально точно донести до читателя глубоко личные переживания автора. Хотя С. Плат в большей степени известна как поэтесса, она за свою короткую творческую жизнь успела попробовать свои силы и в прозе. Ее единственный автобиографический роман “Под стеклянным колпаком” был опубликован уже после смерти писательницы. Известно также, что она экспериментировала с жанром “малой прозы”. В 1982 г. Плат была посмертно удостоена Пулитцеровской премии по литературе.

Творчество С. Плат приходится на рубеж 1950-60 гг. XX в. – время больших перемен в Америке и во всем мире. Это время подъема экономики США, развития промышленности и культуры с одной стороны, и угрозы ядерной войны, набирающего обороты и пугающего консюмеризма, пересмотра гендерных ролей, усиления феминистско-

го движения, проникновения в подсознание человека с помощью психиатрических практик – с другой. Весь этот новый опыт потребовал литературного осмысления и способствовал становлению так называемой “исповедальной” поэзии и прозы, благодаря которым в литературу проникли ранее табуированные темы страха, психических заболеваний, сексуальности, зависимости, смерти, противостояния фемининности и маскулинности, антимилитаристские взгляды и др. В связи с тем, что эти темы были созвучны переживаниям многих людей, исповедальная литература стремительно обрела широкую читательскую аудиторию.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что творчество Сильвии Плат, при всей ее популярности на родине и среди западноевропейских читателей, остается малоизученным в России. Среди возможных причин этого – сложность языка и системы образов автора, которую очень сложно сохранить в переводе. Изучение лексико-стилистических особенностей произведений данного автора позволит обогатить корпус исследований исповедального жанра в литературе.

Материалом исследования послужили сборники стихотворений Сильвии Плат “Колосс” (англ. *The Colossus & Other Poems*, 1960) и “Ариэль” (англ. *Ariel*, 1965), а также ее единственный роман “Под стеклянным колпаком” (англ. *The Bell Jar*, 1963). Используются следующие методы исследования: анализ научной литературы, описательный метод, стилистический и филологический анализ художественного текста.

Теоретической базой исследования послужили

труды следующих исследователей биографии и творчества С. Плат: Е.В. Бариновой, С. Даниловой, Е.Ю. Кожинной, М.М. Ревенко; S. Axelrod, S. Bassnett., J. Kaufman, W. Naylor-Smith.; исследователей исповедальной (конфессиональной) литературы (Е.А. Дичковская; D. Blake, P.Crosby), литературоведческие работы Б. Гиленсона; фундаментальные исследования в области лексикологии и стилистики английского языка (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин) и др.

Интерес к изучению исповедального начала в творчестве того или иного автора неизбежно приводит к необходимости рассмотрения двойственной природы исповеди как церковного и светского феномена. В Толковом словаре В. Даля “исповедь” – это “церковно-религиозный ритуал (тайнство) покаяния”; “устное признание своих грехов перед духовником” и “искреннее и полное сознание, объяснение убеждений своих, помыслов и дел” [5, с. 54]. Согласно Литературной энциклопедии терминов и понятий, исповедь в литературе – “произведение, в котором повествование ведется от первого лица, причем рассказчик (сам автор или его герой) впускает читателя в самые сокровенные глубины собственной духовной жизни, стремясь понять “конечные истины” о себе, своем поколении” [4, с. 320].

Первым выдающимся образцом литературной исповеди стало одноименное произведение Августина Блаженного, написанное в 398 г. н.э. и рассказывающее о его нечестивой юности и последующем обращении в христианство. Среди других значимых произведений, способствующих росту популярности жанра – “Исповедь англичанина, употреблявшего опиум” (1821) Томаса Де Квинси и “Исповедь” (1770) Жана-Жака Руссо. Эти произведения роднит то, что их авторы открыто рассказывают о нелицеприятных или интимных фактах своих биографий. В эпоху романтизма рассматриваемый жанр получает дальнейшее развитие в творчестве поэтов С. Кольриджа и У. Вордсворта, которые описывают личный опыт средствами поэзии. Следующий всплеск популярности исповедальной литературы происходит в США и приходится на 1950–60-е гг. – время, когда экономика страны переживает беспрецедентный рост, развиваются технологии и промышленность, формируется общество массового потребления. На фоне этих событий происходит переоценка гендерных ролей, начинается вторая волна феминизма. Населению страны навязывается потребность в самореализации, происходит популяризация психотерапевтических практик. Субъективные ощущения от диссонанса между насаждаемым стремлением к успеху и благополучию и отсутствием такового, знакомые многим, находят свое художественное

воплощение в исповедальной поэзии. Как справедливо отмечают Е.А. Дичковская, М.С. Небышинец и В.В. Рогачева, литературные исповеди этого периода отличает “смелое содержательное наполнение произведений, затрагивающее и развивающее шокирующие и травматические темы для того времени, когда-то считавшиеся табу, например, психические заболевания, последствия травматического опыта, сексуальность, зависимости, гендерные роли, суицидальные наклонности, смерть и самоубийство” [3, с. 233]. Имя Сильвии Плат прочно ассоциируется с таким стилем письма.

Первый сборник стихов автора – “Колосс” (1960) открывает стихотворение “The Manor Garden” (Господский сад). Оно содержит в себе основные темы, которые встречаются во многих стихотворениях поэтессы: смерть, жизнь, природа. Лирическая героиня зачарованно наблюдает за угасающей в саду жизнью, и при этом подробно описывает свои внутренние ощущения и переживания. В фокусе автора попеременно находится то внешний, то внутренний мир. Стихотворение открывается четкой картиной осеннего увядания природы: в фонтанах высохла вода, розы отцвели: “*The fountains are dry and the roses over*” [10, с. 7]. В воздухе пахнет смертью (героине слышится аромат ладана – “*incense of death*”). Посреди столь мрачной картины неожиданно звучит обращение: “*your day approaches*” – чей день? Это может быть день смерти, если судить по предшествующим образам. Однако при дальнейшем прочтении становится ясно, что речь идет вовсе не о смерти. Следующая строфа начинается с резко контрастного изображения наливающихся соком, созревающих груш, которые сравниваются с фигурками Будды: “*the pears fatten like little buddhas*”. Круглый живот Будды появляется не просто так. Вероятно, это – намек на то, что во чреве лирической героини зреет жизнь, в противопоставление царящей вокруг смерти. Возвращаясь к предыдущей строке, мы теперь можем предположить, что предложение “*your day approaches*”, скорее всего, обращено к ожидаемому ребенку лирической героини, и это коррелирует с рождением С. Плат дочери в 1960 г. [7, с. 24]. Героиня ощущает, что плод постепенно из безликого эмбриона превращается в человека; человеческие черты становятся все более отчетливыми: “*You move through the era of fishes, / The smug centuries of the pig – / Head, toe and finger / Come clear of the shadow*” [10, с. 7].

Стоит отметить, как целая цепочка ассоциативных образов приводит читателя к пониманию положения героини, которое описывается при помощи сравнения. В следующей строке используется глагольная метафора: “*a blue mist is dragging the*

lake” – туман стелется над озером. Метафора создает сильную ассоциативную цепочку: озеро – вода – родовые воды – рождение. Образное использование глагола *drag* намекает на предчувствие тяжести предстоящих родов. Эта же мысль подтверждается в последней строке стихотворения: “*The small birds converge, converge / With their gifts to a difficult birthing*” [10, с. 7]. Повтор глагола *converge*, авторский неологизм *birthing* и аллюзия на библейских волхвов, несущих дары, подчеркивают торжественность и значимость ожидаемого появления младенца на свет.

Антитеза “смерть-жизнь” находит отражение и в следующем стихотворении – “*Two Views of a Cadaver Room*” (Два взгляда на покойницу). Само название настраивает читателя на мрачность содержания, вызывая в воображении образ морга, где студенты разделяют труп, чтобы изучить его. Стихотворение разделено на две одинаковые по форме части, каждая состоит из одиннадцати строк. Такая композиция отражает два взгляда, о которых говорится в названии. Стихотворение написано от третьего лица. Безымянная лирическая героиня, за которой, тем не менее, легко угадывается сама С. Плат, посещает анатомическую комнату, в которой студенты-медики изучают четыре трупа. Такая же сцена встречается в романе “Под стеклянным колпаком” и актуализирует аналогичный факт из биографии поэтессы.

Первые строки стихотворения аллитеративны: частый повтор взрывных согласных звуков [d], [b], [t] в первом предложении передает эмоциональное состояние героини, биение сердца, при этом ее эмоции и чувства не называются. Такая звукопись позволяет нам предположить, что героиня взволнована и испугана тем, что видит. Тела четырех мужчин совсем черные, будто обгорели – “*black as burnt turkey*”. Запах смерти здесь сравнивается с парами едкого уксуса (“*a vinegary fume*”). По сравнению с предыдущим стихотворением, смерть здесь абсолютно конкретная, физическая. Запах смерти вьется в распростертые на столах тела, что передается с помощью глагольной метафоры “*A vinegary fume ... clung to them*” [10, с. 16]. Студенты в белой медицинской форме создают яркий контраст с телами, над которыми работают (“*The white-smocked boys started working*”): белые халаты – черные трупы. Среди студентов выделяется один, имя которого также не называется. В строке “*The head of his cadaver had caved in*” присутствует ассонанс с повтором звука [æ], что усиливает впечатление от головы, которая рассечена на две части; кости черепа и кожа уже настолько изрезаны, что стали похожи на развалившееся здание: “*rubble of skull plates and old leather*”. На черно-белом фоне появляется болезненно-желтый оттенок кожи

младенцев в склянках, демонстрирующих разные стадии развития плода, – цвет, который однозначно ассоциируется с болезнью, старостью и смертью. Он перекликается с цветом черепа и старой кожи из предыдущей строки. Таким образом создается цветовая палитра стихотворения.

Студент преподносит героине вырезанное сердце, словно это какая-то треснувшая семейная реликвия: “*He hands her the cut-out heart like a cracked heirloom*”. Это – ни что иное, как ироническая интерпретация традиционного романтического клише про руку и сердце, которые кавалер предлагает своей даме. Однако здесь метафора клише переходит в реальное действие, чем и достигается на первый взгляд жуткий эффект. При повторном взгляде впечатление меняется. Акт дарения своей избраннице настоящего сердца, скорее всего, был задуман как шутка молодого влюбленного. Читатель понимает, что этот молодой человек не упускает возможности «позабавить» свою девушку. Тем не менее, тон предложения, его финальность указывают на то, что героиня воспринимает этот жест серьезно.

Вторая часть – пример литературного экфрасиса: в ней описывается полотно Питера Брейгеля “*The Triumph of Death*” (Триумф смерти). Картина изображает “панораму дыма и резни” (“*panorama of smoke and slaughter*”), на которой армия мертвцов наступает со всех сторон, сея разруху и хаос, и только в нижнем углу справа расположились двое влюбленных, едва заметные зрителю. Для них смерти пока нет. С. Плат использует ряд метафор, чтобы описать их: *two people only are blind to the carrion army; afloat in the sea of her blue satin skirts, finger a leaflet of music, over him, both of them deaf; death's-head shadowing their song; these Flemish lovers flourish*.

С фонетической стороны, в этой части тоже присутствует звукопись с частым повторением щелевых согласных [s], [f], [θ]. Это усиливает ощущение легкости, которым охвачены беззаботные любовники, с одной стороны, но и приближение крадущейся смерти – с другой. Любовь молодых противопоставляется триумфу смерти. Плат пишет, что она, смерть, щадит их: “*Yet desolation, stalled in paint, spares the little country / Foolish, delicate*”. Эпитеты *foolish, delicate* употреблены в инверсии, которая подчеркивает умиление смерти любовной идиллией. Лирическая героиня сравнивает себя и своего друга с двумя влюбленными на полотне. И там, и тут проявление любви окружено мертвецами. Если первая часть стихотворения изображает признание в любви в ироническом ключе, то вторая раскрывает мысли и чувства героини по этому поводу. Для нее любовь – это сила, которая может победить даже смерть.

Смерть исследуется в подавляющем большинстве стихотворений – “All the Dead Dears”, “Suicide Off Egg Rock”, “November Graveyard”, “Lady Lazarus”, “Edge” и др. В связи с этим сложно не согласиться с Даниловой С., которая утверждает: “Смерть является протагонистом лирики С. Плат” [2, с. 526].

В стихотворении “The Colossus” (Колосс), которое дает название всему сборнику, автор вкладывает другой смысл. Оно является одним из самых известных произведений поэтессы; есть перевод на русский язык. По свидетельству биографов, Плат так и не смогла примириться с ранним уходом отца, и эта тема осталась для нее одной из самых болезненных. Однако его фигура вызывала у нее двойственные чувства: с одной стороны, он – непререкаемый авторитет, образец интеллекта, с другой – чрезмерно авторитарный человек, мужчина, подавляющий ее, женщину.

Сравнение отца с величественной статуей Колосса и Римским Форумом, а себя с муравьем, пытающимся восстановить и очистить статую от ила, – излюбленный автором прием контраста. Такие слова как *acres of your forehead, immense, tumuli* усиливают впечатление от необъятных размеров статуи. Изображение статуи дополняется архитектурными деталями, выраженными метафорами: *fluted bones, acanthine hair, the pillar of your tongue*. Любопытно употребление слова *tumuli* в отношении глаз Колосса. У него несколько значений: “могильный курган”, “насыпной холм”, “вздутие”. Внешнее сходство выступающих надбровных дуг с курганом или холмом очевидно, однако выбор такого слова может иметь более глубокий смысл: курганы могут быть отражением исполинской души Колосса-отца. Себя же Плат низводит до крохотных размеров простого муравья, который усердно занимается бытовой уборкой: *mend<...>and clear*. С помощью такой антитезы Плат не просто подчеркивает свою простоту по сравнению с великим отцом, но, вероятно, и намекает на общепринятые гендерные роли, где мужчине свойственно заниматься великими делами, а женщине – убираться в доме и всячески поддерживать его. Смена стилистического регистра, переход от возвышенной лексики (*entirely, tumuli, mend, immense*) к разговорной (*pig-grunt, barnyard, like some god or other*) позволяет почувствовать двойственное отношение автора к отцу. В голосе героини появляется некоторая усмешка: “*Perhaps you consider yourself an oracle, / Mouthpiece of the dead, or of some god or other*” [10, с. 61]. Учитывая, что в предыдущей строфе изо рта статуи лились отнюдь не достойные настоящего оракула звуки, данные строки звучат иронично. Инверсия в строке “*Thirty years now I have labored*” возвращает

возвышенность тона, подчеркивая огромность усилий, которые Плат предприняла, чтобы восстановить портрет своего отца, вспомнить его в мельчайших деталях. Поэтесса сравнивает этот процесс с удалением ила из горла Колосса. Яркая метафора – *to dredge the silt from your throat* – оказывает сильное воздействие на читателя. На фоне величия Римского Форума разворачивается очень бытовая картина: героиня открывает упакованный ланч, сидя на холме с кипарисами: “*I open my lunch on a hill of black cypress*” [10, с. 61]. Выбор кипариса, видимо, также не случаен: это дерево символизирует бессмертие, вечную жизнь души после смерти тела, а его продолговатая форма, напоминающая стрелу, изображает стремление души к небесам. Душа отца действительно как будто бы все еще живет – благодаря усилиям самой Плат, так скрупулезно работающей над сохранением воспоминаний о нем.

Метафоры Плат часто строятся на природных образах: грибы (“The Mushrooms”), цветы (“The Tulips”, “Poppies in October”), деревья (“The Colossus”, “The Moon and the Yew Tree”), вода (“Lorelei”) и др. Не менее часто встречается камень в качестве средства описания, например, каменный Колосс; галька на берегу в стихотворении “Suicide Off Egg Rock” и там же метафора о состоянии героя: *stone-deaf*; мраморные скульптуры и обращение к камню в “Lorelei”. В этих стихотворениях камень так или иначе оказывается связан со смертью. Образ камня является центром столкновения естественного и искусственного, живого и неживого в заключительном стихотворении сборника “Колосс” – “The Stones” (Камни). Отсюда – *a great anvil, the mother of pestles, a still pebble, one stone eye*. Героиня лежит на кузнице, где ее должны выковать заново, но в роли работников по камню выступают доктор и медсестры, причем Плат использует слово *the jewel master*, которое подразумевает тонкую работу. Безличный город, упомянутый в первой строке, приобретает более четкий образ больницы; лирическая героиня, соответственно, – пациентка этой больницы. Интересно отметить само выражение *the city where men are mended*. Значение слова *men* в таком контексте ослабевает: вместо людей представляются объекты, над которыми производится определенное действие – *mend*. Эта строка переключается с другой, где *A workman walks by carrying a pink torso*: работник несет фрагмент тела человека, то есть пациенты этой больницы действительно представляют собой не более чем предметы, нуждающиеся в замене частей, чтобы снова ожить.

Сравнение процесса лечения с работой по камню подразумевает, что изменения, производимые врачами, касаются только материальной стороны

человека. Это не так. Если вначале могут быть сомнения насчет типа больницы, то после строк “*Here they can doctor heads, or any limb // A current agitates the wires / Volt upon volt*” [10, с. 90] становится очевидно, что героиня попала в психиатрическую больницу.

Итак, восприятие происходит от лица героини, которая стала камнем; камень здесь обладает личностью. Это своего рода “обратное” олицетворение: живое становится неживым. Героиня-камень подвергается обработке. Плат употребляет весьма необычные метафоры при описании действий, через которые прошла героиня. Так, например, она пишет: “*The mother of pestles diminished me*”. *The mother of pestles* может означать размеры, силу пестика, которым героиню образно измельчили, но в первую очередь метафора привлекает внимание сочетанием живого и неживого. Так или иначе, между строк читается болезненность процесса восстановления, которое, возможно, является нежелательным для самой героини, принудительным. Плат делает акцент на равнодушном состоянии лирической героини: “*I entered / The stomach of indifference, the wordless cupboard*”. Вновь рядом оказываются лексические единицы, подходящие под фрейм “живое–искусственное”: *stomach – cupboard*. Живот представляется безмолвным искусственным вместилищем, где, похоже, должно начаться восстановление, перерождение.

Далее поэтесса создает картину абсолютной умиротворенности, затишья, обездвиженности при помощи сравнения камней с надгробием: *the headstone quiet*. Смерть, пусть и искусственная, – это состояние, приносящее героине умиротворение. Возможно, акцент на безразличном спокойствии героини сделан для того, чтобы передать последствия от медицинских транквилизаторов. Интересно отметить выбор метафор для описания медицинских приборов, поддерживающих жизнь героини: “*The food tubes embrace me. Sponges kiss my lichens away*”. Глаголы *embrace* и *kiss* носят интимный, романтический характер, поэтому их нахождение в контексте описания больного несколько странно. Вместе с тем такие глаголы ожидаемо следуют из предшествующей развернутой метафоры про камни в животе и сравнение с зародышем: *drunk as a fetus*. Если героиня, находясь в больничной палате, ощущает себя зародышем, то аппараты, поддерживающие в ней жизнь, становятся частью метафоры о плоде внутри материнского чрева, поэтому слова *embrace, kiss* не выбиваются из общей картины.

В этом и многих других стихотворениях С. Плат можно увидеть много смысловых и стилистических параллелей с ее романом “Под стеклянным колпаком”. Рассмотрим его подробнее.

Роман повествует об Эстер Гринвуд, талантливой студентке, которая стала одной из победительниц конкурса от журнала мод, после чего вместе с остальными участницами была приглашена в Нью-Йорк для прохождения стажировки. В центре романа – депрессия и гендерные роли современного американского общества, предписывающие определенные модели поведения молодым девушкам, по причине которых героиня испытывает внутренний кризис в попытках следовать им. Впоследствии это ведет к серьезному нервному срыву, попыткам суицида и госпитализации Эстер. Роман позволяет погрузиться в мысли, чувства и переживания молодой американки, взрослеющей в период активизации феминистического движения.

Прежде всего бросается в глаза большое количество изобразительных средств, передающих значение подавленности, скуки, депрессии, которые характеризуют состояние героини. Едва ли можно найти эпитет с положительной окраской, и наоборот количество отрицательных весьма велико. В основном, передача ее эмоций происходит при помощи эпитетов, описывающих летний Нью-Йорк: *queer, sultry, fusty, peanut-smelling, bad enough*. Кажется, что нет ни одной положительной черты города, которую могла бы выделить главная героиня. Даже лето – время отдыха для студентов, теплый и традиционно жизнерадостный сезон – в первую очередь заставляет Эстер вспомнить, что этим летом американские коммунисты Этель и Юлиус Розенберги, обвиненные в шпионаже в пользу Советского союза, были казнены на электрическом стуле. Таким образом Плат, используя одно предложение, не только позволяет узнать начальный настрой Эстер, но и задает широкий фон происходящим частным событиям, и оба плана описаны в отрицательном ключе. Эстер это ощущает: “*I knew there was something wrong with me that summer*” [9]. Нейтральное, но емкое по значению прилагательное *wrong* предвосхищает болезненное внутреннее состояние героини.

Рисуя картину мегаполиса, Плат делает акцент на знойной духоте и пыли, неприятно оседающей в горле: *Mirage-gray at the bottom of their granite canyons, the hot streets wavered in the sun, the car tops sizzled and glittered, and the dry, cindery dust blew into my eyes and down my throat*” [9]. Данное предложение суммирует главные компоненты нью-йоркского пейзажа: серый, отвратительно жаркий город, полный машин, из-за которых воздух настолько загрязнен, что это ощущается физически. Напрашивается параллель со стихотворением “*Suicide Off Egg Rock*”, которое открывается практически таким же изображением городской среды. Город постепенно отравляет Эстер.

При этом место действия романа – богатый на возможности город, позволяющий каждому раскрыть свой потенциал. Эстер предвкушает, что в течение месяца будет жить вместе с другими победительницами конкурса в полностью оплаченном отеле, посещать различные мероприятия, работать на модный журнал и хорошо проводить время. Однако в реальности все далеко не так красочно, и скупой на эмоции, апатичный тон повествования с преобладающими утвердительными одноосновными предложениями подтверждает это.

Основным стилистическим средством передачи состояния Эстер является метафора. Одной из таковых является метафора голода, которая сопряжена с метафорой отравления. Условия для постепенного отравления заданы с самого начала: это загрязненный Нью-Йорк, заголовки о казни Розенбергов, от которых героине становится “тошно” (“*the idea of being electrocuted makes me sick*”), дезориентированность в пространстве: “*I didn't know what I was doing in New York*” [9]. Буквально в четвертом абзаце первой главы появляется образ трупа – *cadaver* – который героиня невольно вспоминает из-за неутраченных новостей о казни шпионов. Она описывает, что после того, как она впервые увидела труп в морге по инициативе своего молодого человека, студента-медика Бадди Уилларда, это зрелище преследовало ее на протяжении нескольких дней вместе с запахом уксуса. Изобразительные средства, к которым при этом прибегает Плат, весьма красноречивы и оставляют сильное впечатление: “*For weeks afterward, the cadaver's head <...> floated up behind my eggs and bacon at breakfast and behind the face of Buddy Willard <...> and pretty soon I felt as though I were carrying that cadaver's head around with me on a string, like some black, noseless balloon stinking of vinegar*” [9]. Эстер не может забыть увиденное, и голова трупа продолжает “всплывать” в ее памяти, не позволяя ей наслаждаться ни видом завтрака из яичницы с беконом, ни близостью ее молодого человека. Особенно поразительными являются сравнения, которые создают действительно ужасающие образы летающей за Эстер мертвой почерневшей головы с истлевшим носом и сильным неприятным запахом.

Ее мучает психологический голод, усугубляемый городом с большими возможностями, которыми она не может воспользоваться в силу полного отсутствия мотивации. Вместо энтузиазма она чувствует пустоту и выражает это через сравнение себя с центром торнадо: “*I felt very still and very empty, the way the eye of a tornado must feel, moving dully along in the middle of the surrounding hullabaloo*” [9]. Окружающая Эстер со всех сторон кутерьма – *hullabaloo* – не вызывает никакого эмо-

ционального отклика в ней. Наоборот, мы можем наблюдать сразу несколько эпитетов, характеризующих апатию героини: *very still, very empty, dully*, при этом усиливающая частица *very* используется для того, чтобы подчеркнуть глубину апатии. Эстер также описывает свою ежедневную рутину: “*I just bumped from my hotel to work and to parties and from parties to my hotel and back to work like a numb trolleybus*” [9]. К числу эпитетов, описывающих отсутствие эмоций, добавляется прилагательное *numb*; глагол *bump* указывает на то, что у Эстер нет контроля над своей жизнью. Она двигается без цели и словно случайно оказывается в каком-либо месте, не особо следя за своим передвижением. Она ощущает себя машиной, управляемой кем-то другим.

Героиня ощущает себя под стеклянным колпаком, чей образ передается при помощи центральной метафоры произведения. Стеклянный колпак становится тюремной клеткой для Эстер, отрезая ее от мира, вследствие чего она лишается возможности нормально взаимодействовать с обществом, не может найти понимание, а главное – не может понять, что с ней не так. В конечном счете это приводит к неизбежному – к попытке суицида. Метафора стеклянного колпака как небольшого ограниченного пространства, не пропускающего воздух, сопровождает героиню на протяжении всего романа.

Не менее ярким метафорическим образом является образ фигового дерева. Все возможности, которые открываются перед ней, равно как и свои желания в самореализации, Эстер представляет в виде фигового дерева со множеством веток. Количество веток и плоды на них демонстрируют, как много у героини довольно амбициозных желаний. В одном предложении она перечисляет возможные варианты своего будущего: счастливая жена и мать, знаменитая поэтесса, блестящий преподаватель, бесподобный редактор, путешествие в Европу и Африку и др. Ее проблема заключается в том, что она хочет все и сразу и не может выбрать только одну ветку, считая, что может выбрать только одну ветку. По этой причине она вынуждена мучиться смертельным голодом. Интересно отметить, что в первую очередь Эстер видит в своем будущем детей и мужа; на самом деле, она достаточно часто задумывается о замужней жизни, и уже сейчас думает о будущем ребенке, несмотря на свое критически депрессивное состояние. В романе присутствует шокирующая сцена родов, которую Эстер наблюдает с удивительной невозмутимостью. Она иронично заявляет, что могла бы смотреть на такое истязание женщины каждый день. При этом она констатирует отсутствие у себя материнского инстинкта, и винит себя за это. Сте-

реотипное представление о женщине как о матери угнетает ее, но вместе с тем она стремится и его реализовать в своей жизни.

Эстер демонстрирует одержимость идеей смерти. Об этом говорит частота употребления героиней сравнений, сделанных при помощи лексики со значением смерти, умирания, тьмы. Так, например, молчащий телефон описан следующим образом: “*There it sat, dumb as a death’s head*” [9]. Раковина представляется холодной – “*cold as a tomb*”. Темнота представляется Эстер чем-то живым, что может поглотить ее, стереть: [*the darkness*] *clamped shut on it, wiped me out*, и видится ей даже в том, что не имеет к ней прямого отношения, как, например, рот зевающей девушки или собственная сумочка. Лексема *darkness* используется в романе 13 раз, из них только 4 раза в прямом значении. В остальных она приобретает образное значение. В переносном значении темнота/тьма обладает физическими свойствами, такими как размер (*a large darkness, smaller darkness*), анатомия (*at the mouth of the darkness*), способность действовать (*drew up its barricades, clamped shut, wiped me out*), материальность (*enveloping darkness, I felt the darkness*). Возникает ощущение, что темнота представляется Эстер живым существом, которое представляет угрозу для нее. Сложные “синестетические” метафоры, совмещающие два ощущения из разных чувственных категорий или описывающие ассоциации между абстрактными понятиями и чувственным восприятием [6, с. 320], а также сравнения становятся в романе С. Плат основными средствами изображения депрессивного состояния [1, с. 288] То, как эпитеты приобретают более положительную коннотацию в эпизоде подготовки к суициду, также говорит в пользу очарованности Эстер смертью. Непосредственно перед тем, как принять снотворное, Эстер залезает в тесную нишу, и земля ей кажется приветливой: *the earth seemed friendly*; паутина ласково касается ее лица “*with the softness of moths*”; темнота становится похожей на бархат: “*the darkness felt thick as velvet*”. Смерть манит Эстер, и она ее не боится: “*The thought that I might kill myself formed in my mind coolly as a tree or a flower.*” То есть, Эстер не только воспринимает смерть как нечто желательное, она также видит в ней красоту и естественность.

В ходе дальнейшего количественного анализа текста романа с помощью инструмента Word Smith Tool мы также предприняли попытку определить ключевые слова разных частей речи – существительных, глаголов и прилагательных.

Выяснилось, что лексемы *father, mother, doctor, nurse, baby, girl* встречаются чаще среднего среди других существительных. Они говорят о том, что в центре внимания Плат – отношения с родителями,

материнство; болезнь и лечение. Далее – слова, описывающие части тела – *eye, face, head, hair, mouth, ear*. Это свидетельство того, что мир воспринимается героиней через чувства, показатель ее чувственности. Обращают на себя внимание противопоставления *morning-night, light-dark*. На наш взгляд это выражает постоянное противопоставление жизни и смерти. Другая важная тема для писательницы – ее поэтическое творчество (*poem*).

Анализ ключевых глагольных лексем показал, что С. Плат – мыслитель (*think* – самый частотный глагол), созерцатель жизни (*see, hear, feel, watch* и другие глаголы чувственного восприятия), пытающийся ее понять, познать и постичь, но у нее не всегда это получается (отрицательные формы *not know, not see*). Вопреки ожиданиям, здесь не так много слов с семантикой смерти, хотя *die* и *kill* в этом списке присутствуют. Это связано с тем, что автор чаще описывает смерть сложными образами, синестетическими метафорами.

Анализ ключевых прилагательных выявил большое количество наименований цвета. Прилагательные с семантикой цвета очень часто встречаются в романе. Преобладают *white* (белый саван – символ смерти; смертельная бледность), *black* (*black despair*), *blue* (*to feel blue, blues*). При этом любование природными яркими красками также присутствует (*green, red* – алый рассвет, красные тюльпаны, алые маки). Также среди прилагательных и наречий можно видеть много слов с отрицательной коннотацией: *dark, little, small, old, dead*, которые можно соотнести с пессимистическим мировосприятием автора. Таким образом, анализ наиболее частотных лексем коррелирует с результатами филологического и стилистического анализа текстов стихотворений и романа С. Плат.

Таким образом, основным стилистическим средством образности лирики С. Плат является сложная развернутая метафора. Часто метафоры строятся на природных образах, что более характерно для ранней лирики. В более поздних стихотворениях преобладают жесткие метафоры, построенные на сравнении с нацизмом, Холокостом. Через сложные синестетические метафоры поэтесса выражает глубину и характер самых сокровенных чувств по отношению к окружающим ее людям, системе ценностей, положению женщины в обществе, создавая эффект исповеди. В целом, преобладают такие стилистические средства, которые позволяют передать субъективные ощущения – метафоры, сравнения, эпитеты. В своих текстах Плат нередко прибегает к аллюзиям и экфрасису, которые расширяют диапазон средств образности. В большом количестве встречается лексика со значением темноты, смерти, замкнуто-

го пространства. Часто встречаются колоративы: белый, черный, красный, серый. Цветопись, в основном, используется для передачи субъективных ощущений, мировосприятия и создания определенного настроения. С одной стороны, яркие краски свидетельствуют о наслаждении физической красотой мира, а с другой темные цвета и оттенки позволяют судить о мрачном мировосприятии автора через призму тревог, страхов и сомнений. Присутствует переключка тем в лирике и прозе С. Плат. Можно заметить углубление эмоционального кризиса лирической героини и автора с течением времени. Лейтмотивными темами являются суицид, отношения с родителями, фемининность, рождение ребенка. Местами переключка тем настолько тесная, что в романе появляются прямые референсы на лирику путем одинакового словоупотребления.

Литература

1. Андреева О.А., Курникова Н.С. Метафора и сравнение как средства передачи депрессии в романе Сильвии Плат "The Bell Jar" // Вопросы переводоведения, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы. ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2020. С. 285 – 288.
2. Данилова С. «Зов Танатоса»: о поэзии Сильвии Плат // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 3. С. 526 – 532.
3. Дичковская Е.А., Небышинец М.С., Рогачева В.В. Ретроспективный взгляд на жанр «исповедальная поэзия» в американской литературе // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 17-18 окт. 2019 г. Минск: ИВЦ Минфина, 2019. С. 110 – 116.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 800 с.
5. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля: в 4 т. М.: ГИС, 1955. Т. 2. 779 с.
6. Шарышова Н.В. Синестетические метафоры в поэтическом языке Сильвии Плат // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее. Сборник материалов XIV Региональной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и магистрантов. Томск, 2018. С. 320 – 323.
7. Bassnett S. Sylvia Plath (Women writers). Palgrave Macmillan, 1987. 176 p.
8. The Cambridge Guide to Literature in English / ed.: D. Head. 3rd ed. Cambridge University Press, 2006. 1275 p.
9. Plath S. The Bell Jar. Harper Perennial Modern Classics, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.ca/ebooks/plaths-belljar/plaths-belljar-00-h.html> (дата обращения: 10.09.2021)
10. Plath S. The Colossus and Other Poems. Vintage, 1998. 96 p.

References

1. Andreeva O.A., Kurnikova N.S. Metafora i sravnenie kak sredstva peredachi depressii v romane Sil'vii Plat "The Bell Jar". Voprosy perevodovedeniya, mezhkul'turnoj kommunikacii i zaru-bezhnoj literatury. CHGPU im. I.Ya. Yakovleva. CHEboksary, 2020. S. 285 – 288.a
2. Danilova S. «Zov Tanatosa»: o poezii Sil'vii Plat. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'. 2017. T. 14. № 3. S. 526 – 532.
3. Dichkovskaya E.A., Nebyshinec M.S., Rogacheva V.V. Retrospektivnyj vzglyad na zhanr «ispovedal'naya poeziya» v amerikanskoj literature. Aktual'nye problemy gumanitarnogo obrazovaniya: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Minsk, 17-18 okt. 2019 g. Minsk: IVC Minfina, 2019. S. 110 – 116.
4. Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij. pod red. A.N. Nikol'yukina. M.: NPK «Intelvak», 2001. 800 s.
5. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka V.I. Dallya: v 4 t. M.: GIS, 1955. T. 2. 779 s.
6. SHaryshova N.V. Sinesteticheskie metafory v poeticheskom yazyke Sil'vii Plat. Issledovatel'skij potencial molodyh uchenyh: vzglyad v budushchee. Sbornik materialov XIV Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i magistrantov. Tomsk, 2018. S. 320 – 323.
7. Bassnett S. Sylvia Plath (Women writers). Palgrave Macmillan, 1987. 176 p.
8. The Cambridge Guide to Literature in English. ed.: D. Head. 3rd ed. Cambridge University Press, 2006. 1275 p.
9. Plath S. The Bell Jar. Harper Perennial Modern Classics, 2005 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.gutenberg.ca/ebooks/plaths-belljar/plaths-belljar-00-h.html> (data obrashcheniya: 10.09.2021)
10. Plath S. The Colossus and Other Poems. Vintage, 1998. 96 p.

**LEXICAL-STYLISTIC PECULIARITIES OF SYLVIA
PLATH'S POETRY AND PROSE**

*Kurnikova N.S., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Zasetskova E.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*

Abstract: this article is devoted to the study of the lexical and stylistic features of the lyrics and prose of Sylvia Plath, who is a prominent representative of “confessional poetry”. The genre of confession in literature goes back to the eponymous work of Saint Augustine (4th cent. AD), but its revival and renewal takes place in America in the 1st half of the XXth century in the works of S. Plath. The scientific novelty of the work lies in the fact that this is the first study of its kind in which an attempt is made to study the lexical and stylistic features of S. Plath's lyrics and prose in close connection with the facts of her biography, as well as with the social and historical context that brought confessional literature to life. The stylistic and philological analysis of Plath's works revealed the high allusiveness and rich imagery of Plath's texts. The leitmotifs of her work are death, nature, relationships with her father, and femininity, which is reflected in the frequency of certain keywords. Among the prevailing stylistic devices are metaphors, epithets and similes: it is they that make it possible to most accurately convey the subjectivity of Plath's feelings and experience through text. The frequent use of vocabulary with color semantics contributes to the general picture. The research enhances the understanding of S. Plath's work and confessional literature.

Keywords: S. Plath, poetry, prose, lexical-stylistic peculiarities, metaphor, confessional literature

ФУНКЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИЗДАНИЙ)

*Парахневич Е.В., кандидат филологических наук,
Волгоградский государственный университет*

Аннотация: современная общественно-политическая обстановка способствует развитию миграционных процессов и формированию так называемого мультикультурного пространства. Аудитория СМИ становится более сегментированной, в том числе по национальным признакам. Возникает пласт этнической журналистики, которая существует параллельно с местными федеральными медиа и создает закрытое медиaprостранство, где транслируется альтернативная точка зрения по ключевым вопросам: от сохранения национальных традиций до оценки текущей политической ситуации. Этническое СМИ может в равной степени способствовать культурной ассимиляции в стране пребывания и препятствовать ей. Это определяет цель нашей работы: выявить и описать функции, которые выполняют современные средства массовой информации, что позволит выявить тенденции, происходящие в динамичной мультикультурной медиасреде.

В основу исследования лег анализ периодических русскоязычных изданий четырех государств: Австралии, Великобритании, Канады и Франции, выбор которых определен их разной миграционной политикой и размером русской диаспоры, что оказывает влияние и на специфику местной этнической журналистики. В работе используется метод контент-анализа в сочетании с типологическим анализом. Результаты исследования позволяют выделить три глобальные функции этнических медиа: формирование повестки дня, формирование идейной позиции и формирование культурного пространства.

Ключевые слова: этнические медиа, журналистика русского зарубежья, функции журналистики, печатная периодика, диаспоральные СМИ, повестка дня, культурное пространство

В последние годы в связи с растущим этнокультурным разнообразием современных государств все большее значение приобретает изучение средств массовой информации этнических меньшинств. Этнические медиа выступают в качестве рупора национальных меньшинств и источника информации о внутренней жизни диаспоры. Фактически они существуют на стыке локальной, национальной и глобальной культур, поэтому в научной литературе неоднократно подчеркивалась их важную роль в межкультурном обмене и росте взаимопонимания между мигрантами и коренным населением [3, 12], что, правда, не всегда в полной мере реализовывается на практике.

СМИ национальных меньшинств ориентированы на локальную аудиторию, тем самым обеспечивая информационную поддержку закрытого, нишевого сообщества и создавая альтернативу местным федеральным и региональным средствам массовой информации, где в силу преобладания негативных стереотипов относительно мигрантов зачастую наблюдается доминирование националистической идеологии. Поэтому диаспоры предпочитают создавать собственное медиaprостранство, где они могут сформулировать личную точку зрения по информационной повестке дня, бороться с культурной гегемонией, изоляцией и дискриминацией [1, 2, 5, 9, 11]. Тем самым эмигрантские медиа представляют альтернативный взгляд на проблему мигрантов: более позитивный и лишенный стереотипов.

В научных работах отмечаются противоречия между редакционными запросами этнических ре-

дакций – в частности, обусловленных желанием эмигрантов играть социально активную роль в обществе, – и экономической реальностью, когда многие самобытные медиапроекты оказываются нежизнеспособными в силу финансовых проблем [6]. Экономические потребности этнических медиапредприятий, опосредованные малым размером аудитории, низким доходом от рекламы и отсутствием государственных субсидий, идут вразрез с культурными и социальными целями учредителей, обслуживающих информационные запросы своей диаспоры.

По мнению исследователей, этнические СМИ должны выходить за рамки исключительно новостного органа, играя более активную роль в мировой медиасреде посредством формирования национальной идентичности меньшинств и обмена культурной информацией: «Для этнического сообщества особую ценность имеет понятие общей идентичности, что подчеркивается существованием в чужой социальной и культурной среде» [7, с. 373]. Встает вопрос о том, какие функции, помимо чисто информативной, выполняет современное эмигрантское издание?

Функциональный подход в сфере массовых коммуникаций набрал популярность с 1950-х годов, когда Мертон и Лазерсфельд выделили три основные функции СМИ: присвоение статуса, контроль соблюдения социальных норм и наркотизация. Статус человека или социальной группы, по их мнению, меняется в зависимости от характера его освещения в СМИ; сообщение о случаях нарушения социальных норм позволяет регламен-

тировать поведение массовой аудитории, а наркотизация (проявляемая скорее как дисфункция) заключается в том, что медиа делают граждан пассивными и политически апатичными ([10]. Лассуэлл также описывал две функции, свойственные медиа: наблюдение и корреляцию. Под наблюдением он понимал процесс отбора значимых на взгляд редактора (или т.н. «привратника») новостей, а корреляция подразумевала привлечение внимания общественности и властей к проблемам, заслуживающим решения. Лассуэлл помимо этого отметил важность средств массовой информации в передаче культурных норм и ценностей от поколения к поколению [8]. Чарльз Райт, опираясь на теорию Лассуэлла, добавил и четвертую функцию СМИ: развлечение [14].

Вопрос о том, какие функции выполняют эмигрантские медиа сегодня, уже поднимался в научной литературе, но опосредованно, без обозначения специфики их проявления. Так, в частности, Рут де Суза отмечает, что для этнических СМИ характерны следующие т.н. «роли»: передачи культуры, поддержки диаспоры, сторожевая, ассимилятивная, поставщика информации и, менее выражено, профессионального развития. Также она отмечает, что СМИ могут выступать в качестве критика общественных институтов [4, с. 21]. В других работах подчеркивается, что СМИ национальных меньшинств в первую очередь являются инструментом изучения самобытной культуры, платформой для переговоров о социальном равенстве, а также служат целям информирования и развлечения [15]. О функциональных особенностях этнической журналистики говорили и отечественные ученые, в частности А.Смолярова, которая на основе теорий немецких исследователей Х. Пюрера и Р. Буркарта выделяет три группы функций: «направленные на интеграцию этнической группы в принимающее общество; направленные на поддержку и стимулирование плюралистического характера общества; направленные на создание общего пространства, позволяющего существовать вместе разным группам» [13].

Однако при анализе социальных «ролей» не отмечается, например, что этнические СМИ важны и как рекламный инструмент, поскольку по мере роста той или иной диаспоры местные предприятия малого и среднего бизнеса стремятся найти в ее среде новых клиентов. Не зафиксирован и тот факт, что этнические медиа зачастую используются в манипулятивных целях: как инструмент политической пропаганды. Почти двухвековая история русскоязычной эмигрантской периодики со времени Вольной русской типографии А.И. Герцена подтверждает тот факт, что многие СМИ изначально создавались именно в политиче-

ских целях, для продвижения идейной позиции своего учредителя.

Цель нашего исследования – выявить и описать основные функции, которые выполняют современные русскоязычные средства массовой информации. В работе используется метод контент-анализа в сочетании с типологическим анализом. Тип издания в данном случае предопределен декларируемой целью и особенностями издающего органа (учредителя). Он определяет характер информационной политики, который, в свою очередь, формирует особенности взаимоотношения редакции с аудиторией, что вкуче с анализом содержания позволяет определить специфику деятельности того или иного средства массовой информации, направленную на достижение заявленной им цели. Параметры анализа включают в себя выявление разных типов сообщений: информационных, рекламных, аналитических, культурно-просветительских, пропагандистских, общественно-гражданских и т.п., каждый из которых имеет свое назначение и определяет ту или иную функцию.

Материалом для исследования выступили русскоязычные периодические издания Австралии («Горизонт», «Единение», «Австралийская мозаика» «Жемчужина»), Великобритании («Pulse UK», «АНГЛИЯ: наши на острове», «Лондонский курьер»), Франции («Перспектива», «Русский очевидец», «Бреспублика») и Канады. Выбор государств обусловлен их разной миграционной политикой, которая определяет и характер медиаландшафта.

Великобританию можно считать колыбелью русской эмигрантской периодики, поскольку именно здесь, в Лондоне в 1853 г. А.И. Герцен открыл Вольную русскую типографию. При своем огромном влиянии на русскую жизнь эмигрантской прессы, русскоязычная диаспора в Англии никогда не отличалась большим составом. Точные сведения о том, сколько русскоговорящих на сегодняшний день проживает в Англии, разнятся, но местная диаспора до сих пор выпускает собственные печатные издания. Анализ их содержания позволяет говорить о следующих наблюдениях:

- Преобладают издания газетного типа, которые освещают политические, общественные, экономические, культурные и спортивные события жизни Великобритании, также большое внимание они уделяют международным и региональным новостям стран постсоветского пространства.

- Значительный срез материалов составляют публикации посвященные вопросам адаптации в принимающей среде (специфика местного законодательства, система налогообложения, здравоохранения и образования и т.п.).

- Редакции отрицают свою принадлежность политическим партиям, правительству или официальным организациям какой-либо страны, подчеркивают свою независимость и оставляют за собой право печатать материалы в «либеральных традициях свободной прессы».

- Встречаются материалы православной тематики: о вере как факторе единения русских людей даже за пределами родины.

- Присутствуют научно-популярные публикации об истории и достопримечательностях России, продвигающие идеи о важности сохранения русской идентичности; издания во многом ориентированы на сохранение родного языка, культуры, истории и религии.

- При этом образ современной России можно охарактеризовать как негативный; в числе доминирующих тем – хакерские атаки, экологические катастрофы, борьба с оппозицией; однако они представлены без едких комментариев, отсутствует стилистически-окрашенная лексика, подача – отстранённо-нейтральная.

Франция считается не самым перспективным европейским государством для получения гражданства или вида на жительство, однако по неофициальным данным там постоянно проживает от 150 до 400 тысяч русских, включая нелегалов; еще 500 тысяч русскоязычных граждан ежегодно посещают страну ради туризма или налаживания деловых связей. Это определяет и характер местной русскоязычной прессы.

Французские издания можно условно поделить на два типа: общественно-политические и рекламно-глянцевые журналы. Учредителем изданий первого типа выступают общественные организации и фонды: русско-французская ассоциация «Перспектива», Центр русского языка и культуры и т.д., что подчеркивает их некоммерческую направленность. Медиа второго типа в большей степени ориентированы на рекламу и выпускаются частными лицами и корпорациями, продвигающими свои интересы.

- Во французских изданиях отсутствует информация справочного характера, актуальная для переселенцев: в частности о специфике французского законодательства, об особенностях местной системы здравоохранения и образования и т.п. они в большей степени ориентированы на временно пребывающих в стране.

- Новостной срез, как правило, ограничен реалиями местной жизни, а также выступлениями французских политиков на мировой арене.

- Наблюдается преобладание публикаций культурно-образовательной и просветительской тематики: о местных достопримечательных,

выставках и концертах, исторических событиях и т.п.

- Издания разной политической направленности, тем не менее, одинаково избегают конфликтных и провокационных тем, предпочитая сохранять нейтралитет.

- Аналитические материалы довлеют над информационными, дается большое количество комментариев, редакции старательно подходят к выбору экспертов.

- В туристических журналах, выпускаемых на побережье, наблюдается большое количество рекламы, навязывающей читателю «гламурные» стандарты жизни. Однако необычен выбор русских «икон стиля»: в числе респондентов много представителей интеллектуальной элиты.

Русская диаспора в Австралии невелика в силу удаленности континента, но считается сплоченной, и это подтверждает тот факт, что здесь на протяжении шести десятков лет выходят две старейшие общественно-политические газеты русского зарубежья – «Горизонт» и «Единение». Кроме того, в Австралии по-прежнему востребован тип «толстого» литературно-художественного журнала и литературного альманаха.

- Информационные издания делают акцент на новостях культурной и духовной направленности, рассказывают о религии, исконно-русских традициях, особенностях языка и тенденциях его развития.

- Активно публикуются объявления о товарах и услугах, которые предоставляет исключительно русский бизнес.

- В аналитических материалах рассматриваются преимущественно проблемы жизни общины, отношения внутри диаспоры. Новости внешнего мира освещены слабо.

- Особое место занимает творчество и культура: в текстах говорится о том, какой вклад вносят представители русскоговорящего населения в австралийскую и в мировую культуру.

- Отличительная черта австралийских эмигрантских изданий (особенно это заметно на примере газеты «Единение») – создание позитивной, теплой, «семейной» информационной среды, транслирующей необходимость в консолидации, которая, в свою очередь, поможет сохранить чистоту и грамотность русского языка, очертить и защищать культурное пространство, знать о достижениях «русских австралийцев» и преумножать их.

Канада продвигает политику мультикультурализма, обеспечивая этническим медиа серьезную государственную поддержку. На территории стра-

ны выделяются несколько русскоязычных издательских центров в Монреале и Ванкувере.

- Судя по спектру освещаемых тем, канадские русскоязычные медиа адресованы не ново-прибывшим эмигрантам, а потомкам предыдущих поколений, поскольку не затрагивают вопросы, связанные с адаптацией в новой среде.

- Издания ориентированы на освещение текущей повестки дня, внутривластной и экономической жизни региона.

- Деятельность любых политиков (и российских, и канадских) практически всегда получает негативную оценку, даже если в материале идет речь об инициативах, которые теоретически призваны улучшить образ жизни канадских граждан, к которым издания причисляют свою аудиторию;

- Зачастую ответствует указание на источник информации; издания стремятся к психологической манипуляции сознанием читателя, апеллируя к «анонимному авторитету», опровергнуть который сложнее авторизованного; тем самым критическая подача материала в сочетании с полным отсутствием источников информации вызывает сомнения в объективности СМИ.

- Активно популяризируются распространенные в интернете политические медиа-мифы.

Итак, процессы глобализации и масштабы современных миграционных процессов бросают вызов границам национальных государств. Этнические СМИ отличаются большим разнообразием; на их профиль благодаря миграционной политике заметно влияет регион, где они выходят. В целом их деятельность можно свести к выполнению трех глобальных функций:

1. *Формирование повестки дня*, когда читателю предлагается альтернативный взгляд на текущие события. Русскоязычные издания удовлетворяют потребности аудитории в справочной информации, которая отсутствует в местных СМИ: в частности, о работе, жилье, образовании или налоговых льготах. Они помогают поддерживать общественный порядок, дают конкретные инструкции о том, какие шаги необходимо предпринять в переходный период, позволяют наладить связь внутри разрозненного этнического сообщества (которое можно поделить на мигрантов первого и второго поколений), вовлечь в процесс коммуникации тех, кто плохо владеет местным языком. Также средства массовой информации охотно оказывают информационную поддержку этническому бизнесу – во многом потому, что это снижает их собственные трудности финансирования. Тем самым происходит процесс коммодитизации

этнической самобытности, и она встает на службу экономической выгоде. Стоит, однако, отметить, что создавая собственное русскоязычное пространство, этнические медиа невольно снижают количество контактов с внешним миром, усиливают чувства изоляции диаспоры и в определенной мере препятствуют ассимиляции мигрантов в местное сообщество.

2. *Формирование идейной позиции*. Характер освещения тем и их интерпретация определяет отношение читателей к общественно-политическим событиям. При этом некоторые русскоязычные медиа (особенно в Канаде) тяготеют к «агрессивному» навязыванию позиции и не всегда позволяют достичь консенсуса, поскольку редакция изначально ставит перед собой манипулятивные цели: например, разжигания ненависти к тем или иным слоям общества. По сути, СМИ выступает в качестве инструмента для обслуживания интересов политической группировки. Это наблюдение справедливо отнюдь не для всех изученных нами изданий, однако, тем не менее, оно распространено и в этом случае должно рассматриваться скорее как дисфункция.

3. *Формирование культурного пространства*. Русскоязычные медиа доводят к сохранению родных ценностей и традиций и одновременно предлагают принимающей стороне признать существование новой субкультуры в их среде. Все этнические СМИ стремятся вовлечь читателей в свою среду и культуру, предлагают материалы, способствующие интеллектуальному, научному и духовному развитию аудитории. Русскоязычная периодика способствует выражению этнической идентичности и позволяет нивелировать негативный образ мигранта, транслируемый в местных СМИ.

В целом этнические СМИ играют чрезвычайно ценную роль в объединении диаспоры. Теоретически они могли бы стать мощным инструментом лоббирования своих интересов и взаимодействия с местным правительством, сформировав площадку для обсуждения насущных для национального меньшинства проблем, однако на практике эта функция остается нереализованной. На сегодняшний день русскоязычные медиа уже не являются единственным источником информации для диаспоры, однако, тем не менее, представляют собой культурный феномен и являются для эмигрантов важным инструментом самопознания.

Литература

1. Bailey O.G., Cammaerts B., Carpentier N. Understanding alternative media. Maidenhead: Open University Press, 2007. 195 p.
2. Benson R. Shaping immigration news. A French-American comparison. New York: Cambridge University Press, 2013. 296 p.
3. Budarick J. Belonging – Security across Borders: News Media, Migration and the Spaces of Production // International Journal of Communication. 2015. № 9 (1). P. 2583 – 2600.
4. De Souza R. Ethnic migrant media: weaving ourselves a home // Ethnic Migrant Media Forum, Unitec Institute of Technology, Auckland, New Zealand. 2014. P. 20 – 23.
5. Ferrández-Ferrer A., Retis J. Hegemony and resistance in the media space: ethnic minority media // Comunicación y diversidad. Selección de comunicaciones del VII Congreso Internacional de la Asociación Española de Investigación de la Comunicación (AE-IC). Valencia, España. 2020. P. 131 – 141.
6. Gómez-Crespo P. Publicidad y uso instrumental de la identidad etnocultural en los medios de comunicación migrantes. Suárez-Navaz, Liliana; Ferrández-Ferrer, Alicia y Martínez-Corcuera, Raúl (eds.). Medios de comunicación latinos: Comunicación y cultura en la España neoliberal. Donostia: Gakoa, 2019. P. 47 – 66.
7. Korkonosenko S.G., Bereznaia M.A. Community media online: research approaches and practices of functioning. Case ethnic media // Holos. 2017. T. 5. P. 370 – 381.
8. Lasswell H. The structure and function of communication in society // The communication of ideas. New York, NY: Harper & Brothers, 1948. P. 37 – 51.
9. Lay S. and Thomas L. Ethnic Minority Media in London: Transition and Transformation // Media, Culture & Society. 2012. № 34 (3). P. 369 – 380.
10. Lazarsfeld P., Merton R. Mass communication, popular taste and organized social action. Indianapolis, Bobbs-Merrill. College Division, 1960, 17 p.
11. Molnar H., Meadows M. Songlines to satellites: Indigenous communication in Australia, the South Pacific and Canada. Annandale, Australia: Pluto Press, 2001, 260 p.
12. Shi Y. Re-evaluating the 'alternative' role of ethnic media in the US: The case of Chineselanguage press and working-class women readers // Media, Culture & Society. 2009. № 31 (4). P. 597 – 616.
13. Smoliarova A. Functional Identity of Ethnocultural Media // Mediascop. 2014. № 3.
14. Wright C. Functional analysis and mass communication revisited // The uses of mass communications: Current perspectives on gratifications research. Beverly Hills, CA: SAGE, 1974. P. 197 – 212.
15. Zalipour A. Defining the terms – function of

ethnic media in New Zealand // Ethnic Migrant Media Forum, Unitec Institute of Technology. Auckland, New Zealand, 2014. P. 27 – 29.

References

1. Bailey O.G., Cammaerts B., Carpentier N. Understanding alternative media. Maidenhead: Open University Press, 2007. 195 p.
2. Benson R. Shaping immigration news. A French-American comparison. New York: Cambridge University Press, 2013. 296 p.
3. Budarick J. Belonging – Security across Borders: News Media, Migration and the Spaces of Production. International Journal of Communication. 2015. № 9 (1). P. 2583 – 2600.
4. De Souza R. Ethnic migrant media: weaving ourselves a home. Ethnic Migrant Media Forum, Unitec Institute of Technology, Auckland, New Zealand. 2014. P. 20 – 23.
5. Ferrández-Ferrer A., Retis J. Hegemony and resistance in the media space: ethnic minority media. Comunicación y diversidad. Selección de comunicaciones del VII Congreso Internacional de la Asociación Española de Investigación de la Comunicación (AE-IC). Valencia, España. 2020. P. 131 – 141.
6. Gómez-Crespo P. Publicidad y uso instrumental de la identidad etnocultural en los medios de comunicación migrantes. Suárez-Navaz, Liliana; Ferrández-Ferrer, Alicia y Martínez-Corcuera, Raúl (eds.). Medios de comunicación latinos: Comunicación y cultura en la España neoliberal. Donostia: Gakoa, 2019. P. 47 – 66.
7. Korkonosenko S.G., Bereznaia M.A. Community media online: research approaches and practices of functioning. Case ethnic media. Holos. 2017. T. 5. P. 370 – 381.
8. Lasswell H. The structure and function of communication in society. The communication of ideas. New York, NY: Harper & Brothers, 1948. P. 37 – 51.
9. Lay S. and Thomas L. Ethnic Minority Media in London: Transition and Transformation. Media, Culture & Society. 2012. № 34 (3). P. 369 – 380.
10. Lazarsfeld P., Merton R. Mass communication, popular taste and organized social action. Indianapolis, Bobbs-Merrill. College Division, 1960, 17 p.
11. Molnar H., Meadows M. Songlines to satellites: Indigenous communication in Australia, the South Pacific and Canada. Annandale, Australia: Pluto Press, 2001, 260 p.
12. Shi Y. Re-evaluating the 'alternative' role of ethnic media in the US: The case of Chineselanguage press and working-class women readers. Media, Culture & Society. 2009. № 31 (4). P. 597 – 616.
13. Smoliarova A. Functional Identity of Ethnocultural Media. Mediascop. 2014. № 3.

14. Wright C. Functional analysis and mass communication revisited. The uses of mass communications: Current perspectives on gratifications research. Beverly Hills, CA: SAGE, 1974. P. 197 – 212.

15. Zalipour A. Defining the terms – function of ethnic media in New Zealand. Ethnic Migrant Media Forum, Unitec Institute of Technology. Auckland, New Zealand, 2014. P. 27 – 29.

FUNCTIONS OF ETHNIC JOURNALISM (BY THE CASE OF RUSSIAN-LANGUAGE PRINTED MEDIA)

*Parakhnevich E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Volgograd State University*

Abstract: the current socio-political situation contributes to the development of migration processes and formation of the so-called multicultural space. The media audience is becoming more segmented by various criteria, including national characteristics. There emerges a layer of ethnic journalism that functions in parallel with local federal media and creates a closed media space where they broadcast an alternative point of view on key issues: from the preservation of national traditions to the assessment of the current political situation. Ethnic media can equally promote and hinder cultural assimilation in the host country. This determines the purpose of the given work: to identify and describe the functions performed by modern media, which will allow us to identify trends occurring in a dynamic multicultural media environment.

The study is based on the analysis of Russian-language periodicals of four countries: Australia, Great Britain, Canada and France. The choice is determined by their different migration policies and the size of the Russian diaspora, which also affects the specifics of local ethnic journalism. The paper applies methods of content and typological analyses. The results of the study allow us to distinguish three global functions of ethnic media: formation of an agenda, formation of an ideological position and formation of a cultural space.

Keywords: ethnic media, journalism of Russian Diaspora functions of journalism, printed media, diasporic media, agenda setting, cultural space

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРАМЫ ТУФАНА МИННУЛЛИНА «ХУШЫГЫЗ!» («ПРОЩАЙТЕ!»)

*Шарипова А.С., кандидат филологических наук,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Аннотация: *цель* настоящей статьи заключается в анализе основных мотивов и художественных особенностей драмы Туфана Миннуллина «Хушыгыз!» («Прощайте!», 1992). Для достижения вышеуказанной цели поставлены следующие *задачи*: 1) выявить особенности проявления мотива прощения, мотива прощания и мотива отчуждения в драме Туфана Миннуллина «Хушыгыз!» («Прощайте!»); 2) раскрыть роль вышеуказанных мотивов в идейно-эстетическом содержании драмы; 3) на основе проведенного анализа произведения определить художественные и социальные задачи, поставленные автором. *Полученные результаты* показывают, драма Туфана Миннуллина «Хушыгыз!» («Прощайте!») направлена на художественное изображение перелома в общественном сознании в период «перестройки», вызванного крушением единой мировоззренческой системы и разрушением идеалов. Мотив прощения, выступающий в качестве центрального мотива, а также мотив прощания, мотив отчуждения нацелены на углубление психологического анализа, экзистенциального начала и способствуют усилению смысловой нагрузки и раскрытию философской идеи произведения. Стремления автора к переосмыслению явлений национального и социокультурного порядка, познанию действительности, философские размышления о человеческой душе и законах бытия приводят к трансформации устоявшегося художественного мышления.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования материалов в фундаментальных трудах по истории татарской литературы, на курсах по татарской драматургии в вузах, а также при составлении учебников и методических пособий по данной теме.

Ключевые слова: татарская драматургия, Туфан Миннуллин, мотив прощения, проблема, идея, герой, конфликт

В связи с демократическими реформами, отменой политической цензуры со второй половины 1980-1990 годов в литературном процессе начинаются обновленческие процессы, характеризующиеся возникновением «новой идейно-эстетической концепции, которая, с одной стороны, подводила итоги художественным и эстетическим экспериментам XX столетия, с другой – стремилась выразить всю сложность и противоречивость наступившей действительности» [8, с. 3]. Как пишет Д.Ф. Загидуллина, рубеж XX-XXI веков для татарской литературы, становится «временем системной трансформации, связанной со сменой художественных парадигм» и, по мнению ученого, «в этом процессе татарская драма взяла на себя роль лидера, отличаясь среди других литературных родов активностью авангардных форм и новым взглядом на роль и функции художественной литературы» [3, с. 11].

В татарской драматургии исследуемого периода особое место занимает пьеса Т. Миннуллина «Хушыгыз!» («Прощайте!», 1992), являющейся третьей частью трилогии. «Драмы «День рождения Миляуши», «Где собрались друзья» и «Прощайте!» составляют единый цикл не только тем, что в них участвуют одни и те же персонажи, но и тем, что в них поставлены значительные проблемы, смело и оригинально отражающие взаимоотношения общества и личности. Если в двух частях трилогии в центре внимания стоят вопросы стремления человека найти свое место в жизни, как стать полезным для

других и общества (а это в советское время находится на первом месте!), то в драме «Прощайте!» ставится проблема ответственности общества перед своими членами» [1, с. 452]. Уточняя это мнение, можно сказать, что в первой и второй частях конфликт вызревает между принятыми большинством в обществе порядками и законами совести. Описывая картину городской жизни представителей татарской интеллигенции, драматург указывает, что люди, сумевшие не идти наперекор своей совести, становятся изгоями.

В третьей части конфликт возникает между общественными и соответствующим духовным и этическим традициям национальными ценностями, порядками, воззрениями. Пьеса направлена на художественное изображение перелома в общественном сознании в период «перестройки», вызванного радикальными изменениями в социально-экономических и политических сферах, крушением единой мировоззренческой системы, разрушением идеалов. Духовный кризис, разочарования, растерянное состояние целого поколения, воспитанного на советских идеях, показывается через изображение судеб тех же представителей татарской творческой интеллигенции, которые зритель наблюдал в первой и второй частях трилогии. Главной героиней драмы является некогда знаменитая, но сейчас уже подзабытая обществом певица Миляуша. Сюжет пьесы построен на изображении последних дней жизни безнадежно больной одинокой Миляуши. Сожаление об ушедшей молодости, осознание

лживости идеалов, раскаяние об ошибках, разочарование в друзьях находит звучание в песне Миляуши:

*«Бу дөнъяда яшәп карап шуны белдем –
Хак дигәнем барысы да ялган икән:
Ак дигәнем, пакь дигәнем корым булып
Йөрәгемә, бәгыремә яуган икән» [6, с. 61] /
«Живя в этом мире, я узнала то –
Все, что я называла правдой, оказалось ложью:
То, что я называла белым, чистым, будучи
сажей,*

Падала на мое сердце, на мою душу»
(Подстрочный перевод автора – А.Ш.).

Переосмыслив свою прожитую жизнь, она перед смертью приглашает к себе из деревни давно забытую первую любовь – искреннего, добродушного Галимуллу, просит у него прощения и передает завещание, адресованное своим бывшим друзьям, записанное на магнитофонную ленту. Автор, «показывая в характере и поступках Миляуши все приметы Одиночества, открывает перед читателем-зрителем момент осознания смысла жизни на грани жизни и смерти как Истину» [5, с. 362]. Динамика действия драмы подчинена раскрытию противоречий, терзающих душу героини, доведенных до безысходности, таким образом, философия экзистенциализма становится основным лейтмотивом пьесы, что наиболее полно отражается и в монологе героини:

*«М и л а у ш а. ... Киләчәк турында мин инде
уйлый алмыйм, дөнъя белән мине бары үткәннәр
генә бәйләп тора. Ничаклы үкенеч, яңадан
барысын да кире кайтарып яшәп булмый шул.
Әмма миңа бүген әңгел. Жаным тормышның
чүп-чарларыннан арынып калды. Даны да,
шөһрәте дә, сәясәте дә, сәяхәте дә – берсе дә
кирәкми инде миңа. Миңа бары тик мөмкин
булганча аруланып кына китәргә кирәк. Күпме
гөнаһ әжыелган. Гөнаһларымның березын гына
кичер, дип ходайга ялварыр идем, бер генә дога да
белмим. Догасыз калган буын» [6, с. 72] / «М и л я
у ш а. ... О будущем я уже не могу думать, с
миром меня связывает только прошлое. Как
досадно, но вернуть уже все обратно
невозможно. Но мне сегодня легко. Душа
избавилась от мусора жизни. Ни слава, ни
признание, ни политика, ни путешествия – ничего
мне уже не нужно. Мне нужно только уйти,
очистившись настолько, насколько это возможно.
Сколько грехов накопилось. Обратилась бы к богу
об отпущении грехов, но не знаю ни одной
молитвы. Мы – поколение, оставшееся без
молитвы» (Здесь и далее перевод автора статьи. –
А. Ш.).*

На примере судеб Миляуши и ее бывших друзей – Рафиса, Фагима, Нурислама, Шагита –

драматург затрагивает еще одну серьезную социальную проблему. Социально-экономические преобразования, трансформация ценностей привели к не востребоваемости творческих личностей в новых условиях, как следствие – к их глубокому духовому кризису: кто-то из них сменил сферу деятельности, кто-то потерял ориентиры в жизни и вообще спился. Они все одинаково несчастны, это связано, с одной стороны, с осознанием зря прожитой жизни, поверив ложным идеалам и становясь жертвой идеологии времени, с другой стороны, с пониманием собственного бессилия и безысходности в сложившейся ситуации. Поэтому произведение понимается как философское прощание целого поколения не только со своими мечтами молодости, стремлениями, как и прощание с советской эпохой в целом.

Главная героиня Миляуша, подводя итоги жизни, осознает, что для нее очень важно покаяться перед смертью и попросить прощения у всех, кто был в ее окружении. Поэтому, как отмечают Н.М. Юсупова и М.И. Ибрагимов, «мотив прощения, как и мотив прощания, является сквозным в пьесе» [9, с. 127]. Понимание вины перед преданным Галимуллой, который всю жизнь безответно любил Миляушу, сожаление за несдержанные клятвы перед друзьями никогда не расставаться и быть честными друг перед другом, раскаяние за «игру в счастливую жизнь» и неискренность перед своими зрителями, в итоге, острая потребность в покаянии перед Богом – все эти ощущения героини психологически тонко передает трагедию личности и рассматривается в связи с общественными проблемами. Как пишет А. Салихова, «грех, которым так мучается никому не сделавшая зла Миляуша, воспринимается как вина системы, общий грех всех зажигаемых с чьего-то соизволения звезд, сотворенных кумиров» [7, с. 310-311], таким образом, происходит деконструкция советского мифа о счастливой жизни.

Нежелание героини лично проститься со старыми друзьями и просьба не подпускать их к себе даже после смерти заставляет задуматься о смысле жизни и переполняет чувством вины и других персонажей пьесы. Мотив отчуждения, вызванное крушением иллюзий, становится предпосылкой для раскрытия причин дисгармоничных, полных драматизма отношений между «друзьями». Основная идея драмы заключается в том, что наивысшая ценность в жизни человека – это любовь, уважение, искренность в отношениях, взаимопонимание и свобода в проявлении чувств. Повседневная ложь в обществе и быту, фальш в отношениях приводят к потере истинного смысла жизни и доверии друг к другу.

Основная коллизия в пьесе складывается из

противоречия между ценностями двух культурно-исторических эпох – советского периода, представителями которого в пьесе является поколение Миляуши и его «друзей», и постсоветского пространства, которое представлено в драме всего лишь одним персонажем – преуспевающим предпринимателем Рустемом, сыном Рафиса. Именно слова Рустема, звучащие в финале драме, воспринимаются как оценка жизни предыдущего поколения с позиции новых ценностей общества, характеризующегося кардинальными изменениями приоритетов, также символизирует приход абсолютно нового поколения с совершенно другим мировоззрением, мироощущением:

«Р ө с т ə м. ... Исәнмесез, иҗат әһелләре. Наман да әле атачланәсезме? Дөнъяны матурларга җыенасызмы? Кеше күңелен камил итәргә җыенасызмы? Кызганыч кешеләр сез. Бүгенге дөнъяга сыймаган кешеләр. Шулай да сез миңа ошыйсыз. Чөнки сез җүләрләр, тилеләр. Ә җүләрләрсез, тилеләрсез кешеләр яши алмый...» [6, с. 93] / *«Р у с т е м. ... Здравствуйте, творческие люди. Вы все еще петушитесь? Собираетесь все еще украшать мир? Собираетесь совершенствовать душу человека? Жалкие люди вы. Люди, не вписывающиеся в современный мир. Но вы мне нравитесь. Потому что вы дураки, дураки. А без дураков, без дураков люди жить не могут...»*

Слова Рустема, с одной стороны, выражают всю сложность и противоречивость наступившей действительности, с другой стороны, их звучание на татарском языке вызывают надежду на сохранение традиционных общечеловеческих и национальных ценностей.

Пьеса отличается от драматических произведений советского периода не только новым содержанием, но и новизной в использовании художественных приемов. Как отмечает А. Закирзянов, «в драме «Прощайте!» мы видим некий синтез изобразительных средств, присущих реализму, романтизму, модернизму» [4, с. 189]. Если воспоминания Миляуши и Галимуллы, связанные с чувствами первой любви, первым выступлением певицы на сцене, переполненные искренними, яркими эмоциями, являются романтическими художественными приемами, то мотивы экзистенциализма, одиночества, использование приема завешания исповедального характера – приемы, характерные модернизму, также органично переплетаются с реалистической основой пьесы.

Кроме этого, «образ Миляуши, всю себя посвятившей служению музыкальному искусству и лишь ближе к концу, будучи уже позабытой и обществом, и «друзьями», познавшей горькую

истину, что ее жизнь оказалась бессмысленной, а настоящая, полнокровная – она прошла где-то рядом, мимо нее, – это большая находка автора» [4, с. 188]. Если «под «героем времени» в советском литературоведении понимался герой положительный, и для литератур социалистического реализма первостепенной задачей было создание именно такого образа: героя революции, героя войны, энтузиаста труда, новатора, «тимуровца», «корчагинца» наших дней, образца для подражания» [2, с. 7], то в центре внимания данной пьесы, в отличие от первой и второй частей трилогии, оказывается психологический мир, внутренние коллизии обыкновенного человека, и усиливается «аналитическое исследование» его душевного состояния.

Таким образом, делая выводы, можно отметить: в драме Т. Миннуллина «Прощайте!», являющейся «многоплановым произведением, отражающим сложные проблемы, возникшие в общественно-политических и экономических условиях России после распада СССР» [1, с. 455], в отличие от первых двух пьес трилогии, на первый план выходит нравственно-философские размышления о предназначении человека, смысле жизни и духовной связи между людьми. Освобождение от идеологических установок открывает путь к более глубокому проникновению в различные сферы сознания, к постижению сущности человека и его бытия. Мотив прощения, являющийся центральным мотивом пьесы, а также мотив прощания, мотив отчуждения нацелены на углубление психологического анализа, экзистенциального начала и способствуют усилению смысловой нагрузки и раскрытию философской идеи произведения.

Конфликт пьесы, основанной на синтезе нравственного, социального и философского контекстов, формируется между общественными порядками и вековыми национальными духовно-нравственными канонами. Не только бытовые межличностные этические установки, но и национальные традиции, мировоззрение и менталитет татар возводятся автором в ранг непреходящих ценностей бытия. В конечном счете, трактуемые национальными и противопоставленные общественным (советским) качества: любовь, взаимопомощь, дружба, милосердие, взаимоподдержка, честность – оказываются равноценными общечеловеческим приоритетам. Тем самым, драматург отдает предпочтение национальному и общечеловеческому – в противовес общественному. Глубокое психологическое воссоздание характера главного героя, осознавшего это несоответствие общественного и национального, становится открытием не только творчества Т. Миннуллина, но и всей татарской драматургии.

Литература

1. Ахмадуллин А.Г. Татарская драматургия: история и проблемы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 511 с.
2. Громова М.И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 368 с.
3. Загидуллина Д.Ф. Татарская литература и национальный театр: одна дорога на двоих // Театр XXI века и вызовы нового времени: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию татарского театра. Казань, ИЯЛИ, 2016. С. 4 – 13.
4. Закирзянов А.М. Проблема эпохи и героя в современной татарской драматургии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета 2009. № 7 (41). С. 187 – 191.
5. Закиржанов Ә.М. Туфан Миңнуллин / Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р.Ф. Рахмани]. Казан: Фолиант, 2019. 7 т.: 1985-2000 еллар / [фәнни мөх.: Д.Ф. Загидуллина, Ә.М. Закиржанов]. 2019. Б. 347 – 372.
6. Миңнуллин Туфан. Ай булмаса, йолдыз бар: Пьесалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. 407 б.
7. Салихова А.Р. Особенности формирования и развития татарского сценического искусства. Казань: ИЯЛИ, 2016. 360 с.
8. Юзмухаметова Л.Н. Постмодернизм в татарской прозе: диалог с западными и восточными художественными традициями: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2014. 32 с.
9. Юсупова Н.М., Ибрагимов М.И. Современная татарская драматургия / Национальные литературы республик Поволжья (1980-2010 гг.): коллективная монография / науч. ред. В.Р. Аминова. Барнаул: ИГ «Си-пресс», 2012. 234 с.

References

1. Ahmadullin A.G. Tatarskaya dramaturgiya: istoriya i problemy. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2012. 511 s.
2. Gromova M.I. Russkaya dramaturgiya konca XX – nachala XXI veka: ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. M.: Flinta: Nauka, 2006. 368 s.
3. Zagidullina D.F. Tatarskaya literatura i nacional'nyj teatr: odna doroga na dvoih. Teatr XXI veka i vyzovy novogo vremeni: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 110-letiyu tatarskogo teatra. Kazan', IYALI, 2016. S. 4 – 13.
4. Zakirzyanov A.M. Problema epohi i geroya v sovremennoj tatarskoj dramaturgii. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta 2009. № 7 (41). S. 187 – 191.
5. Zakiržanov Ә.М. Tufan Miңnullin. Tatar әдәбияты тарихы: сигез томда. [төз. R.F. Rahmani]. Kazan: Foliant, 2019. 7 t.: 1985-2000 ellar. [fәнни мөх.: D.F. Zahidullina, Ә.М. Zakiržanov]. 2019. B. 347 – 372.
6. Miңnullin Tufan. Aj bulmasa, joldyz bar: P'esalar. Kazan: Tatar. kit. nәshr., 1996. 407 b.
7. Salihova A.R. Osobennosti formirovaniya i razvitiya tatarskogo scenicheskogo iskusstva. Kazan': IYALI, 2016. 360 s.
8. Yuzmuhametova L.N. Postmodernizm v tatarskoj proze: dialog s zapadnymi i vostochnymi hudozhestvennymi tradiciyami: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2014. 32 s.
9. Yusupova N.M., Ibragimov M.I. Sovremennaya tatarskaya dramaturgiya. Nacional'nye literatury respublik Povolzh'ya (1980-2010 gg.): kollektivnaya monografiya. nauch. red. V.R. Amineva. Barnaul: IG «Si-press», 2012. 234 s.

**THE MAIN MOTIVES AND ARTISTIC FEATURES OF
TUFAN MINNULLIN'S DRAMA «GOODBYE!»**

*Sharipova A.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences*

Abstract: *the purpose* of this article is to analyze the main motives and artistic features of Tufan Minnullin's drama «Goodbye!», 1992. To achieve the above goal, the following *tasks* are set: 1) to identify the features of the manifestation of the motive of forgiveness, the motive of farewell and the motive of alienation in Tufan Minnullin's drama «Goodbye!»; 2) to reveal the role of the above-mentioned motives in the ideological and aesthetic content of the drama; 3) on the basis of the analysis of the work to determine the artistic and social tasks set by the author. The obtained results show that Tufan Minnullin's drama «Goodbye!» is aimed at an artistic depiction of the turning point in public consciousness during the period of «perestroika» caused by the collapse of a unified ideological system and the destruction of ideals. The motive of forgiveness, which stands as the central motive, as well as the motive of farewell, the motive of alienation, are aimed at deepening psychological analysis, existential beginnings and contribute to strengthening the semantic load and disclosure of the philosophical idea of the work. The author's aspirations to rethink the phenomena of the national and socio-cultural order, cognition of reality, philosophical reflections on the human soul and the laws of being lead to the transformation of established artistic thinking.

The practical significance of the work is determined by the possibility of using materials in fundamental works on the history of Tatar literature, in courses on Tatar drama at universities, as well as in the compilation of textbooks and methodological manuals on this topic.

Keywords: Tatar drama, Tufan Minnullin, motive of forgiveness, problem, idea, hero, conflict

РАЗЛИЧИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. НАБОКОВА В КИТАЕ

*Ван Шиюй, аспирант,
Восточно-китайский педагогический университет, Китай*

*Работа поддержана Восточно-китайским педагогическим университетом КНР в рамках повышения академической инновационной способности выдающихся аспирантов Восточно-Китайского педагогического университета 2020 года в области гуманитарных и социальных наук №YBNLTS2020-031
«Возвращение к литературной сцене: исследование литературных журналов Русского Парижа»*

Аннотация: с 1980-х годов произведения писателя и литературоведа В. Набокова были переведены одно за другим на китайский язык. Переводчиками в самом начале в основном выступали литературоведы английского языка, большинство из которых бывали в США, имели прямые контакты с интеллигенцией Америки и получили представления о состоянии исследования В. Набокова за рубежом. В силу разных причин они переводили произведения Набокова напрямую с английского языка. После распада СССР, литературоведы русского языка стали вступить в стелу исследования произведения В. Набокова в Китае. Потом литературоведы английского и русского языка вместе сыграли важную роль в деле распространения произведений В. Набокова в Китае. В статье рассматривается история восприятия в Китае произведений и идей В. Набокова в 1980-х и XXI веках. Автор акцентирует внимание на анализе различия литературоведов английского и русского языка в интерпретации В. Набокова в разные периоды исследования и анализирует основные причины.

Ключевые слова: В. Набоков, литературоведы английского языка, литературоведы русского языка, различия в интерпретации, Китай, литература русского зарубежья

Введение

В.В.Набоков занимает незаменимое место в истории русской и мировой литературы XX века. Он не только поэт, прозаик, переводчик, но и литературовед, критик и энтолог. С тех пор, как он начал публиковать свой первый роман «Машенька», он сразу привлек внимание критиков и писателей русского зарубежья. Сегодня плоды изучения Набокова и его произведений с разных сторон появляются во всем мире. Хотя плоды этих исследований уже углубили наше понимание Набокова, он по-прежнему остается загадкой, достойной постоянного перечитывания и изучения. Исследования Набокова в Китае и России отстают от исследований его в западных странах, таких как США. В основном это связано с политическими причинами. Набоков был эмигрантом первой волны русского зарубежья в XX веке. В то время советское правительство считало русских эмигрантов как диссиденты или повстанцы, поэтому распространение и исследование произведений Набокова в Советском Союзе запрещено. После основания Нового Китая китайско-советские обмены когда-то были близкими и дружескими, поэтому наша страна представила в основном русскую литературу и искусство, которые соответствовали основной идеологии Советского Союза. Только в 1980-х годах, когда система холодной войны постепенно рухнула, Набоков и его работы начали проникать в Китай.

Вообще говоря, книга «Пнин» (переводчик Мэй Шаоу), опубликованная Шанхайским издательством «Переводной текст» в 1981 году, стала для Набокова первой ступенькой, которая вошла в кругозор китайских читателей и ученых. Это произошло на пять лет раньше, чем в советском журнале «Шахматы» в 1986 году была опубликована книга «Защита Лужина», которая знаменовала отмену запрета Набокова. Самая ранняя исследовательская статья о Набокове в материковом Китае «Немного о Набокове» (1987). Эта статья была написана известным китайским переводчиком английской и американской литературы Мэй Шаоу, который собрал большое количество материалов исследования Набокова во время своего визита в США в 1984 году. Поэтому, помимо обзора жизни писателя и основных сюжетов его произведений, в статье также подробно перечисляются плоды исследований Набокова западными учеными. С тех пор Набоков постепенно становился центром внимания китайских академических кругов.

Таким образом, история исследования Набокова в Китае началось в конце 1980-х годов и может быть разделено на три этапа: первый этап – с 1980-х по 1989 год, второй этап – с 1989 по 1999 год, а третий этап – с 2000 года по настоящее время. Согласно статистике CNKI, с 1980 по 2021 год Набоков использовался в качестве ключевого слова для поиска журнальных статей, связанных с Набоковым (по состоянию на 25 ноября 2021 года) составляют 955 статей, уступая только Леву Толсто-

му (2664), Пушкину (2365), Достоевскому (1675) и Чехова (1628), 251 соответствующих кандидатской и докторской диссертации.

Известно, что творчество Набокова многогранно, неотделимо от его жизненного пути. Он родился и вырос в России, он стал зрелым писателем в Западной Европе, он прославился в Соединенных Штатах и, наконец, наслаждался своей старостью в Швейцарии. Вполне возможно, что в нем кровь многих стран и культур, которая неизбежно повлияет на стиль и характеристики его работ. Так же, как и этот объект исследования, идентичности исследователей китайского набоковедения также различаются, и они в основном делятся на две категории: литературоведы русского языка и литературоведы английского языка. Ученые первого типа хорошо владеют русским языком и в основном изучают русскую литературу; Ученые второго типа хорошо владеют английским языком, не владеют или плохо владеют русским языком и в основном изучают литературу английского языка. В чем разница между этими двумя типами исследователями в интерпретации Набокова? Какие причины? Ниже мы анализируем эти сходства и различия на основе всестороннего обзора статус исследований Набокова в Китае.

Первый этап исследования (1980-1989): От идеологической критики к чистой литературной критике

После того, как в 1979 году Китай провел политику «реформ и открытости», в Китае наблюдался всплеск изучения иностранной литературы. Самые ранние исследования Набокова не могли быть полностью отделены от оков политики и идеологии. В 1980-х годах литературоведы английского языка впервые познакомили Набокова с китайскими читателями. Английский и американский литературный переводчик Мэй Шаоу был первым человеком в Китае, кто переводил произведения Набокова. И он считал, что «Пнин» отражает «определенные заблуждения Набокова о коммунизме» [1, с. 5]. Американский литературный исследователь Ши Сяньжун классифицировал Набокова как писателя-модерна. Поскольку стиль романов Набокова противоречил преобладающей социальной атмосфере, которая была склонна к реализму и моральным проповедям, он считал, что «такое мировоззрение вредно, по крайней мере, оно также будет приводить читателей к нигилизму» [2, с. 153]. Видно, что в этот период учёные материкового Китая не оценивал Набокова полностью объективно. Только в 1987 году статья Мэй Шаоу «Немного о Набокове» постепенно избавилась от оков идеологии и вернула литературную критику к эстетическому уровню искусства. Затем Лю Венган начал обращать внимание на индиви-

дуальный дух и человеческую заботу, стоящую за творчеством Набокова. С появлением «Лолиты» в Китае в 1989 году, она сразу вызвала интерес у китайских писателей, таких как Дун Диншань, Су Тонг и Гэ Фэй, которых поразили живописный язык писателя.

Можно видеть, что Набоков впервые вошел в поле зрения китайских читателей как американский писатель, потому что именно исследователи литературы английского языка впервые познакомили Набокова с китайскими читателями, и они также доминировали в исследованиях Набокова в этот период. Хотя писатели Су Тонг и Гэ Фэй окончили факультет китайского языка и литературы, они также использовали переводы произведений Набокова для проведения своего анализа. А литературоведов русской литературы этого еще не видели.

Второй этап исследования (1990-1999): от произведений к самому писателям и его критике

По сравнению с импрессионистской критикой Набокова в 1980-х годах, китайские академические круги стали обращать внимание на личность писателя и его жизнь в изгнании, что открыло прелюдию к полному представлению о Набокове и его произведениях. Я должен признать, что большинство работ исследований этого периода было получено из пера литературоведов английского языка, которые в основном делятся на следующие исследовательские точки зрения:

Прежде всего, статья «"Лолита", ты говоришь то, что верно» (Юй Сяодан, 1995) и «Красочное окно, смотрящее в мир – Краткий отчет о жизни и творчестве Набокова» (Фэн Юй, 1996) анализируют творческие мотивы Набокова на основе жизненного опыта писателя. Самым известным исследователем Набокова в Китае в этот период был Лю Гуйлинь. В его статье «О теме произведений Набокова» (1997) произведения Набокова были определены как литература изгнания. Считается, что эти три темы ностальгии, времени и свободы пронизывают все произведения писателя. Во-вторых, «Русские бабочки через океан: Набоков и русский серебряный век» (Коу Цайцзюнь, 1999) анализирует русскую литературу Серебряного века в конце 19-го и начале 20-го веков и ее характерные фигуры, такие как Блок и Соловьев и их влияние на творчество Набокова. Эта статья заложила основу для изучения китайским академическим сообществом «русскости» в творчестве Набокова. В-третьих, был опубликован ряд статей, в которых Набокова изучается с точки зрения постмодернизма. После распада Советского Союза в 1991 году литература русского зарубежья XX века вернулась в Россию. Советская литература перестала быть

единственной основной темой русской литературы. Поэтому китайские академические круги переоценили целостность русской литературы XX века, которая объединяет советскую литературу и литературу русского зарубежья XX века. Таким образом, исследователи Набокова также стали освобождаться от ограничений реализма и уделять больше внимания языку и форме в своих работах. В статье «Постмодернистский мир Набокова» (Тань Инчжоу) анализируются романы Набокова «Бледный огонь» и «Пнин», основанные на постмодернистской литературной теории американского ученого Линды Хатчин. Автор указывает на то, что уникальная фрагментарная структура и повествовательная перспектива этих двух романов соответствуют основные характеристики рефлексивности и противоречивости постмодернистской литературы. Наконец, учёные обращают внимание на литературную критику Набокова. В 1991 году книжный магазин «Сань Лянь» опубликовал первый китайский перевод «лекции по зарубежной литературе» Набокова (переводчик Шэнь Хуэйхуэй). Это вызвало волну в китайских академических кругах, изучающих литературную критику Набокова. В статье Шен Нина «Набоков так сказал» (1992) отмечается, что Набоков находился под влиянием формалистической критики: «Его эстетические наклонности и критические взгляды определенно не превзошли видение "новой критики"» [3, с. 93]. «О "лекции по зарубежной литературе "Набокова» (Йи Дан, 1993) указала на личные требования Набокова к читателям. В статье Не Личжу «"лекции по зарубежной литературе" и Набоков» (1994) была изложена литературная философия Набокова: «Литература – это гуманитарные исследования» [4, с. 38-43]. Лу Даофу в статье «Обзор романов Набокова» (1998) определяет романы Набокова как мета-роман, считая, что литературная концепция писателя скрывает сюжет рассказа, а писатель ведет урок литературы в романе.

В этот период начали появляться статьи литературоведов русского языка. Статья «Открывая заново и очищая пыль» (Чжоу Цичао, 1990) открыла новую прелюдию к изучению русской литературы в Китае и познакомила читателей с новыми достижениями в российских академических кругах: большое количество запятанных писателей вернулось на глаза публике. Он также подробно остановился на соперничестве американских и советских критиков за Набокова. В 1995 году Ван Цзяньчжао опубликовал в журнале «Русская литература и искусство» шесть переводов ранних стихотворений Набокова: «Вдохновение», «Поэт», «Ты-нежное светлое облако на горизонте», «Весна», «Смерть» и «Церковь». В то же время он

также кратко представил Набокова в своем переводном приписке. Впоследствии, в 1999 году, Лю Вэньфэй опубликовал в журнале «Тенденции зарубежной литературы» статью «обзор набоковско-го международного симпозиума». Автор напомнил об участии в набоковском международном симпозиуме, проводимом Московским институтом мировой литературы им. М. Горького в честь 100-летия годовщина со дня рождения Набокова, и выразил его чувства о литературной атмосфере в России того времени. Кроме этого, автор также выступил на заседании под названием «Набоков в Китае», которая представила перевод произведений Набокова в Китае и понимание Набокова китайскими учеными.

Приведенный выше анализ показывает, что в китайских исследованиях Набокова на данном этапе по-прежнему доминируют литературоведы английского языка, которые расширили широту и глубину исследования Набокова, показывая тенденцию исследования от произведения к самому писателю, а затем и к критической теории Набокова. Исследователи литературы русского языка в Китае только начали обращать внимание на Набокова, но глубины и широты исследований было недостаточно. Причины такой ситуации следующие: с одной стороны, после распада Советского Союза отношение между Китаем и Россией вошло в правильное русло, и изучение русской литературы в Китае начало возвращаться в нормальное русло. Ученые литературы русского языка сначала обратили внимание на произведения русской литературы XIX и советской литературы XX веков, но о Набокове как эмигрантский писатель известно очень мало. С другой стороны, из-за ухудшения советско-китайских отношений в 1950-х годах в резерве талантов, владеющие русским языком, образовался пробел. Количество выпускников, специализирующихся на русском языке и литературе, в этот период было ограниченным, и они не обладали зрелыми способностями к исследованию русской литературы.

Третий этап (2000-2021): Разносторонние и многоугловые подходы исследования

В новом столетии количество научных статей Набокова в материковом Китае выросло в геометрической прогрессии. Здесь есть не только журнальные статьи, но и серия высококачественных магистерских и докторских работ. Среди них литературоведы английского языка анализируют и изучают Набокова и его творчество со следующих четырех точек зрения.

Подход теории массовой культуры

Всем известно, что массовая культура в США очень развита, поэтому ее вред постепенно обнаруживается. Набоков давно живет в Соединенных

Штатах, и его работы будут более или менее затронуты этой коммерческой культурой. В магистерской диссертации «Писатель в "бледном огне"» (Цзо Бо, 2005) обсуждается, как Набоков, понимающий законы функционирования культурного рынка, обслуживает читателей и загадывает загадки в своих романах, чтобы удовлетворить потребности читателей. Читатели в настоящее время перестают быть обычными потребителями литературных произведений, а становятся производителями литературных продуктов. В статье «Маркетингизация литературы и стратегия создания текста "Пнин"» (Ю. Мейпин, 2021) помещается роман «Пнин» Набокова в исторический контекст непрерывного развития американского литературного издательства в середине двадцатого века. В ней обсуждаются отношения между Набоковым и американским литературным рынком и раскрывается процесс изменения отношения писателей к литературному рынку. У Хуан и Лю Цзяньхуа в статье «Кризис идентичности и потребления в постмодернистской символической экономике из "Лолиты" Набокова» (2014) указали, что «использование символов связано с подавляющей рекламой, журналами и телевидением как средствами массовой информации. Современные средства массовой информации доминируют в нашем потреблении и даже во всей нашей жизни. Вульгарная культура потребления будет иметь такие серьезные последствия, как ослабить мораль, привести к искажению личности, развратить воли...» [5, с. 22]. В магистерской работе «Элитарная позиция: интерпретация романа Набокова "Лолиты" с культурной точки зрения» (Лю Хун, 2008) китч отмечен как критическая идея Набокова в критике массовой культуры, автор выявил элитарное положение писателя. Позже магистерская диссертация «О китчевом пейзаже в романах Набокова» (И Юня, 2009) «Визуальное потребление в Лолите Набокова» (Хэн Ян, 2015) и статья «Символическая экономика: огонь потребительского желания "Лолиты"» (Чжао Лицзюань и Чжи Ран, 2019), «Двойное потребление тела-о женском самоспасании в "художественной литературе в темноте"» (Чжан Пэйпэй, 2020) пытались из точек зрения массовой культуры изучить практическое значение Набокова.

Сравнительно-литературный подход

Волна глобализации сократила временные и пространственные расстояния между странами, и культурные обмены постепенно стали процветать. Китайские ученые перестали удовлетворяться изучением самого творчества писателя, они начали исследовать восточные элементы в творчестве Набокова. Следует отметить, что в 1994 году «Сравнение художественных приемов "Осада "и"

"Пнин"» (Ван Пу) была первой статьей в материковом Китае, в которой автор сравнивал творчество Набокова с произведениями китайского писателя. Это заложило основу для сравнительного исследования Набокова после нового столетия.

Китайские ученые сравнивают мысли перевода Набокова и китайских переводчиков. «Сравнение мыслей дословного перевода Лу Сюня и Набокова» (Цзян Сяохуа, 2020) указывает на то, что оба писателя верят, что дословный перевод лучше, чем вольный, «но дословный перевод Лу Синя – это с иностранного языка на его родной язык, и в теории дословного перевода присутствует чувство национальной "уверенности в себе"; а дословный перевод Набокова – это перевод родного языка на иностранный язык, и есть смысл "духовного самоутешения" и "культурного самоутешения" в теории дословного перевода» [6, с. 31]. К таким статьям относится «один и тот же результат, достигнутый разными средствами: сравнение взглядов Набокова и Линь Ютана на переводы» (Чжан Чжэн и Лю Хань).

Кроме того, появились работы сравнения Набокова с китайскими классиками: «Два сердца орхидеи и пара мудрости в разном времени и пространстве» (Си Сяотун, 2012) показала, что Цао Сюэцин и Набоков проявляют схожее мировоззрение в их творчестве из-за схожего происхождения. Гао Хайтао в статье «Набоков: романист как поэт – одновременное обсуждение сравнения "Лолиты" и "Сон в красном тереме"» (2017) параллельно сравнивал «Лолиту» и «Сон в красном тереме» из повествовательного текста на основе жизненного опыта двух писателей. Цю Чанг в статье «Повествовательная стратегия романа Набокова и нарративная стратегия китайского классического романа: на примере "Лолиты" и "Сон в красном тереме"» (2018) анализирует повествовательную стратегию в «Лолита» и «Сон в красном тереме». оба произведения используют ненадежное повествование, тройное повествовательное пространство и повествовательную линию.

Наконец, учёные сравнили Набокова с зарубежными писателями китайского происхождения. Например, в статье «О влиянии Набокова на ненормальные любовные романы Яна Гелинга» (Лю Гэ и Ян Фэнцзяо, 2016) указывается, что Ян Гелинг создал серию романов «Лолита» после учебы в США. Эти романы созданы под влиянием набоковской «Лолиты» с точки зрения построения сюжета, сочетающего инцест и педофилию, изменения персонажей стариков и маленьких фей, а также теории иронической психоаналитической школы. В магистерской диссертации «Сравнительное исследование создания романов Яна Гелинга и Набокова» (Ян Сюэминь, 2017) конкретно анали-

зируются их сходства и различия в создании романов с трех аспектов: повествовательная стратегия, творческая тема и языковой стиль, а также изучается учение и заимствование Яна Гелинга из Набокова в создании романа. Это не только помогает открыть сравнительную перспективу исследований современной китайской литературы, но также помогает понять творческие характеристики современных китайских писателей и факторы, на которые влияет иностранная литература. Такой магистерской диссертацией является работа «Сравнительное исследование романов о ненормальной любви Набокова и Яна Гелинга» (Чжан Юэ, 2018).

Подход литературной этики

Метод критики литературной этики был независимо предложен китайскими учеными и постепенно развивался усилиями многих людей. «Это способ интерпретации, анализа и объяснения литературных произведений, изучения писателей и вопросов, связанных с литературой с этической точки зрения. Считается, что литература – это уникальная форма выражения этических концепций и нравственной жизни на конкретном историческом этапе, а литература – это, по сути, этическое искусство» [7, с. 12]. В статье «Этические границы, самоэтика и эстетический экстаз: постмодернистские этические проблемы в романах Набокова» (Чэнь Дунсю, 2012) указано, что творчество Набокова отражает постмодернистские этические мысли и авторский «эстетический экстаз». Его можно понять с двух сторон: тело эстетика и литературный игровой дух. Этот вид эстетического экстаза – проявление постмодернистской самоэтики, призванной доказать свободу и сложность человеческой природы. В статье «Этическое измерение "неэтической любви": из парадоксального неверного толкования "Лолиты"» (Ван Чжо, 2015) подробно рассказывается о том, как Набоков использовал этическое отношение, чтобы рассказать о безнравственной любви. Таковы статьи «Темная поэзия очарованного охотника: интерпретация литературной этики Гумберта в "Лолите"» (Ван Янвэнь и Чжан Чи, 2015) и «"Лолите" с точки зрения литературной этики» (У Линь и Ян Фань, 2018), «Интерпретация особенностей литературной этики "Лолиты"» (Шао Хуани, 2018), «Заблуждение, блуждание и спасение в "Лолите" с точки зрения литературной этики» (Ван Ая, 2021). Таковы магистерские и докторские диссертации «Этическое повествование о "Лолите"» (Ан Жана, 2013), «Интерпретация "Лолиты" с точки зрения литературной этики» (Чжэн Яньциня, 2013) и «Исследование семейных этических отношений в романах "Ада, или Радости страсти. Семейная хроника" Набокова» (Лай

Юйчэнь, 2016), «Конфликт и координация: об искусстве и этике романов Набокова (Чен Вэйян, 2016), «Повествовательная этика романов Набокова с точки зрения персонажей-рассказчиков» (Ю. Мейпин, 2018).

Исследование литературной критики Набокова

Как упоминалось выше, в континентальном Китае в 1990-е годы проводились спорадические исследования теории литературной критики Набокова. XXI век был периодом теоретического взрыва. Различные новые западные литературные идеи хлынули в китайские академические круги. И поэтому литературные идеи Набокова когда-то снова привлек внимание бесчисленных ученых. В «Анализе критического стиля Набокова из "лекции по зарубежной литературе"» (Ма Дунли, 2013) отмечалось, что Набоков как критик – прежде всего отличный читатель. В процессе чтения он обращает внимание на подлинность индивидуальной жизни и детали; у него четкое художественное мировоззрение и четкая критическая позиция, он подчеркивает вымышленный характер произведения и считает, что язык, структура, стиль и другие формы искусства более важны, чем идеология и повествование произведения. К похожим статьям относятся «"Ада" и текст как литературная критика» (Сяо И, 2014) и «Художественное очарование литературной критики Набокова» (Цзя Ин, 2014). Ю Мейпин в «О Набокове и новой критике» (2017) считает, что литературная критика и творчество Набокова основаны на тексте и Набоков обращает внимание на детали и творчески использует литературные навыки для достижения многосторонности искусства, что делает его сознательно или бессознательно стоя в лагере новой критики; В то же время его литературное творчество и критика выходят за рамки онтологического видения новой критики, придерживаясь реалистической коннотации, стоящей за художественной природой текста. Работа Ван Сяюлина «Исследование литературной теории Набокова с точки зрения сравнительной литературы и мировой литературы» (2017) демонстрирует наследственность и развитие литературной теории Набокова в соответствии с ведущей мировой литературной теорией. Ли Цзяньцзюнь в своей статье «Отчуждение и непонимание русской литературы: о литературных идеях и литературной критике Набокова» (2018) упоминает, что эстетизм и формализм Набокова, его литературное творчество и литературная критика дают читателям прочтение русской литературы с другой точки зрения. Таковы работы Чжоу Сяоциня «Исследование взглядов Набокова на литературную теорию и критику: из "Лекции по зарубежной литературе" и "Лекции о Дон Кихоте"»

(2008), Тянь Чжиюня «Литературная критика Набокова – Исследование " Лекции по зарубежной литературе" и "Лекции о Дон Кихоте"» (2013) Магистерская диссертация по аналогичным темам исследований включают Хуан Юсиня «Литературная критика Набокова» (2013), Фэн Шо «Литературная критика Набокова» (2018), Яо Юсиня «Теория художественной литературы Набокова» (2019).

С начала нового века талантливые исследователи русской литературы проявили себя в большом количестве, за ними последовало большое количество статей о Набокове.

Исследование личности Набокова

В статье Чжоу Цичао «Уникальная культурная идентичность и "Уникальная цветовая текстура" – кросс-культурные особенности литературного мира двуязычного писателя Набокова» (2003) анализируется влияние двойной культурной идентичности Набокова на его творчество. Впоследствии работа Чжан Бина «Набоков и русский культурный дух Серебряного века» (2005) исследовались культурные элементы Серебряного века в творчестве Набокова. Гу Юй в статье «Летающие птицы в небе – поэт Набоков русского зарубежья и его стихи» (2005) впервые представила стихи из сборника стихов Набокова «Стихи и шахматы» и перевела лирические стихи Набокова «Короткая рифмованная карьера», «К родному городу», «Значок», «Сон», «Расстрел», «Родина», «К России» и так далее. Кроме того, работа Дай Чжуомэна «Два мира Набокова» (2014) направлена на прояснение экзистенциальных факторов в романах Набокова «Глаз», «Отчаяние» и «Защита Лужина», чтобы проявить суть творчества Набокова.

Исследование темы творчества Набокова

В статье Цю Цзинцзюаня «Ранние русские романы Набокова и традиции русских поэтических романов» (2008) подчеркивается, что писатель использовал пародийную технику, чтобы продемонстрировать свое стремление к художественному новаторству. В своей второй статье «Отношения между "Отчаянием" и русской литературной традицией» (2009) в качестве примера используется произведение «Отчаяние». Автор показывает, что роман эффективно черпает и использует традиции русской литературы, особенно Пушкина и Достоевского. В ее третьей статье «Тема существования в романах Набокова» (2019) отмечалось, что мышление Набокова о предположении существования продолжило гуманистическую традицию русской литературы и в то же время стало личным ярлыком автора, его экзистенциальная тема жизни и смерти сливается с темой «искусства». Кроме того, в работе Чжу Тао «Об художественной функции имплицитных тем в произведениях Набокова на

примере "Защита Лужина"» (2015) указано, что в «Защите» не только доминирующая тема шахмат, но и музыка, скрытая такие темы, как любовь, хотя последняя существует в тексте более скрытым образом, но она эффективно подчеркивает и усиливает тему шахмат. Посредством «повторения» тема музыки и любви прекрасно сочетается с темой шахмат, и вместе они составляют ценностную координату троицы, и через эту координату раскрывается вся ценность и смысл существования Лужина.

Нарративное исследование произведений Набокова

«Непрерывный пояс Мебиуса»-анализ повествовательной структуры "Таланта" Набокова» (Чжэн Вендун, 2009) показала, что смещение главного героя во внутреннем и внешнем пространствах в «Таланте» формирует сюжет текста. В «Разговоре о карнавале в повествовании "Лолиты"» (2001) Гэн Хайин упомянула, что писатель использует простое линейное развитие и повествовательную структуру «три набора автомобилей», ловко избегая от ограничений внутренней формы и внешней морали произведения и открывая для себя свободное повествовательное пространство, тем самым свободно размахивая языком. Волшебная палочка заставляет и «письмо», и «чтение» достичь высочайшего уровня искусства – эстетического карнавала самоотверженности. Ма Вэйхонг в статье «Повествовательный опыт Чехова в романах Набокова: на примерах рассказ о счастье» (Ма Вэйхонг, 2020) взял тему счастья в обоих рассказах в качестве примеров, чтобы проанализировать продвижение и новаторство Набокова по чеховской традиции в развитии сюжета, интерпретации темы, образе персонажей, повествовательных приемах и так далее. В статье Ван Линюя «Элементы абсурдной драмы в "приглашении на казнь" Набокова» (2021) анализируется использование Набоковым драматических приемов для деконструкции мира в его романах, что делает текст драматическим визуальным эффектом.

Исследование литературной критики Набокова

В статье профессора Чжан Бина «Взгляд на литературные и эстетические взгляды Набокова из "Николая Гоголя"» (2012) утверждается, что для Набокова искусство не имитирует реальность, а реальность имитирует искусство. В отличие от традиционной литературной концепции «литература – это учебник жизни», Набоков подчеркивал, что литература – это игра языка. В статье профессора Чжао Сяобиня «Исследование поэтического диалога Набокова и Шкловского» (2017) указано, что Набоков и Шкловский были русскими писате-

лями и критиками в Русском Берлине в 1920-х годах. У этих двоих схожая судьба в их заграничной жизни и литературной деятельности. С точки зрения конкретного творчества и поэтического исследования они представляют собой потенциальный поэтический диалог и обмен. Это отражено в рассказе «Берлинский путеводитель» и автобиографическом романе «Зоопарк». Этот вид поэтического диалога показывает, что, повторяя оскорбляющие эстетические принципы Шкловского, Набоков является скорее унаследованием и превосхождением формалистической поэтики. Стоит упомянуть, что в статье профессора Чжана Цзяньхуа «Русская литературная критика в моей стране нуждается в реконструкции формальной поэтики - чтение русской литературы с Набоковым» (2020) указано, что Набоков призвал к реконструкции формальной поэтической критики, подчеркнул хорошее, повторное и сравнительное чтение, призывал к теплой, независимой и творческой литературной критике.

Стоит отметить, что исследователь Вэнь Давэй из института иностранных языков Китайской академии социальных наук не только перевела книги Набокова, но и глубоко изучил их. Ее статья «Приближаясь к русскому писателю Набокову – Сирину – Комментарии» Аннотация к роману Владимира Набокова «Талант» (2021) считается, что эта монография раскрывает след Пушкина на разных уровнях романов Набокова, позволяет людям увидеть, как Пушкин проникает в текст Набокова, анализирует русскую словесную игру в романе и дает понять, что набоковская «Форма» знает свой глубокий смысл. Кроме того, она опубликовала следующие исследовательские статьи: «Тьма Сирина: взгляд на китайский перевод Набокова и области исследований» (2020) «Реалистичное "Пнин": историческое присутствие и политическое вмешательство» (2021) «Обзор исследования по русским рассказам Набокова-Сирина» (2018) «"Лучшая история русской литературы" – Почему Набоков высоко оценил "Историю русской литературы" Мирского» (2013) «Смысл магии – "Талант" в качестве примера, чтобы рассказать о значении деталей Набокова» (2012).

В этот период литературоведы английского и русского языка достигли плодотворных результатов о Набокове, но оба представили разные исследовательские перспективы. С одной стороны, литературоведы английского языка сформировали исследовательскую систему, которая объединяет внутренние и внешние исследования литературы, они хорошо анализируют Набокова и его произведения с помощью теорий западной литературы, социологии и других. С другой стороны, мы заметили, что метод исследования литератур-

ной этики, впервые примененный литературоведами английского языка, обеспечивает новый исследовательский путь для интерпретации Набокова. Литературоведы русского языка больше внимания уделяют собственной «русскости» Набокова и внутренним исследованиям его произведений, таким как темы и повествования. Конечно же, они обратили внимание и на переводы произведений Набокова. Исследователи обоих языков интересуются литературной критикой Набокова, но исследователи литературы английского языка более склонны классифицировать критическую теорию Набокова как западную литературную теорию, в то время как исследователи русской литературы уделяют больше внимания русские элементы в критической теории писателя.

Заключение

Подводя итог, в этой статье делаются следующие выводы: Во-первых, по количеству исследовательских работ о Набокове литературоведы английского языка получили больше успехов. Исследователи русской литературы уделяли Набокову гораздо меньше внимания, чем другим русским классикам XIX и XX века. Во-вторых, с точки зрения объема исследования произведений Набокова, литературоведы английского языка в основном обращали внимание на произведения Набокова в период США и мало уделяли внимания творчеству автора в ранний изгнанный период. Исследователи русской литературы как раз наоборот: они не только обращают внимание на известные произведения писателя, такие как «Лолита», но и объясняют творчество писателя во время его эмиграции в Европу.

Наконец, с точки зрения перспектив исследования Набокова, оба типа литературоведов дали плодотворные результаты. Среди них литературоведы английского языка считают Набокова американским писателем или писателем в изгнании, поэтому они склонны анализировать и интерпретировать Набокова в культурном контексте и теоретической точки зрения США. Следует отметить, что исследователи английской литературы, вышедшие из китайского отдела вуза в Китае, сознательно сравнивают Набокова с китайскими писателями. Исследователи русской литературы считают Набокова русским писателем и уделяют больше внимания изучению местных русских элементов в нем. В любом случае, результаты двух типов литературоведов дополняют взгляды друг друга на мир, изучаемый Набоковым, и играют большое значение на распространение и понимание Набокова. Исследования Набокова в Китае длились сорок лет, и в будущем появятся новые результаты исследований. Поскольку академическая жизненная сила Набокова безгранична, он

подобен бутылке спелого вина: чем дольше время, тем ароматнее вкус.

Литература

1. Набоков В. Пнин. Переводчик Мэй Шаоу, Шанхай: Шанхайское издательство «Переводной текст», 1981. 252 с.[弗·纳博科夫.普宁。梅绍武译, 上海: 上海译文出版社, 1981。]

2. Ши Сяньжун. Введение в современную американскую беллетристику (3) // Современная зарубежная литература, 1983. № 2. С. 153 – 160.[施咸荣.当代美国小说概论 (三) //当代外国文学.1983年第2期。]

3. Шэн Нин. Так говорит Набоков // Чтение. 1992. № 9. С. 91 – 96.[盛宁.纳博科夫如是说//读书.1992年第9期。]

4. Не Чжэньчжу.«Литературные лекции» и Набоков // Журнал Гуанси педагогического университета. 1994. № 3. С. 38 – 43.[聂珍珠.《文学讲稿》和纳博科夫//广西师院学报.1994年第3期。]

5. У Хуан Лю Цзяньхуа. От« Лолиты »Набокова до кризиса идентичности и потребления в постмодернистской жесткой экономике // Обзор иностранного языка и литературы Фудань. 2014. № 1. С. 22 – 29.[吴娟、刘建华.从纳博科夫的《洛丽塔》看后现代符号经济下的身份认同与消费危机//复旦外国语言文学论丛.2014年第1期。]

6. Цзян Сяохуа. Сравнение мыслей о буквальном переводе Лу Сюня и Набокова // Иностранные языки и перевод. 2020. № 3. С. 27 – 32. [蒋晓华.鲁迅与纳博科夫的直译思想比较//外语与翻译. 2020年第3期。]

7. Не Чжэньчжао. Критика литературной этики: основы теории и терминология // Исследование зарубежной литературы. 2010. № 1. С. 12 – 22.[聂

珍钊.文学伦理学批评:基本理论与术语//外国文学研究. 2010年第1期。]

References

1. Nabokov V. Pnin. Perevodchik Mej SHaou, SHanhaj: SHanhajskoe izdatel'stvo «Perevodnoj tekst», 1981. 252 с.[弗·纳博科夫.普宁。梅绍武译, 上海: 上海译文出版社, 1981。]

- 3. SHen Nin. Tak govorit Nabokov. CHtenie. 1992. № 9. С. 91 – 96.[盛宁.纳博科夫如是说//读书.1992年第9期。]

4. Не CHzhen'chzhu.«Literaturnye lekcii» i Nabokov. ZHurnal Guansi pedagogicheskogo universiteta. 1994. № 3. С. 38 – 43.[聂珍珠.《文学讲稿》和纳博科夫//广西师院学报.1994年第3期。]

5. U Huan Lyu Czyan'hua. Ot« Lolity »Nabokova do krizisa identichnosti i potrebleniya v postmodernistskoj zhestkoj ekonomike. Obzor inostrannogo yazyka i literatury Fudan'. 2014. № 1. С. 22 – 29.[吴娟、刘建华.从纳博科夫的《洛丽塔》看后现代符号经济下的身份认同与消费危机//复旦外国语言文学论丛.2014年第1期。]

6. Czyan Syaohua. Sravnenie myslej o bukval'nom perevode Lu Syunya i Nabokova. Inostrannye yazyki i perevod. 2020. № 3. С. 27 – 32. [蒋晓华.鲁迅与纳博科夫的直译思想比较//外语与翻译. 2020年第3期。]

7. Не CHzhen'chzhao. Kritika literaturnoj etiki: osnovy teorii i terminologiya. Issledovanie zarubezhnoj literatury. 2010. № 1. С. 12 – 22.[聂珍钊.文学伦理学批评:基本理论与术语//外国文学研究. 2010年第1期。]

DIFFERENCES OF ENGLISH AND RUSSIAN LITERATURE SCHEDULES IN THE INTERPRETATION OF V. NABOKOV'S WORKS IN CHINA

*Wang Shiyu, Postgraduate,
East China Normal University, China*

Abstract: since the 1980s, the works of the writer and literary critic V.Nabokov have been translated one by one into Chinese. The translators at the very beginning were mainly literary scholars of the English language, most of whom had been to the United States, had direct contacts with the intelligentsia of America and got an idea of the state of V. Nabokov's research abroad. For various reasons, they translated Nabokov's works directly from English. After the collapse of the USSR, literary scholars of the Russian language began to enter the wall of V. Nabokov's research in China. Later, literary scholars of the English and Russian languages together played an important role in the dissemination of V. Nabokov's works in China. The article examines the history of perception in China of V. Nabokov's works and ideas in the 1980s and 21st centuries. The author focuses on the analysis of the difference between literary critics of the English and Russian languages in the interpretation of V. Nabokov in different periods of the study and analyzes the main reasons.

Keywords: V. Nabokov, literary scholars of the English language, literary scholars of the Russian language, differences in interpretation, China,literature of the Russian emigration

ЛИТЕРАТУРНО-ИГРОВОЕ НАЧАЛО В РАССКАЗЕ А.И. КУПРИНА «ПОСЛЕДНИЙ ДЕБЮТ»

*Даренская Н.А., кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный педиатрический
медицинский университет*

Аннотация: в статье рассматриваются интертекстуальные связи рассказа «Последний дебют» Куприна, показана роль игрового начала в становлении художественной системы писателя.

Ядром исследования является анализ паратекстуальных отношений (эпиграф – основной текст рассказа), их сложный имплицитный диалогический потенциал. Эпиграф из Г. Гейне, цитата его 44 лирической миниатюры из цикла «Опять на родине» «Книги песен» не только актуализирует значимый для купринского рассказа мотив несчастной неразделенной любви, но и указывает на обыгрывание романтической эстетики с ее конфликтом между идеалом и действительностью. В ходе исследования показано, что интертекстуальные поля восходят к романтической и реалистической литературе XIX века, претекстами купринского рассказа являются новелла Э.Т.А. Гофмана «Дон Жуан» и роман Гончарова «Обрыв», произведения, осмысливающие архетипическую фигуру Дон Жуана. В статье также отмечается игра с читательскими аллюзиями: отсылка к античной драме в организации сюжета и в восприятии отдельных образов.

Обыгрывание «чужих» текстов, как показано в ходе анализа, объясняется стремлением начинающего писателя найти и освоить новые художественные формы, иронически осмыслить устойчивые культурные коды, выразить свое отношение к искусству.

Цель исследования – репрезентация игровых форм в рассказе «Последний дебют», анализ повествовательной структуры и выявление ассоциативных составляющих культурных кодов и артефактов, обыгрываемых писателем. Методы исследования – интерпретационный, интертекстуальный анализ текста.

Ключевые слова: А.И. Куприн, Э.Т.А. Гофман, И.А. Гончаров, Дон Жуан, античный театр, аллюзия, интертекст, литературная игра

Поиск игровых прецедентов в прозе А.И. Куприна получает все большую значимость в современном литературоведении [1, 2, 3], позволяя не только по-новому взглянуть на творческий потенциал писателя, но и до конца прояснить феномен его поэтики. Анализ интертекстуальных связей произведений раннего Куприна предпринимался литературоведами [4], однако указанный аспект еще требует тщательного изучения как для понимания сложной семантической структуры его текстов, так и с целью актуализации художественного метода писателя, о чем до сих пор ведется спор среди исследователей, все более склонных видеть в творчестве Куприна черты модернизма и даже постмодернизма, нежели реализма [3, 5, 6].

Рассказ, напечатанный за личной подписью в 1889 году в еженедельном журнале «Русский сатирический листок», явился первой пробой пера, писательским дебютом. Друг Куприна – В.Ф. Боряковский, при публикации произведения в журнале «Литературный современник» в 1939 году, высказал предположение, что «... содержанием рассказа послужила, по-видимому, трагическая смерть известной певицы Евлалии Павловны Кадминой, отравившейся в 1881 году на сцене» [7, с. 483]. Как любой начинающий писатель Куприн находился, с одной стороны, под огромным влиянием литературной традиции, а с другой, всячески стремился дистанцироваться от предшествующего литературного опыта. На оригинальность сюжета

замысел рассказа претендовать уже не мог, поскольку реальное событие, положенное в основу произведения – смерть известной певицы и актрисы, отравившейся на сцене из-за несчастной любви, ранее уже неоднократно привлекало внимание крупнейших мастеров слова. Например, к художественному осмыслению жизненной драмы певицы обращался И.С. Тургенев (повесть «Клара Миллих», 1882). В Малом театре в 1889 году шла пьеса А.С. Суворина «Татьяна Репина», сюжет которой был навеян трагической судьбой актрисы. Известно, что А.П. Чехов, друживший с Сувориным, подверг переработке одноименную драму, оставив те же персонажи, и в 1889 году пьеса была опубликована уже под чеховским именем. Не имея возможности претендовать на оригинальность замысла, но испытывая потребность в литературной самоидентификации, писателю оставался путь создания нового посредством переработки уже созданного. В этом отношении показательна писательская заповедь уже зрелого Куприна, в которой имплицитно декларируется установка на литературную игру как продуктивный путь для входящего в большую литературу: «Не бойся старых сюжетов, но подходи к ним совершенно по-новому, неожиданно» [8, с. 156].

Вынужденный искать новую форму, Куприн прибегнул к жанровому синтезу элементов прозы и драматургии. Исследователи отмечали наличие в повествовательной ткани рассказа отдельных эле-

ментов драмы, слияние эпического и драматического начал, например, прием полифонического разложения голосов [2, с. 113], чередование реплик персонажей и «текста повествователя». Данный феномен объяснялся неопытностью автора, попыткой осмысления сложных отношений искусства и действительности [9].

Вероятно, к идее жанрового синкретизма писателя подталкивали необходимость собственного новаторского решения, равно как и рефлексивный опыт восприятия вышеназванных произведений, созданных именно в разных жанровых формах (драмы и прозы). Можно предположить, что выбор в пользу соединения эпического и драматического в художественной структуре сделан потому, что наилучшим образом позволял репрезентовать замысел рассказа, заключающийся в полном стирании границ между реальностью и искусством. Напомним суть фабулы рассказа: драма, происходящая в реальной жизни героев, получает свою развязку на сцене, то есть начинает разыгрываться на театральных подмостках.

В повествовательную ткань рассказа Куприн привносит драматургическую компоненту, чтобы усилить эффект «театра в театре», подчеркнуть зыбкую грань между «действием» и реальной жизнью, причем делает это в ироническом ключе. Аллюзии на каноны-штампы античной трагедии возникают уже в экспозиции рассказа (первые три абзаца описывают оркестр). Партию античного хора в качестве вступления исполняют музыканты во главе с капельмейстером Иваном Ивановичем Геккендольфом. Как в античном театре хор помогал зрителю (и автору) в выяснении смысла трагедии, раскрывал душевные переживания героев, так и у Куприна в начале повествования «отчаяннейшая fuga», «жалобное рыдание флейт», взгляды музыкантов, «полные самого мрачного, безнадежного отчаяния» подготавливают «зрителя-читателя» к кульминации, переживанию трагической развязки. Лидия Николаевна Гольская напоминает древнегреческую богиню мщения Алектю, обрушивающую свой гнев на уязвившего ее самолюбие любовника. Подобно одной из эриний – мстительниц, не прощающих и безжалостных, она «призывала на его голову проклятия», а в финале «со страшным, раздирающим душу криком» пала на пол. Принципу условности античного театра соответствует и количество действующих актеров на сцене – двое, а третье лицо появляется в финале, объявляя о смерти актрисы.

Несмотря на то, что рассказ навеян известным биографическим фактом, писателя интересуют вовсе не детали реальной биографии, а сама идея переплетения жизни и искусства, их «взаимопроращения» в единое драматическое действо, – те-

мы, значимой для Серебряного века. Сюжет реальной жизни и сюжет литературный (разыгрываемая на сцене пьеса) становятся единым целым. Посвященный теме размывания между искусством и реальностью, рассказ воспринимается как вполне декадентский и модернистский именно по своей полемической идеологии и поэтике. Имеется точка зрения, что Куприн намеренно использует прием стирания границ, чтобы показать исчерпанность старой драматургической школы [4].

На протяжении всего повествования граница между «театральным» и реальным очень зыбка, а подчас и вовсе стерта, неразличима. Например, разговор во время антракта Гольской с любовником выглядит как театральная драматическая сцена, о чем свидетельствуют эмфатически сгущенный дискурс: жесты героев («тряхнул гривой черных волос»), частотность эпитетов, передающих состояние аффекта (остановился «раздраженный», «взволнованный», заговорила «прерывающимся голосом»). Театральность распространяется и на нарративные тактики героев. Если в начале разговора Анемподистову не нравится резкость и прямота Гольской, так как ему хотелось «приступить к объяснению исподволь», то в дальнейшем он обвиняет ее в отсутствии прямоты, в «напущенной иносказательности», т.е. разговор не соответствует его «сценарным» ожиданиям, идет вразрез с неким замыслом. Постановочная нарочитость обнаруживается в реакции Анемподистова на сообщение Гольской, что она собирается стать матерью. Показательно, что у героя на мгновение возникает мысль «переиграть» ситуацию, уверить любовницу в том, что все, что говорилось – неправда. И наоборот, оказавшись на сцене, героиня воспринимает происходящее как реальность, лишённую условностей, поэтому ей невыносимо, что партнер Анемподистов «кричит и кривляется».

Кульминацией неразличения «театрального» и реального является финал рассказа, воссоздающий ситуацию похорон на сцене. Героиня умирает настоящему, но зрители воспринимают ее смерть как блестящую игру, осыпают сцену венками и букетами.

Игра с романтическим топосом в рассказе задана уже в самом начале (цитируется немецкий романтик-поэт Г. Гейне) а семантическое поле произведения с сюжетом о молодой женщине, коварно соблазненной и обманутой возлюбленным, отсылает к имени другого немецкого писателя-романтика – Э.Т.А. Гофману, новелле «Дон Жуан» (1812). Большой интерес к творчеству Э.Т.А. Гофмана среди писателей рубежа XIX-XX вв. объяснялся необходимостью реформирования русского театра, поиском новых принципов построения драмы [10]. Вероятно, молодой Куприн, искавший

новые художественные формы, не остался чужд этим модным влияниям.

Основанием для сближений является инвариантная тема «жизни как игры» и «игры как жизни». В романтической новелле «Дон Жуан» Гофмана важен один мотив: актриса, исполнявшая партию донны Анны, умирает. Она настолько сливается с этим образом, что в конце гибнет, подобно героине исполняемой оперы. В рассказе Куприна указанный мотив является отправной точкой, смыслообразующим компонентом.

В процессе чтения удастся вычлениить и другие сходства на уровне мелких деталей. В рассказе Куприна автор пьесы, которая ставится на сцене театра – «молодой человек с растрепанной шевелюрой», следит за происходящим из литерной ложи. Это является некой сюжетной аллюзией на новеллу Гофмана, в которой герой-рассказчик наблюдает оперу Моцарта из своей ложи, становясь в дальнейшем участником перформанса.

Романтический образ антрепренера Анемподистова, выступающего на сцене под итальянским псевдонимом Фальери, вызывает ассоциации с мрачным итальянцем Дон Жуаном гофмановской новеллы. Исследователями обращалось внимание на немотивированно нарочитое наделение Куприным своего «реалистического» героя романтическими портретно-психологическими штампами. Однако соотнесенность с Дон Жуаном вполне объясняет подаренные писательским воображением внутренние и внешние характеристики: густая грива черных волос, самоуверенность, гордость. «Особенно хороши были его большие, серые, холодные глаза, тяжелый взгляд которых не могли выдержать многие, даже очень решительные люди» [7, с. 42].

Красавица Лидия Николаевна Гольская в порывах своей любви-страсти является вариацией «страстной» донны Анны Гофмана, схожа и миссия героинь – спасти Дон Жуана от нравственного падения, призвать его «на суд божий и человеческий». Ср: «Она призывала его на суд божий и человеческий и снова безумно, отчаянно рыдала...» [7, с. 46].

Обращают внимание и некоторые детали композиционного и мотивно-образного сходства, в частности, роль в двух текстах музыкального эксфрасиса. В обоих произведениях повествование предваряется пространными отступлениями – описанием играющего оркестра. Музыкальная тема разворачивается посредством терминов («увертюра», «фуга», «фугированный хор»). В новелле Гофмана с первых же аккордов душа рассказчика «исполнилась трепетом от предчувствий самого страшного» [11, с. 83]. То же самое происходит в начале повествования у Куприна, поскольку «от-

чаяннейшая фуга» приводит в ужас даже оркестрантов, не говоря о зрителях, создавая эмоциональный фон и подготавливая к драматической развязке.

Эпиграф из стихотворения Г. Гейне «Довольно! Пора уж забыть этот вздор...», предваряющий рассказ, порождает цепь культурных коннотаций: объяснение между героями на сцене мыслится как гладиаторский поединок, любовный бой, причем ценою смерти одного из участников. Образ «гладьатора»-бойца, сражающегося на арене и умирающего на потеху публике, придает драматизм любовному противостоянию, идея стихотворения подчёркивает зыбкость между условным и реальным, театральной игрой и жизнью.

Хотя героиня кончает самоубийством, она одерживает нравственную победу. Гольская выходит победительницей еще в антракте после объяснения, поскольку Анемподистов, «человек, никогда, ни при каких обстоятельствах не терявшийся, покорно вышел, понутив голову» [7, с. 45]. Обличив подлость любовника, она решает на сцене уйти из жизни, «выпасть из игры», поскольку жизненный спектакль окончен.

Стихотворение Г. Гейне, строки из которого Куприн привёл в качестве эпиграфа к своему произведению, русский читатель хорошо знал прежде всего по роману И.А. Гончарова «Обрыв». Известно, что перевод данного стихотворения был сделан А.К. Толстым по просьбе И.А. Гончарова и полностью цитируется в пятой части романа. Заданная в стихотворении Гейне тема «жизни-игры» парадоксальным образом сближает рассказ Куприна и роман Гончарова: герои двух текстов стирают границы между жизнью и искусством. У Гончарова эстет и художник Борис Райский пытается сочинить роман, в который помещает эпизоды своей жизни, при этом часто погружаясь в состояние полного отождествления воображаемого и реального. Его девиз: «Жизнь – роман, и роман – жизнь» [12, с. 41]. Так, воспоминания о трагической юношеской любви представляются Райскому сюжетом «для трогательной повести из собственной жизни», и на его жизнь «... вдруг ложится неожиданная и быстрая драма, целая трагедия, глубокий, психологический роман» [12, с. 110, 118]. Борис Райский приводит стихотворение Гейне в качестве пролога-эпиграфа к своему роману «Вера», в котором делится философскими размышлениями о любви-страсти. Говоря о себе строками из Гейне, «Да: раненный насмерть – играл гладиатора смерть!..» [12, с. 762] герой признается, что разыгрывает драму своей жизни, следуя своему же принципу – «... пишу жизнь – выходит роман: пишу роман – выходит жизнь» [12, с. 546].

Интересно предположить, что в Райском девятнадцатилетний Куприн мог видеть *alter ego*, ведь, как известно, герой романа «Обрыв» был камер-юнкером, но мечтал о творческом поприще. Данный факт, вернее, «биографическая аллюзия» может интерпретироваться как самостоятельный игровой прецедент, требующий отдельного рассмотрения.

Рассмотрим подробнее детали смыслового топоса двух произведений: взаимоотношения мужчины и женщины, оппозицию «любовь-страсть».

В рассказе Куприна обращает внимание двойственность отношения актера-трагика Анемподистова к Лидии Николаевне. С одной стороны, наличествует обожествление внешней красоты, поскольку Гольская кажется ему «классической богиней», ее облик напоминает античную статую. Ср.: «Богиня! Классическая богиня!» Действительно, тонкие правильные черты лица, классический профиль и будто мраморная, прозрачно-матовая бледность лица Гольской позволяли дать ей это название» [7, с. 43]. С другой стороны, он растаптывает ее чувства, отрицает любовь как реальной женщины, объясняя связь низкой страстью. Подобная амбивалентность отсылает к дуализму Бориса Райского, который мечется между «плотским», эстетизируя страсть, и абсолютной красотой – одухотворенностью, представленной в его воображении многочисленными образами классических римских статуй. Метания Райского, его попытка убрать все философствования и психологию, оставив только одно наслаждение искусством, красотой (ср.: «...мое дело только видеть красоту – и простодушно, "не мудрствуя лукаво", отражать ее в создании...») [12, с. 765]) сродни позиции Анемподистова, который не желает вникать в душевные терзания, разбираться во взаимных нравственных обязательствах. Даже в самый драматический момент, когда Гольская сообщает, что находится в положении, в Анемподистове побеждает эстет, ему важны не ее душевные страдания, а визуальная красота, то есть как «она ... хороша в этом замешательстве» [7, с. 45]. Для героя искусство ценнее жизни, не случайно он требует от партнерши-любовницы играть свою роль хорошо.

Герой романа «Обрыв» и герой купринского рассказа – это инварианты гофмановского Дон Жуана, абрисы его философской концепции. Оба – увлекающиеся артистичные натуры, поклонники страсти, эстеты, «художники». Они возводят страсть в культ, гипертрофируют ее значимость. Анемподистов объясняет свое увлечение страстью, «которая одинаково палила и меня и вас...» [7, с. 44]. Для Райского «... ничто в жизни не дает такого блаженства, никакая слава, никакое щеко-танье самолюбия, никакие богатства Шехерезады,

ни даже творческая сила, ничто... одна страсть!» [12, с. 418].

Дон Жуан в интерпретации Гофмана – человек, пребывающий в поиске вечного идеала. Такая трактовка оказалась плодотворной для последующих романтиков и получила свое продолжение в философской концепции Райского. Архетип ненасытного обольстителя женщин, вечный образ литературы, играет большую роль в романе «Обрыв», в осмыслении героем концепции взаимоотношения с Прекрасным вообще, и с женским полом в частности. Для Райского Дон Жуан – способ познания Прекрасного, одним из воплощений которого является женское начало. «Я уверен, что в <...> Дон Жуане пропадал художник. Это влечение к всякой видимой красоте, все более к красоте женщины, как лучшего создания природы, обличает высшие человеческие инстинкты, влечение и к другой красоте, невидимой, к идеалам добра, изящества души, к красоте жизни» [12, с. 502].

Оба героя в итоге утрачивают иллюзии, приходят к разочарованию в своих ожиданиях. Анемподистов разлюбил и уже не мог отвечать взаимностью. Райский понял, что не напишет романа, поскольку ему не под силу создать "осмысленной и одухотворенной Венеры". В аспекте семиотической реконструкции поведения персонажей различие между ними несущественно: Анемподистов разбил свою богиню – статую предательством, а Райский, приступая к работе над романом «Вера», пока в сомнениях: «...или найдет, или потеряет уже навсегда свой идеал женщины, разобьет свою статую в куски и потушит диогеновский фонарь» [12, с. 540]. Нет сомнений, что в сюжетной линии рассказа Куприна (в части любовной драмы героев) пародийно обыгрывается архетип эгоистичного, эстетствующего Дон Жуана. Этот же архетип значим в романе Гончарова «Обрыв». Конечно, в рассказе Куприна в большей степени представлен сгущенно-пародийный вариант презентации вечного образа, нежели у Гончарова. Различие связано и с конкурентными возможностями объемов текстов: романический размах «Обрыва» имеет больший потенциал для интерпретации указанного архетипа, чем короткий лаконичный рассказ Куприна.

В аспекте игровой переключки (Куприн–Гончаров) можно говорить еще об одном архетипе – восприятии женского образа. Если смотреть на рассказ «Последний дебют» с точки зрения ценностной идеи, то это текст о страсти и нравственном долге, т.е. моральных аспектах любовных взаимоотношений. В совсем упрощенном виде – это текст о частной жизненной драме русской женщины. Как мы знаем, женский вопрос является

стержневым в романе Гончарова, изначально произведение мыслилось как посвящение русским женщинам, и в первоначальном варианте роман должен был называться «Вера». Можно предположить, что следуя М.Ю. Лермонтову, И.С. Тургеневу, И.А. Гончарову и другим классикам русской литературы, Куприн изобразил героиню как благородную, сильную духом, умеющую горячо любить, а мужчину-героя как подлого, слабого, втоптавшего чувства в грязь, посмеявшегося над порывами любви. Вот характерный пример подтверждающих данную мысль читательских аллюзий: «...Главная героиня рассказа, актриса Гольская, напоминает Катерину Кабанову и Ларису Огудалову – героинь пьес Островского «Гроза» и «Бесприданница», по своим душевным качествам оказавшимся гораздо выше той среды, в которой они жили» [13]. Таким образом, рассказ обращает читателя к еще одному литературному артефакту, писательской игре с хорошо известным инвариантным мотивом под названием «русский человек на rendez-vous», продолжает традицию осмысления образа русской женщины.

В «Последнем дебюте» Куприн пытается найти свою стилистическую манеру, его привлекают новаторские эксперименты, литературно-игровые формы художественного освоения реальности. Если в советской купринистике ранние рассказы всегда рассматривались как подражательские и не представляющие художественной ценности, то в современных исследованиях фокус смещается в сторону обоснования сложной семиотической структуры его текстов, в том числе и ранних. Много лет в отечественном литературоведении писатель рассматривался как продолжатель реализма, однако разбор поэтики его прозы актуализирует вопрос о переосмыслении художественного метода.

«Закулисье» рождения первого литературного опыта всегда значимо, если не сверхценно для исследователя. Интертекстуальный анализ, разбор частных игровых приемов дает ключ к разгадке сложной организации художественного мира произведений Куприна, реконструкции семантического поля корпуса его текстов. Как опыт вхождения в большую литературу «Последний дебют» интересен с точки зрения первых игровых экспериментов писателя, стремления создать новый литературный продукт путем переосмысления уже существующих фактов и литературно-культурных прецедентов.

Литература

1. Соценко Н.Ф. Игра как инструментарий поэтики А.И. Куприна (роль толстовского интертекста в рассказе А.И. Куприна «Просительница»)

// Вісник ХНУ ім В.Н. Каразіна. № 963. Серія: Філологія. Вип. 62. Харків, 2011. С. 129 – 133.

2. Соценко Н.Ф. В художественном мире А.И. Куприна и Акутагава Рюноске // Вопросы русской литературы. 2012. № 23 (80). С. 111 – 118.

3. Краснова А.А., Московкина И.И. Художественный мир «Суламифи» и «Звезды Соломона» А.И. Куприна: между неореализмом и постмодернизмом // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія :Філологія. 2016. Вип 75. URL: <http://www.yandex.ru/clck/jsreidir?from> (дата обращения: 01.12.2021)

4. Соценко Н.Ф. Интертекстуальность прозы А.И. Куприна 1890-1900-х годов: дис. ... на соиск. науч. степ. канд. филолог. наук. Харьков, 2008. 210 с.

5. Скубачевская Л.А. Специфика неореализма А.И. Куприна: дис... канд. филол. наук / Харьковский национальный ун-т им. В.Н. Каразина. Х., 2007. 206л.

6. Строкина С.П. Творчество А.И. Куприна и проблема неореализма // Вопросы русской литературы. 2012. № 22 (79). С. 131 – 140.

7. Куприн А.И. Собрание сочинений в 9 т. М.: Художественная литература, 1970. Т. 1.

8. Цит. по: Афанасьев В.Н. Александр Иванович Куприн: Критико-биограф. очерк. 2-е изд., испр. и доп. М.: Художественная литература, 1972. 172 с.

9. Борисова У.Ю. Об особенностях сюжетно-композиционной системы Рассказа А.И. Куприна «Последний дебют» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2017. № 1. С. 11 – 13.

10. Королева В. В. «Гофмановский комплекс» в русской литературе конца XIX – начала XX веков: автореферат дис. ... докт. филолог. наук / Место защиты: Ивановский государственный университет. Иваново, 2020. 42 с.

11. Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1.

12. Гончаров И.А. Обрыв: Роман в пяти частях // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. СПб.: «Наука», 2004. Т. 7.

13. Гурьев В. Дебют, не ставший последним. О первом рассказе А.И. Куприна. Режим доступа: URL: <http://proza.ru/2015/09/06/2142> (дата обращения: 01.12.2021)

References

1. Socenko N.F. Igra kak instrumentarij poetiki A.I. Kuprina (rol' tolstovskogo interteksta v rasskaze A.I. Kuprina «Prositel'nica»). Visnik HNU im V.N. Karazina. № 963. Seriya: Filologiya. Vip. 62. Har'kiv, 2011. S. 129 – 133.
2. Socenko N.F. V hudozhestvennom mire A.I. Kuprina i Akutagava Ryunoske. Voprosy russoj literatury. 2012. № 23 (80). S. 111 – 118.
3. Krasnova A.A., Moskovkina I.I. Hudozhestvennyj mir «Sulamifi» i «Zvezdy Solomona» A.I. Kuprina: mezhdru neorealizmom i postmodernizmom. Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Seriya :Filologiya. 2016. Vip 75. URL: [http://www.yandex.ru/clck/jsredir?from \(data obrashcheniya: 01.12.2021\)](http://www.yandex.ru/clck/jsredir?from (data obrashcheniya: 01.12.2021))
4. Socenko N.F. Intertekstual'nost' prozy A.I. Kuprina 1890-1900-h godov: dis. ... na soisk. nauch. step. kand. filolog. nauk. Har'kov, 2008. 210 s.
5. Skubachevskaya L.A. Specifika neorealizma A.I. Kuprina: dis... kand. filol. Nauk. Har'kovskij nacional'nyj un-t im. V.N. Karazina. H., 2007. 206l.
6. Strokina S.P. Tvorchestvo A.I. Kuprina i problema neorealizma. Voprosy russoj literatury. 2012. № 22 (79). S. 131 – 140.
7. Kuprin A.I. Sobranie sochinenij v 9 t. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1970. T. 1.
8. Cit. po: Afanas'ev V.N. Aleksandr Ivanovich Kuprin: Kritiko-biogr. ocherk. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1972. 172 s.
9. Borisova U.Yu. Ob osobennostyah syuzhetno-kompozicionnoj sistemy Rasskaza A.I. Kuprina «Poslednij debyut». Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. ZHurnalistika. 2017. № 1. S. 11 – 13.
10. Koroleva V. V. «Gofmanovskij kompleks» v russoj literature konca XIX – nachala XX vekov: avtoreferat dis. ... dokt. filolog. Nauk. Mesto zashchity: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet. Ivano-vo, 2020. 42 s.
11. Gofman E.T.A. Sobranie sochinenij: v 6 t. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1991. T. 1.
12. Goncharov I.A. Obryv: Roman v pyati chastyah. Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v dvadcati tomah. SPb.: «Nauka», 2004. T. 7.
13. Gur'ev V. Debyut, ne stavshij poslednim. O pervom rasskaze A.I. Kuprina. Rezhim dostupa: URL: <http://proza.ru/2015/09/06/2142> (data obrashcheniya: 01.12.2021)

**LITERARY AND PLAYFUL BEGINNING IN THE STORY
OF A.I.KUPRIN "THE LAST DEBUT"**

*Darenskaya N.A., Candidate of Philological
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Saint Petersburg State University Pediatric Medical University*

Abstract: the article examines the intertextual connections of the story "The Last Debut" by Kuprin, shows the role of the game principle in the formation of the writer's artistic system.

The core of the research is the analysis of paratextual relations (the epigraph is the main text of the story), their complex implicit dialogical potential. An epigraph from G. Heine, a quote from his 44 lyrical miniatures from the cycle "Back at Home" of the "Book of Songs" not only actualizes the motif of unhappy unrequited love that is significant for Kuprinsky's story, but also points to the playing out of romantic aesthetics with its conflict between the ideal and reality. The study shows that the intertextual fields date back to the romantic and realistic literature of the XIX century, the pretexts of the Kuprin story are E.T.A. Hoffman's novella "Don Juan" and Goncharov's novel "The Cliff", works that comprehend the archetypal figure of Don Juan. The article also notes the play with reader allusions: a reference to the ancient drama in the organization of the plot and in the perception of individual images.

The playing of "foreign" texts, as shown in the analysis, is explained by the aspiring writer's desire to find and master new artistic forms, ironically comprehend stable cultural codes, express his attitude to art.

The aim of the research is to represent the game forms in the story "The Last Debut", to analyze the narrative structure and identify the associative components of cultural codes and artifacts played by the writer. Research methods – interpretative, intertextual analysis of the text.

Keywords: A.I. Kuprin, E.T.A. Hoffman, I.A. Goncharov, Don Juan, ancient theater, allusion, intertext, literary game

ОСНОВЫ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

*Царёва О.А., соискатель,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Аннотация: в данной статье исследуются субъектно-объектные основы поэтического мира Арсения Тарковского, обозначается важность понятия субъекта, чья точка зрения определяет облик и сущность поэтической вселенной Тарковского. Целью данного исследования является уточнение субъектной позиции в поэтическом мире, которая ранее сводилась исключительно к обозначению ее антропоцентристского характера. В статье устанавливается, что антропоцентризм для Тарковского лишь аспект восприятия, который требует трансформации. И только изменение этого факта действительности может позволить выстроить новые отношения личности с миром, выстроенные согласно принципам равенства и гармонии. Новый подход реализуется в уравнивании субъекта и объектов, окружающих его. Объекты живой и неживой природы наделяются голосом, читатель может увидеть мир с их угла зрения, сквозь призму их восприятия. Автором также используется ролевая лирика, чтобы расширить круг обладателей собственного голоса. Поэтический мир А. Тарковского населен живыми существами, одушевленными предметами, вымышленными персонажами, реальными людьми, что создает особую полифонию. Такой подход видится новым и не имеющим аналогов среди способов восприятия реальности другими поэтами. Это позволяет сблизить убеждения Тарковского с идеями представителей субъектно-объектной онтологии (Г. Харман, Б. Латур), которые он предвосхищает.

Ключевые слова: Арсений Тарковский, поэтический мир, субъект, объект, антропоцентризм, субъектно-объектная организация

Арсений Тарковский относится к тому типу художников слова, в творчестве в феномене "я" наиболее ярко выделяется его особое мировосприятие, сквозь призму которого читатель видит преломленный мир. Этот мир, сохраняя видимую похожесть на обыденную реальность, на самом деле является пространством, живущим по законам, установленным автором и создателем этого мира. Это художественное полотно не только отражает определенные реалии бытия, оно также наполнено скрытыми, мировоззренческими смыслами и символами, а также индивидуальными ассоциациями. В тексте, особенно поэтическом, в силу ограниченности пространства для выражения внутреннего мира автора, концентрированности мысли, не бывает случайных деталей и образов, их присутствие в художественном мире всегда обусловлено общим замыслом и общими законами построения мира. Механизмы, которые используются автором для создания того или иного образа, основанного на объекте окружающей его действительности, и есть основные маркеры, благодаря которым проявляется субъектная поэтическая позиция.

Авторское "я" в поэтическом мире А. Тарковского – субстанция гибкая, изменчивая, неоднозначная, не имеющая четких контуров. "Я" то отстраняется от мира в целях создания объективной картины, то сливается с ним или его отдельными поэтическими элементами, либо оба эти процесса парадоксально происходят одновременно. Сложность, многоаспектность и неоднозначность субъекта и его позиции в поэтической системе А. Тарковского свидетельствует о необходимости детального исследования.

К обозначенной выше проблеме не раз обраща-

лись исследователи в процессе изучения творчества Арсения Тарковского. Это связано с тем, что, во-первых, понимание специфики существования авторского «я» в текстах позволяет исследовать ключевые аспекты поэтического мира, а, во-вторых, проблема субъектного самоосознания является центральной темой многих произведений Тарковского. Такие тексты посвящены поиску лирическим субъектом нужной точки зрения, с которой можно как можно полнее увидеть общую картину мира, осмыслению выполняемой в мире роли и соотнесенности себя с другими объектами.

Но, несмотря на большое количество подобных исследовательских работ, все они содержат похожие выводы. В многочисленных исследованиях Арсений Тарковский неизменно представлен приверженцем антропоцентрической картины мира. Например, в статье «Антропоцентризм в поэзии А.А. Тарковского» Т.А. Воронова пишет такой особенности поэзии Тарковского, как «антропоцентричность, привязанность лексических смыслов к миру человека» [1, с. 11]. На «веру А.А. Тарковского в антропоцентрическое устройство мира» [4] указывает составитель трехтомного собрания сочинений поэта А.П. Лаврин. Аналогичную мысль высказывает С.А. Мансков: «В художественном мире А. Тарковского лирический субъект <...> ощущает антропоцентричность мира» [5, с. 312]. Также на антропоцентричность времени в мире А. Тарковского указывает Л.В. Мирошник [6, с. 277].

На первый взгляд, такая позиция не вызывает сомнений. У Тарковского достаточно много текстов, в которых на первый взгляд утверждается исключительность, приоритетность антропоцен-

трического взгляда на мир. Кажется, что никакой другой реальности, кроме той, которая представлена в человеческом восприятии, не существует.

Например,

Я человек, я посредине мира... [7, с. 172]

Кроме того, одной из важных для Тарковского книг был труд Пьера Тейяра де Шардена «Феномен человека» [6]. По Тейяру де Шардену, человек – мера всего, его взгляд и есть единственная призма, сквозь которую представлен мир.

Но при детальном рассмотрении субъектная позиция А. Тарковского представляется не столь однозначной. Во-первых, Тарковский часто использует формулу прямой соотношенности субъекта с кем-то или чем-то другим «Я – ...», что говорит о стремлении увидеть мир с разных точек зрения.

Благодаря этому авторскому приему, мы видим мир Тарковского глазами животных («Я по крови домашний сверчок...» [7, с. 59]), растений («Я ветвь меньшая...» [7, с. 190]), вещей («Я свеча, я сгорел на пиру...» [7, с. 344]). Любой предмет наделен поэтом исключительностью, он имеет свою точку зрения, с которой можно увидеть мир по-другому, открыть новые грани и нюансы. Проблема прямой зависимости познания мира от угла зрения, с которого действительность воспринимается, от взгляда, которым на мир смотрят, невероятно актуальна для поэта на протяжении всего его творчества.

Такой подход к поэтической реальности вступает во внутренний спор со столь понятной ему концепцией. Она противоречит драгоценной для Тарковского идее абсолютного равенства всего в мире. Эта субъективность, для де Шардена, являющаяся данностью, неприемлема для Тарковского, который видит предназначение поэта в том, чтобы «каждому зерну подать голос» [7, с. 365].

Субъект может примерять на себя судьбы живых существ, неодушевленных предметов, людей, животных, насекомых, деревьев. Это связано с тем, что в поэтическом мире концепция одушевленности отличается от общепринятой. Одушевленность всех явлений, наделение мыслями, чувствами, речью всего на земле, всего, окружающего субъекта, является характерной чертой мировоззрения поэта. Результатом этого процесса становится отождествление себя с миром и его обитателями, которое приводит к еще более глобальному процессу – растождествлению себя, утрате самосознания, слиянию с миром, растворению в нем:

А кто служил добру, летит вниз головой

В их омут царственный

и смерти не боится.

Он выплывает ещё и сразу, как пловец,

С такую влагою навеки породнится,

Что он и сам сказать не сможет,
наконец,

Звезда он, иль земля, иль человек,

иль птица [7, с. 365]

Радикальность такого подхода к миру исключительна и не встречается в таком абсолютном воплощении ни у предшественников, ни у современников Тарковского. Это новое, в полной мере переосмысляющее традиционное восприятие реальности направление набирает силу только в наши дни. Здесь можно вспомнить основополагающие для нового подхода к реальности труды структуралиста Жюль Делеза или Грэма Хармана, одного из создателей объектно-ориентированной онтологии. Арсений Тарковский с важнейшим для себя стремлением «стать листвою», «каждому зерну подать голос», слиться и уравнивать себя с каждым объектом окружающего мира предвосхищает, опережая время, важнейшие философские системы второй половины XX века и современной нам реальности XXI века. Тарковский опережает Жюль Делеза с его убежденностью, что быть человеком – значит переставать быть человеком, отклоняться, превращаясь в ребёнка, животное, растение, атом. Он оказывается предвестником современной философской тенденции осознанного отказа от субъектного восприятия мира, утверждения равенства всех объектов, восприятия человека как объекта, ни в чем не возвышающегося над другими объектами реальности, будь то камень, растение и т.п.

Для смены субъектной точки зрения Тарковский использует ролевою лирику, примеряя на субъекта разные маски.

Сущность «ролевой» лирики Б.О. Корман трактует следующим образом: «Суть «ролевой» лирики заключается в том, что автор в ней выступает не от своего лица, а от лица разных героев. Здесь используется лирический способ овладения эпическим материалом: автор дает слово героям, явно отличным от него. Он присутствует в стихотворении, но как бы растворившись в своих героях, надев их маску...» [2, с. 165]. Эта стратегия позволяет поэту раскрывать различные точки зрения на тот или иной объект реальности.

Таковую тенденцию можно наблюдать в сюжетных зарисовках, как, например, «Румпельштильцхен», а также стихотворениях, в названии которых каким-либо образом обозначен герой, чьими глазами читатель видит мир («Актер», «Бобыль»). Лирическое «я» не всегда формально совпадает с обозначенным персонажем, иногда авторский голос присутствует в тексте, выполняя роль повествователя. Но главная тенденция заключается в реализации желания поэта посмотреть на мир глазами разных персонажей. Стремление проникнуть

во внутренний мир разных людей разного социального положения, возраста, находящихся на разных этапах жизненного пути, с разным опытом. Это попытка отразить, как одни и те же мысли и чувства переживаются отличающимися друг от друга характерами.

Такая же цель преследуется поэтом при введении в поэтический мир реальных персонажей, с которыми так или иначе вступает в отношения сопоставления или противопоставления лирический субъект. На правах собеседников, идейных оппонентов, близких по духу людей, двойников появляются и знаковые для мировой культуры в целом фигуры, такие как, например, Жанна Д'Арк, Франческо Петрарка, Овидий, Винсент Ван Гог, Эсхил, а также не столь широко известные, но связанные с близкими субъекту сферами интеллектуальной жизни, отражающие широкий спектр авторских интересов – поэт и странствующий философ Григорий Сковорода, иконописец Феофан Грек, астроном Анджело Секки. Кто-то из них упоминается лишь единожды и оказывается необходимым для создания определенного культурного контекста.

Степень скрытости автора в тексте определяет процесс взаимодействия реальности и художественного творчества. Специфика соотношения реальности и поэтического мира является предметом изучения и осмысления и для самого автора. Проблема поэтической самоидентификации затрагивается во многих произведениях, но особенно показательным стихотворением «Я долго добивался...». Мир, в котором существует лирический субъект, представляет собой реальность в ее наиболее остром проявлении – с напряженностью конфликтов и выпуклостью глубинных противоречий. Для субъекта процесс жизни в этой реальности становится испытанием всех его внутренних сил, так как он сам ставит перед собой трудно выполнимые внутренние задачи. В первом катрене отражена борьба личности с самим собой, собственными страхами и желанием уклониться от испытаний и мучений, от напряженной духовной работы:

*Я долго добивался,
Чтоб из стихов своих
Я сам не порывался
Уйти, как лишний стих [7, с. 75]*

Идея ухода показательна, так как отражает отношение поэта к собственному творчеству. Для него это прежде всего жертвоприношение, дважды в тексте это подчеркивается образами топора и плахи:

*Хоть рифма, точно плаха,
Меня сама берет [7, с. 75]*

Постоянная угроза сквозит во всем, что окружает субъекта и во всем, чем он живет. Будь то личное предназначение как поэта или борьба за выживание любого существа.

Мир, воссозданный силой поэтического воображения, – это отнюдь не безоблачный и сияющий рай, в котором человек хотел бы укрыться от всех реальных жизненных невзгод. Нет, это поэтическая действительность, в которой есть место и раю (чаще всего утраченному, но с особенной страстной одержимостью вносимому поэтом в поле зрения читателя в виде грез, снов и воспоминаний), и аду, который иногда лишь намекает о себе зловещей ухмылкой судьбы, а иногда плотным кольцом обступает субъекта, есть гармония Вселенной и чудовищная дисгармоничность отношений человека с миром, собой и близкими, есть простые и в этой простоте совершенные земные радости и бессмысленные честолюбивые устремления.

Существование в этой реальности для поэта возможно только на пределе его духовных сил, так как он стремится к трудно выполнимому – вместить в художественное пространство собственное "я" со всеми его внутренними терзаниями и противоречиями и мир, окружающий его, с его глубинными законами и тончайшими парадоксами. В стихотворении "Дождь" эта мысль выражена афористически и отражает мировоззренческую программу поэта:

*Как я хочу вдохнуть в стихотворенье
Весь этот мир, меняющий обличье... [7, с. 50]*

Стремление поместить в поэтический мир реальность во всех его парадоксах, нюансах и противоречиях сопряжено с отказом от себя, самопожертвованием, растворением в мире, слияние с ним, ради всего сущего. Происходит процесс вытеснения субъектного начала, оно растворяется. Процесс деперсонализации субъекта осознается и осмысливается субъектом. Этот процесс представляется единственным возможным способом познания мира

Литература

1. Воронова Т.А. Антропоцентризм в поэзии А.А. Тарковского // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж, 2010. С. 10 – 14.
2. Де Шарден Пьер Тейяр Феномен человека. М., АСТ., 2012. 384 с.
3. Корман Б.О. Избранные труды. История русской литературы. Ижевск. 2008. – 552 с.
4. Лаврин А.П. Примечания к изданию: Тарковский А.А. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1. С. 414 – 451.

5. Мансков С.А. Предметный мир поэзии А. Тарковского // Вестник Барнаульского гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Барнаул, 2001. Вып. 1. С. 63 – 69.

6. Мирошник Л.В. Метафоры времени в поэзии Арсения Тарковского // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках. Днепропетровск, 2005. С. 275 – 278.

7. Тарковский Арсений. Собрание сочинений: в 3 т. М., 1991-1993.

8. Харман Грэм. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.

9. Харман Грэм. Спекулятивный реализм: введение. М.: РИПОЛ классик, 2020. 290 с.

References

1. Voronova T.A. Antropocentrizm v poezii A.A. Tarkovskogo. Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. Voronezh, 2010. S. 10 – 14.

2. De SHarden P'er Tejyar Fenomen cheloveka. M., AST., 2012. 384 s.

3. Korman B.O. Izbrannye trudy. Istoriya russkoj literatury. Izhevsk. 2008. – 552 s.

4. Lavrin A.P. Primechaniya k izdaniyu: Tarkovskij A.A. Sobraie sochinenij: v 3 t. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1991. T. 1. S. 414 – 451.

5. Manskov S.A. Predmetnyj mir poezii A. Tarkovskogo. Vestnik Barnaul'skogo gos. ped. un-ta. Ser.: Gumanit. nauki. Barnaul, 2001. Vyp. 1. S. 63 – 69.

6. Miroshnik L.V. Metaforы времени v poezii Arseniya Tarkovskogo. Leksiko-grammaticheskie innovacii v sovremennyh slavyanskikh yazykah. Dnepropetrovsk, 2005. S. 275 – 278.

7. Tarkovskij Arsenij. Sobraie sochinenij: v 3 t. M., 1991-1993.

8. Harman Grem. Ob"ektно-orientirovannaya ontologiya: novaya «teoriya vsego». M.: Ad Marginem Press, 2021. 272 s.

9. Harman Grem. Spekulyativnyj realizm: vvedenie. M.: RIPOL klassik, 2020. 290 s.

FUNDAMENTALS OF THE SUBJECT-OBJECT ORGANIZATION OF THE ARSENY TARKOVSKY'S POETIC WORLD

*Tsareva O.A., Applicant,
Saint Petersburg State University*

Abstract: in this article we study subject-object foundations of Arseny Tarkovsky poetic world. We designate the importance of subject motion whose point of view determinates the outlook and essence of Tarkovsky's poetic universe. The goal of this work is the exact determination of the subject position in the poetic world which previously was simplified to its anthropocentric character designation. In this article we justify that anthropocentric for Tarkovsky is only an aspect of perception in need of transformation. And only the change of this fact of reality may afford to build new relationships between personality and the world according to principles of harmony and equality. The new approach is realized in equalization of subject and objects surrounding it. The objects of alive and not alive nature acquire the voice and the reader May see the world from their point of view through the prism of their perception. The author also uses so called role lyrics to widen the circle of personal voice owners The poetic world of A. Tarkovsky is inhabited by alive creatures, animated subject, fictional persons and the real people and all of it creates the special polyphony. Such an approach we recognize as a new one and having no analogs among the ways of reality perception of other poets. This alouds to conciliate Tarkovsky believes with ideas of representatives of the subject-object ontology (G. Harman, B. Latour), which he forestalls.

Keywords: Arseny Tarkovsky, the poetic world, subject, object, anthropocentrism, subject-object organization

«МЯГКАЯ СИЛА» В МЕДИАКОНТЕНТЕ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «КУЛЬТУРЫ СТРАХА»

*Кадри Сухила, аспирант,
Российский университет дружбы народов*

Аннотация: в обществе давно уже культивируется «культура страха», потому что за последние несколько десятилетий в страхе Европы и в России усилилось чувство уязвимости и незащищенности. Социологические исследования культуры страха дают теоретическую основу для понимания того, как СМИ, информируя читателей о вспышке коронавируса с позиций «мягкой силы», развивают у читательской аудитории чувство тревоги.

Цель этой статьи – изучить, как вспышка COVID-19 была представлена в британских и российских газетах и описать языковые средства, использованные для создания предчувствия опасности. Публицистический материал, на основе которого проводится исследование, охватывает период с 1 января по 5 марта 2020 года, т.е. тот период, когда еще не был зарегистрирован ни один смертельный случай.

Для анализа языковых средств, используемых газетами, представлявшими коронавирус как основную угрозу и, таким образом, нагнетающими страх, в качестве основного метода нами был выбран критический анализ медиадискурса. В процессе исследования мы пришли к выводу, что статьи и заголовки газет, выходящих в указанный период драматизировали события того времени, целенаправленно разжигали страх. Рассказывая об эпидемии в Китае, они создавали метафорический образ коронавируса, представляя болезнь как смертоносное живое существо, приближающееся к Великобритании и России и захватывающее эти страны. При этом СМИ подчеркивали глобальный характер пандемии и неадекватность государственных мер по обузданию болезни.

Ключевые слова: коронавирусу, медиадискурс, страх, мягкая сила, манипуляция, метафора

Несмотря на развитие медицины и высокий уровень медицинского обслуживания, население европейских стран, хотя и получает квалифицированную медицинскую помощь, в том числе и при борьбе с инфекционными болезнями, все чаще и чаще начинает беспокоиться о своем здоровье, потому что чувствует себя незащищенным, поскольку практически каждый год мир атакуют новые вирусы, лекарство от которых медицина пока еще не придумала. Когда мир накрывает новая болезнь, люди начинают панически ее бояться, отчего и в без того накаленном обществе в силу экономических, политических, социальных и других проблем сеется страх.

Что же такое страх? Исследователи полагают, что первоначально слово «страх» означало «оцепенение, ошарашивание». Т.В. Летягова определяет страх как сильный испуг, вызванный эмоциональным состоянием, возникающим при действии опасного или вредного стимула или при представлении о его возможности, а также тревожное состояние души ввиду грозящей или воображаемой беды, неприятности [6, с. 360]. В философской энциклопедии страх определяется как «тягостное, мучительное душевное состояние, вызываемое грозящей человеку опасностью и чувством собственного бессилия перед ней» [3, с. 645].

В настоящее время страх является массово распространенным явлением, в связи с чем он перестает быть только психологическим феноменом, а приобретает социальный характер. Исследователи утверждают, что страх – это «продукт социального строительства», поскольку он сознательно нагнетается общественными институтами с целью манипулирования массами. Однако, культивирова-

ние страха в обществе происходит ненавязчиво, в связи с чем стоит говорить о нем, как о «мягкой силе» порабощения масс.

Термин «мягкая сила» (англ. soft power) впервые ввел в оборот профессор Гарвардского университета Джозеф Най в своей книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» (1990). Впоследствии он развил содержание данного понятия в монографии «Soft Power: The Means to Success in World Politics» (2004) и в статье «„Мягкая сила“ и американо-европейские отношения» [5].

Под «мягкой силой» Дж. Най понимает «умение делать так, чтобы другие захотели тех же результатов, что и вы хотите, умение вовлекать и объединять людей, а не принуждать их». «Мягкая сила», как он считает, – это «способность формировать симпатии, предпочтения других», это «таинственная химия притяжения, привлекательности» [8, р. 5]. Несмотря на позитивную коннотацию, которую пытался вложить Дж. Най в понятие «мягкая сила», современные исследователи считают его «черным пиаром», который был создан в США и для США с целью замены «гегемонистских устремлений путем устрашения, угрозы применения силы или ее прямого использования» [2, с. 53]. По сути дела, «мягкая сила» – это вариант «публичной дипломатии», которая призывает отказаться от использования военной силы, а решать все конфликты, в том числе и межгосударственные, дипломатическими методами, но при этом не забывать и о своих собственных интересах. О.А. Бельков пишет: «„Мягкая сила“ звучит привлекательно, как нечто «белое и пушистое». Но это обманчивое впечатление. В словосочетании «мягкая

сила» предикатом (понятием, определяющим предмет суждения) выступает сила. Сила же в социальной истории и динамике представляет собой возможность и способность одного субъекта реализовать свои цели вопреки противодействию других субъектов, заставить их предпринять что-либо, что они по собственной воле делать не стали» [2, с. 58]. П.Б. Паршин считает, что выражение «мягкая сила» – неудачная метафора, поскольку ни власть (а термин *soft power* можно перевести и как «мягкая власть»), ни тем более сила ни мягкими, ни жесткими не являются [7, с. 13]. В связи с этим, как он отмечает, «мягкая сила» имеет негативную коннотацию «и не может применяться просто по определению, в силу своей категориальной природы», эффект мягкой силы «проявляется в действиях/поведении/деятельности не обладателя мягкой силы, а субъекта, испытывающего ее воздействие» [7, с. 15]. Исходя из данного понимания этого феномена, можно констатировать, что «мягкая сила» – это один из инструментов манипуляции общественным сознанием.

Поскольку на сегодняшнем этапе конструирования внешней и внутренней политики важными составляющими «мягкой силы» являются культура и идеология, то неудивительно, что СМИ, которые считаются «островками культуры» и которые продвигают идеологию в массы, став участниками политического процесса, задействуют технологии «мягкой силы».

В современном публичном пространстве, чтобы получить представление о реальности, люди обращаются к средствам массовой информации. «Человек и его повседневная жизнь, – пишет В.С. Емец, – все больше зависит от массовой коммуникации, которая создает для него своего рода «вторую реальность», «субъективную реальность», влияние которой не менее значимо, чем влияние объективной реальности» [4, с. 163]. На сегодняшний день СМИ, которые еще в XX веке «произвели настоящую революцию в политических отношениях и способах политического управления» [4, с. 161], являются одной из важных информационных технологий, которые использует власть, стремящаяся к тому, чтобы, «используя наименьшие затраты средств и ресурсов, получить максимальный эффект воздействия на людей, обеспечив их так называемую добровольную подчиняемость» [4, с. 162]. Материалы информационного характера, размещенные на страницах газет и журналов, направлены на контроль за сознанием и поведением людей, в связи с чем можно говорить об искусственном конструировании запросов населения. И так как население практически в каждой стране запугано надвигающейся катастрофой (мы имеем в виду эпидемию коронавируса), то СМИ начина-

ют «подыгрывать» настроению граждан, запустив проект, целью которого является манипулирование сознанием читателя на основе дезинформации и фальсификации сведений. Таким образом, страх, культивируемый в обществе, не просто подхватывается СМИ, которые уделяют приоритетное внимание негативным, необычным и сенсационным новостям, а развивается ими и распространяется через них.

СМИ настолько вошли в нашу жизнь, что та или иная статья, даже если в ней содержится информация, не соответствующая действительности, вызывает немедленный отклик в обществе. Она обсуждается и на уровне публичного контента, организованного прессой, телевидением и т.п., и становится элементом повседневных разговоров граждан, которые дают эмоциональную оценку событию, вызывающему у публики беспокойство или просто чрезмерную озабоченность.

Весьма активно СМИ принимают участие в освещении кризисов общественного здравоохранения (в свое время пресса пестрела статьями, посвященными эпидемиям атипичной пневмонии и лихорадки Эбола), которые, как правило, подаются не только в политическом, но и национальном контексте, апеллируя к локальным культурам. При этом СМИ воздействуют на психологическое состояние населения, подчеркивая непредсказуемость болезни, высокие риски заражения и доказывая факты большой смертности цифрами, которые не всегда имеют под собой реальную основу.

В нашем исследовании мы попытаемся выяснить, как апелляция к страху, который является нормальной реакцией человека на неопределенность, помогает СМИ манипулировать читательской аудиторией, настроенной на «нагнетание негатива», при организации информационного поля новой для всего мира болезни – коронавируса, или COVID-19.

Критический анализ медиа дискурса, который был выбран нами в качестве метода исследования, поможет изучить языковые средства, используемые в медиатекстах с целью повлиять на аудиторию и вызвать у нее желаемую реакцию. Критический анализ медиа дискурса фокусируется, в первую очередь, на словарном фонде, единицы которого, являясь инструментом манипуляции, превращают события в контексты, нагнетающие страх.

31 декабря 2019 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) сообщила о вспышке новой, неизвестной, пневмонии, обнаруженной на рынке морепродуктов Хуанань в провинции Хубэй, Китай. 10 дней спустя вирус был идентифицирован как новый коронавирус, а «вспышка болезни COVID-19 была объявлена чрезвычайной

ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение» [1, с. 20]. Начиная с февраля-марта 2020 г. эпидемия приобрела международный и межконтинентальный характер, в связи с чем ВОЗ признала эпидемию пандемией.

Вспышка новой болезни, не поддающейся на тот период лечению, получила широкое внимание со стороны международных СМИ. Писали о ней и британских газеты, которые начали сообщать пугающие новости из Китая, неоднократно подчеркивая, что вирус представляет страшную угрозу для всего человечества, потому что в скором времени он достигнет Европы и, естественно, дойдет до Британских островов.

Когда две недели спустя ВОЗ объявила, что новый коронавирус распространился за пределы Китая, что в республике Корея, в Японии, Таиланде и Сингапуре уже зарегистрированы случаи COVID-19, граждане многих стран стали с интересом просматривать прессу, поскольку посчитали информацию СМИ «пророчеством». Тогда пресса, высоко подняв голову, вместо того, чтобы успокоить население, наоборот, стала нагнетать обстановку и, после трех подтвержденных случаев коронавируса в Франции, не просто забила тревогу, а стала рисовать страшные картины болезни, несущейся по миру со страшной скоростью и сметающей все на своем пути. Когда читаешь прессу того периода, складывается впечатление, что никаких других болезней не существует, поскольку доминирующим звеном в новостном цикле является COVID-19. Освещение пандемии в британских газетах можно назвать проявлением культуры страха, присущей британскому обществу, которому выгодны паника и страх, поскольку людьми в страхе легче управлять. Заголовки на первых полосах британских газет были, в основном, шокирующими и пугающими. В течение января 2020 года, первого месяца вспышки новой болезни, слово «коронавирус» в британских СМИ упоминалось более чем в 41 000 новостных статьях и почти 19 000 = в заголовках. К слову сказать, эпидемия лихорадки Эбола, имевшая место в 2018 году, не так яростно освещалась в СМИ. В августе того года только около 1800 публикаций упоминали Эболу и только в 700 заголовках фигурировала эта болезнь.

Российская пресса, когда коронавирус начал свое победное шествие по миру, тоже стала запугивать население России, для чего, описывая эпидемию в Китае, использовала в новостных сообщениях выражения сенсационного характера. Российские СМИ подчеркивали возможность попадания вируса в Европу (хотя прямо не утверждали об этом) и, следовательно, представляли болезнь как серьезную угрозу. Чтобы включить в медиадис-

курс культуру страха, они использовали эмоциональные средства языка, драматизирующие ситуацию. Вот как освещает газета «Вести» события в Ухане, эпицентре «смертельного коронавируса»:

«Пациенты в масках теряют сознание на улице. Сотни напуганных граждан, рискуя заразиться друг друга, толпятся в узких коридорах больницы, ожидая врачей в белых костюмах. А в это время врач, свалившийся от усталости в соседней комнате, кричит от боли».

Данный контекст наполнен внушающей страх лексикой, в связи с чем напоминает сцену из фильма ужасов: удушающая обстановка (*узкие коридоры*), толпа пациентов (*сотни граждан*), мучение (*врач кричит от боли*).

Примечательно, что еще до первого смертельного случая в России, а именно до 5 марта 2020 года, коронавирус привлек большое внимание журналистов и был представлен как угроза жизни: заголовки, выделенные крупным шрифтом, содержали запоминающиеся алармистские фразы, репрезентировавшие COVID-19 как «смертельный» и «очень заразный» вирус, как «убийство» многомиллиардного населения планеты, как «неконтролируемый» вирус, превративший «провинцию Хубэй в город-призрак». Представление вируса как «невиданного прежде убийцы» как коварного врага со «множеством жертв», у которых «есть легкие симптомы, похожие на простуду, и которые не осознают, что заражены», действует на подсознание граждан, которые готовы пойти на все, чтобы избежать смертельной участи. С одной стороны, российская пресса, как и ТВ, описывая коронавирус, использует медицинскую лексику (такую, как *иммунитет, пандемия, эпидемия, инфекция, пациент, вспышка*), но с другой стороны, она переводит эпидемические нарративы в военный дискурс, используя метафоры войны и борьбы с врагом, построенные на таких лексических единицах, как *битва, окружить, победить, сражаться, поражать, сражаться, бить, натиск*.

Еще одной особенностью медийного освещения коронавируса, направленного на ассоциации с войной, являются постоянные публикации карты мира, на которой читатели могут увидеть, как вирус путешествует по земному шару: на карте отмечены страны, затронутые вирусом, с данными о количестве заболевших и погибших, которые напоминают сводки с театра военных действий, сообщавших о количестве убитых и раненых.

Используя метафоры и визуальные образы, СМИ превращают реальную жизнь в сценарий фильма-катастрофы, в результате чего российские и британские читатели начинают жить в постоян-

ном страхе, их не покидает общее чувство тревоги и незащищенности.

В течение января и февраля 2020 года российские газеты писали о вирусе как о чудовище, которое родилось в далекой части мира, но потом поползло, преодолевая расстояния, в сторону Европы. Газеты пестрели сообщениями такого типа: «вирус вырвался из Китая», «болезнь, которая уже убила 17 человек в Китае и затронула до 1700 человек, могла уже прибыть в Россию». В данных контекстах глаголы «вырваться», «убить», «прибыть». В некоторых публикациях мы находим такие выражения, как «вирус усилил хватку», «очень скоро вирус закрепится в России». Они создают образ вируса как монстра с конечностями.

Ученые считают, что национальные и глобальные меры реагирования на эпидемии, по своей сути, имеют политическую окраску. Вырисовывая сложную картину борьбы с невидимым врагом и делая ужасные прогнозы, которые напоминают читателям о возможной, а иногда и неминуемой смерти, СМИ достигают внешних и внутренних политических целей без применения оружия, за счет информационных рычагов воздействия: «уровень смертности на уровне эпидемии испанского гриппа 1918 года, унесшей жизни 50 миллионов человек во всем мире». Такие языковые единицы, как «уровень смертности», «эпидемия» в сочетании с цифрой (50 миллионов), оказывают сильное воздействие на читателя, а пугающие подробности да еще в сравнительном контексте (грипп, именуемый «испанкой», был, конечно же, страшным бедствием, то в то время медицина была на низком уровне, поэтому сравнение тут неуместно) создают имидж государства, вставшего на борьбу с опасной болезнью, заботящегося о населении и разрывающегося между экономическими и политическими интересами страны и спасением жизни собственных граждан.

Конечно, сообщение о том, что «вирус, унесший 17 жизней в Китае, уже мог распространиться в Россию», не является основанием для беспокойства, потому что, принимая во внимание население китайского города, 17 смертей – это не впечатляющая цифра, но восприятие риска часто имеет мало общего с реальным риском, особенно когда язык тревоги пронизывает каждое предложение. статьи.

Вину за распространение опасной болезни журналист возлагает на глобализацию, которая, с его точки зрения, «сделала кошмар пандемий более вероятным, и его стало труднее контролировать». Поэтому в современном мире «каждый может быть потенциальным передатчиком или жертвой». Виноваты в том, что мир накрыла пан-

демия, и «самодовольные» правители, и их министры. Последние, как говорится в материале, заслуживают «пощечины» за то, что не ввели температурные тесты для тех, кто прибывает из зараженных районов. В результате «Россия находится в состоянии повышенной готовности к отслеживанию рейсов, прибывающих в страну». Потом все-таки «министры приказали «остановить» полеты из Уханя, города, где произошла вспышка коронавируса». Однако СМИ сомневаются в эффективности этих мер, называя границы «слишком проницаемыми» и сокрушаясь, что предотвратить проникновение вируса в страну невозможно.

Контексты публикаций СМИ, рассказывающие о коронавирусе, от которого нет спасения, сильно осложняют повседневную жизнь населения. Представляя коронавирус как реальную угрозу, они предлагают своим гражданам наихудший сценарий развития событий, который культивирует «культуру страха» и создает панические настроения. При этом государство не вмешивается в стратегии СМИ, которые используют «черные краски» для манипуляции читательской аудиторией. Нагнетание негатива очень выгодно государству, потому что толпой, скованной страхом, легче управлять. Но СМИ, предлагая угрожающий контент, преследуют и свои интересы. На фоне интереса граждан к COVID-19, у них возрастает потребность в публицистических материалах, «проливающих свет», как они думают, на «загадочную болезнь». «Красочное» описание коронавируса, даже если оно рисует страшные образы, несущие смерть и войну, заставляет читателей искать и читать подобные публикации, на фоне чего вырастет имидж издания. Таким образом, СМИ, как показало наше исследование, являются главным конструктором социальной реальности, создавая которую они используют язык, ставший механизмом воздействия на сознание адресата. Используя стратегии «мягкой силы», СМИ делают адресата «послушным винтиком» в руках такой сильной машины, как государство.

Литература

1. Багненко С.Ф. и др. Эволюция пандемии COVID-19. СПб: Балтийский Медицинский Образовательный Центр, 2021. 410 с.
2. Бельков О.А. «Мягкая сила»: слова и смыслы // Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. С. 51 – 79.
3. Гайденко П.П. Страх // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 645.

4. Емец В.С. Информационные технологии «мягкой силы» как средство манипулирования личностью // Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. С. 161 – 174.

5. Леонова О.Г. Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 101 – 114.

6. Летагова Т.В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь. М.: Флинта: Наука, 2006. 424 с.

7. Паршин П.Б. Приключения мягкой силы в мире коммуникативных технологий (прекраснодушные заметки) // Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография. М.: ФЛИНТА, 2015. С. 13 – 29.

8. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 192 p.

References

1. Bagnenko S.F. i dr. Evolyuciya pandemii COVID-19. SPb: Baltijskij Medicinskij Obrazovatel'nyj Centr, 2021. 410 s.

2. Bel'kov O.A. «Myagkaya sila»: slova i smysly.

Rol' tekhnologij «myagkoj sily» v informacionnom, cennostno-mirovozzrencheskom i civilizacionnom protivoborstve. Pod obshch. red. I.V. Bocharnikova. M.: Izd-vo «Ekon-Inform», 2016. S. 51 – 79.

3. Gajdenko P.P. Strah. Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4-h t. M.: Mysl', 2010. T. 3. S. 645.

4. Emec V.S. Informacionnye tekhnologii «myagkoj sily» kak sredstvo manipulirovaniya lichnost'yu. Rol' tekhnologij «myagkoj sily» v informacionnom, cennostno-mirovozzrencheskom i civili-zacionnom protivoborstve. Pod obshch. red. I.V. Bocharnikova. M.: Izd-vo «Ekon-Inform», 2016. S. 161 – 174.

5. Leonova O.G. Dzhozef Naj i «myagkaya sila»: popytka novogo prochteniya. Social'no-gumanitarnye znaniya. 2018. № 1. S. 101 – 114.

6. Letyagova T.V. Tysyacha sostoyanij dushi: kratkij psihologo-filologicheskij slovar'. M.: Flinta: Nauka, 2006. 424 s.

7. Parshin P.B. Priklyucheniya myagkoj sily v mire kommunikativnyh tekhnologij (prekrasnodushnye zametki). Soft power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdisciplinarnyj analiz: koll. monogra-fiya. M.: FLINTA, 2015. S. 13 – 29.

8. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 192 p.

“SOFT POWER” IN MEDIA CONTENT AND ITS REPRESENTATION OF THE “CULTURE OF FEAR”

*Kadri Souhila, Postgraduate,
Peoples' Friendship University of Russia*

Abstract: a “culture of fear” has been cultivated in society for a long time, because over the past few decades a sense of vulnerability and insecurity has increased in Europe and Russia. Sociological studies of the culture of fear provide a theoretical basis for understanding how mass media, informing readers about the outbreak of coronavirus using the “soft power” technologies develop a sense of anxiety.

The purpose of this article is to study how the COVID-19 outbreak was presented in British and Russian newspapers and to describe the language instruments used to create a premonition of danger. The articles selected for researching covers the period from January 1 to March 5, 2020, i.e. the period when no deaths have been registered yet.

To analyze the language devices used by newspapers that presented coronavirus as the main threat and, thus, whipping up fear, we chose critical analysis of the media discourse as the main method. In the course of the research, we came to the conclusion that the articles and newspaper headlines published during this period dramatized the events of that time, purposefully fueled fear. Talking about the epidemic in China, they created a metaphorical image of the coronavirus, presenting the disease as a deadly living creature approaching the UK and Russia and capturing these countries. At the same time, the media emphasized the global nature of the pandemic and the inadequacy of state measures to curb the disease.

Keywords: coronavirus, media discourse, fear, soft power, manipulation, metaphor

КОНЦЕПЦИЯ ВОЛЬФГАНГА ИЗЕРА И ЕЁ ПРИМЕНЕНИЕ В ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*Баракат Е.А., преподаватель-исследователь,
Российский государственный гуманитарный университет*

Аннотация: в статье излагается теоретическая концепция одного из основоположников направления рецептивной эстетики Вольфганга Изера и введенные им ключевые термины.

Цель исследования заключается в том, чтобы обобщить теоретическую концепцию Изера и сформулировать области ее применения в изучении переводов.

Научная новизна данной статьи заключается в том, что в ней впервые используется в качестве инструмента переводоведческого исследования методология рецептивной эстетики. Перевод трактуется как текст, выполняющий эксплицирующую функцию по отношению к тексту исходному: имплицитная информация, заложенная в оригинале, становится вербализованной в переводе.

Результаты научного исследования показали, что рассмотрение перевода в качестве стратегии чтения открывает новые перспективы и представляет собой продуктивную модель для изучения литературных произведений и их переводов на иностранные языки.

Актуальность исследования заключается в том, что, будучи в достаточной степени изученной, теоретическая концепция В. Изера до сих пор не применялась в области изучения переводов несмотря на то, что она крайне продуктивна в этой области, что мы доказываем в настоящем исследовании.

Для достижения заявленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать основные работы В. Изера и работы исследователей, рефлексирующих над основными положениями его теории; выделить ключевые термины, актуальные для переводческой проблематики; обосновать возможность применения выбранной методологии в переводоведческих исследованиях.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что полученные результаты могут быть использованы в процессе преподавания дисциплин, связанных с теорией перевода, и в спецкурсах по теории и практике перевода в вузах с гуманитарной направленностью.

Ключевые слова: рецептивная эстетика, читатель, межкультурное пространство, репертуар текста, Вольфганг Изер

Значимость рецептивной теории в современном переводоведении связана с фигурой Вольфганга Изера, одного из ключевых представителей направления рецептивной эстетики, поскольку теоретический инструментарий, разработанный Изером, применим в изучении переводов. В литературоведении рецептивная эстетика (Rezeptionsästhetik) или рецептивная теория в качестве отдельного направления появилась в работах Ганса Роберта Яусса в конце 1960-х годов, фундаментом для неё послужили феноменология Э. Гуссерля и герменевтика М. Хайдеггера. В лекции «Literary History as a Challenge to Literary Theory» (позднее переработанной в эссе) 1967 г., прочитанной в Констанце, Яусс вводит основные положения рецептивной эстетики [6].

Говоря об этом направлении в целом, охарактеризуем основное положение рецептивной эстетики так - отказ от исследования текста как самостоятельного объекта, смещение акцента с текста на читателя, текст не может быть интерпретирован без учета взаимодействия с читателем. Читатель, знакомясь с новым текстом (или же вновь перечитывая знакомое), уже имеет некоторый исходный набор предпосылок, влияющих на толкование текста. Рецептивная эстетика сосредоточена на описании восприятия читателем литературного произведения в процессе чтения; таким образом, ли-

тературное произведение не сводится исключительно к тексту, ключевое значение приобретает процесс восприятия, поскольку текст обретает конкретное значение лишь во взаимодействии с сознанием читателя.

Изер ориентируется на «новую критику», нарратологию и феноменологию [1, р. 82]. Теоретической рамкой служит концепция Романа Ингардена, вслед за ним Изер рассматривает текст как набор неких аспектов, которые могут быть актуализированы или конкретизированы читателем. Изер смещает фокус с текста как объекта изучения на процесс чтения. Процесс чтения – обязательное условие для «жизни» литературного произведения. Изер выделяет два полюса художественного произведения: художественный и эстетический [5, р. 279]. Художественный относится к тексту, созданному автором, а эстетический – к читательскому восприятию (или же к «конкретизации» текста читателем, в соответствии с терминологией Ингардена). В этой модели литературное произведение находится между двух полюсов, оно появляется благодаря их постоянному взаимодействию и взаимовлиянию. Художественное произведение, по своей природе, динамично. Текст оживает в процессе чтения, индивидуальное восприятие и воображение читателя обуславливают его интерпретацию. Разные уровни текста, в свою очередь,

воздействуют на разные аспекты индивидуальности читателя. Тем не менее, текст все же накладывает некоторые ограничения на читательское восприятие и возможные интерпретации. Обратимся к главным терминам теории Изера.

В поздней работе «On Translatability – Variables of Interpretation» [2] Изер наиболее явно затрагивает тему перевода, вводя понятие межкультурного пространства. Изер рассматривает перевод в качестве стратегии чтения. Переводчик выполняет сразу две функции – непосредственно переводчика и читателя. Читая-переводя текст, переводчик способен эксплицировать то, что присутствует в оригинале лишь гипотетически, едва ощутимым образом. Межкультурное пространство, по Изеру, возможно распознать только в переводе; в оригинале же исследователь сделать это не может, в силу имплицитного характера конвенций, присущих межкультурной проблематике, поэтому перевод становится главным инструментом исследователя. Межкультурное пространство – это возможные, имплицитно заложенные в тексте смыслы (явным образом встраивающиеся в тот или иной национальный культурный контекст), которые можно выявить посредством перевода текста на другой язык через стратегию чтения переводчика. Наличие перевода – основополагающий фактор, исходное положение, без которого исследование невозможно. Изер сосредотачивается не на том, что в оригинале осознанно заложил автор, а на скрытых смыслах (т.е. межкультурном пространстве).

Изер рассматривает межкультурное пространство в связи с переводимостью. В современном мире разные культуры все чаще и чаще взаимодействуют, призывая к взаимному пониманию не только с точки зрения собственной культуры, но и с точки зрения чужой культуры, так как чужое может быть понято только с помощью проекции на знакомое. Изер рассматривает различные подходы к изучению межкультурного взаимодействия. Изер отвергает теорию культурной гегемонии, использование компаративных методов и противопоставляет ей переводимость. Интерпретация, т. е. стремление сократить дистанцию между культурами, выступает как форма переводимости, которая, в свою очередь, всегда представляет собой не что иное, как акт перевода. Во время перевода открывается новое пространство, которое заполняется в соответствии с намерениями интерпретатора-переводчика, интерпретация, таким образом, сужает пространство, вызванное самим актом перевода. Модели межкультурного взаимодействия обнаруживаются только в процессе перевода. Исследователь же, в свою очередь, может изучить их при условии, что он поставит вопрос о типе межкультурного пространства посредством

изучения именно перевода. В статье «On Translatability – Variables of Interpretation» Изер дорабатывает свою теорию и переносит её в плоскость переводоведения, поэтому необходимо рассмотреть её фундаментальные положения.

Центральное место в более ранних трудах Изера отводится фигуре читателя. В дополнение к уже существующим терминам «реальный» (real) читатель, «гипотетический» (hypothetical), «идеальный» (ideal) и «читатель-современник» (contemporary), Изер вводит термин имплицитный читатель (implied reader) для описания отношений между текстом и читателем, а также эффекта, который производит литературное произведение: «Термин относится как к предварительной структуре потенциального значения текста, так и к актуализации читателем этого значения в процессе чтения» [4, р. Xii]. Изер делает оговорку о том, что имплицитный читатель – это концепт, не имеющий ничего общего с читателем реальным [3, р. 32]. Имплицитный читатель обозначает сеть структур, которые побуждают читателя знакомиться с текстом.

Читатель всегда стремится выстроить эксплицитные части текста в некой последовательности, что обусловлено внутренним стремлением читателя к целостности. Соединяя между собой разрозненные части повествования, читатель каждый раз делает индивидуальный выбор, поэтому целостная картина всегда будет уникальна и субъективна. Эта картина не равна тексту. Текст представляет собой основу, пазл, который каждый читатель собирает и склеивает благодаря дополнительным связям, которые он же и выстраивает в соответствии со своим опытом и ожиданиями. В этот момент начинают работать иллюзии, благодаря которым у читателя новая информация накладывается на уже известное. Набор знакомых литературных тем и шаблонов, отсылок к пережитому опыту соединяется со стратегиями для вычленения знакомого из незнакомого. Так происходит развертывание текста, читатель воспринимает текст как живое событие.

Таким образом, читатель сам создает действительность текста и будто бы проникает в неё. Читатель отождествляет себя с героем литературного произведения, действует на двух уровнях – чужого «я» и настоящего «я». Познание чужого «я» происходит посредством проецирования нового на знакомое, читатель принимает чужие идеи только в случае, если он готов их разгадывать. Читатель разгадывает не известное ему благодаря самой возможности разгадывания и в каждом акте чтения получает новый опыт.

Имплицитный читатель – категория, актуальная для переводоведческих исследований, в особенно-

сти, если рассматривать переводчика в качестве читателя. Если читатель распознает имплицитную информацию в тексте, то он ограничивается лишь её восприятием, если же мы рассматриваем читателя-переводчика, то он не только распознает скрытую информацию, но и создает перевод, в котором воспроизводит её в соответствии с той или иной стратегией.

Для исследования процесса чтения Изер использует феноменологический анализ, рассматривая каждое предложение не по отдельности, а в качестве звена цепи последовательных событий. Следуя за Ингарденом, Изер говорит о структуре художественного произведения как о сумме последовательных преднамеренных коррелятов предложений (*intentional sentence correlatives*) (Iser, 1978, с. 281). Однако эта сумма неравна общей сумме текста, так как в этом случае из заданной модели исключается эстетический полюс. Непосредственное взаимодействие коррелятов дополнительно создает разные перспективы для читательского восприятия. Связи между коррелятами множественны, они появляются благодаря умственной работе читателя. Связь между коррелятами создает новое имплицитное измерение, т.е. лежащие на поверхности функции предложений (например, побуждение или утверждение) образуют новые скрытые точки, которые обладают потенциалом для читателя. Именно эти связи обозначают моменты, в которых читатель может начать вторгаться в текст, выбирая значение момента; он как будто бы оказывается на перекрестке и выбирает одну из возможных дорог. Читатель может распознать, а может и не распознать эту имплицитную информацию. Чтобы литературное произведение обрело жизнь, читательское воображение должно соприкоснуться с такой имплицитной точкой взаимодействия коррелятов, точкой, заложенной автором самой структурой и последовательностью предложений в тексте.

Разнообразные отношения, связи (антиципация и ретроспекция) между предложениями в тексте усложняют процесс чтения и создают большее количество возможных рецепций (Iser, 1978, с. 284). Кроме того, в тексте могут возникать пробелы (*blanks*), так как повествование может прерываться в том или ином месте, что вносит динамику в действие. Изер считает, что существуют тексты с неиссякаемым потенциалом толкований; читатель самостоятельно заполняет пробелы, выбирая одно из возможных прочтений. При последующем возвращении к тексту читатель может выбрать иную интерпретацию в соответствии с изменившимися обстоятельствами.

Последующие обращения к одному и тому же тексту порождают новые прочтения, получается, в

случае читателя-переводчика, каждый переводчик по-своему читает текст и создает его перевод в соответствии с собственной рецепцией. Более того, переводчики, создающие разные переводы одного и того же произведения наглядно демонстрируют вывод Изера о том, что потенциал текста гораздо шире его индивидуальной реализации.

Еще одно ключевое понятие для рецептивной эстетики – горизонт читательских ожиданий (Термин «горизонт читательских ожиданий» ввел основоположник школы рецептивной эстетики Г. Р. Яусс «*Literary History as a Challenge to Literary Theory*»), ранее его использовал Карл Поппер (в работе «*Naturgesetze und Theoretische Systeme*»). Все, что мы читаем в течение жизни, остается в нашей памяти. Каждое последующее прочтение может открывать не очевидные ранее связи, новые аспекты уже известных сюжетов. Выстроенные в тексте преднамеренные корреляты расположены так, что пробуждают читательские ожидания. Каждый последующий коррелят может поддерживать, скорректировать или опровергнуть читательское ожидание, таким образом, модифицировать значение текста.

Каждый читатель обладает индивидуальным бэкграундом, набором воспоминаний, ресурсов и возможностей, что актуализирует литературный текст каждый раз по-новому, в зависимости от конкретного читателя. Чтение – творческий процесс, в процессе чтения текст и воображение читателя вступают во взаимодействие, которое создает новое измерение, наделяющее художественный текст реальностью.

Ключевой изеровский термин – репертуар (*repertoire*) текста. На данный момент термин «репертуар» довольно прочно вошел в литературоведческий словарь и активно используется исследователями [9, 7, 8]. Репертуар текста состоит из знакомых читателю полей – социально-исторического (отсылки к социальным или исторически сложившимся нормам, традициям и культуре в целом, конвенциям) и литературного (аллюзии и традиции, темы, сюжетные ходы). В работе «*The Act of Reading*» [3, p. 53] Изер говорит о литературе как о вымысле, но в то же время не противопоставляет её реальности, литература – это способ сказать нам что-то о реальности. Литература особым образом работает с конвенциями. В художественном тексте ставятся под сомнение социальные конвенции, вычлняются из социального контекста, они становятся объектом рефлексии читателей, так читатели могут пересмотреть их функцию в реальной жизни. Эти конвенции – часть репертуара текста, знакомая читателю территория, на которой текст и читатель вступают в коммуникацию. Если все конвенции будут знакомы читателю, то текст

не выполнит функцию передачи читателю нового опыта. Литература помогает читателю увидеть то, чего он не видит в повседневной жизни.

Изер делает два вывода. Первый – реальность не сводится к тексту. Второй – элементы, отсылки к которым встречаются в тексте, не представляют просто копии реальных элементов, напротив, их появление в тексте означает, что они трансформированы, а это отличительная черта процесса коммуникации [3, р. 69]. Тот факт, что эти элементы в тексте знакомы читателю, обеспечивает точку схождения текста и читателя. Однако коммуникация подразумевает передачу некой новой информации, поэтому точка схождения не может быть найдена исключительно на знакомой территории. Знакомое выполняет в тексте дополнительную функцию – оно становится мостиком к новому, такая динамика придает произведению эстетическую ценность. Изер считает, что, анализируя репертуар текста, мы можем реконструировать то, что замалчивалось или скрывалось идеологией или философией времени, когда был написан текст, поскольку именно такие отрицаемые элементы обычно представляют собой значительное место в литературном произведении [3, р. 72].

Важную роль играют литературные аллюзии. Если включенные в текст нормы и конвенции указывают на существующие в социуме проблемы в тот или иной период, то задача литературных аллюзий заключается в том, чтобы дать ответы на вопросы, вызванные этими проблемами. Кроме того, в каждом новом произведении аллюзии используются в новом контексте, следовательно, получают новое значение – наглядная иллюстрация того, как знакомое сообщает читателю новую информацию.

Репертуар включает элементы, которые традиционно называются содержанием литературного произведения. Для представления элементов репертуара необходимы стратегии (strategies). Стратегии нужны не только для подачи материала, но и для создания условий подачи материала, они охватывают как «имманентную структуру текста, так и механизм восприятия, запускаемый таким образом у читателя» [3, р. 86]. Автор монографии о рецептивной эстетике «Reception Theory: A Critical Introduction» Роберт Холуб подчеркивает, что стратегии – это не традиционные нарративные техники и литературные приемы, это структуры, которые лежат в основе таких техник и позволяют им производить то или иное впечатление [1, р. 88]. Главная задача стратегий – остранение. Изер выделяет два вида стратегий: тема (theme) и горизонт (horizon), они относятся к выбору из множества перспектив в тексте.

Изер выбирает четыре основных перспективы (perspectives), которые встречаются в разных нарративах: нарратора, персонажей, сюжета и читателя [3, р. 35]. Когда читатель сосредоточен на одной из этих перспектив, его отношение к тому, что он читает, будет обусловлено горизонтом, появившимся на основе ранее прочитанного. Ни одна из перспектив не равна значению текста. Их задача заключается в том, что они задают направления, исходящие из разных отправных точек, оттеняют друг друга и в определенный момент соединяются. Изер называет момент их пересечения значением текста, которое может быть понято в момент визуализации с определенной точки зрения (viewpoint). Таким образом, напряжение между темой и горизонтом создает механизм, управляющий восприятием, который, осложняется индивидуальной перспективой читателя [3, р. 98]. Роль читателя предопределяется тремя аспектами: перспективами, точкой зрения, которая их объединяет, и точкой пересечения перспектив.

Для описания способа, посредством которого читатель присутствует в тексте, Изер выбрал термин «подвижная точка зрения» (wandering viewpoint) – средство для описания того, как читатель присутствует в тексте [3, р. 118]. Движение «подвижной точки зрения» может быть понято в связи с понятием «диалектики защиты и удержания» (dialectic of pretension and retention) [3, р. 112]. Холуб замечает, что Изер адаптировал эти термины из работ Э. Гуссерля, они относятся к модифицированным ожиданиям и измененным воспоминаниям. В процессе чтения читатель сталкивается с тем, что его ожидания нарушаются и он ретроспективно пересматривает значение ранее приобретенного опыта.

В ходе чтения у читателя формируется гештальт (целостный образ), поэтому Изер особое внимание уделяет неосознанному формированию образов – пассивному синтезу. Изер проводит границу между перцепцией (perception) и формированием идей (ideation); его интересует второе понятие, так как оно подразумевает отсутствие объекта. В процессе чтения у читателя формируется идея чего-либо, а не конкретный образ, это неотъемлемая часть формирования эстетического объекта. Читатель-переводчик воплощает сформированную идею в конкретном образе в своём тексте.

Холуб выделяет еще один важный аспект теории Изера – бифуркация субъекта в процессе чтения: «Когда мы принимаем чужой опыт, заложенный в тексте, в то же время мы накладываем его на наш предыдущий опыт. Воспринимая другое, мы отчуждаем собственный опыт» [3, р. 91]. Изер озвучивает ключевое положение своей теории –

текст помогает читателям открывать новое в себе, то, о чем они раньше не догадывались.

Важное понятие теории Изера – пробел (blank). Холуб замечает, что в работах Изера сложно найти точное определение этого понятия. Оно означает смену точек зрения в повествовании, когда читателю необходимо самостоятельно выстроить неочевидные связи между эпизодами. Благодаря таким связкам появляется поле для подвижной точки зрения. Каждый последующий сегмент становится основным (стратегия theme), соответственно, каждый предыдущий теряет своё тематическое значение (стратегия horizon). Еще один термин – пустота (vacancy). Изер проводит различие между ними, пробел (blank) отсылает к «условной возможности соединения сегментов в тексте» [3, р. 147], в то время как пустота (vacancy) означает не связанные тематикой сегменты в поле блуждающей точки зрения. Оба понятия направляют читателя, организуют его передвижение по тексту благодаря смене позиций, побуждают читателя заполнить пробелы и сформировать представление об эстетическом объекте. Пробелы в тексте интересуют Изера и, с другой точки зрения, – пробелы часто вызывают отрицание. По Изеру, достойные литературные произведения бросают вызов социальным и культурным конвенциям, ставят под вопрос нормы, отрицают их.

Коммуникация между читателем и текстом происходит за счет преодоления отрицания и разрывов, эти структуры требуют завершения от читателя. Отрицание ставит под сомнение реальность, представленную в тексте, но в то же время выполняет свою роль в формировании смысла, помогает читателю выйти за пределы знакомого опыта и увидеть новое.

Кроме того, в отрицании Изер видит и воспитательную функцию. Литература помогает читателям понять многое в повседневной жизни, осуществляет эстетическое воспитание. Это актуально не только для классической литературы, в которой воспитательная функция предстает основной, но и для модернистских произведений.

Подводя итоги, мы пришли к следующим выводам. Введенные Изером фундаментальные положения рецептивной эстетики и разработанный им инструментарий могут составить, при условии корректно проведенного научного исследования, актуальное и перспективное направление в переводе и шире, в филологии.

Используя терминологию Изера, можно сформулировать предложенную им теоретическую модель, которая практически применима в анализе переводов, следующим образом. Читатель-переводчик читает текст в соответствии со стратегией чтения-перевода. Репертуар текста включает

в себя знакомую читателю информацию социокультурного, исторического и литературного характера. Репертуар – это знакомая территория, где читатель и текст вступают в коммуникацию. Тем не менее, в процессе чтения читатель также должен заполнять пробелы в литературном произведении, т.е. читатель-переводчик распознает имплицитную информацию (межкультурное пространство) посредством перевода, эксплицирует её в переводе и предлагает свою интерпретацию.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в применении описанной концепции в исследовании и сравнении авторских переводов и переводов, выполненных сторонними переводчиками.

Литература

1. Holub Robert C. *Textuality and the Reader's Response: Wolfgang Iser* // Holub R.C. *Reception theory*. Abingdon: Routledge, 2013.
2. Iser W. *On Translatability: Variables of Interpretation* // *The European English Messenger*. 1995. № IV/1. P. 30 – 38.
3. Iser W. *The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response* // Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press. 1978. № XII. 239 p.
4. Iser W. *The Implied Reader: Patterns of Communication in Prose Fiction from Bunyan to Beckett* // Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1974.
5. Iser W. *The Reading Process: A Phenomenological Approach* // *New Literary History*. 1972. № 3. P. 279 – 299.
6. Jauss H.R. *Literary History as a Challenge to Literary Theory* // *New Literary History*. 1974. № 5. P. 7 – 37.
7. McCormick Kathleen, Waller Gary F. *Text, reader, ideology: The interactive nature of the reading situation* // *Poetics*. April 1987. Vol. 16. Issue 2. P. 193 – 208.
8. Wahidah N. *Repertoire in F. Scott. Fitzgerald's The Great Gatsby: Analysis of Response Aesthetic Wolfgang Iser* // *PENAOQ: Jurnal Sastra, Budaya Dan Pariwisata*. 2020. № 1 (1). P. 51 – 63.
9. Wierzbicka A. *The Meaning of the Christian Confession of Faith: Explaining the Nicene Creed Through Universal Human Concepts* // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*. Вып. 2 (24). *От семантических кварков до вселенной в алфавитном порядке. К 90-летию академика Юрия Дерениковича Апресяна*. М., 2020. С. 150 – 169.

References

1. Holub Robert C. *Textuality and the Reader's Response: Wolfgang Iser*. Holub R.C. Reception theory. Abingdon: Routledge, 2013.
2. Iser W. On Translatability: Variables of Interpretation. *The European English Messenger*. 1995. № IV/1. P. 30 – 38.
3. Iser W. *The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response*. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press. 1978. № XII. 239 p.
4. Iser W. *The Implied Reader: Patterns of Communication in Prose Fiction from Bunyan to Beckett*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1974.
5. Iser W. *The Reading Process: A Phenomenological Approach*. *New Literary History*. 1972. № 3. P. 279 – 299.
6. Jauss H.R. *Literary History as a Challenge to Literary Theory*. *New Literary History*. 1974. № 5. P. 7 – 37.
7. McCormick Kathleen, Waller Gary F. Text, reader, ideology: The interactive nature of the reading situation. *Poetics*. April 1987. Vol. 16. Issue 2. P. 193 – 208.
8. Wahidah N. Repertoire in F. Scott. Fitzgerald's *The Great Gatsby: Analysis of Response Aesthetic Wolfgang Iser*. *PENAOQ: Jurnal Sastra, Budaya Dan Pariwisata*. 2020. № 1 (1). P. 51 – 63.
9. Wierzbicka A. The Meaning of the Christian Confession of Faith: Explaining the Nicene Creed Through Universal Human Concepts. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. Vyp. 2 (24). *Ot semanticheskikh kvarkov do vselennoj v alfavitnom porjadke. K 90-letiyu akademika YUriya Derenikovicha Apresyana*. M., 2020. C. 150 – 169.

WOLFGANG ISER'S CONCEPTION AND ITS APPLICATION IN TRANSLATION STUDIES

*Barakat E.A., Teacher-Scholar,
Russian State University for the Humanities*

Abstract: the article describes the theoretical conception of one of the founders of receptive aesthetics, Wolfgang Iser, and the key terms introduced by him.

The study aims to generalize the theoretical conception and to formulate the areas of its application in translation studies.

The academic novelty of this study lies in the fact that the methodology of receptive aesthetics is used for the first time as a tool for translation studies. The translation is interpreted as a text that performs an explicatory function in relation to the original text: the implicit information in the original becomes verbalized in the translation.

The results of the research have shown that considering translation as a reading strategy opens up new perspectives and represents a productive model for the study of literary works and their translations into foreign languages. The relevance of the study lies in the fact that being sufficiently studied; the theoretical concept of W. Iser has not yet been applied in the field of translation studies, even though it is extremely productive in this area, which we prove in this study.

To achieve the aim, it is necessary to solve the following tasks: to analyze the main works of W. Iser and the works of scholars reflecting the main provisions of his theory; highlight key terms relevant to translation issues; substantiate the possibility of applying the chosen methodology in translation studies.

The practical significance of the work is because the results obtained can be used in the process of teaching disciplines related to the theory of translation, and in special courses on the theory and practice of translation in universities for the humanities.

Keywords: receptive aesthetics, reader, intercultural space, text repertoire, Wolfgang Iser

СКОТОВОДЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ЧИСТОПОЛЬСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

*Батталова А.Д., кандидат филологических наук, доцент,
Институт татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан*

Аннотация: в статье рассказывается о традициях содержания скота в татарских деревнях Чистопольского края Республики Татарстан. Обрядовые ритуалы и обычаи, связанные с покупкой коровы, записанные в ряде деревень Чистопольского района, структурно подразделяются на 9 этапов. Это – процесс выбора скота, поход за покупкой, действия в доме продавца скота, вывод коровы за ворота, проводы коровы на новое место, проход коровы через ворота нового дома, знакомство коровы с хозяином хлева, приглашение прежних хозяев на чай, приучение коровы к новому месту. В рамках статьи также дается информация об обычае “Тутырмага жыю” (Званный обед с молитвами. Тутырма – сущ., вид ливерной колбасы, национальное блюдо) который совершается после забоя скота. Также проводится обзор структуры, содержания, системы совершаемых действий, зависящих от участников данного обряда, произносимых пожеланий, обрядовых блюд, порядка их употребления.

Ключевые слова: Чистопольский район, татары, фольклор, традиционное скотоводство, обряд, ритуалы, поверья

Чистопольский район расположен на живописном левом берегу Камы примерно в 140 километрах от Казани, как самостоятельный субъект был образован 10 августа 1930 года, в него вошли 19 волостей. В данной публикации мы хотели уделить внимание исследованию скотоводческих традиций, характерных для татарского населения этого района. Объектом анализа исследования выступили материалы экспедиций, совершенных автором статьи в 2017-2018 годы в татарские населенные пункты – Каргали, Четыре Двора, Татарский Сарсаз, Кзыл Болгар, Нарат Елга современного Чистопольского района. В ходе исследования мы, в первую очередь, решили остановиться на структурных элементах обрядового комплекса, связанного со скотоводческими традициями.

Существующий корпус научной литературы, посвященный изучению структурных элементов, присущих скотоводческим традициям можно распределять по нескольким направлениям: историко-этнографические исследования, представленные работами известных этнографов как: Р.Г. Мухамедовой («Семейно-родственные отношения») [8], («Татары мишари») [9], С.А. Токарева («Обычаи, обряды, поверья, связанные с животноводством / календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы») [15], Ф.Т. Валеева («Западносибирские татары во II половине XIX – начале XX вв.») [5], Н.Л. Жуковской («Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика») [7], Х.А. Аргынбаева («Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством») [3], А.А. Ярзуткиной (канд. дисс. на тему «Традиционные земледельческие, скотоводческие и промысловые культы сибирских татар») [16], И.А. Селезневой («Забой скота у тарских татар», «Молозиво в ритуальной практике сибирских татар») [11, 12], А.Г. Селезнева, И.А. Селезневой («Занге-Ата и Хазыр-

Ильяс: исторические и этнические аспекты распространения ислама в Сибири») [10]; труды авторов, исследовавших систему питания народов как: М.Н. Тихомировой («Культура питания татар Среднего Прииртышья») [14], Б.М. Алимовой («Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX-нач. XX в.: Общее и особенное в свете генетических истоков и этнокультурных взаимодействий») [2], А.Г. Булатова («Сельскохозяйственный календарь и календарные обряды и обычаи народов Дагестана») [4] и др., а также исследования лингвокультурологов как: Н.Ф. Алевиренко («Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка») [1] и В. В. Воробьева («Лингвокультурология») [6].

В то же время необходимо подчеркнуть, что несмотря на наличие достаточного количества трудов по исследуемой нами теме, трудов, посвященных изучению скотоводческих традиций татар, практически нет.

Факт того, что основным занятием степных тюрков было кочевое скотоводство ни для кого не секрет. Основными видами животноводства были коневодство, овцеводство, разведение крупного рогатого скота и коз, держали также домашних птиц (гуси, куры, утки, индейки), в деревнях крещеных татар разводили свиней. Если мясо и молочные продукты, яйца употребляли в пищу, то шкуры, шерсть животных и пух птиц использовали как сырье для домашних ремесел. Скотоводство оказало огромное влияние на традиционную мировоззренческую систему и воззрения татар. Поэтому в фольклорном, этнографическом наследии татарского народа до сих пор сохранились и продолжают бытовать обряды и практики, связанные со скотоводческими традициями.

Одним из интересных находок, записанных в селе Каргали Чистопольского района, являются обрядовые ритуалы и обычаи, связанные с

покупкой коровы. Этот обряд проводится в течение двух дней и структурно состоит из 9 этапов. На первом этапе корову выбирают по внешним признакам, пробной дойкой, обязательно изучают на соответствие окраса масти. На втором этапе едут покупать корову, куда берут гостиницу хозяевам и угощение корове. Действия на третьем этапе происходят в доме торговца: новый хозяин дает имя животному, обращаясь к ней новым именем и говорит, что он ее новый хозяин. Продавец знакомит корову с новым хозяином, выносит хлеб и отдает его новому хозяину, а покупатель кормит корову. Старый хозяин, желая, чтобы корова привыкла к новому месту и давала много молока, отдает новым хозяевам кнут и ведро для дойки коровы. На четвертом этапе корову выводят из ворот. Пятый этап – проводы: бывший хозяин сопровождает корову до нового дома. Шестой этап – ввод коровы через ворота нового дома. Седьмой этап – ознакомление коровы с хозяином хлева, где он (хозяйка или хозяин) просит хозяина хлева быть благосклонным к новому животному. Восьмой этап состоит из ритуальных процедур, которые выполняются на второй день покупки коровы. В этот день бывших хозяев приглашают в гости парой и угощают чаем, приготовленным из молока купленной коровы. Последний этап – приучение коровы к возвращению из стада в новый дом. Этот этап заканчивается тем, что новый хозяин, держа в руках хлеб, выходит навстречу стаду, разговаривает с коровой, ведет ее за собой, приговаривая, что ей нужно вернуться в новый дом.

Таким образом, на основании этих наблюдений мы можем прийти к следующим выводам: у татар, проживающих в Чистопольском районе, покупка коровы понимается как важное действие и проводится как целый обряд. Обряд состоит из 9 этапов, в которых участвуют хозяева, продающие и покупающие корову, ведро для дойки, пастушья палка и кнут, чай, приготовленный из молока купленной коровы, хлеб – выступают в качестве ритуальных предметов обряда. Мифологическое содержание обряда составляет обращение к хозяину хлева.

Ниже представлены аутентичные тексты, записанные автором с целью обоснования своих предыдущих суждений.

“Покупали мы как-то корову. У Демидовых брали. Корова была очень хорошей, ей было 6 лет. Поехали вдвоем с мужем, с Мансуром. Зашли к ним домой сначала, чай пили. Затем вышли к корове. Позвала корову по имени. Сама ей имя дала – Гульгена. Сказала ей, что теперь ты будешь нашей, а новой хозяйкой стану я. Сказала, чтобы завтра к нам возвращалась, на эту

сторону не смотрела. Продавец ей говорит: теперь у тебя новый хозяин. К нам не возвращайся, говорит, не надо. Гульгена, говорит, у тебя новый хозяин, он будет по новому за тобой ухаживать, говорит. И по голове гладит. Корова как будто понимает, в глаза тебе смотрит. Потом достал буханку хлеба, мне дал. Как только я дала ей куски хлеба, корова сразу начала есть. Потом дал мне ведро, там был кнут еще, его дал. Хозяин вел корову до нас, мы впереди шли. Веревку тоже свою приносили. Привели к воротам, муж зашел и корова за ней зашла. Хозяин тут же поставил ведро с кнутом и сказал: “Найляпа, большое вам спасибо”. Ворота сами закрыли и ушли быстро”.

Когда я в сарай зашла, я сразу же сказал хозяину хлева: “Встречай, завожу в хлев, не обижай ее, это будет наша корова”.

Мы пригласили Демидовых в гости, выпить чаю. Поили чаем с молоком их коровы. Хозяин заходил в сарай, корова узнала, помычала, но, из-за корма перед ней, не обратила особого внимания.

На стадо погнали на следующий день, я вышла встречать. Возвращаясь, корова встала около ворот прежних хозяев и мычит, а сама на меня смотрит. Я говорю, дочка, Гульгена, к нам давай, сказала, хлеб принесла, сказала. После этого со мной вернулась. Потом на них не мычала уже. К ее приходу вкусный корм готовила, животное тоже заботу любит же” (Тагирова Найля, Республика Татарстан, Чистопольский район, с. Каргалы).

Рассмотрим структурные элементы обрядового праздничного застолья «Тутырмабэйрэме» («Праздник колбасы из ливера»), которое проводится поздней осенью после забоя крупного рогатого скота, с приглашением всех участников процесса забоя с супругами, ближних родственников и соседей, а также главного забойщика с супругой (обряд нами был зафиксирован в татарских населенных пунктах Чистопольского района Республики Татарстан во время экспедиции в 2017 г.). Это обрядовое действие состоит из шести этапов.

Первый – изготовление самой колбасы (тутырмы). Как правило, этот этап совершается с приглашением женщин-родственниц и соседок. Для тутырмы берут печень, легкие, иногда и сердце забитого животного, лук и чеснок, все в необходимом количестве, которое определяется количеством участников праздничной трапезы, и пропускают все это через мясорубку. После чего полученный фарш соединяется с хорошо промытой крупой, в основном рисовой, иногда гречневой, добавляются по вкусу соль, перец, другие приправы по рецепту хозяйки, яйца в необходимом коли-

честве. Все это тщательно руками хозяйки взбивается до мягкой и воздушной консистенции и на некоторое время убирается в холодное место. Тем временем начинается процесс подготовки кишок забитого животного, которые были хорошо прочищены, ошпарены и промыты в день забоя. Хозяйка делит на части оттаявшие кишки, которые определяются размерами кастрюли, где будет вариться тутырма. После один конец кишки туго завязывается веревкой, через другой конец с помощью специального приспособления забивают начинку до плотного состояния и также завязывают веревкой. Таким образом, процесс подготовки тутырмы завершается. Данный полуфабрикат убирается в холодное место, а если на длительное время, то в морозильную камеру.

Следующий этап посвящается согласованию даты и времени проведения обрядового действия с муллой деревни и приглашению участников на праздник. Третьим этапом можно определить процесс подготовки других яств для праздничного стола: сладких пирогов с разнообразной начинкой, хвороста (кош теле), домашней лапши для заправки бульона и других сладостей (чак-чак и т.д.).

Четвертый этап состоит из прихода приглашенных гостей и муллы, чтением сур из Корана, поминания арвахов (душ усопших, имеющих родственные связи с хозяевами дома), посвящения прочитанных молитв духам-хозяевам животных, духам-хозяевам дома, и поименно хозяевам, устроившем данную обрядовую трапезу.

Пятый этап – само застолье, которое сопровождается поочередным выносом блюд и угощений. Самое главное блюдо трапезы – тутырма, она выносится в горячем виде, разрезанная на порционные куски в большом блюде. Каждый участник должен брать куски с благопожеланиями такого типа: *пусть у вашего дома всегда будет достаток; пусть в вашем подворье всегда будут такие же упитанные животные; пусть все ваши члены семьи и вы сами будете здоровыми* и т.д., и отведать с хвалебными словами в адрес хозяйки, которая приготовила такую отменную тутырму.

Шестой этап является завершающим. После выноса чая со сладостями и приготовленными для этой части трапезы сладкими пирогами, мулла совершает ритуал посвящения застолья и прочитанных в начале обряда молитв хозяевам дома и их детям, говорит слова благодарности и просит у Аллаха, чтоб сказанное было услышано им. Последние слова муллы воспринимаются как разрешение вставать со стола, и каждый участник начинает подниматься со стула со словами благодарности хозяевам и благопожеланиями. К данному моменту хозяйка всем гостям раздает приго-

товленные заранее свертки с кучтэнэч (гостинцем) и гости друг за другом покидают дом.

В данном обрядовом действе примечателен факт того, что каждое подворье, где забил крупный рогатый скот, обязательно должно было его проводить. Иначе местный социум таких хозяев осуждал, считал их не благодарными, не путевыми, жадными, также считалось, что тем, кто совершал данное действие арвахи и хозяева дома (йорт иялэре), хлева (абзар иясе) были благодарны, и данное подворье продолжало свое благополучное существование.

По поводу структурных элементов данного действия, можем сказать следующее. Они состоят из: участников (забойщик с супругой, остальные участники забоя, родственники, соседи, мулла, хозяева подворья); обрядового блюда, приготовление которого регламентировано традицией; действий (акций): чтения специальных сур из Корана, посвящения (Аллаху, пророку Мухаммеду, арвахам, хозяевам хлева, дома, организаторам обрядовой трапезы); вербальных текстов (суры из Корана, посвящения, благопожелания), регламентированных обрядом и подчиненных традиции.

В завершение можем сказать следующее: обрядовые действия, записанные нами в татарских населенных пунктах Чистопольского района РТ “Сьер сатып алу” һәм “Тутырма бэйрәме” представляют собой комплексный обряд, состоящий из разных ритуальных действий, совершаемых регламентированными традицией и самим обрядом участниками с использованием специальных блюд, предметов и вербальных структур и представляют собой синтез языческих представлений с исламскими традициями.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта. 2013. 288 с.
2. Алимова Б.М. «Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в.». Махачкала: Изд. дом «Наука плюс», 2005. 242 с.
3. Аргынбаев Х.С. Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством / Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975. С. 194 – 205.
4. Булатова А.Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обряды и обычаи народов Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 288 с.
5. Валеев Ф.А. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв.: Ист.-этногр. очерки. Казань: Татар.кн. изд-во, 1980. 232 с.

6. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2008. 340 с.

7. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: учебное пособие. М.: Вост. лит., 2002. 274 с.

8. Мухамедова Р.Г. Семейно-родственные отношения // Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967. С. 235 – 292 (в соавторстве с А.А.Загидуллиным).

9. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. М.: Наука, 1999. 246 с.

10. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Занге-Ата и Хазыр-Ильяс: исторические и этнические аспекты распространения ислама в Сибири // Этнографическое обозрение. 2003. № 6. С. 41 – 56.

11. Селезнева И.А. Забой скота у тарских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. М.; Омск, 1999. С. 189 – 193.

12. Селезнева И.А. Молозиво в ритуальной практике сибирских татар // Тюркские народы. Тобольск; Омск, 2002. С. 460 – 472.

13. Соколова З.П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972. 215 с.

14. Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей. Омск: "Издательский дом «Наука»", 2006. 232 с.

15. Токарев С.А. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. Издательство «Наука», 1983 г. 220 с.

16. Ярзуткина А.А. Традиционные земледельческие, скотоводческие и промысловые культуры сибирских татар: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 257 с.

References

1. Alefirenko N.F. Lingvokul'turologiya. Cen-nostno-smyslovoe prostranstvo yazyka. M.: Flinta. 2013. 288 s.

2. Alimova B.M. «Pishcha i kul'tura pitaniya tyurkoyazychnyh narodov Dagestana v XIX – nachale НКН v.»). Mahachkala: Izd. dom «Nauka plyus», 2005. 242 s.

3. Argynbaev H.S. Narodnye obychai i pover'ya kazahov, svyazannye so skotovodstvom. Hozyajstven-no-kul'turnye tradicii narodov Srednej Azii i Kazah-stana. M.: Nauka, 1975. S. 194 – 205.

4. Bulatova A.G. Sel'skohozyajstvennyj kalendar' i kalendarnye obryady i obychai narodov Dage-stana. Spb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999. 288 s.

5. Valeev F.A. Zapadnosibirskie tatory vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: Ist.-etnogr. ocherki. Kazan': Tatar.kn. izd-vo, 1980. 232 s.

6. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya. M.: Izd-vo RUDN, 2008. 340 s.

7. Zhukovskaya N.L. Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Tradicii. Simvolika: uchebnoe posobie. M.: Vost. lit., 2002. 274 s.

8. Muhamedova R.G. Semejno-rodstvennye otnosheniya. Tatory Srednego Povolzh'ya i Priural'ya. M.: Nauka, 1967. S. 235 – 292 (v soavtorstve s A.A.Zagidullinym).

9. Muhamedova R.G. Tatory-mishari. M.: Nauka, 1999. 246 s.

10. Seleznev A.G., Selezneva I.A. Zange-Ata i Hazyr-Il'ias: istoricheskie i etnicheskie aspekty rasprostraneniya islama v Sibiri. Etnograficheskoe obozrenie. 2003. № 6. S. 41 – 56.

11. Selezneva I.A. Zabor skota u tarskih tatar. Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy. M.; Omsk, 1999. S. 189 – 193.

12. Selezneva I.A. Molozivo v ritual'noj praktike sibirskih tatar. Tyurkskie narody. To-bol'sk; Omsk, 2002. S. 460 – 472.

13. Sokolova Z.P. Kul't zhivotnyh v religiyah. M.: Nauka, 1972. 215 s.

14. Tihomirova M.N. Kul'tura pitaniya tatar Srednego Priirtysh'ya: problemy formirovaniya i etnokul'turnyh svyazey. Omsk: "Izdatel'skij dom «Nauka»", 2006. 232 s.

15. Tokarev S.A. Kalendarnye obychai i obryady v stranah zarubezhnoj Evropy: Istoricheskie korni i razvitie obychaev. Izdatel'stvo «Nauka», 1983 g. 220 s.

16. Yartzutkina A.A. Tradicionnye zemledel'cheskie, skotovodcheskie i promyslovyje kul'ty sibirskih tatar: dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2004. 257 с.

**CATTLE TRADITIONS OF THE CHISTOPOL DISTRICT
OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

*Battalova A.D., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Institute of Tatar Encyclopedia and Regional
Studies of Tatarstan Academy of Sciences*

Abstract: the article describes the traditions of keeping livestock in the Tatar villages of the Chistopol Territory of the Republic of Tatarstan. Rituals and customs associated with the purchase of a cow, recorded in a number of villages in the Chistopol region, are structurally subdivided into 9 stages. These are: the process of choosing livestock, shopping, actions in the house of the livestock seller, taking the cow out of the gate, sending-off the cow to a new place, passing the cow through the gate of the new house, meeting the cow with the owner of the barn, inviting the previous owners to tea, teaching the cow to a new place. The article also provides information about the custom "Tutyrmaga giu" (Dinner party with prayers. Tutyрма – noun, a type of liver sausage, national dish), which takes place after the slaughter of cattle. Also, the article contains a review of the structure, content, system of actions performed, depending on the participants in this rite, pronounced wishes, ritual dishes, and the order of their use.

Keywords: Chistopol district, Tatars, folklore, traditional cattle breeding, rite, rituals, beliefs

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ АВТОБИОГРАФИИ: В. ДИЛЬТЕЙ, Г. МИШ, М. БАХТИН

*Прокофьева И.О., кандидат филологических наук, доцент,
Хафизова Д.Р.,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы*

Аннотация: в статье раскрывается философский аспект автобиографии. сопоставляются точки зрения немецкого философа, историка культуры, литературоведа В. Дильтея, немецкого философа Г. Миша и русского философа, культуролога, литературоведа, историка европейской культуры и литературы М. Бахтина. Данные учёные предложили и сформулировали в ряде своих работ основные принципы изучения автобиографии.

В. Дельтей рассматривает автобиографию как высшую и наиболее показательную форму, реализующую во всей полноте понимание жизни, в автобиографии идёт процесс не только непосредственного самоосмысления самого себя, своей жизни в ее связи с историей и культурой, но и жизнь познает в автобиографии сама себя.

Г. Миш убеждён, что даже в простом самоотображении заключён мотив самореализации, стремление к духовной индивидуализации. Основа автобиографии, которая абсолютна разнообразна по своей жанровой природе, поиск истины о себе, даже если истина не подтверждается фактами.

М. Бахтин вводит понятие «биографическая художественная ценность» и выделяет два типа биографического сознания: авантюрно-героический и социально-бытовой. Для учёного биография и автобиография художественна в той степени, в какой её автор и герой живут ценностями другого, в этом заключается причина отсутствия четкой границы между автобиографией и биографией.

Основы философского осмысления автобиографии, заложенные В. Дильтеем, Г. Мишем и существенно дополненные М. Бахтиным, применимы не только при анализе мемуарной литературы, но и при изучении автобиографических художественных произведений.

Ключевые слова: автобиография и биография, феномен автобиографии, самоотображение, процесс индивидуализации сознания и самосознания, самообъективация, жанровые границы автобиографии, авантюрно-героический и социально-бытовой тип биографического сознания

Статус философски значимого феномена автобиография получила в русле «философии жизни». Этот факт логичен и естественен, так как представители этого философского направления трактуют жизнь как непрерывный органический процесс становления, в отличие от механического, неорганического «ставшего» [4, с. 33]. Биография же, а в особенности автобиография, и есть непосредственная фиксация этого становления.

Начало философского осмысления автобиографии было положено Вильгельмом Дильтеем (1833-1911 гг.), немецким философом, историком культуры и литературоведом. В. Дильтей трактует цель «философии жизни» как описательный анализ потока переживаний в историко-культурном аспекте «наук о духе». Это не «воля к власти» Ф. Ницше, не «жизненный порыв» А. Бергсона, это анализ органически понимаемого времени духа с помощью «описательной психологии», герменевтики, постигающих «основную душевную связь» непосредственно, с помощью сопереживаний. Исходя из этой установки, ученый приходит к выводу: «Науки о духе являются органичным продолжением развития самой жизни» [7, с. 13], «жизнь постигает здесь жизнь» [5, с. 181].

Действительность человека описывается В. Дильтеем как переживание и длительность в форме взаимосвязи событий духовного мира субъекта.

Это трактовка «жизни и течения жизни» как взаимосвязи в единичном существовании и есть описание жизни человека, его биографии. Именно в биографии, утверждает В. Дильтей, «обретается изначальная взаимосвязь между самой жизнью и историей» [5, с. 297].

Наиболее важным и показательным способом осмысления биографии, по В. Дильтею, является самоосмысление, то есть автобиография. «Автобиография – это высшая и наиболее поучительная форма, в которой нам представлено понимание жизни» [5, с. 248].

Постижение жизненного пути в автобиографии происходит через понимание связности истории своей жизни, через интимное осознание ее ценности, цели, через отбор значительных и незначительных фактов, с надеждой, что ошибки в оценке событий жизни может исправить будущее. То есть автобиография становится формой непосредственного осмысления самого себя, своей жизни в ее связи с историей и культурой, и при этом это осмысление еще открыто, не завершено. С другой стороны, в автобиографии жизнь сама познает себя, «ближайшие задачи постижения и изображения исторической взаимосвязи уже наполовину решены самой жизнью» [5, с. 248].

Следующим этапом философского осмысления феномена автобиографии является фундаменталь-

ный труд немецкого философа Георга Миша (1878-1965 гг.) «История автобиографии». Главной целью своей работы Г. Миш считает стремление показать то, как через многотысячелетнее развитие культуры происходит становление субъектности, индивидуации человека. То есть изучение истории автобиографии во всей ее сложности и противоречивости подчиняется одному фактору: «В основе всякого, пусть даже обыденного самоотображения, какой бы эпохе оно ни принадлежало, лежит мотив самореализации, прояснения и обретения «духовной индивидуальности», «самости», «персонального эйдоса»» [8, с. 48].

При этом любая форма самовыражения, самораскрытия автобиографического героя воспринимается Г. Мишем не критически, главное для него – это поиск самого себя, истины о себе, даже если истина не подтверждается фактами. Современный философ Э.Ю. Соловьев видит главный недочет «Истории автобиографии» Г. Миша в «устранении проблемы и понятия аутентичного заблуждения» [8, с. 47].

Важнейшим выводом этого труда, не подвергшимся последующей критике, является указание на то, что автобиография это не жанр в традиционном понимании, её формы очень изменчивы и бесконечно разнообразны: «молитва, разговор с самим собою или отчет о совершенных делах; воображаемая речь на суде и риторическая декламация; научная или художественная описательная характеристика; лирика, покаяние или литературный портрет; семейная хроника и придворные мемуары; историческое повествование чисто материального или прагматического, фактического или романного плана; роман и жизнеописание в их различных видах; эпос и даже драма, – во всех этих формах движется автобиография» [2, с. 558].

В отечественной философской традиции осмыслением автобиографии занимался М.М. Бахтин (1895-1975 гг.). Известно, что ученый был знаком с работами В. Дильтея и Г. Миша, сохранилась даже рукопись конспекта первого тома «Истории автобиографии» [2]. Но, как подчеркивает комментатор работ М.М. Бахтина В.М. Махлин, «если Г. Миша в автобиографии интересуется процесс индивидуализации сознания и самосознания, то М.М. Бахтина – «образ человека»» [2, с. 856].

С точки зрения философской эстетики М.М. Бахтин анализирует специфику автобиографии в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Исходя из посылки, что эстетический объект строится в виде взаимоотношений «воплощающей активности автора» и «извне организованной пассивной личности героя» [1, с. 323], М.М. Бахтин в главе «Смысловое целое героя» выстраивает ряд

форм организации автором образа героя от жизненного поступка через самоотчет-исповедь, автобиографию, биографию, лирического героя, характер, тип к герою жития.

Самоотчет-исповедь как первая форма словесной объективации личности есть самообъективация, другой здесь абсолютно исключен, это «чистое отношение я к себе самому».

Автобиография и биография в ценностном плане для Бахтина не имеют принципиальной границы, их отличие от героя исповеди в том, что самоотчет-исповедь организуется в предельном отношении к себе самому («я-для-себя»), в автобиографии и биографии вопрос исповеди «кто я?» сменяется вопросом «как я изображаю себя?», то есть это форма, где я могу «объективировать себя самого и свою жизнь художественно» [1, с. 216]. Почти полное совпадение автобиографии и биографии объясняется ученым тем, что в них доминирует взгляд другого, в облике героя проявляется его «я-для-другого».

М.М. Бахтин вводит понятие «биографическая художественная ценность», главным свойством которой является авторитетность взгляда другого для меня, когда мои ценности совпадают с ценностями других, при этом другой не придуман или сконструирован мной, он значим и авторитетен так же, как для сознания ребенка в детстве значим взгляд матери, это мое «я» в мире других. Поэтому «герой и рассказчик здесь легко могут поменяться местами: я ли начинаю рассказывать о другом – мне близком, с которым я живу одной ценностной жизнью в семье, в нации, в человечестве, в мире, другой ли рассказывает обо мне, я все равно влетаю в рассказ в тех же тонах, в том же формальном облике, что и он» [1, с. 218].

Доминирование взгляда другого в автобиографии М.М. Бахтин подтверждает тем, что с самого рождения «я» попадает в мир других и многие моменты своей жизни (рождение, происхождение, семейная и национальная жизнь в раннем детстве) узнаёт от других, без этих моментов не было бы цельной и связной картины жизни, «только тесная органическая ценностная приобщенность миру других делает авторитетной и продуктивной биографическую самообъективацию жизни» [1, с. 219].

Ученый также отмечает, что существуют так называемые автобиографические моменты, они ценностно более размыты и могут носить исповедальный характер, характер какого-либо отчета, делового, познавательного, политического, практического, и даже характер лирики, но все они всё равно встраиваются в «биографическую жизненную ценность» [1, с. 216].

М.М. Бахтин выделяет два типа биографического сознания: авантюрно-героический и социально-бытовой, первый близок к наивно понимаемому индивидуализму, романтизму, второй – сентиментализму и реализму.

Авантюрно-героический тип биографического сознания опирается на три варианта реализации своей жизни:

- а) через обретение славы, значения в мире других;
- б) через обретения смысла жизни в любви другого;
- в) через проживание многообразия внешней и внутренней жизни;

Все эти варианты, в трактовке М.М. Бахтина, есть наивная мечта о полноценной жизни, которой живут другие люди.

Если авантюрно-героический тип биографического сознания обращается к героям прошлого (память о героях) и будущего (память потомков), то социально-бытовой тип апеллирует к настоящему времени семейно-бытовой и личной жизни. В этом типе прославляется «житейская мудрость», «счастье и довольство, чистота и честность», «добрая слава у современников». Авантюрная занимательность сменяется описательностью, наблюдательностью и оригинальной манерой повествования. Даже любовь здесь – это любовь к «длительному пребыванию любимых лиц, предметов, положений и отношений» [1, с. 224]. В этом типе М.М. Бахтин выделяет два варианта на основе направления внимания повествователя. Если он больше склонен к самоописанию, самонаблюдению, слабо связан с окружающими людьми, то этот вариант приближается к герою самоотчета-исповеди. Если же повествователь описывает других людей, создает их характеры, типы, то он приближается к активности автора.

Объединяет авантюрно-героический и социально-бытовой тип биографии и автобиографии то, что в них размывается граница между жизнью и литературой, автор живет теми же ценностями, что и герой, связан с героем так, что они могут поменяться местами, биография может стать автобиографией: «Во что верит герой, в то самое верит и автор – как художник, – что считает добрым героем, то считает добрым и автор» [1, с. 226]. В биографическом (а значит и в автобиографическом) типе сознания герой, другой, завладевает автором, у автора нет «избытка видения», он полностью разделяет взгляд на мир своего героя.

Таким образом, мы видим, что философы заложили основу изучения автобиографии как таковой. В. Дильтей видит в автобиографии высшую и наиболее показательную форму, в которой нам представлено понимание жизни, в ней жизнь сама

познает себя. Г. Миш в истории автобиографии находит следы становления личностного начала в человеке, автобиография в ее поэтическом воодушевлении для него всегда истинна, она не вмещается в какие-либо жанровые границы. М.М. Бахтин, показывает, что автобиография и биография художественны в той степени, в какой её автор и герой живут ценностями другого, в этом заключается причина отсутствия четкой границы автобиографии и биографии. Автор в этих жанровых формах полностью зависит от ценностной позиции героя, другого для автора.

Философское осмысление автобиографии найдет дальнейшее развитие в филологических и культурологических исследованиях второй половины двадцатого века.

Литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Русские словари, Языки славянских культур, 2003. Т. 1. С. 69 – 263.
2. Бахтин М.М. Geschichte der Autobiographie von Georg Misch // Собрание сочинений в 6 тт. М.: Русские словари, Языки славянских культур, 2003. Т. 3. С. 669 – 708.
3. Бахтин М.М. Теория романа. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Русские словари, Языки славянских культур, 2003. Т. 3. 877 с.
4. Блауберг И. Философия жизни // Современная западная философия: Словарь. М.: Остожье, 2000, С. 432 – 434.
5. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе. Собрание сочинений: В 6 т., Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе. М.: Три квадрата, 2004. Т. 3. 419 с.
6. Зарецкий Ю. История субъективности и история автобиографии: Важные обновления // Неприкосновенный запас, 2012. № 3. С. 218 – 232.
7. Куренной В. Предисловие редактора // Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе. Собрание сочинений: в 6 т. Построение исторического мира в науках о духе. М.: Три квадрата, 2004. Т. 3. С. 11 – 34.
8. Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. М.: Политиздат. 1991. С. 19 – 52.

References

1. Bahtin M.M. Avtor i geroy v esteticheskoj deyatelnosti. Bahtin M.M. Sobranie sochinenij: v 6 t. M.: Russkie slovari, YAzyki slavyanskih kul'tur, 2003. T. 1. S. 69 – 263.
2. Bahtin M.M. Geschichte der Autobiographie von Georg Misch. Sobraenie sochinenij v 6 tt. M.: Russkie slovari, YAzyki slavyanskih kul'tur, 2003. T. 3. S. 669 – 708.

3. Bahtin M.M. Teoriya romana. Sobranie sochinenij: v 6 t. M.: Russkie slovari, YAzyki slavjanskikh kul'tur, 2003. T. 3. 877 s.

4. Blauberg I. Filosofiya zhizni. Sovremennaya zapadnaya filosofiya: Slovar'. M.: Ostozh'e, 2000, S. 432 – 434.

5. Dil'tej V. Postroenie istoricheskogo mira v naukah o duhe. Sobranie sochinenij: V 6 t., T. 3. Postroenie istoricheskogo mira v naukah o duhe. M.: Tri kvadrata, 2004. T. 3. 419 s.

6. Zareckij YU. Istoriya sub"ektivnosti i istoriya avtobiografii: Vazhnye obnovleniya. Neprikosnennyj zapas, 2012. № 3. S. 218 – 232.

7. Kurennoj V. Predislovie redaktora. Dil'tej V. Postroenie istoricheskogo mira v naukah o duhe. Sobranie sochinenij: v 6 t. Postroenie istoricheskogo mira v naukah o duhe. M.: Tri kvadrata, 2004. T. 3. S. 11 – 34.

8. Solov'ev E.Yu. Biograficheskij analiz kak vid istoriko-filosofskogo issledovaniya. Solov'ev E.Yu. Proshloe tolkuet nas. M.: Politizdat. 1991. S. 19 – 52.

PHILOSOPHICAL ASPECT OF CONSIDERATION OF AUTOBIOGRAPHY: V. DILTHEY, G. MISH, M. BAKHTIN

*Prokofieva I.O., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Khafizova D.R.,
Akmulla Bashkir State Pedagogical University*

Abstract: the article reveals the philosophical aspect of autobiography, compares the points of view of the German philosopher, cultural historian, literary critic V. Dilthey, the German philosopher G. Misch and the Russian philosopher, culturologist, literary critic, historian of European culture and literature M. Bakhtin. These scientists have proposed and formulated the basic principles of the study of autobiography in a number of their works.

W. Dilthey considers autobiography as the highest and most essential form fully realizing an understanding of life, in the autobiography there is a process of not only direct self-understanding of oneself, one's life in its connection with history and culture, but also life learns itself in autobiography.

G. Misch is convinced that even a simple self-reflection contains a motive for self-realization, striving for spiritual individualization. The basis of autobiography, which is absolutely diverse in its genre, is the search for truth about oneself, even if the truth is not supported by any facts.

M. Bakhtin introduces the concept "biographical artistic value" and distinguishes two types of biographical consciousness: adventure-heroic and social-everyday. For a scientist, biography and autobiography is artistic to the extent that its author and hero live by the values of another, this is the reason for the lack of a clear boundary between autobiography and biography.

The foundations of philosophical understanding of autobiography, developed by V. Dilthey, G. Misch and significantly supplemented by M. Bakhtin, are used not only in the analysis of memoir literature, but also in the study of autobiographical works of fiction.

Keywords: autobiography and biography, the phenomenon of autobiography, self-reflection, the process of individualization of consciousness and self-awareness, self-objectification, genre boundaries of autobiography, adventure-heroic and social-everyday type of biographical consciousness

**«ЭПИТИМИЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (ПО РОМАНУ
ДЖ.М. КУТЗЕЕ «ОСЕНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ»)**

*Мещерякова Л.А., кандидат филологических наук, доцент,
Пензенский государственный университет*

Аннотация: статья посвящена 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. В ней рассматривается рецепция жизни и творчества великого русского писателя в романе Кутзее «Осень в Петербурге». Сопоставительный анализ с произведениями Достоевского позволяет не только выявить аллюзии и реминисценции, используемые Кутзее, но через осмысление приемов их актуализации ощутить уровень понимания автором природы величайшего дарования Достоевского. Роман Кутзее рассматривается в контексте популярного в современной зарубежной литературе жанра «романа-биографии», героями которого являются писатели, ученые, музыканты. Выявляется «условность» заявленного жанра, проистекающая из зачастую свободного обращения с фактами биографии известных деятелей. Одной из задач, поставленных в данном исследовании, является разграничение достоверных фактов, используемых Кутзее в романе о Ф.М. Достоевском, и вымышленных. Подчеркивается особое место романа Достоевского «Преступление и наказание» в создании Кутзее системы образов, описании места действия в романе «Осень в Петербурге». Предлагается сопоставительный анализ образов-двойников. Значительное место в статье отведено выявлению аллюзий на роман Достоевского «Бесы», так как именно с ним в романе Кутзее будет связана тема творчества. Результатом исследования стало обоснование тезиса о том, что главный герой романа «Осень в Петербурге» «по странной случайности носит фамилию Достоевского» (И. Волгин).

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы», Кутзее, «Осень в Петербурге»

За последнюю четверть века в западноевропейской литературе большую популярность завоевал жанр с условным названием «роман-биография» (а также «non-fiction», «литература. doc», «литература документа» и проч.) [6, с. 66], героями которого становятся реальные лица: ученые, писатели, музыканты. В романе Л. Бине «Седьмая функция языка» это Умберто Эко, Мишель Фуко, Юлия Кристева, Жак Деррида, Жиль Делёз, Ролан Барт и др., в «Часах» М. Каннингема – Вирджиния Вулф, в «Попугае Флобера» Д. Барнса – Гюстав Флобер, в его же романе «Шум времени» – Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Этот список можно продолжать. «Условность» заявленного выше жанрового определения этих произведений состоит нередко в свободном обращении с собственно биографическим компонентом, вплоть до стилистики «романа-псевдобιοграфии». «...изъятие исторических лиц из жестко закрепленных за ними исторических обстоятельств и помещение их в другие ситуативные модели (порой весьма отличающиеся от знакомой мифологемы) – это вполне современно» [2].

Одной из самых значительных фигур в современной англоязычной литературе является Джон Максвелл Кутзее (род. в 1940 г.), который интересен для нас наибольшим, в сравнении с другими писателями, вниманием к русской литературе. В «Дневнике плохого года» он не единожды обращается к русским классикам, «желая подреставрировать собственную веру в человечество, в непрерывность его истории». Вспоминая Л.Н. Толстого и его роман «Война и мир», Кутзее дает определение слову «классик»: «...стоять на полке и ждать,

когда тебя откроют в тысячный, в миллионный раз. Классик – тот, кому суждено бессмертия». Говоря о Ф.М. Достоевском, он не считает нужным скрывать, что снова и снова «безудержными слезами» плачет над пятой главой «Братьев Карамазовых». Кутзее «преисполняется благодарности к России, России-матушке, за столь бесспорные, столь несомненные для нас критерии, критерии, к достижению которых должен стремиться каждый серьезный писатель, даже если у него ни малейшего шанса приблизиться к ним, ибо, с одной стороны, у нас пример мастера Толстого, а с другой – пример мастера Достоевского. Видя их пример, писатель будет совершенствоваться». «...я не имею в виду литературное мастерство, – продолжает далее Кутзее. – Я говорю о нравственном совершенствовании. Они упраздняют нечистые посягательства; они проясняют взор; с ними твердеет рука» [7].

Действительно, и Толстой, и Достоевский очень глубоко вошли в мировое культурное сознание. «Особость» случая Достоевского М.Ф. Амузин объясняет «и неординарностью личности и судьбы великого писателя, и проективностью его творчества, сочетавшего устремленность к вечным, метафизическим ценностям и вызовам с острейшим интересом к историческому движению, к будущему России и мира» [1, с. 164].

Дж. М.Кутзее посвящает Ф.М. Достоевскому роман «Осень в Петербурге» (1994). «Присутствие» личности и творчества великого русского писателя проявляется здесь многосторонне и охватывает практически все уровни повествования. Достоевский не просто персонаж романа, это его

главный герой. Но при этом необходимо осознавать, что Кутзее не ставил перед собой цель написать роман-биографию, поэтому документальные факты у него тесно переплетаются с вымышленными. Осенью 1869 года Достоевский безвыездно находился в Дрездене, работал главным образом над романом «Бесы» и в Петербург не выезжал. А также в обозначенное время не находился в Петербурге и Нечаев: убийство студента И.Иванова было совершено 21 ноября 1869 года в Москве. И тем не менее именно для встречи с Нечаевым Кутзее «приводит» своего героя осенью 1869 года в Петербург.

Формальным поводом для возвращения писателя из-за границы становится известие о трагической смерти его пасынка Павла Исаева. И именно тягостные переживания Достоевского по этому поводу и становятся главным предметом изображения в романе, видимой, надводной частью айсберга. При этом важно заметить: в действительности пасынок Достоевского, сын его первой жены, скончался много позже, значительно пережив своего отчима, и, кроме того, он не имел никакого отношения к революционной организации Нечаева. Таким образом, данные обстоятельства можно расценивать не иначе, как вспомогательные, выстраивающие внешнюю сюжетную канву, завязывающие узел, в который будут влетаться некоторые факты жизни как самого Достоевского, так и героев его литературных произведений. Роман Кутзее изобилует биографическими фактами и подробностями, отсылающими к детским годам жизни Достоевского, его отношениям с отцом, участию в кружке Петрашевского, сибирской ссылке, двум женитьбами, отношениям с издателями и т.д. И, кроме того, Кутзее буквально погружает писателя Достоевского в атмосферу его произведений с использованием цитат, прямых и косвенных отсылок к известным образам, характерным ситуациям и коллизиям.

Немаловажным для авторского замысла оказывается тот факт, что до начала описываемых событий Достоевский действительно находился в Дрездене и, по сюжету, приезжает именно из Дрездена, что в романе несколько раз подчеркивается. При этом обстоятельства реальной жизни Достоевского в Дрездене, о которых читатель в дальнейшем будет узнавать из его размышлений, Кутзее описывает с документальной точностью. Значительная часть аллюзий романа Кутзее коррелирует с «Бесами», к которым в конце концов и будет сведена его основная идея. Поэтому важна характеристика Дрездена, которую именно в «Бесах» дает Липутину Петр Верховенский и именно туда предлагает отправиться в эмиграцию: «...это город, никогда не выдавший никакой эпидемии, а

так как вы человек развитый, то, наверно, смерти боитесь; во-вторых, близко от русской границы, так что можно скорее получать из любезного отечества доходы; в-третьих, заключает в себе так называемые сокровища искусства, а вы человек эстетический... ну и, наконец, заключает в себе свою собственную карманную Швейцарию – это уж для поэтических вдохновений... Одним словом, клад в табакерке!» [3, с. 376].

Вот из такой «табакерки» Достоевский и приезжает в Петербург. И тем разительнее контраст. Основное действие происходит в той части города, которая хорошо знакома читателю по роману «Преступление и наказание»: «невдалеке от Сенного рынка» и Кокушкина моста (Раскольников живет в «С-м переулке», около «К-на моста»). Кутзее «поселил» Достоевского в «длинной, низкой комнате с тусклым светом из единственного окна, пробитого в стене на высоте головы» в доме с меблированными комнатами, «сдаваемыми мелким чиновникам, студентам и мастеровым» [8, с. 6], что мало отличается от «каморки» Раскольникова.

Почвой для возникшего у Нечаева и его соратников интереса к Достоевскому стало даже не участие последнего в кружке Петрашевского, а главным образом роман «Преступление и наказание». «Я прочел ваш роман «Преступление и наказание», – говорит Нечаев. – ...Он-то меня и вразумил» [8, с.202]. Роман глубоко входит в идейно-художественный дискурс произведения Кутзее. «– Думаете, почему Нечаев выбрал топор?» – спрашивает Достоевский у Анны Сергеевны. Читатель знает ответ: потому что именно топор стал орудием убийства в руках Раскольникова. В романе Кутзее Достоевский дает следующий ответ на этот вопрос: «Топор – орудие народной расправы, народное оружие, грубое, тяжелое, неотразимое, в замахах которого вложена вся сила его носителя, тяжесть телесная и тяжесть пожизненной ненависти, негодования, отложившаяся в теле, тяжесть и темная радость замаха» [8, с. 131].

Эти вариации на известную тему входят в роман Кутзее вместе с образом следователя Максимова, с подачи которого и устанавливается параллель Павел Исаев – Родион Раскольников. Кутзее делает образ следователя максимально узнаваемым. Одни и те же детали в портретных характеристиках: глаза Максимова «отливают каким-то жидким, водянистым блеском, ресницы белые, точно у кошки» [8, с. 37] – выражение глаз Порфирия Петровича тоже было «с каким-то жидким водянистым блеском, прикрытых почти белыми... ресницами» [5, с. 272]. Максимов имел «расплывшуюся бабью фигуру» [8, с. 37], было «что-то бабье» [5, с. 272] и в фигуре Порфирия Петровича.

Близка у героев манера говорить и двигаться: очень суетится следователь Максимов, «оживленно» ведет себя и Порфирий Петрович. Существенной, если не центральной частью соответствующих эпизодов в обоих романах является обсуждение неоконченного рассказа, написанного Павлом Исаевым, и статьи Раскольниковова. На основании этого рассказа Максимов и объявляет Павла прямым наследником Раскольниковова: герой, «осужденный за участие в противоправительственном заговоре и сосланный в Сибирь», бежит из заключения, раскраивает топором череп «вульгарному сластолюбцу», посмевавшему помогать молодой крестьянке. После чего топор не бросает, собирается и в дальнейшем использовать его как орудие «защиты» и «мести». После чего в данном эпизоде Кутзее использует прямую цитату из романа Достоевского: поступок героя вымышленного рассказа Максимов называет «моровой язвой», которая, как мы помним, в эпилоге романа «Преступление и наказание» звучит как предупреждение всему человечеству. Тем самым Максимов ставит Достоевского в позицию ответственности не только за то, что произошло с его пасынком, но и за «нечаевщину» как таковую, которая, по его мнению, предопределена теорией Раскольниковова и его преступлениями. Неслучайно в конце романа Достоевский припомнит этот разговор с Максимовым и заданный ему вопрос о том, какого рода книги он пишет. «Я выбрал кривую дорогу и увожу ею детей в области тьмы. Да и сам я лишь следую за пером, пляшущим предо мною» [8, с.269]. Не будет лишним заметить, что данное умозаключение относится исключительно к литературному образу, созданному Кутзее.

Образы двойников и связанные с ними сюжетные ситуации Кутзее широко включает в литературную игру. Помимо следователя Максимова, воскрешающего в памяти читателей Порфирия Петровича, внимание привлекают образы детей из подполья, куда Нечаев приводит Достоевского. Совпадение деталей с описанием семьи Мармеладова, в квартиру которого впервые заходит Раскольников, очевидны: крайняя степень нищеты, трое голодных детей, старшая из которых – девочка. Для них тоже единственной кормилицей является Соня (в романе Кутзее она мать этих детей), которая зарабатывает проституцией. Кутзее рисует не менее удручающую картину, чем Достоевский, но, пожалуй, более отвратительную. «Дети не двигаются, не издают ни звука. Просто глядят на вошедших слезящимися, лишенными любопытства глазами»; у старшей девочки волосы «сальны, нечесаны, верхнюю губу покрывает слизь, которую она апатично сглатывает, собирая языком» [8, с. 204]. Эти дети не обнаруживают никаких чело-

веческих чувств, тогда как у Достоевского старшая девочка, «высокенькая и тоненькая, как спичка, в одной худенькой и разодранной всюду рубашке и в накинутом на голые плечи ветхом драдедамовом бурнусике» [5, с. 61], пытается успокоить плачущего брата. Столь же разительны отличительные черты Сони Мармеладовой и Сони, матери этих детей. Героиня Кутзее ведет себя вызывающе, не стесняясь вошедших мужчин, кормит грудью ребенка. «...неужели ее и впрямь зовут Соней?» – смущенно отводя взгляд, подумал Достоевский [8, с. 225]. В сходной ситуации, при большом стечении народа, собравшегося вокруг умирающего Мармеладова, Соня «неслышно и робко» протиснулась сквозь толпу, «глядела как потерянная». При этом совершенно очевидно желание Кутзее сблизить этих героинь в том числе через портретные характеристики: на обеих цветные платья (у Кутзее – «платье из дешевой ткани в цветочек» [8, с.225], нелепые шляпки (на Соне Мармеладовой – «смешная соломенная круглая шляпка с ярким огненного цвета пером» [5, с. 210], на героине Кутзее – «глупая» белая шляпка). Предсказуемо желание Достоевского, как и Раскольниковова, отдать этим несчастным последние деньги. Очень видно намерение Кутзее сгустить краски, сделать эпизод еще более натуралистичным и отталкивающим, чем в «Преступлении и наказании» Достоевского, и тем самым предоставить Нечаеву возможность выдать желание изменить жизнь несчастных за главный мотив их революционной деятельности.

Двойником самого Достоевского в романе выступает Свидригайлов. Перекликаются прежде всего их представления о загробной жизни. Достоевский «полагает, что вечность ему предстоит коротать на берегу какой-то реки, среди бесчисленного скопища других мертвых душ, ожидающих барки, которая не приплывет никогда» [8, с. 21]. Свидригайлов ушел дальше в своем цинизме: «...представьте себе, будет там одна комната, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность» [5, с. 310]. Имя героя романа Достоевского напрямую упоминается рядом с не дословно приведенной цитатой из «Преступления наказания». Герой рассказа «Комната», который Достоевский пишет в финале романа, «вспоминает Свидригайлова: “Женщина любит быть оскорбленной”» [8, с. 279]. Кутзее глубоко погружает своего главного героя в эротическую тему, и определение «сластолюбец» писатель относит не только к помещику, герою неоконченного рассказа Павла, или Свидригайлову, но в определенной степени и к самому Достоевскому.

Менее часты, но не менее значимы в романе «Осень в Петербурге» аллюзии на «Братьев Карамазовых». Так, в главе «Иванов» рассказывается, как неожиданное для себя решение пригласить в свою квартиру «бродягу, наемного доглядчика, шпиона», распространяющего вокруг себя затхлый запах рыбы, уступить ему свою постель, поутру накормить завтраком приходит к Достоевскому сразу после вождельных грез об Анне Сергеевне. «Она, думает он, она единственная, кого я желаю. А потому...» [8, с. 99]. Постоянно испытываемое чувство вины перед Павлом, а также обнаружение в своей собственной душе запретных желаний и страстей толкают Достоевского к самоистязанию. В романе Ф.М. Достоевского Иван Карамазов рассказывает Алеше о святом Иоанне Милостивом: «...когда к нему пришел голодный и обмерзший прохожий и попросил согреть его, лег с ним вместе в постель, обнял его и начал дышать ему в гноющийся и зловонный от какой-то ужасной болезни рот его. Я убежден, что он это сделал с надрывом лжи, из-за заказанной долгом любви, из-за натащенной на себя эпитимии» [4, с. 260]. «Никогда еще время не тянулось так медленно, – пишет Кутзее о чувствах своего героя, – никогда в воздухе не ощущалось столь полное отсутствие богооткровения» [8, с.102]. «Натащенная на себя эпитимия» в дальнейшем принудит Достоевского к тому, чтобы, настрадавшись рядом с Нечаевым, наслушавшись от него немислимых обвинений, обнять его, «притиснув руки к его бокам, вдыхая кислый запах его покрытой карбункулами плоти», и, смеясь, целовать его в обе щеки [8, с. 218].

Тема бесов и «бесовщины» входит в роман Кутзее с самых первых страниц и является смыслообразующей. Первое употребление этой лексемы применено к самому Достоевскому: он будет стараться «изгнать беса, который его одолевает» [8, с. 21] с тех пор, как приехал в Петербург и погрузился в свою глубокую скорбь об умершем сыне. Ему физически тяжело находиться рядом с детьми, дочерью квартирной хозяйки Матрешей, которую «готов разорвать на куски за одну лишь кротость ее» [8, с. 20]. «Страшная злоба изливается на все живое, а всего пуще на живых детей. Если бы здесь случился сейчас новорожденный младенец, он вырвал бы его из материнских рук и разможил голову о камень» [8, с. 13]. Эти чувства будут, пожалуй, сильнее и страшнее тех, которые испытывали герои романов Ф.М. Достоевского. Кроме того, на протяжении всего романа Кутзее героя будут преследовать эротические фантазии, героиней которых станет в том числе и Матреша, а также воспоминания «о девочках-проститутках, которых знал здесь и в Германии» [8, с. 88].

«Мрачным Эросом» веет и от сцен, описывающих «мучительное сожительство» Достоевского с Анной Сергеевной [2], добавляющее герою еще и чувство вины перед оставленными в Дрездене женой и новорожденной дочерью. Очень странной является мотивация, с которой Достоевский вступает в эту связь: через Анну Сергеевну, знавшую Павла, приблизиться к сыну. Непостижимым образом в эту схему вписывается и ее дочь Матреша. Все эти события призваны подтвердить честное признание героя: «во всяком сердце есть темные уголки...Только не всякий об этом знает» [8, с. 166].

Как совершенно справедливо заметил прозорливый Максимов, на тот момент душевное состояние Достоевского таково, «что Нечаев может выскочить из страницы», как черт из табакерки, и полностью овладеть им [8, с. 56]. Буквально так же овладевает сначала всеми собравшимися в гостиной Варвары Петровны, а затем жителями губернского города и Петр Верховенский в «Бесах». Нечаев искушает Достоевского, как Петр Верховенский – Ставрогина: «...мы стоим на пороге великих событий, любой ваш вклад способен оказать громадное воздействие» [3, с. 205]. Нечаев старательно приглашает Достоевского в соучастники, свято уверовав в то, что автор «Преступления и наказания» не может не понимать, не сочувствовать таким, как он. Поэтому всерьез надеется, что Достоевский согласится писать революционные прокламации. Главный герой Кутзее находится в состоянии крайнего душевного изнеможения оттого, что «Павел с ним больше не говорит», а вместо него – «тысячи мелких бесов роются в воздухе, точно выпущенная из банки саранча» [8, с. 262].

Он решительно не желает соглашаться с тем, что его Павел такой же негодяй и преступник, как Нечаев. Как самое дорогое, хранит воспоминание о рыцарском отношении Павла к Марье Тимофеевне Лебядкиной. С одной стороны, Кутзее будто сближает Павла со Ставрогиным, заимствуя деталям из романа Достоевского: сохраняет не только имена, характеристики героев, но и сюжетные ситуации. И тем не менее «с Марьей он вел себя почтительно, с уважением, как истый джентльмен...То был урок для всех, урок рыцарства» [8, с. 86]. Именно тогда Павел заказал себе у портного красивую белую пару, в которую в дальнейшем с ностальгией несколько раз облачается Достоевский. Именно с образом Павла Кутзее связывает все хорошее, что было у главного героя, а теперь безвозвратно потеряно.

Итальянская исследовательница творчества Ф.М. Достоевского Симонетта Сальвестрони в книге «Библиейские и святоотеческие источники романов Достоевского» справедливо заметила, что

«В «Бесах» двумя главными лейтмотивами, проходящими через все произведение, являются, с одной стороны, лейтмотив бесов, темноты, действий зла, с другой – лейтмотив ощущения Богоприсутствия, гармонии и света...» [9, с. 143]. В романе Кутзее нет ни одного носителя истинной православной веры. Заявления Достоевского исключительно декларативны («Я верую в воскрешение тела и в жизнь вечную») или провокативны («Бог говорит, лишь когда Он молчит. Когда нам кажется, будто мы слышим речь Божию, это не Бог говорит с нами»). Образ Матрешы, сделавшей из рисунка с изображением портрета Павла что-то вроде иконы, тоже вряд ли можно в этом смысле рассматривать всерьез. На ее расспросы о Боге Достоевский ответил так: «Возможно, Бог не любит, когда Его испытывают. Возможно, принцип, согласно которому испытывать Его не следует, важнее для Него, чем жизнь одного ребенка. А может быть, причина тут в том, что Бог попросту глуховат. Он, верно, теперь уже очень стар, стар, как мир, если не старше. Может быть Он стал тут на ухо и глазами ослаб, как всякий старик» [8, с. 87].

Различные события, происходящие с Достоевским в Петербурге, как-то: знакомство с Анной Сергеевной и ее дочерью Матрешей, затем посещение полицейского участка и в дальнейшем общение с Нечаевым и членами его группы – не что иное, как череда происшествий, призванных свергнуть писателя в пучину страстей и невыносимых страданий, которые и есть та цена, которую он платит за свое творческое вдохновение. Философию творчества писателя Достоевского Кутзее «проговаривает» в разговоре героя со следователем Максимовым (а по сути – Порфирием Петровичем): «...что происходит с вами – страдаете вы...или втайне восторгаетесь рукой, взмахнувшей топором?» И сам отвечает: «...настоящее чтение (читай творчество – примеч. Л.М.) в том-то и состоит, чтобы становиться и рукой, и топором, и черепом» [8, с. 55]. С первых страниц Достоевского мучат ощущения приближающегося эпилептического приступа, который начинается с дрожи в правой руке. Он сродни творческому акту, точнее, творческий акт у Кутзее сродни эпилептическому припадку. В конце романа автор даст толкование, с позиции Достоевского, слову «беснование»: это «миг перед самой вспышкой восторга, когда душа выдирается из тела и начинает, кружась, падать в беспмятство. И, глядя на нее, бьющую из стороны в сторону головой, сжавшую челюсти, хрипящую, недолго вообразить, что и она одержима бесом» [8, с. 265]. Такими словами могут быть описаны как эпилептический припадок, «экстатический приступ», так и, в контексте данного романа,

творческий акт. Герой Кутзее воспринимает его как свое проклятие: «Почему именно я...Почему я должен волочь на себе все тяготы мира?...вот чем придется мне заниматься до скончания дней... заглядывать в глаза псов и попрошаек?» [8, с. 93].

К чему в конце концов Кутзее приводит своего героя? Какую творческую разрядку получает копившееся на протяжении всего действия напряжение? В финале романа мы видим Достоевского за письменным столом, выводящим сначала вверху страницы заголовок «Квартира», а под ним описание того, как герой рассказа занимается «развитием вкуса» в девочке, раз за разом совершая на ее глазах половой акт. В этой неприязательной сюжетной ситуации узнаются страницы «Бесов», где Ставрогин рассказывает о том, как в Петербурге снимал «для интриги» комнату, что, видимо, не было тайной для Матрешы, четырнадцатилетней дочери квартирной хозяйки. Но в романе Достоевского нет об этом прямого свидетельства, как нет преднамеренного умысла Ставрогина развратить девочку. Кутзее «дописывает» эту ситуацию, причем стремиться добиться в своем провокативном по отношению к тексту романа Достоевского эпизоде максимально натуралистического и отталкивающего эффекта. «Само описание, – как замечает Кутзее, – доставляет ему сегодня острое чувственное наслаждение». «Неимоверное наслаждение» испытывает и Ставрогин, только оно совершенно другого свойства: это такое наслаждение, которое стоит рядом с «безмерным гневом» от всего позорного, унижительного, подлого, низкого. «Не подлость я любил, – признается Ставрогин, – но упоение мне нравилось от мучительного сознания низости» [3, с. 400-401].

Далее в романе следует еще один фрагмент («Девочка»), который пишет Достоевский. В нем говорится о том, как рассказчик (Павел) цинично рассказывает девочке о том, как когда-то от скуки он ходил на свидания с Марьей Лебядкиной в той самой белой сюртучной паре. После чего писатель Достоевский почувствовал себя совершенно опустошенным, потому что творчество, большие гонорары за книги, ему достаются большой ценой: «взамен ему приходится отдавать свою душу» [8, с. 285]. Это почти последние слова романа. И возникает у читателя вопрос: взамен чего? Что он создал? Что полностью опустошило его душу?

Нельзя не согласиться с Игорем Волгиным, который, оценивая главного героя романа Кутзее «Осень в Петербурге», назвал его персонажем «интересным», но по странной случайности носящим фамилию Достоевского [2]. «Одно дело – пытаться реконструировать личность художника (которая, как всякая личность, неосязема и поэтому поддается разным прочтениям), другое – дописы-

вать «Египетские ночи». Ведь всегда существует возможность сличить продолжение с оригиналом». С оригиналом никак не связываются не только фрагменты, которым предстоит стать романом «Бесы», но и личность самого писателя, не нашедшего в себе на протяжении всего романа ни одного слова любви к России: «Быть в России нежным цветком непозволительно. В России должно быть лопухом, на худой конец – одуванчиком» [8, с. 84]. А коли так, то, говоря словами следователя Максимова, книжный персонаж романа Дж.М.Кутзее «Осень в Петербурге» перестает для нас существовать, «стоит только закрыть книгу» [8, с. 169].

Литература

1. Амузин М.Ф. Достоевский бессмертен? // Вопросы литературы. 2021. № 2. С. 161 – 193.
2. Волгин И. «Из России – с любовью?» «Русский след» в западной литературе // Иностранная литература. 1999. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1999/1/iz-rossii-s-lyubovyu.html> (дата обращения: 14.07.2021)
3. Достоевский Ф.М. Бесы / Собр. соч.: в 7 т. М.: «Лексика», 1994. Т. 4.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Собр. соч.: в 7 т. М.: «Лексика», 1994. Т. 6, 7.
5. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Собр. соч.: в 7 т. М.: «Лексика», 1994. Т. 2.
6. Жучкова А. Когда каждый стал богом. Литература начала эона // Вопросы литературы. 2019. № 4. С. 57 – 74.
7. Кутзее Дж.М. Дневник плохого года. Издательский дом: АСТ; Астрель. 2011. [Электронный ресурс] URL:

https://royallib.com/book/kutzee_dgon/dnevnik_plohogo_goda.html (дата обращения: 12.07.2021)

8. Кутзее Дж.М. Осень в Петербурге: пер. с англ. С. Ильина. М.: «Эксмо», 2019.

9. Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского: пер. с ит. М.: Изд-во ББИ, 2015.

References

1. Amusin M.F. Dostoevskij bessmertn? Voprosy literatury. 2021. № 2. S. 161 – 193.
2. Volgin I. «Iz Rossii – s lyubov'yu?» «Russkij sled» v zapadnoj literature. Inostrannaya literatura. 1999. № 1. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1999/1/iz-rossii-s-lyubovyu.html> (data obrashcheniya: 14.07.2021)
3. Dostoevskij F.M. Besy. Sobr. soch.: v 7 t. M.: «Leksika», 1994. T. 4.
4. Dostoevskij F.M. Brat'ya Karamazovy. Sobr. soch.: v 7 t. M.: «Leksika», 1994. T. 6, 7.
5. Dostoevskij F.M. Prestuplenie i nakazanie. Sobr. soch.: v 7 t. M.: «Leksika», 1994. T. 2.
6. Zhuchkova A. Kogda kazhdyy stal bogom. Literatura nachala eona. Voprosy literatury. 2019. № 4. S. 57 – 74.
7. Kutzee Dzh.M. Dnevnik plohogo goda Izdatel'skij dom: AST; Astrel'. 2011. [Elektronnyj resurs] URL: https://royallib.com/book/kutzee_dgon/dnevnik_plohogo_goda.html (data obrashcheniya: 12.07.2021)
8. Kutzee Dzh.M. Osen' v Peterburge: per. s angl. S. Il'ina. M.: «Eksmo», 2019.
9. Sal'vestroni S. Biblejskie i svyatootecheskie istochniki romanov Dostoevskogo: per. s it. M.: Izd-vo BBI, 2015.

**"EPITHYMIA" OF F.M.DOSTOEVSKY (BASED ON THE NOVEL
BY J.M.COETZEE "AUTUMN IN ST. PETERSBURG")**

*Meshcheryakova L.A. Candidate of Philological
Sciences (Ph.D.), Associate Profssor,
Penza State University*

Abstract: the article is dedicated to the 200th anniversary of the birth of F.M.Dostoevsky. It studies the reception of the life and work of the great Russian writer in Coetzee's novel "Autumn in St. Petersburg". A comparative analysis with the works of Dostoevsky allows not only to identify allusions and reminiscences used by Coetzee, but reveal the techniques of their actualization to feel the level of understanding by the author of the nature of Dostoevsky's greatest talent. The novel of Coetzee is considered in the context of the genre of "novel-biography" popular in modern foreign literature, the heroes of which are writers, scientists, musicians. The "conventionality" of the declared genre is revealed, resulting from the free handling of the facts of the biography of famous figures. One of the tasks set in this study is the differentiation of reliable facts used by Coetzee in the novel about F.M.Dostoevsky, and fictional. The special place of Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" in the creation of the Coetzee system of images, the description of the scene in the novel "Autumn in St. Petersburg" is emphasized. A comparative analysis of twin-images is proposed. A significant place in the article is devoted to the identification of allusions to Dostoevsky's novel "Demons", since it is with him that the theme of creativity will be associated in Coetzee's novel. The result of the study was the substantiation of the thesis that the main character of the novel "Autumn in St. Petersburg" "by a strange coincidence bears the surname of Dostoevsky" (I. Volgin).

Keywords: Dostoevsky, "Crime and Punishment", "The Brothers Karamazov", "Demons", Coetzee, "Autumn in St. Petersburg"

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ В ОСЕТИНСКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Бетева Ф.Г., аспирант,

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта №20-512-56001 «Составление контрастивной
грамматики осетинского и персидского языков»

Аннотация: осетинский и персидский языки – родственные языки, представители иранской группы индоевропейской семьи языков. Данная статья посвящена синтаксису сложных предложений разного типа в указанных языках, а именно – описанию способов выражения причинно-следственных отношений в сложном предложении в осетинском и персидском языках. Статья представляет собой попытку разбора, сопоставления и сравнения в указанных языках сложноподчиненных предложений с придаточными причины и следствия, а также сложносочиненных и бессоюзных предложений, между частями которых возникают причинно-следственные отношения. Это и является целью данной работы, для достижения которой были поставлены следующие задачи: рассмотреть и сравнить структуру всех сложных синтаксических единиц, в которых раскрываются причинно-следственные отношения; описать и сравнить способы связи в этих синтаксических единицах, а также их семантические особенности. Актуальность работы обусловлена тем, что исследование в сравнительно-сопоставительном аспекте может внести вклад не только в изучение указанных языков, но и выявление общих для иранских языков черт, общих тенденций их развития. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании осетинского и персидского языков, их истории. Такое сопоставление сложных синтаксических единиц проводится впервые.

Ключевые слова: осетинский язык, персидский язык, сложное предложение, сложноподчиненное предложение, придаточные предложения, причинно-следственные отношения, бессоюзное предложение, сложносочиненное предложение, придаточное предложение причины

Предикативные единицы, входящие в состав сложных предложений, в зависимости от соотношения их значений выражают различного типа отношения. Целью данной статьи являются описание и сравнение сложных предложений с причинно-следственными отношениями в осетинском и персидском языках – родственных языках иранской группы индоевропейской языковой семьи.

В первую очередь следует упомянуть, что в персидском языке выделяют сложносочиненные и сложноподчиненные предложения с союзами, а также бессоюзные сложносочиненные и бессоюзные сложноподчиненные предложения [6, с. 484], тогда как в осетинском языке на современном этапе его изучения такая классификация не приводится: практически во всех научных источниках описаны союзные (сложносочиненные, сложноподчиненные) и бессоюзные предложения [8, 5, 7, 198] (независимо от того, какого типа смысловые отношения существуют между частями последних). Эта классификация сложных предложений в осетинском языке и используется нами в данной статье. Однако в научных трудах прошлого столетия, а в частности в работах Н.К. Багаева, встречается схожая с персидской классификация указанных синтаксических единиц [1, с. 363].

Самым распространенным способом выражения причинно-следственных отношений в рассматриваемых языках являются соответствующие придаточные в сложноподчиненном предложении.

В персидском языке это придаточные причины и придаточные следствия, а в осетинском – только придаточные причины.

Придаточные причины или следствия – такие зависимые предикативные единицы, которые выражают причину или следствие того, что говорится в главной части сложноподчиненного предложения. Выделение этих обстоятельственных придаточных в большинстве случаев не вызывает трудностей в рассматриваемых языках.

Придаточные причины в осетинском языке отвечают на вопросы *цамаен?* «почему?» «зачем?» *цай тыххай?* «почему?» «из-за чего?» *цама гæсгæ?* «почему?» «на основании чего?» *цауылна?* «почему не?» Средством связи придаточных причин с главной частью являются подчинительные союзы *ама* «что», *ама ... кай* «что», *кай* «что», *уймаен ама* «потому что», *уйй тыххай ама* «потому что», «из-за того, что», *кам* – *уым* «так как – то».

Придаточные причины могут соотноситься со сказуемым главной части непосредственно, то есть без помощи дополнительных связующих элементов: *Аристотелы чингуытæ сыгътой арты, уймаен ама сæ автор нымад уыди аенадин, муртакк адаймагыл.* «Книги Аристотеля сжигали, потому что их автор считался человеком без веры, язычником» [8, с. 24]

Но это соотношение также может быть обеспечено, и даже усилено, за счет использования таких

соотносительных слов и сочетаний слов, как *уый тыххай* «потому», «из-за того», *уымаен* «потому», *уыма гасга* «потому», «на основании того»: *Аристотелы чингуытæ сыгътой арты уымаен, æмæ сæ автор нымад уыди æнæдин, муртакк адæймагыл. «Книги Аристотеля сжигали потому, что их автор считался человеком без веры, язычником»* [8, с. 24].

Следует отметить, что *уымаен* и *уый тыххай* представляют собой соотносительные слова и находятся в главном предложении только в тех случаях, когда являются носителями логического ударения. Когда же этого не происходит, эти слова присоединяются к союзам, образуя совместно с ними сложные союзы, которые находятся в придаточном предложении. Естественно, главное предложение в таких сложных синтаксических единицах уже не содержит в себе соотносительные слова. Это можно заметить на примерах, приведенных выше.

В осетинском сложноподчиненном предложении с придаточными причины, как правило, соотносительные слова, находящиеся в главной части, и подчинительные союзы в придаточной бывают взаимосвязаны: в зависимости от того, какое именно соотносительное слово употреблено в главном предложении, в придаточном будет использоваться конкретный союз. Например, такое соответствие имеют соотносительные слова *уымаен, уый тыххай* и союзы *æмæ*, «*каей* и *æмæ ... каей* (они обладают схожими значениями):

Фыд сæрæстыр у йæ фыртæй, æмбисонды дæсны кусæг каей басгуыхт, уый тыххай. «Отец гордится сыном потому, что тот стал очень искусным специалистом» [5, с. 28].

Уæлауыл дæр æмæ ам дæр балцыты бирæ фæцыдтæ, фæлæ æз афтæ æнхæлын, æмæ дын ацы балц уыдзæн септæты стырдæр æмæ тæссагдæр, Хурæрипы фæд-фæд цæуынмæ каей хъавыс, уый тыххай! «И на земле, и здесь ты совершил множество походов, но я так думаю, что этот поход будет самым длинным и опасным потому, что ты идешь по следам Солнца» [4, с. 128].

Вызывает интерес расположение придаточных причины относительно главной части в осетинском языке. Если говорить о сложноподчиненных предложениях в целом, то придаточные в осетинском языке могут находиться и перед главной частью, и позади ее, а также в ее середине. Расположение придаточных причины зависит от союзов, при помощи которых они связываются с главной частью. Придаточные предложения причины, связанные с главным союзами *æмæ, æмæ ... каей, уымаен æмæ, уый тыххай æмæ* всегда находятся после главного предложения: *Дæ зæрдæ æдзук*

рухс æмæ цинаей дзаг, афтæмæй дæ хæс фидыс æмæ дын дæ зонд æмæ дæ цæсты рухс ницы змæнты, уымаен æмæ йæ зоныс, дæ райгуырæн бæсты амонд æмæ цин йеддæмæ бынат каей иицæмæн баззад, уый! «Твое сердце всегда наполнено светом и радостью, так ты отдаешь свой долг и ничто не замутняет твои ум и глаза, потому что ты знаешь, что на твоей родной земле не осталось места ничему, кроме счастья и радости» [4, с. 169].

Фæлæ уыма дæр æрбамæсты ваййы, уымаен æмæ йæ арæх фены Къалаимæ ныхæстæ гæнæ. «Но он начинает сердиться и на него, потому что часто его видит разговаривающим с Къала» [5, с. 37].

Магъæг каей уыд, уыма гасга зыхъхъыры сæрибарæй ныццыдаид. «Так как он был худ, он свободно мог пролезть в щель» [5, с. 75].

Придаточная часть, связанная с главной с помощью союза *каей*, может находиться после главной и в ее середине. Однако при использовании соотносительных слов *уымаен, уый тыххай* и необходимости выделения их логическим ударением, придаточное предложение будет стоять после главного. Так, например, приведенное выше сложноподчиненное предложение *Фыд сæрæстыр у йæ фыртæй, æмбисонды дæсны кусæг каей басгуыхт, уый тыххай*, придаточная часть которого разбивает на две части главную, то есть находится в ее середине, можно преобразовать таким образом, чтобы зависимая часть предшествовала главной и наоборот: *Æмбисонды дæсны кусæг каей басгуыхт, уый тыххай фыд сæрæстыр у йæ фыртæй. «Так как он стал искусным специалистом, отец гордится своим сыном»* и *Фыд уый тыххай сæрæстыр у йæ фыртæй, æмбисонды дæсны кусæг каей басгуыхт. «Отец потому гордится своим сыном, что он стал искусным специалистом».*

В сложноподчиненном предложении, в котором придаточное обстоятельства причины связано с главной частью при помощи союзов *куыд, каей* с соответствующим им соотносительным словосочетанием *уыма гасга*, находящимся в главной части, придаточное может стоять перед главным предложением или включаться в него:

Сарди йæ куыст ныуагъта, пенсийы ацæуын ын рагæй каей æмбæлд, уыма гасга. «Сарди оставил свою работу потому, что ему давно пора было уйти на пенсию» [5, с. 19].

Æрмæст Цæнди афтæ каей загъта, дзæбуг се 'ртæйыл дæр æмхуызон æруадис, зæгъгæ, уыма гасга сæ хъæуы цумае сызмæнты! «Только потому, что Цанди сказал, что молоток коснулся всех троих одинаково, их нужно смешать вместе» [5, с. 41].

Похожую структуру сложноподчиненные предложения с придаточными причины имеют и в персидском языке. Они связываются с главным при помощи союзов, большинство которых являются сложными: *čon, čon-ke, zirā, zirā-ke* так как, поскольку, ибо, *be (az) jehat-e ān-ke (in-ke)* потому что, вследствие того, что, *banā bar ān-ke (in-ke)* на том основании, что, *barāye ān-ke (in-ke)* потому что, *čērā-ke* «так как» и др. [6, с. 558]. С тем, какие союзы употребляются в сложноподчиненном предложении с придаточным причины, связаны структурно-семантические особенности этих зависимых предложений. Помимо этого, использование союзов может вносить в сложное предложение различные стилистические оттенки.

Согласно Ю.А. Рубинчику, придаточные причины в персидском языке в некоторых случаях могут иметь определенное сходство с другими типами придаточных, которые имеют подобную им структуру [6, с. 558]. К таким типам придаточных в персидском языке Рубинчик относит определительно-изъяснительные, дополнительные и цели.

Например, придаточные предложения, которые связываются с главным при помощи сложного союза *az ān-ke (in-ke)*, в зависимости от общей смысловой нагрузки сложноподчиненного предложения и глагола-сказуемого главной части в частности, могут проявлять сходство с придаточными дополнительными, которые объясняют значение соотносительного слова – косвенного дополнения:

Fahmidam az in-ke māye-ye da 'vā-yi be bahāne-ye boruli az dast-aš rafte, motaasser šod. «Я понял, что она расстроилась из-за того, что у нее исчез повод для ссоры в связи с отсутствием денег.»
Laken az in-ke mā dāyeman bā yekdigān miraqsidim motaajjēb budand. «Однако они были удивлены тем (букв. из-за того), что мы постоянно друг с другом танцевали» [6, с. 559]

Однако при использовании типичных для придаточного причины союзов сомнений в идентификации этого вида зависимых предложений в персидском языке уже не бывает: *Az xatt-e čini-ke barāye har kaleme alāmat-i jodāgāne dārad injā goftogu nemikonim, zirā-ke in gune xatthā az now 'e xatt-e mā nist* «Я здесь не стану говорить о китайской письменности, имеющей для каждого слова отдельный знак, ибо такого рода системы письма отличаются от нашей письменности.» *Az ānjā-yi-ke javāne-e bihuš-i nabud bātenan ehsās karde bud-ke pazirāyi-ye noxostvazir jambe-ye tasanno.* «Поскольку он был догадливым молодым человеком, он внутренне почувствовал, что прием премьер-министра носил показательный характер» [6, с. 559].

Осетинские придаточные причины из-за своей ярко выраженной семантики и задаваемого к придаточному предложению общего вопроса во всех

случаях определяются без затруднений, несмотря на то, что некоторые соотносительные слова, встречающиеся в предложениях с придаточными причины, могут использоваться в предложениях с другими типами придаточных:

Например, в предложении *Чермен, цамаей искаемае тохы бацауай, уый тыххей йын развелгъау хъуамæ зонай йе 'хсар æмæ йæ архайды минууджытæ!* «Чермен, для того, чтобы начать сражение с кем-то, нужно заранее узнать его силу и способности!» [4, с. 237] придаточная часть отражает цель того, о чем говорится в главной части, хотя соотносительное выражение *уый тыххей* часто встречается в предложениях с придаточными причины. А в предложении *Къала йæ зæрдамаæ æвзæрай ницы хæссы, Къабо йæм цауыл фæхæрам, уый тыххей.* «Къала не может себя обвинить в том, из-за чего Къабо на него обиделся.» [5, с. 39] с тем же самым соотносительным выражением есть придаточное дополнительное.

Так же, как и в осетинском языке, придаточные причины в персидском могут находиться и перед главной частью, и после нее, и вклиниваться в нее. Чаще придаточные причины расположены перед главной частью, и в этом случае главное предложение отражает следствие, и после нее.

Местоположение персидского придаточного причины, подобно осетинскому, связано с используемым в сложноподчиненном предложении союзом. Так, например, придаточные, которые вводятся в предложение с помощью союза *zirā, zirā-ke, čērā-ke*, всегда бывают расположены после главного предложения: *In barāye to behtarin sarmāye xāhad šod čera-ke yaqin dāram az in kār āyed-e xub-i xāhim dāši.* Это будет хорошим капиталом для тебя, так как я уверена, что от этого дела мы будем иметь хорошие доходы [6, с. 561].

Союз *čon* является одним из самых используемых причинных союзов. Придаточные, вводимые при помощи этого союза, чаще предшествуют главной части, но могут располагаться и после него: *Čon havā-ye kāfe garm bud moštarihā dur az boxāri jā migereftand.* Поскольку в кафе было жарко, посетители занимали места подальше от печи. (Нушин, Разбитый стакан) *Gāni-ham ma 'ni-ye loqāt-e fārsi-rā az mā miporsid čon mixāst zabān-e fārsi-rā yād begirad.* «А иногда он спрашивал у нас значение персидских слов, так как хотел изучить персидский язык» [6, с. 561]

Еще одним сходством придаточных причины в осетинском и персидском языках является использование в них соотносительных слов. Они употребляются в главной части персидского сложноподчиненного предложения, как и осетинского, и выступают в нем в роли обстоятельства причины. В качестве соотносительных слов, которые соче-

таются с союзом «*ke*», могут выступать указательные местоимения и существительные.

С указательными местоимениями в сложноподчиненном предложении с придаточным причины часто используется предлог *barāye* «для»: «*Goft: emruz behtar az hamiše bāzi mikoni, goftam: barāye in ast-ke to az har ruz zibatar-i.*» «Она сказала: «Ты сегодня играешь лучше, чем обычно. Я ответил: «Это потому, что ты сегодня выглядишь красивее, чем обычно» [6, с. 562].

С соотносительными словами, выраженными существительными, могут быть употреблены указательные местоимения и предлоги «*az*» «от» и «*be*» «по»: «*Be aqide-ye išān digarān in raveš-rā az in ru bar-gozide-and-ke kaleme-i moškel-e arabi (mosnadeleyh)-rā be kār barand va be estelāh fazlforuši konand.*» «По его мнению, другие потому прибегли к такому приёму, чтобы, употребив это сложное арабское слово "подлежащее", показать свою так называемую ученость» [6, с. 562].

В персидском языке выделяют также придаточные предложения обстоятельства следствия. Отличие придаточных следствия от придаточных причины заключается в том, что придаточные следствия сообщают результат тех событий, о которых говорится в главной части, а не их причины. Согласно Рубинчику Ю.А., значение следствия в персидском языке может быть выражено также в придаточных образа действия [6, с. 565]. Отличаются придаточные следствия и придаточные образа действия тем, что с последними употребляются относительные слова, которые находятся в главной части, тогда как придаточные следствия не бывают связаны с такими относительными (соотносительными) словами. Придаточные следствия ни с одним членом главного не связываются и не соответствуют ни одному из членов простого предложения.

Придаточные следствия в персидском бывают связаны с главным при помощи подчинительных союзов, между которыми нет существенных семантических различий: *ke* «так что» (наиболее часто употребляется), *be towr-i-ke*, *be qesm-i-ke*, *be qadr-i-ke*, *čepān-ke* «так что»;

Dar ān guše čiz-i jalb-e nazar-e ma-rā kard-ke far vahle-ya avval gamān kardam gorbe-ye borāq-e sefid-i ast. «В том углу моё внимание привлёк какой-то предмет, так что в первый момент я подумал, что это пушистая белая кошка.»); *Vā molāyemat va širini be man javāb dād-ke man xāhinaxāhi majbur budam rām šavat.* «Она вежливо и мягко ответила мне, так что я невольно был вынужден подчиниться.» (Аляви. Ее глаза) [6, с. 565].

В осетинском языке, как было указано выше, придаточное обстоятельства следствия как отдельный вид придаточных не выделяется. Слож-

ные синтаксические единицы с отношениями следствия между частями в осетинском языке относят к сложносочиненным предложениям.

Части таких сложносочиненных предложений осетинского языка, в которых выражаются отношения причины и следствия, бывают связаны при помощи сочинительного союза *æmæ*. Само следствие бывает раскрыто во второй части этих сложных предложений, а в первой части – причина, обстоятельство, из которого происходят те или иные события. Например, *Сæрды каникулты афон у, æмæ алырæттæй æртымбыл сты хъæуы ахуырдау фæсивæд.* «Сейчас время летних каникул, и учащаяся молодежь села приехала из разных мест» [5, с. 77]. *Ныллæгцар уат адамæй уыдис йæ тæккæдзаг, æмæ сæ астæу фысым зынга дæр нал кодта.* «Комната с низким потолком была полна людей, и среди них хозяина дома было не видно» [4, с. 52].

В той части сложносочиненного предложения, которое раскрывает следствие, могут быть использованы сочетания *уыма гæсгæ* и *уый тыххæй*. Это помогает усилить причинно-следственные отношения, сделать их более понятными и заметными:

Фæзæдджы хаттгай цъæх мигъ афтæ æнгом æрбады фийæутты хизæнты, æмæ сæ цæст нал феххæссы сæ фосы кæрæттыл, нал фæзозныци, цы афон у, уыма гæсгæ дзы бирæтыл хаттгай æнæнхъæлæджы æрталынг веййы. «Иногда осенью туман так густо укрывает пастбища, что пастухи не могут видеть свои стада и не понимают, какое время суток, поэтому многих неожиданно настигает темнота.» [3, с. 63].

Сложносочиненные предложения с причинно-следственными отношениями, в которых присутствуют сочетания *уыма гæсгæ* и *уый тыххæй* очень похожи на придаточные следствия в персидском языке. Даже вне этого сопоставления мы полагаем, что внесение таких предложений в классификацию придаточных сложноподчиненного предложения в осетинском языке в качестве придаточных следствия было бы уместнее их отнесения в разряд сложносочиненных.

Между частями сложносочиненного предложения в персидском языке также могут быть причинно-следственные отношения и, как в осетинском языке, такие синтаксические единицы имеют сходство со сложноподчиненными предложениями с придаточными следствиями.

Первая часть персидских сложносочиненных предложениях с причинно-следственными отношениями раскрывает причину, основание того, о чем сообщает вторая часть, то есть следствие: *Kalame-ye «jalase» tā ān vaqt be guš-am naxorde bud va dar javāb moattal māndam.* «До того времени мне не приходилось слышать слова собрание, и я

промедлил с ответом» (Джамаль-задэ. Политический деятель); *Zabānhā-ye irāni-ye kohān va miyāne emruz digar rāyej nistand va ānhā-rā faqat bar hasb-e madārek-i-ke az ānhā be jāy mānde-ast mišenāsim*. «В настоящее время древне и среднеиранские языки не имеют распространения, и мы знаем о них только на основании тех документов, которые от них остались» [6, с. 497].

Так же, как в осетинском языке, в персидских сложносочиненных предложениях с причинно-следственными отношениями могут использоваться слова и сочетания слов, которые прямо указывают на зависимость событий во второй части предложения от тех, что раскрываются в первой. Эти слова и сочетания слов бывают расположены во второй части. К ним можно отнести следующие словосочетания: *be in ellat* «по этой причине», «поэтому», *be hamin jahat* «по этой же самой причине», *be in tartib* «таким образом» и др: *Bar asar-e motāleāt va tamāšāhā-ye besyār tavāneste-am ettelāt-e besyār jam 'āvāri va tahsil konam va be-din tartib safar-e bistoyekruze forsāt-i piš āvard...* «В результате длительных наблюдений мне удалось собрать много сведений, и, таким образом, двадцатипятидневное путешествие создало благоприятные возможности...» [6, с. 498].

Бессоюзные сложные предложения также имеют возможность выражения в них причинно-следственных отношений, так как между ними и союзными сложными предложениями много общего. Это общее явление для обоих языков.

И в осетинском, и в персидском языке бессоюзные сложные предложения выражают те же отношения, что и сложносочиненные и сложноподчиненные. На это не влияет то, что в осетинском языкознании, в отличие от персидского, как было сказано выше, сложные предложения с бессоюзной связью рассматриваются как один вид сложных предложений.

В осетинском языке отношения между частями бессоюзного предложения бывают эквивалентны тем, которые выражаются с помощью союзных сложносочиненных или сложноподчиненных предложений. Бессоюзные предложения употребляются реже союзных с аналогичными значениями. За редким исключением, любое сложноподчиненное предложение, вне зависимости от вида придаточного в его составе, может быть преобразовано в бессоюзное и наоборот. Приведем пример такого преобразования предложения с причинно-следственными отношениями между частями:

Сылгоймаджы зардае уынгæг кæны: йæ цæстытыл уайы науы хæлд æмæ адамы сæфт. «Сердце женщины сжимается: ей мерещатся крушение корабля и гибель людей [2, с. 334].

Сылгоймаджы зардае уынгæг кæны, уымæн æмæ йæ цæстытыл уайы науы хæлд æмæ адамы сæфт. «Сердце женщины сжимается, потому что ей мерещатся крушение корабля и гибель людей.

Сылгоймаджы зардае уынгæг кæны уымæн, æмæ йæ цæстытыл уайы науы хæлд æмæ адамы сæфт. «Сердце женщины сжимается потому, что ей мерещатся крушение корабля и гибель людей.

В осетинских бессоюзных предложениях с причинно-следственными отношениями первая часть, как правило, выражает причину того, что сообщается во второй части. Соотносительные слова в первой части не употребляются. В письменной форме между частями бессоюзного предложения с причинно-следственными связями традиционно ставится двоеточие: *Уыдон сæй барсæй рауагътой æмæ йын радтой йæ къопп дæр: йæ фæдыл кæсгæ цæудзысты, кæддæра кæдæм бацæуид, стæй æрцахсджысты Шулцæйы дæр.* «Они специально его отпустили и вернули коробку: будут за ним следить, куда же он пойдёт, и поймут Шулце» [2, с. 245].

Похожее построение аналогичных бессоюзных предложений наблюдается в персидском языке. Здесь, как и в осетинском, события, о которых говорится во второй части предложения, происходят по причине, раскрываемой в первой части. Между частями персидского бессоюзного предложения с причинно-следственными отношениями также ставится двоеточие:

Mā nemitavānestim javāb bedehim, nemitavānestim be taraf-e sāhel bargardim: suxt-e mā tamām šode bud. «Мы не могли ответить, не могли возвратиться на берег: наше горючее кончилось».

Hič qovve-i dar ālam u-rā nemitavānad majbur be āmadan bekonad ensān āzād-ast. «Никакая сила в мире не может заставить его прийти: человек свободен» [6, с. 575].

Рассмотрев различные способы выражения причинно-следственных отношений в осетинском и персидском языках, можно сделать определенные выводы: причинно-следственные отношения в осетинском и персидском языках могут быть выражены и в союзных, и в бессоюзных сложных предложениях; существенных различий между возможностью выражения таких отношений в сложных предложениях в этих языках нет; в обоих языках возможность выражения причинно-следственных отношений в сложных синтаксических единицах с подчинительной связью выше, чем с сочинительной; между единицами, встречающимися в обоих языках, существует заметное сходство в структуре, семантике и способах связи.

Литература

1. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Т.2. Орджоникидзе. 1982. 493 с.
2. Бараков Г. Алагирское сказание. Орджоникидзе. 1975. 473 с.
3. Бесаев Т.У. Рассказы и легенды. Орджоникидзе. 1958. 188 с.
4. Булкаты М.Г. Седьмой поход Сослана Нарты. Цхинвали. 1988. 280 с.
5. Бязров Р.Д. Справедливость льва: Рассказы и сказки. Цхинвали. 1986. 107 с.
6. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001. 600 с.
7. Джусоева К.Г., Дзодзикова З.Б., Цопанова Р.Г. Современный осетинский язык: учебник для студентов вуза. Владикавказ. 2004. 242 с.
8. Цопанова Р.Г., Качмазова Е.С. Сложное предложение. Средства выражения чужой речи. Сложное синтаксическое целое: учебно-методическое пособие. Владикавказ. 2016. 103 с.

References

1. Bagaev N.K. Sovremennyj osetinskij yazyk. T.2. Ordzhonikidze. 1982. 493 s.
2. Barakov G. Alagirskoe skazanie. Ordzhonikidze. 1975. 473 s.
3. Besaev T.U. Rasskazy i legendy. Ordzhonikidze. 1958. 188 s.
4. Bulkaty M.G. Sed'moj pohod Soslana Narty. Ckhinvali. 1988. 280 s.
5. Byazrov R.D. Spravedlivost' l'va: Rasskazy i skazki. Ckhinvali. 1986. 107 s.
6. Rubinchik YU.A. Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka. M., 2001. 600 s.
7. Dzhusoeva K.G., Dzodzikova Z.B., Copanova R.G. Sovremennyj osetinskij yazyk: uchebnik dlya studentov vuza. Vladikavkaz. 2004. 242 s.
8. Copanova R.G., Kachmazova E.S. Slozhnoe predlozhenie. Sredstva vyrazheniya chuzhoj rechi. Slozhnoe sintaksicheskoe celoe: uchebno-metodicheskoe posobie. Vladikavkaz. 2016. 103 s.

**COMPLEX SENTENCES WITH CAUSE-AND-EFFECT
RELATIONSHIPS IN OSSETIAN AND PERSIAN**

*Beteeva F.G., Postgraduate,
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*

Abstract: Ossetian and Persian are related languages, representatives of the Iranian group of the Indo-European family of languages. This article is devoted to the syntax of complex sentences of various types in these languages, namely, the description of ways of expressing causal relationships in a complex sentence in Ossetian and Persian. The article is an attempt to analyze, contrast and compare in these languages complex sentences with subordinate causes and effects, as well as complex and unconnected sentences, between the parts of which cause-and-effect relations arise. This is the purpose of this work, to achieve which the following tasks were set: to consider and compare the structure of all complex syntactic units in which cause-and-effect relationships are revealed; to describe and compare the connections in these syntactic units, as well as their semantic features. The relevance of the work is due to the fact that research in a comparative aspect can contribute not only to the study of these languages, but also to the identification of common features for the Iranian languages, common trends in their development. The results of the study can be used in teaching Ossetian and Persian languages, their history. Such a comparison of complex syntactic units is carried out for the first time.

Keywords: the Ossetian language, the Persian language, compound sentence, complex sentence, subordinate clauses, cause-and-effect relations, conjunctionless sentence, compound sentence, adverbial modifier of cause

ТРЕБОВАНИЯ К «ИДЕАЛЬНОМУ ТЕРМИНУ» В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ КЛИНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

*Ханина К.А., преподаватель, аспирант,
Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Аннотация: терминологические проблемы оказывают все большее влияние на язык науки. По причине неточности значения термина или других несоответствий требованиям к «идеальному термину», изучение параметров для «рукотворного» создания научного термина становится все более важным для развития языка науки. Ведь главной задачей терминолога является достижение наивысшего уровня логичности понимания.

К целям данного исследования автор относит анализ главных требований к научному термину, а также выявление проблем соответствия приведенным параметрам и их решения.

В статье автор рассматривает понятие термина, способы его появления и пути попадания в разряд терминологии определенной области, подробно анализирует требования, предъявляемые к «идеальному термину» в современном научном мире, приводит примеры из клинической терминологии в русском, английском и латинском языках, поднимает проблему соответствия терминов определенным параметрам; анализирует медтермины с двух разных точек зрения касательно соответствия представленным требованиям.

В завершении статьи автор отмечает, что описанные требования, являются важными, но не ключевыми при искусственном создании терминологии.

Методологической основой и теоретической базой работы послужили положения, разработанные в трудах Лейчик В.М., Реформатского А.А., Суперанской А.В. и Прохоровой В.Н.

Ключевые слова: термин, терминология, терминологический элемент (ТЭ), медтерминология, клиническая терминология, идеальный термин (ИТ), терминологизация, мотивированность

Введение

В связи со стремительным развитием разных областей знаний мы наблюдаем тенденцию к быстрому появлению новых наименований. Их возникновение увеличивает потребность в номинации, что, следовательно, отражается на терминосистеме языковой сферы. Новые наименования, закрепившись в научном мире становятся смысловым ядром языка специальных целей, они передают ключевую содержательную информацию.

Сегодня можно говорить о «рукотворном» образовании новых терминов в языке науки. Контроль за процессом образования таких терминов «подвластен» лингвистам и терминологам.

Задачей данной статьи является выявление и рассмотрение с разных точек зрения требований к созданию «идеального термина» (ИТ) в современном научном мире на примере клинической терминологии.

В статье рассматривается не разовый акт использования термина, а характеристики, которыми должна обладать лексическая единица для закрепления в определенной терминосистеме.

Что такое «термин»?

Термин является ключевым понятием в научном мире. Несмотря на отсутствие общепризнанного определения термина, мы попробуем сформулировать его определение.

Во всех логических определениях термина на первое место выдвигается его связь с понятием. Термин формулируется в процессе познания и пе-

реходит от мыслительной «переменной» к «постоянной» концепции, обслуживающей определенную сферу деятельности.

Термины относятся к специальной лексике, они представляют собой совокупность слов, называющие понятие и не являющиеся общеупотребительными. Отсюда следует, что термины – это специально-сконструированные компоненты терминосистемы для профессионального общения специалистов.

Способы образования термина

Первоначально термины образовывались путём переноса наименования на специальное понятие. Термин приобретает свое обособленное значение в результате перехода общеупотребительного слова в термин. Данный процесс именуется *терминологизацией*. Далее слово проходит последующее развитие, в некоторых случаях приобретает новые значения, полисемантизируется, омонимизируется. Отметим, что переход из общеупотребительной системы в специальную не предполагает ни фонетического, ни морфемного, ни грамматического изменения облика слова.

Сущность терминологизации представляется Л.А. Капанадзе: у слова как бы отсекают его лексическое значение и привязывают дефиницию (происходит осмысление научного понятия). Значение каждого слова распадается на ряд дифференциальных признаков. Терминологи выбирают несколько из них или даже один, который становится основой научного определения. Главной за-

дачей термиолога является выбор наиболее подходящего дифференциального признака для ИТ [2].

Иная точка зрения представлена В.Н. Прохоровой: общелитературное понятие специализируется в узкой терминологической подсистеме, представляющей собой достаточно автономный и изолированный от общезыковой системы подязык [6].

Мы упомянули, что слово становится термином в результате терминологизации. Терминологизация как один из наиболее распространенных способов образования терминов способствует единообразию формального выражения лексических единиц одного благодаря определенным моделям словообразования.

В случае с медтерминологией можно наблюдать противоположную тенденцию, здесь данная терминология ориентирована на мертвый латинский (и/или греческий) язык и отделена от разговорного языка. Современные медтермины создаются, главным образом, путём словообразования или заимствования (с сохранением полного облика слова или последующей его морфологической адаптацией). Например, при выборе названия нового инфекционного заболевания учитываются следующие рекомендации: название должно состоять из общих описательных терминов, указывающих на симптомы, способы проявления, степень тяжести и сезонность заболевания, а также патоген-возбудитель болезни (если он известен). Сюда относятся: *coronavirus*, *influenza virus*, *salmonella* [13].

Для медтерминологии имело место сильное влияние греко-латинского эталона. Эта морфемика до сих пор активно используется в качестве производящей основы (суффиксация/ префиксация/ префиксо-суффиксация/ словосложение/ аббревиация: *endocarditis*, *autohaemotherapy*, *syndactyly*). В составе сложных слов в качестве терминологических элементов используются, как правило, заимствованные.

Медтермины зачастую проходят семантическую трансформацию общелитературной лексики в процессе ее терминологизации. Например, слово греческого происхождения *truncus* имеет общее значение «ствол дерева, обрубок», а в медтерминологии приобретает значение «туловище». Очевидно, данная трансформация (перенос лексемы в терминологическую сферу) произошла в результате метафоризации.

При создании терминов мы сталкиваемся с такой проблемой как межнаучная терминологическая омонимия. Но несмотря на звуковое совпадение за терминами закреплены разные дефиниции, и они относятся к разным терминологическим системам и функционируют внутри них. Как правило, к таким терминам относятся интернациональ-

ные слова латинского и греческого происхождения, например, слово *atlas* функционирует в медтерминологической системе в значении «атлант, первый шейный позвонок», а также в полиграфической и архитектурной терминологической системе в значении «формат бумаги», «справочное издание».

Таким образом, понять природу термина можно лишь благодаря изучению источников данного термина.

Требования к термину

Нормативные требования к термину впервые были сформулированы основоположником русской терминологической школы Д.С. Лотте. Он вынес на первый план следующие критерии: системность терминологии, независимость термина от контекста, краткость термина, его абсолютная и относительная однозначность, простота и понятность, степень внедрения термина [5].

Исходя из того, что термины создаются целенаправленно, а терминологии упорядочиваются специалистами для точного и строгого обозначения специальных понятий, можно вынести следующие требования к ИТ:

- точность понятийного содержания термина (однозначность) вне зависимости от контекста, где используется данный термин, исключая омонимию;
- приемлемая орфографическая длина, т.е. краткость термина;
- обоснованный выбор мотивирующих признаков термина;
- соответствие грамматическим и орфоэпическим нормам языка;
- новизна, исключение вышедших из употребления синонимов
- удобство в произношении, т.е. благозвучие.

Остановимся подробнее на каждом из представленных выше параметров.

1. Однозначность и обособленность – независимость от контекста

Теоретически ведущим признаком термина является его однозначность, на практике нам представляется иная картина: вследствие интеграции многих научных дисциплин разные вещи называют одними и теми же словами, но в каждой науке они имеют свои значения или оттенки значения благодаря межнаучной терминологической омонимии. В случае омонимии, латинское *liber* у юристов означает «кодекс», у политиков «пользующихся свободой», у ораторов «сын», у крестьян «древесная кора». Данное слово используется и в клинической терминологии, к примеру словосочетания «*thrombus liber*». Действительно у слова в словаре есть все эти значения.

По мнению Д.С. Лотте, однозначность не возникает в терминологии сама по себе, а является следствием работы над термином тех, кто создает терминологию. Неточность термина может наблюдаться в период становления или переосмысления. Отметим, что научное понятие имеет тенденцию к варьированию по ряду причин, например, в результате попадания бытовых обозначений на этапе становления узкоспециальной языковой единицы; устаревания лексических единиц и вытеснения современными наименованиями [5].

Все научные области знания владеют определенными общенаучными понятиями и категориями, которые обозначаются терминами – специальными или общенаучными. Поскольку термин представляет собой единицу узкоограниченного употребления, то он должен быть независим от контекста. В качестве доказательства можно обратиться к теории терминологического поля, где Реформатский объясняет, что для термина актуально терминологическое поле, а не контекст. Контекстная подвижность значения для термина совершенно недопустима.

Теория терминологического поля, созданная А.А. Реформатским предполагает, что полями для терминов выступают терминологии науки. Слова, употреблявшиеся вне поля, утрачивают свою специфику, ведь каждый термин соотнесен с конкретным понятием, он безразличен к словесному окружению.

Однако необходимо проводить различие между двусмысленностью значения понятия и двусмысленностью его использования. Для понимания сути термина и самого научного мира необходимо уметь разлагать мысли на базовые составные части и благодаря этому мыслить более осмысленно.

Несправедливо, например, говорить, что понятие “Myocardial Infarction” (инфаркт миокарда) неоднозначен, потому что может указывать на “Myocardial Infarction” (инфаркт миокарда), “Mitral Insufficiency” (митральная недостаточность) еще до того, как оно появится в контексте, оно имеет несколько неоднозначных значений (неоднозначных). Аналогично и с термином “Diabetes” (диабет), он не включает в себя “Diabetes Mellitus” (сахарный диабет) and “Diabetes Insipidus” (несахарный диабет).

С одной стороны, каждое понятие в словаре имеет единое, связанное значение, хотя его значение может варьироваться в зависимости от его появления в контексте, что противоречит требованию обособленности от контекста и самостоятельности термина как лексической единицы с точным не расплывчатым значением. Термину полагается обладать ограниченностью и точностью значения,

он должен находиться в строгих рамках, которые устанавливаются дефиницией термина.

С другой стороны, двусмысленность может быть допущена в словаре до тех пор, пока она сводится к однозначному значению, основанному на контексте, когда она фактически используется.

2. Форма – краткость

Термин должен быть понятным и удобным в использовании благодаря своей краткости. Слишком «нагроможденный» термин губительно сказывается на его удобстве в использовании. Научные термины должны быть подчинены простоте и краткости.

В медицинский, в частности клинической терминологии, использование терминологических элементов в качестве основного строительного материала в процессе образования терминологии оказывается удобным, поскольку позволяет заменить громоздкий многословный термин кратким, но емким однословным.

Например, вместо использования описательного перевода “*inflammation of the bladder*”, используют однословный термин “*cystitis*”. Благодаря знанию терминологических элементов и умению работать со справочниками научных дефиниций, легко можно распознать значение данной мочевой инфекции.

С одной стороны, критерий краткости является важным, поскольку термин должен быть оптимальной длины и отражать существенные признаки наименования.

С другой стороны, термин не должен нарушать связь между терминологическими элементами, выражающими логические связи между понятиями. Многословность термина нельзя рассматривать как несоответствие требованию. Понятие может быть обозначено с помощью группы хорошо согласующихся друг с другом слов, что обеспечивает системность термина, и показывает связь данного понятия с другими.

3. Мотивированность значения

Одним из особо важных требований к ИТ является обоснованность значения термина. Здесь речь пойдет о мотивированности значения и выборе мотивирующих признаков при наименовании термина. Термину полагается обладать ограниченностью и точностью значения, он должен находиться в строгих рамках, которые устанавливаются дефиницией термина.

При определении значения термина всегда подразумевается его неразрывная связь с понятием определенной теории. Именно мотивированный термин обозначает специальное понятие, указывая на его признаки или преобладающий дифференциальный признак. Благодаря адекватной мотивированности слова значение ИТ можно правильно распознать, таким образом термин как бы

«оживляет» объект. Благодаря мотивированности содержание термина находит свое открытое выражение во внутренней форме. Термин отражает признаки, по которым можно отличить одно понятие от другого.

Лексическая единица может обладать разной степенью мотивированности. В любой терминологии номинативная единица должна отражать классификационные признаки понятия. В связи с этим Д.С. Лотте говорил о нейтральных, правильно и ложно-ориентирующих терминах, подразумевая мотивированность значения слова. Наиболее правильно ориентирующие мотивированные термины имеют структуру, где четко передано содержание понятия или его дифференциальные признаки [5].

Термин с четкой мотивированностью, способствует прогнозированию значения термина с помощью его морфем. Активное «рукотворное» создание терминов из классических терминологических элементов привело к сознательному влиянию на терминологию. Терминологические элементы должны отражать главные характерные свойства называемого объекта, т.е. обладать мотивирующими признаками, поскольку отдельно взятые терминологические элементы характеризуются первым требованием к ИТ, т.е. однозначностью. Следовательно, можно говорить высокой степени мотивированности медтерминов и их семантически прозрачных терминологических элементов (*lipoma* – жировая опухоль, *nephroma* – опухоль почки).

Необходимо подчеркнуть, что требование адекватной мотивированности значения слова является обязательным на любом этапе развития термина. Термин проходит путь закрепления в системе языка науки и подвергается переосмыслению его дифференциальных признаков. Для полного понимания значения слова, в особенности столкнувшись с новым термином, читатель должен выявить признак, на который опирались исследователи при номинации слова. В истории часто происходят переименования. Эта ситуация обусловлена движением научного понятия от первичной изученности новой узкоспециальной языковой единицы к достаточно определенной. Происходит переоценка признаков мотивированности термина.

Здесь следует быть внимательным. Новое понятие получает имя, отражающее основополагающие признаки и имеющее адекватную внешнюю форму на конкретном этапе развития новой теории. При номинации исследователю стоит учитывать, что по мере углубления в предмет исследования мыслительное содержание может меняться. Поэтому следует учитывать факт времени и этап творческой деятельности. Таким образом, на первом этапе номинация носит временный характер, а со временем возникает новая осмысленная единица.

Сравним клинические термины в русском, английском и латинском языках:

Таблица 1

Термины в английском и русском языках

Русский язык	Английский язык	Латинский язык
аллергия	allergy (hypersensitivity)	allergia, ae f
болезнь	disease, sickness, illness, disorder, ailment	morbus, i m
габитус	habitus (habit)	habitus, i m
бред	delirium (delusion)	delirium, ii n
интоксикация	intoxication (poisoning)	intoxication, onis f

Во всех трех парах сравниваемых языков мы можем выявить древнее происхождение клинических терминов, а именно греко-латинское, и соответственно наличие греческих или латинских мотивирующих признаков.

Наиболее ясной является мотивированность значения, обнаруженная в период формирования термина или в период, когда слово приобрело особое значение. Общая клиническая терминология это наглядно доказывает. Но, со временем термин начинает широко использоваться, положенная в основу мотивированность термина часто стирается.

При выборе дифференцирующего признака для наименования клинического термина необходимо также учитывать тот факт, что латинский и грече-

ский язык – не единственные источники данной терминологии. В любой медицинской терминологии существуют термины местного происхождения и мотивирующие его элементы.

Остановимся подробнее на последнем примере из таблицы. Отметим, что термин при переходе в другой язык не должен утратить своего первостепенного значения. Как например, в случае со словом *intoxication*. Согласно этимологии, термин имеет греко-латинское происхождение и имеет значение «отравление организма ядовитыми веществами» (лат. приставка означает «внутри» и греческое слово указывает на «яд»).

Такое слово заведомо не может перейти в разряд терминологической единицы, поскольку неправильная его интерпретация может привести к

непоправимым последствиям. В английском языке данный термин может означать не только клинический случай, в случае его употребления не в качестве медицинского термина, слово носит значение «пьяный». Неправильная интерпретация слова может привести к неправильному диагнозу или неподходящему лечению. Без контекста данное слово сложно интерпретировать, что не соответствует первому требованию «независимость от контекста».

Интересно отметить, что в переводческих кругах (исп. “*intoxicado*”) иногда называют «словом ценой в 71 миллион долларов» с последствием в качестве диагностической ошибки.

Существует три способа проявления мотивирующих признаков: прямой, косвенный и нейтральный:

1. Прямая мотивированность подразумевает нахождение одной понятийной сферы, способной объединить разные качества. Вот примеры терминов, развивающихся по единой канве:

Рус.: Кровообращение

Англ.: blood-circulation

Лат.: *circulatio [onis, f] sanguinis*

2. Термины, возникающие из косвенной мотивированности, т.е. посредством различных ассоциаций, основаны на метафорах и сравнениях, т.е. они образованы из слов немедицинского происхождения.

Например,

Рус.: рак

Англ.: cancer (crab)

Лат.: *cáncer*

3. Нейтральная мотивация может быть продемонстрирована в терминах, в которых нет намека на существенные качества понятийной сферы. Эта группа терминов содержит термины, производные от фамилий ученых или врачей, которые первыми описали концепции, или пациентов, страдавших заболеваниями / расстройствами (эпонимы), затем термины, производные от географического местоположения (топонимы), и, наконец, термины, производные от героев романов или художников.

Результатом анализа является то, что в трех сравниваемых языках применяются одни и те же элементы мотивированности. Заметим, что эти элементы параллельны элементам мотивированности в языках разных языковых групп. Этот факт доказывает, что мотивированность существует как объективный лингвистический факт, и ее существование доказывает необходимость рассматривать ее в терминологии как один из основных параметров.

С одной стороны, полностью мотивированные термины более полно отражают его значение, а с

другой стороны они противоречат ранее рассмотренному требованию – краткости. Другими словами, стремление к использованию полностью мотивированных терминов может привести к длиннословным терминам.

На наш взгляд, отсутствие мотивированности сложно объяснить и нарушает требования к ИТ. Как писал видный российский лингвист, член-корреспондент РАН А.Е. Кибрик, «С исторической точки зрения сомнительно наличие в языке немотивированных связей между значением и формой, кажущееся отсутствием мотивировки следует объяснять тем, что эта связь стёрта, демотивирована, и необходимо найти исходное мотивированное состояние» [3].

4. Грамматика – часть речи

Говоря о терминах как лексических единицах языка науки, нам представляется выражение термина посредством имени существительного. С одной стороны, термин может быть выражен только существительным или словосочетанием на базе существительного (согласно мнению Г.О. Винокура, Н.А. Щегловой, А.А. Реформатского, О.С. Ахмановой и др.). Где преимущественно главным компонентом выступает двучленная конструкция (имя существительное, обозначающее родовой признак + определение, указывающее на видовое отличие). В качестве зависимого компонента выступает не только имя прилагательное (согласованное определение), но и имя существительное (несогласованное определение).

С одной стороны, клиническая терминология представлена названиями болезней человека, патологическими состояниями (*neurosis*), методами обследования (*gastroscopy*), способами лечения (*physiotherapy*) и профилактики (*checkup*). И ее значительная часть представлена однокомпонентными клиническими лексическими единицами, а именно именами существительными.

С другой стороны, тезис о том, что термин – это всегда либо существительное, либо субстантивное словосочетание, вряд ли может быть принят для установления языковой специфики термина. В настоящее время считается, что терминами могут выступать глаголы, прилагательные, наречия и другие части речи. Совершенно очевидно, что служебные части речи не могут выступать в качестве однокомпонентного термина, поскольку они лексически не самостоятельны.

5. Актуальность – новизна и благозвучие

С развитием медицинских знаний и стандартизацией медицинского образования во всем мире медицинские работники знакомы с формальными терминами для медицинских заболеваний, и многие даже не узнают названия болезней прошлой эпохи.

Некоторые названия болезней за основу берут конкретный инфекционный микроорганизм, который исследователи обнаружили в качестве основной причины заболевания. Например, некогда известный "*grip (gripe, grippe)*", теперь называется *influenza* (или неофициально "*flu*"), в честь вируса, который его вызывает. Ранее обозначающий термин «слепота» имел название "*ablepsy*", но с течением времени и развитием медицины приобрел иное название "*blindness*", также устар. "*Barrel fever*" сегодня носит название "*alcoholism*".

Или, к примеру в русской клинической терминологии из двух лексем для обозначения вирусной инфекции, закрепилось *оспа*, а не *воспа*; *корь*, а не *корюха*. Все это свидетельствует о развитии терминологии и отборе терминов в процессе его функционирования.

С произносительной точки зрения термин должен соответствовать требованию благозвучности. Например, термины-эпонимы чаще других нарушают требование благозвучности и представляют трудность в произношении: *вирус Пахйоки*.

Термин должен быть понятным с фонетической точки зрения. Как отмечал Уилкинс: «Если десять Писцов, незнакомых с каким-либо языком, возьмутся записывать его в соответствии с произношением, никакие два из них не напишут одинаково» [12].

Таким образом, требование новизны и благозвучия являются безоговорочным. Среди терминов не должны встречаться устаревшие и труднопроизносимые.

Вывод

Проанализировав основные вопросы терминологии, можно заключить, что любой научный термин выполняет роль элемента априорного логического языка, который призван достичь наивысшего уровня логичности понимания, точности и эффективности, избегая какой бы то ни было двусмысленности. В таком случае терминологи вынуждены устранять омонимию и синонимию в терминологиях, и следовательно, здесь требование однозначности (1) является особо важным.

Отдельно отметим, что термин обязан быть понятным в научном мире любого языка, быть звеном единой языковой базы для обозначения элементов в науке, тем самым появляется необходимость в универсальности. Термин по своему морфологическому типу не должен быть агглютинативным (т.е. образовывать слов с помощью довольно длинных цепочек однозначных морфем, мало влияющим друг на друга), а наоборот являться частью флективного языка. Благодаря своей универсальности и достигаемой ясности термин должен служить действительным средством для

международных сношений, что и является конечной целью употребления научного термина.

Кроме соотнесенности термина с понятием, в современном терминоведении выделяется ряд таких важных требований, предъявляемых к ИТ как: краткость (2), соответствие грамматическим и орфоэпическим нормам языка, способность к словообразованию (4), соответствие новизне и благозвучию (5).

Исходя из выше представленного анализа, мы можем заключить, что термином называют единицу наименования в определенной области, ей приписывается конкретное понятие с однозначным значением, не зависящим от контекста (1). Данная единица соотнесена с другими наименованиями данной области благодаря правильно-ориентирующей мотивированности, с которой образует терминологическую систему. Достаточное количество мотивированных компонентов в термине служит ключом для его распознавания и отграничения от схожих по семантике лексем, тем самым делая требования о мотивированности значения крайне важным (3).

Литература

1. Алпатов В. Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики: научно-популярное. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
2. Капаназе Л.А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965.
3. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во. МГУ, 1992.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
5. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
6. Прохорова В.Н. Русская терминология. Лексико-семантическое образование. М.: МГУ, 1996.
7. Пиперски А.Ч. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского: учебное пособие. М.: АЛЬПИНА, 2017
8. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996.
9. Реформатский А.А. Что такое термины и терминология // Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания). М., 1961.
10. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. 6-е изд. М.: Либроком, 2012.

11. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. *Общая терминология: терминологическая деятельность*. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2005.

12. John Wilkins from *An Essay towards a Real Character and a Philosophical Language* (1668).

13. <https://www.who.int/news/item/08-05-2015-who-issues-best-practices-for-naming-new-human-infectious-diseases>

References

1. Alpatov V. *Yazykoznanie: Ot Aristotelya do komp'yuternoj lingvistiki: nauchno-populyarnoe*. М.: Al'pina non-fikshn, 2018.

2. Kapanadze L.A. *Vzaimodejstvie terminologicheskoy i obshchepotrebitel'noj leksiki. Razvitie leksiki sovremennogo russkogo yazyka*. М.: Nauka, 1965.

3. Kibrik A.E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija. (universal'noe, tipovoe i specifichnoe v yazyke)*. М.: Izd-vo. MGU, 1992.

4. Leichik V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura*. 3-e izd. М.: Izd-vo LKI, 2007.

5. Lotte D.S. *Osnovy postroeniya nauchno-*

tehnicheskoy terminologii. Voprosy teorii i metodiki. М.: Izd-vo AN SSSR, 1961.

6. Prohorova V.N. *Russkaya terminologiya. Leksiko-semanticheskoe obrazovanie*. М.: MGU, 1996.

7. Piperski A.CH. *Konstruirovaniye yazykov: ot esperanto do dotrakijskogo: uchebnoe posobie*. М.: AL'PINA, 2017

8. Reformatskij A.A. *Vvedenie v yazykovedenie*. Pod red. V.A. Vinogradova. М.: Aspekt Press, 1996.

9. Reformatskij A.A. *CHto takoe terminy i terminologiya. Voprosy terminologii: materialy Vsesoyuznogo terminologicheskogo soveshchaniya*. М., 1961.

10. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'e-va N.V. *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii*. 6-e izd. М.: Librokom, 2012.

11. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'e-va N.V. *Obshchaya terminologiya: terminologicheskaya deyatel'nost'*. 2-e izd. М.: Editorial URSS, 2005.

12. John Wilkins from *An Essay towards a Real Character and a Philosophical Language* (1668).

13. <https://www.who.int/news/item/08-05-2015-who-issues-best-practices-for-naming-new-human-infectious-diseases>

REQUIREMENTS FOR THE "PERFECT TERM" IN THE MODERN SCIENTIFIC WORLD (ON THE EXAMPLE OF CLINICAL TERMINOLOGY)

*Khanina K.A., Lecturer, Postgraduate,
Military Medical Academy named after S.M. Kirov,
Belgorod State National Research University*

Abstract: terminological problems have an increasing influence on the language of science. Due to the inaccuracy of the meaning of the term or other inconsistencies with the requirements for an “perfect term”, the study of criteria for the artificial creation of a scientific term is becoming increasingly important for the development of the language of science. After all, the main task of the terminologist is to achieve the highest level of logical understanding.

The author considers the analysis of the main requirements for the scientific term, as well as the identification of problems of compliance with the given criteria and their solutions to the objectives of this study.

In the article, the author examines the concept of the term, the ways of its appearance and the ways of falling into the category of terminology of a certain area, analyzes in detail the requirements for an “perfect term” in the modern scientific world, gives examples from clinical terminology in Russian, English and Latin, raises the issue of compliance of terms to certain criteria; analyzes medical terms from two different points of view regarding compliance with the presented requirements.

At the end of the article, the author notes that the described requirements are important, but not key in the artificial creation of terminology.

The methodological and theoretical basis of the article were the provisions developed in the works of V. Leychik, A. Reformatsky, A. Superanskaya and V. Prokhorova.

Keywords: term, terminology, terminoelement, medical terminology, clinical terminology, perfect term, terminologization, motivation

ИЗУЧЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОГО И ОРФОЭПИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ КАК ФУНДАМЕНТ ПРИ ОСВОЕНИИ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА

*Хуснетдинов Р.М., кандидат филологических наук, доцент,
Рязанова Л.З., кандидат технических наук, доцент,
Казанский национальный исследовательский
технологический университет*

Аннотация: рассмотрены цели, задачи, проблемы и актуальность изучения фонетической составляющей русского языка для иноязычной аудитории на примере организации учебного процесса в Казанском национальном исследовательском технологическом университете. Проведен анализ содержания курса «Русский язык как иностранный» в лингвистических вузах Республики Татарстан. Выявлена необходимость углубления изучения разделов «Фонетика и орфоэпия» для повышения эффективности дальнейшей профессиональной коммуникации студентов неязыковых направлений подготовки. Проанализирована актуальность модернизации методик обучения русскому языку тюркоязычных студентов в вузах республики. Разработан и внедрен в учебный процесс факультативный учебно-методический комплекс «Я изучаю русский язык. Практическая фонетика и орфоэпия». Рассмотрены основные принципы отбора и структурирования содержания учебно-методического пособия. Отмечены определенные сложности и ограничения, предложен вектор для дальнейшей работы в данном направлении.

Ключевые слова: фонетика, орфоэпия, русский язык, контингент, славянские языки, тюркские языки, языковой барьер, исследование, иноязычная аудитория, произношение, результат

*Сам необыкновенный язык наш есть
ещё тайна
В нём все тоны и оттенки,
все переходы звуков от самых твёрдых
до самых нежных и мягких...
Н.В. Гоголь*

Фонетика и орфоэпия являются одними из самых интересных и, безусловно, важнейших разделов для изучения языка иноязычными студентами. Многие мировые ученые фонетисты постулировали важность и необходимость освоения матрицы языка через изучение данных разделов. Действительно, для усовершенствования компетенций в области лингвистики целесообразно постигать азы орфографии, грамматики, этимологии, семантики и др. Но нельзя забывать простую истину: «Без обращения к фонетической стороне слова, без анализа его звучания невозможно глубоко осознать многие понятия из области лексики, морфемики, грамматики» [3]. Кроме того, усвоение знаний о фонетических единицах и фонетических средствах языка являются основой для усовершенствования устной речи обучающегося: его умения различать не только звуки, аналогичные родной речи, но и оттенки интонации, понимать различные языковые значения, которые передаются с помощью фонетических средств, его умения правильно, в соответствии с орфоэпическими и акцентологическими нормами произносить слова, интонационно правильно оформлять предложения, использовать в речи интонационные средства выразительности [3]. К сожалению, не всегда учебно-методические комплексы дисциплины «Русский язык (иностранный)», изучаемой в неязыковых вузах, уделяют достаточное внимание данному разделу.

По утверждению Л.В. Бондаренко: «В центре внимания современной фонетики находится речевая деятельность носителей того или иного языка [2, с. 5]. Овладение всеми формами речевой деятельности важны для усвоения языка.

Таким образом можно сформулировать основное противоречие исследования – между необходимостью изучения фонетики и орфоэпии для формирования и усовершенствования языкового багажа обучающихся и недостаточной востребованностью результатов работы по данному направлению в академическом вузовском сообществе. Это противоречие и обусловило выбор проблемы исследования: каковы роль, место и сущность изучения педагогических основ изучения звуковой стороны русской речи и раскрытие роли звуковой направленности языка в иноязычной (тюркоязычной) аудитории.

Целью исследования является описание сущности фонетического строя при изучении языка, разработка лингвистических основ изучения звуковой стороны русской речи и раскрытие роли звуковой направленности обучения русскому языку в иноязычной (тюркоязычной) аудитории.

Задачи исследования:

а) показать роль и значение изучения фонетики и орфоэпии при актуализации образовательного процесса;

б) обосновать необходимость целенаправленной работы по данному направлению для развития багажа языковой и коммуникативной компетенции в области постановки и коррекции произношения, как неотъемлемой составляющей языкознания в целом;

в) обосновать необходимость введения специализированных разделов фонетики и орфоэпии при

обучении русскому языку;

д) оценить результаты проведенного эксперимента.

Для оценки качества образовательного процесса при проведении занятий необходим анализ взаимосвязи и взаимопроникновения подачи теоретического материала, полученного во время лекционных занятий, и применением на практике данных знаний и компетенций. В то же время, практическая подготовка на протяжении всего образовательного процесса должна быть непосредственно связана с запросами и потребностями организации-работодателя. Работодатель, в данном случае школа, так как КНИТУ готовит будущих педагогов по направлению 44.03.01 – «Педагогическое образование», является основополагающим звеном определения профессиональных планов будущих специалистов. С этой целью в Казанском национальном исследовательском технологическом университете ведется планомерная работа по целевому набору будущих студентов; по привлечению непосредственного работодателя для выбора тем курсовых и дипломных проектов и прохождении учебной и производственной практики в различных формах и видах. Результатом такого тесного взаимодействия является один из самых высоких по вузу показатель трудоустройства – около 70% выпускников кафедры обучения на двуязычной основе (ОДО) работают в школах по специальности.

Актуальность изучения фонетического и орфоэпического строя языка в целом и данного исследования в частности обусловлена необходимостью разносторонней и комплексной оценки возможностей изучения неродного языка иноязычной аудиторией. Научно доказано, что для адекватного восприятия речи, важно иметь развитый фонематический слух, благодаря которому человеческий мозг различает слова по их звучанию, фонетические способности помогают человеку по интонации улавливать смысл, который говорящий вкладывает в высказывание (одобрение, негодование, порицание и т.д.). «За прошедшие несколько десятилетий изменились цели обучения иностранному языку. ... Внимание к языку как лингвистическому орудию общения сменилось интересом к самому процессу общения, его не только языковой, но и социолингвистической, прагматической, культуроведческой сути» [1, с. 5].

Из различных источников известно, что звуковой строй языка начал изучаться в древнеиндийской и древнегреческой философии. Платон, Аристотель, Гераклит и Демокрит обращались к анализу языка как к способу выражения мысли.

В VII в. до н.э. складывается грамматика как наука о строении языка. Развивается фонетиче-

ский анализ, появляется первая классификация звуков на гласные и согласные звуки, описываются их различия [5].

Начало изучения механизма образования звуков относится к XVII в. Оно было вызвано потребностями обучения глухонемых. Первые артикуляционные характеристики звуков появились в работах испанского филолога Хуана Пабло Бонета и нидерландского ученого Иоганна Конрада Аммана [5].

Изучение данных разделов необходимо для наблюдения несоответствия между произношением и написанием, установления закономерности и осмысленного восприятия орфографических правил.

Изучение русского языка как иностранного в технических вузах имеет ряд специфических особенностей, среди которых одной из ключевых является значительное акцентирование содержания на терминологическую и лексикологическую стороны изучения, зачастую в ущерб общеязыковым разделам, таким как фонетика и орфоэпия. К сожалению, это приводит к серьезным проблемам в части устной коммуникации и снижает эффективность представления студентами своих достижений, например, при защите курсовых и дипломных работ. Таким образом, возникла необходимость модернизации курса «Русский язык как иностранный» для иноязычных (тюркоязычных) студентов.

Проблема языка, использование литературного языка в письме была одной из основных проблем языковедов, богословов и простого народа. «Языковое соревнование», бушевавший у мусульман тому подтверждение [3, 4].

В 2018 году два вуза Республики Татарстан – КФУ и КНИТУ – вошли в рейтинг *THE (Times Higher Education)*, что резко увеличило приток абитуриентов из стран ближнего зарубежья, в первую очередь из Средней Азии [7, 8]. Это обусловлено политикой государств по признанию дипломов выпускников данных вузов без дополнительной нострификации. Кроме того, обращая внимание на то, что это – страны преимущественно мусульманского вероисповедания, Республика Татарстан является для них наиболее комфортным для проживания регионом в силу национальных и религиозных особенностей.

В этой связи актуальной становится проблема максимально быстрой адаптации этих студентов в общественно-культурологическое пространство Татарстана, обеспечения достаточного владения государственными языками как на бытовом, так и на профессиональном уровне.

Несмотря на наличие широкого спектра учебных пособий и методических рекомендаций по преподаванию русского языка как иностранного,

возникла актуальная необходимость разработки учебно-методического комплекса подготовки по русскому языку для обучающихся, основанного на изучении фонетического строя языка. Фонетика является фундаментом для последующих разделов курса русского языка, поэтому знания, полученные студентами на занятиях по данному курсу, являются предпосылкой успешного освоения последующих дисциплин программы бакалавриата [6].

Логически и содержательно-методически данный раздел связан с языкознанием, лексикой, словообразованием, культурой речи. Фонетика позволяет реализовать требования ФГОС в овладении студентами умением ориентироваться в базовых понятиях, необходимых для получения высшего профессионального образования. Происходит ознакомление с различными взглядами на фонему, как наименьшую смысловозначительную единицу языка, фонологическую и фонетическую систему русского языка, фонетический анализ слова по вузовской программе.

Неотъемлемой частью фонетики является орфоэпия. Изучение стилей произношения, орфоэпических норм для гласных и согласных звуков, постановки ударения в словах – все это важный виток развития и саморазвития в области постановки и коррекции произношения и раскрытия роли звуковой направленности языка на занятиях и в повседневной жизни.

В настоящее время вузами Казани разработаны учебно-методические комплексы по дисциплине «Русский язык как иностранный» особенно по специальностям вузов, где традиционно высокий контингент обучающихся из-за рубежа (КФУ, КГМУ, КНИТУ, КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева и др.) Однако, эти курсы обычно базируются на классических разделах и формах преподавания с учетом дальнейшей профессиональной деятельности обучающихся, основной акцент в них сделан на изучение профессиональной терминологии.

Авторами предлагается актуализировать существующие курсы углублением изучения раздела «Фонетика и орфоэпия». С этой целью было разработано учебное пособие «Я изучаю русский язык. Практическая фонетика и орфоэпия», где предлагается универсальный факультативный курс, рассчитанный на один учебный год, для студентов нефилологических специальностей, содержательную основу в котором будут составлять тексты, посвященные разработкам татарстанских ученых, примеры и дискуссионные задания, содержащие информацию о культурных ценностях республики, направленные на формирование и развитие багажа языковой и коммуникативной компетенции в области постановки и коррекции

произношения.

Таким образом, будет достигнут симбиоз одновременного обучения русскому языку и погружения в общественное пространство региона, в котором учатся и проживают студенты разных стран мира, через призму изучения биографий видных ученых РТ, оставивших свой след в химической отрасли науки и работавших (работающих) в КНИТУ.

Актуальная работа позволит снять межэтнические и межкультурные барьеры, познакомить с фонетическим строем русского языка, что значительным образом снимет языковое препятствие. При этом студентам будут разносторонне представлены интересные факты о русском языке в переплетении с тюркской группой языков, об истории фонетики и орфоэпии языка, об ученых, внесивших вклад в развитие вышеуказанных разделов языкознания.

Каждое занятие пособия содержит русско-татарский мини-словарь, который облегчит понимание некоторых сложных для восприятия слов, используемых в текстах и упражнениях.

На сегодняшний день в КНИТУ созданы все предпосылки для эффективного внедрения проекта, а также создан следующий научный задел:

- издан учебник «История культуры Татарстана» с грифом Министерства образования и науки РТ для высшей школы;

- проводится ежегодный Всероссийский научно-методический семинар «Проблемы и перспективы реализации билингвизма в техническом вузе»;

- функционирует Факультет международных образовательных программ структурно и организационно обеспечивающий программы обучения русскому языку как иностранному на уровне, подготовительном к поступлению в вуз;

- разработаны и успешно реализуются на кафедре обучения на двуязычной основе учебно-методические комплексы по дисциплинам «Русский язык и деловая коммуникация», «Культура речи и письма», «Мультилингвальная речевая профессиональная культура», «Русский язык и культура речи»;

- разработан учебно-методический комплекс «Русский язык и культура народов Татарстана» для студентов ближнего зарубежья в электронной информационной образовательной среде.

Пособие состоит из 18 занятий, 15 из них описывают фонетику русского языка, 3 – рассматривают орфоэпические вопросы.

Композиция каждого занятия состоит из шести пунктов:

1. Фонетическая (орфоэпическая) зарядка (ско- роговорки, пословицы, поговорки, крылатые фра-

зы)

2. Интересные факты под единым названием: «Знаете ли вы?»

3. Работа с текстом.

4. Выполнение письменных заданий

5. Работа со словарем

6. Ответы на представленные задания

Пособие представляет собой неотъемлемую часть базового курса русского языка для студентов различных форм обучения. Занятия, построенные на основе пособия, проходят очень оживленно и настраивают на активное участие каждого студента. Несмотря на большое количество материала, из опыта можем сказать о достаточности времени, предусмотренного курсом для прохождения всего материала, с учетом поддержки изначально поставленного темпа.

Подводя итог вышесказанному, можно подчеркнуть актуальность и очевидную необходимость организации и проведения занятий такого характера: целенаправленную работу со студентами по проговариванию, чтению, обсуждению представленного материала. Другими словами, внедрение в процесс проведения практических занятий работу с пособием «Я изучаю русский язык. Практическая фонетика и орфоэпия» можно рассматривать как совокупность методических элементов, выражающих объективно существующую диалектическую закономерность – устойчивость и преемственность в развитии данных работ в вузе во время занятий.

Таким образом можно сделать следующие выводы:

а) показана и теоретически обоснована роль и значение работ по актуализации системы обучения русскому языку в части постановки и коррекции произношения, как неотъемлемой составляющей языкознания в целом;

б) аргументированно показана необходимость организации и проведения занятий на овладение устной речью;

в) обоснованы связи орфоэпии и фонетики с развитием коммуникативных умений студентов.

Преподавательский состав кафедры обучения на двуязычной основе КНИТУ намерен продолжить выбранный вектор развития в изучении и подготовки учебных пособий по орфографии, грамматике русского языка.

Литература

1. Баграмова Н.В. Языковая личность с позиции теории билингвизма // Формирование билингвальной личности на основе компетентностного подхода / отв. ред. Г.А. Баева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. С. 5 – 20.

2. Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998 С. 5.

3. Газета «Нур» и журнал «Шура», как основоположники татарской периодической печати конца XIX, начала XX столетия // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук». 2020. № 11. С. 224 – 229.

4. Вопросы письменного литературного языка в учебнике «Шура»ның «Тел ярышы» // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики: Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 9. С. 181 – 184.

5. URL: <https://infourok.ru/statya-rol-foneticheskikh-znaniy-v-kurse-izucheniya-russkogo-yazyka-v-nachalnoy-shkole-1076356.html> (дата обращения: 22.07.2021)

6. URL: <https://mybiblioteka.su/tom2/7-87871.html> (дата обращения: 22.07.2022)

7. URL: https://www.kstu.ru/article.jsp?id_e=99034 (дата обращения: 23.11.2021)

8. URL: <https://www.knitu.pf/event.jsp?id=123057&idparent=0> (дата обращения: 23.11.2021)

References

1. Bagramova N.V. Yazykovaya lichnost' s pozicii teorii bilingvizma. Formirovanie bilingval'noj lichnosti na osnove kompetentnostnogo podhoda. otv. red. G.A. Baeva. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2012. S. 5 – 20.

2. Bondarko L.V. Fonetika sovremennogo russkogo yazyka: ucheb. posobie. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1998 S. 5.

3. Gazeta «Nur» i zhurnal «Shura», kak osnovopolozhniki tatarskoj periodicheskoy pechati konca XIX, nachala XX stoletiya. Modern Humanities Success. Uspekhi gumanitarnyh nauk». 2020. № 11. S. 224 – 229.

4. Voprosy pis'mennogo literaturnogo yazyka v uchebnike «SHura»ның «Tel yaryshy». Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki: Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. № 9. S. 181 – 184.

5. URL: <https://infourok.ru/statya-rol-foneticheskikh-znaniy-v-kurse-izucheniya-russkogo-yazyka-v-nachalnoy-shkole-1076356.html> (data obrashcheniya: 22.07.2021)

6. URL: <https://mybiblioteka.su/tom2/7-87871.html> (data obrashcheniya: 22.07.2022)

7. URL: https://www.kstu.ru/article.jsp?id_e=99034 (data obrashcheniya: 23.11.2021)

8. URL: <https://www.knitu.rf/event.jsp?id=123057&idparent=0> (data obrashcheniya: 23.11.2021)

**LEARNING PHONETIC AND ORTHOEPIC STRUCTURE OF SPEECH
AS A BASIS FOR DEVELOPMENT A NON-NATIVE LANGUAGE**

*Khusnetdinov R.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Ryazapova L.Z., Candidate of Engineering Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kazan National Research Technological University*

Abstract: the article covers the purposes, tasks, problems and topicality of studying phonetic component of the Russian language for foreign speaking audience on the example of educational process organization in Kazan National Research Technological University. The content of the course "Russian as a foreign language" in the non-linguistic universities of the Republic of Tatarstan was analyzed. The necessity of deepening the study of the sections "Phonetics and orthoepy" for increasing the efficiency of further professional communication of students of non-linguistic areas of training is revealed. The relevance of modernizing the methods of teaching Russian language to Turkic-speaking students in the higher education institutions of the republic has been analyzed. The optional educational-methodical complex "I study the Russian language. Practical Phonetics and Orthoepy". The main principles of selecting and structuring the content of the educational-methodological textbook are reviewed. Specific difficulties and limitations are noted, and a vector for further work in this direction is offered.

Keywords: phonetics, orthoepy, Russian, contingent, Slavic languages, Turkic languages, language barrier, research, foreign-language audience, pronunciation, result

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ ПИЩИ КУНКИНСКОГО ГОВОРА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

*Гамидова Т.Г., аспирант,
Дагестанский государственный университет*

Аннотация: в статье проводится анализ формирования лексики пищи кункинского говора даргинского языка. Наименования пищи заключают в себе ценную информацию не только о культуре народа того или иного народа, но и об истории его языка. Лексика пищи представляет интерес для лингвокультурологических исследований. По своему происхождению наименования пищи кункинского говора даргинского языка могут выступать как результаты метафорического переноса значений слов данной лексики на терминологические понятия: по сходству, например, формы детали и бытовой реалии, характеристика процесса приготовления пищи или по эмоциональной ассоциации.

Целью данного исследования является лингвокультурологическое описание лексики пищи и напитков в кункинском говоре даргинского языка. Научную новизну составляет изучение ее национально-культурной специфики, а также ее формирование. Лексика пищи и напитков кункинского говора даргинского языка неоднородна по происхождению, включает собственно кункинские, даргинские и заимствованные названия.

Для достижения цели решаются *следующие задачи*: определить происхождение и состав лексики пищи кункинского говора даргинского языка; выявить лексические факты, обусловленные межкультурным контактированием кункинцев с другими этносами.

Ключевые слова: лексика, наименования пищи, кункинский говор, даргинский язык, диалектологические исследования, лексико-семантический способ

Пища является одним из наиболее ценных и древних компонентов материальной культуры человечества. Она во многом определяется социально-экономическими климатическими, культурными условиями, межэтническими взаимосвязями, народными обычаями и традициями. Пища национально специфична, изменчива во времени. Но в то же время пища отличается известной устойчивостью, способностью приспосабливаться к меняющимся реалиям окружающей действительности. Она издревле выполняет различные социальные и обрядовые функции. В ней отражены старинный быт, исконное мировоззрение (мифологические представления, языческие и христианские верования), архаическая символика [3, с. 3].

Лексика пищи – самостоятельная языковая подсистема со своими грамматическими особенностями, целый лексический комплекс. Часто лексика пищи имеет локальный, местный характер.

Лексика – совокупность слов языка. Различают активный и пассивный фонд: в первый входят слова, понятные всем говорящим на данном языке и находящиеся в постоянном употреблении, во второй – слова, понятные большей или значительной части говорящих, но не употребляемые в обычном речевом общении.

Диалектологические исследования на современном этапе, в период миграционных, глобализационных процессов имеют особую ценность для дагестанских языков, в том числе и для даргинского языка. Этим и обуславливается *актуальность данного исследования*. Изучение даргинских диалектов и говоров, в структурном, лексикографическом, когнитивном и других

аспектах имеет важное значение, в связи с угрозой исчезновения целых пластов лексики.

Общеизвестно, что язык и культура взаимосвязаны, что определяет диалектную лексику как ценнейший источник лингвокультурной информации. Процессы глобализации и урбанизации ускоряют унификацию говоров даргинского языка. Стала очевидной необходимость сбора и фиксации лексики говоров и диалектов даргинского языка, да и других дагестанских языков.

В любом языке различаются общеупотребительная, нейтральная в стилистическом отношении лексика, составляющая основу словаря, и лексика, применение которой ограничено определенными типами речи, определенными условиями речевого общения. Существенной особенностью лексики, по сравнению с другими сторонами языка, является ее непосредственная обращенность к явлениям действительности [2, с. 107].

Даргинский язык известен множеством говоров и диалектов. Исследователи насчитывают более 70 говоров даргинского языка. Следовательно, язык представителей данных говоров и диалектов, в том числе и лексика кункинского говора, представляют большой интерес в плане национального самовыражения и национальной культуры.

Лексика пищи – достаточно богатый, но малоизученный пласт в даргинского литературного языка и даргинских говоров и диалектов.

Именно в лексике пищи, прежде всего, отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни. Появление новых продуктов питания, возникновение новых понятий, связанных с процессом приготовления еды неизбежно влечет

за собой создание новых наименований или видоизменение семантики тех или иных слов.

В лексике пищи кункинского говора даргинского языка мы выделили следующие пласты:

Общекавказский лексический пласт:

- кункин. *гваза*, дарглит. *варъа*, авар. *гъоццӀо*, лезг. *вирт*, чеч. *моз*, ингуш. *моз* «мед»;

- кункин. *нис*, дарглит. *нуси* авар. *нисо*, лак. *нис*, лезг. *нис*, чеч. *нехча*, ингуш. *нехча* «сыр» и т.д.

Общедаргинский лексический пласт. Термины пищи, которые являются общими для даргинского языка и его диалектов, относятся к общедаргинскому пласту лексики. Они могут различаться фонетически: кунк. *хӀӀли*, дарг. лит. *хӀляли* «внутренний жир»; кунк. *рутт*, дарг. *руд* «кишки»; кунк. *бергъуб диг*, дарг. *беруб дий* «сушеное мясо» и т.д.

Собственнокункинский лексический пласт. В кункинском говоре обнаруживаются свои, во многом несхожие с другими даргинскими наименованиями названия пищи, отражающие конкретные особенности хозяйства и культуры кункинцев: *гъванжари* «хлеб из теста, замешанного на молозиве с добавлением сушеного мяса без дрожжей», *гъвадагъвай* «маленькая круглая лепешка», *къамкъам* «разновидность чурека» и др.

Непосредственное воздействие, внеязыковой действительности на лексику пищи обуславливает ее подвижность – в языке постоянно отмечается не только появление новых слов, терминов, вытеснение устаревших, утрачивающих свою актуальность наименований, но и стилистическое перераспределение различных групп лексики пищи, изменения лексической и синтаксической сочетаемости слов и т.д.

Термин – слово или словосочетание, являющееся названием специального понятия какой-либо сферы производства, науки или искусства. Различают термины узкоспециальные и общепонятные. В терминологии представлены все способы даргинского словообразования. Традиционным и активным является образование терминов путем переноса названия общеупотребительного понятия на специальное по сходству признаков – метафора, по сходству функции, смежности признаков – метонимия [1, с. 306].

Проведенный нами анализ лексики пищи кункинского говора даргинского языка с точки зрения их формирования и образования показал, что способов создания наименований пищи довольно много. Можно сказать, что почти все способы словообразования даргинского языка представлены в системе лексики пищи.

Наиболее интересны следующие способы образования: лексико-семантический, морфологический, заимствование.

Лексико-семантический способ образования наименований пищи – это способ, когда наименования пищи возникают в результате переносного употребления общеупотребительного слова для обозначения нового понятия. При таких обстоятельствах переносное употребление может осуществиться по следующим признакам: 1. По сходству формы. В кункинском говоре так образовались следующие названия пищи: *къакъудни* букв. «куропатки», название лепешек, похожих на куропаток; *гълюгъляй* букв. «круглый, круг» – калач в форме ободочка или баранки, который пекут, как правило, для детей называют; 2. По сходству процессов, функций образовалось некоторое количество названий пищи: *четтикни*: *чет/чед/че* «наверху» + *тик/дик* «мазать» + суф. *-ни* досл. «мазать наверху, смазывать», *гурдикъни*: *гур* «под» + *дикъ* основа глагола *дикъарай* «носить» + суф. *-ни* досл. «забирать готовое». Данные наименования представляют собой сочетание названия блюда + масдар и масдар.

Ряд наименований пищи в кункинском говоре даргинского языка получило свое название по сходству эмоциональных восприятий. У кункинцев воздушная кукуруза имеет специальное название *хъулбарай*, которое образовано от глагола *хъулбихварай* досл. «стать темно-белый, разноцветный». Как известно, во время готовки кукуруза начинает лопаться и обретает разные оттенки цветов: черного, белого, желтого. Основа *хъул(це)* встречается в словосочетаниях, указывающих на цвет животных: *хъулце мацца* «разноцветная овца», краткая форма в наименовании разноцветной коровы *хъула* (*хъулце къьял*).

Широкое распространение получило в кункинском говоре даргинского языка морфологический способ образования наименований пищи. Под морфологическим способом образования понимается возникновение нового слова в результате присоединения словообразовательных аффиксов к производной основе.

Наиболее продуктивными в образовании лексики пищи в кункинском говоре даргинского языка являются суффиксация и сложение основ.

Целый ряд наименований пищи возник путем присоединения суффиксов к производящей основе: берквала – беркв+ала «еда», дуцӀни – дуцӀ «жар»+ни «запекание», къазанчи – къазан +чи «следящий за котлом», тӀягӀямце – тӀягӀям+це «вкусный» и т.д.

Наиболее продуктивными суффиксами в образовании названий пищи кункинского говора являются суффиксы имен существительных: *-е*, *-а*: хинкле «хинкал», дигбе «мясо», хъимарайте «курзе», бицӀа «колбаса»; суффиксы имен

прилагательных: -ла, -це: дигла «мясной», мизице «сладкий», кьамкьце «кислый» и т.д.

Среди исследуемых названий часто встречаются сложные слова, образованные путем словосложения, которые также составляют значительный пласт в кункинском говоре.

Сложением прилагательного и существительных: ищи хинкле «чабанский хинкал», белхун диг «вареное мясо», накьунна палав «толокняная каша», ачїлла декьа «пшеничное зерно», хляжла кьвалла декьа «кукурузное зерно», клярхлялла хьватли «слоеный хлеб»;

Сложением двух существительных: лангар хунча «еда с напитками», хухне-чуттне «чуду с хлебом», ца-вергва «огонь и дым» и т.д.

Наименования пищи отражают культуру кункинцев, которая сформировалась в горских условиях, далеко от других территорий, где распространён даргинский литературный язык. Данная лексика во многом определяется суровыми климатическими условиями гор. Данная лексика может быть использована для изучения диалектной языковой картины мира кункинцев, даргинцев в психолингвистическом аспекте.

Определённое количество наименований пищи кункинского говора даргинского языка представляет собой заимствованные слова из разных языков. Как отмечал М.-С. Мусаев «в своем развитии даргинский язык испытал значительное влияние со стороны неродственных языков: арабского, соседних тюркских, персидского и русского, которые значительно отличаются от даргинского по своим фонетическим и морфологическим особенностям. Несмотря на это даргинский язык легко воспринимал чужие слова [5, с. 39].

По всей вероятности, в процессе изготовления пищи, покупки различных продуктов питания, фруктов, овощей кункинцы соприкасались или интересовались продуктами питания других народов. Это подтверждают наименования пищи кункинцев, представляющие собой заимствования из других языков, в частности из персидского, тюркских и русского языков. К примеру, следующие названия пищи и напитков заимствованы из русского языка: *буриц* «борщ», *кампут* «кампот», *катлет* «котлета», *пиряжкля* «пирожок» и т.д.

Из тюркских языков заимствованы *бяликъ* «рыба», *ягьурт* «йогурт», *шурпа* «чорпа», *кьабакъ* «тыква» и др.

В ряде случаев при образовании множественного числа к таким словам прибавляется общедаргинские суффиксы множественного числа -и, -кьи:

бяликъ – *бяликъкьи* «рыба – рыбы», *кьабакъ* – *кьабакъкьи* «тыквы» и т.д.

«Попадая в даргинский язык, русские слова, как и все другие заимствования, полностью асси-

милировались и в морфологическом отношении. Они изменяются по законам даргинской морфологии [4, с. 43].

Займствование лексики пищи из русского языка в настоящее время продолжается, что обусловлено общественно-политическими, культурными, торгово-экономическими процессами, происходящими в современном мире. И избежать заимствований на современном этапе развития не только кункинского говора даргинского языка, но и других дагестанских языков, не удастся.

Таким образом, при проведении анализа лексики пищи мы пришли к следующему выводу, что многие названия пищи кункинского говора даргинского языка самобытны и уникальны. Относятся к наиболее древнему слою лексики, которая характеризуется наличием большого количества наименований пищи. Способов образования, создания и формирования лексики пищи в исследуемом говоре довольно много. Из них мы выделили: лексико-семантический, морфологический и заимствование. Наиболее продуктивными способами являются суффиксация и сложение основ.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Голуб И.Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. М.: Высшая школа, 2014. 208 с.
3. Карасёва Т.В. Названия пищи в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 23 с.
4. Мусаев М.-С.М. Лексика даргинского языка. Махачкала, 1978.
5. Мусаев М.-С.М. Лексика и словообразование даргинского языка. Махачкала, 2009.
6. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985.

References

1. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M., 1966.
2. Golub I.B. Grammaticheskaya stilistika sovremennogo russkogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 2014. 208 s.
3. Karasyova T.V. Nazvaniya pishchi v voronezhskikh govorah: etnolingvisticheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2004. 23 s.
4. Musaev M.-S.M. Leksika darginskogo yazyka. Mahachkala, 1978.
5. Musaev M.-S.M. Leksika i slovoobrazovanie darginskogo yazyka. Mahachkala, 2009.
6. Rozental' D.E., Telenkova M.A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. M.: Prosveshchenie, 1985.

**FORMATION OF THE VOCABULARY OF FOOD OF THE
KUNKINSKY DIALECT OF THE DARGIN LANGUAGE**

*Gamidova T.G., Postgraduate,
Dagestan State University*

Abstract: the article analyzes the formation of the vocabulary of food of the Kunkinsky dialect of the Dargin language. The names of food contain valuable information not only about the culture of the people of a particular people, but also about the history of their language. The vocabulary of food is of interest for linguistic and cultural studies. By their origin, the names of the food of the Kunkinsky dialect of the Dargin language can act as the results of the metaphorical transfer of the meanings of the words of this vocabulary to terminological concepts: by similarity, for example, the shape of a detail and everyday reality, the characteristics of the cooking process or by emotional association.

The purpose of this study is a linguoculturological description of the vocabulary of food and drinks in the Kunka dialect of the Dargin language. The scientific novelty is the study of its national and cultural specifics, as well as its formation. The vocabulary of food and drinks of the Kunkinsky dialect of the Dargin language is heterogeneous in origin, includes Kunkinsky proper, Dargin and borrowed names. To achieve the goal, the following tasks are solved: to determine the origin and composition of the vocabulary of the food of the Kunkinsky dialect of the Dargin language; to identify lexical facts caused by the intercultural contact of Kunkins with other ethnic groups.

Keywords: vocabulary, food names, Kunkinsky dialect, the Dargin language, dialectological research, lexico-semantic method

ОБРАЗ РОССИИ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКИХ СБОРНИКАХ МОНГОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

*Гилева Е.В., кандидат филологических наук,
Новосибирский государственный технический университет,
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
Новосибирский государственный театральный институт*

Аннотация: в статье изложены результаты сравнительного анализа двух сборников монгольской поэзии в русских переводах. Один из них издан в СССР в 1957 г., второй – в 1981 г. Выявляются основные мотивы и темы, в рамках которых в монгольской поэзии возникает образ России и русской культуры. В 1950-е гг. среди них: 1) тема советской революции как предтеча монгольской революции, 2) доминанта ведущего к счастью технического прогресса по образцу советской России, 3) великие русские литераторы как просветители не только русского, но и монгольского народа, 4) тема войны на Халхин-Голе. В сборнике 1980-х гг. идеологическое содержание поэзии отходит на второй план и заменяется собственно лирическим, а лирический сюжет, связанный с образом России и темой русской культуры, тяготеет к сложности и фиксации неоднозначного переживания. Тема «помощи русского брата» утрачивает свою навязчивость, теряется в более сложном образном исполнении, вместо нее появляется демонстрация вписанности монгольской культуры в актуальный контекст советской и мировой общественной повестки. Сравнительный анализ выводит к осмыслению тенденций и динамических процессов в советской культуре середины XX в. Контраст сборников монгольской поэзии, изданный в разные десятилетия, много говорит о динамических процессах внутри советской культуры, а подборки монгольской поэзии становятся для советской культуры своеобразным «зеркалом», в которое она «глядится» и, формируя и демонстрируя образ «другого», будто бы «проговаривается» об образе себя.

Ключевые слова: монгольская поэзия, поэзия Монголии, литература Монголии, образ России, русская культура, советская культура, иностранная литература

Образ России, складывающийся за пределами России – важный показатель качества присутствия России и ее деятельности в мировой информационной повестке. Образ России, складывающийся в той или иной национальной литературе, свидетельствует о наличии смысловых компонентов образа, укорененных в соответствующей культуре. На наш взгляд, при общей инертности культуры и образования, при важности ретроспективной ориентации общественной повестки эти смысловые компоненты могут становиться своеобразной «точкой отсчета» для формирования «представления о себе» в современной русской культуре. Выявление образа России и русской культуры в советских переводах монгольской поэзии может способствовать пониманию актуальных процессов не столько в переводимой поэзии, сколько в переводящей культуре.

А.З. Бадмаев анализирует общественную повестку современной Монголии – представление о России и отношение к изучению русского языка – и приходит к выводам о том, что, по сравнению с советским периодом во взаимодействии двух стран, наметились в целом значительные утраты, обусловленные трансформациями культуры вследствие актуальных экономических и производственных процессов, а укрепление культурных связей требует активизации усилий с российской стороны [1, с. 134]. Добавим к этому, что в сфере литературных связей существенно снизилась палитра и системность взаимодействия.

Материалом для нашего исследования стали два сборника переводов монгольской поэзии – «Монгольская поэзия» (1957, Государственное

издательство художественной литературы, 192 с.) и «Из монгольской поэзии XX века» (1981, издательство «Художественная литература», 280 с.). Первый мы будем сокращенно называть «МП-1957», второй «ИзМП-1981». Выбор столь несовременного материала обусловлен тем, что в значительной мере именно эти и современные им издания до сих пор сохраняют свою актуальность в демонстрации спектра монгольской поэзии для более или менее широкого круга читателей.

Кроме названных изданий, стоит отметить, что в 1971 г. в издательстве «Прогресс» также был выпущен сборник «Из современной монгольской поэзии», объединяющий переводы стихов таких авторов как Доржийн Даржаа, Пурэвжавын Пурэвсурэн, Мишигийн Цэдэндорж, Бэгзийн Явуухулан. В 1980-е гг. в издательстве «Радуга» (Москва) выпускалась 14-томная серия «Библиотека монгольской литературы», в рамках которой на русском языке были изданы проза и поэзия монгольских классиков и молодых литераторов. Стоит отметить и то, что в середине XX века в СССР издавались и авторские сборники монгольских поэтов: Бэгзийн Явуухулан «Лирика» (1960, Государственное издательство иностранной литературы), Тудэв Лодонгийн «Вершина» (1978, изд. «Молодая гвардия»). С произведениями монгольских поэтов отечественного читателя регулярно знакомил журнал «Иностранная литература» и «Восточный альманах» (издательство «Художественная литература»). В настоящее время масштаб издания монгольской литературы на русском языке значительно сократился.

Монгольская поэзия за пределами националь-

ного монгольского научного пространства исследуется в соответствии с актуальными направлениями гуманитарной мысли (R. Rohatgi [13] отмечает антологию монгольской женской поэзии, М.П. Петрова описывает специфику современной монгольской гражданской лирики а также темы мотивы поэзии конца XX века [3, 4, 5, 6], К. Oehmichen [11] обращается к соотношению традиционной и современной монгольских поэтических традиций; распространены также изыскания в сфере межкультурных связей – труды W. Heissig [10]; отдельные области исследовательского интереса – древняя литература, национальный эпос и фольклорная традиция – см., например, труды В.С. Старикова [8], С.Ю. Неклюдова [2], С. Pegg [12]). Фундаментальные работы выпускаются редко, пожалуй, наиболее значительным событием в последние годы стало издание монографии Л.Г. Скородумовой «Монгольская литература XIX-XX веков. Вопросы поэтики» [7]. При этом и общее количество работ, посвященных монгольской поэзии, не столь велико, чтобы можно было говорить о том, что за два-четыре десятилетия какие-то из них утрачивают актуальность. Именно поэтому, приводя имена исследователей, мы во-первых, назвали далеко не всех, чьи исследовательские усилия достойны внимания (у нас нет задачи делать здесь подробный обзор исследовательской традиции), а во-вторых, отметили лишь наиболее крупные направления изучения монгольской поэзии. Для нас важно, что этот перечень наглядно демонстрирует ценностный контекст и ценностные ориентиры, неизбежно сопровождающие гуманитарные исследования. Наша работа также развивается в ценностно окрашенной парадигме – в парадигме представления о «дружбе народов» как о должном.

Многие монгольские исследователи в русскоязычных статьях (например, Цэвээний Магсар [9, с. 88-89]) говорят о важности русской литературной традиции для формирования монгольской поэзии после народной революции 1921 г. Причина этого – в сочетании ряда социокультурных факторов, среди которых союзнические отношения с СССР, практика получения монгольскими деятелями культуры образования в СССР, что стало поводом для переосмысления художественного опыта русской и советской словесности на монгольской почве. Российские исследователи, напротив, преимущественно стремятся проникнуть к выявлению национальной самобытности монгольской поэзии, отмечают ее движение «от описательности к психологизму» [4, с. 4].

Обратимся к изложению наших наблюдений.

Разумеется, идеи прогресса и социалистического строительства а также поэтика соцреализма яв-

ляются ключевой особенностью подборок, составленных в рамках подготовки к изданию сборников МП-1957 и ИзМП-1981. Однако при всей их схожести в них отразилась культурная трансформация, пережитая советским обществом между десятилетиями 1950-х и 1980-х гг. Изменение идеологической парадигмы и политической повестки, на которые ориентировались составители сборников (поэт и автор популярных песен Е. Долматовский и исследователь Г. Михайлов соответственно), отражено в первых строчках предисловий. В МП-1957 читаем: «*На карте мира плечом к плесу с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой стоит страна удивительной судьбы, страна красивого и мужественного народа – Монгольская Народная Республика. Монголии выпало шагнуть... <...> Этот путь был указан монгольскому народу великим Лениным. <...> И одним из свидетельств замечательного роста этой еще совсем недавно отсталой и неграмотной страны является расцвет ее литературы и искусства*». Здесь и милитаристский пафос («плечом к плечу», «мужественный народ»), и фиксация актуальных международных отношений, и образ вождя Ленина, и утверждение идей технического прогресса и прогресса в целом. При этом литература рассматривается как вторичное свидетельство социокультурных изменений. Фольклор в составе сборника отсутствует, а «*первым поэтом народной Монголии называется Дашидоржийн Нацагдорж, о котором сообщается прежде всего то, что «юношей, вместе с легендарным Сухэ-батыром, он сражался за свободу своей страны...»*» Предисловие в сборник ИзМП-1981 организовано принципиально иначе – его предваряет монгольская поговорка о щедрости, затем следует текст: «*“Восход солнца пробуждает природу, чтение книг просветляет разум”, – говорили в старину монголы. “Прошнурованные книги с синим письмом на белой бумаге” упоминаются еще в “Сокровенном сказании”, знаменитом памятнике XIII века, с появлением которого ученые связывают начало “сложения” (термин Д.С. Лихачева) монгольской литературы*». Как видим, с первых строк акцентируется самобытность и глубина монгольской национальной традиции, а монгольская словесность описывается как имеющая почти тысячелетний опыт. Далее приводятся слова венгерского востоковеда Дьердя Кара, который утверждает, что «*монголы, буряты и калмыки наших дней <...> могут гордиться богатством письменной культуры своих кочевых предков*». Как видим, два процитированных предисловия содержат полярные оценки национальной традиции. Если задача первого предисловия и очевидно задача самого сборника – вписать монгольскую поэзию в советский кон-

текст, то задача второго – продемонстрировать своеобразие и богатство монгольской поэзии.

В связи с этим интересно и то, что в МП-1957 имена поэтов не сопровождаются ни годами жизни, ни биографическими справками. О некоторых авторах, чьи стихи помещены в сборник, говорится в предисловии Е. Долматовского, но о других не сказано ни слова. В сборнике же ИзМП-1981 подборку каждого автора предваряет биографическая справка, стремящаяся представить разносторонний характер творческой деятельности каждого из них и сообщить читателю, что еще из произведений каждого автора доступно для прочтения на русском языке.

В соответствии с подходами, описанными в предисловиях к каждому из сборников, в подборках проявляется и образ России и детали, отсылающие к русской культуре.

В МП-1957 образ России подчеркнута советский. Образ советской России появляется в сборнике преимущественно в контексте с революционной патетики. Так в стихах Цендийна Дамдинсурэна читаем: «*Мятежный Ленинград, / Меня зовет твой свет!*», «*В далекий Ленинград / Врываються враги*», «*Но пламя Октября / Не меркнет никогда!*», «*Вошел я в Ленинский музей. / Вся жизнь вождя отражена...*». В строчках Дашидоржийна Нацагдоржа есть такие фрагменты: «*Настал девятьсот семнадцатый – / и грянула революция!*», «*Октябрь! / Ты зажег над Азией / невиданную зарю!*» Эта тема в отдельных стихотворениях детализируется темой освобождения аратов (Далантайн Тарва: «*Когда ехал Сухэ в Москву, / Чтоб увидеть Ленина там, / Было так, как будто пошел / Весь народ по его стопам*», «*Что поможет нам русский брат*», «*– Мы поможем! – Ленин сказал*»).

В числе прочих в книге есть весьма показательная подборка из трех стихотворений Чойбилжабына Лхамсурэна. Одно из них – о том, как девочка мечтает стать ученой и превратить Гоби в море; счастливая девочка смотрит на удивленную этой мечтой мать и смеется: «*Разве мама не знает, что в СССР, / Расправляясь с пустынями, строят моря, / Разве это для нашей страны не пример?*» Другое – о строительстве железной дороги, оно содержит рефрен: «*Это – братская помощь / Это – дорога мира, / Это – дар вечной дружбы, / Это – дорога счастья*». Третье стихотворение названного поэта называется «Горький жив», Горький предстает в нем одним из великих просветителей, он «*в строю*» с такими «*инженерами души*» как «*Пушкин, Гоголь и Толстой*». В значительной степени эти три стихотворения дополняют и вместе с темой революции исчерпывают тематическую палитру обращений к образу

советского государства мотивом счастья, связанного с техническим прогрессом по образцу советской России, и упоминанием образов М. Горького, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого в качестве носителей книжной учености.

Особенное положение в ряду названных тем занимают тема русской гражданской войны, сливающаяся с темой монгольской революции («*Мне не пришлось в удушливой пыли / Идти к Урге с солдатом русским рядом, / Где Сухэ-Батор и Щетинкин или, / Ведя непобедимые отряды*», Чойжилын Чимид) и тема вооруженного конфликта на Халхин-Голе (1939 г.). В стихотворении Чойжилына Чимида сказано:

*Мне не пришлось попасть на Халхин-Гол.
Я, буду мальчишкой, видел лица
Солдат, когда советский полк прошел
К местам боев
По улицам столицы.
С монголами они в одном строю
Прошли через монгольскую столицу,
Чтоб защищать отважно, как свою,
Священную монгольскую границу.*

Показательно, что темой войны на Халхин-Голе сборник МП-1957 завершается, финал венчающего его стихотворения Бэгзийна Явуухулана говорит о русском и монгольском народах: «*Мы побратались в трудный час, сдружились на войне, – / Ничто не сломит дружбы той, что скована в огне*».

Образ советской России в сборнике ИзМП-1981 при схожей тематической палитре представлен намного богаче – в этих стихах проступает образ лирического героя, и образы, отсылающие к советской России, вписываются в контекст его экзистенциального поиска. Так в подборке уже упоминавшегося в связи с МП-1957 Дашидоржийна Нацагдоржа после стихотворения «Октябрь» о советской революции следуют «Учиться в дальние края», которое начинается с живописного описания травы и юрт и завершается возвращением в родной край со «*знаний кладом*», и «Марс», к которому лирический герой обращается вопросами:

*Скажи, почему нет от тебя вестей?
И смотрят ли на Землю телескопов линзы?
Есть на тебе любовь – бессмертный смерч
страстей?
Построен ли уже социализм?*

В стихотворении Санжмятавына Дашидэндэва «лампа Ильича» описывается в контексте чудесного преобразования ночного степного пейзажа: «*Светились ярко лампочки в долине, / Сияли людям в этот поздний час*», «*Здесь светлоглазые дома и фермы*».

Идеологическое содержание в сборнике ИзМП-1981 отходит на второй план и заменяется соб-

ственно лирическим, уходит из лексикона часто встречавшееся в МП-1957 слово «счастье», а лирический сюжет тяготеет к сложности и фиксации неоднозначного переживания. Показательно стихотворение Бямбына Ричена «Осень в Трускавце»: «Земля Украины. И листья и травы / Здесь пахнут не так, как в Монголии...» «Все влажно и сыро. / Дрожишь, как в покоях подводного мира. / Седая, косматая плесень с небес...» В его же подборке стихотворение «Вечером на Невском». Его лирический герой констатирует: «Горький запах бензина – / Здесь все не так, как у нас в степи!», но потом замечает глаза девушки и убеждается: «Все так, все так, как у нас в степи!».

К образам русских писателей в ИзМП-1981 добавляется образ Натальи Гончаровой. Чойжилын Чимид в стихотворении «Наталья Пушкина» размышляет и стремится защитить фамилию и честь русского поэта: «Наталья Гончарова... / Почему же, / Когда у вас в России испокон / Все называют женщину по мужу?»

Тема «помощи русского брата», в ИзМП-1981 утрачивает свою навязчивость, теряется в более сложном образном исполнении, вместо нее появляется демонстрация вписанности монгольской культуры в актуальный контекст советской и мировой общественной повестки. Тема войны на Халхин-Голе воплощается в магическом стихотворении Мишигийна Ширчинсурэна «Слава вам, герои!», где описывается, как вода, берег, ветер и камыши шепчут по ночам славу погибшим русским солдатам. В подборке Сухийна Доржпалама опубликовано стихотворение «Русские в космосе!»: «Юрий Гагарин... О, как гордятся тобою монголы», «Люди поют, улыбаются, плачут... / Русские в космосе!», а у Далантайна Тарвы находим фрагмент «Пусть небо всегда будет ясным!» (из «Поэмы, навеянной посещением Пискаревского кладбища»), который содержит цитаты из дневника Тани Савичевой. Вряд ли справедливо говорить в связи с этими стихами об образе советской России, в этих стихах – образ XX века в целом, с его величайшими потрясениями – чудовищной войной и великим подвигом первого космонавта.

В рамках развития русской темы ИзМП-1981 содержит стихотворение, не иллюстрирующее ни одной из названных выше тенденций – «Русская деревня» Сормууниршийна Дашдоорова. В нем интересна заявленная попытка проникнуть в глубины русской культуры и рассказать о ней монгольскому читателю: «Смотрю я глазами / поэта-монгола / на русские дали, / на русские села, / чтоб ты через древний / монгольский язык / в поэзию русской деревни / проник». Это стихотворение привлекательно на фоне прочих своей медитативностью, подчеркнутой неэкстремальностью опи-

сываемого мира, утверждением потребности в спокойном содержательном диалоге культур: «... “солома” / и “срубы”, / “околицы”, / “кровли”. / Еще есть “дубрава”... / И это запишем...», «стоят на Руси / с незапамятных пор / два ряда домов, / а меж ними простор. / У нас же аилы / из нескольких юрт / поставишь как хочешь...»

В завершение отметим, что этот описанный нами контраст двух сборников много говорит о динамических процессах внутри советской культуры, а подборки монгольской поэзии становятся для советской культуры своеобразным «зеркалом», в которое она «глядится» и, формируя и демонстрируя образ «другого», будто бы «проговаривается» об образе себя.

Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках реализации программы развития НГТУ, научный проект №С 21-12.

Литература

1. Бадмаев А.З. Образ России и русский язык в Монголии: от советского наследия к современности // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 127 – 134.
2. Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. М., 1984. 309 с.
3. Петрова М.П. Монгольская гражданская лирика конца XX века // VII Международный конгресс монголоведов. М., 1997. С. 138 – 142.
4. Петрова М.П. Монгольская поэзия 80-90-х годов XX века: автореф. ... дис. докт. филол. наук. Литературы народов Азии и Африки / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб, 1996. 12 с. психологизм 4.
5. Петрова М.П. Образы русских в монгольской поэзии и прозе // Россия-Монголия. Самобытность и взаимовлияние культур в условиях глобализации. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009. С. 173 – 178.
6. Петрова М.П. Чингис-хан в современной монгольской поэзии // VI Международный конгресс монголоведов. М., 1992. Ч. 2. С. 111 – 115.
7. Скородумова Л.Г. Монгольская литература XIX-XX веков. Вопросы поэтики. М.: РГГУ, 2016. 301 с.
8. Стариков В.С. Прозаические и стихотворные тексты малого киданьского письма XI-XII вв. // Забытые системы письма. Остров Пасхи, Великое Ляо, Индия. Материалы к дешифровке. М., 1982. С. 99 – 210.
9. Цэвээний Магсар. Русская литература и новое в поэтике монгольской литературы XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 3. С. 88 – 92.

10. Heissig W. The reception of Chinese heroic romances in Mongolian oral poetry // *Central Asiatic journal*. 1990. Vol. 34. Issue 3-4. P. 214 – 299.

11. Oehmichen K. Mongolian folk poetry and its influence on the development of modern Mongolian literature // *Weimarer beitrage*. 1984. Vol. 30. Issue 12. P. 1993 – 2010.

12. Pegg C., edited by Reichl K. The power of performance: West Mongolian heroic epics // *Oral epic: performance and music*. 2000. Vol. 12. P. 171 – 190.

13. Rohatgi R. Echoes from the Steppe: An Anthology of Contemporary Mongolian Women's Poetry // *WASAFIRI*. 2012. Vol. 27. P. 88 – 90.

References

1. Badmaev A.Z. *Obraz Rossii i russkij yazyk v Mongolii: ot sovetskogo naslediya k sovremennosti*. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 8. S. 127 – 134.

2. Neklyudov S.Yu. *Geroicheskiy epos mongol'skih narodov*. M., 1984. 309 s.

3. Petrova M.P. *Mongol'skaya grazhdanskaya lirika konca HKH veka*. VII Mezhdunarodnyj kongress mongolovedov. M., 1997. S. 138 – 142.

4. Petrova M.P. *Mongol'skaya poeziya 80-90-h godov HKH veka: avtoref. ... dis. dokt. filol. nauk*. Literaturny narodov Azii i Afriki. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. SPb, 1996. 12 s. psihologizm 4.

5. Petrova M.P. *Obrazy russkih v mongol'skoj poezii i proze*. Rossiya-Mongoliya. Samobytnost' i

vzaimovliyanie kul'tur v usloviyah globalizacii. SPB: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2009. S. 173 – 178.

6. Petrova M.P. *CHingis-han v sovremennoj mongol'skoj poezii*. VI Mezhdunarodnyj kongress mongolovedov. M., 1992. CH. 2. S. 111 – 115.

7. Skorodumova L.G. *Mongol'skaya literatura XIX-XX vekov*. Voprosy poetiki. M.: RGGU, 2016. 301 s.

8. Starikov V.S. *Prozaicheskie i stihotvornye teksty malogo kidan'skogo pis'ma XI-XII vv. Zabytye sistemy pis'ma*. Ostrov Paskhi, Velikoe Lyao, Indiya. Materialy k deshifrovke. M., 1982. S. 99 – 210.

9. Ceveenij Magsar. *Russkaya literatura i novoe v poetike mongol'skoj literatury HKH veka*. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2015. № 3. S. 88 – 92.

10. Heissig W. The reception of Chinese heroic romances in Mongolian oral poetry. *Central Asiatic journal*. 1990. Vol. 34. Issue 3-4. P. 214 – 299.

11. Oehmichen K. Mongolian folk poetry and its influence on the development of modern Mongolian literature. *Weimarer beitrage*. 1984. Vol. 30. Issue 12. P. 1993 – 2010.

12. Pegg C., edited by Reichl K. The power of performance: West Mongolian heroic epics. *Oral epic: performance and music*. 2000. Vol. 12. P. 171 – 190.

13. Rohatgi R. Echoes from the Steppe: An Anthology of Contemporary Mongolian Women's Poetry. *WASAFIRI*. 2012. Vol. 27. P. 88 – 90.

THE IMAGE OF RUSSIA AND RUSSIAN CULTURE IN SOVIET COLLECTIONS OF MONGOLIAN POETRY

*Gileva E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Novosibirsk State Technical University,
Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences,
Novosibirsk State Theatre Institute*

Abstract: the article presents the results of a comparative analysis of two collections of Mongolian poetry in Russian translations. One of them was published in the USSR in 1957, the second in 1981. The main motives and themes within which the image of Russia and Russian culture appears in Mongolian poetry are revealed. In the 1950s, among them are: 1) Russian revolution as the forerunner of the Mongolian revolution, 2) the dominant leading to the happiness of technological progress on the model of Soviet Russia, 3) great Russian writers as enlighteners not only of the Russian, but also of the Mongolian people, 4) the theme of the war on Khalkhin-Gol. In the collection of the 1980s, the ideological content of poetry recedes into the background and is replaced by the lyrical one, and the lyrical plot associated with the image of Russia and the theme of Russian culture tends to complexity and fixation of ambiguous experiences. The theme of "the help of the Russian brother" loses its obsession, is lost in a more complex figurative performance, instead of it there is a demonstration of the inscribability of Mongolian culture in the actual context of the Soviet and world public agenda. Comparative analysis leads to an understanding of trends and dynamic processes in the Soviet culture of the mid-twentieth century. The contrast of collections of Mongolian poetry published in different decades speaks a lot about the dynamic processes within Soviet culture, and collections of Mongolian poetry become a kind of "mirror" for Soviet culture, into which it "looks" and, forming and demonstrating the image of the "other", as if it "talks" about the image of itself.

Keywords: Mongolian poetry, poetry of Mongolia, literature of Mongolia, image of Russia, Russian culture, Soviet culture, foreign literature

ЖАНР “OPINION”: ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ПАРАМЕТРЫ

*Никонова Е.А., кандидат филологических наук,
Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД Российской Федерации*

Аннотация: в статье рассматриваются жанрообразующие параметры текста “opinion”. В качестве метода исследования выступает компонентный анализ на основе анкеты жанра Т.В. Шмелевой. Жанр “opinion” возник 50 лет назад и получил достаточное распространение в англоязычной качественной прессе. За время своего существования жанр пережил ряд трансформаций, связанных с названием жанра (первоначально – op-ed), а также переориентация функциональной направленности на выражение внутреннего состояния, эмоций и позиции автора. В результате проведенного анализа были установлены следующие жанрообразующие признаки opinion: ярко выраженное присутствие автора, ориентированного на массового адресата; актуальность обсуждаемой темы; присутствие прогнозов, отличающихся высокой степенью субъективности; а также стилистические особенности (экспликация авторского голоса и оценок, наличие бездоказательных утверждений, гиперболизация). Результаты исследования позволяют говорить об “opinion” как самостоятельном жанре.

Ключевые слова: opinion, op-ed, масс медиа, анкета жанров Т.В. Шмелевой, жанрообразующие параметры

Введение

Наметившееся в XIX веке разделение журналистики на журналистику факта (fact journalism) и журналистику мнения (opinion journalism) привело к тому, что существующая на сегодняшний день разветвленная система жанровых форматов базируется на основе дихотомии «факт – мнение». Безусловно, развитие журналистской мысли, а также изменение способов производства и потребления информации поставили перед исследователями задачу выработки комплексной и более детальной классификации журналистских форматов, отвечающей современным реалиям. Тем не менее, онтологическое деление текстов по признаку «факт – мнение» сохраняется, подтверждением чему является стабильное присутствие раздела “opinion” практически во всех англоязычных периодических изданиях.

Рубрики раздела “opinion” могут варьироваться в зависимости от издания, однако его основу, как правило, составляют одноименные тексты “opinion”, которые несмотря на широкую представленность в качестве журналистского формата получили незначительное теоретическое освещение как жанр масс-медиа, чем объясняется актуальность данного исследования. Целью настоящего исследования является выделение и описание жанрообразующих параметров opinion, «необходимых и достаточных для опознания, характеристики, конструирования речевого жанра» [1]. Для реализации поставленной цели нами были отобраны 25 статей жанра “opinion” англоязычной качественной прессы *the Guardian, the Telegraph, the Washington Post, the Independent* за 2020-2021 года.

В качестве одного из основных методов исследования в настоящей работе выступает компонентный анализ жанра opinion на основе анкеты жанра Т.В. Шмелевой (АШ), включающая семь элементов: 1) коммуникативная цель; 2) образ ав-

тора; 3) образа адресата; 4) образ прошлого; 5) образ будущего; 6) параметр диктумного содержания; 7) особенности языкового воплощения [1]. АШ позволяет «зафиксировать» важнейшие конструирующие аспекты жанра. Будучи достаточно универсальным инструментом описания жанра в статичном состоянии, АШ не учитывает экстралингвистические факторы, влияющие на диахроническое развитие жанра, а также взаимосвязь жанра с социальным контекстом на разных этапах исторического развития. При этом сегодня большинство лингвистов (Бахтин М.М. [2], Miller С.Р. [3], Paltridge В. [4], др.) указывают на динамичную природу жанров. Действительно, как правило, формированию и развитию жанра способствует целый комплекс социальных, культурных и институциональных факторов, который постоянно меняется, вызывая жанровые трансформации. В этой связи при изучении жанра важно учитывать социально-исторические условия его формирования и развития. Описание данного параметра жанра базируется на теоретических разработках Североамериканской риторической школы.

При работе с языковым материалом использовался дискурсивный, лингвостилистический и дефиниционный анализ, а также метод научного описания (наблюдение, обобщение, сопоставление и классификация эмпирического материала).

Эволюция жанра “opinion”

Процесс эволюции жанра “opinion” отражается не только в трансформации формальных параметров, но и в изменении самого названия жанра, который первоначально именовался “op-ed”. Основоположителем “Op-ed” (opposite to the editorial) считается газета *The New York Times*, где в 1970 году появился одноименный раздел, в котором приглашенные авторы давали краткий комментарий по различным вопросам. Идея не была новой, поскольку попытки создать формат, где колумни-

сты могли бы свободно выражать свое мнение по текущим событиям, вопросам культуры и искусства, предпринимались еще в начале века (в 1912 г. в Tribune, в 1920-х в New York World, в 1930х в The Washington Post, в 1950х в Los Angeles Times) [5, p. 282], однако именно The New York Times удалось создать уникальный формат, ставший неотъемлемой частью современных печатных СМИ. Не удивительно, что редакторы газета были первыми, кто открыто высказался о нерелевантности наименования текстового формата op-ed в виду массовой диджитализации (в результате чего большинство пользователей читают газеты онлайн, а значит понятие “op-ed” перестает быть ак-

туальным, поскольку «географически» не существует напротив editorial); op-ed был переименован в “guest essay”. В действительности анализ онлайн версий ведущих англоязычных качественных изданий демонстрирует отсутствие раздела “op-ed”, при этом тексты данного жанра можно найти в различных разделах и секциях (табл. 1). Наблюдаемое разнообразие, на наш взгляд, объяснимо желанием каждого отдельного издания создать уникальную «систему навигации», что является маркетинговым ходом, «позволяющим сформировать определенную модель ожиданий у читателя и сделать продукт запоминающимся» [6].

Таблица 1

Разделы и секции различных онлайн версий англоязычных качественных газет, где расположены статьи “op-ed”

Название газеты	Секция, где публикуются тексты жанра “op-ed”	Раздел
The Washington Post	Global Opinions (рассматриваются глобальные вопросы) Voices Across America (рассматриваются местные вопросы)	Opinion
The Independent	Voices (рассматриваются социально-политические вопросы) Opinion (рассматриваются вопросы экологии)	Voices
The Guardian		Opinion
The Telegraph	Comment	Opinion
The New York Times	Guest essays (внештатные авторы) Opinion (штатные журналисты)	Opinion
The Times	Comment	
The Wall Street Journal	Commentary (внештатные авторы) Opinion (штатные журналисты)	Opinion
Financial Times		Opinion

Из приведенных в табл. 1 результатов видим, что в большинстве случаев статьи жанра “op-ed” расположены в разделе “Opinion” в одноименной секции, либо в секции comment (commentary). Несмотря на вариативность названий, анализ жанрообразующих параметров данных текстов позволяет отнести их к одному жанру. Ниже дадим детальный анализ каждому из элементов АШ; при обсуждении жанровых характеристик будем использовать наименование жанра “opinion”.

Коммуникативная цель

Коммуникативная цель жанра “opinion” претерпела некоторые изменения за время его существования. Так, первоначальная направленность на создание баланса мнений [5], а также формирование общественного мнения, на наш взгляд, трансформировалась в сторону экспрессивной функции (функцию выражения внутреннего состояния, эмоций и позиций отправителя). Связано это, с одной стороны, с постепенным

размыванием границ между колонками “opinion”, написанными штатными и внешними журналистами (результат этого процесса отражен в том числе в композиционной структуре современных изданий: в табл. 1 видим, что не все газеты считают нужным разделять колонки по данному признаку). В результате газеты перестают быть важным актором публичных дебатов, создающим баланс мнений путем противопоставления мнения редакции и мнения внешней независимой персоны, становясь площадкой, аккумулирующей различные мнения. С другой стороны, наблюдается смещение фокуса opinion, первоначально направленного на контрастирование позициям, высказанным в editorial, в сторону выражения частного мнения, которое может как совпадать с мнением редакции, так и быть ему альтернативным.

Образ автора и образ адресата

Доступность информации в интернет пространстве, постепенное стирание границ между качественной и желтой прессой, возрастающая интертекстуальность и мультимодальность современных масс-медиа текстов делают сложным, а в некоторых случаях невозможным определить основные параметры адресата. В этой связи исследователи говорят о закономерном процессе «размывания» образа адресата текстов массовой коммуникации, проявляющегося как на содержательном, так и формальном уровне [7]. В случае *opinion* «деконкретизация» адресата определена и самой спецификой жанра, предполагающей, прежде всего, нацеленность автора на передачу собственных впечатлений или соображений; при этом читателю в большей степени отводится роль наблюдателя, а не соучастника авторских рассуждений (этот аспект жанра “*opinion*” сближает его с эссе, который предполагает внутренний диалог автора с самим собой [8]; неслучайно *The New York Times* в качестве нового названия раздела выбрал “*guest essay*”). Тем не менее, адресат в той или иной форме находит выражение во всех масс-медиа текстах (*opinion* как его часть не является исключением), поскольку их коммуникативно-прагматический аспект предполагает тесное взаимодействие адресата и адресанта в процессе текстопорождения, однако носит массовый характер.

Что касается образа автора, то его специфика в *opinion* выражена в высокой степени присутствия в сравнении с другими жанрами газеты (например, в жанре новость или аналитическая статья присутствие авторского голоса сведено к минимуму (см., например, Никонова [9]), а также эксплицитном выражении голоса автора (о средствах и целях экспликации авторского голоса см. подробнее в части «Диктумное содержание и языковое воплощение» настоящей статьи).

Образ прошлого, образ будущего

Образ прошлого и образ будущего складывается из событий, предшествующих коммуникации, и тех которые произойдут или могут произойти в будущем. Для жанра “*opinion*” важны оба данных аспекта, поскольку, с одной стороны, актуальные события недавнего прошлого являются отправной точкой для написания текста (при этом в теле текста *opinion* могут быть задействованы события различных временных пластов), а, с другой, автор часто прибегает к прогнозированию событий. Поскольку прогнозы в *opinion* базируются на авторских умозаключениях и личных ощущениях, что определяет высокую степень субъективности и открытости для

изменений по мере поступления новых данных о событии образа будущего. Например, в сентябре 2020 г. на портале *The Washington Post* был опубликован *opinion* Светланы Тихановской “*The regime in Belarus is trying to steal our victory*” [*The Washington Post*] о политических событиях в Беларуси. В статье содержится достаточное количество прогнозов о будущем страны, которые по прошествии года не сбылись и во многом потеряли актуальность:

(1) *The regime in Belarus is trying to steal our victory. It won't succeed.*

(2) *Weekly Sunday marches of hundreds of thousands have become the norm. <...> They will continue.*

(3) *Second, we will continue our boycott of the state apparatus. Many private businesses have stopped dealing with state-owned banks; more will do the same.*

Использование модального глагола “*will*” в значении выражения воли говорящего / настойчивости придает большую эмоциональность фразе, а также акцентирует некоторую причастность говорящего к сделанному прогнозу. Таким образом, транслируемая информация является авторски обусловленной и не претендует на истинную или даже выверенную. Действительно, по прошествии года после выхода статьи ни один из прогнозов не был претворен в жизнь, что подтверждает мысль о том, что наличие прогнозов в *opinion* не должно являться отправной точкой для принятия решений или формирования взгляда на вопрос / ситуацию, поскольку они представляют собой частное мнение пишущего.

Диктумное содержание

и языкового воплощения

Содержание *opinion* может быть представлено различными диктумными блоками в зависимости от темы и структуры индивидуального авторского стиля, при этом эмоционально-оценочный блок является обязательным, и может быть выражен как имплицитно, так и эксплицитно. На наш взгляд именно данный диктумный блок во многом определяет стилистическую и языковую особенности жанра “*opinion*”, которые мы рассмотрим более подробно ниже.

1. Высокая степень присутствия авторского голоса. Для текстов *opinion* характерна экспликация авторского голоса, что определяет субъективный характер предоставляемой информации и находит отражение в личном повествовании и авторских историях.

Повествование от первого лица единственного числа (*first-person narrative*) характерно для художественных текстов, мемуаров, автобиографий. Принято выделять объективное и субъек-

тивное личное повествование, различающееся по степени присутствия индивидуального в повествовании [10]. Отличительной чертой “*opinion*” является присутствие субъективного Я-повествования, которое демонстрирует открытое авторское присутствие, подчеркивает нацеленность текста на эксплицитное выражение авторского мнения:

(4) Wearing a mask now feels a bit like putting on a badge. On what the right wing press rather laughably called “freedom day”, I did some shopping at my local Asda, observed a masked-to-unmasked ratio of about 70:30, and sensed – or thought I sensed – the crackle of judgment and mistrust, passing between those who were sticking with face coverings and those who had decided to go without. Two days later, I was in Stoke-on-Trent, where the ratio in a huge Tesco was more like 60:40 in favour of masking up. Despite announcements over the PA advising people to behave as if restrictions were still in place, the fact that some were sticking to the old rules while others were not felt like a matter of dull normality [The Guardian].

В приведенном отрывке автор не ограничивается сообщением о соотношении людей соблюдающих и нарушающих масочный режим, но обращается к аудитории с целой историей, главным героем которой является он сам. Таким образом, автор не ставит задачу объективировать числовые данные, а, напротив, подчеркивает их субъективность.

В *opinion* частотны случаи использования авторских историй (anecdote). В масс-медиа текстах данный прием является эффективным инструментом установления тесной связи между автором и читателем с целью оказания воздействия на последнего. На наш взгляд, в текстах “*opinion*” не менее важным является желание автора поделиться своими эмоциями, что сближает его с эссе, для которого характерна «направленность слова на самого говорящего» [11], в этой связи личные истории преподносятся ярким и эмоциональным языком:

(5) I had my second jab on Saturday, and as I walked into the vaccination centre, the enthusiastic girl on the front desk handed me a mask and told me to put it on. “What if I’m exempt?” I asked.

“Are you?”

“Say I was, would you stop me from coming in without a mask?”

“You’d need a lanyard,” by which I think she meant an exemption card attached to a lanyard. “No lanyard, must wear a mask.”

Surely, she was wrong? According to the Government’s own website, “there is no longer a legal requirement to wear face coverings in indoor settings” and, even if it is expected, “you do not need to show ... any written evidence or a card”.

It’s a testament to our national confusion that even the virtuous citizen manning a vaccination centre might not know the rules <...> [The Telegraph].

В данном случае автор прибегает к личной истории для иллюстрации недопонимания, возникшего в обществе после отмены масочного режима Б. Джонсоном в июле 2021 г. «Обрамление» данной мысли именно личной историей способствует восприятию происходящего как недоразумение через призму авторских чувств, а не на основе фактов, что, с одной стороны, всегда имеет больший воздействующий эффект, а, с другой, позволяет автору высказать вслух свои чувства и эмоции.

2. *Экспликация оценки / мнения.* Для “*opinion*” характерно прямое выражение оценки или мнения, в том числе при помощи сочетаний с вводными *I hope* (like, approve, support, etc.)

(7) *I very much welcome* last week’s Government command paper calling for Northern Ireland Protocol to be renegotiated [The Telegraph].

(8) *I sincerely hope* that Mr. Saied will reverse his decisions. There are several constructive steps he can take right now, and Tunisia’s Western and regional allies should support him in taking those steps [The New York Times].

(9) Many vaccinated Americans are delighted that they can visit Europe again, and they will soon be able to drive into Canada as well. President Biden, however, has thus far refused to return the favor, largely keeping in place restrictions to tourists from those regions. *That’s a big mistake, both for our economy and our foreign policy* [The Washington Post].

В данных примерах автор открыто постулирует свою позицию относительно рассматриваемого вопроса, при этом текстовый анализ демонстрирует отсутствие аргументов, их объективирующих, что определяет суть жанра – выражение собственного мнения пишущего, базирующегося скорее на его мировосприятии, а не фактах.

3. *Бездоказательные утверждения.* Автор, пишущий в жанре *opinion*, не ставит перед собой цель предоставить читателю точную выверенную информацию. *Opinion* – продукт авторских размышлений, часто основанных не на логике и фактах, а эмоциях и собственных чувствах. В этой связи встречаются голословные утверждения: т.е. случаи, когда автор высказывает определенную мысль, не подтвержденную доказательствами и фактами, и потому сомнительную [12].

(10) The global fight against Covid-19 is a race between vaccines and variants. *It’s a race we are losing.* Mr. Biden, singularly, has the authority to turn things round [The New York Times].

В данном случае автор утверждает, что США проигрывают борьбу против коронавирусной ин-

фекции covid-19. Эта мысль не основывается на фактологии; кроме того, автор не пытается доказать или опровергнуть ее в рамках статьи, напротив в приведенном отрывке наблюдаем смысловое смещение, когда автор, высказав спорную мысль, переключает фокус внимания на смежную тему: в данном случае действия Байдена в период пандемии. Все это дает основания для расценки мысли как необоснованной. В ряде случаев автор делает попытку выдать субъективное мнение за объективное. Так, в примере (11) автор утверждает, что 90% вины за сложности во взаимоотношениях Великобритании и ЕС лежит на Борисе Джонсоне и Дэвиде Фросте:

(11) The current level of mutual distrust and mudslinging was anything but inevitable. *Ninety per cent of the blame for this lies with the British government, especially with Boris Johnson and Britain's lead negotiator, David Frost. The bombast. The point-scoring. The twisting and turning. The declared willingness to breach international law. The refusal to have any structured relationship with the EU as such, beyond narrow implementation of the withdrawal and free-trade agreements.*

But a small part of the responsibility lies on the continental side, and particularly with the European commission [The Guardian].

Безусловно, невозможно совершить количественный подсчет вины каждой из сторон конфликта, поэтому фраза “ninety per cent of blame” не используется в буквальном смысле, а заменяет более нейтральное «большинство» и выступает в качестве инструмента усиления экспрессии. Далее автор прибегает к парцелляции с целью конкретизации содержания базовой части. Содержательный смысл парцеллятов выдается автором за аргументы, призванные подтвердить высокую степень вины правительства Великобритании, однако в действительности являются слишком обобщенными и бездоказательными утверждениями.

4. *Гиперболизация.* Гиперболизация в текстах opinion может выступать в качестве средства выражения оценки или эмоционально-экспрессивного отношения к описываемому предмету или ситуации и реализуется за счет использования форм превосходной степени качественных прилагательных, наречий-интенсификаторов, наречий времени и пространства, а также местоимений.

(12) I can't think of a column more likely to lose me friends, but if I don't write it I won't be able to sleep at night, so here goes. The Earth is in trouble and it's *the most important crisis* we face; everything else is second order. If we don't act now, an entire way of life will be destroyed. [The Telegraph].

В данном примере речь идет об изменении климата, которое автор называет «самым важным кризисом», с которым столкнулось человечество. Принимая во внимание важность решения экологических вопросов, утверждение о том, что это наиболее важный кризис – намеренное преувеличение (гиперболизация), а не эмоциональное усиление, что подтверждается предыдущим предложением, где автор утверждает, что если не напишет статью, то не будет спать по ночам (в самом деле, в буквальном смысле – будет). Таким образом, высокая эмоциональная нагрузка, создаваемая автором за счет гиперболизации, призвана передать отношение автора к проблеме изменения климата как высокую степень беспокойства.

Другим инструментом гиперболизации оценки выступают наречия-интенсификаторы:

(13) The reality, however, is that pursuing the expungements that those with criminal backgrounds are eligible for is complicated, expensive and requires a great deal of time, which is unfair and asks *too much* from people who are often already facing financial, bureaucratic and legal difficulties [The New York Times].

(14) The selling point is convenience, which modern man thinks is a synonym for freedom, but it *absolutely ain't*, as a recent horror story in the United States demonstrates [The Telegraph].

Наречие *very* передает значительную степень увеличения интенсивности качества / признака, в то время как наречие *absolutely* передает пик интенсивности. В обоих примерах данный прием способствует трансляции завышенной оценки и реакции на ситуацию, а также высказыванию настойчивости и убедительности.

Автор может прибегать к гиперболизации за счет включения местоимений (*everybody, everyone, all, etc.*), временных и пространственных наречий, обозначающих свойства, подвергающиеся измерению (*never, always, everywhere, etc.*):

(15) On all these issues, it is not unfair to say we do not know what the Government plans to do. A new agreement with France aims to tackle the Channel crossings, but *nobody* believes it will stop them [The Telegraph].

(16) *Everyone* knows what needs to be done. *Everyone* is waiting for someone else to do it [The New York Times].

(17) In New York City, tax concessions for those who don't need them *never* die. In fact, they don't even seem to fade away [The New York Times].

В данных примерах слова *nobody, everyone, never* передают максимальное преувеличение, граничащее с нереальностью, что позволяет говорить о высокой эмоциональной значимости для

автора мыслей, транслируемых в данных предложениях.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно дать следующее определение *opinion*. *Opinion* – это универсальный журналистский жанр, целью которого является выражение внутреннего состояния, позиции и эмоций пишущего касательно актуального вопроса / ситуации, что определяет такие его характерные черты, как высокая степень присутствия голоса автора, эксплицитное выражение оценок, гиперболизация в качестве инструмента трансляции оценок и эмоционально-экспрессивного выражения автора. Первоначальные функции создания баланса мнений и формирования общественного мнения постепенно размываются в виду изменения социальной роли *opinion* и трансформирования в сторону усиления экспрессивизации.

Выводы

В фокусе нашего исследования находились тексты жанра *opinion*. Жанр *opinion* получил распространение 50 лет назад в качестве формата, призванного поддержать баланс мнений на страницах газет и усилить их независимость. Первоначально жанр именовался *op-ed*: данное название было призвано отражать «географическое» расположение текстов – напротив *editorial*, а также его идейную составляющую – в текстах выражались мнения внешних колумнистов, противоположные мнению редакции. Массовый переход газет в диджитал стал отправной точкой для трансформации жанра, важной вехой которых стал отказ от первоначального названия. Сегодня тексты, публикуемые в данном жанре, носят различные наименования в зависимости от маркетинговой политики издания; наиболее распространенное – *opinion*. Другим изменением стало постепенное изменение цели жанра – поддержания баланса мнения в обществе – поскольку колонка больше не пишется именно внешним колумнистом (хотя ряд изданий сохраняет это разделение); ключевой целью текста становится экспрессивная функция (функцию выражения внутреннего состояния, эмоций и позиций отправителя). *Opinion* характеризуется комплексом следующих жанрообразующих признаков: 1) ярко выраженное присутствие автора, ориентированного на массового адресата; 2) актуальностью обсуждаемой темы; 3) наличие прогнозирование, отличающегося высокой степенью субъективности; 4) наличие стилистических особенностей, выраженных высокой степенью присутствия авторского голоса, эксплицитном выражении оценки / мнения, присутствием бездоказательных утверждений, гиперболизацией.

На сегодняшний день жанр “*opinion*” получил недостаточное освещение, особенно с учетом

наблюдаемой трансформации, и требует дальнейшего более детального анализа.

Литература

1. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра. URL: <https://btfr.cc/bb6g> (дата обращения: 28.11.21)
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Языки русской культуры, 1996. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. Т. 5. С. 159 – 206.
3. Miller C. R. Genre as Social Action // Quarterly Journal of Speech. 1984. Vol. 70. Issue 2. P. 151 – 167.
4. Paltridge B. Crossing the boundaries of genre studies: commentaries by experts // Journal of second language writing. 2006. № 15. P. 234 – 249.
5. Socolow M.J. A profitable public sphere: the creation of the New York times Op-Ed page // Communication and Journalism Faculty Scholarship. 2020. № 2. P. 281 – 296.
6. Никонова Е.А. Отражение жанровой структуры газетных текстов в композиционной модели газеты (на примере печатной и электронной версии газеты «The Washington Post»). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46352355> (дата обращения: 28.11.21)
7. Басовская Е.Н., Воронцова Т.А. Современный медиатекст: фактор «размытого адресата». URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44100858> (дата обращения: 28.11.21)
8. Кайда Л. Эссе. URL: https://thelib.ru/books/lyudmila_grigorevna_kayda/ess_e_stilisticheskij_portret-read-2.html (дата обращения: 28.11.21)
9. Никонова Е.А. Тенденции экспрессивизации и диалогизации в газетном стиле (на примере новостного блока англоязычных газет) // Научный диалог. 2020. № 9. С. 128 – 143. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43993905> (дата обращения: 28.11.21)
10. Голубева Т.И. Повествование от первого лица как одна из основных лингвистических характеристик текстов автобиографии. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2015_6-2_17.pdf (дата обращения: 28.11.21)
11. Эпштейн М. Эссе об эссе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.emory.edu/INTELNET/esse_esse.html (дата обращения: 28.11.21)
12. Ожегов С.В. Толковый словарь. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 28.11.21)

13. The Economist [Electronic resource]. Access mode: <https://www.economist.com/> (accessed 23.08.2021)

14. The Independent [Electronic resource]. Access mode: <https://www.independent.co.uk/> (accessed 23.08.2021)

15. The Washington Post [Electronic resource]. Access mode: <https://www.washingtonpost.com/> (accessed 23.08.2021)

16. The Guardian [Electronic resource]. Access mode: <https://www.theguardian.com/> (accessed 23.08.2021)

References

1. SHmeleva T.V. Model' rechevogo zhanra. URL: <https://bifr.cc/bb6g> (data obrashcheniya: 28.11.21)

2. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov. Iz arhivnyh zapisej k rabote «Problema rechevyh zhanrov». Problema teksta. Sbranie sochinenij: v 5-ti t. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov. T. 5. S. 159 – 206.

3. Miller C. R. Genre as Social Action. Quarterly Journal of Speech. 1984. Vol. 70. Issue 2. P. 151 – 167.

4. Paltridge B. Crossing the boundaries of genre studies: commentaries by experts. Journal of second language writing. 2006. № 15. P. 234 – 249.

5. Socolow M.J. A profitable public sphere: the creation of the New York times Op-Ed page. Communication and Journalism Faculty Scholarship. 2020. № 2. P. 281 – 296.

6. Nikonova E.A. Otrazhenie zhanrovoj struktury gazetnyh tekstov v kompozicionnoj modeli gazety (na primere pechatnoj i elektronnoj versii gazety «The Washington Post»). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46352355> (data obrashcheniya: 28.11.21)

7. Basovskaya E.N., Voroncova T.A. Sovremennyj mediatekst: faktor «razmytogo adresata». URL:

<https://elibrary.ru/item.asp?id=44100858> (data obrashcheniya: 28.11.21)

8. Kajda L. Esse. URL: https://thelib.ru/books/lyudmila_grigorevna_kayda/esse_stilisticheskiy_portret-read-2.html (data obrashcheniya: 28.11.21)

9. Nikonova E.A. Tendencii ekspressivizacii i dialogizacii v gazetnom stile (na primere novostnogo bloka angloyazychnyh gazet). Nauchnyj dialog. 2020. № 9. S. 128 – 143. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43993905> (data obrashcheniya: 28.11.21)

10. Golubeva T.I. Povestvovanie ot pervogo lica kak odna iz osnovnyh lingvisticheskikh karakteristik tekstov avtobiografii. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2015_6-2_17.pdf (data obrashcheniya: 28.11.21)

11. Epshtejn M. Esse ob esse [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.emory.edu/INTELNET/esse_esse.html (data obrashcheniya: 28.11.21)

12. Ozhegov C.B. Tolkovyj slovar'. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (data obrashcheniya: 28.11.21)

13. The Economist [Electronic resource]. Access mode: <https://www.economist.com/> (accessed 23.08.2021)

14. The Independent [Electronic resource]. Access mode: <https://www.independent.co.uk/> (accessed 23.08.2021)

15. The Washington Post [Electronic resource]. Access mode: <https://www.washingtonpost.com/> (accessed 23.08.2021)

16. The Guardian [Electronic resource]. Access mode: <https://www.theguardian.com/> (accessed 23.08.2021)

GENRE FORMING CHARACTERISTICS OF THE OPINION ARTICLE

*Nikonova E.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Moscow State Institute of International
Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

Abstract: the article deals with the genre characteristics of the opinion. The analysis is based on the “questionnaire of the speech genre” of T.V. Shmeleva. The genre “opinion” was coined 50 years ago and has achieved great popularity in the English broadsheets. The genre has undergone some transformations over the years: firstly, it was renamed from op-ed, secondly, the main function has shifted towards authorial expression. Based on the analysis the following generic characteristics of the opinion are outlined: external authorial voice and evaluations, relevance of the topic discussed, subjective forecasts, evidence-free statements, exaggeration.

Keywords: opinion, op-ed, mass media, “questionnaire of the speech genre” of T.V. Shmeleva, genre

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

*Саттарова З.М., кандидат филологических наук, доцент,
Абляметова С.М., преподаватель,
Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова*

Аннотация: в статье рассматриваются особенности стилистической синонимии крымскотатарского языка. Описываются лексемы, входящие в состав синонимических рядов и отличающихся по стилистической окраске. Анализируется использование лексем в художественном, разговорном, научном, книжном стиле, нейтральная лексика. Под синонимией подразумевают эквивалентные или соотносительные средства речи, представляющие собой для говорящего или пишущего возможность выбрать. Существуют синонимичные слова (сходные, но не тождественные по значению), фразеологические обороты, морфологические формы, категории и синтаксические конструкции. За каждым синонимом стоит смысловое и стилистическое своеобразие, то есть специфические смысловые оттенки, изучаемые стилистикой. По мнению В.В. Виноградова, стилистические синонимы представляют собой значительную часть стилистических средств, так как составляют ту часть словаря литературного языка, которой свойственна стилистическая дифференциация. Стили речи – системы языковых элементов внутри литературного языка разграниченные условиями и задачами общения; форма наших высказываний зависит от того, где, с кем и зачем мы говорим. Стилистические синонимы, как правило, обладают таким же сигнификативным значением как и синонимичное нейтральное слово, и могут соотноситься с одним и тем же денотатом. Целью исследования является анализ синонимии крымскотатарского языка для выявления стилистической дифференциации лексем.

Ключевые слова: синонимия, стилистическая синонимия, семантика, стилистика, структура, лексема, крымскотатарский язык

Исследование эмоционально-оценочного значения слова является одним из основных вопросов лингвистической прагматики. В лексико-семантической системе языка, такого рода оценки закрепляются за стилистически маркированными единицами, словами, обладающими различными коннотациями [1, 2]. В изучении сигнификативного значения слова отличающих нейтральное слово от стилистически маркированного, эмоционально-окрашенного, экспрессивного не выделяются какие-то специальные компоненты (например, в синонимическом ряду *акъылсыз – ахмакъ – будала – тентек – анъкъав – матюв – зырзон* (глупый) [5], лексема *акъылсыз* (*акъылсыз адам – глупый человек – Бу лафларны тек **акъылсыз** адамлар айта биле* [3]. – *Такое может сказать только глупый человек.*) является нейтральной, однако *ахмакъ* (*Эльбет, ёлджулар **ахмакъ** дегиль, олар 15 яшлы огъланлы, ве 18 яшлы «душман» къызнынъ алыны корип, когертеде шамата къонаралар* [3]. – *Конечно, путники не глупцы, увидев 15-ти летнего парня и 18-ти летнюю девушку-«врага» устроили переполох на палубе.*), *будала*, *тентек* (*Бир заманларда **акъылсыз** десень, **акъылсыз** дегиль, **тентек** десень, **тентек** дегиль, Чюкюндюрбаиш деген адам олгъан* [3] – *Не глупец, не дурак, жил-был когда-то человек Чюкюндирбаиш.*), *анъкъав* (*Мени табиplier, экстрасенслер, фалджылар, ырымджылар, дуанен девалайыджыларнынъ сайысы артаяткъанындан зияде бугуньки автоматлаштырув, компьютерлештирув, илим-фенининъ юкселюв заманында саде, **анъкъав** адамлар кет-кете чокълашкъаны айретлендире* [3] – *В нынешний век автоматизации, компьютеризации, век развития*

науки меня поражает увеличение количества глупцов больше чем распространение знахарей, экстрасенсов, гадалок, лекарей.) и др. являются стилистически маркированной т.е. окрашенной лексикой).

Стилистическая синонимия не является предметом острых споров и дискуссий, что, по-видимому, обусловлено отсутствием затруднений при объединении стилистических синонимов в синонимические ряды. Этот разряд синонимов чаще всего определяется как класс слов, тождественных по значению, и, таким образом, не возникает проблемы поиска критериев близости значений. Стилистическая маркированность также определяется довольно четко.

Можно согласиться с исследователями, которые ставят под сомнение определение стилистических синонимов как слов, тождественных по своему значению, поскольку прагматический компонент, также может оказывать определенное влияние. В связи с этим стилистическая маркированность слова приводит к модификации его значения.

Статус стилистических синонимов синтагматический. Употребление маркированных синонимов в силу своей парадигматической опустошенности являются "открытыми" для принятия семантической наполненности извне, которые обладают способностью впитывать в себя семантику контекста [2].

Спецификой стилистической парадигмы является то, что основное различие ее членов базируется на области выражения различного рода оценок. Это зависимость двоякого рода: с одной сто-

роны, соотносённость выражения с представлением о "высоком" или низком" жанре общения, с речью строго кодифицированной либо с просторечием приводит к стилистической маркированности и, как следствие, – к появлению оценочного отношения у говорящего к обозначаемому данному выражения. С другой стороны, денотативный аспект значения лингвистической единицы во вторичной семантической функции обрамляется на основе производного смысла эмотивно-оценочной модальностью, которая способствует появлению у содержания выражения той или иной стилистической значимости.

Основу синонимии представляет общность значения средств речи. В каждом синонимичном слове присутствует и то общее, что позволяет его ставить в параллель с другими словами, и то частное, специфическое, что отличает его от других слов. Не существует абсолютно тождественных по значению слов. В каждом слове есть нечто отличительное, что делает его непохожим на другие.

Следовательно, слова, находящиеся в синонимических отношениях, могут быть связаны друг с другом значением, что выражается ими. Смысловая основа у них одна и та же – она не поддается никакому варьированию. Имеется в виду, что если на основе смыслового критерия эта категория синонимов объединяется, то на основе стилистического – она отделяется. Основным при рассмотрении стилистических синонимов являются их стилистические качества.

Многие синонимы, функционирующие в настоящее время в системе литературного языка, сложились из переносных книжных или разговорных значений, которые в разные периоды развития языка возникали у общих или нейтральных слов, у специальных терминов и у книжных слов. Переносные значения включаются в синонимичные отношения, в результате формируются новые синонимичные ряды и пополняются уже существующие.

Например, лексема *кескин* (*кескин, отькюр пычакъ*) – «острый (острый нож)» (*Ашчынынъ кескин пычакълары онынъ усталыгъыны даа гузель косьтере эди – Острые ножи повара еще более раскрывали его мастерство.*) имеет следующие переносные значения *кескин бибер* – острый (горький) перец (*Кескин бибер емеклернинъ тербиелеринден бири сайыла* [3]. – Острый перец считается одним из достоинств блюда.), *кескин чай* – крепкий чай (*Адамлар сыджакъ, кескин чай араретни къандыра ве сыджакъны эксильте, дейлер* [3]. – Говорят, что горячий, крепкий чай обманывает температуру и снижает жар.), *кескин сес* – звонкий голос (*Кимдир, кескин сеснен: «Ана, о, терек тѣлесинде, пытакъны къучакълап ята!»* –

деп къычыра [3]. – Кто-то звонким голосом кричит: «Мама, он на верхушке дерева лежит, обняв ветку.), *кескин ельчик* – пронизывающий ветерок (*Азбарда бир кескин ель эсе* [3]. – На улице дует пронизывающий ветер.), *кескин бир сувукъ* – пронизывающий холод (*Тышарыда бир кескин сувукъ бар* [3] – На улице пронизывающий холод.), *кескин къокъу* – резкий (неприятный) запах (*Бирден бурнума кескин бир къокъу урды* [3]. – Сразу почувствовался резкий запах.), *кескин инсан* – злой человек (*Къомишумыз Энвер, кескин ве залым адамлардан бири ола* [3]. – Наш сосед Энвер злой и жестокий человек.) и др. которые являются синонимичными следующим лексемам, *кескин бибер*, *аджджы бибер* – острый перец, *кескин чай*, *къюю чай* – крепкий чай, *кескин сес*, *янгъгыравукъ сес* – звонкий голос, *кескин ельчик*, *сувукъ ельчик* – пронизывающий ветерок, *кескин къокъу*, *ярамай къокъу* – резкий (неприятный) запах, *кескин инсан*, *серт инсан* – злой человек;

лексема *къара* (*къара, сия, сим-сия сачлар*) – чёрный (чёрные волосы) имеет следующие переносные значения *къара инсан* – смуглый человек (*Къартлар, яшлар сабадан акъшамгъа къадар о къара инсанлар токътагъан ерге якъындыжа барып, кельмешеклернинъ аркетлерини сейир этип, сѣзлерини анъламай, айретте къалалар* [3]. – Старики, молодёжь с утра до вечера подойдя к месту, где остановились эти смуглые люди, поражаются их действиям, не понимают их языка.), *къара къыш* – суровая зима (*Къара къышта тазе хыяр* [3]. – Свежий огурец в суровую зиму.), *къара хабер* (*кунълер*) – плохая новость (плохие, печальные дни) (*Бу болукнинъ сонъки джумлелерине де дикъкъат этейик : « ... Бир къач вакъыт кечкен сонъ, Вели Ибраимов атып ольдюрильгени акъкъында къара хабердар къатылды»* [3] – Обратим внимание на последние предложения этой части: «... Спустя некоторое время добавилась новость о расстреле Вели Ибраимова». Аллагъа шукюр, о *къара* кунълер кечти. Агъамыз эр кескиби яшай, чалыша, озь къорантасыны кечиндире [3] – Слава Аллаху, эти печальные дни прошли. Наш брат живет как и все, работает, кормит свою семью.) и др., которые являются синонимичными следующим лексемам, *къара инсан*, *эсмери инсан* – смуглый человек, *къара къыш*, *шиддетли* (*къатты*) *къыш* – суровая зима, *къара хабер*, *ярамай хабер* – плохая новость и др.

Задача стилистики языка – выяснить, у каких разрядов групп лексики возникали раньше и возникают в настоящее время переносные значения книжного и разговорного характера. Определение этого словарного материала дает возможность установить некоторые тенденции в развитии синонимических средств языка.

Значит, в результате анализа синонимичных рядов можно выделить два основных вида синонимичной соотносительности. Так как в функции первого члена бинарной оппозиции выступает, как правило, нейтральное слово (являющееся поэтому немаркированным), то принадлежность отдельной синонимической пары к тому или другому типу соотносительности зависит от стилистической характеристики второго члена.

К первому типу соотносительности принадлежат синонимические пары, каждая из которых включает немаркированное нейтральное слово и маркированное книжное слово, например:

севги (нейтр.) – аишкь (книжн.) (любовь)
дудакъ (нейтр.) – леб (книжн.) (губы)
оджа (нейтр.) – муаллим (книжн.) (учитель)
барлыкъ (нейтр.) – вариет (книжн.) (достояние, имущество)
маскъаралыкъ (нейтр.) – резалет (книжн.) (бесстыдство, стыд)

Ко второму типу соотносительности принадлежат пары, включающие нейтральное и разговорное слово, например:

тезден (нейтр.) – ана-мына (разг.) (скоро)
макътанчакъ (нейтр.) – къопаиш, къопай (разг.) (хвастун)
бойсунмакъ (нейтр.) – къатланмакъ (разг.) (подстраиваться, подчиняться)

Ряды стилистических синонимов различны также по количеству входящих в них слов. Прежде всего выделяются ряды, каждый из которых состоит только из двух слов – нейтрального и книжного или нейтрального и разговорного. Следовательно, отдельный ряд этого типа представляет собой бинарную стилистическую оппозицию. Например:

ель (нейтр.) – рузгяр (книжн.) (ветер)
хатире (нейтр.) – афизе (книжн.) (память)
иссе (книжн.) – пай (разг.) (вклад, доля)
деньшишмек (нейтр.) – тюрленмек (разг.) (измениться)
дуйгъу (нейтр.) – ис (книжн.) (чувство).

Анализ структуры синонимических рядов показывает, что в крымскотатарском языке гораздо больше рядов, состоящих из трех и более компонентов. Например:

енъиши (нейтр.) – гъалебе (нейтр.) – зафер (книжн.) (победа)
санки (нейтр.) – дерсинъ (нейтр.) – гуя (книжн.) (будто)
къычырмакъ (нейтр.) – багъырмакъ (нейтр.) – джекирмек (разг.) (кричать)
къадын (нейтр.) – къары (разг.) – апай (разг.) – къысаякълы (разг.) (женщина)
сербест (нейтр.) – азат (книжн.) – урь (книжн.) – эркин (книжн.) (свободный)

хырсызламакъ (нейтр.) – чалмакъ (разг.) – илиндирмек (разг.) – чормакъ (разг.) (украсть).

В языке разделение слов на нейтральные и эмоциональные условно; часто здесь исходят из конкретного контекста, синтактико-семантического окружения. Слово в зависимости от контекста в одном случае может быть нейтральным, в другом может рассматриваться как эмоциональная единица [4].

Стилистические синонимы одинаковые по значению, но различные по стилистическим оттенкам также имеют неодинаковую синонимическую принадлежность, среди них выделяются следующие группы: 1) слова синонимических рядов, с различной стилистической окраской, например, стилистически нейтральное – научное (*кириши – мукъаддеме (введение)*), стилистически нейтральное – разговорное (*арыкъ / азгъын – къакъач / начар (худой, тощий)*), стилистически нейтральное – художественное (*енгиль – хафиф (лёгкий)*); 2) слова синонимических рядов, относящиеся к различным историческим периодам существования языка (устаревшая лексика), например, *дудакъ – эрин, леблер (губы), гъарп – баты (запад), бет, юзь – чере (лицо), къаишкъыр – къурт (волк), балкъурт – ары (пчела)*, второе из выделенных слов-синонимов – устаревшее; 3) слова синонимических рядов, употребляемые в различных сферах (общенародные, диалектные, профессиональные, жаргонные), например, *къыдырмакъ – арамакъ (искать), тюневин – дюн (вчера), чапчакъ – варель, метий, фучу (бочка)* вторые слова диалектные; *тоймакъ – жарг. быкъмакъ (насытиться); кеманеджи – тирсекчи (скрипка) (музыкальное), къавалджы – пармакъчы (флейтист) (музыкальное)*; 4) наличие в одном синонимическом ряду фразеологизмов (устойчивых выражений) и отдельных слов, причём слов нейтральных, а фразеологизмов – разговорных или просторечных, например, *бездирмек – тюнгульдирмек – усандырмакъ – джаныны якъмакъ – джаныны куйдюрмек (надоедать)* в синонимическом ряду *бездирмек – тюнгульдирмек – усандырмакъ* является нейтральным, а фразеологизм *джаныны якъмакъ – джаныны куйдюрмек* просторечным.

Низкая степень семантических различий внутри ряда стилистических синонимов обуславливает использование разных стратегий обработки материала при его восприятии на разных уровнях осознанности.

Таким образом, стилистические синонимы стилистические окраски синонимичных слов становятся очевидными на фоне нейтрального в стилистическом отношении слова, в качестве которого обычно выступает доминанта синонимического ряда. Нередко одной и той же нейтральной доми-

нанте соответствует одновременно два стилистических ряда: и с повышением стиля, и с понижением. В результате анализа синонимичных рядов крымскотатарского языка становится ясно, что чаще всего компонентами рядов являются единицы нейтральной и книжной лексики, разговорные единицы встречаются гораздо реже.

Литература

1. Гончарова Л.М., Лапшина О.Н. Русский язык и культура речи: учебное пособие / Под ред. проф. О.Я. Гойхмана Москва: ИНФРА-М, 2002. 192 с. URL: <http://znanium.com/bookread.php?book> (дата обращения: 21.12.2018)
2. Коротенко Г.Н. Типы и функции стилистических синонимов в русском языке: дис. ...канд. филол. наук. Бишкек, 2002. 136 с.
3. Лингвистический корпус крымскотатарского языка. URL: <http://korpus.juls.savba.sk:8080/manatee.ks/index> (дата обращения: 15.03.2019)
4. Магерамова С.Ш. Семантические и стилистические особенности лексических синонимов (на материале русских переводов современной азербайджанской поэзии): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Баку, 1990. 23 с.

5. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь / Сост. С.М. Усеинов. Симферополь: Издательский дом «Тезис», 2007. 640 с.

References

1. Goncharova L.M., Lapshina O.N. Russkij yazyk i kul'tura rechi: echebnoe posobie. Pod red. prof. O.YA. Gojhmana Moskva: INFRA-M, 2002. 192 s. URL: <http://znanium.com/bookread.php?book> (data obrashcheniya: 21.12.2018)
2. Korotenko G.N. Tipy i funkcii stilisticheskikh sinonimov v russkom yazyke: dis. ...kand. filol. nauk. Bishkek, 2002. 136 s.
3. Lingvisticheskij korpus krymskotatarskogo yazyka. URL: <http://korpus.juls.savba.sk:8080/manatee.ks/index> (data obrashcheniya: 15.03.2019)
4. Magerramova S.SH. Semanticheskie i stilisticheskie osobennosti leksicheskikh sinonimov (na materiale russkikh perevodov sovremennoj azerbajdzhanskoj poezii): avto-ref. dis. ...kand. filol. Nauk. Baku, 1990. 23 s.
5. Russko-krymskotatarskij, krymskotatarsko-russkij slovar'. Sost. S.M. Useinov. Simferopol': Izdatel'skij dom «Tezis», 2007. 640 s.

STYLISTIC SYNONYMY OF THE CRIMEAN TATAR LANGUAGE

*Sattarova Z.M., Candidate of Philological Sciences
(Ph.D.), Associate professor,
Ablyametova S.M., Lecturer,*

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Abstract: the article deals with the peculiarities of stylistic synonymy in the Crimean Tatar language. The lexemes, which are part of the synonymic series and differ in stylistic coloring, are described. The use of lexemes in artistic, colloquial, scientific, book style, neutral vocabulary is analyzed. Synonymy refers to equivalent or related means of speech, representing a choice for the speaker or writer. There are synonymous words (similar but not identical in meaning), phraseological turns, morphological forms, categories and syntactic constructions. Behind each synonym there is a semantic and stylistic singularity, that is, specific shades of meaning, studied by stylistics. According to V.V. Vinogradov, stylistic synonyms represent a significant part of the stylistic means, as they constitute that part of the dictionary of literary language, which is characterized by stylistic differentiation. Speech styles are systems of linguistic elements within the literary language delimited by the conditions and tasks of communication; the form of our statements depends on where, with whom, and why we speak. Stylistic synonyms, as a rule, have the same signifying meaning as a synonymous neutral word, and can correlate with the same denotation. The aim of the study is to analyze the synonymy of the Crimean Tatar language to reveal the stylistic differentiation of the lexemes.

Keywords: synonymy, stylistic synonymy, semantics, stylistics, structure, lexeme, the Crimean Tatar language

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АРАБСКОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ ЧАСТИЦ)

*Стоянова Н.И., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет*

Аннотация: в данной статье рассмотрены особенности частиц входящих в группу служебных слов (الحروف). Так же как союзы и предлоги, относящиеся к этой группе, частицы имеют ряд особенностей, которые связаны с их употреблением, многозначностью и многофункциональностью. Это вызывает сложности в их понимании и переводе. Предложенная нами таблица с разделением частиц на разряды и виды, с многочисленными грамматическими комментариями и примерами должна способствовать более глубокому изучению и пониманию особенностей, категорий и синтаксических функций этой группы служебных слов, что очень важно для их правильного употребления и перевода. В работе приводим примеры морфологического анализа арабских частиц, где используем общепринятую схему разбора служебных слов. Она позволяет определить и обозначить грамматические признаки слова в строгой последовательности, подводит итог в изучении этой части речи, обеспечивает понимание учащимися логики анализа, его полностью, способствует более четкому пониманию изложенного материала и поможет выполнению самостоятельной работы студентов.

Ключевые слова: морфологический анализ, арабский язык, арабские служебные слова, частицы, методика преподавания

Арабская филология считает (الحروف) *харфы* (частицы) третьей, после имен и глаголов, основной группой частей речи в арабском языке. Это же деление, сообщает Н.В. Юшманов, принято и выдающимися европейскими учеными [9, с. 39]. К группе (الحروف) харфы, согласно арабской грамматической традиции, относятся артикль, предлоги, союзы, частицы, наречия, междометия [9, с. 39]. Современные ученые, однако, говоря о служебных словах, как об особых семантических разрядах [4, с. 225]. выделяют предлоги, союзы, частицы, как «переходные промежуточные единицы между полными словами и грамматическими морфемами [4, с. 225].

Они не имеют номинативной функции (не называют предметов, свойств или отношений) и выражают различные семантико-синтаксические отношения между словами, предложениями и частями предложений. Служебные слова имеют постоянную форму, т.е. несмотря на место в предложениях их конечные огласовки не подвергаются изменениям.

В арабском языке нет четкого деления между предлогами, союзами и частицами. Во многих исследованиях, в соответствии с классификацией арабских филологов, говорится о служебных словах (частицах), не делая различия между ними как между отдельными категориями. Действительно, многие служебные слова многозначны и функционируют: (ب) – как предлог перед именем в Р.п. и как частица клятвы; (ل) – как предлог перед именем в форме Р.п. и как частица побуждения перед глаголом в усеченной форме, а также, как союз перед глаголом в сослагательном наклонении; (و) – как частица клятвы и как сочинительный союз и т.д. «Границы между служебными словами в раз-

ных функциях весьма зыбки» – подчеркивает Б.М. Гранде [1, с. 393].

В связи с этим для арабиста важно понять значение служебного слова в определенном контексте. Только в сочетаемости частиц со словами заключается смысл всего словосочетания, поэтому важно различать виды харфов (частиц), их значения, способы употребления и изменения форм имен и глаголов в сочетаниях с ними.

В ряде современных учебников и пособий принято рассматривать служебные слова по **категориям:** предлоги, частицы и союзы. [2, с. 52, 171, 223, 241, 294, 596-604 и др.; См. 8]. В категории частицы представлены служебные части речи, которые придают словам и предложениям дополнительные смысловые оттенки и участвуют в образовании форм слов. Они не являются членами предложения, но могут входить в состав члена предложения. Например: ليكتبوا 'Пусть они напишут!' – входит в состав глагольного сказуемого.

По характеру связи с другими словами арабские частицы, как союзы и предлоги, бывают двух видов: слитные и отдельные. Односложные частицы пишутся слитно с последующим словом. К ним относятся: و; ل; س; ت; ب; أ. Большинство частиц, представляют собой отдельные слова и пишутся отдельно.

В зависимости от того какие смысловые оттенки или отношения выражают частицы в речи, какие функции они выполняют, их принято делить на **три разряда:**

1. *Частицы, выражающие различные оттенки слов в речи* (некоторые из них употребляются с именами, а другие с глаголами).

2. *Модальные частицы:* модально-волевые; модальные частицы. Они выражают реальные

отношения (некоторые из которых употребляются с именами, другие с глаголами).

3. Частицы, выполняющие словообразовательную или формообразующую функции.

Основные разряды имеют **виды**, конкретизирующие дополнительные оттенки или значения,

которые частицы придают отдельным словам, словосочетаниям или предложениям.

Для большей наглядности мы используем таблицу с распределением этих частей речи по разрядам и основным видам.

Таблица 1

Таблица разрядов и видов частиц в арабском языке

Разряд	Вид	Функция	Частицы	Примеры			
Частицы, выражающие смысловые оттенки значений слов	Указательные	Указывают на тот предмет, на который нужно обратить внимание.	ها – 'вот' كنا – 'вот так-кой', 'вот так' كنا وكنا – 'так-то и так-то'	– 'Вот город Москва'. ها هنا معهدنا. – 'Вот здесь наш институт'. هكذا – 'таким образом' قال كنا وكنا – 'Он сказал так-то и так-то'.			
	Указательно-выделительные	Предполагает выделение определенного слова на первое место в предложении. После частицы ل – высказывание имеет усилительный оттенок (падеж выделяемого слова не меняется).	إنّ – 'поистине', 'действительно' (После إنّ. подлежащее принимает форму В.п.). Частица в начале предложения часто не переводится. ل – 'поистине', 'действительно'	– 'Салим энергичен'. – 'И у стен есть уши'. (посл.) إنّ سليماً نشيطاً. – 'Салим, безусловно, энергичен'. – 'Это, действительно, правильно'.			
	Выделительно-ограничительные	Выделяют слово из общего смыслового целого. (Обычно употребляются после слова, к которому относятся.) (В сочетании с отрицательными частицами لم и ما, которые употребляются перед выделяемым словом فقط переводится 'совсем не').	فقط – 'достаточно', 'довольно' (ما + فقط) – 'совсем не'. (ف + فقط) – 'только', 'и только'	– 'Я <u>совсем</u> его <u>не</u> знал.' – 'Он этого <u>совсем не</u> ждал.' – 'только', 'и только' – 'Она поступает <u>только</u> в университет.' – 'Тебе <u>достаточно</u> этого.'			

Продолжение таблицы 1

Частица исключения	Частица употребляется перед именем в В.п. (В отрицательных предложениях после [ألا] падеж имени не меняется).	إلا – ‘кроме’	جاء القوم إلا زيداً – ‘Пришли люди кроме Зейда.’ ما جاء القوم إلا زيدٌ – ‘Не пришел никто кроме Зейда.’ (Пришел только Зейд.)				
Частицы обращения	Употребляются перед словом, к которому обращаются. (После <i>يا</i> слово имеет форму И.п. без таввина. Если оно имеет при себе определение в Р.п., то принимает форму В.п.). После частиц <i>أيها</i> <i>أيته</i> употребляется имя в определенном состоянии в И.п.	يا أيته، أيها – ‘О!’	يا رجل! – ‘(О) человек!’ يا بائع الكتب! – ‘(О) продавец книг!’ يا محمد! – ‘(О) Мухаммад!’ يا أمير المؤمنين! – ‘(О) повелитель правых!’ أيها الزملاء يجب عليكم أن تترجموا هذا النص العربي – ‘Коллеги, вам необходимо перевести этот арабский текст.’				
Ограничительно-подтвердительная частица	Указывает на законченность действия глагола в форме прошедшего времени в значении ‘уже’.	قد – ‘уже’;	وقد نظمت مقابلات ودية بين وفود كثيرة – ‘Уже состоялись дружественные встречи между многочисленными делегациями’.				
	Перед глаголом в форме настоящего времени имеет значение ‘иногда’, или передает модальный оттенок ‘возможности’, ‘вероятности’ действия.	قد – ‘иногда’, ‘возможно’, ‘вероятно’	قد يدخل الجامعة في هذه السنة. – ‘Возможно, он поступит в университет в этом году’. قد تنزل الثلج غدًا – ‘Вероятно, завтра выпадет снег’.				
Модально-волевые частицы	Частица <i>ل</i> в сочетании с усеченной формой глагола 1-ого и 3-ого лица образует т.н. побудительную форму. Имеет значение ‘пусть’, ‘давайте’. В восклицательных предложениях частица может передавать оттенок желательности, т.е. выступает в значении ‘да’, ‘пусть’.	ل – ‘пусть’; ل – ‘давай’, ‘давайте’	ليقرأ! – ‘Пусть прочтет!’; لذهب! – ‘Давайте пойдем!’. ليحيا! – ‘Да здравствует!’				

Продолжение таблицы 1

	Частицы клятвы	Для выражения клятвы употребляются приименные слитные частицы بِ ' وَاللهِ ' بِ ' وَاللهِ ' بِ ' وَاللهِ ' с именем в Р.п. Частица بِ употребляется с именем в И.п.	بِ وَاللهِ بِ وَاللهِ بِ وَاللهِ	– ‘Клянусь Аллахом!’ – ‘Клянусь Аллахом!’ – ‘Клянусь Аллахом!’ – ‘Клянусь своей головой!’ – ‘Клянусь твоей жизнью!’			
Модальные частицы, выражающие реальные отношения	Утвердительные частицы	Частицы ответа, подтверждающие правильность высказанного положения, наличия факта или явления. Частица بَلَى употребляется как ответ на вопрос с отрицанием.	نَعَمْ أَجَلْ – ‘да’ بَلَى – ‘да, конечно’	هل هذه غرفة النوم؟ نعم، وهي جميلة جدًا. – ‘Это спальня?’ – Да, и она очень красива.’ – ألسنت يقائل ذلك؟ – بلَى. – ‘Не ты ли это сказал?’ – Да (я).’			
	Отрицательные частицы	Частица отрицания употребляется, когда опровергается вопрос, предполагавший положительный ответ – ‘нет’;	لا – ‘нет’	هل – لا، أنا طالب في المعهد. انت طالب في الجامعة؟ – ‘Ты студент университета?’ – Нет, я студент института.’			
	Именные частицы отрицания	Так же употребляется и частица كَلَّا – ‘совсем нет’;	كَلَّا – ‘нет’, ‘совсем нет’ ‘никогда’; ‘так нет же’	هل انت معلم؟ كَلَّا، أنا ؟ – ‘Ты преподаватель?’ – Совсем нет, я бизнесмен.’ – اضرب زيدا! كَلَّا – ‘Ударь Зейда! Никогда!’ – كَلَّا سوف تعلمون! – ‘Так нет же! Скоро вы узнаете!’			
		Частица абсолютного отрицания لَا – ‘не’ употребляется <u>в именных модальных оборотах (с последующим именем в винительном падеже без танвина).</u>	لا – ‘не’	– لا رَجُلٌ في العُرْفَةِ – ‘Нет никакого мужчины в комнате.’ – لا رَيْبٌ فِيهِ – ‘Нет никакого сомнения в нем.’ – لا شَكَّ – ‘несомненно’; – لا فَرْقَ – ‘безразлично’			
		Двойная частица отрицания لَا ... لَا – ‘ни ... ни’.	لا ... لا – ‘ни ... ни’	– لا ينام ولا يأكل – ‘Он ни спит, ни ест.’			

Продолжение таблицы 1

Отрицательные частицы (глагольные)	Частица لا – ‘не’ выполняет функцию отрицания действия <u>в настоящем</u> ; Частица ما – ‘не’ выполняет функцию отрицания действия <u>в прошедшем времени</u> ; Частицы لَمْ – لَمْأ – (совсем) не’, ‘еще не’ выполняют функции отрицания действия прошедшего времени с оттенком категорического отрицания. (<u>употребляются с усеченным наклонением</u>); Частица لَنْ выполняет функцию отрицания действия <u>в будущем времени</u> с оттенком категорического отрицания. (после нее глагол получает <u>форму сослагательного наклонения</u>)	لا – ‘не’ ما – ‘не’ لَمْ – ‘(совсем) не’ لَمْأ – ‘еще не’ لَنْ – ‘никогда не’; ‘никак не’	لا يشترك وفد روسيا في الألعاب. – ‘Делегация России не участвует в играх.’ !الكِتَابَ هَذَا مُحَمَّدٌ يَقْرَأُ لَا – ‘Пусть Мухаммад не читает эту книгу!’ ما – النَّصَّ هَذَا قَرَأْتُ مَا – ‘Я не читал этот текст.’ زَيْدٌ جَاءَ مَا – ‘Зейд не пришёл.’ لَمْ يَرْقَصَ لَمْ – ‘Он (совсем) не танцевал.’ الْقُرْآنَ أَبُوكَ يَقْرَأُ لَمْ – ‘Твой отец (совсем) не читал Коран.’ لَمْأ يَرْقَصُ – ‘Он еще не танцевал.’ لَمْأ إِلَى أَسَافِرُ لَمْأ – ‘Я еще не ездила в Ливан.’ لَنْ الْمَرَضِ هَذَا عَنْ يَتَكَلَّمُ لَنْ – ‘Он никогда не будет говорить об этой болезни.’ لَنْ هَذَا يَفْعَلُ لَنْ – ‘Он никогда не сделает это.’				
Вопросительные частицы	Частицы هَلْ ، أ ، هَلْ и их отрицательные варианты (أَلَمْ ، أَلَمْأ ، أَلَمْأ) служат для оформления общего вопроса	هَلْ – ‘ли’; (أَلَمْ ، أَلَمْأ ، أَلَمْأ) – ‘разве не’	– إِهْوَاءَ الْبَنَاتِ طَالِبَاتٍ ؟ – ‘Эти девушки студентки?’ هَلْ تَذَكُرُ الْجَرَائِدَ هَذَا الْحَدِيثِ – ‘Газеты сообщают об этом важном событии?’ أَلَا هُوَ عَضُوًّا لِهَذَا الْوَفْدِ – ‘Разве он не член этой спортивной делегации?’				
	Частицы هَلْ ، أ ، هَلْ служат для оформления альтернативного вопроса;	أ (هَلْ) ... أَوْ (أَلَمْ) – ‘ли...или’	– هَلْ هُوَ طَالِبٌ أَمْ مَدْرَسٌ؟ – ‘Он студент или учитель?’				

Продолжение таблицы 1

		Частицы служат для оформления косвенного вопроса.	إن...أم، ما، إذا – ‘ли’; ‘ли... или’	– سألتني ما كان هناك خطر. ‘Он спросил меня о том, есть ли в этом какая-то опасность.’ – سألتني إذا كان هناك خطر. ‘Он спросил меня о том, есть ли в этом какая-то опасность.’ لا أدري إن يسخر مني أم يقول جدًا. – ‘Я не понимаю, смеется ли он надо мной или говорит серьезно.’			
Модально-экспрессивные частицы выражения эмоциональных оттенков высказывания	Частицы, выражающие удивление, восклицание:	‘как!’; ‘что за!’; ‘вот так!’;	ما глаг. частица	– ما أجمل وطننا! ‘Как красива наша родина!’			
		‘как!’;	– كم употребляется перед именами и перед глаголами	– ‘Как я тебя люблю!’ – ‘Как он красив!’ كم كان دهشتنا عزيمة عندما عرفنا – ‘И как же велико было наше изумление, когда мы познакомились (с этим)!’			
	Частицы сожаления, удивления, радости	وا – ‘о!’; ‘увы!’ частица употребляется перед именем с окончанием اه	وا именная частица	– ‘О, как жаль!’; ‘Увы!’ ر وا فرحتاه! – ‘Какая радость!’;			
	Усилительно-восклицательная частица	يا – ‘как!’ يا + ل ‘равно’	يا именная частица	– ‘Как жаль!’ يا للعار! – ‘О, позор!’			
Частицы, выполняющие словообразовательную функцию	Частицы для образования прилагательных и наречий;	Частица لا ‘не’, ‘без’ используется для образования относительных прилагательных (с отрицательным) значением и наречий.	لا – ‘не’, ‘без’	– لا سلكي ‘беспроволочный’ – لا نهائي ‘бесконечный’ – لا سيما ‘в особенности’			
	Частица неопределенности	Частица ما для образования наречий: от глаголов; для усиления наречий:	ما	– قلما ‘редко’ – طالما ‘долго; часто’ – كلما ‘всякий раз, как’ – قليلا ‘редко’ – غالبا ‘часто’ и др.			

Продолжение таблицы 1

	Указательная частица ها	Указательная частица ها, которая входит в состав местоимения, указывающих на близкорасположенные предметы. (هذا، هذه، هذان، هتان، هؤلاء)	ها – ‘вог’; ‘вот так’	– هذا الرجل كاتب مشهور – ‘Этот мужчина известный писатель.’ – ها هو هذا الرجل – ‘Вот он этот мужчина.’			
Частицы, выполняющие формообразующую функцию	Частицы будущего времени	س (слитная частица); سوف (раздельная частица)	س سوف	– سأكتب – ‘я напишу’ – سوف أكتب – ‘я напишу’			
	Частица для выделения второго слитного местоимения при двойном переходном глаголе	إيّا – частица выполняет формально-грамматическую функцию при построении грамматических конструкций, не привнося в высказывание никаких дополнительных оттенков.	إيّا	حصل على الرسالة و سلمني إيّاها. – ‘Он получил письмо и вручил мне его’. – إيّاك نعبّد – ‘Тебе мы поклоняемся’.			

В целом частицы можно разделить на: А. глагольные и Б. именные.

Глагольные частицы:

A1. Частицы ما и لا образуют отрицательную форму глаголов прошедшего и настоящего – будущего времени.

A2. Частицы س (слитная) и سوف (لا) (отриц.) употребляются для образования формы настоящего-будущего времени глагола.

A3. Частица لن – ‘не’, ‘никогда’, ‘никак не’ ставит глагол в сослагательное наклонение (см. табл. 1)

A4. Частицы, после которых глагол получает усеченную форму

(حروف تجزم الفعل المضارع):

частица لا – ‘не’ в значении запрещения (образует т.н. побудительно-запретительную форму): لا تجلسوا – ‘не садитесь!’ (табл. 1).

частица لي – для выражения приказания, пожелания (в 1-ом и 3-м лице) (табл. 1).

частица لَمْ – в значении ‘совсем не’, لَمْأ – в значении ‘еще не’ имеют значение большей категоричности отрицания прошедшего действия (табл. 1)

Частицы, ставящие имя в винительный падеж

B1. Частица إِنَّ ‘действительно’, ‘подлинно’

إِنَّ سَلِيمًا نَشِيطٌ – ‘Действительно, Салим энергичен.’

لَعَلَّ ‘может быть’, ‘пожалуй’, ‘авось’

لَعَلَّ مُحَمَّدًا يَكْتُبُ – ‘Возможно, Мухаммад пишет.’

لَعَلَّكَ شَاعِرٌ – ‘Может быть, ты поэт’.

لَيْتَ ‘о, если бы!’

لَيْتَ لِي صَدِيقًا مُخْلِصًا – ‘О, если бы я имел искреннего друга!’

B.2 Частица لا ‘нет» в значении абсолютного, категорического отрицания употребляется в именных модальных оборотах (с последующим именем в винительном падеже без танвина) (табл. 1).

لا لون لها ولا شكل. – ‘У нее нет ни цвета, ни формы’.

B.3 отрицательные частицы ما ‘ма’ и لا ‘ла’ и др. подобно глаголу ليس ‘лайса’ требуют постановку именного сказуемого в винительный падеж.

ما زيد قائمًا – ‘Зейд не стоит’.

B.4 частица исключения إلا ‘кроме’. После нее исключаемое имя ставится в В.п.. Если частице предшествует отрицательное предложение или запрет, или вопросительное предложение и в них упомянуто то, из чего делается исключение, то исключаемая часть либо согласуется в падеже, либо находится в В.п.

Например:

– محمّدًا إلا الطلاب جاء – ‘Пришли студенты кроме Мухаммада’.

لَا يَزِيدُ (زَيْدًا) إِلَّا أَحَدٌ يَنْصَرِفُ لَا – ‘Пусть никто не уходит кроме Зейда!’

– الأخاك إلا أحدًا زُرْتُ ما – ‘Я посетил только твоего брата’. (букв. никого кроме твоего брата)

Б.5 частица إِنَّا для выделения второго слитного местоимения (см. табл. 1).

إِنِّي أَعْطِيكَ – ‘дай мне его’.

Б.6 частица сожаления, удивления, радости وَا – в значении ‘о!’; ‘увы!’ употребляется перед именем с окончанием ا. (табл. 1)

План морфологического разбора частицы

1. Часть речи, категориальное значение.
2. Разряд частицы по функции (смысловая, эмоционально-экспрессивная, словообразующая, формообразующая)
3. Подразряд частицы по значению (отрицательная, вопросительная, усилительная и др.)
4. Особенности употребления
5. Структура частицы (простая/ составная, производная/ непроизводная)
6. Синтаксическая роль.

أَيْتَهَا النُّجُومُ! كَمْ مِنَ النَّاسِ نَظَرُوا إِلَيْكَ! ‘О, звезды!

Сколько людей смотрели на вас!’.

أَيْتَهَا النُّجُومُ

1. أَيْتَهَا – частица
2. смысловая
3. частица обращения (звательная) «О!»
4. употребляется с именем в И.п., в определенном состоянии

5. составная, производная от أَيْ + هَا;

6. не является членом предложения

إِنَّ الْحَقِيرَ قَدْ يَظُنُّ فِي نَفْسِهِ أَنَّهُ كَبِيرٌ فَيَطْلُبُ لَهُ مَجْدًا وَذِكْرًا كَثِيرًا.

– ‘(Подлинно), ничтожество иногда считает себя великим и требует восхваления и славы’. (посл.)

إِنَّ الْحَقِيرَ

1. إِنَّ – частица
2. смысловая
3. указательно-выделительная частица в значении ‘подлинно’, ‘действительно’
4. после нее подлежащее принимает форму

В.п

5. простая, непроизводная

6. не является членом предложения.

إِنَّ الْحَقِيرَ قَدْ يَظُنُّ فِي نَفْسِهِ أَنَّهُ كَبِيرٌ فَيَطْلُبُ لَهُ مَجْدًا وَذِكْرًا كَثِيرًا

قَدْ يَظُنُّ

1. قَدْ глагольная частица
2. смысловая
3. ограничительно-подтвердительное значение «иногда»
4. употребляется перед глаголом в настояще-будущем времени

5. простая, непроизводная

6. не является членом предложения.

أَطْرَقَ الْحَمِيدَ مَا دَامَ حَامِيًا – ‘Куй железо пока (продолжает быть) горячо’ (посл.).

مَا دَامَ

1. مَا – глагольная частица,
2. формообразующая;

3. отрицательная частица, употребляется в сочетании с глаголом دَامَ в значении (продолжает быть);

4. употребляется перед глаголом _____ в прошедшем времени;

5. простая, непроизводная

6. входит в состав сказуемого.

لَا تُؤَخِّرْ عَمَلَ الْيَوْمِ لِعَدِّهِ – ‘Не откладывай работу сегодня на завтра’. (посл.)

لَا تُؤَخِّرْ

1. لَا – глагольная частица,
2. **формообразующая;** образует повелительно-запретительную форму;
3. отрицательная частица,
4. употребляется перед глаголами в усеченной форме;

5. простая, непроизводная

6. входит в состав сказуемого.

إِنَّا لَوَاتِقُونَ مِنْ إِهْتِمَامِكُمْ بِهَذَا الْمَعْرَدِ

Мы убеждены, что Вас заинтересует эта выставка’.

إِنَّا

1. إِنَّ – именная частица,
2. смысловая.
3. указательно-выделительная частица в значении ‘подлинно’, ‘действительно’ (употребляется в начале предложения, можно не переводить)
4. после нее подлежащее (личное местоимение) принимает форму В.п.

5. простая, непроизводная

6. не является членом предложения.

لَوَاتِقُونَ

1. لَ – именная частица,
2. смысловая
3. указательно-выделительная частица в значении ‘подлинно’, ‘истинно’
4. употребляется перед именем в И.п.
5. простая, непроизводная
6. входит в состав именного сказуемого.

Проведённый нами обзор частиц в арабском языке может помочь более четкому пониманию их функционирования, что очень важно для их правильного перевода. Кроме того, он может быть полезен в сравнении служебных слов разносистемных языков как, например, арабского и русского.

Литература

1. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд., репринтное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 92 с.

2. Ковалев А.А. и Г.Ш. Учебник арабского языка. 3-е изд., исправл. и дополн. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 751 с.

3. Лебедев В.В. Арабская грамматика. Базовый курс на русском и арабском языках. 2-е изд., стер. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2005. 171 с.

4. Мишкурин Э.Н. Типология диалектного и литературного грамматического строя современного арабского языка. М.: Изд-о «Флинта», 2019. 430 с.

5. Мокрушина А.А. Грамматика арабского языка в таблицах и упражнениях. СПб: «Каро», 2015. 224 с.

6. Рыжих В.И. Грамматические категории русского и арабского языков в сравнительно-историческом освещении. <http://khraniteli.info/05.html>

7. Рыжих В.И. Частицы в значении арабского глагола ليس // Східний світ. 2009. № 2. http://irbisnbuf.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuf/cgiirbis_64.exe?2009_2_19, 06.09.2021/18.34

8. Талипов Нодир. Абдулкахир аль-Джурджани и его способ изложения грамматики арабского языка. <https://cyberleninka.ru/article/v/abdul-kahir-al-dzhurdzhani-i-ego-sposob-izlozheniya-grammatiki-arabskogo-yazyka>

9. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. 3-е изд. М.: Изд-во «Наука», 1985. 174 с.

References

1. Grande B.M. Kurs arabskoj grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii. 2-e izd., re-

printnoe. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1998. 92 s.

2. Kovalev A.A. i G.SH. Uchebnik arabskogo yazyka. 3-e izd., ispravl. i dopoln. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1998. 751 s.

3. Lebedev V.V. Arabskaya grammatika. Bazovyj kurs na russkom i arabskom yazykah. 2-e izd., ster. M.: AST: «Vostok-Zapad», 2005. 171 s.

4. Mishkurov E.N. Tipologiya dialektного i literaturnogo grammaticheskogo stroya sovremennogo arabskogo yazyka. M.: Izd-o «Flinta», 2019. 430 s.

5. Mokrushina A.A. Grammatika arabskogo yazyka v tablicah i uprazhneniyah. SPb: «Karо», 2015. 224 s.

6. Ryzhikh V.I. Grammaticheskie kategorii russkogo i arabskogo yazykov v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii. <http://khraniteli.info/05.html>

7. Ryzhikh V.I. Chasticy v znachenii arabskogo glagola ليس . Skhidnij svit. 2009. № 2. http://irbisnbuf.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuf/cgiirbis_64.exe?2009_2_19, 06.09.2021/18.34

8. Talipov Nodir. Abdulkahir al'-Dzhurdzhani i ego sposob izlozheniya grammatiki arabskogo yazyka. <https://cyberleninka.ru/article/v/abdul-kahir-al-dzhurdzhani-i-ego-sposob-izlozheniya-grammatiki-arabskogo-yazyka>

9. Yushmanov N.V. Grammatika literaturnogo arabskogo yazyka. 3-e izd. M.: Izd-vo «Nauka», 1985. 174 s.

MORPHOLOGICAL ANALYSIS OF WORDS IN ARABIC LANGUAGE CLASSES (ON THE EXAMPLE OF PARTICLES)

Stoyanova N.I., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Dagestan State University

Abstract: this article reviews the features of the particles included in the group of functional words (الحروف). As well as conjunctions and prepositions, belonging to this group, particles have a number of features that are associated with their use, polysemy and multifunctionality. This causes difficulties in understanding and translating them. The proposed by us table with the division of particles into categories and types, with numerous grammatical comments and examples should contribute to a deeper study and understanding of the features, categories and syntactic functions of this group of functional words, which is very important for their correct using and translation. This work provides examples of morphological analysis of Arabic particles, in which we use the generally accepted parsing scheme for functional words. It allows to determine and identify the grammatical features of a word in a strict sequence, summarizes the study of this part of speech, provides students with an understanding of the logic of analysis, its completeness, contributes to a clearer understanding of the presented material and will help students to complete their self work.

Keywords: morphological analysis, Arabic, functional words in Arabic, particles, teaching methodology

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

*Хрипкова Д.И., ассистент,
Каюмова Д.Ф., доктор филологических наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация: актуальность данного исследования обусловлена тремя аспектами. Первым аспектом является высокая частотность использования паремиологических единиц в английском языке. Второй – недостаточность изучения классификации паремий с компонентом модальности в лингвистической науке. Третий аспект заключается в важности изучения грамматических и лексических структур в пословицах и поговорках английского языка. Целью данного исследования является определение особенностей грамматических структур паремиологических единиц (ПЕ) с компонентом модальности английского языка. Модальность включает в себя отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение содержания высказывания к действительности. Научная новизна работы заключается в изучении типологии грамматических структур паремиологических единиц с компонентом модальности. В данной статье раскрывается сущность категории модальности пословиц и поговорок, заключающаяся в грамматических структурах и семантических особенностях исследуемого языка. В результате данного исследования выявлены особенности грамматических структур паремиологических единиц с компонентом модальности в английском языке. Данная работа может быть использована в научных интересах для более глубокого изучения категории модальности и ее структур в пословицах и поговорках исследуемого языка.

Ключевые слова: модальность, компонент, категория модальности, паремиологические единицы, английский язык

В системе лингвистического знания одну из важнейших ролей играет лингвокультурный текст – паремическая единица. Она содержит в себе информацию о культуре народа и этноса. Именно поэтому интерес к фольклору является одной из особенностей лингвокультурологии.

Исследователь А.А. Потебня в своих работах определяет паремии как средства языка и подчеркивает проявление в них специфики мировоззрения определенного народа. Он указывает, что пословицы являются короткими разнородными высказываниями. Он пишет о паремиях как «о поэтической форме, которую можно назвать сокращением басни» [1, с. 57].

С недавних пор ученые-лингвисты стали интересоваться вопросом модальности в изучаемых языках. Несмотря на давнюю историю возникновения модальности и большое количество работ, посвященных данному полю исследования, до сих пор остаются вопросы и проблемные аспекты ее изучения. В лингвистике отсутствует четкое определение категории модальности.

Модальность относится к одной из самых сложных и противоречивых областей лингвистики. Природа возникновения модальности, а также ее категориальная принадлежность четко не определены. Также отсутствует общая классификация модальности и ее категорий. Исходя из этого, вопрос модальности открытый и достаточно дискуссионный, а значит, и актуальный.

Категория модальности обладает разноплановостью, и прослеживается ее тесная связь с онтологической и логической модальностями, которые влияют на лингвистическую трактовку понятия

модальности. В ряде работ по изучению вопросов категории модальности встречается понимание ее как семантической категории, опирающееся на разработанную формальной логикой теорию модальности суждения. Существуют два типа суждения. Первый описывал в свое время древнегреческий философ Аристотель. Он различает суждения действительности, возможности и необходимости. Второй тип – по признаку суждения ложности или достоверности [2, с. 78].

Среди исследователей весьма распространено изучение грамматико-лексического поля категории модальности. Оно представляет собой разнообразные модальные значения, выраженные грамматическими, лексическими и просодическими средствами. Модальность определяется как отношение высказывания к действительности. Такое широкое понимание модальности позволяет объединить под этим термином разнообразные значения. Эта теория модальности представлена в работах В.В. Виноградова. Она рассматривается им как одна из центральных категорий языка. Он включает в это понятие виды значений, выраженные формами глагола, синтаксическими частицами, интонацией, модальными глаголами и т.д. [3, с. 73].

Учеными всегда осознавался факт того, что связь действительности и высказывания не всегда указывается и ограничивается только формами наклонения. На это также указывают эмоции, выраженные «оттенками или модальностью того, как говорящий относится к высказыванию» [3, с. 32]. Из этого можно сделать вывод, что подобная категория модальности является частью обширного

поля исследования, нуждающегося в активном обсуждении.

В своих работах по изучению модальности В. В. Виноградов рассматривал предикативность предложения. Она представлена также в работах О.И. Москальской по изучению грамматики литературного языка [4, с. 143]. Предикативность – это отнесенность содержания предложения к действительности, находящая свое выражение в категориях модальности, времени и лица. В односоставных предложениях предикативность выражается с помощью лексического значения слов в предложении, контекста и интонации. Таким образом, предикативность – категориальный синтаксический признак, необходимо присущий каждому предложению. Модальность, а точнее, объективная модальность, является «составной частью предикативности» [5, с. 47]. Рассмотрев связь модальности с предикативностью, вслед за авторами можно сделать следующий вывод: модальность – это синтаксическая предикативная категория, которая объединяет три типа модальных отношений: отношение предложения к реальности с точки зрения реальности / нереальности; достоверности / недостоверности; отношение субъекта действия к совершаемому им действию / или отношение субъекта к действию, которому он подвергается.

Аристотель рассматривал шесть «типов словесного изложения» действительности: приказ, мольба, просьба, повествование, угроза, вопрос, ответ. Под «типами словесного изложения» Аристотель понимал не отдельные слова или формы слов, а целые словосочетания, предложения как выражения определенной модальности [2 с. 127].

В данной работе изучены грамматические структуры паремиологических единиц с компонентом модальности (КМ). В ходе исследования были выявлены различные типы предложений с категорией модальности, а именно повествовательные, побудительные и вопросительные.

Разберем ПЕ с КМ, которые выступают в предложениях без определения, но в них встречается подлежащее: *freshness is next to godliness* – ‘праведность – признак чистоплотности’ [6, с. 38]; *idleness is the foundation of each destructive* – ‘праздность является матерью главных пороков’ [6, с. 68]; *live and let learn* – ‘пока живешь, дай жить и другим’ [6, с. 79].

В данной статье раскрываются ПЕ со значениями реальности – ирреальности, желания – нежелания. Например, в такой паремиологической единице, как *little pigeons can carry great messages* – ‘мал, да удал’ [6, с. 79], прослеживается значение реальности. Приведем следующие примеры: *you cannot fly the same ox twice* – ‘с одного вола двух шкур не дерут’ [6, с. 79]; *appreciation can't be*

unnatural – ‘силком милым не будешь’ [6, с. 30], иначе говоря, силой любить человека не заставишь. В данной ПЕ компонент модальности проявляется в значении нежелания действия, ведь действительно, силой человека не заставить, если у него не будет желания.

В ходе работы выяснилось, что в паремиологических единицах может встречаться определение, выраженное именем прилагательным, без которого пословица утрачивает смысл. Приведем примеры: *a good horse must not be spurred* – ‘хорошей лошади хлыст не нужен’ [6, с. 107].

Отрицание часто используется в ПЕ с компонентом модальности. Часто встречаются отрицательные конструкции *can't*. Приведем примеры: *What can't be cured must be endured* – ‘чему быть, того не миновать; терпение лучше спасения; для спасенья надобно терпенье’ [6, с. 42]; *you cannot make a silk purse out of a sow's ear* – ‘горбатого могила исправит’ [6, с. 41]; *you can't wash charcoal white* – ‘темную душу мылом не отмыть’ [6, с. 127]. Компонентом модальности является значение реальности высказываемого.

В ходе исследования были выявлены паремиологические единицы с компонентом модальности со структурой сложноподчинённых предложений. Среди них можно выделить следующие группы:

1. Сложноподчинённые виды предложения с придаточным *if*, например: *If a lie could have choked him, it would have done it* – ‘досл. если бы ложь могла задушить его, она бы сделала это’ [6, с. 70]. Отметим, что придаточное предложение с конструкцией *if* подчеркивает модальность условия какого-либо действия. В следующем примере компонент модальности также подчеркивает это значение: *If there were no clouds, we should not enjoy the sun* – ‘если бы не было облаков, мы бы не любили солнца; = чем ночь темнее, тем ярче звезды’ [6, с. 70].

2. Сложноподчинённые предложения с местоимениями *that* и *it* в качестве подлежащего: *he that fears every bush must never go a birding* – ‘тот, кто боится каждого куста, не должен ходить на ловлю птиц; не ходи в лес, коли зайца боишься; волков бояться – в лес не ходить’ [6, с. 72]; *He that will not when he may, when he will he shall have nay* – ‘тот, кто не хочет когда может, уже не сможет, когда захочет’ [6, с. 60].

3. Группа сложноподчинённых предложений, вводимые союзом *when*. Например: *when you are annoyed, you should count a hundred* – ‘когда рассердишься, не забудь сначала посчитать до 100’ [6, с. 123]; *when the cat is absent, the mice should act* – ‘мышам целое раздолье, если рядом нет кота’ [6, с. 124]. В данных ПЕ компонент модальности выражен модальным глаголом *should*.

4. Группа со сложноподчинёнными предложениями, начинающимися местоимением *what* в качестве подлежащего, например: *what the eye dies not see the heart can not grieve (doesn't grieve over)* – ‘с глаз долой, из сердца вон’ [6, с. 123]; *what must be, must be* – ‘что предначертано, то не минуемо’ [6, с. 124]. В данных ПЕ компонент модальности выражен модальным глаголом *must*.

Среди паремиологических единиц с компонентом модальности встречаются также простые бессоюзные предложения. В их состав входят предложения, характеризующиеся максимальной краткостью: *what must be, must be* – ‘чему быть, того не миновать’ [6, с. 82].

Таким образом, рассмотрев паремиологические единицы с компонентом модальности в английском языке, можно сделать вывод, что паремиологические единицы английского языка – это языковые логические единицы, выражающие то или иное суждение в лаконичной форме. Также была рассмотрена категория модальности, относящаяся к числу ключевых категорий в современном языкознании. Она является одним из сложных и противоречивых явлений, поскольку нет единого определения категории модальности. В результате исследования получено, что особенностью грамматических структур ПЕ с компонентом модальности является частое использование придаточного *if*, местоимений *that* и *it*, союза *when* в начале сложноподчинённых предложений.

Перспективой дальнейшего исследования является детальное изучение категории модальности в паремиологических единицах английского языка, их грамматических структур и проведение сопоставительного анализа с другими языками. Это позволит также выделить культурные и национальные аспекты каждого исследуемого языка.

Литература

1. Потебня А.А. Мысль и язык, М: Правда, 1989. 203 с.
2. Аристотель. Риторика. Поэтика // Аристотель: пер. с древне-греческого и примечание О.П. Цыбенко; под ред. О.А. Сычева. Москва: Лабиринт, 2000. 224 с. URL: <https://ru.djvu.online/file/PVZCnDTrRUZro> (дата обращения: 08.10.2021)

ринт, 2000. 224 с. URL: <https://ru.djvu.online/file/PVZCnDTrRUZro> (дата обращения: 08.10.2021)

3. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975. С. 53 – 87.

4. Москальская О.И. Теоретическая грамматика немецкого языка. М.: Академия, 2004. 344 с.

5. Каракулаков В.В. У истоков учения о грамматической категории наклонения // Иностранная филология. Вопросы классической филологии. Изд-во Львовского ун-та, 1976. С. 51 – 57. № 9.

6. Азарова Е.С. Пословицы и поговорки английские, немецкие, французские с русским переводом. М: Энтраст Трейдинг, 2015, 360 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=477390> (дата обращения: 03.06.2021)

References

1. Potebnya A.A. Mysl' i yazyk, M: Pravda, 1989. 203 s.
2. Aristotel'. Ritorika. Poetika. Aristotel': per. s drevne-grecheskogo i primechanie O.P. Cybenko; pod red. O.A. Sycheva. Moskva: Labirint, 2000. 224 s. URL: <https://ru.djvu.online/file/PVZCnDTrRUZro> (data obrashcheniya: 08.10.2021)
3. Vinogradov V.V. O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom yazyke. Issledovaniya po russkoj grammatike: izbrannye trudy. M., 1975. S. 53 – 87.
4. Moskal'skaya O.I. Teoreticheskaya grammatika nemeckogo yazyka. M.: Akademiya, 2004. 344 s.
5. Karakulakov V.V. U istokov ucheniya o grammaticheskoy kategorii nakloneniya. Inostrannaaya filologiya. Voprosy klassicheskoy filologii. Izd-vo L'vovskogo un-ta, 1976. S. 51 – 57. № 9.
6. Azarova E.S. Posloviцы i pogovorki anglijskie, nemeckie, francuzskie s russkim perevodom. M: Entrast Trejding, 2015, 360 s. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=477390> (data obrashcheniya: 03.06.2021)

**GRAMMATICAL STRUCTURES OF THE PAREMIOLOGICAL UNITS
WITH THE COMPONENT OF MODALITY IN THE ENGLISH LANGUAGE**

*Khripkova D.I., Assistant Professor,
Kayumova D.F., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Kazan Federal University*

Abstract: the relevance of this study is due to three aspects. The first aspect is the high frequency of use of the paremiological units in the English language. The second is the inadequacy of studying the classification of paremias with a modality component in linguistic science. The third aspect is the importance of learning grammatical and lexical structures in proverbs and sayings of the English language. The aim of this study is to determine the features of the grammatical structures of paremiological units (PU) with a component of the modality of the English language. Modality includes the attitude of the speaker to the content of the utterance and the relationship of the content of the utterance to reality. The scientific novelty of the work lies in the study of the typology of grammatical structures of paremiological units with a modality component. This article reveals the essence of the category of modality of proverbs and sayings, which consists in the grammatical structures and semantic features of the studied language. As a result of this study, the features of the grammatical structures of paremiological units with a modality component in the English language were revealed. This work can be used in scientific interests for a deeper study of the category of modality and its structures in the proverbs and sayings of the studied language.

Keywords: modality, component, modality category, paremiological units, English

ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АВТОРСКОЙ АФОРИСТИЧНОЙ ФОРМУЛЫ ТЕАТРАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ

Гончар А.А., аспирант,
Череповецкий государственный университет

Аннотация: в данной статье объектом анализа выступает авторская афористичная формула представителей театральной коммуникации. Конситуативно обусловленное афористичное высказывание рассматривается в жанре аналитического интервью театрального критика, главного редактора «Театрального петербургского журнала» Марины Дмитриевской с театральными профессионалами. Предметом анализа является языковая репрезентация авторской афористичной формулы в *сверхфразовом вопросно-ответном диалогическом единстве* аналитического интервью, понимаемом как минимальный контекст употребления для данной сентенции. В работе обозначается соотношение между понятиями «театральный дискурс», «театральная дискурсивная практика», «театральная коммуникация». Театральная коммуникация определяется как способ актуализации театральной дискурсивной практики. В качестве главного концепта театральной дискурсивной практики рассматривается лексический концепт «Театр», частотно представленный в афористичных сентенциях. Отмечается, что авторские афористичные формулы, смысловой потенциал которых касается непосредственно специфики театральной коммуникации, содержат эксплицитно выраженные или имплицитно скрытые как лексические, так и синтаксические театральные концепты.

В статье доказывается, что данная формула есть авторская сублогическая модель, языковым способом выражения которой выступает метафорический синтаксический концепт с пересечением разных понятийных и предметных сфер. Показаны некоторые *дискурсивные режимы употребления* театральной афористичной формулы.

Ключевые слова: театральная дискурсивная практика, жанр интервью, сверхфразовое вопросно-ответное единство, авторская афористичная формула театральной коммуникации

Речевая деятельность находится в фокусе интересов современного языкознания и смежных с лингвистикой областей знания, прежде всего – психологии, социологии, культурологии. Многие термины, используемые в лингвистике речи, прагмалингвистике, психолингвистике, социолингвистике и лингвокультурологии, трактуются неоднозначно. К их числу, несомненно, относится такое понятие как **дискурс**. Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых определяют это явление в столь различных научных системах, что само понятие «дискурс» становится шире понятия «язык».

Лингвисты справедливо отмечают, что «одним из основополагающих критериев разграничения разных видов дискурсов является его ориентированность на реципиента» [9, с. 129]. Однако внутри любого дискурса, определяемого с учётом данного параметра, можно выделить, учитывая специфику речевого жанра, иные характерные особенности.

Нас интересует определённый тип дискурса, понимаемый лингвистами как **диалогический дискурс** [6, 7, 11, 13, 3, 14 и др]. Объясним наш интерес к данному типу дискурса. Деление дискурсов на монологические/диалогические, устные/письменные считается общепризнанным и ни у кого не вызывает возражений. Дальнейшее обоснование специфики диалогического дискурса зависит от выбора объекта исследования и целевых характеристик его анализа. В диссертации О.Н. Путиной отмечается, что основной единицей

диалогического дискурса является вопросно-ответное диалогическое единство. Такое единство изучается в рамках функционально-прагматического подхода, а диалогический дискурс понимается как тип межличностного речевого взаимодействия в различных коммуникативных контекстах [14, с. 4, с. 10].

Исследователи отмечают, что происходит активизация собственно диалогических жанров, в частности, **жанра интервью**, и дают обоснование того, почему именно диалогичность определяет дискурс: в электронных средствах массовой информации диалогические жанры (интервью, беседы, «круглые столы») занимают все более прочные позиции [8, с. 107].

Жанр интервью понимается в науке как **публицистический жанр**, используемый в разнообразных **дискурсивных практиках**, в том числе и в **театральной дискурсивной практике**. Считается, что сам жанр интервью характеризуется некоей *театральностью*, поскольку в процессе проведения интервью создается несколько условная символическая обстановка, в которой интервьюер и интервьюируемый публично беседуют на заранее заданную тему для широкой аудитории. Кроме этого, письменный вариант интервью (по существующим правилам такого рода коммуникации) является отредактированным вариантом устной его версии.

Обращаемся к такому диалогическому дискурсу как **театральный**, способом репрезентации которого выступают различные языковые единицы, в

том числе – и афористичные высказывания представителей театральной коммуникации. Именно такие высказывания и определяют круг наших интересов. **Объектом** анализа в данной работе выступает **авторская афористичная формула представителей театральной коммуникации** (далее используется аббревиатура – **ААФтк** – А.Г.), рассматриваемая в аналитическом жанре интервью театрального критика с театральным профессионалом. **Предметом** анализа – ее языковая репрезентация в **сверхфразовом вопросно-ответном единстве** (далее используется аббревиатура – **СФДЕ** – А.Г.) аналитического интервью.

Основная цель работы – показать роль дискурсивно-прагматического наполнения **ААФтк** в структуре **СФДЕ** аналитического интервью с театральными деятелями. В качестве исследовательского **материала** в работе используются интервью театрального критика М.Ю. Дмитриевской с представителями театрального мира как российского, так и зарубежного [4, 5].

Рассматривая контекстуальное окружение **ААФтк**, констатируем, что в плане прагматики контекст представляет собой экстралингвистическое окружение изучаемого текста, определяющее его прагматическую и социокультурную релевантность [12, с. 83]. Общеизвестно, что прагматика высказывания в диалоге тесно связана со стратегиями и тактиками речевого поведения действующих лиц диалога.

Остановимся на прагматических характеристиках именно этого феномена. Основная коммуникативно-прагматическая задача интервьюера, театрального критика, состоит в попытке разобраться в современном понимании такого вида искусства как театральное искусство, проводя интервью с ключевыми субъектами коммуникативного театрального пространства – его непосредственными организаторами и участниками. М. Дмитриевская в предисловии к книге «Другие разговоры» пишет: *«Я училась в тех разговорах понимать театр изнутри, различать времена, сверять координаты, сопоставлять – путём одних и тех же вопросов – взгляды, психологию, позиции. До сих пор цитирую то, что услышала в тех давних беседах и затвердила надолго»* [4, с. 5].

Поскольку театральная дискурсивная практика понимается нами как динамическая процессуальная сторона театрального дискурса, роль ее прагматической ориентации очень велика. Формы ее воплощения в вербализованном пространстве могут быть различны, как и жанры театрального дискурса, на базе которого она формируется. Мы выбираем пространство аналитического диалога с профессиональными представителями театральной коммуникации, реализованного в жанре ин-

тервью. Значимость разговора с выдающимися собеседниками подчеркивается и способностью их метафорически расширять богатую семантику театрального поля, репрезентируя свои представления о сущности театра в авторские афористичные формулы, привлекающие богатством этических и эстетических коннотаций.

Рассмотрим дискурсивную прагматику данных **ААФтк** с учётом следующих параметров: 1) **ситуативно-прагматический контекст** включает, с нашей точки зрения, все частные контексты, понимаемые как речевой, экзистенциальный, ситуационный, акциональный, психологический, соответственно, именно он и является главным контекстом для описания специфики употреблений **ААФтк**; его параметры – обстановка, участники, тип целевой установки, способ и характер воздействия на адресата, канал передачи текста – изучаются со стороны исследователя; 2) **дискурсивные режимы употребления** театральной **ААФтк** (за основу принимаем предложенные ученым А.Н. Барановым дискурсивные режимы **иронии, языковой игры, общепринятой номинации, неопределенной и определенной референции** [2]) определяют прагматический потенциал **ААФтк**, обладающей перспективной возможностью стать афористичной конструкцией без учёта конситуации. Нам известно, что типичные свойства дискурса могут называться «дискурсивными режимами». К дискурсивным режимам, влияющим на оценочный компонент текста относятся именно такие феномены, указанные в работе А.Н. Баранова.

Во-первых, отметим то, что раз речь идет об интервью и анализе **ААФтк** в структуре конкретного **СФДЕ**, мы должны обозначить особенности прагматического выбора по отношению к **адресанту** и по отношению к **адресату**. Н.Д. Арутюнова обозначает, что вопросы прагматики, связанные с адресатом и адресантом, имеют свою особую специфику. Учёный отмечает, что в связи с субъектом речи изучаются определенные явления: явные и скрытые цели высказывания; речевая тактика и типы речевого поведения; установка говорящего; референция говорящего; организация высказывания в соответствии с тем, чему в сообщении придаётся наибольшее значение [1, с. 389-390]. Если речь идет об отношениях между участниками коммуникации, то изучению подвергаются формы речевого общения; социально-этикетная сторона речи (формы обращения, стиль общения); соотношение между участниками коммуникации в тех или иных речевых актах [1, с. 390].

В нашем подходе к анализу объекта **ААФтк** получает двухмерное или трехмерное измерение в зависимости от того, с какой точки зрения мы ее

оцениваем. Ситуативно-прагматический контекст самого интервью, в котором действующими лицами выступают интервьюер как адресант и интервьюируемый как адресат, позволяет нам оценивать ААФтк как конкретные высказывания афористичного характера, которые произносит адресат в ответ на театральные вопросы того или иного плана. Несомненно, что в этом ракурсе особую роль играет адресант как лицо, определяющее тип речевого поведения, заинтересованность в ответах адресата по поводу того или иного факта либо события. М. Дмитриевская задаёт разным адресатам одни и те же вопросы, чтобы прояснить для себя и для читателей объём понимания ключевого концепта (в данном случае – концепта «Театр») в том современном понимании, которое существует в сознании действующих сегодня театральных профессионалов. Трёхмерное измерение ААФтк возникает в том случае, когда после заданного вопроса адресата, формульного ответа адресанта читатель (исследователь диалога) оценивает смысловую значимость прозвучавшей ААФ и обосновывает ее афористичность.

Большую роль играет социально-этикетная сторона речи, поскольку свободный и честный диалог может состояться только в атмосфере доверия и взаимопонимания, в данном случае психологический контекст становится главным положительно прагматическим элементом.

Дискурсивные режимы употребления ААФтк выявляются в зависимости от выбора интервьюируемого. Приведём несколько примеров разных дискурсивных режимов, в контексте которых формируются ААФтк аналитического интервью.

Поскольку дискурсивный режим иронии предполагает понимание речевых форм, противоположное буквальному значению, обратимся к следующему примеру: Интервью с режиссером Виктором Крамером.

«Дмитриевская: *И неизвестно, сможет ли он сыграть Гамлета, когда у него будет по доллару в каждом глазу.*

Крамер: *Вопрос — художник ли я. Ведь Тургенев не бедный был человек.*

Дмитриевская: *Я не апологет бедности. Я просто считаю, что надо пытаться не обращать внимания на эту сторону жизни вообще. Так Будда советовал. Есть у тебя деньги — не обращай на них внимания, нет у тебя денег — тоже не обращай на это внимания.*

Крамер: *Я думаю, что вопрос актёрских денег — это очень сложный вопрос...»* [5, с. 344].

Фразеологизм «Ни в одном глазу» со значением «оставаться трезвым» переформулируется как «что-то в каждом глазу». В данном случае употреблении «застылают глаза деньги» иронично

используется в контексте – «творческое бесценное вдохновение».

Дискурсивные режимы иронии и языковой игры могут быть совмещены. Несмотря на тот факт, что общение театрального критика М. Дмитриевской в основном проходит в серьёзной профессиональной атмосфере, такие прагматические режимы интервьюер использует, учитывая личный статус интервьюера, например:

«Дмитриевская: *Дима, ваш недавно возникший театр называется post. То есть вы стоите на каком-то посту. На каком посту вы стоите?*

Волкострелов: *Это, конечно, забавная игра словами, но вы понимаете, что ни на каком посту мы не стоим, post написано английскими буквами. Я не хочу говорить Вам ничего конкретного. Когда мы думали про название, то сошлись на этом, потому что в данном случае есть возможность большого количества трактовок. Вот Вы предлагаете «post», вполне допустимая игра слов, а если набрать «post» в Google, то Википедия выдаст POST как «PowerOnSelfTeast» — самотестирование после включения компьютера или любого другого компьютерного устройства. Тоже хороший вариант»* [4, с. 334-336].

Продолжая диалог, театральный критик спрашивает:

«Дмитриевская: *Википедия сразу выдаёт «post» как «почту». Кому вы шлете намеренно скучные послания? Кто адресат?*

Волкострелов: *Никто. Мне главное, чтобы нам было интересно. Поймите, это простая эгоистическая вещь. Как математика: если это интересно тебе, то может быть интересно и другим.*

Дмитриевская: *Почта есть, а письмо без адреса?*

Волкострелов: *А кому адресован этот наш разговор?*

Дмитриевская: *Читателям всей России. Это прочтут на Камчатке, в Нижневартовске и Самаре...»* [4, с. 337].

Несколько иронизируя над молодым режиссером, в конечном итоге Дмитриевская даёт данному интервью следующее название – «Театр post: пост, почта или самотестирование после включения?». Если использование скрытой иронии несколько снижает негативное восприятие речевых структур, то использование языковой игры в данном случае, наоборот, «подталкивает» интервьюируемого к быстрым оценочным реакциям на стимул, хотя у него нет возможности заранее подготовиться к такой форме выражения мыслей интервьюера. Молодой режиссёр в ответе на реплики Дмитриевской выбирает реакцию на элементы языковой игры, практически игнорируя скрытую иронию.

Семантическая интерпретация объективной реальности часто зависит от коммуникативных условий употребления. Осуществляя референцию по отношению к объектам и процессам театральной реальности, участники аналитического интервью формируют содержательную основу базовых театральных концептов, главным из которых является концепт «Театр». Формы стимулов и реакций собеседников во время диалога в интервью зависят от того, какую форму вопроса выбирает интервьюер.

Дискурсивные режимы неопределенной и определенной референции обнаруживаются в следующих СФДЕ. В вопросе может содержаться **неопределённая референция** по отношению к какому-либо значимому объекту/субъекту/событию/процессу; в такой ситуации обычно интервьюируемый пытается сформулировать для себя в языковой форме некую определённую в ответе на заданный вопрос, например:

«Дмитриевская: А ты причисляешь себя к какому-то (здесь и далее – курсив наш А.Г.) театральному направлению или *каждый раз*, приступая к материалу, ты *не имеешь* системы, метода?

Нюганен: Я думаю, что нет. Единственное, что есть и что я люблю, – это живой театр.

Дмитриевская: Тогда я спрошу: а что такое «живой театр»?

Нюганен: Это когда люди на сцене действительно живут, когда они на самом деле замечают, что творится сейчас. Когда они реально присутствуют здесь, а не дома и не на даче... Это всегда чувствуется» [4, с. 374].

В вопросе интервьюера может содержаться **определённая референция** по отношению к явлению внешнего мира, которая не принимается интервьюируемым, настаивающим на неопределённой информации о явлении, например:

«Дмитриевская: Так или иначе вы подходите к моменту, когда права будут завоёваны и вы сможете говорить то, что хотите. А вы говорите, что не знаете, что говорить. Для чего тогда права?

Богомолов: Да я не знаю, что будет, я действительно не знаю, про что хочу говорить...» [4, с. 307].

В любом случае, когда интервьюируемый афористично формулирует свою мысль, он работает в контексте определенной референции.

Несомненно, что для СФДЕ, в которых используются театральные ААФ, применение **цитации** также выступает одним из часто репрезентированных дискурсивных режимов. По мнению Ю. Кристевой, «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [10, с. 99].

Рассмотрим следующие примеры с театральной ААФ в структуре СФДЕ.

«Дмитриевская: Ксения, что такое вообще актер? Всегда спрашиваю об этом артистов и всегда помню, как Юрский ответил, что актер – это пустота, дудка и радость от того, что в тебя дуют и звук издаётся...

Раппопорт: Не смею примазываться к Сергею Юрьевичу, что он так говорил, потому что наши ощущения схожи. Это состояние, которое иногда возникает у тебя на сцене, почти наркотическое... Оно-то потом и держит тебя в профессии, когда ничего не получается или не хочется, нет материала, ты разочарован... Но вспоминаешь те моменты и понимаешь, ради чего всем этим занимаешься. А возникает это ощущение, когда ты **именно пустой**. Не изображаешь кого-то и не играешь в самого себя, а через тебя как будто транслируется энергия автора, энергия замысла. Ты как бы действительно пустая труба, через которую эта энергия течёт в одну сторону, а в обратную течёт энергия зрителя. И ты как будто ни при чем, просто мостик... Но это очень редкие, по крайней мере у меня, и самые прекрасные моменты: выходишь со сцены и не можешь понять, где ты был и как туда попал» [4, с. 60].

Отметим, что данное интервью названо М. Дмитриевской **«И ты как будто ни при чем, просто мостик...»** [4, с. 56]. Заголовок интервью выбран из обосновывающей части ответной реплики актрисы на объяснение конкретной цитаты и включает в себе скрытый формульный смысл, характеризующий актёра, играющего на сцене. Без развёрнутого контекста данное название интервью не понять и трудно объяснить. Соответственно, используемая цитата, переложённая в косвенную речь (косвенная речь – синтаксический способ введения в свою речь чужой речи; сохранение основного содержания высказывания; наличие формальной зависимости от фразы передающего её лица), влияет на определённый дискурсивный режим, показывающий на языковом уровне не только взаимопонимание между профессиональными актёрами разного статуса и разного возраста, но и обосновывающий выбор заголовка интервьюера, увидевшего в данной конструкции имплицитно значимый смысл.

Любопытен тот факт, что данная цитата, взятая критиком из интервью с Сергеем Юрским в 2010 году [5, с. 28-38], в авторском употреблении звучит так: **«Актер – дудка, пустота, гениальное подчинение. Счастье от того, что в меня дуют и звук издаётся. Идеальным актёром (не в смысле самым хорошим, а именно – идеальным) был Стрельчик...»** [5, с. 31].

В переложении Дмитриевской исчезает определение «*гениальноподчинение*», характеризующие именно суть идеального актера, с которым режиссеру хорошо работается, однако в ответе Раппопорт эта же мысль, не прозвучавшая, но словно услышанная, формулируется в других языковых формах.

Высоко оценивая такую характеристику актерской деятельности, театральные критик использует данную ААФтк ещё раз, в диалоге с актером Владасом Багдономасом:

«Дмитриевская: Владас, актер – это какая-то третья, замечательная, но и опасная природа. А как бы вы, актер, определили – что такое актер?»

Багдономас: Если говорить общепринятыми фразами, это образ жизни. Так говорят многие. Но это слишком высокопарно.

Дмитриевская: Эфрос считал, что все актеры женщины, Юрский говорил мне: актер – пустота, дудка, испытывающая радость от того, что в нее дуют...

Багдономас: Есть же разные виды людей, занимающихся этой профессией, и у каждого свое определение. Ваш вопрос поставил меня в положение, из которого мне сейчас не выбраться, надо время подумать. Я никогда не думал, что такое актер, я даже не могу точно сказать – актер ли я или не актер, хотя профессиональная жизнь у меня сложилась нормально» [4, с. 44].

В данном контексте в цитате, переданной с помощью косвенной речи, снова опущено определение «*гениальное подчинение*», по сути в определенном смысле меняющее наполнение слов «*дудка*» и «*пустота*». Владас Багдономас не решаете давать свое определение феномену «актер» и уклончиво отвечает, что актеры – разные по характеру люди, вероятно, не признающие формульной идентификации.

Выбранные нами примеры показывают, что интерпретация одной и той же цитаты, выраженной с помощью метафоры, в одном и том же профессиональном сообществе, может существенно отличаться, создавая различный дискурсивный режим для театральной ААФтк.

«Так, на статус дискурсивного режима могут претендовать цитация, различные формы реферирования содержания текста, метатекстовые употребления, сфера идеологизированного функционирования речевых форм. Влияние дискурсивного режима испытывает не только оценка, но и многие другие семантические категории – как речевые акты, так и различные способы «упаковки» многомерного смысла высказывания и текста», – отмечает исследователь А. Н. Баранов [2, с. 9].

Завершая фрагмент дискурсивно-прагматического анализа ААФтк в структуре СФДЕ аналитического интервью, отмечаем, что само понятие **дискурсивной прагматики** включает: 1) **выбор** ключевого дискурсивного высказывания, обладающего концептуальной значимостью для СФДЕ и всего интервью, если речь идет о заглавии; 2) **классификацию** данных ААФтк с точки зрения актуализации их семантических типов; 3) **обоснование** трёх базовых направлений дискурсивного анализа театральных ААФтк: **концептуальном, контекстуальном, прагматическом**; 4) **рассмотрение** в ААФтк смыслового объема театрального концепта; **выявление** соотношения разных типов контекстов, сопровождающих ААФтк; **изучение** наличия дискурсивных режимов употребления театральной ААФтк и их прагматической роли.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 389 – 390.
2. Баранов А.Н. О дискурсивных режимах использования оценочных слов и выражений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2016. № 15. С. 72 – 83.
3. Борботько Л.А. Авторский метатекст как ориентирующая система в коммуникативном пространстве театрального дискурса: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Место защиты: Моск. гос. пед. ун-т. Москва, 2015. 28 с.
4. Дмитриевская М.Ю. Другие разговоры. СПб.: Петербургский театральный журнал, 2018. 536 с.
5. Дмитриевская М.Ю. Разговоры. СПб.: Петербургский театральный журнал, 2010. 648 с.
6. Кантор Ю.З. Диалогический текст интервью в коммуникативном аспекте: (на материале современных российских газет): дис... канд. филолог. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб, 2001. 191 с.
7. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи: дис. ... д-ра филол. наук / Саратов гос. ун-т. Саратов, 2001. 363 с.
8. Красноперова Ю.В. Стратегическое взаимодействие в массмедийном дискурсе (на материале англоязычного интервью) // Наука – Хабаровскому краю: материалы XII краевого конкурса молодых ученых. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2010. С. 103 – 112.
9. Кривоносов А.Д., Шевченко А.С. Понятие и структура театрального дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Филология. 2011. Т. 7. № 4. С. 129 – 138.

10. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. М.: Прогресс, 1995. № 1. С. 1 – 31.

11. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

12. Нефёдов С.Т., Чернявская В.Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. Томск, 2020. С. 83 – 97.

13. Плахотная Ю.И. Диалогический дискурс в когнитивном аспекте // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 5 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58. С. 135 – 137.

14. Путина О.Н. Функционирование дискурсивных маркеров в диалогическом единстве вопрос-ответ (на материале русского и английского языков) дис. ... канд. филолог. наук / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2021. 228 с.

References

1. Arutyunova N.D. Pragmatika. Lingvisticheskij slovar'. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. S. 389 – 390.

2. Baranov A.N. O diskursivnyh rezhimah ispol'zovaniya ocenочnyh slov i vyrazhenij. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. 2016. № 15. S. 72 – 83.

3. Borbot'ko L.A. Avtorskij metatekst kak orientiruyushchaya sistema v kommunikativnom prostranstve teatral'nogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filolog. Nauk. Mesto zashchity: Mosk. gos. ped. un-t. Moskva, 2015. 28 s.

4. Dmitrievskaya M.Yu. Drugie razgovory. SPb.: Peterburgskij teatral'nyj zhurnal, 2018. 536 s.

5. Dmitrievskaya M.Yu. Razgovory. SPb.: Peterburgskij teatral'nyj zhurnal, 2010. 648 s.

6. Kantor Yu.Z. Dialogicheskiy tekst interv'yu v kommunikativnom aspekte: (na materiale sovremennyh rossijskikh gazet): dis... kand. filolog. nauk. S.-Peterburg. gos. un-t. SPb, 2001. 191 s.

7. Kolokol'ceva T.N. Specificheskie kommunikativnye edinicy dialogicheskoy rechi: dis. ... d-ra filol. Nauk. Saratov gos. un-t. Saratov, 2001. 363 s.

8. Krasnoperova Yu.V. Strategicheskoe vzaimodejstvie v massmedijnom diskurse (na materiale angloyazychnogo interv'yu). Nauka – Habarovskomu krayu: materialy XII kraevogo konkursa molodyh uchenyh. Habarovsk: Izd-vo Tihookean. gos. un-ta, 2010. S. 103 – 112.

9. Krivonosov A.D., Shevchenko A.S. Ponyatie i struktura teatral'nogo diskursa. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Seriya: Filologiya. 2011. T. 7. № 4. S. 129 – 138.

10. Kristeva Yu. Bahtin, slovo, dialog, roman. Vestnik MGU. Ser. 9, Filologiya. M.: Progress, 1995. № 1. S. 1 – 31.

11. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. M.: ITDGG «Gnozis», 2003. 280 s.

12. Nefyodov S.T., Chernyavskaya V.E. Kontekst v lingvisticheskom analize: pragmaticheskaya i diskursivno-analiticheskaya perspektiva. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2020. № 63. Tomsk, 2020. S. 83 – 97.

13. Plahotnaya Yu.I. Dialogicheskiy diskurs v kognitivnom aspekte. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 5 (240). Filologiya. Iskuststvovedenie. Vyp. 58. S. 135 – 137.

14. Putina O.N. Funkcionirovanie diskursivnyh markerov v dialogicheskom edinstve voprosotvet (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) dis. ... kand. filolog. nauk. Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet. Perm', 2021. 228 s.

**DISCURSIVE-PRAGMATIC ANALYSIS OF THE AUTHOR'S APHORISTIC
FORMULA OF THEATRICAL DISCURSIVE PRACTICE**

*Gonchar A.A., Postgraduate,
Cherepovets State University*

Abstract: in this article, the object of analysis is the author's aphoristic formula of representatives of theatrical communication. Consitutively conditioned aphoristic utterance is considered in the genre of an analytical interview of theater critic, editor-in-chief of the "Theatrical Petersburg Magazine" Marina Dmitrievskaya with theater professionals. The subject of the analysis is the linguistic representation of the author's aphoristic formula in the super-phrasal question-answer dialogical unity of the analytical interview, understood as the minimum context of use for this maxim. The paper identifies the relationship between the concepts of "theatrical discourse", "theatrical discursive practice", "theatrical communication". Theatrical communication is defined as a way to actualize theatrical discursive practice. As the main concept of theatrical discursive practice, the lexical concept of "Theater" is considered, which is frequently presented in aphoristic maxims. It is noted that the author's aphoristic formulas, the semantic potential of which directly concerns the specifics of theatrical communication, contain explicitly expressed or implicitly hidden both lexical and syntactic theatrical concepts.

The article proves that this formula is the author's sublogical model, the linguistic way of expressing which is a metaphorical syntactic concept with the intersection of different conceptual and subject spheres. Some discursive modes of using theatrical aphoristic formula are shown.

Keywords: theatrical discursive practice, interview genre, super-phrasal question-answer unity, the author's aphoristic formula of theatrical communication

ОБЪЕМ И СОДЕРЖАНИЕ АВТОРСКОЙ АКСИОСФЕРЫ

*Хватаева Н.П., кандидат филологических наук, доцент,
Захарищева М.А., доктор педагогических наук, профессор,
Глазовский государственный педагогический
институт им. В.Г. Короленко*

Аннотация: в данной статье раскрывается понятие «аксиосфера» с позиций разных наук. Авторы статьи выделяют его объективный и субъективный параметры. В статье рассматривается модель аксиосферы, состоящая из двух слоёв, которые находятся в сложной ценностно-ориентированной взаимосвязи между собой. Показана связь художественного текста с аксиосферой писателя. Авторы статьи рассматривают выражение авторской позиции в тексте как систему ценностей и оценок, которая формирует «авторскую аксиосферу». Авторская аксиосфера как объект исследования литературных дисциплин многослойна и неоднозначна, в ней отражены как личностная позиция автора, так и система ценностей, функционирующая в его социальном окружении. В статье подчеркивается влияние смены исторических эпох на изменение и обновление ценностной системы. Аксиосфера включает в себя также константы национальной культуры. Статья написана на основе литературно-художественного текста, но выводы, сделанные ее авторами, могут быть применимы к научному, публицистическому и другим типам текстов.

Ключевые слова: аксиосфера, ценность, оценка, автор, литературное произведение, норма, идеал

В основе аксиосферы, которая формируется в обществе на основе оценочных отношений, лежат объективный и субъективный факторы. Объективный фактор построен на определенной конвенциональности системы ценностей, выработанной как коллективом всего социума, так и каждой отдельной его личностью в процессе исторического развития. Субъективный фактор предполагает факт аксиологического отношения конкретного субъекта к тем или иным явлениям жизни, что отражается в различных типах дискурса.

Автор как «культурно-языковая личность», создавая литературно-речевой акт, стремится, как отмечает Г.В. Степанов, не только представить читателю свое видение мира (образ мира, который он формирует в своем сознании), но и навязать ему свою систему ценностных доминант, донести до него те ценностные ориентиры, которые он как творец и художник, с одной стороны, и как член коллектива, с другой, считает наиболее значимыми и для себя самого, и для общества в целом [9].

Под аксиосферой и понимается ценностное отношение субъекта к миру во всем его многообразии и, в частности, к описываемому объекту. Содержание данного термина затрагивает:

- мир ценностей (вне зависимости от его трактовки, носящей зачастую субъективный характер, на что субъект имеет полное право;

- ценностное сознание под воздействием субъективной реальности, состоящее из ценностных представлений, оценок, вкусов, идеалов, нормы канонов и т.п.;

- результатов непосредственной творческой деятельности личности, которая осваивает объективные ценности и, использует в качестве инструмента создания ценностное сознание.

Понятие «аксиосфера» стало использоваться сравнительно недавно, в конце XX века. Его в

своих трудах используют такие культурологи и философы, как Г.П. Выжлецов, М.С. Каган, Л.А. Микешина, А.В. Павленко, В.Н. Сагатовский, Б.А. Старостин, М.С. Уваров, В.К. Шохин и др. однако, несмотря на то, что данный термин часто используется в работах исследователей, он не имеет чёткого определения и не всегда употребляется учёными в нужном контексте. Так, можно встретить такие необычные, на наш взгляд, словосочетания, как «аксиосфера студентов», «аксиосфера домашнего фитнеса», «аксиосфера медиа», «аксиосфера библиотеки». Такое широкое употребление данного термина говорит о его актуальности и неопределённости его смысла. Кроме этого, в работах исследователей можно найти сочетание «система ценностей», заменяющее термин «аксиосфера».

Современными исследователями аксиосфера понимается по-разному, а значит, не существует и единой трактовки данного термина, несмотря на то, что само значение слова «аксиосфера» апеллирует к ценности: *ἀξία* переводится с греческого как «ценность», а *σφαῖρα* – это «шар, замкнутая поверхность». Понятие «аксиосфера» широко и разнопланово, о чем говорят многочисленные классификации и интерпретации ценностей. Так, По мысли многих исследователей, аксиосферу следует считать не только конгломератом символов, образов, идей, обладающих глубоким смыслом и определяющим оценочное отношение человека к внешнему миру, но и виртуальной реальностью, которая существует как «самоорганизующаяся система сопряженных ценностей, обусловленных координационно-субординационными и причинно-следственными связями» [10, с. 352].

Первым исследователем, который дал определение аксиосферы, был В.Н. Сагатовский. Согласно его формулировке, аксиосферой следует называть «совокупность ценностей, являющихся

обобщёнными устойчивыми представлениями о предпочитаемых благах и приемлемых способах их получения, в которых сконцентрирован предшествующий опыт субъекта и на основе которых принимаются решения о его дальнейшем поведении» [цит. по: 12, с. 80]. Но аксиосферу можно рассматривать и в контексте культуры. Тогда аксиосфера, как считает М.С. Каган, представляет общественную систему взглядов, идеологий, мировоззрений и т.д., в которой воедино сошлись многообразные идеалы как эталоны человеческого представления и понимания функционирования культуры и природного мира, что позволяет выразить ценностное отношение к предметам, вещам и явлениям [5]. Подобное понимание аксиосферы дает нам право называть ее фундаментом культуры общества и социальной жизни в целом. Являясь базовой основой общества, благодаря чему последнее сохраняет стабильность, несмотря на присущие ему конфликты, аксиосфера сохраняет высокую устойчивость, не позволяющую изменять ее произвольно, по чьему-либо желанию [1].

Останавливаясь на структуре аксиосферы, М.С. Каган отмечает, что она состоит из субъекта, выражающегося ценностное отношение, и объекта. Субъектами могут быть конкретный человек, небольшая контактная группа, объединённая общей деятельностью, большая неконтактная социокультурная группа и человечество в целом. К объектам относятся материальные и духовные ценности, природа, социальная сфера, художественное творчество [5].

Анализируя аксиосферу литературного произведения, В.Е. Хализев определяет ценность как «позитивную значимость единичных предметов, социально-культурных феноменов и бытия как такового» [11, с. 34].

А.А. Артемов считает аксиосферу многоуровневым образованием, в котором на метауровне находятся общечеловеческие, или вечные, ценности – такие как истина, добро, красота, свобода, справедливость и т.п., а на макроуровне – ценностные ориентиры той или иной социокультурной общности, которые не выходят за ее пределы [3, с. 49].

Аксиология культуры привлекает внимание М.В. Козменко, который к аксиосфере относит нормы и правила, которые входят в сферу ценностных ориентаций. С его точки зрения, аксиосфера представляет собой объективное пространство, в котором сосуществуют духовные, физические, ментальные и эмоциональные факторы, отражающие существующую реальность, или мир, в её объективном проявлении» [3, с. 49].

В структуру аксиосферы культуры входят:

- ценности-цели, исходя из сформированности которых можно судить о нравственном развитии человека как личности и о его нравственной самореализации;

- ценности-нормы, которые предполагают соотнесение объекта с некоторым и установление степени соответствия этому образцу (ценности-нормы формируются в каждой культуре и усваиваются субъектом в процессе социализации) [7, с. 106];

- ценности-идеалы, являющиеся итогом нравственного саморазвития, включающего представление о высшем смысле бытия человека, о совершенствовании морально-нравственных качеств, образце высоконравственного поведения, являющегося критерием нравственных поступков личности и окружающих ее людей и побуждающего человека к активной нравственной самореализации;

- ценности-средства, т.е. способы, помогающие решать задачи нравственного саморазвития, что возможно осуществить в той или иной деятельности, связанной с появлением нравственной сущности.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что аксиосфера, имеющая «слоистое» строение (она состоит из сложной взаимосвязи ценностей внутри слоёв и между слоями), довольно сложна, но при этом описать ее с научных позиций крайне сложно, ибо слои аксиосферы, которые связаны между собой не имеют чётко выраженных функций. Если проанализировать аксиосферу с позиций системного подхода, то можно заметить, что на структуру аксиосферы воздействует внешняя среда.

А.В. Капцов отмечает, что модель аксиосферы может быть представлена двумя условными слоями: 1) устойчивой составляющей аксиосферы, включающей совокупность личностных ценностей, определяющих основные принципы жизни личности и 2) динамичной составляющей аксиосферы, представляющей собой совокупность личностных ценностей, значимость которых может варьироваться у человека на протяжении всей его жизни [6, с. 137].

Аксиосфера как феномен культуры предполагает не просто наличие системы ценностей, но и единство ценностных категорий, их системно-структурную связь, которую стремится уловить та или иная их классификация. Само существование аксиосферы призвано отграничить ценностные установки от не ценностных и доказать значимость первых, хотя ценность, как мы уже отмечали, субъективна по своей природе. То, что ценностно значимо для одного субъекта, может таковым не быть для другого.

Аксиосфера не существует сама по себе поэтому нельзя говорить о полной автономизации мира ценностей. Аксиосфера тесным образом связана с другими сферами жизнедеятельности человека, в том числе и со сферой культуры. Взаимоотношения сфер, отличных друг от друга, – это не жесткий пограничный режим, а проникновение их одна в другую, их диалектическое взаимодействие. Исследователи отмечают, что место, которое занимает аксиосфера среди других сфер бытия, обуславливается значением самой ценности.

По убеждению исследователей, ценность – это социокультурная реальность, выражающая меру свободного развития человеческой личности и общества, развитие самой свободы. Ценности, которые были накоплены предками, становятся со временем культурной традицией, основанной на опыте поколений. Но для последующих поколений эти ценности зачастую являются чужими. Индивид может согласиться с тем, что для кого-то другого эти традиции важны, но чтобы принять самому эти ценности, нужно поработать над собой, слепого подчинения здесь недостаточно.

На формирование ценностей личности оказывают влияние биологические, психофизиологические, социальные факторы. Система индивидуальных ценностей формируется на основе общественных и культурных систем ценностей. Опираясь на собственные ценностные ориентиры, человек находит своё особое место в мире, выбирает цель в жизни.

Многие гуманитарные науки апеллируют понятием «ценность». В литературоведческую терминологию его ввел М.М. Бахтин, который активно использовал данный термин при анализе историко-культурных явлений. Таким образом, М.М. Бахтина можно назвать создателем аксиологического подхода в литературоведении.

Художественный текст и аксиосфера тесно связаны друг с другом. Во-первых, художественное произведение уже само по себе обладает ценностью как произведение искусства, во-вторых, именно через текст возможно выявить ценностный мир автора. Авторская аксиосфера – это система ценностей личности, которая отражает отношение к миру и запечатлена в литературных текстах.

Любое художественное произведение, как считают литературоведы, следует рассматривать с точки зрения ценностей, отражающих мировоззрение автора. Исходя из содержания самого понятия «аксиосфера», становится ясно, что не только окружающая реальность и события оказывают непосредственное влияние на автора произведений, но и сам автор, через свои произведения способен влиять на окружающих его людей, посредством использования определенных литературных

приемов, способных вызывать душевный и эмоциональный отклик. Ценностный мир автора может восприниматься по-разному: читатели могут как признавать ценностный мир писателя, так и не признавать его и даже полностью отвергать. Но от этого картина мира автора не станет менее ценной.

Каждый писатель создает свой образ мира, в который органично вписывается авторская система ценностей. Автор отражает свое видение мира в литературном произведении, но при этом его позиция может не совпадать с мнениями героев. Автор не игнорирует позицию героев, не говорит о том, что только его мнение имеет право на существование, а вступает в диалог или даже в спор со своими персонажами.

В своем произведении автор может задействовать как свои индивидуально-личностные аксиологические понятия, так и национально-культурные ценностные ориентиры, опираясь на ту лингвокультуру, к которой он относится. По мысли Г. Риккерта, «из необозримой массы индивидуальных, т.е. разнородных объектов автор останавливает свое внимание только на тех, которые в своей индивидуальной особенности или сами воплощают в себе культурные ценности, или стоят к ним в некотором отношении» [8, с. 91].

Рассматривая авторскую аксиосферу как объект исследования литературоведческих дисциплин, стоит отметить ее многослойность и неоднозначность.

Во-первых, само мировоззрение автора отражается в структуре произведения, а именно: его взгляд на окружающую реальность, на события, происходящие в определенном временном периоде. Кроме того, в произведении всегда присутствует личностная оценка писателя. Свидетельства этому можно отыскать в любом произведении. Можно сказать, что авторская аксиосфера является частью идиостиля писателя, под пером которого описываемый предмет или событие всегда приобретают неповторимые очертания.

Следует также отметить, что в художественном произведении всегда прослеживается авторская приверженность тем или иным взглядам, идеям и убеждениям, свойственным эпохе и социальному окружению автора, что также сказывается на его системе ценностей. Что касается психологических особенностей автора, то их также можно определить по его ценностным ориентирам, которые прослеживаются в произведении на уровне подтекста.

Мировоззрение автора в контексте его ценностной позиции представлено в портретных описаниях его героев. Литературный портрет всегда носит психологический характер, но рассказывает он не столько о персонаже, сколько о его создате-

ле. Серия литературных портретов может стать основанием для создания портрета самого автора, придерживающегося на протяжении всего творчества определенных ценностных установок и программ, хотя ни для кого не является секретом, что писатель к концу жизни может пересмотреть свою позицию по тем или иным нравственным вопросам.

Литературное произведение отражает эпоху, в которой творил писатель. А любая эпоха отличается особой системой ценностей. Однако в каждом периоде литературного развития можно выделить обобщенную авторскую систему ценностей, которая, несмотря на большую протяженность во времени, сохранила некую преемственность в передаче этих ценностей.

Однако, можно заметить, что при смене эпох обновляются, а иногда и резко меняются ценностные системы, эстетические и этические. Так, в античной литературе невозможно найти такие нравственные понятия, как «милосердие», «честь», «совесть». Эти понятия наиболее полно раскрываются и активно используются в произведениях русской классической литературы XIX века.

Помимо темпорального компонента, в авторской аксиосфере присутствует и фактор национальной принадлежности автора. Так, русские писатели, независимо от эпохи, всегда выражали в своих произведениях гуманистические ценности [4] Вряд ли можно найти в произведениях русских писателей такие аксиологические константы, как жестокость, эгоизм. В произведениях русских классиков также всегда происходит борьба добра со злом и перед героем стоит право выбора. Но, находясь на перепутье, герой, выбирая между ценностями материального и духовного мира, всегда делает выбор в пользу последнего. При этом писатель всегда подробно показывает путь своего героя: терзания его души, муки совести, нравственные страдания.

Таким образом, можно сделать вывод, что авторская аксиосфера является значимой частью художественного произведения, которое, эксплицитно или имплицитно, призывает читателя следовать за героями, нравственный выбор которых очевиден. И как бы ни менялись ценности автора на протяжении ряда лет и как бы ни менялись ценности при смене эпох, что сказывается на творчестве писателей, живущих в ту или иную эпоху, аксиологическая парадигма всегда остается неизменной.

Исследование авторской аксиосферы на сегодняшний день нам представляется особенно актуальным, ибо мы живем в эпоху, когда новая литература придерживается совсем иной системы ценностей, чем литература прошлых веков. Поэтому, опираясь на определение аксиосферы и на труды

исследователей, можно начать изучение аксиологических систем различных эпох на примере художественных произведений авторов, живущих в различных временных пластах. Авторская аксиосфера, представляющая собой систему ценностей писателя и его отношение к миру и запечатленная в текстах художественных произведений, очень важна для правильной трактовки литературного творения, потому что с её помощью читателю открывается духовный смысл, заложенный автором, и всевозможные ошибки интерпретации текста сводятся к минимуму.

Литература

1. Беляева М.А. Аксиосфера человека: динамика взаимодействия объектного и субъектного: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М, 2009. 27 с.
2. Валицкая А.П. Аксиосфера: содержание понятия и его инструментальный статус // Аксиосфера современности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик. Коллективная монография. СПб.: Астерион, 2013. С. 5 – 14.
3. Гибралтарская О. Аксиосфера современной русскоязычной литературы // Polish Journal of Science. 2021. № 36-2 (36). С. 49 – 61.
4. Дворникова Е. Духовно-нравственные ценности русской классической литературы. URL: <http://kurskonb.ru/our-booke/slovo/doc/061.html> (дата обращения: 05.05. 2021)
5. Каган М.С. Философия культуры. Спб., 1996. 415 с.
6. Капцов А.В. Диагностика противоречий в аксиосфере личности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2010. № 2(8). С. 134 – 145.
7. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 439 с.
8. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. 413 с.
9. Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. М., 1988. 380 с.
10. Суворова И.М. Аксиосфера культуры как синергетическая система // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2. С. 352 – 355.
11. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2002. 432 с.
12. Южанинова Е.Р. Аксиосфера интернета и её морфология // Вестник ОГУ. 2013. № 1. С. 80 – 86.

References

1. Belyaeva M.A. Aksiosfera cheloveka: dinamika vzaimodejstviya ob"ektnogo i sub"ektnogo: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. M, 2009. 27 s.
2. Valickaya A.P. Aksiosfera: sodержanie ponyatiya i ego instrumental'nyj status. Aksiosfera sovremennosti: filosofsko-esteticheskij analiz i npravstvennoe obosnovanie sociokul'turnyh praktik. Kollektivnaya monografiya. SPb.: Asterion, 2013. S. 5 – 14.
3. Gibraltarskaya O. Aksiosfera sovremennoj russkoyazychnoj literatury. Polish Journal of Science. 2021. № 36-2 (36). S. 49 – 61.
4. Dvornikova E. Duhovno-npravstvennye cennosti russkoj klassicheskoy literatury. URL: <http://kurskonb.ru/our-booke/slovo/doc/061.html> (data obrashcheniya: 05.05. 2021)
5. Kagan M.S. Filosofiya kul'tury. Spb., 1996. 415 s.
6. Kapsov A.V. Diagnostika protivorechij v aksi-osfere lichnosti. Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Psihologiya. 2010. № 2(8). S. 134 – 145.
7. Mikeshina L.A. Epistemologiya cennostej. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2007. 439 s.
8. Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture. M., 1998. 413 s.
9. Stepanov G.V. YAzyk. Literatura. Poetika. M., 1988. 380 s.
10. Suvorova I.M. Aksiosfera kul'tury kak sinergeticheskaya Sistema. Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2014. № 2. S. 352 – 355.
11. Halizev V.E. Teoriya literatury. M.: Vyssh. shk., 2002. 432 s.
12. Yuzhaninova E.R. Aksiosfera interneta i eyo morfologiya. Vestnik OGU. 2013. № 1. S. 80 – 86.

THE SCOPE AND CONTENT OF THE AUTHOR'S AXIOSPHERE

*Khvataeva N.P., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Zakharishcheva M.A., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Glazov State Pedagogical Institute VG. Korolenko*

Abstract: the authors propose an analysis of the concept of "axiosphere" from the positions of different sciences, distinguish its objective and subjective parameters. The model of the axiosphere is considered, consisting of two layers that are in a complex relationship of values. The connection of the literary text with the author's axiosphere is shown. The authors consider the expression of the author's position in the text as a system of values and assessments that forms the "author's axiosphere". The author's axiosphere as an object of research of literary disciplines is multi-layered and ambiguous, it reflects both the personal position of the author and the value system of the social environment. With the use of the concept of "axiosphere", it becomes possible to consider the change of historical epochs as the renewal of value systems – aesthetic and ethical. The axiosphere also includes constants of national culture. It is based on the analysis of a literary text, but the conclusions are also applicable to scientific, journalistic and other types of texts.

Keywords: axiosphere, value, evaluation, author, fiction, norm, ideal

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ АНИМАЦИОННОГО ДИСКУРСА

*Коробчак В.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Слепенчук Р.Ю., аспирант,
Армавирский государственный педагогический университет*

Аннотация: статья посвящена изучению концептосферы анимационного дискурса. Анимационный дискурс рассматривается как сложное структурно-семантическое образование, в котором текст выступает как продукт деятельности нескольких семиотических систем, передающих информацию визуальным и аудиоспособом; как дискурсивная практика, находящаяся в динамичных диалогических отношениях с другими практиками, образующими общий континуум.

Данный тип дискурса оказывает значительное воздействие на формирование ценностных ориентиров современной молодежи. Ядром концепта выступает ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Особую роль в настоящее время занимает знание национальных особенностей ценностных категорий, что необходимо в контексте современной межкультурной коммуникации. Анализ эмпирического материала позволяет выявить смыслы, пропозиции и метасмыслы, формирующие семантическое наполнение и динамику концептов.

В работе использовались следующие методы: дефиниционный анализ, концептуальный анализ, интерпретативный анализ, лингвистико-герменевтический анализ. Результаты исследования могут быть использованы в процессе изучения концептуальной системы и концептосферы анимационного дискурса, могут найти применение в учебных курсах по лингвоконцептологии, лингвокультурологии, теории дискурса, стилистике, теории межкультурной коммуникации, теории и практике перевода, филологической герменевтике.

Ключевые слова: дискурс, концепт, анимация, культура, текст, любовь, семья

В настоящее время концепт выступает как термин многих гуманитарных наук – когнитивистики, семантики, лингвокультурологии и др., в связи с этим существует множество различных мнений о том, что такое концепт. Сложность и многогранность явились причиной того, что, несмотря на высокую степень востребованности, общепринятого определения на данном этапе научного развития пока не выработано, но представлены многочисленные позиции и точки зрения исследователей, демонстрирующие различные стороны концепта и специфику его сторон и граней в процессе взаимодействия и взаимовлияния (С.А. Аскольдов, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.А. Крюкова, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, И.П. Черкасова и др.), методы и подходы к изучению отдельных концептов. Г.А. Крюкова полагает, что актуальность использования термина «концепт» связана с развитием когнитивного направления в психологии, в языкознании, а также с появлением специальных дисциплин: когнитивной психологии, психолингвистики и когнитивной лингвистики [7, с. 128].

Ядром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Особую роль в настоящее время занимает знание национальных особенностей ценностных категорий, что необходимо в контексте современной межкультурной коммуникации. Исследователи отмечают, что этнолингвокультурный аспект изучения языковых категорий в контексте активного взаимопроникновения культур приобретает особую актуальность и является одним из

наиболее перспективных в лингвистике. Присутствие порядка и целостности в системе ценностей сохраняется и поддерживается культурой, государством и господствующей религией. В этом контексте ценности занимают определенное место, могут являться ядром или находиться на периферии области конкретной культуры [1, с. 23]. На наш взгляд, мощным фактором формирования ключевых ценностей и концептов является анимационный дискурс. Текст анимационного произведения рассматривается как дискурсивная практика, находящаяся в динамичных диалогических отношениях с другими практиками, образующими общий континуум.

Анимационный дискурс занимает особое место в системе дискурсивных исследований, так как именно этот тип дискурса оказывает серьезное влияние на формирование ценностных ориентиров современной молодежи. Дискурсивный подход к изучению языка анимации позволяет выявить его лингвокультурологическую специфику и наличие определенных реалий, закодированных на разных уровнях его репрезентации. Анимация – собой особый феномен, который способен не только передать важную информацию о системе ценностных ориентаций, но и спроецировать особые представления о мире. Являясь носителями современной культуры, анимационные фильмы отражают ценности того сообщества и того времени, в котором они создаются. Л.Ф. Бердник в книге «Практическая риторика» отмечает, что человеческое мышление осуществляется в логической и образной формах [3, с. 35], в данной связи следует отметить, что анимационный дискурс апеллирует к

обеим формам мышления. Простота текста и об-разных форм является мнимой. По сути, в рамках взаимодействия формируется сложное смысловое целое, совокупность концептов, воздействующих на аксиологическое пространство реципиента.

В.И. Карасик вводит понятие «аксиогенная ситуация», связывая его с оценочной квалификацией событий и ситуаций. Автор подразделяет фиксируемые сознанием человека ситуации, «положения дел» на ценностно маркированные и ценностно нейтральные, к первым он относит ситуации, с которыми связаны представления о добре и зле [5, с. 37]. В данной связи анимационный дискурс представляет аксиогенные ситуации. Мы рассматриваем анимационный дискурс как сложное структурно-семантическое образование, репрезентирующее текст как продукт деятельности нескольких семиотических систем, передающих информацию визуальным и аудиоспособом. Анимационный дискурс – это поликод, являющийся результатом взаимодействия коллективного авторского замысла, сложного комплекса предполагаемого воздействия на зрителя и текста анимационного произведения, имеющего национально-культурные особенности и отражающего ценности, установки и модели поведения человека, индивидуальную национальную культуру [8, с. 8-9]. Н.Г. Кривуля исследует анимацию как культурный феномен, характеризующий своеобразный процесс взаимодействий, взаимопроникновений, сопряженностей общественных и духовных ценностей. Сложность определения анимационных произведений, согласно мнению автора, заключается в том, что анимация носит синтетический характер. Она сочетает в себе элементы изобразительного искусства, литературы, театра, музыки и драмы. Разнообразие средств выражения, их неожиданные и необычные комбинации рожают различные синтетические формы анимации [6].

Система концептов, представленных в анимационном дискурсе, получает преломление благодаря рефлексивной реальности реципиента и об-растает смыслами в зависимости от типа языковой личности и культуры, представителем которой является конкретный реципиент. В.О. Безрукова и И.П. Черкасова отмечают, что анимационный концепт выступает как вариант лингвокультурного концепта, его отличительными чертами являются «креолизованность как средство репрезентации образной составляющей, способствующее переосмыслению понятийной составляющей и формированию посредством рефлексии и кристаллизации в пространстве индивидуальной рефлексивной реальности дополнительных граней ценностного ядра концепта» [2, с. 285].

Анализ эмпирического материала показывает, что система концептов анимационного дискурса, формирующая концептосферу, базируется на антитезе ключевых понятий бытия (добро – зло, любовь – ненависть, дружба – вражда и др.). В данной связи значимым является введенное С.Г. Воркачевым понятие идеи, отличающееся, по мнению автора, от других форм сознания связью с законом и закономерностью, знание которых позволяет объединять отдельные понятия (концепты) в целостную систему, объединяющую теоретические построения. В число эвристических свойств идеи автор включает концептуальность в качестве системного взгляда на предмет; содержание, требующее совокупности разносторонних определений, превращающих её в теорию; сознание цели и отражение предмета в форме идеала. Идея рассматривается как диалектически развивающаяся семантическая сущность, основой развития которой выступает присутствие отрицающих её категориальных противоречий: тезис - антитезис, концепт - антиконцепт. Лингвокультурная идея способствует синтезации категориального аппарата лингво-концептологии [4].

Определяющую роль играет частотность использования лексики, позволяющая выявить основополагающие концепты. Биполярная система структурируется путем формирования и противостояния двух взаимодействующих ключевых концептов, объединяющих вокруг себя сопутствующие концепты.

Концептосфера динамична в своей основе, структурируется и изменяется путем кристаллизации смысла. И.П. Черкасова отмечает, что в основе кристаллизации находятся понятия – мышление, смысл [9, с. 100]. Таким образом, формирование концептов предполагает постепенное и регулярное изменение и наращивание смыслового континуума от контекста к контексту.

Так, например, рассмотрим анимационный фильм “FROZEN”/ «Холодное сердце» как совокупность концептов, репрезентирующих базовую концептосферу.

На первом этапе исследования мы проанализировали частотность лексических единиц. Наибольшей частотностью обладают слова:

Can – 70, go – 67, Anna – 60, love – 60, get – 55, do – 54; have – 50, Elsa – 49, know – 42, come – 37, wait – 31, right – 29, see-27, Sven – 27, Arendelle – 27, true – 24, get – 23, queen – 23, way 23, Kristoff – 22, ice – 21, Olaf – 21, look – 20, Hans – 19, princess 19, summer – 19, time –19, cold – 18, mean – 17, stop – 17, first – 16, forever – 16, heart – 16, little – 16, open – 16, sister – 16, say – 14, winter – 14, good – 13, people – 13, tell – 13, thing – 13, think – 13, want-13, feel – 11, find – 11. Frozen – 11, mountain – 11,

snow – 11, stay – 11, too – 11, well – 11, could – 10, day – 10, gates – 10, help – 10, life – 10, need – 10.

В результате анализа были сформированы основные тематические группы:

Love: love – 60; get – 55, please – 31, wait – 31, right – 29, see – 27, fixer – upper – 12, beautiful – 9, magic – 9, prince – 9, coming – 8, guys – 8, cause – 7, meet – 7, always – 6, boy – 6, together – 6, conceal – 5, hurt – 5, nice – 5, wanna – 5, bad – 5, deep – 4, engaged – 4, hugs – 4, marriage – 4, marry – 4, amazing – 3, beauty – 3, fair – 3, inside – 3, wonderful – 3, blessing – 3, bright – 3, dance – 3, dream – 3, idea – 2, lady – 2, lonely – 2, loved – 2, somebody – 2, stranger – 2, wish – 2, attention – 1, couple – 1, courage – 1.

Family: Anna – 60, Elsa – 49, Arendelle – 27, sister – 16, people – 13, help – 10, life – 10, need – 10, really – 10, sure – 10, thank – 10, alone – 9, crazy – 8, girl – 8, majesty – 8, make – 7, talking – 7, monster – 6, better – 6, born – 6, brothers – 6, excuse – 6, free – 6, friends – 6, understand – 6, worry – 6, dear – 5, live – 5, everything – 4, family – 4, protect – 4, care – 3, married – 3, matter – 3, play – 3, remember – 3, trust – 3, fun – 2, heat – 2, isolation – 2, kids – 2, king – 2, behavior – 1.

Анализ эмпирического материала показывает способ решения базовых противоречий путем формирования дихотомии или разрушения одного из противостоящих концептов.

Процессы кристаллизации основных смыслов, связанных с данной тематикой, начинаются с самого начала фильма, а именно со знакомства с главными героями. Эльза, юная принцесса, с рождения обладает магической способностью создавать лёд и снег, а также управлять ими. Боясь навредить близким, она следует совету отца «Молчи, терпи, укрой от всех» и проводит большую часть времени в своей комнате, в полном одиночестве:

«We'll lock the gates. We'll reduce the staff. We will limit her contact with people, and keep her powers hidden from everyone. Including Anna»

В данной связи мы можем выделить первую пропозицию, лежащую в основе смыслообразования: человек должен управлять своими силами или он будет изолирован от общества.

Далее идет наращивание смысла: The gloves will help. See? Conceal it. Don't feel it. Don't let it show.

Следует еще одна пропозиция: Нельзя быть отличным от окружающих. Также развивается тема самопожертвования во благо других:

«It's like you've gone away. We used to be best buddies and now we're not. I wish you would tell me why. Do you wanna build a snowman? It doesn't have to be a snowman. Go away, Anna»

«I'm scared. It's getting stronger! Getting upset on-ly makes it worse.

Calm down. No! Don't touch me! Please, I don't want to hurt you»

Противопоставление личных интересов семейным узам продолжается при помощи спора, раскрывая тему взаимного непонимания:

You can't marry a man you just met. You can if it's true love. Anna, what do you know about true love? More than you.

All you know is how to shut people out. You asked for my blessing, but my answer is no.

What did I ever do to you? Enough, Anna.

No, why? Why do you shut me out? Why do you shut the world out?

What are you so afraid of?

В данном контексте можно выявить пропозицию: семейные отношения страдают из-за недостатка общения и взаимопонимания.

Идея отречения от семьи преподносится как способ защиты семьи:

- Elsa, wait.

- No, I'm just trying to protect you.

- You don't have to protect me. I'm not afraid.

Please don't shut me out again. Please don't slam the door. You don't have to keep your distance anymore.

Одновременно развивается следующая идея: только семья примет тебя со всеми твоими недостатками.

Everyone's a bit of a fixer-upper.

That's what it's all about.

- Father! Sister! Brother!

- We need each other to raise us up And round us out.

Важную роль в жизни играют стереотипы, однако зачастую они бывают ошибочными. Развивается пропозиция неправильно сформированных стереотипов:

- But only an act of true love can thaw a frozen heart.

- An act of true love? A true love's kiss, perhaps?

В финале еще раз отмечается, что истинная любовь только в семье, таким образом, антитеза переходит в дихотомию:

- Oh, Elsa.

- You sacrificed yourself for me?

- I love you.

- "An act of true love will thaw a frozen heart."

- "Love will thaw. "Love. Of course.

Детальный анализ концептов «Family» и «Love» позволяет представить их как взаимодействующие и выделить следующие систему метасмыслов, формирующих концептуальную основу на базе смыслов и пропозиций:

1. Неведение рождает омраченность, ведущую к путаным состояниям ума, не осознающего первопричин.

2. В мире корысти и алчности ты нужен только родным. Никто не полюбит тебя сильнее семьи, не примет с недостатками.

3. Истинная любовь формируется в семье.

4. Непросто распознать настоящую любовь, так как первое впечатление может быть обманчиво.

5. Ради мнимой любви люди могут отречься от того, что им дорого.

Фильм способствует формированию определенного понимания того, что такое любовь и семья.

Дискурсивный подход к изучению языка анимации отражает его лингвокультурологическую специфику и наличие определенных реалий, закодированных на разных уровнях его репрезентации. Анимация представляет собой особый феномен, который способен не только передать важную информацию о системе ценностных ориентаций, но и спроецировать особые представления о мире, полкод, являющийся результатом сложного комплекса взаимодействий зрителя и текста анимационного произведения.

Наиболее важную роль в системе выразительных средств анимационного дискурса выполняет антитеза. Антитеза соединяет понятия логики и лингвистики. Противопоставление понятий – территория логики, но контекстуальные значения, приобретаемые словами в процессе реализации антитезы, становятся фактами лингвистики. Необходимо отметить чрезвычайно значимую роль антитезы как средства, способствующего акцентуации процессов смыслообразования в тексте анимационного дискурса.

Литература

1. Аракелова А.Р. Лингвоаксиологические характеристики современного англоязычного дискурса моды: дис. ... канд. филол. наук, Пятигорск, 2017. 222 с.

2. Безрукова В.О., Черкасова И.П. Кристаллизация как техника понимания процессов смыслообразования в анимационном дискурсе // В мире научных открытий. Красноярск, 2013. № 5.3 (41). С. 282 – 300.

3. Бердник Л.Ф. Практическая риторика. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2011. 206 с.

4. Воркачев С.Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре Монография, 2009. URL: <http://https://zavantag.com/docs/427/index-2016914.html> (дата обращения: 12.11.2021)

5. Карасик В.И. Языковая пластика общения: монография. Волгоград: Парадигма, 2017. 462 с.

6. Кривуля Н.Г. Анимация как феномен культуры // Анимация и мультимедиа между традициями и инновациями: материалы V Междунар. науч.-практ. конференции «Анимация как фено-

мен культуры», 7-8 октября 2009 года. Москва: ВГИК, 2010. 164 с. URL: http://https://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/animaciya_i_multimedia_mejdu_tradicijami/read_online.html (дата обращения: 24.10.2021)

7. Крюкова Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008. С. 128 – 135.

8. Нешкова Е.Г. Лингвокультурологический аспект интертекстуальности в мультипликационном дискурсе (на материале английского, русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук, Челябинск, 2020. 192 с.

9. Черкасова И.П. Структурно-семантическая организация поэтического дискурса // Филология и культура. 2018. № 4 (54). С. 96 – 102.

References

1. Arakelova A.R. Lingvoaksiologicheskie harakteristiki sovremennogo angloyazychnogo diskursa mody: dis. ... kand. filol.nauk, Pyatigorsk, 2017. 222 s.

2. Bezrukova V.O., Cherkasova I.P. Kristallizaciya kak tekhnika ponimaniya processov smysloobrazovaniya v animacionnom diskurse. V mire nauchnyh otkrytij. Krasnoyarsk, 2013. № 5.3 (41). S. 282 – 300.

3. Berdnik L.F. Prakticheskaya ritorika. Rostov-na-Donu: YUFU, 2011. 206 s.

4. Vorkachev S.G. Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russkoj lingvokul'ture Monografiya, 2009. URL: <http://https://zavantag.com/docs/427/index-2016914.html> (data obrashcheniya: 12.11.2021)

5. Karasik V.I. Yazykovaya plastika obshcheniya: monografiya. Volgograd: Paradigma, 2017. 462 s.

6. Krivulya N.G. Animaciya kak fenomen kul'tury. Animaciya i mul'timedia mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii «Animaciya kak fenomen kul'tury», 7-8 oktyabrya 2009 goda. Moskva: VGIK, 2010. 164 s. URL: http://https://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/animaciya_i_multimedia_mejdu_tradicijami/read_online.html (data obrashcheniya: 24.10.2021)

7. Kryukova G.A. Konzept. Opredelenie ob"ema soderzhaniya ponyatiya. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena, 2008. S. 128 – 135.

8. Neshkova E.G. Lingvokul'turologicheskij aspekt intertekstual'nosti v mul'tiplikacionnom diskurse (na materiale anglijskogo, russkogo i francuzskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk, Chelyabinsk, 2020. 192 s.

9. Cherkasova I.P. Strukturno-semanticheskaya organizaciya poeti-cheskogo diskursa. Filologiya i kul'tura. 2018. № 4 (54). S. 96 – 102.

MAIN CHARACTERISTICS OF THE CONCEPTOSPHERE OF ANIMATION DISCOURSE

*Korobchak V.N., Candidate of Philological Sciences
(Ph.D.), Associate Professor,
Slepenchuk R.Yu., Postgraduate,
Armavir State Pedagogical University*

Abstract: the article is devoted to the study of the conceptual sphere of animation discourse. Animation discourse is considered as a complex structural and semantic formation in which the text acts as a product of the activity of several semiotic systems that transmit information by visual and audio means; as a discursive practice that forms a common continuum in dynamic dialogical relations with other practices.

This type of discourse has a significant impact on the formation of values of modern youth. The core of the concept is value, because the concept serves to study culture, and culture is based on the value principle. A special role is currently occupied by knowledge of national characteristics of value categories, which is necessary in the context of modern intercultural communication. The analysis of empirical material makes it possible to identify meanings, propositions and meta-meanings that form the semantic content and dynamics of concepts.

The methods were used in the work: definitional analysis, conceptual analysis, interpretive analysis, linguistic-hermeneutic analysis. The results of the research can be used in the studying the conceptual system and the conceptual sphere of animated discourse; in the courses on linguoconceptology, linguoculturology, discourse theory, stylistics, theory of intercultural communication, theory and practice of translation, philological hermeneutics.

Keywords: discourse, concept, animation, culture, text, love, family

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ И НОМЕНКЛАТУРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ СУККУЛЕНТНЫХ РАСТЕНИЙ ПОДСЕМЕЙСТВА АГАВОВЫЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

*Раздугев А.В., кандидат филологических наук, доцент,
Марьева И.Я., кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
Казарьянц К.Э., кандидат педагогических наук, доцент,
Сибирко Н.С., кандидат филологических наук, доцент,
Пятигорский государственный университет*

Аннотация: агавы являются одними из популярных суккулентных комнатных растений, которые можно встретить не только в домах, но и в открытом грунте. Целью статьи является разработка тематической классификации англо- и русскоязычных терминологических единиц и номенклатур – официальных наименований суккулентных растений подсемейства Агавовые (*Agavoideae*) рода Агава с учетом этимологии видовых терминов и терминологических элементов. Материалом для анализа послужила выборка англо- и русскоязычных терминологических и номенклатурных единиц сферы ботаники – видовых наименований представителей рода Агава (*Agave*) общим объемом более 620 единиц (270 англоязычных и более 350 русскоязычных единиц), отобранных из различных электронных и печатных источников. Методами исследования выступают метод сплошной выборки, методы компонентного и дефиниционного анализа, метод этимологического анализа, метод классификации, а также методики количественного подсчета. В ходе работы выделены по крайней мере четыре тематические группы наименований представителей рода Агава: 1) учитывающие внешний вид, свойства и прочие характеристики суккулентного растения (125 единиц, 7 подгрупп); 2) содержащие имена собственные – имена и фамилии известных личностей, ботаников, торговцев, коллекционеров и первооткрывателей (74 единицы); 3) имеющие указание на место произрастания и прочие локусы (59 единиц, 4 подгруппы); 4) образованные от местных названий растений (12 единиц). Тематическая классификация выступает первым и необходимым шагом в процессах стандартизации и унификации наименований видов и разновидностей агав, разработке модели номинации для новых суккулентных (агавовых) растений.

Ключевые слова: тематическая группа, термин, номен, суккулент, агав, этимология, род, подсемейство, номинация

Различные комнатные растения завоевывают все большую популярность у людей. Особенно это стало ощутимо в период вынужденной массовой самоизоляции, когда приходилось постоянно находиться дома, и многих радовал только «зеленый уголок». Наряду с традиционными комнатными цветами, все большую популярность завоевывают более редкие растения, в частности, суккуленты в связи с их относительной неприхотливостью, выносливостью, требованиями минимального ухода. В целом, суккуленты (от лат. *succulentus* – «сочный») – это не отдельный тип растений, а разные представители многочисленных видов и разновидностей, имеющие специальные ткани для запаса воды в связи с произрастанием в местах с засушливым климатом. Подобные природные приспособления – плотные сочные ткани, способные сохранять воду, колючки вместо листьев для ее меньшего испарения, особая форма ствола и т.д. – возникают в связи со сходными условиями обитания, но при этом растения не связаны общим происхождением.

Одними из популярных и востребованных суккулентных растений, которые можно встретить не только в домах, но и в некоторых местах в открытом грунте, являются агавы (лат. *Agave*) [2]. Современное научное наименование рода расте-

ний происходит от др.-греч. Ἀγάθη («прославленная, благородная») – Агава, имени персонажа древнегреческой мифологии, дочери Кадма, матери Пенфея. Также от греч. *agavos* – «величественный, благородный, знаменитый» – в связи с благородной природой многих видов, а также наличием у его представителей устрашающих краев листа с зубцами. Агава ассоциируется с ацтекской богиней Магей, отвечающей за плодородие, алкоголь и пульке (мексиканский алкогольный напиток). Агавы – это род однодольных растений подсемейства Агавовые (*Agavoideae*) семейства Спаржевые (*Asparagaceae*). Подсемейство Агавовые включает Агаву (*Agave*), Бешорнерию (*Beschorneria*), Фуркрею (*Furcraea*), Геспералоз (*Hesperaloe*), Гесперокаллис (*Hesperocallis*), Манфреду (*Manfreda*), Полиантес (*Polianthes*), Прочнянтес (*Prochnyanthes*) и Юкку (*Yucca*). Роды Бокарнея (*Beaucarnea*), Калибанус (*Calibanus*), Дазилирион (*Dasyliirion*) и Нолина (*Nolina*) ранее были включены в подсемейство Агавовые, но в настоящее время, как правило, рассматриваются как члены подсемейства Нолиновые (*Nolinaceae*). Драценовые (*Dracaceae*), произрастающие в Старом Свете, сегодня находятся в собственном семействе, однако когда были сгруппированы с агавами [3, 4, 5, 6, 7].

Значительная часть агав представляет собой растения с коротким стволом и розеткой толстых, твердых, жестких, но при этом сочных листьев, часто с зубцами на краю листовой пластины и обычно с весьма острым концом на конце листа. Существуют кустистые виды агав, у которых новые розетки компенсируют потерю цветущих розеток, так как после цветения последние отмирают, однако несколько видов агав остаются на протяжении жизни одиночными розетками и после цветения погибают, полагаясь на образование семян для сохранения вида. Большинство видов являются монокарпическими (т.е. размножающимися (цветущими или плодоносящими) только один раз в течение жизни.), хотя некоторые могут цвести несколько раз. Цветы агавы обоеполые, тычиночные и пестичные, опыляются летучими мышами и насекомыми [3].

Внутри листьев агавы содержатся длинные волокна, которые использовались еще коренными американцами. Так, например, из молодых листьев культивируемой агавы сизалевой (*Agave sisalana*) получают сизаль (*sisal*), пеньку, которая используется для производства одежды и ковров. Углеводы, содержащиеся в сердцевине некоторых видов агав, были ферментированы индейцами для приготовления напитка под названием «пульке» (*pulque*), который использовался в религиозных церемониях. Дистилляция аналогичного фермента, приготовленного из агавы, у которой был удален развивающийся бутон цветка, является основой для современного производства мескаля (*mescal / mezcal*). При этом если дистиллят изготовлен из голубой агавы (*Agave tequilana*, народное нетерминологическое наименование – *the Blue Agave*) в городе Текила, штат Халиско, Мексика, то он может называться текилой (*Tequila*) [3].

Учеными было описано более 300 видов агавы, но в настоящее время официально признано только около 200, еще меньше имеет распространение в виде комнатных растений. Изначально Агавовые (*Agavaceae*) выделялись в качестве отдельного семейства, а сегодня являются подсемейством (*Agavoideae*) однодольных растений семейства Спаржевые (*Asparagaceae*) [3, 5]. С наименованиями видов и разновидностей агавы возникают некоторые вопросы, так как существуют официальные – терминологические и номенклатурные – наименования растений, наряду с народными, местными именами, присутствуют различные синонимичные варианты, в том числе с разным написанием и т.д. Достаточно большое количество видовых терминов не переведено на русский язык вообще или переведено не совсем верно, без учета этимологии (транскодированием, подбором аналога, далекого от оригинала), функционирует одновременно не-

сколько вариантов перевода (транскодированная единица / калька / аналог). Таким образом, видовые наименования подсемейства Агавовые нуждаются в определенной унификации в плане номинационных процессов, унификации написания и стандартизации в том, что касается устранения синонимии и дальнейшего образования новых имен культиваров (вариантов), сортов и разновидностей (ср. *Agave salmiana* – Агава сальмиана / Агава Сальма / Агава пульковая и *Agave blue glow* – Агава «голубое свечение» / Агава блю глоу). Как представляется, чтобы начать решать обозначенные выше проблемы необходимо, прежде всего, разработать тематическую классификацию анализируемых наименований при учете их этимологии.

Предлагаемая статья посвящена изучению англоязычных ботанических терминологических и номенклатурных наименований на материале названий суккулентных растений подсемейства Агавовые (*Agavoideae*) рода Агава (*Agave*). В рамках данной работы основное внимание будет уделено официальным наименованиям представителям рода Агава (родовому и видовым) без учета культиваров (вариантов) и сортов.

Целью статьи является разработка тематической классификации англо- и русскоязычных терминологических единиц и номенклатур сферы ботаники на материале официальных наименований суккулентных растений подсемейства Агавовые (*Agavoideae*) рода Агава с учетом этимологии (происхождения) видовых терминов и терминологических элементов. В ходе работы будут выявлены и описаны ключевые источники именования видов агавы (например, внешний вид и свойства растения, место произрастания, имена собственные известных личностей, ботаников и первооткрывателей, местные названия растений и др.).

Материалом для анализа послужила выборка англо- и русскоязычных терминологических и номенклатурных единиц сферы ботаники – видовых наименований представителей рода Агава (*Agave*) общим объемом более 620 единиц (270 единиц на английском языке и более 350 соответствующих им русскоязычных вариантов), отобранных методом сплошной выборки из различных электронных и печатных источников, включающих словари и глоссарии, монографии, веб-порталы по ботанической тематике.

Основными методами исследования англо- и русскоязычных терминологических и номенклатурных наименований суккулентных растений рода Агава с точки зрения их тематической принадлежности являются метод сплошной выборки, методы компонентного и дефиниционного анализа, метод этимологического анализа, метод классифи-

кации, а также методики количественного подсчета.

На начальном этапе работы были проанализированы англоязычные видовые наименования рода Агава в этимологическом плане. В целом, на 270 отобранных терминологических единиц приходится 144 терминологических элемента латинского и 47 терминологических элементов греческого происхождения (частотны: лат. *albus*-, *-fer* / *-fera* / *-ferum*, *-florus*, *-folius*, *longus*-, *sub*- и др.; греч. *-anthos*, *-akantha*, *neos*-, *-oides* и др.), 2 – испанского происхождения (*barrancensis*, *lechuguilla*), 1 – португальского происхождения (*zebro*), 1 – английского происхождения (современное наименование – *blue glow*). Приведем некоторые примеры наименований с латинскими корнями: *Agave albomarginata* – Агава альбомаргината / Агава белоокаймленная (от лат. *albus* – «белый» и лат. *marginatus* – «окаймленный»), *Agave albopilosa* – Агава беловолосая (от лат. *albus* – «белый» и лат. *pilosus* – «волосатый»); *Agave ensifera* – Агава энсифера / Агава меченосная (от лат. *ensis* – «меч» и лат. *-fer*, *-fera*, *-ferum* – «несущий»), *Agave filifera* – Агава нитеносная (от лат. *filum* – «нить» и лат. *-fer*, *-fera*, *-ferum* – «несущий»), *Agave sobolifera* – Агава соболифера (от лат. *soboles* – «ветвь, плод, потомок» и лат. *-fer*, *-fera*, *-ferum* – «несущий»); *Agave fortiflora* – Агава фортифлора (от лат. *fortis* – «сильный, мощный» и *-florus* – «цветочный, цветковый»), *Agave geminiflora* – Агава сдвоенноцветковая / Агава джеминифлора (от лат. *geminus* – «двойной» или лат. *geminus* – «близнецы» и лат. *-florus* – «цветочный, цветковый»), *Agave hiemiflora* – Агава хиемифлора / Агава зимнецветущий (от лат. *hiems* – «зима» и лат. *florus* – «цветочный, цветковый»), *Agave longiflora* – Агава лонгифлора / Агава длинноцветковая (от лат. *longus* – «длинный» и лат. *florus* – «цветочный, цветковый»); *Agave ovatifolia* – Агава яйцевидная (от лат. *ovatus* – «яйцевидный, овальный» и лат. *-folius* – «лиственный»), *Agave planifolia* – Агава планифолия / Агава плосколистная (от лат. *planus* – «плоский» и лат. *-folius* – «лиственный»), *Agave tenuifolia* – Агава тениюфолия / Агава тонколистная (от лат. *tenuis* – «тонкий» и лат. *-folius* – «лиственный»), *Agave yuccifolia* – Агава юкколистная (от лат. *-folius* – «лиственный» + *Yucca*) [6, 7, 8, 9] и др.

Менее частотны терминологические элементы греческого происхождения, например: *Agave dolichantha* – Агава доличанта / Агава длинноцветковая (от греч. *dolichos* – «длинный» и греч. *anthos* – «цветок»), *Agave lophantha* – Агава лопфанта (от греч. *lophos* – «гребешок, хохолок» и греч. *anthos* – «цветок»); *Agave macroacantha* – Агава макро(а)канта (от греч. *makros* – «крупный, широкий» и греч. *akantha* – «игла, шип»), *Agave poly-*

acantha – Агава полиаканта / Агава многоколючковая (от греч. *poly-* – «много» и греч. *akantha* – «игла, шип»), *Agave rhodacantha* – Агава родаканта (от греч. *rhodos* – «розово-красный, красный» и греч. *akantha* – «игла, шип»); *Agave neonelsonii* – Агава нео Нельсона (от греч. *neos* – «новый» и в честь американского натуралиста Эдварда Уильяма Нельсона (Edward William Nelson)), *Agave neopringlei* – Агава нео Прингла (от греч. *neos* – «новый» и в честь американского растениевода и исследователя-коллекционера Сайруса Гернси Прингла (Cyrus Guernsey Pringle)); *Agave dasyliroides* – Агава дазилуриовидная (от греч. *-oides* – «похожий, сходный» + *Dasyliroides*), *Agave echinoides* – Агава эхиноидес / Агава ежевидная (от греч. *echinos* – «еж» и греч. *-oides* – «похожий, сходный»), *Agave fourcroydes* – Агава фуркроидная (от греч. *-oides* – «похожий, сходный» + *Fourcroya*), *Agave ixtlioides* – Агава икстлиидес (от греч. *ixtli* – «лицо, глаз» и греч. *-oides* – «похожий, сходный») [6, 7, 8, 9] и др. Как видим, в наименованиях часто встречаются описания признаков, свойств и характеристик суккулентных растений. Следует отметить, что чаще всего сочетаются два (реже три или четыре) терминологических элемента одного языка, т.е. лат. + лат. или греч. + греч., практически единичны случаи сочетания терминологических элементов греческого и латинского происхождения (греч. + лат., 3 случая: греч. *a-* и лат. *pedicellatus* – *Agave apedicellata* – Агава апедицеллата; греч. *mikros* и лат. *-ceps* – *Agave microceps* – Агава микросепс; греч. *schidia* и лат. *-ger*, *-gera*, *-gerum* – *Agave schidigera* – Агава шидигера).

Кроме того, были выявлены 74 терминологических элемента-имен собственных – фамилий известных ботаников и первооткрывателей, известных личностей, в честь которых произошло наименование; 50 терминологических элементов-имен собственных – географических названий, обычно связанных с местом произрастания суккулентного растения; 12 терминологических элементов – местных народных наименований, в основном, индейского происхождения. Таким образом, мы получаем, что в плане тематики (при учете этимологии) номены и терминологические единицы (терминологические элементы), именуемые суккулентные растения рода Агава, делятся по крайней мере на четыре тематические группы:

1) термины и номены, учитывающие внешний вид, свойства и прочие характеристики растения (125 терминологических единиц);

2) содержащие имена собственные – имена и фамилии известных личностей, ботаников и первооткрывателей (74 терминологических единиц);

3) имеющие указание на место произрастания и прочие локусы (59 единиц);

4) образованные от местных названий растений (12 единиц) (см. рис. 1).

Рассмотрим каждую тематическую группу подробнее. Основную массу терминологических единиц и номенов (125 единиц, или 46% выборки) составляют те, которые в классифицирующем терминологическом элементе содержат указание на *внешний вид, свойства и прочие характеристики именуемого растения*. В рамках данной группы следует выделить несколько подгрупп. В частности, первую подгруппу составляют терминологические и номенклатурные единицы, имеющие в основе наименования *форму листовой пластины* (42 единицы), например: *Agave xylonacantha* – *Агава ксилонаканта* (от греч. *xylon* – «дерево» и греч. *akantha* – «игла, шип», в связи с твердыми зубцами по краям и шипами на конце листа); *Agave petiolata* – *Агава черешчатая* (от лат. *petiolate* – «черешчатый, черешковый», в связи с наличием длинных, оттянутых к верхушке листьев); *Agave platyphylla* – *Агава платифилла / Агава плосколистная* (от греч. *platys* – «плоский, широкий» и греч. *phyllon* – «лист»); *Agave acicularis* – *Агава игольчатая* (от лат. *acicularis* – «иглообразный», по форме листьев); *Agave acuispina* – *Агава акиспина* (от лат. *acus* – «игла» и лат. *-spinus* «колючий, острый», в связи с наличием иглы на конце листа); *Agave angustifolia* – *Агава узколистная* (от лат. *angustus* – «узкий» и лат. *-folius* – «лиственный»); *Agave attenuata* – *Агава оттянутая / Агава тонкая* (от лат. *attenuatus* – «оттянутый, утонченный», по форме листьев); *Agave bovicornuta* – *Агава рогатая* (от лат. *bos, bovis* – «бык, корова» и лат. *cornutus* – «рогатый», в связи с формой края листа); *Agave brevispina* – *Агава короткоиглая* (от лат. *brevis* – «короткий» и лат. *spina* – «игла, шип»); *Agave ferox* – *Агава устрашающая* (от лат. *ferox* – «свирепый, страшный», в связи с жесткими зубчатыми краями листа); *Agave horrida* – *Агава страшная* (от лат. *horridus* – «колючий, жесткий», по форме краев листа); *Agave involuta* – *Агава инволюта* (от лат. *involutus* – «скрученный, закрученный, свернутый», в связи с наличием скрученных листьев); *Agave mitis* – *Агава мягкая* (от лат. *mitis* – «мягкий», в связи с наличием мягких листьев и небольших мягких зубцов по краям листа); *Agave producta* – *Агава продолговатая* (от лат. *productus* – «продолговатый, удлиненный», в связи с наличием длинных листьев); *Agave revoluta* – *Агава поникающая* (от лат. *revolutus* – «закрученный вниз, закрученный назад», по форме листьев); *Agave triangularis* – *Агава треугольная* (от лат. *triangularis* – «треугольный», в связи с формой листьев) [6, 7, 8, 9] и др.

Вторую подгруппу составляют наименования, в основу которых положен *цвет* (20 единиц),

например: *Agave albescens* – *Агава белая* (от лат. *albescens* – «белеющий»); *Agave atrovirens* – *Агава темно-зеленая* (от лат. *ater, atra, atrum* – «черный» и лат. *virens* – «зеленый», в связи с наличием темно-зеленых листьев); *Agave aurea* – *Агава золотистая* (от лат. *aureus* – «желтый, золотисто-желтый»); *Agave bicolor* – *Агава двуцветная* (от лат. *bicolor* – «двуцветный», в связи с наличием двуцветных цветов); *Agave cupreata* – *Агава медная* (от лат. *cupreatus* – «медно-красный, медный», из-за цвета зубцов на краю листа); *Agave grisea* – *Агава серая* (от лат. *griseus* – «серый», в связи с цветом листьев); *Agave lurida* – *Агава бурожелтая* (от лат. *luridus* – «буро-желтый, грязноватый коричневатый», в связи с цветом листьев); *Agave obscura* – *Агава темная* (от лат. *obscurus* – «неясный, темный», в связи с наличием темно-красных цветов); *Agave titanota* – *Агава титанота* (от греч. *titanos* – «мел, гипс», в связи с наличием алебастрово-белых листьев); *Agave fusca* – *Агава фуска* (от лат. *fuscus* – «темно-бурый; темно-коричневый», в связи с цветом соцветий); *Agave rhodacantha* – *Агава родаканта* (от греч. *rhodos* – «розово-красный, красный» и греч. *akantha* – «игла, шип», в связи с цветом зубцов по краям листьев) [6, 7, 8, 9] и др.

Третью подгруппу терминов и номенов составляют единицы, в основе образования которых положен *узор листовой пластины* (12 единиц), например: *Agave guttata* – *Агава гуттата* (от лат. *guttatus* – «с точками и каплями», в связи с наличием пятнистых листьев); *Agave impressa* – *Агава импресса* (от лат. *impressus* – «запечатленный, отпечатанный», в связи с отпечатками на листьях от центральной точки роста); *Agave maculata* – *Агава макулата* (от лат. *maculatus* – «пятнистый», в связи с наличием пятнистых листьев); *Agave maculosa* – *Агава макулоза* (от лат. *maculosus* – «пятнистый, крапчатый», в связи с наличием пятнистых листьев); *Agave marmorata* – *Агава мраморная* (от лат. *marmoratus* – «мраморный», в связи с мраморным узором на листьях); *Agave stictata* – *Агава пятнистая* (от греч. *stiktos* – «пятнистый, разноцветный», в связи с наличием пятнистых листьев); *Agave striata* – *Агава полосатая* (от лат. *striate* – «полосатый», в связи с наличием полосатых листьев); *Agave univittata* – *Агава однополосная* (от лат. *uni-* – «один» и лат. *vittatus* – «с полосами по длине»); *Agave zebra* – *Агава зебра* (от португ. *zebro, zebra* – «зебра, дикий осел», в связи с полосатым узором на листьях, как у зебры) [6, 7, 8, 9] и др.

Четвертую подгруппу составляют терминологические и номенклатурные единицы, которые при образовании учитывают *форму цветков и соцветий* (12 единиц), например: *Agave confertiflora* –

Агава густоцветковая (от лат. confertus – «плотный, густой» и лат. flora – «цветочный, цветковый»); *Agave congesta* – *Агава конгеста* (от лат. congestus – «тесный, переполненный», в связи с плотным соцветием); *Agave pendula* – *Агава повислая* (от лат. pendulus – «свисающий», в связи с наличием свисающих соцветий); *Agave tubulata* – *Агава трубчатая* (от лат. tubulatus – «трубчатый», в связи с наличием достаточно глубокого трубчатого цветка); *Agave bracteosa* – *Агава прицветниковая* (от лат. bractea – «прицветник», растение имеет большое количество прицветников, кроющих листов); *Agave brevipedata* – *Агава коротколепестковая* (от лат. brevis – «короткий» и лат. petalum – «лепесток (цветка)»); *Agave longibracteata* – *Агава длинноприцветниковая* (от лат. longus – «длинный» и лат. bracteatus – «имеющий прицветники или кроющие листья»); *Agave longipes* – *Агава длинная* (от лат. longus – «длинный» и лат. pes – «нога», в связи с длинной осью соцветия); *Agave gracilipes* – *Агава грацилипе* (от лат. gracilis – «изящный, нежный, деликатный» и лат. pes – «нога, ножка», в связи с наличием изящных соцветий); *Agave singuliflora* – *Агава одноцветковая* (от лат. singulus – «один, единственный» и лат. florus – «цветочный, цветковый») [6, 7, 8, 9] и др.

Пятую подгруппу образуют лексические единицы, именующие *общий вид* суккулентного растения (12 единиц), например: *Agave applanata* – *Агава плоская* (от лат. applanatus – «плоский»); *Agave difformis* – *Агава разнолистная* (от лат. difformis – «неравный, по-разному сформированный»); *Agave evadens* – *Агава эваденс* (от лат. evadens – «убегающий, выходящий»); *Agave gracillima* – *Агава грациллима* (от лат. gracilis – «изящный, нежный, деликатный»); *Agave minor* – *Агава минор* (от лат. minor – «меньше, маленький»); *Agave pachycentra* – *Агава пахицентра* (от греч. pachys – «толстый» и греч. kentron – «центр», в связи с массивной, короткой центральной почкой листовых розеток конической формы); *Agave scaposa* – *Агава скапоза* (от лат. scaposus – имеющая полноценный ствол или безлистный короткий стебель); *Agave subsimplex* – *Агава субсимплекс* (от лат. sub- – «почти» и лат. simplex – «простой», в связи с тем, что у растения не отрастают боковые побеги); *Agave anomala* – *Агава ненормальная* (от греч. anomalos, anomalos – «ненормальный, неравный») [6, 7, 8 9] и др.

Шестая подгруппа единиц учитывает в рамках номинации *свойства листьев, цветов и плодов* (11 единиц), например: *Agave cerulata* – *Агава восковая* (от лат. cera – «воск», в связи с восковой поверхностью листа); *Agave debilis* – *Агава слабая* (от лат. debilis – «слабый», в связи с особенностями

листьев); *Agave scabra* – *Агава шершавая* (от лат. scaber, scabra, scabrum – «грубый, шершавый», в связи с наличием грубых листьев); *Agave subcerulata* – *Агава почти восковая* (от лат. sub- – «почти» и лат. cerulatus – «немного восковой»); *Agave ornithobroma* – *Агава орнитоброма* (от греч. ornithos, ornithos – «птица» и греч. bromos – «еда», в связи с тем, что маленькие попугаи едят почки и цветы данного растения); *Agave sobolifera* – *Агава соболифера* (от лат. soboles – «ветвь, плод, потомок» и лат. -fer, -fera, -ferum – «несущий», в связи с наличием соцветий с воздушными луковицами); *Agave spicata* – *Агава шипастая* (от лат. spica – «шип, острие», в связи с наличием соцветий с шипами); *Agave vivipara* – *Агава живородящая* (от лат. viviparus – «живородящий», в связи с наличием воздушных луковиц в соцветиях) [6, 7, 8, 9] и др.

Кроме того, в седьмую подгруппу мы включаем остальные термины и номены, имеющие в основе номинации *получаемый продукт* (3 единицы), *размер растения и его частей* (2 единицы), *сходство с другими растениями* (2 единицы) и др. Приведем некоторые примеры: *Agave sisalana* – *Агава сизалева* (в связи с волокном сизаль (*Sisal fibre*)); *Agave tequilana* – *Агава текильная* (*tequila* – текила); *Agave x rumila* – *Агава пумила / Агава карликовая* (от лат. rumilus – «карликовый, крошечный», в связи с внешним видом растения); *Agave parviflora* – *Агава мелкоцветковая* (от лат. parvus – «маленький» и лат. florus – «цветочный, цветковый»); *Agave polianthiflora* – *Агава полиантесоцветковая* (*polianthes* – полиантес и лат. -florus – «цветковый»); *Agave yuccifolia* – *Агава юкколистная* (*юсса* – юкка) [6, 7, 8, 9] и др.

Вторую по частотности тематическую группу образуют терминологические единицы и номены, содержащие *имена собственные* – имена и фамилии известных личностей (королей и королев), ботаников, садоводов, первооткрывателей, торговцев и коллекционеров растений (74 терминологические единицы, или 27% выборки), в честь которых произошло наименование. Приведем некоторые примеры: *Agave abisaii* – *Агава абизайская* (в честь исследователя агав в Мексике Абисаи Гарсиа-Мендоза (*Abisai Garcia-Mendoza*)); *Agave blissii* – *Агава Блисса* (в честь господина Блисса (*Bliss*), который вырастил данный гибрид в своем саду в Оптингтоне, Англия); *Agave brittoniana* – *Агава Бриттона* (в честь американского ботаника Натаниэля Лорда Бриттона (*Nathaniel Lord Britton*)); *Agave celsii* – *Агава Цельса* (ошибочно: Цельсия) (в честь французского садовника и суккулентовода Жана Франкуса Цельса (*Jean-Francois Cels*)); *Agave desmet(t)iana* – *Агава десмет(т)иана / Агава де Смета* (в честь бельгийского садовода и владель-

ца питомника Люиса де Смета (*Louis De Smet*)); *Agave deweyana / deveyana* – *Агава девейана / Агава Деву* (в честь американского ботаника Листера Хокси Девейя (*Lyster Hoxie Dewey*)); *Agave ferdinandi-regis* – *Агава короля Фердинанда* (в честь Фердинанда (Феррандо) II Арагонского (*Ferrando II d'Aragón*), от лат. rex – «король»); *Agave gentry(i)* – *Агава Джентри* (в честь американского ботаника, специалиста по агавам Говарда Скотта Джентри (*Howard Scott Gentry*)); *Agave hookeri* – *Агава Хукера* (в честь английского ботаника-систематика Уильяма Джексона Хукера (*William Jackson Hooker*)); *Agave murpheyi* – *Агава Мерфи* (в честь Ирландского ботаника Эдмунда Мерфи (*Edmund Murphy*)); *Agave palmeri* – *Агава Палмера* (в честь английского ботаника и коллекционера растений Эдварда Палмера (*Edward Palmer*)); *Agave parryi* – *Агава Парри / Агава Парра* (в честь ботаника американского ботаника британского происхождения, первооткрывателя и врача Чарльза Кристофера Парри (*Charles Christopher Parry*)); *Agave peacockii* – *Агава Пикок(а)* (в честь владельца недвижимости и коллекционера суккулентов Джона Томаса Пикок (*John Thomas Peacock*)); *Agave rosei* – *Агава Роуза* (в честь американского ботаника Джозефа Нельсона Роуза (*Joseph Nelson Rose*)); *Agave seemanniana* – *Агава Земана* (в честь немецкого ботаника и путешественника, доктора Бертольда Карла Земана (*Berthold Carl Seemann*)); *Agave toumeyana / toumeyana* – *Агава Туми* (в честь американского ботаника и лесника, профессора, доктора Джеймс Уильям Туми (*James William Toumey*)); *Agave victoriae-reginae* – *Агава королевы Виктории* (от лат. regina – «королева», названа в честь английской королевы Виктории (*Queen Victoria*)); *Agave weberi* – *Агава Вебера* (в честь французского военного хирурга и ботаника-любителя, специалиста по кактусам, доктора Фредерика Альберта Константина Вебера (*Frederic Albert Constantin Weber*) [6, 7, 8, 9] и др.

Третью группу составляют термины и номены, имеющие указание на место произрастания и прочие локусы (59 единиц, или 22% терминологической выборки). Данную группу можно разделить на три подгруппы, первая из которых содержит информацию об изначальном месте произрастания, обозначенном на картах, или месте, где было найдено в природе суккулентное растение (континент, штат, остров(а), провинция, местность, город и т.д.) (46 единиц). Приведем и проанализируем примеры: *Agave Americana* – *Агава американская* (в связи с произрастанием на Американском континенте); *Agave chiapensis* – *Агава чиапенсис / Агава чиапенская* (в связи с произрастанием в штате Чьяпас (*Chiapas*), Мексика); *Agave*

colimana – *Агава колимана* (в связи с произрастанием в штате Колима (*Colima*), Мексика); *Agave durangensis* – *Агава Дуранго* (в связи с местом произрастания – штатом Дуранго (*Durango*), Мексика); *Agave guerrerensis* – *Агава герреренсис* (в связи с местом произрастания – штатом Герреро (*Guerrero*), Мексика); *Agave jaliscana* – *Агава халискана / Агава халисская* (в связи с произрастанием в штате Халиско (*Jalisco*), Мексика); *Agave michoacana* – *Агава мичоакана* (в связи с произрастанием в штате Мичоакан (*Michoacán*), Мексика); *Agave nayaritensis* – *Агава наяритенсис / Агава наяритская* (в связи с произрастанием в штате Наярит (*Nayarit*), Мексика); *Agave potosina* – *Агава потосина / Агава потосинская* (в связи с произрастанием в штате Сан-Луис-Потоси (*San Luis Potosí*), Мексика); *Agave utahensis* – *Агава ютская* (в связи с произрастанием в штате Юта (*Utah*), США); *Agave virginica* – *Агава виргинская* (в связи с произрастанием в штате Вирджиния (*Virginia*), США); *Agave acklinicola* – *Агава аклиника* (изначально эндемик острова Аклинс (*Acklins*) Багамских островов); *Agave arubensis* – *Агава арубенсис / Агава арубская* (от названия острова Аруба (*Aruba*) Карибских островов); *Agave bahamana* – *Агава багамская* (в связи с местом произрастания – Багамскими островами (*Bahamas*)); *Agave caribaea* – *Агава карибская* (в честь места произрастания – Карибских островов (*Caribbean Islands*)); *Agave inaguensis* – *Агава инагенсис* (в связи с произрастанием на острове Литл Инагуа (*Little Inagua*) на Багамских островах); *Agave portoricensis / Agave portoricenis* – *Агава пуэрто-риканская* (в связи с произрастанием на острове Пуэрто-Рико (*Puerto Rico*) в Карибском море); *Agave guiengola* – *Агава гиенгола* (в связи с местом произрастания – известняке Гиенгола (*Guiengola*), штат Оахака, Мексика); *Agave isthmensis* – *Агава истменсис / Агава истмензис* (в связи с произрастанием на перешейке Теуантепек (*Isthmus of Tehuántepec*), Мексика); *Agave tequilana* – *Агава текильная* (в честь города Текила (*Tequila*), штат Халиско, Мексика, центра производства текилы) [6, 7, 8, 9] и др.

Вторая подгруппа представлена наименованиями, содержащими отсылку к локальному месту произрастания (побережье / берег, каньон, ущелье, пустыня и др.) (9 единиц), например: *Agave aktites* – *Агава актитис* (от древнегреч. aktites – «житель побережья», от акте – «берег»); *Agave littoralis* – *Агава литторалис / Агава прибрежная* (от лат. littoralis – «прибрежный, приморский», в связи с произрастанием на морском побережье); *Agave angustiarum* – *Агава ангустиарум / Агава каньонная* (от лат. angustiae – «узкое место, узкий путь», агавы произрастает в каньонах); *Agave*

barrancensis – Агава барраценсис (в связи с произрастанием в глубоких долинах и ущельях (исп. *barranca*)); *Agave deserti* – Агава пустынная (от лат. *deserti* – «пустынный»); *Agave montana* – Агава монтана / Агава горная (от лат. *montanus* – «горный», в связи с местом произрастания); *Agave paluster* – Агава болотная (от лат. *paluster*, *palustris*, *palustre* – «болотный, болотистый», в связи с предпочитаемым местом произрастания) [6, 7, 8, 9] и др.

Третья подгруппа подразумевают наименование в честь других объектов (страна, город, коммуна, ботанический сад) (4 единицы), например: *Agave hauniensis* – Агава хауниенсис (от *Kopenhagen* (лат. *Havn* [Havn]) – Копенгаген, Дания, где было найдено растение в ботаническом саду); *Agave lespinassei* – Агава ле(с)пинаса (в честь коммуны Лепинас (*Lepinasse*) во Франции); *Agave valenciana* – Агава валенсианская (в честь города Валенсии (*Valencia*) в Испании); *Agave kewensis* – Агава кьюенсис (в связи с произрастанием таксона в Королевских ботанических садах Кью (*Royal Botanic Gardens Kew*)) [6, 7, 8, 9] и др.

Четвертую, наименьшую в количественном плане, тематическую группу терминологических единиц и номенов составляют те, которые в том или ином виде содержат местные народные названия растений (12 единиц, или 5% выборки). Рассмотрим данную группу подробнее: *Agave sacozela* – Агава какозела (от местного народного названия растений на Багамских островах), *Agave*

cantala / *Agave cantula* – Агава кантала (от местного азиатского названия растений), *Agave cosui* – Агава кокуи (от местного народного наименования таксона в Венесуэле), *Agave coetocapnia* – Агава коетокапния, *Agave datylio* – Агава датилио (от местного народного наименования растения в Мексике), *Agave jaiboli* – Агава хайболи / Агава джайболи (от местного индийского народного наименования таксона в штате Сонора, Мексика), *Agave karatto* – Агава каратто (от местного народного наименования таксона «Karat» на острове Сент-Китс в Карибском море), *Agave lechuguilla* – Агава лечугилья (от исп. *lechuga* – салат, от местного народного наименования растения в Мексике); *Agave ocahui* – Агава окахуи (от местного народного наименования растений *ocahui* / *ojahui* в Мексике), *Agave pelona* – Агава пелона (от местного народного наименования мескаль пелон («*Mescal Pelón*»), от исп. *pelón* – «лысый человек», названа в связи с отсутствием зубцов по краям листовой пластины), *Agave wocomahi* – Агава вокомахи (от местного народного наименования растений у индейцев Гуарихио, штат Нью-Мехико, Мексика), *Agave zaripe* – Агава царипе [6, 7, 8, 9].

Наглядно процентное соотношение тематических групп терминов и номенов, обозначающих виды суккулентных растений рода Агава, принимая во внимание их этимологию, изображено на диаграмме (рис. 1).

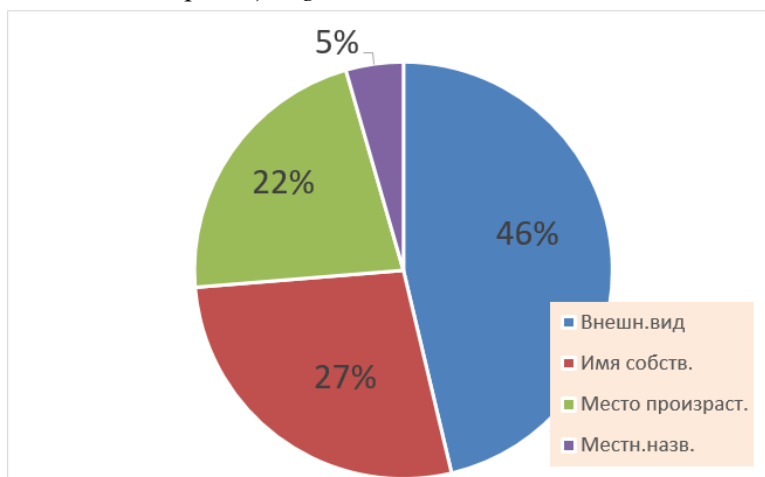

Рис. 1. Тематические группы терминов и номенов, обозначающих виды суккулентных растений рода Агава, с учетом этимологии / Diagram 1. Thematic groups of terms and nomens denoting succulent plants of the *Agave* genus taking into account their etymology

Таким образом, в рамках статьи мы проанализировали англо- и русскоязычные терминологические единицы и номены, обозначающие виды суккулентных растений подсемейства Агавовые (*Agavoideae*) рода Агава, с учетом этимологии составляющих их элементов с целью выделения тематических групп. В ходе работы было выявлено,

что номинация в анализируемой сфере может идти разными путями и при участии разных языков, преимущественно латинского (144 терминологических элемента) и греческого (47 терминологических элементов).

В плане тематики номены и терминологические единицы, именующие суккулентные растения рода

Агава, делятся по крайней мере на четыре крупные тематические группы:

1) учитывающие внешний вид, свойства и прочие характеристики суккулентного растения (125 единиц), 7 подгрупп: учет при номинации формы листовой пластины, цвета (листьев, цветков), узора листовой пластины, формы цветков и соцветий, общего вида растения, свойств листьев, цветов и плодов, прочего – получаемого продукта, размера растения и его частей, сходства с другими растениями;

2) содержащие имена собственные – фамилии и имена известных личностей, ботаников, торговцев, коллекционеров и первооткрывателей (74 единицы);

3) имеющие указание на место произрастания и прочие локусы (59 единиц), 4 подгруппы: учет при номинации изначального места произрастания, обозначенного на картах; локального места произрастания, других объектов (страны, города, коммуны, ботанического сада);

4) образованные от местных названий растений (12 единиц).

Тематическая классификация выступает первым и необходимым шагом в процессах стандартизации и унификации наименований видов и разновидностей Агавы, разработке моделей номинации для новых суккулентных (агавовых) растений. В целом, полученные результаты в виде разработанной классификации применимы к другим подсемействам и родам растений с определенной адаптацией.

Литература

1. Виды рода Агава. Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Виды_рода_Агава (дата обращения: 30.11.2021)

2. Раздвев А.В., Щерба С.О., Ягаева С.Б. Некоторые этимологические особенности наименований комнатных растений (на материале обозначений суккулентов в современном английском языке) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. № 1. С. 119 – 125.

3. Agavaceae, Century Plants. The Agave Page. URL: <https://succulentplant.com/families/agavaceae.html> (дата обращения: 30.11.2021)

4. Agaveville. Xeric Plant Discussion Forum. URL: <http://www.agaveville.org/viewtopic.php?t=244> (дата обращения: 30.11.2021)

5. Chase M.W., Reveal J.L., Fay M.F. A subfamilial classification for the expanded asparagalean fami-

lies Amaryllidaceae, Asparagaceae and Xanthorrhoeaceae // Botanical Journal of the Linnean Society. 2009. Vol. 161 (2). P. 132 – 136. DOI:10.1111/j.1095-8339.2009.00999.x

6. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 30.11.2021)

7. Egli U., Newton L.E. Etymological Dictionary of Succulent Plant Names. N.Y.: Springer, 2004. 268 p. DOI 10.1007/978-3-662-07125-0

8. Sajeва M., Costanzo M. Succulents II. The New Illustrated Dictionary. Portland – Cambridge: Timber Press, 2000. 235 p.

9. Types of Agave Plants for the Garden. Plant Care Today. URL: <https://plantcareday.com/types-of-agave-plants.html> (дата обращения: 30.11.2021)

References

1. Vidy roda Agava. Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Vidy_roda_Agava (дата обращения: 30.11.2021)

2. Razdnev A.V., Shcherba S.O., Yagaeva S.B. Nekotorye etimologicheskie osobennosti naimenovanij komnatnyh rastenij (na materiale oboznachenij sukkulentov v sovremennom anglijskom yazyke). Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 1. S. 119 – 125.

3. Agavaceae, Century Plants. The Agave Page. URL: <https://succulentplant.com/families/agavaceae.html> (дата обращения: 30.11.2021)

4. Agaveville. Xeric Plant Discussion Forum. URL: <http://www.agaveville.org/viewtopic.php?t=244> (дата обращения: 30.11.2021).

5. Chase M.W., Reveal J.L., Fay M.F. A subfamilial classification for the expanded asparagalean families Amaryllidaceae, Asparagaceae and Xanthorrhoeaceae. Botanical Journal of the Linnean Society. 2009. Vol. 161 (2). P. 132 – 136. DOI:10.1111/j.1095-8339.2009.00999.x

6. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 30.11.2021)

7. Egli U., Newton L.E. Etymological Dictionary of Succulent Plant Names. N.Y.: Springer, 2004. 268 p. DOI 10.1007/978-3-662-07125-0

8. Sajeва M., Costanzo M. Succulents II. The New Illustrated Dictionary. Portland – Cambridge: Timber Press, 2000. 235 p.

9. Types of Agave Plants for the Garden. Plant Care Today. URL: <https://plantcareday.com/types-of-agave-plants.html> (дата обращения: 30.11.2021)

**THEMATIC GROUPS OF TERMINOLOGICAL AND NOMENCLATIVE
NAMES OF SUCCULENT PLANTS OF THE AGAVOIDEAE SUBFAMILY
(BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGE)**

*Razduyev A.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Maryeva I.Ya., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Kazaryants K.E., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Sibirko N.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Pyatigorsk State University*

Abstract: agaves are one of the most popular succulent indoor plants that can be found not only in homes, but also in the open ground. The purpose of the article is to develop a thematic classification of the English- and Russian-language terminological units and nomenclatures – the official names of succulent plants of the Agavoideae subfamily of the Agave genus, taking into account the etymology of species terms and terminological elements. A selection of the English- and Russian-language terminological and nomenclature units of the field of botany – species names of representatives of the Agave genus with a total volume of more than 620 units (270 English-language and more than 350 Russian-language units) selected from various electronic and printed sources has served as the research material. The research methods include the continuous selection method, methods of component and definition analysis, the method of etymological analysis, the method of classification, as well as methods of quantitative calculation. In the course of the work, at least four thematic groups of names of representatives of the Agave genus have been identified: 1) taking into account the appearance, properties and other characteristics of a succulent plant (125 units, 7 subgroups); 2) containing proper names – the names and surnames of famous personalities, botanists, merchants, collectors and discoverers (74 units); 3) having an indication of the place of growth and other loci (59 units, 4 subgroups); 4) formed from local plant names (12 units). Thematic classification is the first and necessary step in the processes of standardization and unification of names of species and varieties of agaves, the development of nomination models for new succulent (agave) plants.

Keywords: thematic group, term, nomen, succulent, agave, etymology, genus, subfamily, nomination

ОТРАЖЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА ГИПЕРБОЛЫ ВО ФРАНКО-БРИТАНСКОМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Шипунова А.Е.,

Кочева О.Л.,

Уральский гуманитарный институт,

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Аннотация: в статье анализируются особенности дискурса в рамках сферы арт-дилерства и фальсификаций предметов искусства. Актуальность работы состоит в том, что несмотря на посвященное стилистическому приему гиперболы немалое количество работ, единого понимания у исследователей в отношении функционирования гиперболы пока не сложилось, та же ситуация характерна для культурологического дискурса. Цель: выявить категории гиперболизации, наиболее свойственные французской и британской культурам в культурологическом дискурсе, что позволит определить сходства и различия этих европейских культур. Материалом исследования послужила работа французского журналиста и искусствоведа Гарри Бэлле «Les Faussaires illustres» и книга британского искусствоведа Филиппа Хука «Rogues' Gallery: A History of Art and Its Dealers» («Галерея аферистов. История искусства и тех, кто его продает», 2017). Задачи статьи: 1) определить особенности культурологического дискурса; 2) проанализировать вышеуказанные материалы исследования 3) на основе полученных результатов сформулировать сходства и отличия французской и британской культур в культурологическом дискурсе. Научная новизна: авторами статьи разработана методология выявления культурологических особенностей с помощью стилистического приема гиперболы, которая позволила определить категории значений гиперболы в анализируемой области, провести параллели и выделить различия между британской и французской культурами. Практическая значимость статьи определяется возможностью применения результатов исследования для развития лингвокультурологии, культурологического дискурса, а также для сравнения европейских культур через стилистический прием гиперболы, в частности, для описания особенностей исторического развития британского и французского арт-рынка.

Ключевые слова: культурологический дискурс, арт-дилер, фальсификация, гипербола, стилистический прием, тепловая карта

Введение

Искусство с доисторических времен вдохновляло, потрясало людей. Оно вызывало дискуссии, причем нередко неразрешимые, объединяло и роднило представителей разных социальных статусов, конфессий, национальностей. Подобными функциями, в особенности эмоциональным воздействием, наделен и язык. Искусство и язык диалектичны, они переплетаются в культуре, понимаемой в контексте данного исследования как явления, связанного с сочетанием знаний, идей, искусства, права, морали, обычаев и привычек. Благодаря синтезу искусства и языка мы можем проследить диверсификацию и трансформацию культурной картины мира. Внимание к теме искусства, точнее к арт-дилерству и фальсификациям, обосновано ростом значимости арт-дилеров как посредников арт-рынка; увеличением количества подделок; глобальностью арт-рынка и возможностью проследить культурные перестройки. Многогранность функций гиперболы и противоречивое отношение к ней со стороны некоторых исследователей сближает ее с темой искусства, которое тоже не всегда воспринимается положительно, но также разнообразно и многогранно в своих проявлениях, что доказывает масштабность арт-рынка и то влияние, которое оно оказывает на человеческую деятельность с первых моментов своего появления. Арт-рынок – площадка с диалектичной

природой, где взаимодействуют между собой ее субъекты: аукционные дома, художественные галереи, художники, коллекционеры и арт-дилеры. Это пространство для изоциренных провокаций, в котором на протяжении всей истории его развития вращались внушительные денежные суммы. Возможность крупной финансовой выгоды породила фальсификаторов, которые, к сожалению, стали неотъемлемыми активными участниками арт-рынка и одной из основных проблем для арт-дилеров.

Методы исследования

Разработанная авторами классификация категорий, подверженных гиперболической интенсификации, включает: мастерство фальсификатора/мошенника и качество подделки; характеристику фальсификатора: личные качества, мнения о нем, его личное мнение о самом себе; финансовую сторону мошенничества в сфере искусства: суммы финансовых трат, сделки, банкротство, финансовое состояние страны; указание на статусность/известность галереи/аукционного дома/фальсификатора/специалиста/художника; описание обмана/махинаций, хитростей в технике изготовления подделки; подчеркивание процесса суда над фальсификаторами, принятие решений об их наказании; финансовую сторону: описание финансового состояния, материального успеха арт-дилера, цены картин, сделки; характеристику арт-

дилера, его особенностей; акцентирование на выдающихся арт-дилерах, в том числе показ мнения специалистов; описание атмосферы различных эпох и их влияния на арт-дилеров; комментарии об арт-дилерах со стороны клиентов и комментарии художников; лесть по отношению к клиентам со стороны арт-дилеров и рекламирование; особенности стиля художников и качество/ценность картин.

Для визуальной интерпретации результатов были составлены две тепловые карты, выполненные на языке программирования Python для визуализации данных двумерной (2D) графикой Matplotlib. Тепловая карта Matplotlib используется для представления матрицы данных в виде различных цветов. С помощью метода тепловой карты в контексте данного исследования можно определить, какая категория превалирует в британской и французской культурах, выявить совпадения и отличия. В выбранной цветовой палитре присутствие более теплого цвета (красного), является индикатором превалирующей категории; более холодный цвет (синий) свидетельствует о меньшей выраженности категории в языке. Чем больше совпадают оттенки между верхней и нижней строками, тем выше степень сходства. Первая тепловая карта (рис. 1) представляет распределение категорий гиперболизации, соотношение каждой из категорий между Францией и Великобританией. Вторая (рис. 2) отражает модифицированную семантику гиперболы, т.е. гиперболу, полученную скрещиванием с другим стилистическим средством.

Результаты

У стилистического приема гиперболы выявилось поразительно много значений и их оттенков в рамках тематики арт-дилерства и фальсификации предметов искусства, которые выражаются в разных категориях.

Анализ наиболее часто гиперболизированных категорий на материале работы Г. Бэлле «Les faussaires illustres»:

I. Мастерство фальсификатора/мошенника и качество подделки:

1) Van Meegeren décida de donner aux historiens de l'art la confirmation de leur théorie: il entama la réalisation de son chef – d'œuvre... Un «des faux très rares qui puisse être tenu lui – même pour une œuvre d'art», selon l'historien d'art Otto Kurz. (Ван Меегерен решил предоставить искусствоведам подтверждение своей теории: он приступил к созданию своего шедевра... По словам искусствоведа Отто Курца, «очень редкая подделка, которую можно было бы выдать за произведение искусства»).

2) *Des copies remarquables, en tout cas: elles ont un temps trompé même les meilleurs connaisseurs.* (В любом случае, копии выдающиеся: они когда-то обманули даже лучших ценителей).

II. Характеристика фальсификатора: личные качества, мнения о нем, его личное мнение о самом себе:

1) *Mais si Beltracchi a été présenté par la presse allemande comme le «faussaire du siècle», c'est par pur chauvinism.* (Но если Бельтракки имел в немецкой прессе образ «фальсификатора века», то это из-за чистейшего шовинизма).

2) *...disant que les dessins d'Hebborn étaient souvent plus beaux que des originaux et qu'il...un jour déclaré: «Les autres peignent la nature. Je peins l'art!».* (...сказав, что рисунки Хебборна часто были красивее оригиналов, а однажды он сказал...: «Другие пишут природу. Я пишу искусство!»).

III. Финансовая сторона мошенничества в сфере искусства: суммы финансовых трат, сделки, банкротство, финансовое состояние страны:

1) *Il était riche à millions, les faux Vermeer, de moins en moins soignés, sortaient de son atelier à intervalles réguliers.* (Он был богат на миллионы, фальшивые Вермееры, все менее ухоженные, регулярно выходили из его мастерской).

2) *C'est ce qu'explique, non sans une malice toute britannique, le biographe du marchand Joseph Duveen: «Ils étaient assez riches pour aller n'importe où et faire n'importe quoi, mais ils ne savaient ni où aller, ni quoi faire et pas même ne rien faire avec grâce...».* (Вот что объясняет не лишенный британского ехидства биограф торговца Джозефа Дювена: «Они были достаточно богаты, чтобы идти куда угодно и делать что угодно, но они не знали ни куда идти, ни что делать, и даже ничего не делали с этим»).

IV. Указание на статусность/известность галереи/аукционного дома/фальсификатора/специалиста/художника:

1) *...une maison de vente alors implantée à New York, tantôt chez Sotheby's ou Christie's à Londres, ou encore chez le commissaire – priseur Ader à Paris, lequel, à l'époque, était la maison de vente la plus puissante du monde: même si c'est difficile à imaginer aujourd'hui, Ader réalisait à lui seul un chiffre d'affaires supérieur à celui de Christie's et Sotheby's réunis.* (...торговому дому, тогда базировавшемуся в Нью – Йорке, иногда по адресу Sotheby's или Christie's в Лондоне, или по адресу аукциониста Адера в Париже, который в то время был самым влиятельным торговым домом в мире. Это практически невозможно вообразить, но Адер в одиночку получал больший доход, чем два аукционных дома Christie's и Sotheby's вместе).

2) Fernand Legros, enfin, c'était l'un des plus grands escrocs de sa génération, dans un domaine où pourtant la concurrence est rude, le marché de l'art. (Фернан Легро, наконец, был одним из величайших мошенников своего поколения в области рынка искусства, на котором, однако, существует жесткая конкуренция).

V. Описание обмана/махинаций, хитростей в технике изготовления подделки:

1) La démonstration fut concluante: de collabo à abattre, Han Van Meegeren devint l'homme qui avait trompé Göring et l'establishment de l'histoire de l'art. (Демонстрация была убедительной: от сотрудничества до уничтожения, Хан ван Меегерен стал человеком, который обманул Геринга и всех представителей привилегированных кругов в истории искусств).

2) Ne jamais laisser personne entrer dans votre atelier, ni même penser que vous êtes peintre. (Никогда не позволяйте никому входить в вашу мастерскую и даже допустить мысль, что вы художник).

VI. Подчеркивание процесса суда над фальсификаторами, принятие решений об их наказании:

1) Mais le plus étonnant dans ces histoires, c'est l'extrême mansuétude dont fait preuve la justice dans ces affaires, de tous lieux et en tout temps. (Но самое удивительное в этих историях — это крайняя неосмотрительность, которую правосудие проявляет в этих делах во всех местах и во все времена).

2) Un juge lui déclara plus tard: «De mon point de vue, vous êtes sans doute la personne la plus malhonnête et la plus retorse à laquelle j'ai jamais eu affaire». (Позже судья сказал ему: «С моей точки зрения, вы, возможно, самый нечестный и упрямый человек, с которым я когда-либо имел дело»).

Анализ наиболее часто гиперболизированных категорий на материале работы Ф. Хука «Rogues' Gallery: A History of Art and Its Dealers»:

I. Финансовая сторона: описание финансового состояния, материального успеха арт-дилера, цены картин, сделки:

1) He wasn't there to épater la bourgeoisie; he was there to comfort and pleasure them, to identify the sort of paintings they liked and to give them more and more of them at higher and higher prices. (Гамбар вовсе не пытался «эпатировать буржуазию», напротив, он стремился улаживать буржуа и угождать им, выяснить, какие картины им нравятся, и продавать им все больше подобных картин по все более и более высоким ценам).

2) One of the greatest art deals of the seventeenth century being brokered by a dealer who refuses

to take a penny for his efforts? It is just possible, in an age when royal favour was an asset beyond financial value. (Одна из величайших сделок XVII в. по продаже предметов искусства состоялась благодаря торговцу, который отказывается взять и пенни за свои услуги? Вполне возможно, ведь в ту эпоху королевская милость значила куда больше, чем самая внушительная прибыль).

II. Характеристика арт-дилера, его особенностей:

1) The top dealer is not just selling art but selling his own taste. (Самые знаменитые торговцы продают не просто предметы искусства, а собственный вкус).

2) No dealer was closer to an artistic movement than Durand – Ruel was to Impressionism. He was its promoter and its champion, its defender and its bank-roller. He was the first dealer of whom it is possible to say that without him art history might have looked different, not so much in its ultimate progression, but in the speed of that progression. (Ни один торговец не принимал столь живого участия в том художественном движении, которому покровительствовал, сколь Поль Дюран-Рюэль – в импрессионизме. Для художников – импрессионистов он был защитником и популяризатором, помощником и финансистом. Он был первым торговцем картинами, без которого вся история искусства могла бы если не сложиться иначе, то, по крайней мере, серьезно замедлиться).

III. Акцентирование на выдающихся арт-дилерах, в том числе показ мнения специалистов:

1) Подобное внимание к деталям отличает великих. Их упорство и изобретательность граничат с героизмом. Иногда они выступают в роли новаторов и первопроходцев. «Решительный, как завоеватель, пронизательный, как критик, и страстный, как апостол» – это восторженное мнение Арсен Александр высказал о Поле Дюран-Рюэле, маршане, открывшем миру импрессионистов.

2) Oskar Kokoschka, writing to Walden in 1913, spoke of his «ability to make the most of modern painting». Artists understood that he was an idealist, not a mere merchant. Kokoschka went on, «Let the dealers peddle in pictures, you are too magnanimous and out of the ordinary for that». (Оскар Кокошка в письме Вальдену в 1913 г. говорит о присущей ему «способности показывать современное искусство в самом выгодном свете». Художники понимали, что он не коммерсант, а идеалист. «Пусть торговцы продают картины, точно уличные разносчики, Вы слишком великодушны и благородны для этого», – продолжает Кокошка).

IV. Описание атмосферы различных эпох и их влияния на арт-дилеров:

1) In the *extraordinarily mercantile atmosphere of the Netherlands*, where everyone was dealing in something, from grain to silk to tulips, trade in works of art took significant strides forward. During this period there was a marked increase in the number of artists and of pictures painted, to meet the demand that was growing amongst the burgeoning middle class. «*Pictures are very common here*», reported John Evelyn on a visit to Rotterdam in 1641, «*there being scarce an ordinary tradesman whose house is not decorated with them*». (В чрезвычайно меркантильной атмосфере Нидерландов, где все чем-то торговали, от зерна до шелка и тюльпанов, торговля картинами переживала бум. В этот период в Нидерландах появляется все больше художников, пишется все больше картин, и все это на потребу вкусам быстрорастущего и крепнущего среднего класса. «*Картины здесь можно увидеть повсюду*, – пишет Джон Ивлин во время своего пребывания в Роттердаме в 1641 г., – не найти даже самого заурядного торговца, дом которого не был бы украшен ими»).

2) History favoured him: he was the right man in the right place to take advantage of the aftermath of two major wars. The first was the Franco-Prussian in 1870, which destabilised French society sufficiently to allow a new and revolutionary art to gain a precarious foothold. The other was the American Civil War, the conclusion of which generated an extraordinary release of entrepreneurial energy, which in turn created a degree of wealth unequalled anywhere else in the world. (История благоволила к нему: он был нужным человеком, оказывавшимся в нужное время в нужном месте, и дважды воспользовался последствиями крупных войн: в первый раз – Франко-прусской войны 1870 г., которая достаточно потрясла французское общество, чтобы в недрах его могло зародиться и робко заявить о себе новое революционное искусство, а во второй – Гражданской войны в Америке, результатом которой стал невероятный всплеск предпринимательской активности, в свою очередь создавший невиданные доселе состояния).

V. Комментарии об арт-дилерах со стороны клиентов и комментарии художников:

1) Walden was good at handling artists, at knowing how to please them with his praise. Even Gabriele Münter, always suspicious of dealers, was just about won over by Walden. She reported to Kandinsky in October 1912: «He is very nice & I like him well – he is just a bit too charming – perhaps he thinks he has to be with me. He praised my work highly and – at least to some degree – sincerely... He says he's never seen such perfect yellow as in my pictures. And, furthermore, he sees my personality as this warm yellow». (Вальден умел общаться с художниками и знал,

как угодить им похвалой. Даже Габриэла Мюнтер, всегда с подозрением относившаяся к торговцам картинами, подпала под его обаяние. В октябре 1912 г. она пишет Кандинскому: «Он очень мил и очень мне понравился, вот разве что он слишком очарователен, может быть, он полагает, что иначе со мной нельзя. Он очень благосклонно и по крайней мере до известной степени искренне отзывался о моих работах... Говорил, что никогда не видел такого совершенного желтого, как на моих картинах. И более того, воспринимает мою личность сквозь призму этого теплого желтого цвета»).

2) But Mary Cassatt admired Vollard as a seller: in December 1913 she wrote to her friend and client the great collector Mrs Havemeyer: «Durand-Ruel would not buy the things from Degas that Vollard gladly took and sold again at large profits. Vollard is a genius in his line, he seems to be able to sell anything». (Зато у Мэри Кассатт Воллар как продавец вызывал восхищение: в декабре 1913 г. она писала своей подруге и клиентке, известной собирательнице картин миссис Хейвмейер: «Воллар с радостью принял у Дега и продал с большой прибылью вещи, от которых отказался Дюран-Рюэль. Воллар – гений своего ремесла, по – видимому, он способен продать все»).

VI. Лесть по отношению к клиентам со стороны арт-дилеров и рекламирование:

1) Gerbier knew how to ingratiate himself with those he worked for, writing to Buckingham in 1625 in an ecstasy of oleaginous sycophancy: «Sometimes when I am contemplating the treasure of rarities which Your Excellency has in so short a time amassed, I cannot but feel astonished in the midst of my joy. Out of all the amateurs and princes and kings, there is not one who has collected in forty years as many pictures as Your Excellency has in five». (Жербье умел искусной лестью втираться в доверие к тем, на кого работал, и, в частности, в 1625 г. писал Бэкингеу в приступе медоточивого подбострастия: «Иногда, размышляя о том, сколь многочисленные и редкостные сокровища удалось собрать Вашей Светлости за столь короткое время, я невольно испытываю не только радость, но и изумление. Среди всех ценителей искусства, правителей и королей не сыскать ни одного, кто и за сорок лет сумел бы составить коллекцию столь обширную, сколь Ваша Светлость за пять»).

2) Lloyd said, «You can change your decor, you can change your wife, but you won't want to change this Bacon once you own it» (Ллойд ответил: «Вы можете поменять отделку дома, можете поменять жену, но, купив этого Бэкона, вы сохраните его навсегда»).

VII. Особенности стиля художников и качество/ценность картин:

1) Joseph Farington's diary entry for 7 April 1807 reads: Lawrence called in the even'g in raptures on having seen a picture by Titian at Buchanan's in Oxendon St. – the subject Bacchus & Ariadne. He described it to be the finest piece of colouring that He had ever beheld for splendour, force, & freshness. He said the Titians at the Marquiss of Staffords could not be mentioned with it. The colours of it Blue, Green, red and yellow. The landscape part being pushed to the extremity of colour in depth & feelings. In one corner Titian seems after He had otherways finished the picture, to have dashed a piece of bright yellow drapery, on which is a golden Vase, & this part alone by its effect proves it from the hand of Titian. The yellow colour used is such as we have not, Naples yellow wd. be weak to it. (7 апреля 1807 г. Джозеф Фарингтон записывает в своем дневнике: «Вечером заходил Лоуренс; он был вне себя от восторга: видел у Бьюкенена на Оксендон – стрит картину Тициана «Вакх и Ариадна». Он описывал ее как непревзойденную по цветовой гамме, ничего столь же великолепного, яркого и выразительного

он никогда не видел. Сказал, что Тицианы маркиза Стаффордского ей и в подметки не годятся. Решена в голубых, зеленых, красных и желтых тонах. Пейзажный фон просто несравненный по глубине и нежности, цвет его поражает воображение. В одном углу картины Тициан, уже завершив свой замысел, добавил ярко – желтое покрывало, на которое поместил золотую вазу, и один лишь этот фрагмент производит столь неизгладимое впечатление, что не приходится сомневаться в авторстве Тициана. Желтой краски, которую он использует, у нас просто нет, наша неаполитанская желтая по сравнению с нею меркнет).

2) Hamilton's greatest triumph was his discovery of Leonardo's «Madonna of the Rocks», which he bought from the Hospital of Santa Caterina alla Ruota in Milan. This was too good a trophy to consign to a mail order purchaser. (Величайшего триумфа в карьере Гамильтон достиг, обнаружив и выкупив у госпиталя Санта-Катерина алла Руота «Мадонну в скалах» Леонардо. Этот трофей был настолько ценным, что Гамильтон не решился отправить его покупателю, заказавшему товар почтой).

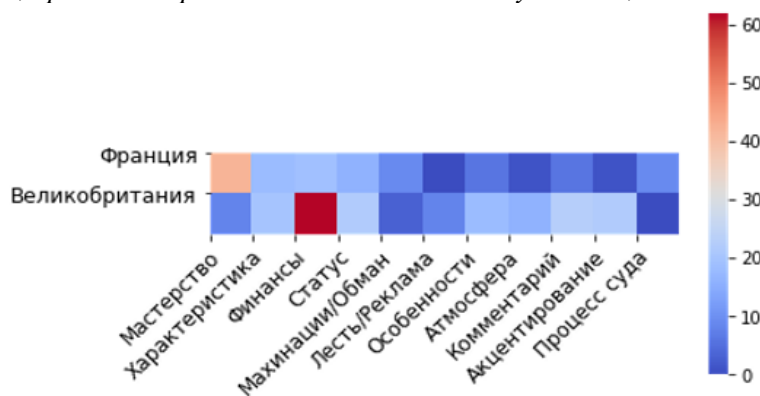

Рис. 1. Соотношение категорий гиперболической интенсификации

Анализ

К общим категориям можно отнести характеристику авторов и финансовую сторону. Для отнесения гиперболы к одной из перечисленных категорий решающее значение имел контекст. Так, в категорию «характеристика» на анализе текста Г. Бэлле вошли гиперболически усиленное описание характера фальсификатора, его интенсифицированное мнение о самом себе или мнение о нем других, а анализ текста Ф. Хука в данной категории выявил особенности характера арт-дилера. Категория «финансовая сторона» включает гиперболы, построенные с явным указанием на степень размера сделки, суммы денег (заработанных, потраченных, потерянных).

Во французском тексте были выделены несколько тем, не встречающихся в английском: указание на статусность/известность галереи /

аукционного дома / фальсификатора/специалиста / художника; мастерство фальсификатора / мошенника и качество подделки; подчеркивание процесса суда над фальсификаторами, принятие решений об их наказании; описание обмана / махинаций, хитростей в технике изготовления подделки. В «статусность» были отнесены гиперболы с описанием фальсификатора, признанного специалистами, его коллегами, т. е. известного для представителей даже высших кругов арт-рынка. В категории «мастерство» гиперболизации подвергалось описание подделок, которые не уступали подлинникам и нередко не распознавались специалистами. Категория «суд над фальсификаторами» включала мнение представителей закона о деятельности фальсификаторов, выраженное в гиперболизированной манере. В категорию «обман/хитрость/махинации» попали гиперболы, в

которых содержались профессиональные уловки, советы для фальсификаторов, выраженные преувеличенно, сюда же вошли непосредственно известные нечестные схемы, которые использовали фальсификаторы.

В британском культурологическом дискурсе отличными от французского категориями оказались: акцентирование, выделение выдающихся арт-дилеров, в том числе показ мнения специалистов; описание атмосферы различных эпох и их влияния на арт-дилеров, их дело; комментарии об арт-дилерах со стороны клиентов и комментарии художников; лесть по отношению к клиентам со стороны арт-дилеров и рекламирование; особенности стиля художников и качество/ценность картин.

Итак, в категорию «акцентирование/выделение выдающихся арт-дилеров» попадали преувеличенные оценки профессиональных навыков арт-дилеров. Категория «описание атмосферы» содержит гиперболы, интенсифицирующие эпоху/время/атмосферу вокруг, которая оказывала влияние на арт-рынок и деятельность арт-дилеров. В категорию «комментарии об арт-дилерах со стороны клиентов и комментарии художников» вошли примеры, где через прием гиперболы художники выражали свое восхищение коллегой или, наоборот, недовольство, зависть, а клиенты восторгались/ужасались способностями конкретного арт-дилера. Категория «лесть и реклама» содержит гиперболы, присутствующие в заманчивых предложениях арт-дилеров клиентам (фразы, содержащие подхалимство и интенсифицированные аргу-

менты, почему стоит приобрести конкретный предмет искусства). В категорию «особенности стиля/ценность» вошли преувеличенные описания характерного стиля творца, описания предметов искусства, их деталей, которые производили неизгладимое впечатление (особый цвет, оттенок и т.д.).

Полученные результаты могут быть объяснены следующим образом: британский текстовый материал основан на деятельности арт-дилеров, для которых экономическая выгода является решающим, ключевым моментом, на котором они сосредоточены; в тексте французского материала описана деятельность фальсификаторов, которые сосредоточены именно на качестве подделки, процессе ее изготовления, т. к. непревзойденный уровень мастерства позволяет им продолжать свою деятельность, избегать наказания и получать экономическую выгоду. Было отмечено, что в наибольшей степени эмоционально окрашены фрагменты описания картин и авторские суждения, комментарии специалистов. Это можно объяснить тем, что автор пытается вовлечь реципиента во взаимодействие со сферой искусства, а в своих суждениях вызвать его на диалог.

Невозможно было не выделить модифицированную семантику гиперболы: ее взаимодействие с другими стилистическими приемами. В результате были выявлены гиперболические эпитеты, метафоры и сравнения, общеязыковые гиперболы, относящиеся к фразеологии, пересечение гиперболы с иронией.

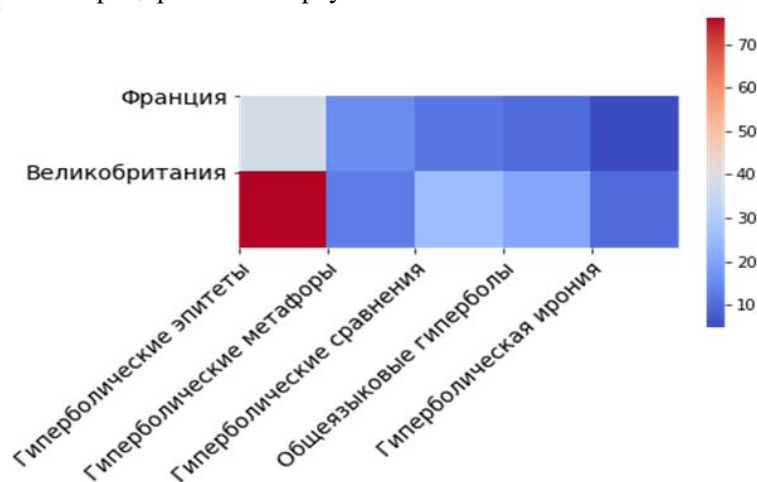

Рис. 2. Модифицированная семантика гиперболы

Тепловая карта 1 выявила различия Франции и Великобритании по категориям:

1. мастерство фальсификатора/мошенника и качество подделки, являющейся лидирующей среди других категорий во Франции;
2. финансовая сторона: описание финансового состояния, материального успеха арт-дилера,

цены картин, сделки (эта категория выделяется в британском материале).

К популярным категориям для гиперболизации в англоязычном тексте относятся также «описание атмосферы различных эпох и их влияния на арт-дилеров, их дело» и «акцентирование, выделение выдающихся арт-дилеров, в том числе показ мнe-

ния специалистов». Имеют сходство категории «характеристика», «статус/выделение», «особенности».

Тепловая карта 2 выявила количественное превалирование эпитетов и гиперболической иронии в англоязычном материале по сравнению с французским текстом. Гиперболические метафоры, сравнения и общеязыковые гиперболы в обоих типах текстов имеют аппроксимированные значения.

Дискуссия

Понятие дискурса отождествляют с понятием акта речи, текста, функционального стиля и речевого жанра. Согласно Джеймсу Полу Ги, «для каждого из нас вся жизнь – не что иное, как лоскутное одеяло из мыслей, слов, предметов, событий, действий и взаимодействий в дискурсах» [5]. Заметим, что дискурс определяется не столько последовательностью предложений, сколько тем общим миром, который выстраивается в процессе его развертывания. Следует учитывать, что текст пронизан культурными имплицитами: это все те дискурсы, которые циркулируют в социальной вселенной. Выявление, описание и попытка объяснить их позволяет затронуть проблему культурных особенностей [2]. Что касается связи между языком, речью и культурой, то можно заметить две разные тенденции. Для некоторых авторов, когда речь идет о связи языка с культурой, например, для В. Траверсо и Б. Питерса характерна следующая точка зрения: «между языком, речью и ценностями существуют неразрывные связи». Отношения с культурой именно в дискурсе рассматривает Д'Ирибарн. Уточним, что культура, по его словам, предполагает «жизнь вместе», т. е. не просто способствует приведению мира в порядок, мировоззрению, но также формирует к нему эмоциональное отношение [13].

Необходимым представляется раскрыть основные положения, касающиеся развития такой интегрированной отрасли науки как лингвокультурология: взаимодействие между культурой и языком, по мнению ряда исследователей, представляет ее объект. Кроме того, язык в этом взаимодействии преподносится и как интерпретация сокровищницы духовной культуры народа, и как составляющая культуры, одно из его неизменных свойств [9]. Собственно, искусство также является объектом исследования многих научных дисциплин: искусствознания, эстетики, философии, психологии, что снова является показательным для его приближенности к языку. После «поворота» современного искусства, свидетельствующего об особой увлеченности посредническим и коммуникативным потенциалом художественной деятельности, исследование в рамках культурологическо-

го дискурса представляется как нельзя более уместным.

Культурологический дискурс является специфическим пространством. Теоретик культурологического дискурса Ши Сиу указывает на несколько базовых отличий этой разновидности дискурса:

1. Культурологический дискурс фокусируется на культурной и властной природе знания, т.е. находится в «межкультурном» теоретическом пространстве.

2. Прагматической основой является рефлексия, направленная на культурное сосуществование и взаимовыгодный культурный прогресс.

3. Культурологический дискурс определяется как гибкая система: предмет имеет возможность меняться в корреляции с культурной ситуацией.

Теоретики культурологического дискурса полагают, что языковое общение в целом и дискурс в частности, являются неотъемлемым интегративным элементом культуры. В свою очередь, сторонники культурологического анализа дискурса утверждают, что культура пронизывает насквозь каждый элемент человеческого опыта, влияет на все стороны социальной жизни и глубоко интегрируется в социальную реальность [11]. Это как раз позволяет проследить арт-рынок, имеющий свою особую устроенность.

Торговля искусством возникла вместе с торговлей реликвиями, и только в XVI веке стали распространяться картины. До этого времени художники чаще всего служили при королевском дворе и выполняли заказные работы для украшения дворцов или церквей. Рынок искусства с самого начала развивался в соответствии с глобальной логикой и в современном понимании датируется XVIII веком. Для того, чтобы существовал рынок как таковой, необходимо было постепенно создавать независимое предложение и спрос, расширять связи: чтобы одни производили товары для рынка, а другие их покупали, причем с экономической точки зрения критически важным являлось сосредоточение внушительных коллекций. В следствие всех этих критериев и условий возникла необходимость в специализированных посредниках, которые и стали именоваться арт-дилерами.

Арт-рынок возник «треугольником» между Амстердамом, Великобританией и Францией, однако позже позиции Амстердама ослабли, а Великобритания и Франция остались мировыми лидерами. До конца XVIII века мировое первенство принадлежало Парижу. Именно во Франции осуществляли свою деятельность крупные торговцы, которые вывели рынок искусства из предыстории и продвинули историю искусства. По мнению Я. Гэйара, во второй половине XVIII века Париж стал центром рынка произведений искусства и оставал-

ся им вплоть до революции, которая привела к подъему Лондона [4]. В некотором смысле можно сказать, что Великобритания извлекала выгоду из политической нестабильности во Франции, однако основной причиной роста продаж за рубежом остается экономический подъем Великобритании, способствовавший высокому внутреннему спросу. Исследователи Байер и Пейдж утверждают, что в период 1840-ых годов условия для британского искусства были превосходными: подъем продаж был вызван нехваткой старых европейских работ, а также растущими заявлениями о мошеннической природе старых мастеров. Арт-дилеры, аукционисты и писатели-искусствоведы начали уделять особое внимание современному британскому искусству тех лет, которое не страдало от проблем подлинности, атрибуции или поставок [12]. Сегодня Париж снова начинает обгонять Лондон как центр европейского рынка искусства [7] и имеет шансы стать лидером по продажам на арт-рынке примерно через десять – пятнадцать лет. Неизменным остается лишь то, что арт-рынок является полем деятельности для получения великолепного заработка на произведениях искусства, поэтому, естественно, не обходится без гиперболизации: этот стилистический прием не сравнится с любым другим по воздействию на аудиторию.

Западные исследователи Авербек и Гиббс классифицируют гиперболу как подтип вербальной иронии: гиперболическое высказывание имеет иронический тон, потому что пропозициональное значение подразумевается несерьезно [1, 6].

На гиперболу указывают определенные слова или сочетания слов с характерным значением преувеличения, подчеркнутости свойств, выраженными количественно или образно. К. Кларидж предлагает следующее объяснение: контекст имеет решающее значение в интерпретации гиперболических высказываний, так как позволяет распознать отличие между сказанным и тем, что на самом деле имеет место быть. То, что является преувеличением в одном случае, не обязательно должно быть таковым в другом. Используя гиперболу, говорящие передают свою эмоциональную ориентацию на состояние дел [3], потому что гиперболические выражения имеют не только количественное значение, но и качественное или эмоциональное. Гипербола является как одним из средств интенсификации в смысле градуируемости, так и интенсификацией в эмоциональном смысле: акцентом или "интенсивностью", согласно У. Лабову [8].

Сенека акцентировал на функции невозможного/возможного, лжи/правды. По его словам, преувеличение никогда не может гарантировать веру в него, однако удивительным является другое: по-

средством подобной передачи в преувеличение действительно могут поверить. Так выражение возможного через невозможное является сильной стороной гиперболы и является важным пониманием гиперболы: она способна соединять «благопристойное» с неожиданным, делая тем самым невероятное правдоподобным. Гипербола бросает вызов законам соотношения и вероятности, что неизбежно приводит к отклику со стороны аудитории [10].

Заключение

Проведенный анализ гиперболы в культурологическом дискурсе позволил выявить не только различия, но и сходства культур Франции и Великобритании. Две европейские страны похожи не только в отношении к своему национальному богатству, имперскому прошлому, исторически проявляемым глобальным интересам, но и в отношении ценностных проявлений: чувства исключительности, страха пережить экономический упадок и снижения влияния на европейском континенте, инстинкта защиты национальной независимости, стремления к уважению и определенного беспокойства в связи с растущим влиянием других стран, таких как Соединенные Штаты, Германия и Китай. Прослеживаются очевидные параллели между двумя странами несмотря на то, что они выбрали разные стратегии развития: Франция всегда фокусировалась на иерархическом, нисходящем, командно-контрольном регулировании, а успех Великобритании указывает на эффективность англосаксонской модели, опирающейся на систему законов и защиты интересов участников рынка искусства, допускающей свободу конкуренции.

Можно утверждать о частичном совпадении культурно-идеологического потенциала гиперболы в дискурсе двух культур, поскольку были выявлены идентичные категории с использованием гиперболической интенсификации. Кроме того, выяснено, что в британском дискурсе наиболее часто гиперболизацией оказалась подвержена тема финансов, т.е. экономического состояния арт-рынка, а во французском чаще подчеркивается уровень мастерства самих действующих лиц этого бизнеса.

Литература

1. Averbek J.M. Irony in interpersonal conflict scenarios: Differences in ironic argument endorsement and suppression across topics // *Journal of Argumentation in Context*. 2015. № 4 (1). P. 87 – 109. <https://doi.org/10.1075/jaic.4.1.05ave>
2. Charaudeau P. Langue, discours et identité culturelle, *revue de didactologie des langues-cultures*. 2001. № 123. P. 341 – 348. <https://doi.org/10.3917/ela.123.0341>

3. Claridge C. *Hyperbole in English. A corpus-based study of exaggeration*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 12. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511779480>

4. Gaillard Y. *Marché de l'art, les chances de la France, rapport du Sénat n° 330*. URL: https://www.senat.fr/rap/r98-330/r98-330_mono.html (дата обращения: 08.10.2021)

5. Gee, James Paul. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. London and New York: Routledge, 2005. P. 16. <https://doi.org/10.4324/9781315819679>

6. Gibbs R.W. *Irony in talk among friends // Metaphor and symbol*. 2000. Vol. 15. P. 5 – 27. <https://doi.org/10.1080/10926488.2000.9678862>

7. Harris G. *Art specialists pore over the Brexit trade deal – and deliver their verdict*. URL: <https://www.theartnewspaper.com/2020/12/29/art-specialists-pore-over-the-brexit-trade-dealand-deliver-their-verdict> (дата обращения: 28.09.2021)

8. Labov W. *Intensity*. In D. Schiffrin (Ed.), *Meaning, form, and use in context: Linguistic applications*. Georgetown University Round Table on Language and Linguistics. Washington DC: Georgetown University Press, 1984. P. 43 – 70. URL: <http://hdl.handle.net/10822/555477> (дата обращения: 04.09.2021)

9. Sabrieva M. *La place de la linguoculturologie dans la linguistique contemporaine*. *Proceedings // European Studies*. 2014. № 53 (5.2). P. 178 – 182. URL: https://pdfhall.com/la-place-de-la-linguoculturologie-dans-la-linguistique-contemporaine_59f33aab1723ddcf832beae8.html (дата обращения: 15.09.2021)

10. Seneca. *On Benefits*. London: George Bell and Sons, 1905. URL: <https://www.gutenberg.org/files/3794/3794-h/3794-h.htm> (дата обращения: 28.08.2021)

11. Shi-xu. *A cultural approach to discourse*. Palgrave Macmillan New York, 2005. <https://doi.org/10.1017/S0047404506220281>

12. Thomas M. Bayer, John R. Page. *The Development of the Art Market in England: Money as Muse, 1730-1900*. London: Pickering & Chatto, 2011. P. 102 – 106. <https://doi.org/10.4324/9781315656021>

13. von Münchow P. *Cultures, discours, langues: aspects récurrents, idées émergentes. Contextes, représentations et modèles mentaux*. Cultures, discours, langues: nouveaux abordages, Limoges: Lambert-Lucas, 2013. P. 187 – 207. <https://doi.org/10.4000/questionsdecommunication.9950>

References

1. Averbek J.M. *Irony in interpersonal conflict scenarios: Differences in ironic argument endorse-*

ment and suppression across topics. *Journal of Argumentation in Context*. 2015. № 4 (1). P. 87 – 109. <https://doi.org/10.1075/jaic.4.1.05ave>

2. Charaudeau P. *Langue, discours et identité culturelle, revue de didactologie des langues-cultures*. 2001. № 123. P. 341 – 348. <https://doi.org/10.3917/ela.123.0341>

3. Claridge C. *Hyperbole in English. A corpus-based study of exaggeration*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 12. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511779480>

4. Gaillard Y. *Marché de l'art, les chances de la France, rapport du Sénat n° 330*. URL: https://www.senat.fr/rap/r98-330/r98-330_mono.html (дата обращения: 08.10.2021)

5. Gee, James Paul. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. London and New York: Routledge, 2005. P. 16. <https://doi.org/10.4324/9781315819679>

6. Gibbs R.W. *Irony in talk among friends // Metaphor and symbol*. 2000. Vol. 15. P. 5 – 27. <https://doi.org/10.1080/10926488.2000.9678862>

7. Harris G. *Art specialists pore over the Brexit trade deal – and deliver their verdict*. URL: <https://www.theartnewspaper.com/2020/12/29/art-specialists-pore-over-the-brexit-trade-dealand-deliver-their-verdict> (дата обращения: 28.09.2021)

8. Labov W. *Intensity*. In D. Schiffrin (Ed.), *Meaning, form, and use in context: Linguistic applications*. Georgetown University Round Table on Language and Linguistics. Washington DC: Georgetown University Press, 1984. P. 43 – 70. URL: <http://hdl.handle.net/10822/555477> (дата обращения: 04.09.2021)

9. Sabrieva M. *La place de la linguoculturologie dans la linguistique contemporaine*. *Proceedings. European Studies*. 2014. № 53 (5.2). P. 178 – 182. URL: https://pdfhall.com/la-place-de-la-linguoculturologie-dans-la-linguistique-contemporaine_59f33aab1723ddcf832beae8.html (дата обращения: 15.09.2021)

10. Seneca. *On Benefits*. London: George Bell and Sons, 1905. URL: <https://www.gutenberg.org/files/3794/3794-h/3794-h.htm> (дата обращения: 28.08.2021)

11. Shi-xu. *A cultural approach to discourse*. Palgrave Macmillan New York, 2005. <https://doi.org/10.1017/S0047404506220281>

12. Thomas M. Bayer, John R. Page. *The Development of the Art Market in England: Money as Muse, 1730-1900*. London: Pickering & Chatto, 2011. P. 102 – 106. <https://doi.org/10.4324/9781315656021>

13. von Münchow P. *Cultures, discours, langues: aspects récurrents, idées émergentes. Contextes, représentations et modèles mentaux*. Cultures, discours, langues: nouveaux abordages, Limoges: Lambert-Lucas, 2013. P. 187 – 207. <https://doi.org/10.4000/questionsdecommunication.9950>

**REFLECTION OF THE STYLISTIC DEVICE OF HYPERBOLE
IN THE FRANCO-BRITISH CULTURAL DISCOURSE***Shipunova A.E.,**Kocheva O.L.,**Ural Institute of Humanities**Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin*

Abstract: the article examines the features of cultural discourse within the scope of art dealership and falsifications of art objects. The relevance of the article lies in the fact that despite a considerable number of works devoted to the stylistic device of hyperbole, researchers have not developed a common understanding of its functioning, the similar situation is specific to the cultural discourse yet. The purpose of the article is to identify the most inherent categories of hyperbolization in French and British cultures in cultural discourse. It allows us to determine the similarities and differences of these European cultures. The research material which formed the framework is the literary work of the French journalist and art critic Harry Bellet «Les faussaires illustres» and the book of the British art critic Philippe Hook «Rogues' Gallery: A History of Art and Its Dealers». The main objectives of the article are: 1) to determine the features of cultural discourse; 2) to analyze the research materials; 3) to highlight similarities and differences between French and British cultures in cultural discourse based on the obtained results. The scientific novelty: the authors developed a methodology for identifying culturological features through the stylistic device of hyperbole, which made it possible to determine the categories of hyperbole in the analyzed area, draw parallels and highlight differences between British and French cultures. The practical significance: of the article is determined by the possibility of applying the research results for the development of linguoculturology, cultural discourse, as well as for comparing European cultures through the stylistic device of hyperbole, and particularly to describe the features of the historical development of the British and French art market.

Keywords: cultural discourse, art-dealer, falsification, hyperbole, stylistic device, heat map

ФРЕЙМОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *CRIME* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Дибирова А.М., старший преподаватель,
Дагестанский государственный университет

Аннотация: в данной статье рассматривается мнение о том, что фрейм – это «уникальная структура, дающая возможность отражения всего накопленного веками опыта этноса, в аспекте его языка и культуры и использования этого опыта в процессе речевой деятельности» [2, с. 112]. В настоящей статье исследуется фреймовая модель английского концепта *CRIME* как комплексное отражение его семантики. Фрейм, как известно, представляет собой определенное количество конкретных сценариев, отражаемых нашим сознанием в процессе мышления и речепроизводства, обобщающих стереотипные признаки данного понятия, остающихся в ментальности этноса как опыт отражения окружающей реальности средствами языка. Целью данной статьи является анализ концептосферы *CRIME* в английской языковой картине мира. Задачами исследования являются: анализ семантики лексем, наполняющих концептосферу *CRIME* в английском языке, изучение синонимического ряда *CRIME* и сферы его функционирования в английском языке. Имея в виду идею о том, что фрейм определяет конкретные аспекты употребления концепта *CRIME*, мы определяем факт наличия трех взаимосвязанных концептуальных областей этого фрейма: *offence*, *judgement* и *punishment*. Другими словами, концепт-сценарий *CRIME* состоит из трех областей: *offense*, *judgement*, *punishment*.

Ключевые слова: фрейм, концептосфера *CRIME*, синонимический ряд *CRIME*, концептуальная область, языковая картина мира

Рассмотрим функционирование в английском языке трех концептуальных областей концептосферы *CRIME*.

Концептуальная область *offence*, как было выявлено по данным толковых словарей английского языка, функционирует в английском языке в такой юридической терминологии:

- *admitted offence* – преступление, признанное преступником,

- *serious criminal offence* (any felony; any crime of violence) [4]. Например: *He slammed a fist down against the photograph of a woman on the cover of Time magazine. The caption read: "Dr. Paige Taylor – Angel of Mercy or the Devil's Disciple?"* (Sheldon).

Данный пример указывает на отношение к преступникам в англоязычном мире, как СМИ сразу же оповещают обо всем читателей, с тем чтобы как можно большее количество носителей языка узнали о том, что произошло:

I'm handing this trial over to you, Gus. I want a conviction. Murder One. The gas chamber (Sheldon).

Данный пример выражает протест англоязычного общества против злостных преступников, прокурор просит судью вынести обвинительный приговор о смертной казни.

Данные примеры показывают область функционирования лексики *offense*, с помощью которой происходит семантическое наполнение английского концепта-фрейма *CRIME*.

Изучая семантику концепта *CRIME*, необходимо учитывать не только тот факт, что перед нами – концепт лингвокультурологический, но и эмоционально-психологический его аспект, т.к. в составе каждого концепта помимо семантики есть когнитивная и прагматическая доля наполнения. Другими словами, у каждого концепта есть ядерная и периферийная зоны, а в концептосфере *CRIME* образный компонент, как нам кажется, играет важную роль в ее восприятии.

Лингвокультурный концепт *CRIME* – это комплексное образование, его изучать непросто. Его различие от других лингвокультурных концептов заключается в схожей семантике с разными общественно-культурными слоями этноса. Иначе говоря, концепт *CRIME* в английском языке формирует себе подобные концептосферы с близким по семантике полем. Напомним, что этно-культурное своеобразие в любом этносе не функционирует просто так, само по себе, а обязательно взаимосвязано с различными формами коммуникации. В силу этого даже представители разных слоев общества могут хорошо воспринимать речь друг друга во время судебного процесса. Как видим, в семантическом пространстве *CRIME* неизбежно возникают совпадения лексем или одного из их значений из различных языковых стилей.

По данным английских толковых словарей, концептуальную область *judgement* тоже можно отнести к компонентам фрейма *CRIME*: *pass judgement* «выносить приговор»:

That was the issue the jury never passed judgment over (Chase).

В языковой картине мира любого действующего языка можно отметить такие ментальные единицы, которые отражают все культурные особенности данного этноса или те особенности, которые играют важную роль в жизни носителей этого языка.

Такие особенности помогают, в частности, при исследовании семантики концепта *CRIME*, отследить различные его значения в контексте. Ср.:

*She could hear the **sheriff's** voice saying to her, "Out of respect for his family, we're going to list the death of the Reverend Douglas Lipton as a 'suicide for reasons unknown,' but I would suggest that you get out of this town fast, and stay out. ..."* (Chase).

Из этого примера становится понятным отношение англоязычного социума к самоубийцам, тем более, если это – священник. С другой стороны, становится ясным будущее отношение социума к его родственникам, они станут изгоями, и поэтому им не остается делать ничего, кроме как уехать из этого города.

Семантика лексемы **punishment** «наказание», по данным тезауруса Роже, в современном английском языке имеет очень разнообразный спектр значений (более 30). Такая многозначность определяется наличием множества оттенков значения видов наказаний по способу, степени и цели совершения преступления [5].

Преступлением всегда именуется нечто негативное, то, что индивид совершил намеренно или нечаянно, но с негативным результатом. Следовательно, признак «вина» – это главный, базовый компонент, входящий в ядро этого концепта, и опять-таки, этому проступку социумом дается оценочная характеристика. Вина, таким образом, является в этом случае частью ментальности подозреваемого, т.к. содержит в себе обвинение в лице общества:

*He knew – as others did not – that the real **responsibility for the tragedy** was his own, not Perry's... Perry stood accused and convicted in his place – a sacrificial goat* (Sheldon).

Следовательно, можно построить определенную смысловую цепочку из семантически связанных концептов: **GUILT, RESPONSIBILITY, CRIME, PUNISHMENT**, ибо они налаживают отношения по формуле «Человек – Социум». Как справедливо указывает А. Бахтин, для идентификации данных концептов и понятий, их выражающих, необходимо наличие так называемого фактора «другого» [1, с. 234]. Учитывая, что между всеми указанными концептами существует логическая и семантическая взаимосвязь, можно утверждать, что они взаимодополняют друг друга и только в совместном сочетании дают полное представление о разбираемом деле.

Значение «вина» несет в самом этом себе негативную коннотацию и как элемент, наполняющий семантическое поле концепта **PUNISHMENT**, автоматически входит в состав семантики лексемы «punish» или ее производных. Ср.:

*The action by the bank comes after the National Audit Office checked the books of dozens of Construction Bank branches and found **illegal loans, secret***

accounts run by individual loan officers and other problems.

Концепт **PUNISHMENT**, таким образом, образуется в семантическом поле концепта **CRIME** как причинно-следственный феномен, т.е. выражает результат негативной оценки окружающими деятельностью индивида. Вообще, каждый человек по-своему оценивает проступки других сородичей, но, в любом случае, эта оценка бывает негативной, хотя и может сопровождаться каким-то объяснением, смягчающими эту отрицательную оценку.

Поэтому можно с полным основанием утверждать, что в каждом этносе по-своему отражаются одни и те же оценочные истины, проходит специфическая концептуализация понятий вины и наказания.

Вышеупомянутые ценности и истины являются базой для формирования универсальной ценностной картины мира для данного этноса и его представителей. Ядерной лексемой семантического поля «вина» выступает слово *guilt* «вина». Тогда концепт **PUNISHMENT** можно считать не только лингвокультурным, но и оценочным концептом, ибо он передает мнение о проступке и наказании этноса в целом, отражает совпадающие мысли носителей данного языка и культуры о нормах поведения и моральных ценностях, которые приветствуются в указанном социуме.

Мы обнаружили несколько концептуальных метафор, которые отражают семантическое разнообразие концепта **PUNISHMENT**.

PUNISHMENT IS REPAYMENT:

*But **killing Sam** will not bring him back. – No, it won't. But **it'll make us feel a hell of lot better. It'll ease a lot of pain. I've prayed a million times that I'll live long enough to see him dead*** (Sheldon).

PUNISHMENT IS ESTIMATION:

*But I might be further from God than I am from the devil. It seems that I **know evil more intimately than I know goodness** and that's not a good thing either. I want to get even, to be made even, whole my debts paid (whatever it may take!) to have no blemish, no reason to feel **guilt or fear**, but I'd like to stand in the sight of God. To know that **I'm just and right and clean*** (Sheldon).

Данная метафора встречается, по нашим подсчетам, чаще других. Думается, это так в силу того что индивиду свойственно бояться физического наказания:

PUNISHMENT IS PAIN:

*"**Corporal punishment** – that's what he deserves, **endless corporal punishment**"* (Chase).

Есть метафоры, в основу которых легли устойчивые выражения типа *to teach somebody a lesson* (в значении «наказать») – вот еще одно переносное значение семантики концепта **CRIME**:

PUNISHMENT IS A LESSON:

Here's what happens now. They go to jail. Why? They've broken the law, and we're going to teach them a lesson. They'll realize it's bad, and they'll stop doing bad (Chase).

PUNISHMENT BY GOD:

Smoking. That was the answer. Hazardous to your health. He has been punished by God for smoking and harming his body (Sheldon).

Таким образом, анализ семантики и случаев вторичной номинации концепта *PUNISHMENT* в различных контекстах выявил следующие особенности:

- семантическое поле концептосферы *CRIME* в современном английском языке включает в себя разнообразные семантически независимые и самостоятельные элементы, в том числе и систему концептуальных метафор, могущих автономно употребляться в языке и речи и входить в концептосферы разных концептов, формирующих семантику концепта *CRIME*. Они являются, по сути, комплексом разнообразных и отличных друг от друга по многим параметрам компонентов исследуемого концептуального поля.

- при оценке какого-либо действия, в этом случае – негативного, включаются так называемые когнитивные схемы, которые, в свою очередь, запускают семантическую цепочку значений лексем, участвующих в составе когнитивных метафор; в англоязычной лингвокультуре возможно сочетание двух или более концептов одновременно или

слияние семантических полей смежных по семантике концептов.

Все вышесказанное является хорошим условием для возникновения закрепления в ЯКМ компонентов, отражающих специфику английского картирования мира, а дальнейшее изучение всех смежных концептов, объединяемых макроконцептом *CRIME* послужит основой для формирования и функционирования английского национального ментального пространства.

Литература

1. Бахтин А.Д. Язык и ментальность. СПб., 2000. 234 с.
2. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 2007. 167 с.
3. Lakoff J., Johnson M. *Metaphors We Live by*. NY, 1990. 431 p.
4. OALD Oxford Activator Language Dictionary. L., 2010. 1893 p.
5. Roget's Thesaurus. Prague, 2010. 378 p.

References

1. Bahtin A.D. *Yazyk i mental'nost'*. SPb., 2000. 234 s.
2. Minskij M. *Frejmy dlya predstavleniya znanij*. M., 2007. 167 s.
3. Lakoff J., Johnson M. *Metaphors We Live by*. NY, 1990. 431 p.
4. OALD Oxford Activator Language Dictionary. L., 2010. 1893 p.
5. Roget's Thesaurus. Prague, 2010. 378 p.

FRAME REPRESENTATION OF CRIME CONCEPT IN ENGLISH

*Dibirova A.M., Senior Lecturer,
Daghestan State University*

Abstract: the given article deals with the opinion about a frame as “a unique structure which gives the opportunity to reflect the experience accumulated by the ethnos for centuries, from the point of view of its language and culture and using this experience in the process of communication [Minskiy 2007: 112]. The given article investigates frame model of the *CRIME* concept in English as a complex reflection of its semantics. As it is already known, frame is a certain number of specific scenes reflected by our mentality and reproduced in our speech, which show some general characteristics of this word left in the mentality of the ethnos as a way of reflection of the reality by means of the language. The aim of the article is the analyses of *CRIME* concept sphere in English world language picture. The tasks of the research are the following: analyses of the lexemes comprised by the *CRIME* concept sphere in English, as well as research of the semantics of the synonymous chain *CRIME* and sphere of its functioning in English. We take into account the opinion that frame defines certain aspects of usage of the *CRIME* concept and point out three interrelated concept spheres of this frame: *offence*, *judgement* and *punishment*. Thus, concept-scene *CRIME* consists of three fields: *offense*, *judgement*, *punishment*.

Keywords: frame, *CRIME* concept sphere, reflection of the concept in speech, synonymous chain *CRIME*, world language picture

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЭМОЦИИ И ЧУВСТВА

*Зими́на И.В., кандидат филологических наук,
Ефи́мова Т.О., кандидат педагогических наук,
Николаева А.А., преподаватель,
Краснодарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации*

Аннотация: статья посвящена изучению лексико-грамматических особенностей глагольных фразеологических единиц со значением чувств-отношений (враждебность, любовь, зависть, гордость, дружба, любовь, счастье) и форм их выражения (эмоции). В статье рассмотрены свойственные изучаемым единицам грамматические категории вида, времени, наклонения, лица, числа и рода. Выявлено, что глагольные фразеологизмы, обозначающие эмоции и чувства, могут быть как совершенного, так и несовершенного вида, но некоторые не имеют видового многообразия и употребляются только в форме совершенного или только несовершенного вида. Глагольные фразеологизмы изменяются по временам и функционируют преимущественно в форме изъявительного наклонения, имеют формы второго или третьего лица, функционируют как в единственном, так и во множественном числе, а также могут быть как мужского, так и женского рода. Материалы статьи могут быть использованы в речевой практике и фразеологической лексикографии.

Ключевые слова: глагольные фразеологизмы, эмоции, чувства, дефиниция, грамматические категории

В теории и практике фразеографии актуальным остается вопрос об объективности и полноте представления фразеологической единицы (ФЕ) в словаре. Речь идет об отражении в структуре словарной статьи всех параметров и особенностей фразеологизмов – их грамматические, структурные и семантические характеристики, которые отображаются в системе помет словарной статьи, назначение которых – способствовать нормативному использованию фразеологических единиц в речи при реализации коммуникативного намерения говорящего. Важным является показать соответствие типа дефиниции лексико-грамматической характеристике ФЕ: глагольная толкуется глагольным оборотом, а дъективные – прилагательными и т.д. При этом, например, в структуре дъективного фразеологизма может и не быть стержневого компонента, который соотносится с именем прилагательным, но он все равно будет дъективным, так как принадлежность фразеологической единицы к тому или иному лексико-грамматическому типу зависит, прежде всего, от ее семантики.

Особенности функционирования в речи фразеологических единиц, как представляется, обязательно должны найти отражение в указании на их сочетаемость с другими единицами. В этом плане на помощь приходит иллюстративный материал, представленный цитатами и изречениями.

Цель данной работы – раскрыть лексико-грамматические характеристики глагольных фразеологизмов, обозначающих чувства и эмоции. Материалом исследования послужили глагольные фразеологические единицы, содержащиеся в своем составе значения, объективирующие чувства-отношения (враждебность, любовь, зависть, гордость, дружба, любовь, счастье) и формы их выражения (эмоции): *втоптать в грязь, рвать и ме-*

тать, подложить свинью, поднять на смех, лезть на рожон, держать камень за пазухой, задохнуться от гнева, положить глаз, умываться слезами, разбить сердце, сойти с ума (от счастья, горя, любви), подбивать клинья, водить шашни, влюбиться по уши и др. В качестве иллюстративных примеров послужили тексты художественной и публицистической литературы, входящие в Национальный корпус русского языка. Методом исследования послужила сплошная выборка обозначенных единиц из фразеологических словарей [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Анализ материала показал, что у многих глагольных фразеологизмов, репрезентирующих психоэмоциональную сферу человека, определяются изменения, связанные с грамматическими категориями вида, времени, наклонения, лица, числа и рода.

Глагольные фразеологизмы анализируемой сферы могут быть как совершенного, так и несовершенного вида. Например:

втоптать в грязь/топтать в грязь: Оскорбили человека, втоптали его в грязь и беседуют теперь как ни в чём не бывало» (Чехов. Первый дебют). Очевидно, вам нравится топтать в грязь самые возвышенные чувства (А.Н. Толстой. Ракета).

сойти с ума/сходить с ума от <горя, тревоги>: А может быть, я сошел с ума и в действительности сидит настоящий, прежний Петр Петрович?» (М. Пришвин). Ты видишь и знаешь... когда я не вижу тебя – схожу с ума от тревоги. (А.Н. Толстой).

Часть глагольных ФЕ употребляется только в форме совершенного (например, *стереть в порошок*) или несовершенного вида (например, *рвать и метать*).

Глагольных фразеологизмы сферы чувств имеют особенности изменения по временам. Для некоторых ФЕ свойственны употребления только в формах прошедшего и настоящего времени. Например, *рвал и метал/рвет и мечет*: Иногда были периоды, когда буквально ежедневно в газетах появлялись материалы, язвительно высмеивающие министра обороны. Грачев *рвал и метал*. (В. Баранец. Генштаб без тайн); Так возникает интеллектуальная или духовная тирания, человек *рвет и мечет*, если кто-то не подходит под его мерки. (Ю. Азаров. Подозреваемый);

умывался слезами/умывается слезами: Мальчугу-то стрелили! И умывался слезой. Никто сначала не мог ничего понять, а когда расчухали, морем хлынули на зады школы. (Н. Берсенов. Про Федоркина-меньшого); Но ничего не сказал Бурнашов, лишь скользнул лбом по Лизиному лицу, чувствуя, что умывается слезами. И был благодарен жене за молчание (В. Личутин. Любостай);

лез на рожон/лезет на рожон: Задира. Чуть что – сразу лез на рожон, пускал в ход кулаки. (М. Кучерская. Тетя Мотя); Но та тоже хороша. Знала, что лезет на рожон. (В. Валева. Скорая помощь);

держал камень за пазухой/держит камень за пазухой: Только знакомство это и доброта припахивали фальшью. Кто-то из двоих держал камень за пазухой. Или камни держали оба. Так, с камнями, и скрылись они за автоматически распахнувшимися при их приближении дверьми. (М. Баконина. Девять граммов пластика); Их задача вербовать подходящих по нраву, отсеивать тех, кто держит камень за пазухой. (А. Иличевский. Перс).

Часть фразеологизмов исследуемой группы используется только в формах прошедшего и будущего времени. Например, *подложил свинью/подложит свинью*: Нынче все глушилось почти непрерывно, даже музыка. И только одна мысль не давала покоя бедному «политпреступнику»: кто же ему подложил свинью? (Б. Поздняков. Переходящее красное знамя); Вот тоже. Сделаешь другому облегчение, а он тебе же свинью подложит. А у меня этих выговоров в приказе – что у тебя волосьев на голове. (Г. Владимов. Шестой солдат);

разбил сердце/разобьет сердце: Вот и выходит, что какой-то подлец девушке сердце-то и разбил. (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда); Мысль о том, как безжалостно она разобьет ему сердце, оказывала быстрый терапевтический эффект (П. Волошина, Е. Кульков. Маруся).

положил глаз/положит глаз: А Иосиф вернулся из армии в семнадцатом, и вот рядом

красивая молодая солдатка без мужа, Иосиф, естественно, положил на неё глаз... (А. Рыбаков. Тяжелый песок); И уточнил, что выходить же замуж следует за первого же, на кого дочь всерьез положит глаз. (М.А. Кучерская. Фотография).

Глагольные фразеологические единицы используются в речи, как правило, в изъявительном наклонении. Редкое употребление фразеологизмов в формах повелительного или сослагательного наклонения можно объяснить, очевидно сложностью исследуемой сферы – чувства и эмоции переживаются, как правило, здесь и сейчас и предположить эмоциональную реакцию организма на те или иные события достаточно сложно (например, если случится это, то я испытаю такую-то эмоцию). Тем более практически невозможно заставить человека посредством повеления или принуждения испытать какое-либо чувство и эмоцию. Поэтому, на наш взгляд, глагольные фразеологизмы, обозначающие чувства и эмоции, редко используются в речи в повелительном или сослагательном наклонениях.

Единичными являются случаи функционирования в речи таких форм как *рвал бы и метал, не лезть бы на рожон*: Столкнись он с ними несколько месяцев спустя, он, по-прежнему их не понимая, рвал и метал бы, стenal и плакал бы в патриотическом ужасе... (Н.Н. Суханов. Записки о революции), Поднималась в нем жгучая обида... В прежнее время тут и не *лезть бы на рожон*... (А.Н. Толстой. Хождение по мукам). В тишине *умыться бы слезами*... Только сердца выточен гранит... (П. Гордовский. Тишина)

Глагольные фразеологизмы, обозначающие чувства и эмоции, имеют, как правило, формы 2 и 3 лица, в то время как формы 1 лица обнаружены были у нескольких ФЕ:

– Кто приходил, кого приглашали. Вот, например, я как-то *положила глаз* на совсем молодого, но умного, мыслящего и красивого отца Алексея Уминского и сказала, что сам Бог ему велел что-то писать про воспитание (М.А. Журиная. Без московской ругани);

– На всех махнем рукой – и хороши, а чуть кто-нибудь что-нибудь задумает сделать – *подыдем на смех*. (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

Фразеологические единицы исследуемой сферы могут изменяться по числам. Примеры с использованием форм как единственного, так и множественного числа встречаем с ФЕ *подложит свинью, поднять на смех, держать камень за пазухой, положить глаз, умыться слезами, разбить сердце, сойти с ума (от счастья, горя, любви)*. Например, Вдруг Шнитке действительно что-то написал? Юра поднял меня на смех... (Сати Спи-

вакова. Не всё); Никакого удава в горах нет и никогда не было. Зоологи нас просто на смех подняли. (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей). Форм множественного числа не имеют фразеологизмы, направленные на выражение личного отношения или выражения эмоций: *задохнуться от гнева, влюбиться по уши* и др.

Находит отражение в исследуемой группе фразеологизмов грамматическая категория рода – все изучаемые единицы имели формы мужского и женского рода. Например,

поднял на мех/подняла на смех: – Ну и что, стрелялись? – Нет, Перхота *поднял* Верлибра на смех. Почти, как Арбенин в «Маскараде». Вот только он был не Арбенин. (В. Ломов. Музей); *Майя подняла на смех* мою замороженную неискушенность: дескать, ширпотреб, дешевка, выкинь из головы нашу мишуру, она для отвода глаз... (Д. Симонова. Сердце колибри);

положил глаз/положила глаз: Роман признался, что положил на меня глаз еще в Москве. А после того как пообщался со мной, понял: я именно та девушка, с которой он хотел бы связать свою жизнь. Утром пурга утихла. (С. Вероника. Вылет задерживается); Зато, как ни странно, у тети Марины старичок прижился. А может быть, она сразу на него *глаз положила* – женщины, они ведь стратеги великие (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени).

Редко встречаются примеры с использованием форм среднего рода: Не успел закончиться последний чемпионат, а руководство армейцев уже прикупило лучшего форварда «Ростсельмаша» Кириченко и *положило глаз* на динамовцев Гусева, Шембераса и Быстрова. (К. Карташов. Девятое золото «Спартака»). В целом для фразеологизмов, выражающих личное отношение к предмету и объекту высказывания, различные эмоциональные состояния, не характерны формы среднего рода единственного числа, так как они обезличивают чувства и эмоции, делают их размытыми и бесполезными как для адресата, так и адресанта речи.

Итак, глагольные фразеологические единицы, обозначающие чувства и эмоции, имеют определенные лексико-грамматические особенности. Изучаемые единицы могут быть как совершенного, так и несовершенного, а могут употребляться только в форме совершенного или только несовершенного вида. Глагольные фразеологизмы имеют особенности изменения по временам: часть употребляется в речи лишь в прошедшем и настоящем времени, часть – только в форме прошедшего и будущего. Исследуемые глагольные фразеологические единицы чаще всего функционируют в форме изъявительного наклонения; повелительное и сослагательное наклонение используется в речи в единичных случаях, что связано со сложностью

семантики этой группы образных средств. Изучаемые ФЕ имеют, как правило, формы второго или третьего лица, в то время как первое лицо встречается редко. Большинство глагольных фразеологизмов могут функционировать в речи как в единственном, так и во множественном числе, а также быть как мужского, так и женского рода. Эти и другие особенности фразеологических единиц должны учитываться лексикографами при составлении словарной дефиниции, разработке системы грамматических помет, а также в процессе подбора иллюстративного материала.

Литература

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник: свыше 2500 русских образных оборотов / Под ред. В. М. Мокиенко; СПбГУ. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.

2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 764 с.

3. Брилева И.С. Большой фразеологический словарь русского языка / авт.-сост.: И. С. Брилёва и др.; отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС, 2009. 782 с.

4. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. М.: «Астрель», 2005. 864 с.

5. Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. 3-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2009. 461 с.

6. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

References

1. Birih A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-etimologicheskij spravochnik: svyshe 2500 russkih obraznyh oborotov. Pod red. V. M. Mokienko; SPbGU. SPb.: Folio-Press, 1998. 700 с.

2. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij. red. V.N. Teliya. M.: AST-PRESS KNIKA, 2006. 764 s.

3. Brileva I.S. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. avt.-sost.: I. S. Brilyova i dr.; отв. ред. V.N. Teliya. M.: AST-PRESS, 2009. 782 с.

4. Melerovich A.M., Mokienko V.M. Frazeologizmy v russkoj rechi. M.: «Astrel'», 2005. 864 с.

5. Mokienko V.M. Obrazy russkoj rechi: istoriko-etimologicheskije ocherki frazeologii. 3-e izd. Moskva: Flinta: Nauka, 2009. 461 s.

6. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekt. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. 288 s.

**LEXICAL AND GRAMMATICAL CHARACTERISTICS OF VERBAL
PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING EMOTIONS AND FEELINGS**

Zimina I.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),

Efimova T.O., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),

Nikolaeva A.A., Lecturer,

Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation

Abstract: the article is devoted to the study of lexical and grammatical features of verbal phraseological units with the meaning of feelings-relationships (hostility, love, envy, pride, friendship, love, happiness) and forms of their expression (emotions). The article considers grammatical categories of type, tense, mood, person, number and gender characteristic of the studied units. It is revealed that verbal phraseological units denoting emotions and feelings can be both perfect and imperfect, but some do not have a variety of species and are used only in the form of perfect or only imperfect form. Verbal phraseological units vary from time to time and function mainly in the form of the indicative mood, have the forms of the second or third person, function both in the singular and plural, and can also be both masculine and feminine. The materials of the article can be used in speech practice and phraseological lexicography.

Keywords: verbal phraseological units, emotions, feelings, definition, grammatical categories

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ «МОЛЧАНИЕ» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

*Ли Синьюй, аспирант,
Фадеева И.А., кандидат филологических наук, доцент,
Восточный институт – Школа региональных
и международных исследований,
Дальневосточный федеральный университет*

Аннотация: статья посвящена концептуализации речевого действия «молчание» в русской и китайской языковых картинах мира. Основное содержание работы составляет анализ русских и китайских паремий, прямо или косвенно указывающих на «молчание». Целью данной работы было обнаружение сходств и различий языковых составляющих концепта «молчание» в русской и китайской ЯКМ. В ходе анализа паремического материала авторы сгруппировали пословицы о молчании по категориям: молчание и речь, молчание и беда, молчание и дело, молчание и секрет. Авторы пришли к результатам: в обеих культурах молчание оценивается положительно если оно заключается в 1) осторожности, 2) возможности быстрее выполнить дело, не тратя времени на пустые разговоры, 3) в успешном выполнении какого-либо дела, 4) возможности больше заработать и как следствие – не нуждаться ни в чем. Отрицательная оценка молчания в русской и китайской культурах связана со сложностью в налаживании связей для успешной работы.

В ситуациях речевого взаимодействия и в ситуациях, когда говорение/молчания является особенностью личности, молчание оценивается как неречевое действие. Это позволяет говорить о том, что молчание является базовой частью культуры речевого поведения, приобретает значительные смыслы в культуре. Полученные результаты позволяют нам ставить вопрос о концептуализации речевого «недействия» молчания.

Методами исследования были: сравнительный метод, метод семантического перевода, осуществление перевода по грамматическому значению без учета словоформы, соблюдение грамматических правил целевого языка, совпадение структуры фразы целевого языка с исходным языком, методика перевода порядка слов и метод художественного перевода.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, картина мира, русская языковая картина мира, русские и китайские пословицы

«Культура молчания, – как отмечает Т.Р. Копылова, – подобно речевой культуре, складывалась на протяжении тысячелетий под влиянием историко-политических и религиозно-философских систем. Молчание в русской лингвокультуре является одним из ключевых концептов, определяющим впоследствии особенности русского молчаливого поведения» [1, с. 1-15]. Так же она утверждает, что «в русской лингвокультуре молчание эмоционально наполнено, что позволяет говорить о молчании как коммуникации эмоциональной». Например, коммуникативный ход «молчать», «смолчать» может быть использован намеренно с целью скрыть негативное отношение, не обидеть, «не наговорить лишнего»; также может усилить эмоцию, часто в этом случаи в сопровождении жестикуляции [1, с. 27-31].

Разные исследователи имеют разные взгляды и подходы к молчанию с позиции разных наук: теории речевых актов, коммуникативной лингвистики, когнитивистики, конфликтологии, дискурсологии, социолингвистики и психолингвистики. Некоторые выделяли функции молчания, кто-то выделяет коммуникативные намерения молчания, кто-то выделяет причины возникновения молчания. Такое многообразие подходов обусловлено многозначностью и многофункциональностью молчания как феномена человеческой коммуника-

ции. Системная классификация функций молчания, на основании которой выстраиваются наши наблюдения, представлена в концепции С.В. Крестинского, который на основе обобщения нескольких классификаций функций молчания (В. Йенсен, Т. Брюно, А. Стредье и К. Циммерман) предлагает «целостную модель молчания» и выделяет: контактную (контактивную) функцию (маркер близости людей, их взаимопонимания, когда слова оказываются излишними); дисконтактную функцию (изоляция и отчуждённость людей, негативное отношение друг к другу и пр.); экспрессивную (эмотивную) функцию (выражение различных эмоциональных состояний человека); информативную функцию (свидетельство согласия/ несогласия и одобрения/ неодобрения и т.д.); стратегическую функцию (нежелание говорить с определённой целью – в силу некомпетентности, нежелания признаться в чём-либо и т.д.); риторическую функцию (привлечение внимания к высказыванию); оценочную функцию (оценка действий, слов и отношение к ним); акциональную функцию (молчаливое выполнение какого-либо действия – извинения, прощания, большую роль здесь играют мимика и жесты) [2, с. 74-79.]. Молчание – это коммуникативная деятельность, наравне с болтливостью, красноречием, обещанием, просьбой, спором, шуткой и др. С этой точки зрения, молчание –

коммуникативный акт / речевое действие (минимальная единица коммуникативного воздействия, включающая в себя вербальные и невербальные компоненты).

В русской лингвокультуре посредством молчания можно выразить целую гамму чувств: восторг, восхищение, обожание, любовь, заботу, радость, неловкость, смущение, стыд, печаль, уныние, разочарование, упрёк, негодование, бешенство и др. Изучение паремий и маркируемых ими ситуаций позволяет выдвинуть гипотезу, что молчание – это концепт – одна из составляющих концептуализации речевой деятельности человека [3, с. 28].

Итак, рассмотрим данное речевое действие в аспекте его понятийных характеристик.

Молчание: ментальные составные концепта

Лексические репрезентации концепта представлены разными частями речи. По материалам словарей нами выделены следующие базовые репрезентанты. Словари Ушакова и Ожегова дают следующие толкования лексического значения:

«Молчание – действие по глаг. молчать; безмолвие, отсутствие речи, разговора; *перен.* отсутствие звуков, тишина (*поэтич.*)» [4, с. 252].

«Молчать – 1. Не произносить, не издавать никаких звуков, не говорить. Молчал, не отвечая на вопросы. Батарея молчит. 2. О чём. Соблюдать что-н. в тайне, не рассказывать о чём-н., не высказывать. Об этом надо м. сущ. Молчание, я ср.» [5, с. 300].

На основании исследования Л.Г. Бабенко мы делаем следующие заключения о специфических характеристиках ядерной зоны: «Ситуация, состояние, когда никто ничего не произносит, не издает никаких звуков, отсутствие разговоров: молчание, безмолвие, тишина» [3, с. 340]. Таким образом, ядро – это отсутствие речевого действия.

ЯКМ создаётся номинативными средствами языка: лексемами (разных частей речи), фразеологизмами, сравнениями, крылатыми выражениями – составом наиболее частотных языковых средств народа. Поскольку пословицы и поговорки накапливают в своем содержании и коллективный опыт народа, и особенности его национальной культуры.

Рассмотрим ряд пословиц в соответствии с постулируемыми ими идеями, которые отражают знаковые для культуры оценки речевого поведения.

1. Регламентация речевого поведения в аспекте хорошо/плохо

Молчание с положительной коннотацией:

Умей сказать, умей и смолчать. (*Надо вовремя уметь промолчать, когда нужно*).

Доброе молчание лучше пустого бормотания (Лучше молчать, чем говорить всякое попусту).

Где много слов, там мало правды (Кто слишком много говорит может оказаться вруном).

多磕一个头, 少说一句话 – Лучшие ещё раз ударились лбом, нав ниц в поклоне, чем произнести хоть слово. (Молчи, чтобы не сказать лишнего).

В категории «молчание и речь» общим для обеих ЯКМ является значение «Лучше молчать, чем говорить всякое попусту». Мы видим, что молчание имеет схожую функцию в обеих языковых картинах мира, а также в них выражается положительная оценка молчания.

Молчание с отрицательной коннотацией:

Скучное занятие – игра в молчанку. (*У людей не будет к тебе интереса, если ты все время будешь молчать*)

Говорить беда, а молчать другая. (Молчание тоже не всегда хорошо)

多唤一句话少上十里坡 – Больше скажешь лишь на одно слово – не придётся подниматься по склону высотой в 10 ли. В этой пословице выражено отрицательное отношение к молчанию: не надо молчать – Язык до Киева доведёт.

В категории «молчание и речь» общим для обеих ЯКМ является значение «У людей не будет к тебе интереса, если ты все время будешь молчать». Здесь мы можем увидеть, что молчание имеет схожую функцию, как в русской, так и в китайской языковой картине мира, а также в них выражается отрицательная оценка молчания. В категории «молчание и беда» общим для обеих ЯКМ является значение «молчание не приведёт к беде». В данных двух пословицах не наблюдается различие: в русской пословице молчание выглядит, как «молчание – золото», и в китайской пословице тоже. Мы видим, что положительная оценка молчания в обеих культурах заключается в осторожности и возможности быстрее выполнить дело, не тратя время на болтовню. Отрицательная оценка в русской ЯКМ связана с неумением красноречиво говорить, с тем, что молчание – скучное занятие и попыткой утаить хорошие новости. В китайской ЯКМ отрицательная оценка молчания характеризуется недостатком информации и как следствие – неэффективной работой, а также сложностью во взаимодействии с людьми.

2. Оценка молчания в аспекте деятельности или ситуации.

Молчание с положительной коннотацией:

- Молчи, пора рожь толчи! (Хватит говорить, пора работать.)

- Нем, да своё ем; а речист, да не плечист – голодный сидит. (Тот, кто работает молча, всегда будет сыт.)

- Где много слов, там мало дел. (Там, где много говорят, дела не делаются, чтобы был результат, нужно работать молча.)

- 枯树无果实, 空话无价值. (蒙古族谚语) - Засохшее дерево не даёт плодов, пустая болтовня ничего не стоит. (От человека, который много говорит, столько же пользы как от засохшего дерева)

- 空话一场, 五谷不长 – Одними пустыми разговорами зерна не вырастишь. (Болтовня не приведет к результатам)

В категории «молчание и дело» общим для обеих ЯКМ является значение «Болтовня не приведет к результатам». Мы видим, что молчание имеет схожую функцию, а также в них выражается положительная оценка молчания.

Молчание с отрицательной коннотацией:

- Молчать, так и дело не скончать (Молча трудно договориться, т.е. надо говорить, чтобы завершить дело).

- 多叫之猫捕鼠少- Много мяукающая кошка ловит мало мышей. (Сколько не говори, а с разговору сыту не быть)

- 爱叫的麻雀不长肉- Воробьи, любящие чиркать, худосочны. (Кто молчит, тот успешно справляется с работой.)

- 空话一场, 五谷不长 – Одними пустыми разговорами зерна не вырастишь. Можно сделать вывод – где много слов, там мало дел. В категории «молчание и дело» общим для обеих ЯКМ является значение «Кто молчит, тот успешно справляется с работой.». Мы видим, что молчание имеет схожую функцию, а также в них выражается отрицательная оценка молчания. Мы видим, что положительная оценка молчания в обеих культурах заключается в более эффективном выполнении дела, возможности больше заработать и как следствие – не нуждаться ни в чем. Отрицательная оценка в обеих культурах связана со сложностью в налаживании связей для успешной работы.

3. Оценка молчание как характеристика чего-то лживого, скрытого.

Молчание с положительной коннотацией:

- *Всех вещей труднее тайну умолчать.* Зная секрет, трудно молчать о нём.

- 言多必失, 语多必漏 – Слов много – неизбежна утрата; много говоришь – неизбежно выдашь секрет. Больше молчи, чтобы не выдать секрета.

В категории «молчание и секрет» общим для обеих ЯКМ является значение «Больше молчи, чтобы не выдать секрета.»

Молчание с отрицательной коннотацией:

- *Твой намёк мне невдомёк (намёк – слово или выражение, заставляющее догадываться о том,*

что имеет в виду говорящий, но не желает полностью высказать [Ушаков, Т.2, С. 382]; **невдомёк (разг.)** – нареч. в знач. сказуемого: не сообразить, не догадаться [Ушаков, Т.2, С. 482]). Можно сделать вывод, что если человек не готов рассказать обо всём, то лучше не начинать разговор.

- 不言的背后, 正有难言在. Невысказанная истинная причина говорит о том, что у тебя есть то, чем трудно поделиться. В категории «молчание и речь» общим для обеих ЯКМ является значение «Человек молчит о том, чем трудно поделиться.»

4. Оценка молчания в аспекте отношения к произносимому.

Когда умалчивают что-то положительное:

- *Счастье любит тишину.* Не стоит делиться своим счастьем с окружающими, лучше промолчать, чтобы не провоцировать людей

- *Доброе смолчится, а худое молвится. (худой (устар. и разг.) – то же, что и плохой [Ожегов, С. 858]).* О хорошем молчат, а о плохом говорят.

- 是非只为多开口, 烦恼皆因强出头 – Споры и ссоры чаще всего вызываются словами, неприятности и огорчения всегда результат того, что лезешь вперёд и выпячиваешься.

Больше молчи и в жизни будет меньше ссор и огорчений.

В категории «молчание и беда» общим для обеих ЯКМ является значение «О хорошем молчат, а о плохом говорят.»

Таким образом, на основе анализа пословиц мы делаем вывод о том, что в обеих культурах положительная оценка молчания заключается в осторожности и возможности быстрее выполнить дело, не тратя время на болтовню. Также положительная оценка молчания в обеих культурах заключается в более эффективном выполнении дела, возможности больше заработать и как следствие – не нуждаться ни в чем. Обнаруживается также сходство и отрицательной оценки молчания в обеих культурах, связанная со сложностью в налаживании связей для успешной работы. Оценка молчания как неречевого действия в ситуациях речевого взаимодействия и в ситуациях, где говорение /молчание является особенностью личности позволяет говорить о том, что молчание является базовой частью культуры речевого поведения, приобретает значительные смыслы в культуре, что доказывает сопоставление русской и китайской языковых картин мира. Возможно, самым интересным выводом следует назвать тот, что в базовой оценке «молчание – золото» культуры не расходятся, хотя есть тонкая грань расхождения: «больше скажешь хоть на одно слово, не придется подниматься по холму» – здесь мы можем наблюдать, скорее всего отражение ассоциативного спо-

соба отражения мира, когда слово не может маркировать ситуацию без общей апперцепционной базы. Полученные наблюдения позволяют нам ставить вопрос о концептуализации речевого «действия» молчания.

Литература

1. Копылова Т.Р. Молчание: от концепта к русскому коммуникативному поведению (особенности формирования) // Вестник Удмуртского университета. 2015. № 2. С. 27 – 31.

2. Крестинский С.В. Молчание в системе невербальных средств коммуникации // Тверской лингвистический меридиан: Теоретический сборник. Вып. 1 / под ред. И.П. Сузова. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. С. 74 – 79.

3. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. Ред. Проф. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Ирал. ун-та, 2010. 340 с.

4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 2. 520 с.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 750 с.

6. Молчание как коммуникативный АКТ [Электронный ресурс]: электрон. портал. Режим доступа: <https://articlekz.com/article/7316>, (дата обращения 08.12.2021)

7. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1994. 524 с.

References

1. Kopylova T.R. Molchanie: ot koncepta k russkomu kommunikativnomu povedeniyu (osobnosti formirovaniya). Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2015. № 2. S. 27 – 31.

2. Krestinskij S.V. Molchanie v sisteme neverbal'nyh sredstv kommunikacii. Tverskoj lingvisticheskij meridian: Teoreticheskij sbornik. Vyp. 1. pod red. I.P. Susova. Tver': Tverskoj gos. un-t, 1998. S. 74 – 79.

3. Konceptosfera russkogo yazyka: klyuchevye koncepty i ih reprezentacii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): prospekt slovarya. pod obshch. Red. Prof. L.G. Babenko. Ekaterinburg: Izd-vo Iral. un-ta, 2010. 340 s.

4. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t. pod red. prof. D. Ushakova. M.: TERRA, 1996. T. 2. 520 s.

5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M.: Azbukovnik, 1999. 750 s.

6. Molchanie kak kommunikativnyj AKT [Elektronnyj resurs]: elektron. portal. Rezhim dostupa: <https://articlekz.com/article/7316>, (data obrashcheniya 08.12.2021)

7. Abramov N. Slovar' russkih sinonimov i skhodnyh po smyslu vyrazhenij. M.: Russkie slovari, 1994. 524 s.

CONCEPTUALIZATION OF THE SPEECH ACTION "SILENCE" IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD

*Li Xinyu, Postgraduate,
Fadeeva I.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Oriental Institute – School of Regional
and International Studies,
Far Eastern Federal University*

Abstract: the article is devoted to the conceptualization of the speech action "silence" in the Russian and Chinese language pictures of the world. The main subject of the research is the analysis of Russian and Chinese paremias, directly or indirectly indicating "silence". The aim of this work was to find similarities and differences in the linguistic components of the concept of "silence" in the Russian and Chinese language pictures of the world. Analyzing paremic material, the authors grouped the proverbs about silence into categories: silence and speech, silence and trouble, silence and deed, silence and secret. The authors came to the following results: in both cultures, silence is assessed positively if it means: 1) caution, 2) ability to quickly complete a task without wasting time on idle talk, 3) in the successful completion of any task, 4) opportunities to earn more and, as a result, not need anything. The negative assessment of silence in Russian and Chinese cultures is associated with the difficulty in forging connections for successful work.

In situations of verbal interaction and in situations where speaking / silence is a personality trait, silence is assessed as a non-verbal action. This allows us to say that silence is a basic part of the culture of verbal behavior, acquires significant meanings in culture. The results obtained allow us to raise the question of conceptualizing the speech "inaction" of silence.

The research methods were: the comparative method, the method of semantic translation, translation by grammatical meaning without taking into account the word form, adherence to the grammatical rules of the target language, the coincidence of the structure of the phrase of the target language with the source language, the method of translating the word order and method of literary translation.

Keywords: concept, conceptualization, conceptual analysis, picture of the world, Russian language picture of the world

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

*Мозжегорова Е.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Громова Е.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева*

Аннотация: в статье рассматриваются лингвистические особенности перевода текстов научно-публицистического стиля на примере произведения Торстейна Веблена «Теория праздного класса: экономическое исследование институций» с английского языка на русский. Проводится анализ лексических, грамматических и стилистических аспектов перевода текстов такого типа. Актуальность работы обусловлена оригинальностью языкового материала, а также непрерывным развитием переводческой науки. В условиях возрастающего потока информации перевод научных и научно-публицистических текстов приобретает решающее значение для научного прогресса, в связи с чем перед теоретиками и практиками перевода встают новые задачи усовершенствования перевода текстов научного стиля и его разновидностей – подстилей. Одним из таких подстилей является научно-публицистический, который в цифровую эпоху широко используется не только непосредственно учеными, но и экспертным сообществом, чья задача – донести информацию до широкой публики, для решения которой зачастую используется эмоционально оценочный и вовлекающий лексический инструментарий, присущий научной публицистике. Цель статьи – выделить основные приёмы, способствующие передаче лингвистических особенностей научно-публицистических произведений при переводе. В качестве основных методов исследования применялись метод сопоставительного анализа, аналитический метод, метод контекстуального анализа. Полученные данные могут быть в дальнейшем использованы при обучении теории и практике перевода.

Ключевые слова: научный текст, научно-публицистический стиль, лингвистические аспекты, прием перевода, стратегия перевода, Торстейн Веблен

Теоретической базой исследования послужили научные работы таких исследователей, как Н.М. Разинкина (историческое развитие английской научной прозы, фундаментальные стилистические оппозиции, лексические средства выражения эмоциональной оценки и элементы художественной речи в научной прозе), Я.И. Рецкер (категории закономерных соответствий), В.Н. Комиссаров (типы окказиональных соответствий), А.Д. Швейцер (понятие стратегии перевода), Е.В. Бреус, М.Ю. Семенова (функциональные стили речи), В.В. Виноградов, М.М. Глушко (семантическая сторона термина), И.В. Арнольд, Г.Я. Солганик (функции сообщения и воздействия в публицистике), Н.Д. Арутюнова (иерархический тип прозы), А.П. Миньяр-Белоручева, Т.А. Казакова (способы перевода метафоры), Л.С. Бархударов и др.

Научный перевод является одним из наиболее сложных и многогранных типов интеллектуальной деятельности. Перевод научного текста требует ясности в изложении и максимально полного соответствия текста перевода тексту оригинала. Научный перевод не терпит двойственности смысла и искажения понятий и терминов. Перевод научного текста предполагает стандартизованность и типизированность языкового материала. Стиль научной прозы в любом языке предполагает использование специфического лексико-грамматического языкового материала.

Некоторые исследователи, например, М.Ю. Семенова, делят научный стиль на ряд **подстилей**, такие как научно-популярный, научно-деловой,

научно-технический, научно-публицистический и учебно-научный. Важно понимать, что «научный текст любого из вышеперечисленных подстилей будет преследовать одни и те же цели, различаться будут только используемые языковые средства, а значит, можно говорить о достаточно высокой степени унифицированности научного стиля» [2, с. 165].

Отметим, что лексические, грамматические и стилистические особенности публицистического стиля речи разительно отличаются от тех, что используются при создании научного текста, однако в определенных случаях (например, научной монографии на общественно-политическую тематику) эти особенности могут сочетаться. Результат является **научно-публицистический подстиль речи** – одна из разновидностей научного текста (наряду с научно-популярным и научно-техническим), отличительной особенностью которой являются ярко выраженные черты публицистики.

Произведение Торстейна Веблена «Теория праздного класса: экономическое исследование институций» можно уверенно причислить к ряду классических для нескольких областей знания: социологии, экономики, антропологии, возможно, и философии. Написанная на стыке научных дисциплин, эта монография привлекает внимание ученых разработанностью теоретических построений и системы терминов, а также доступностью подачи материала и нестандартной для сегодняшнего дня, но вполне характерной для конца XIX –

начала XX вв. отвлеченностью и абстрактностью рассуждений.

Торстейн Веблен, являясь доктором философии, заслужил мировую славу как экономист, что возможно объясняет его манеру изложения более характерную для философского трактата, нежели для экономического. В монографии «Теория праздного класса: экономическое исследование институций» практически не используются имена собственные, цифры и даты, зато встречается большое количество абстракций, отступлений, оценочных прилагательных и наречий, возвышенной и книжной лексики, терминов-неологизмов и сложных синтаксических построений.

Значимой особенностью перевода данного произведения на русский язык, выполненного С. Г. Сорокиной, является тот факт, что перевод был выполнен спустя почти столетие с момента написания произведения. Американское общество конца XIX века, в котором жил Торстейн Веблен, и советское общество 1984 года, – это два совершенно разных менталитета людей, живущих в совершенно разные эпохи. Подобная историческая и культурная пропасть не могла не сказаться на переводе. То, как воспринимался русский перевод этой книги в 1984 году, сильно отличается от того, как он воспринимается сейчас. Многие решения переводчика кажутся устаревшими, слишком простыми, «немодными», что, однако, не мешает воспринимать произведение как целостное и осмысленное.

Перечисленные выше экстралингвистические факторы влияют и на собственно лингвистические аспекты перевода рассматриваемого нами перевода. При исследовании лингвистических аспектов перевода произведения Торстейна Веблена мы разделили выделенные особенности на три основных раздела: лексические, грамматические и стилистические. Всего было проанализировано 165 примеров. Процентное соотношение указанных особенностей можно представить следующим образом: лексические (86%) – термины, книжная лексика, фразовые глаголы, разговорные вставки и клише, эмоционально-оценочная лексика; грамматические (11%) – синтаксический параллелизм, страдательный залог, простые предложения на фоне сложных, вопросно-ответный комплекс; стилистические (3%) – градация, антитеза, метафора, инверсия, ирония.

Рассмотрим несколько примеров перевода **научных терминов** из произведения Торстейна Веблена «Теория праздного класса: экономическое исследование институций» с английского языка на русский. Т. Веблен использует в своей монографии большое количество терминов-неологизмов, которые не имеют аналогов и никогда ранее не

переводились. Однако некоторые термины можно перевести по аналогии с уже существующими в экономической и социологической науке, если между этими терминами существует смысловая общность.

Приведем пример: «*Wherever the canon of conspicuous leisure has a chance undisturbed to work out its tendency, there will therefore emerge a secondary, and in a sense spurious, leisure class – abjectly poor and living a precarious life of want and discomfort, but morally unable to stoop to gainful pursuits*» [1, с. 18]. — «*Везде, где срabатывает критерий демонстративной праздности, появляется второстепенный и в некотором смысле незаконнорожденный праздный слой – крайне бедный и кое-как пребывающий в нужде и неудобстве, но морально не способный снизить до прибыльных занятий*» [3, с. 88]. В данном случае используется прием калькирования: термин *conspicuous consumption* («демонстративная праздность»), как и «демонстративное потребление», утвердился в русскоязычной социологической литературе. При этом само слово *conspicuous* обычно передается как «заметный, бросающийся в глаза». Переводчик выбирает прилагательное «демонстративный», потому что об этом идет речь в тексте оригинала: люди не просто потребляют на глазах у всех, но намеренно потребляют такую продукцию, чтобы это бросалось в глаза.

Рассмотрим пример использования адаптивной стратегии перевода: «*The desire for added comfort and security from want is present as a motive at every stage of the process of accumulation in a modern industrial community; although the standard of sufficiency in these respects is in turn greatly affected by the habit of pecuniary emulation*» [1, с. 14]. — «*Стремление к большему комфорту и обеспеченности выглядит как повод к накоплению на каждой стадии этого процесса в современном промышленном обществе, хотя престижный уровень достатка в этом отношении в свою очередь находится в очень большой зависимости от привычки к денежному соперничеству*» [3, с. 81]. В этом примере задача переводчика сложнее: термин *pecuniary emulation* является нововведением Т. Веблена и ранее не переводился на русский язык. Важно, что он является одним из ключевых в произведении и заглавием целой главы.

Рассмотрим пример подбора аналога при переводе: «*As seen from the economic point of view, leisure, considered as an employment, is closely allied in kind with the life of exploit; and the achievements which characterize a life of leisure, and which remain as its decorous criteria, have much in common with the trophies of exploit*» [1, с. 19]. — «*С экономической точки зрения праздность, рассматриваемая*

как вид занятости, находится в тесном родстве с доблестной деятельностью; а достижения, свойственные праздной жизни и хранимые в качестве ее внешних критериев, имеют много общего с трофеями такой деятельности» [3, с. 90]. Этот случай особенно интересен, поскольку слово *exploit* является одним из системообразующих в научном труде Т. Веблена: он противопоставляет образ жизни, основанный на «доблести», образу жизни, основанному на производстве.

В произведении Т. Веблена **книжная лексика**, особенно глагольная, используется крайне обильно. Их перевод не представляет сложности и в большинстве случаев является дословным, например: «*The difference in point of immediate practicality of the information imparted and of the proficiency acquired may be of some consequence and may merit the attention which it has from time to time received; but there is a more substantial difference in the mental and spiritual bent which is favored by the one and the other discipline*» [1, с. 163]. – «*Может быть, и имеют какое-то значение различия в непосредственной утилитарности сообщаемых сведений и в приобретаемом опыте, и, может быть, эти различия заслуживают того внимания, которое им время от времени уделяется, однако более существенно разнятся те умственные и духовные склонности, развитию которых содействует одна школа и другая*» [3, с. 352].

Приведем пример передачи **фразовых глаголов** при переводе научно-публицистического текста Т. Веблена: «*Property set out with being booty held as trophies of the successful raid*» [1, с. 11]. – «*Имущественная собственность появилась, когда добыча, захваченная в ходе успешных набегов, стала выступать в качестве трофеев*» [3, с. 76]. Фразовый глагол *to set out* имеет множество вариантов перевода, и вариант «*появляться, зарождаться*» из них наиболее редкий.

Рассмотрим передачу **разговорных вставок и клише** при переводе произведения Торстейна Веблена. «*That is to say, we are prone to condone such an offense where its aim is the honorific one of enabling the offender's wife to perform for him such an amount of vicarious consumption of time and substance as is demanded by the standard of pecuniary decency*» [1, с. 49]. – «*Можно также заметить – и это имеет большое непосредственное отношение к делу, – что мы склонны прощать преступление против собственности в том случае, когда мотивом человека является обеспечение средств для «приличного» образа жизни его жене и детям*» [3, с. 143]. Здесь вставка *that is to say* передана при помощи аналога как «*можно также заметить*», а затем сопровождается добавлением пояснительной конструкции, которой в исходном

тексте не было. Та же вставка *that is to say* переводится по-разному в других примерах. В большинстве примеров использования вставки *that is to say* переводчик выбирает для ее передачи дословный перевод, а именно сокращение «*т.е.*».

Вставка *in fact* выглядит более официально-деловым вариантом, но на деле это тоже разговорный элемент, а для многих англичан и американцев – любимое слово-паразит. Переводчик прибегает к дословному переводу: «*The former of the two utensils is, in fact, commonly a less effective contrivance for its ostensible purpose than the latter*» [1, с. 53]. – «*В самом деле, первый из двух предметов обихода является обычно менее эффективным при использовании его по очевидному назначению, нежели второй*» [3, с. 152].

Такие разговорные вставки, как *we are told, they say* и др., довольно сложны для перевода. В данном случае переводчик передает подобную вставку конструкцией с инверсией: «*говорят нам*». Однако вставка «*говорят нам*» практически не используется в литературном русском языке, тем более в научном стиле речи. Если бы переводчик использовал функциональную замену, более корректными вариантами могли бы стать «*мы постоянно слышим*», «*некоторые утверждают*». С другой стороны, эмоциональную окраску недоверия к тому, что «нам говорят», такой перевод передает лучше.

Текст Т. Веблена изобилует **прилагательными с ярко выраженной эмоциональной окраской**, поэтому можно утверждать, что произведение относится не к чисто научному, а к научно-публицистическому стилю, потому что автор постоянно выражает свое отношение (или предполагаемое отношение человечества, общества, групп людей, которые он исследует) посредством ярких эпитетов.

Рассмотрим, как передаются в переводе прилагательные, выражающие положительную оценку. Такое оценочное прилагательное *beautiful* употребляется дважды, и во избежание тавтологии, переводчик использует подбор эквивалента и в первом случае передает его как «*красивая*», а во втором – как «*прекрасная*».

Прилагательное *brilliant*, которое обычно переводится как «*гениальный*», сочетается с историческим клише *Napoleonic success* («*бонапартовский успех*»), поэтому переводчик подбирает эквивалент и передает его значение как «*блистательный*»: это слово в русском языке лучше всего сочетается с существительным «*успех*».

Среди прилагательных, выражающих отрицательную эмоциональную оценку, Т. Веблен чаще всего использует такие, как *doubtful, dubious, distasteful* и *unworthy*, что во многом обусловлено

предметом его исследования. Т. Веблен изучает общественное мнение и мотивы экономического поведения людей: что и почему люди считают «сомнительным», «безвкусным» и «недостойным». Однако он использует и другие, еще более оценочные прилагательные, например, *awful*, *ridiculous*, *ghastly* и т.д.

Слово *distasteful* в произведении Т. Веблена встречается несколько раз, и каждый раз переводчик передает его значение по-разному, подбирая в качестве эквивалентов и аналогов не только прилагательные, но и глагольные конструкции, например, «вызывает неудовольствие», «непристойный».

Итак, наиболее ярко научно-публицистический подстиль речи в тексте Т. Веблена выражается в лексических аспектах текста: научных терминах и терминах-неологизмах, книжной и общенаучной (в первую очередь глагольной) лексике, фразовых глаголах, разговорных вставках и клише, а также эмоционально-оценочной лексике. Для передачи лексических аспектов текста переводчик использует самый разнообразный арсенал инструментов: подбор эквивалента (22,5%), подбор аналога (12,5%), замена части речи (2,5%), калькирование (7,5%), добавление (10%), контекстуальная замена (2,5%), компенсация (5%), антонимический перевод (5%), опущение (2,5%), генерализация (2,5%), функциональная замена (12,5%) и, наконец, дословный перевод (15%). Такое разнообразие способов перевода вызвано неоднородностью лексики научно-публицистического текста и необходимостью передать одновременно логическую информацию и эмоциональный контекст.

Среди грамматических аспектов текста Т. Веблена можно выделить неличные формы глагола, синтаксический параллелизм и сложные синтагматические структуры – **простые предложения на фоне сложных**. На фоне громоздких предложений с развернутой системой средств связи, т.е. на фоне конструкций, организованных в своеобразную цепочку сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, синтаксическая структура простого предложения воспринимается как стилистически контрастная. Подобные предложения резко выделяются своей сравнительно небольшой длиной, отсутствием не только средств подчинения и сочинения, но и вводных слов, оборотов, причастных конструкций. Для таких предложений типично отсутствие какого-либо повтора (лексического или синтаксического).

В научной прозе использование предложений с простым синтаксическим рисунком подчинено определенным коммуникативным задачам. Неожиданность синтаксической структуры про-

стого предложения на общем фоне осложненного синтаксиса научной прозы служит не целям нарушения установленных норм, а выделению тех частей высказывания, которые нуждаются в дополнительной акцентуации. Суммирование изложенной выше мысли является одной из наиболее заметных функций простого предложения в научном тексте XX века. В краткой форме (не более четырех слов) такое предложение подводит итог целой цепочки рассуждений, мотивировок и доказательств. Афористическая краткость подчеркивает окончательность вывода, его бесспорный характер. Для переводчика подобный синтаксический комплекс не представляет трудности: сложные предложения передаются как сложные, а простое переводится дословно.

Личные местоимения первого лица в тексте используются редко, и только множественного числа (*we*, *us*, *our*). Как правило, они группируются в одном абзаце текста и обозначают не автора и не адресата, а обобщенный социум. Автор рассуждает о предпочтениях и склонностях человеческого общества в целом, относя к нему и самого себя, и читателя. Переводчик передает эти местоимения дословно.

Единственный случай употребления местоимения первого лица единственного числа (*I*) встречается в тексте в конструкции *I apprehend*, что в переводе означает выражение опасения. Это также свойственно именно научному стилю: автор говорит о себе не там, где озвучивает свою точку зрения, а там, где в чем-то не уверен.

Рассмотрим, как переводчик справляется с передачей **синтаксического параллелизма**: «*Ordinarily his motive is a wish to conform to established usage, to avoid unfavorable notice and comment, to live up to the accepted canons of decency in the kind, amount, and grade of goods consumed, as well as in the decorous employment of his time and effort*» [1, с. 48]. — «Обыкновенно его мотив – это желание действовать сообразно с установленной практикой, стремление избежать неблагоприятного внимания и толков и жить на уровне общепринятых канонов благопристойности как по виду, количеству и сорту потребляемых товаров, так и по пристойному употреблению своего времени и сил» [3, с. 143]. Заметим, что переводчик нарушает параллелизм, добавляя существительное «стремление». В результате в тексте перевода предложение становится менее выразительным, нежели в тексте оригинала, и звучит по-научному сухо.

Можно заключить, что грамматические особенности текста, такие как вопросно-ответный комплекс, простые предложения на фоне сложных, страдательный залог, личные местоимения и

синтаксический параллелизм вызвали у переводчика наименьшее число сложностей и были переведены максимально близко к тексту. Для их передачи использовались такие приемы перевода как функциональная замена (18%), добавление (9%), опущение (9%), перестановка (9%) и дословный перевод (55%), что зачастую приводило к снижению эмоционального воздействия, характерного для научно-публицистических текстов. Однако отметим, что склонность передавать грамматические аспекты текста дословно вызвана требованием грамматической унификации научно-публицистического текста: грамматические аспекты занимают подчиненное положение и служат главным образом для передачи информации.

Среди стилистических аспектов научно-публицистического текста Т. Веблена можно выделить нарастание (градацию), инверсию, антитезу, метафору и иронию. Рассмотрим пример, в котором присутствуют как **градация**, так и **антитеза**: «*Those employments which are to be classed as exploit are worthy, honourable, noble; other employments, which do not contain this element of exploit, and especially those which imply subservience or submission, are unworthy, debasing, ignoble*» [1, с. 7]. — «*Те виды занятий, которые следует относить к разряду доблестной деятельности, — достойные, благородные занятия, другие виды занятий, не содержащие элемента доблести, и особенно те из них, которые предполагают услужение или подчинение, — недостойные, неблагородные*» [3, с. 67]. В этом предложении мы наблюдаем две группы однородных эпитетов, в каждой из которых три прилагательных, синонимичных друг другу внутри группы и антонимичных противоположной группе. Переводчик прибегает к приему опущения и нивелирует одно из них, оставляя в каждой группе только два прилагательных. Таким образом, он изменяет эффект, который это предложение производит на читателя в подлиннике. Антитеза сохраняется, однако градация переведена не полностью. Если бы переводчик подобрал третий синоним и антоним, например, «*почетные*» и «*презираемые*» соответственно, получилось бы сохранить стилистическую структуру в том виде, в котором она была задумана автором.

Рассмотрим также пример перевода **метафоры**: «*Their word painters are unable to descend to anything cheaper than gold; so that in this case the insistence on pecuniary beauty gives a startling effect in yellow, — such as would be unbearable to a soberer taste*» [1, с. 52]. — «*Там художники слова не в состоянии снизойти до чего-нибудь более дешевого, чем золото, так что в этом случае настоятельное требование денежной красоты дает потря-*

сающий цветовой эффект желтого, эффект, который был бы невыносим для более взыскательного вкуса» [3, с. 151]. Торстейн Веблен редко использует метафоры, и данный пример демонстрирует лаконичность и уместность этого приема, который переводчик передает дословно.

Приведем пример создания переводчиком стилистического эффекта **инверсии**: «*Deviations from the code of decorum have become intrinsically odious to all men, and good breeding is, in everyday apprehension, not simply an adventitious mark of human excellence, but an integral feature of the worthy human soul*» [1, с. 20]. — «*К отклонениям от кодекса внешних приличий все стали относиться с характерной неприязнью, а хорошее воспитание является в повседневном представлении не просто случайным признаком превосходства, а неотъемлемым свойством благорпристойной души человеческой*» [3, с. 93]. В тексте оригинала инверсии не происходит, однако переводчик создает ее, отчасти потому, что русское слово «душа» вне иронического контекста звучит слишком серьезно и связано с духовностью, поэтому переводчик создает этот эффект, который могут распознать только русскоязычные читатели. Представим, как звучал бы дословный перевод: «*является неотъемлемым свойством благорпристойной человеческой души*».

Стилистические аспекты перевода исследуемого произведения представлены наименьшим количеством примеров. Присутствуют метафора, инверсия, градация, ирония и антитеза. Для их передачи переводчик использует такие способы перевода, как подбор аналога (17%), опущение (17%), перестановка (17%), функциональная замена (17%), лексический повтор (17%) и дословный перевод (17%), чтобы приблизить научно-публицистический текст к сугубо научному стилю речи. С другой стороны, в некоторых случаях переводчик самостоятельно создает стилистические эффекты, которых не было в тексте оригинала, но которые вписываются в его контекст. Это происходит из-за необходимости учитывать разницу между русскоязычным и англоязычным культурными кодами: например, в некоторых случаях переводчик не в состоянии передать игру слов или иронию английского текста, и компенсирует это созданием в других участках текста таких стилистических эффектов, которые более понятны русскоязычному читателю.

Таким образом, опираясь на современную теорию и практику перевода, мы проанализировали лексические, грамматические и стилистические особенности перевода научно-публицистического текста. Мы сделали вывод о том, исследуемое произведение Торстейна Веблена обладает ярко

выраженной спецификой текстов научно-публицистического стиля благодаря использованию устоявшихся исторических и социологических терминов и литературно-книжных выражений в сочетании с авторскими неологизмами. С.Г. Сорокина выдерживает тонкий баланс между книжным и разговорным стилями речи, между сдержанностью и оценочностью высказываний. Однако при переводе стилистических аспектов научно-публицистического текста переводчиком использовались переводческие стратегии, снижающие степень эмоционального воздействия.

Литература

1. Веблен Торстейн. Теория праздного класса: перевод с английского / вступительная статья С.Г. Сорокиной. Москва: Прогресс, 1984. 367 с.

2. Семенова М.Ю. Основы перевода текста: учебник. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 343 с.

3. Veblen Thorstein, Tawney R.H., Keynes J.M. The theory of the leisure class // Great books of the Western World. Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1994. Vol. 57. P. 1 – 178.

References

1. Veblen Torstejn. Teoriya prazdnogo klassa: perevod s anglijskogo. vstupitel'naya stat'ya S.G. Sorokinoj. Moskva: Progress, 1984. 367 s.

2. Semenova M.Yu. Osnovy perevoda teksta: uchebnik. Rostov-na-Donu: Feniks, 2009. 343 s.

3. Veblen Thorstein, Tawney R.H., Keynes J.M. The theory of the leisure class. Great books of the Western World. Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1994. Vol. 57. P. 1 – 178.

LINGUISTIC ASPECTS OF TRANSLATION OF SCIENTIFIC-JOURNALISTIC TEXTS INTO RUSSIAN

*Mozzhegorova E.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Gromova E.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*

Abstract: the article studies the linguistic features of the translation of texts of scientific and journalistic style from English into Russian on the example of "The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions" by Thorstein Veblen. The analysis of lexical, grammatical and stylistic aspects of the translation of such texts is carried out. The relevance of the work is due to the peculiarity of the language material, as well as the continuous development of translation science. In the context of an increasing flow of information the translation of scientific and scientific-journalistic texts becomes crucial for scientific progress. As a result, the Theory and Practice of Translation as a science faces new challenges of improving translation of texts of the scientific style and its varieties. Scientific and journalistic text is a variety which is widely used not only by scientists but also by the expert community, whose task is to convey information to the general public. In order to solve this task the authors of scientific texts quite often resort to emotionally evaluative vocabulary. The purpose of the article is to highlight the main methods and translation strategies that contribute to the transfer of linguistic features of scientific and journalistic works. The method of comparative analysis was used to compare linguistic phenomena in the source text and the translation text, the analytical method was used to describe and analyze the research material, the method of contextual analysis was used to determine the context in which certain features of the scientific-journalistic text were implemented. The results obtained can be further used in teaching Theory and Practice of Translation.

Keywords: scientific text, scientific and journalistic style, linguistic aspects, translation method, translation strategy, Thorstein Veblen

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ МИГРАНТОВ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РФ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОФОНОВ И ИХ ИНТЕГРАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО

*Клобукова Л.П., доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии образования,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Молчанова Н.С., кандидат филологических наук, доцент,
Головина Л.С., кандидат филологических наук,
Псковский государственный университет*

Аннотация: в статье впервые с социолингвистических и лингводидактических позиций описан процесс коммуникации трудовых мигрантов с представителями органов государственной власти Российской Федерации. Детально проанализирована речевая ситуация административно-правовой сферы общения, связанная с подачей иностранным гражданином документов на получение патента – разрешительного документа, позволяющего мигранту осуществлять трудовую деятельность на территории РФ. Авторами были изучены факторы, обуславливающие данный вид официально-деловой коммуникации, от эффективности которой во многом зависит как социальная адаптация инофонов, так и их последующая интеграция в принимающее сообщество.

Были рассмотрены особенности устной и письменной форм общения в указанной ситуации и выявлены специфические черты данного вида коммуникации, речевые стратегии и тактики его участников. Проведенный многоаспектный анализ абсолютно аутентичных устных и письменных текстов монологического и диалогического характера позволил определить как факторы, положительно влияющие на успешность речевого взаимодействия инофона с сотрудниками Управления по вопросам миграции, так и причины, которые препятствуют эффективной коммуникации в ситуации посещения мигрантом органов государственной власти РФ. Практическая значимость работы обусловлена обращением авторов к актуальному текстовому материалу, отражающему реальную коммуникацию мигранта с сотрудниками Управления по вопросам миграции, а также сформулированными в статье рекомендациями, которые позволят устранить факторы, негативно влияющие на речевое общение коммуникантов в данной ситуации.

Ключевые слова: социальная адаптация мигрантов, межкультурная деловая коммуникация, социокоммуникативная роль, речевая стратегия, речевой прием, устная форма коммуникации, письменная форма коммуникации

Одним из важных показателей социальной адаптации мигрантов в принимающем сообществе является их способность выстраивать эффективную коммуникацию с представителями органов государственной власти Российской Федерации. Так, в соответствии с российским законодательством иностранные граждане уже в первые дни своего пребывания в РФ должны выступить в социокоммуникативной роли посетителя государственного учреждения [2]. Вместе с тем для мигранта данный вид коммуникации объективно связан с определёнными рисками в виде социальных, психологических и языковых барьеров, которые оказывают негативное влияние на весь процесс предстоящего речевого взаимодействия [4, 5, 8].

Нами был собран и детально изучен богатый материал, позволяющий описать содержание и структуру беседы иностранного гражданина с сотрудником Управления по вопросам миграции при подаче инофоном документов на получение патента – разрешительного документа для осуществления трудовой деятельности на территории РФ. При этом в ходе предварительного сбора материала исследования использовался метод наблюдения за продуктивной речевой деятельностью инофона в указанной ситуации официально-делового об-

щения. Анализ большого количества диалогов, письменных текстов, предлагаемых инофону для ознакомления, а также официальных документов, сопровождающих этот процесс, позволил выявить специфические черты данного вида коммуникации, речевые стратегии и тактики его участников.

Проведенное исследование, в частности, показало, что в устной форме коммуникации активность мигранта весьма минимизирована. Такая важная составляющая диалога, как инициация, со стороны мигранта практически сведена к нулю, а преобладающим видом его речевой деятельности в ходе коммуникативного акта является аудирование. Во всех проанализированных нами диалогических единствах тон, темп и программу общения задает сотрудник миграционной службы. Речевое взаимодействие осуществляется по единой схеме: приветствие, изучение документов, уточняющие вопросы относительно въезда / выезда мигранта в РФ / из РФ и наличия у него всех необходимых документов, а также информирование мигранта об оплате налога и сроках получения разрешения на работу или патента. При этом государственный служащий осознанно выстраивают весь процесс взаимодействия с иностранным гражданином с учетом рецептивных возможностей своего партне-

ра по коммуникации. В качестве типичных речевых приемов, которые использует сотрудник Управления по вопросам миграции, можно выделить следующие: формирование установки на восприятие важной информации, осуществление контроля за процессом восприятия информации, ис-

пользование вопросительно-утвердительных конструкций, облегчающих ответную реакцию со стороны инофона, активация внимания собеседника с помощью использования языковых единиц в переносном значении, поиск оптимального способа выражения информации (табл. 1).

Таблица 1

Речевой прием	Примеры аутентичных реплик сотрудников управления по вопросам миграции
Установка на восприятие важной информации	<p>– Так, ну всё, готовы меня послушать, да?</p> <p>– Так, сейчас я буду говорить. Слушайте!</p> <p>– Сейчас мы с Вами побеседуем. Так, смотрите, слушаем меня внимательно. Я буду объяснять. Вы слышите меня? Понимаете меня?</p> <p>– Так, пригласите своих товарищей, они сейчас тоже будут подавать документы. Подойдите сейчас все, пожалуйста, сюда. Вас двое, да? По-русски понимаем? Я буду говорить.</p>
Контроль за процессом восприятия информации	<p>– Понятно?</p> <p>– Вам понятно?</p> <p>– Вы меня понимаете?</p>
Установление оптимального коммуникативного контакта с инофоном с помощью использования грамматических форм в переносном значении, обладающих ярко выраженными «доброжелательными» фатическими коннотациями. Таковы, в частности, конструкции с глагольными формами 1-го л. мн. ч., которые могут обозначать действие не говорящего, а адресата речи, при этом «действие представляется так, будто говорящий к нему причастен» [9].	<p>– Здравствуйте! Впервые въезжаем в Российскую Федерацию?</p> <p>– Ваши документы, Сардур, я приняла. Вот Вам, держите. Это не теряем. Всё, теперь отходим от окошка.</p> <p>– Примерно год мы будем работать, правильно?</p>
Поиск оптимального способа выражения информации	<p>– Фамилия, имя, отчество – не изменяли? На меня смотрим (проверяется достоверность фотографии мигранта). Изменяли фамилию, имя отчество? Смотрите на меня. Да или нет? Изменяли? У вас была другая фамилия? Нет. Значит, надо говорить: «Я не изменял фамилию». Вы же понимаете меня? Понимаете. Хорошо.</p>
Использование вопросительно-утвердительных конструкций, облегчающих ответную реакцию со стороны инофона	<p>– Здравствуйте. Въезжаем впервые по паспорту. Правильно?</p> <p>– Да</p> <p>– То есть отметок о въезде в Российскую Федерацию у нас в паспорте нет?</p> <p>– Нет.</p> <p>– Хорошо. Подсобным рабочим работаем? Так?</p> <p>– Да.</p> <p>– Так, все хорошо, все нормально. Фамилию не изменяли, нет?</p> <p>– Нет.</p>

Именно такая социальная ориентированность в ходе устного официально-делового общения создает необходимый уровень межкультурной деловой коммуникации и способствует достижению эффективного сотрудничества, что, безусловно, положительно влияет на процесс социальной адаптации иностранных граждан уже в первые дни их пребывания в России.

Рассмотрим теперь, как в данной речевой ситуации задействованы письменные формы коммуни-

кации. Нами были проанализированы следующие текстовые документы, представленные на информационных стендах Управления по вопросам миграции: график приема документов, квитанция на оплату госпошлины, заявление об оформлении патента, памятка для получения патента иностранным гражданином, а также памятка о подтверждении владения им русским языком.

Отметим, что первые три из перечисленных документов достаточно лаконичны с точки зрения

объема используемой в них лексики, поскольку значительная часть информации в них передается с помощью цифр; кроме того, на стенде представлены образцы заполнения и квитанции, и заявления. Всё это в своей совокупности значительно облегчает работу мигрантов с данными текстами, адекватное восприятие которых не представляет для них особой трудности.

Что же касается работы инофонов с названными выше памятками, то здесь ситуация складывается иначе. Необходимость понимания требований иностранного государства к пребыванию в нем мигрантов является ключевым моментом в процессе адаптации инофонов в новой социокультурной среде. Это естественно, поскольку, только осознавая легальность жизни и труда в новой стране, инофон чувствует свою правовую и социальную защищенность. Именно эту четкую, маркированную по отдельным смысловым единицам информацию и призваны дать памятки, однако используемый при их создании официально-деловой стиль создаёт объективные трудности для восприятия содержания данных документов мигрантами.

В условиях личного общения с сотрудником Управления, как было показано выше, роль «декодировщика» выполняет сам представитель власти, фактически «переводящий» текст различных документов с официального на более понятный мигранту бытовой язык. С памятками дело обстоит сложнее: очевидно, что письменная коммуникация мигрантов с представителями органов государственной власти почти всегда вынужденно бывает опосредована переводом. Пр продемонструруем непреодолимую порой сложность для инофона данного вида общения, приведя в качестве примера один абзац (на наш взгляд, центральный для мигранта с точки зрения информативности воспринимаемого им текста) из памятки для получения патента иностранным гражданином.

Итак, для получения разрешения на работу требуется:

2. *Документ, удостоверяющий личность данного иностранного гражданина и признаваемый Российской Федерацией в этом качестве.*

Данный пункт свидетельствует о необходимости для мигранта предоставить при подаче заявления на патент оригинал паспорта; при этом нельзя не отметить, что с учетом объема Лексического минимума Элементарного уровня владения русским языком как иностранным (далее – РКИ) [6], который является необходимым и достаточным условием ведения иностранным гражданином трудовой деятельности на территории РФ, в данном предложении содержатся только два знакомых мигранту слова – *документ* и *иностранный* (т.е.

18% от всей употребленной лексики). Кроме того, структура предложения осложнена пространным причастным оборотом (включающим действительное и страдательное причастия с рядом зависимых от них слов), восприятие формы и смысла которого инофоном относится, согласно нормативно-методическим документам российской государственной системы тестирования по РКИ, к Первому сертификационному уровню владения языком [7, 10].

В целом анализ рассматриваемой памятки позволяет констатировать следующее: из 126 слов (без учета повторений) только 15 (12% от общего числа) содержатся в Лексическом минимуме по русскому языку как иностранному для Элементарного уровня владения РКИ. При этом в тексте встречаются термины (*заявитель*) и узкоспециальная медицинская лексика (*ВИЧ-инфекция, иммунодефицит, психотропный*); преобладают сложные предложения, дополнительно осложненные причастными и деепричастными оборотами (например, пункты 3 и 4 – это два предложения, включающие 55 и 66 слов соответственно); используются пассивные конструкции (*документ, выданный лицу, организация создана*). Абсолютно очевидно, что даже механическое прочтение подобного текста представляет для иностранца непостоянную задачу.

Подчеркнем, что все языковые особенности анализируемой памятки полностью соответствуют официально-деловому стилю, используемому при разработке текстов документации государственных органов. В данном случае памятка является нормативным изданием, содержащим самые важные сведения, которыми должен руководствоваться мигрант, осуществляя деятельность по подготовке к получению патента. Но, к сожалению, содержание этого значимого документа остается по объективным причинам, указанным выше, фактически «закрытым» для иностранца без использования переводчиков – конкретных лиц или компьютерных программ.

Таким образом, получается, что в плане письменной коммуникации, наиболее сложными для трудовых мигрантов оказываются документы, связанные с таким видом речевой деятельности, как чтение: бланки и заявления, требующие письма, обычно сопровождаются образцами заполнения, в то время как большие по объему и сложные по структуре памятки, предлагаемые иностранным клиентам для чтения, остаются без какого-либо (устного или письменного) комментирования и толкования со стороны сотрудников Управления. Между тем именно информация памяток, призванных сориентировать иностранца в последовательности его собственных действий по оформле-

нию легитимного пребывания и труда на территории РФ, наиболее актуальна и значима для него. Возможно, одним из вариантов помощи трудовым мигрантам в преодолении данной трудности без посредников могла бы выступить другая памятка, составленная как **дополнительный** справочный документ без использования сложных лексико-грамматических структур, характерных для официального стиля.

В этой связи отметим, что во многих развитых странах современные мигранты, как отмечается в работе Шустовой С. В и др. [11], зачастую не демонстрируют желания принимать ценности титульной нации, что приводит к существованию «параллельных» сообществ. Поэтому от официальных органов власти принимающей стороны требуется организовать движение навстречу, которое даст возможность полноценной социокультурной адаптации инофонов, что является залогом их комфортного пребывания в стране и уважительного отношения к принимающему социуму.

Подведем итоги. Наблюдение за работой российских сотрудников Управления по вопросам миграции позволяет говорить об их лояльности и активном желании помочь иностранцам в преодолении языкового и социального барьеров. Как отмечалось выше, в процессе устной коммуникации, где доминирующим для мигранта оказывается процесс аудирования, представители власти профессионально дают собеседнику установки на восприятие наиболее важной информации, контролируют процесс ее понимания мигрантом, находя оптимальные способы выражения важных для него смыслов. Что же касается письменной коммуникации, то наибольшую сложность для иностранца в ситуации посещения Управления по вопросам миграции представляет чтение. Сформулированные в рамках официально-делового стиля памятки остаются для иностранных работников, владеющих русским языком на Элементарном уровне, «закрытыми», хотя именно данные тексты обладают для них наибольшей важностью и информативностью. Все это позволяет сделать вывод о том, что государственным органам власти необходимо организовать работу (с привлечением филологов - специалистов в области преподавания РКИ) по редактированию рассмотренных в статье документов с целью их адекватного упрощения, сокращения объема (например, за счет использования инфографики), т.е. адаптации к уровню владения РКИ трудовыми мигрантами.

Литература

1. Абдрахманов Д.М., Шакиров И.А., Демичев И.В., Нугуманов М. Интеграция инокультурных мигрантов в современное российское общество // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 2 (14). С. 170 – 174.
2. Аверин А.Н. Коммуникация с внешними трудовыми мигрантами на российском рынке труда [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-s-vneshnimi-trudovymi-migrantami-na-rossiyskom-rynke-truda> (дата обращения: 13.10.2021)
3. Зубарева Е.О. Концепт «МИГРАНТ» в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. № 4 (4). С. 29 – 41.
4. Клобукова Л.П., Молчанова Н.С., Головина Л.С. Отражение официально-деловой сферы общения в Лексическом минимуме к Комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации (уровень «Иностраный работник») // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1 (36). С. 57 – 65.
5. Краснощеченко И.П., Ковдюк Д.П. Социально-психологическая адаптация студентов-мигрантов и трудовых мигрантов // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 8-5 (39). С. 38 – 41.
6. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение/ Под. ред. Н.П. Андрюшиной, Т.В. Козловой 6-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Златоуст, 2020. 80 с.
7. Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. М.: РУДН, 2010. 181 с.
8. Малюга Е.Н. Лингвокогнитивные аспекты межкультурной деловой коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Лингвистика». 2008. № 2. С. 31 – 37.
9. Русская грамматика: научные труды / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. Т. 1. 784 с.

10. Требования к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль. СПб: Златоуст, 2015. 61 с.

11. Шустова С.В., Зубарева Е.О., Хорошева Н.В. и др. «Дети-мигранты» как социальные агенты миграционного дискурса // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика [Электронный ресурс]: монография / научн. ред.: д-р филол. наук, профессор О.А. Радченко; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Электронные данные. Пермь, 2020. С. 6. 156 с. Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/migracionnaya-lingvistika-v-sovremennoj-nauchnoj-paradigme.pdf> (дата обращения: 20.11.2021)

References

1. Abdrahmanov D.M., SHakirov I.A., Demichev I.V., Nugumanov M. Integraciya inokul'turnykh migrantov v sovremennoe rossijskoe obshchestvo. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Pskhologiya. Sociologiya. 2013. Vyp. 2 (14). S. 170 – 174.
2. Averin A.N. Kommunikaciya s vneshnimi trudovymi migrantami na rossijskom rynke truda [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-s-vneshnimi-trudovymi-migrantami-na-rossijskom-rynke-truda> (data obrashcheniya: 13.10.2021)
3. Zubareva E.O. Konzept «MIGRANT» v migracionnom diskurse (na materiale svobodnogo associativnogo eksperimenta). Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki. 2018. № 4 (4). S. 29 – 41.
4. Klobukova L.P., Molchanova N.S., Golovina L.S. Otrazhenie oficial'no-delovoj sfery obshcheniya v Leksicheskom minimume k Kompleksnomu ekzameni po russkomu yazyku kak inostrannomu, istorii Rossii i osnovam zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii (uroven' «Inostrannyj rabotnik»). Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2020. № 1 (36). S. 57 – 65.
5. Krasnoshchechenko I.P., Kovdyuk D.P. Social'no-psihologicheskaya adaptaciya studentov-migrantov i trudovykh migrantov. Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2015. № 8-5 (39). S. 38 – 41.
6. Leksicheskij minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. Elementarnyj uroven'. Obshchee vladenie/ Pod. red. N.P. Andryushinoj, T.V. Kozlovoj 6-e izd., ispr. i dop. Sankt-Peterburg: Zlatoust, 2020. 80 s.
7. Lingvodidakticheskaya programma po russkomu yazyku kak inostrannomu. Elementarnyj uroven'. Bazovyj uroven'. Pervyj sertifikacionnyj uroven'. M.: RUDN, 2010. 181 s.
8. Malyuga E.N. Lingvokognitivnye aspekty mezhkul'turnoj delovoj kommunikacii. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: «Lingvistika». 2008. № 2. S. 31 – 37.
9. Russkaya grammatika: nauchnye Trudy. Gl. red. N.Yu. SHvedova. M.: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2005. T. 1. 784 s.
10. Trebovaniya k Pervomu sertifikacionnomu urovnyu vladeniya russkim yazykom kak inostrannym. Obshchee vladenie. Professional'nyj modul'. SPb: Zlatoust, 2015. 61 s.
11. SHustova S.V., Zubareva E.O., Horosheva N.V. i dr. «Deti-migranty» kak social'nye agenty migracionnogo diskursa. Migracionnaya lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradihme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika [Elektronnyj resurs]: monografiya. nauchn. red.: d-r filol. nauk, professor O.A. Radchenko; Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet. Elektronnye dannye. Perm', 2020. S. 6. 156 s. Rezhim dostupa: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/migracionnaya-lingvistika-v-sovremennoj-nauchnoj-paradigme.pdf> (data obrashcheniya: 20.11.2021)

**THE EFFECTIVENESS OF MIGRANTS' COMMUNICATION WITH
REPRESENTATIVES OF STATE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION
AS A FACTOR OF SOCIAL ADAPTATION OF FOREIGN SPEAKERS
AND THEIR INTEGRATION INTO THE HOST COMMUNITY**

*Klobukova L.P., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education,
Lomonosov Moscow State University,
Molchanova N.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Golovina L.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Pskov State University*

Abstract: for the first time, the article describes the process of communication of migrant workers with representatives of state authorities of the Russian Federation from sociolinguistic and linguodidactic positions. The article analyzes in detail the speech situation of the administrative and legal sphere of communication related to the filing of documents by a foreign citizen for obtaining a patent – a permit document allowing a migrant to carry out labor activity in the territory of the Russian Federation. The authors studied the factors that determine this type of official business communication, the effectiveness of which largely depends on both the social adaptation of foreign speakers and their subsequent integration into the host community.

The features of oral and written forms of communication in this situation were considered and the specific features of this type of communication, speech strategies and tactics of its participants were identified. The conducted multidimensional analysis of absolutely authentic oral and written texts of a monological and dialogical nature allowed us to determine both the factors that positively affect the success of the speech interaction of a foreign speaker with the staff of the Migration Department, and the reasons that hinder effective communication in the situation of a migrant visiting the state authorities of the Russian Federation. The practical significance of the work is due to the authors' appeal to the actual text material reflecting the real communication of the migrant with the staff of the Migration Department, as well as the recommendations formulated in the article that will eliminate the factors that negatively affect the verbal communication of communicants in this situation.

Keywords: social adaptation of migrants; intercultural business communication; sociocommunicative role; speech strategy; speech reception; oral form of communication; written form of communication

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ В ЦЕНТРЕ И НА ПЕРИФЕРИИ ГОРОДА УФА

*Садуов Р.Т., кандидат филологических наук, доцент,
Университет Иннополис,
Тимербаева Е.И.,
Башкирский государственный университет*

*Исследование выполняется при поддержке гранта Президента РФ по теме
«Культурно-языковой ландшафт города в национальной республике» МК-1450.2020.6*

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию того, какую функцию выполняют иностранные языки в центре и на периферии города Уфа. Исследование основано на теории языкового ландшафта, современного направления, которое позволяет объективно оценивать функциональные особенности языков, используемых в регионе. В рамках данной работы иностранные языки исследуются согласно концентрической схеме – в центре, на периферии и в близлежащих городах города Уфа, столицы многонационального региона Башкортостан, где проживают более 100 национальностей, а государственными языками выступают русский и башкирский. В результате исследования выяснилось, что наиболее распространенным языком в городе является, ожидаемо, английский. Французский используется преимущественно в сфере услуг красоты, прочие языки – в зависимости от направленности предприятия (например, корейский язык на витринах магазина корейской косметики). Функционально иностранные языки отличаются от государственных. Русский язык является преобладающим и несет основную коммуникативную нагрузку, башкирский язык тоже может потенциально использоваться в коммуникативных целях, в то время как иностранные языки такой функции не несут. Зато они используются для создания престижа предприятия поднятия его статуса в глазах потребителя. Исследование может использоваться как отправная точка для лонгитюдных исследований изменений языкового ландшафта многонационального города Уфа.

Ключевые слова: языковой ландшафт, иностранные языки, многонациональный регион, Уфа, коммуникативная функция, центр и периферия

Введение

Современные перемены социокультурного характера влекут за собой изменения в языке, его использовании, функционировании и распространении. Как дискурсивное явление язык переплетается с категориями, носящими социальный, культурный и идеологический характер. По этой причине лингвисты и другие исследователи из сферы гуманитарного знания заинтересованы в социальных, метафизических категориях, что, вероятно, определяется стремлением расширить арсенал, необходимый для интерпретации языка и коммуникации. Как следствие, возникают новые направления, которые находятся на стыке с другими гуманитарными науками, такие как политическая лингвистика, когнитивная лингвистика или гендерная лингвистика. Все они стали следствием социально-дискурсивного переворота в гуманитарных областях знания.

В последнее время лингвисты и культурологи начинают более пристально наблюдать за понятием повседневности. Категория повседневности наиболее популярна в западных культурологических исследованиях; в России же она берёт своё начало в идеях Ю.М. Лотмана [1]. Повседневность в контексте социокультурной категории является основой одного из микронаправлений лингвистики – языка городской среды [3, с. 41-52]. Впервые изучать язык городской среды в России предста-

вилось возможным в начале девяностых годов минувшего столетия и на данный момент изучение только набирает свои обороты. Прослеживается нехватка долговременных исследований, которые, в свою очередь, позволят изучить и выявить изменения языка городской среды, наличие языков в динамике или в конкретном временном отрезке. Любое изменение в социальных связях, социальной структуре влечет за собой изменение традиционных систем повседневности, что и может проявиться в диахронических исследованиях языка городской среды.

Сюда же можно отнести и реализацию категории повседневности, и ее рассмотрение в одном из методов изучения языка города – в методе языкового ландшафта, под которым понимается «язык вывесок, рекламных щитов, плакатов» [6, с. 70-80]. Изучение языкового ландшафта в языке городской среды может предоставить нам некоторую практическую значимость – проанализировать степень присутствия разных языков в определенной городской местности. В связи с этим представлялся небезынтересным языковой ландшафт города Уфа и его периферии, в частности, на предмет представленности в нем иностранных языков.

Идея языкового ландшафта по сути своей бихевиористская [2]. Она основана на предположении, что неявные отношения между языками, на кото-

рых говорят в конкретном регионе, становятся явными, когда язык используется в повседневности: на рекламных щитах, уличной рекламе, вывесках магазинов, граффити и других общественных местах. Несмотря на известные ограничения бихевиористских подходов, учёт пространственного языкового устройства является одним из надежных и беспристрастных методов изучения ареального многоязычия.

Цель и процедура исследования

Актуальность данной работы может быть обусловлена тем, что она позволит получить более четкое представление о языковой ситуации в разных районах города Уфа и на его периферии. Место, в котором проживает более одной этнической группы и в котором говорят на более чем одном языке, становится для исследователя отправной точкой в мир лингвистического разнообразия материала о сложных языковых взаимоотношениях.

Цель исследования заключается в рассмотрении функциональных особенностей иностранных языков в коммерческих сообщениях в центре и на периферии города Уфа. Характер исследования предполагает сбор визуального материала с использованием полевых методов, таких как съемка фотографий и / или видеозаписей ландшафтов, а также традиционных методов исследования, включая, помимо прочего, интерпретацию и классификацию. Собранные изображения мы поделили на группы в соответствии с типом носителя информации (к примеру, рекламный щит или знак), языком, сопровождающими визуальными элементами и прочим. Дискурсивный подход рассматривается как всеобъемлющая структура, которая помогает учитывать временной и культурный контекст вербального сообщения.

Материал разделён на три обособленные группы: 13 центральных улиц города, 11 нецентральных или улиц городской периферии и 24 улицы трёх близлежащих населенных пунктов: Булгаково, Жуково и Максимовка. В частности, рассмотрены главные улицы населенных пунктов, наиболее посещаемые местными жителями и, следовательно, содержащие наибольшее количество словесных сообщений в визуальном пространстве. Материал собран в период с апреля по май 2020 года.

Отметим, что город является столицей Республики Башкортостан, которая, являясь достаточно крупным регионом, вместила в себя многие национальности. Отсюда мы можем говорить об ориентированности данной республики на многоязычие. В школах Республики Башкортостан, например, является возможным изучение русского языка как государственного и второго, родного языка, обязательным является также изучение английско-

го как иностранного языка. В периферийных районах чаще всего можно встретить комбинацию государственного языка – русского с родными языками на выбор: татарский, башкирский, чувашский. Иностранные языки, такие как английский, немецкий, французский, китайский и многие другие изучаются в основном в пассивном режиме.

Результаты

На ландшафте города Уфа ожидаемым было нахождение таких языков, как русский, башкирский / татарский, английский, а также китайский и незначительное количество примеров иных языков. Русский – государственный язык и язык, на котором говорит большая часть населения и который выполняет основную коммуникативную функцию. Использование башкирского/татарского языков означает использование языка коренных народов, который тоже в какой-то степени выполняет коммуникативную функцию. Вопрос состоит в том, выполняет ли английский или иной иностранный язык какую-либо коммуникативную функцию. Коммерческие вывески были выбраны в качестве материала исследования по той причине, что они чаще, чем другие элементы ландшафта, содержат иностранный язык.

Центральные улицы города

Баннеры, билборды, вывески на центральных улицах г. Уфа преимущественно на русском языке. Русский язык занимает первостепенную роль на языковом ландшафте города Уфа, так как является государственным языком и практически все население хорошо им владеет. Подавляющая часть населения разговаривает, читает и пишет на нём. Уровень владения при этом разный, но практически все могут прочесть надпись на русском языке, исключением могут послужить пожилые люди, проживающие на периферии города.

Второй по значимости язык на центральных улицах – башкирский. Госучреждения, госпредприятия и памятники исторического наследия оснащены надписями на обоих государственных языках (русский, башкирский). Большая часть коммерческих предприятий также дублирует свои наименования и часы работы на башкирском. Тем не менее, очевидно, что данная тенденция является результатом административного регулирования, согласно которому русскоязычный текст должен сопровождаться башкирским.

На этом фоне иностранные языки имеют второстепенное значение на ландшафте центра города. Случаи, когда текст исключительно на иностранном языке редки. Единственным исключением выступает жанр граффити. Дублирование текста на английском и русском тоже встречается нечасто. Чаще всего, английский (наиболее частотное ис-

пользуемый иностранный язык) используется в наименованиях коммерческих предприятий – по всей видимости, для привлечения внимания. Английское наименование, по всей видимости, выполняет функцию престижа – создает аллюзию на нечто новое, иностранное и необычное. В то же время, вся остальная информация (часы работы, временные объявления и прочее) указаны на русском или русском и башкирском. Из этого можно сделать вывод о том, что английский язык не выполняет коммуникативной функции, как это делают русский и в меньшей степени башкирский язык.

Выбор иностранного языка зависит от характера заведения. Например, сфера красоты чаще апеллирует к французскому, ресторан китайской кухни, соответственно, к китайскому.

Периферийные улицы города

Языковой ландшафт периферийных улиц города и поселений представлен двумя основными языками: русским и башкирским. В большинстве случаев преобладает русский язык, а использование башкирского языка, похоже, используется исключительно для соблюдения языковой политики. Отметим, тем не менее, что вдали от центра дублирование русскоязычных наименований на башкирский происходит реже.

Иностранные языки используются реже – в основном это английский и французский. Английский язык использовался в небольшом количестве случаев коммерческой рекламы для того, чтобы обратиться к аудитории и повысить статус бизнеса. В других случаях английский использовался как универсальный инструмент для добавления иностранности к названию бизнеса. Французский ограничен сферой услуг. Мы пришли к выводу, что местное население вряд ли почувствует необходимость использовать какой-либо другой язык, кроме русского. В целом использование иностранных языков на периферии Уфы не является постоянным, и местные предприятия полагаются на них без какой-либо конкретной стратегии или знаний. В отдельных случаях в наименованиях предприятий на иностранном языке присутствуют ошибки.

Близлежащие населенные пункты

В близлежащих населенных пунктах ситуация схожа с городской периферией. Русский язык преобладает над башкирским, и частные предприятия чаще, чем на периферии, не указывают башкирские варианты наименования предприятий. Иностранные языки используются в той же самой функции и не часто.

Выводы

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что основную коммуникативную функцию на уфимском ландшафте выпол-

няет русский язык. Второстепенная коммуникативная функция – у башкирского. Иностранные языки, как оказалось, не выполняют коммуникативную функцию, но повышают статус заведения.

Очевидно также, что языковая политика региона соблюдается неравномерно – в центре предприятия соблюдают политику в большей степени. Иностранные наименования также встречаются гораздо чаще.

Исследования языкового ландшафта позволяют отследить функцию того или иного языка объективно и независимо, поскольку ландшафт представляет собой выражение того, как местного население воспринимает различные языки и как их использует. Ландшафтные исследования похожи на топонимические. Последние обращаются к различным наименованиям на местности с целью проследить изменения ландшафта с течением времени (например, см. [4, 5]). В этой связи настоящее исследование обретет больший смысл, если будет иметь продолжение с течением времени.

Литература

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века]. СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
2. Садуов Р.Т. Мы слушаем город: о методах работы с городским нарративом // Культурно-языковой ландшафт: на перекрестке исследовательских парадигм: коллективная монография / ред. Р.Т. Садуов, А.Т. Садуова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 208 – 219.
3. Тубалова И.В. Специфика организации курсов повседневности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 4. С. 41 – 52.
4. Уразметова А.В. Урбанонимы как результат отражения культурно-языкового ландшафта // Культурно-языковой ландшафт: на перекрестке исследовательских парадигм: коллективная монография / ред. Р.Т. Садуов, А.Т. Садуова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 79 – 92.
5. Уразметова А.В., Яровая А.И. Семантические особенности ойконимических прозвищ // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72-5. С. 91 – 94.
6. Федорова Л.Л. Языковой ландшафт: город и толпа // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: «История, филология». 2014. Т. 13. № 6. С. 70 – 80.

References

1. Lotman Yu.M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka]. SPb.: Iskusstvo-SPB, 1994. 399 s.
2. Saduov R.T. My slushaem gorod: o metodah raboty s gorodskim narrativom. Kul'turno-yazykovoj landshaft: na perekrestke issledovatel'skih paradig: kollektivnaya monografiya. red. R.T. Saduov, A.T. Saduova. Ufa: RIC BashGU, 2021. S. 208 – 219.
3. Tubalova I.V. Specifika organizacii diskursov povsednevnosti. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2011. № 4. S. 41 – 52.
4. Urazmetova A.V. Urbanonimy kak rezul'tat ot-razheniya kul'turno-yazykovogo landshafta. Kul'tur-no-yazykovoj landshaft: na perekrestke issledovatel'skih paradig: kollektivnaya monografiya. red. R.T. Saduov, A.T. Saduova. Ufa: RIC BashGU, 2021. S. 79 – 92.
5. Urazmetova A.V., Yarovaya A.I. Semanticheskie osobennosti ojkonomicheskikh prozvishch. Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2021. № 72-5. S. 91 – 94.
6. Fedorova L.L. Yazykovoj landshaft: gorod i tolpa. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: «Istoriya, filologiya». 2014. T. 13. № 6. S. 70 – 80.

FOREIGN LANGUAGES IN COMMERCIAL ADVERTISING IN THE CENTER AND PERIPHERY OF UFA

*Saduov R.T., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Innopolis University,
Timerbaeva E.I.,
Bashkir State University*

Abstract: this article is devoted to the study of what function foreign languages perform in the center and periphery of the city of Ufa. The research is based on the theory of linguistic landscape, a modern trend, which allows us to objectively evaluate the functional features of the languages used in the region. In the frame of this work, foreign languages are studied according to a concentric scheme - in the center, on the periphery and in the nearby cities of Ufa, the capital of the multiethnic region of Bashkortostan, where more than 100 ethnicities live, with Russian and Bashkir as official languages. The research has revealed that English is expected to be the most widespread language in the city. French is predominantly used in the field of beauty services, while other languages are used depending on the focus of the enterprise (e.g., Korean on the windows of a Korean cosmetics store). Functionally, foreign languages are different from the state languages. The Russian language is predominant and bears the main communicative load, the Bashkir language can also potentially be used for communicative purposes, while foreign languages do not have such a function. But they are used to create the prestige of an enterprise, raising its status in the eyes of the consumer. The research can be used as a starting point for longitudinal research on the changes in the linguistic landscape of the multiethnic city of Ufa.

Keywords: linguistic landscape, foreign languages, multinational region, Ufa, communicative function, center and periphery

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЕНЕФАКТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТАТАРСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Хисамова В.Н., доктор филологических наук, профессор,

Халиуллина А.А.,

Магдеев Р.Р.,

Казанский федеральный университет

Аннотация: *цель исследования* – изучить способы передачи бенефактивных значений в татарском и японском языках и выявить типологические соответствия с точки зрения семантики и грамматического оформления бенефактивных конструкций. Также рассмотреть данные конструкции в лингвокультурологическом аспекте, с целью анализа случаев использования конструкций с бенефактивным значением в зависимости от отношений объекта и субъекта в иерархии.

В результате доказано, что наличие бенефактивных конструкций характерно как татарскому, так и японскому языкам. Морфологическое оформление данных конструкций является полностью идентичным в обоих языках. В результате анализа примеров из художественных произведений было выявлено, что в семантическом отношении имеются как сходства, так и различия.

Ключевые слова: татарский язык, японский язык, агглютинативные языки, сравнительно-сопоставительное языкознание, типологические сходства и различия, бенефактивные конструкции, фразы передачи и получения

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что несмотря на существующие типологические сходства татарского и японского языков, исследований, проведенных в данной области не много. Более того, в татарском языкознании фразы, обозначающие совершение действия в чьих – либо интересах не изучались как отдельная тема. Типологический анализ, проведенный в нашем исследовании может также способствовать более глубокому пониманию бенефактивных конструкций студентами, изучающими японский язык и владеющими татарским языком.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи:** во-первых, выявить наличие бенефактивных конструкций в анализируемых языках; во-вторых, изучить морфологическое выражение данных грамматических конструкций; в-третьих, проанализировать использование данных конструкций в художественной литературе и повседневной жизни.

Для выполнения данных задач, в статье применяется сопоставительный **метод исследования.**

Теоретической базой исследования послужили работы ученых-лингвистов в области татарского языкознания М.З. Закиева, В.Н. Хисамовой, Ф.М. Хисамовой, Д.Г. Тумашевой, а также японистов В.М. Алпатов, И.И. Басс, И.В. Головнина., Б.П. Лаврентьева.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты, выявленные в ходе исследования могут быть применены в педагогической деятельности, а также способствовать более глубокому пониманию изучаемых языков.

В японском языке для обозначения действий, совершенных в чьих-либо интересах, используются особые конструкции. Согласно Алпатову [1. с. 336], такие конструкции называются бенефактив-

ными. Бенефактивные конструкции в японском языке образуются при помощи деепричастной формы на *-тэ* и одного из вспомогательных глаголов, имеющего значение 'давать' или 'получать'.

Грамматикализованное использование глаголов со значением 'давать'/'получать' в японском языке определяется семантическими свойствами глаголов со значением 'давать'/'получать' в самостоятельном употреблении. Нужно отметить, что в японском языке глаголы 'давать' и 'получать' выражаются рядом лексических единиц в зависимости от ситуации использования. Так, например, глагол 'давать' в японском языке может звучать как *агэру*, *курэру*, *сасиагэру* и др. Также и глагол 'получать' имеет несколько способов выражения: *мору*, *итадаку*. Употребление того или иного глагола зависит от следующих факторов: с чьей точки зрения описывается ситуация – описывается ли она с точки зрения отдающего или получающего; как говорящий оценивает положение субъекта в социальной иерархии.

В татарском языке также существуют глаголы, выражающие значения 'давать' и 'получать': *алырга*, *бирергә*.

Рассмотрим примеры использования данных глаголов в предложении:

1) Мин аңа китап бирдем.

私は彼に本をあげた。Ватаси-ва карэ-ни хон-о агэта.

2) Ул миңа китап бирде.

彼が私に本をくれた。Карэ-га ватаси-ни хон-о курэта.

3) Мин аннан китап алдым.

私は彼に本をもらった。Ватаси-ва карэ-ни хон-о моратта.

Глаголу *бирергә* татарского языка в японском языке соответствуют глаголы *агэру* и *курэру* в за-

висимости от того, является ли объект отдающим или получающим. Глаголу *алырга* татарского языка соответствует глагол *мору* японского языка.

Как известно, японское общество иерархично, и в связи с тем, что культура накладывает отпечаток на язык, данный факт не мог не отразиться на языковом строе. Глагол со значением 'давать' в японском языке имеет следующие употребления: если говорящий дает нечто тому, кого не считает выше себя по общественному положению, используется глагол *агэру*; глагол *сасиагэру* употребляется в ситуации, когда говорящий дает нечто тому, чей социальный статус он оценивает выше своего; если адресатом действия является говорящий, а тот, кто дает нечто говорящему не воспринимается говорящим иерархически выше, используется глагол *курэру*; и, соответственно, если тот, кого говорящий считает выше себя в иерархии, дает нечто говорящему, употребляется глагол *кудасару*. Глагол со значением 'получать' можно перевести как *мору*, если говорящий получает нечто от кого-то, кого не считает выше себя в иерархии, и *итадаку*, если говорящий получает нечто от того, кого считает выше себя в иерархии [2. с. 159-168].

Как в татарском, так и в японском языках, для образования грамматических конструкций со значением передачи/получения не имеется собственно модифицирующих глаголов. В качестве функционально модифицирующих глаголов выступают рассмотренные нами выше полнозначные глаголы. В татарском языке данные конструкции морфологически выражаются при помощи деепричастия, оканчивающегося на *-ын/еп* с прибавлением модифицирующего глагола.

В японском языке данным конструкциям соответствует конструкция, состоящая из глагола в *-тэ* форме с прибавлением глагола, выражающего значение передачи/получения. Нужно сказать, что в отличие от татарского деепричастия на *-ын/еп*, *-тэ* форма глагола в японском языке не ограничивается лишь функциями деепричастия. В татарском языке деепричастие, оканчивающееся на *-ын/еп*, в сравнении с остальными его формами, достаточно многозначно. Основное значение – это синтаксический аналог другого глагола, сопоставленный с последним и выражающий действие, предшествующее или одновременное с действием второго глагола. Сопутствующими значениями формы на *-ын/еп* являются: 1) значение способа или образа действия; 2) значение причины действия; 3) значение цели действия; 4) уступительное значение [4. с. 223-228]. Выступая в качестве деепричастия, *-тэ* форма глагола может обладать следующими функциями в предложении: 1) обозначение действия, предшествующего другому действию; 2) обозначение сопоставляемых или

параллельных действий; 3) обозначение обстоятельства образа действия; 4) обозначение обстоятельства причины или основания [5. с. 102-107].

В татарском языке категория бенефактивных грамматических конструкций со вспомогательным глаголом не выделяется как отдельная. Однако, проанализировав ряд примеров из художественной литературы, мы пришли к выводу, что конструкции с бенефактивным значением существуют и в татарском языке. Грамматическая форма конструкции в татарском языке является полностью идентичной конструкциям с бенефактивным значением в японском языке. Для начала рассмотрим форму *-ын бирергэ* в татарском языке и ее эквиваленты в японском. В татарском языке данная форма состоит из деепричастной формы с прибавлением модифицирующего глагола со значением 'давать', в японском языке ей соответствует *-тэ* форма глагола, которая так же выполняет функцию деепричастия в японском языке, с прибавлением вспомогательного глагола *-агэру* или *-курэру* в зависимости от актанта и реципиента действия [1, с. 187].

Рассмотрим примеры использования бенефактивных конструкций с глаголом *бирергэ* в татарском языке:

1) Вәлиәхмәт, салып бир инде берәз гына. (Т. Миннуллин) 'Валиахмет, налей ему немного'. ヴァリア アフメット、彼に少し入れてあげて。Вариахумәтто, карэ-ни сукоси ирэтэ-агэтэ. (Перевод автора)

2) Матур икән. Мина да язып бирерсең. (Т. Миннуллин) 'А ведь красиво. Напишешь и мне'. とてもきれいです。私にも書いてくれ。Тотэмө кирэи-дэсу. Ватаси-ни-мо кайтэ-курэ (Перевод автора).

3) Шуннан алар калын тавышлы берәүнең килгәнән сөйләп бирәләр.. (Татарская народная сказка) 'После этого они рассказали о том, что приходил некто с низким голосом'. それから、彼らは声が低い人の来たことを話してあげる。Сорэ-кара, карэра-ва коэ-га хикуй хито-но кита кото-о ханаситэ-агэру. (Перевод автора).

4) Шуның өчен Аю Хатынга бер умарта бал китереп биргән, ди. (Татарская народная сказка) 'В благодарность Медведь принёс Женщине целый улей мёда'. それでくまが彼女にはちみつをいっぱい持ってきてあげたそうです。Сорэ-дэ кума-га канодзё-ни хатимицу-о иппай моттэкитэ-агэта-со:-дэсу. (Перевод автора)

5) Кыз аңа икмәген бүлеп биргән. Куян икмәк сыныгын тәмләп кенә ашап куйган да: «Яхшылыкка – яхшылык», – дип, аңа куян бүреге китереп биргән. (Татарская народная сказка) Девушка по-

делилась с ним (с зайцем) хлебом. 'Заяц, съев хлеб с большим аппетитом, сказал: «На доброту отвечают добротой», – и принёс девушке заячью шапку'. 彼女はウサギに自分のパンを分けてあげました。ウサギはパンを食べてしまって、「優しさに優しさで答える」と言っ
て、ウサギの帽子を持ってきてあげました。Канодзё-ва усаги-ни дзибун-но пан-о вакэтэ-агэмасита. Усаги-ва пан-о табэтэ-симаттэ, 「ясасиса-ни ясасиса-дэ котазу」 -то иттэ, усаги-но бо:си-о моттэкитэ-агэмасита (Перевод автора).

6) Яле, доктор, син – укыган кеше, аңлатып бир эле. (Т. Миннуллин) 'Доктор, ты – человек образованный, разъясни что к чему'. 先生、あなたはたくさん勉強した人です、説明してくれ。Сэнсэй, аната-ва такусан бэнкёсита хито-дэсу, сэцумэй ситэ-курэ. (Перевод автора)

7) Берэр кыз да табыш бирербез. (Т. Миннуллин) 'Мы (ему) и девушку найдём'. 彼女も探してあげるよ。Канодзё-мо сагаситэ-агэру-ё (Перевод автора).

В приведенных примерах при переводе с татарского языка на японский язык были использованы бенефактивные конструкции с глаголами -агэру и -курэру. Глагол -курэру был использован в случаях, когда адресатом действия был говорящий. Исходя из контекста, на наш взгляд, примеры 2) и 6) передают дружественные отношения между собесед-

никами, в связи с чем был использован глагол -курэру, а не -кудасару, который используется при выражении действия, совершаемого вышестоящим по отношению к говорящему.

Если в японском языке употребление того или иного глагола со значением давать/получать регламентировано правилом, то в татарском языке, на наш взгляд, говорящий употребляет или не употребляет конструкцию с бенефактивным значением на уровне интуиции. В связи с тем, что в татарском языке бенефактивной можно считать конструкцию со вспомогательным глаголом в значении 'давать', мы провели опрос среди людей, владеющих татарским языком. Опрос проводился с целью выявления использования бенефактивной формы -ып бирү в ситуации обращения к адресату, которого говорящий считает 1) не выше себя в иерархии (обращение к приятелю), 2) выше себя в иерархии (обращение к преподавателям). Опрашиваемым было дано два предложения для перевода с русского языка на татарский язык в ситуации 1) разговор с приятелем и в ситуации 2) выступление с докладом перед преподавателями:

1) Видимо, ты не знаешь, как прочитывать этот иероглиф. Давай я прочту его тебе.

2) Сейчас я прочту вам отрывок из произведения.

В опросе приняли участие 45 человек, для которых татарский язык является родным или изучаемым.

Рис. 1.

Как видно из результатов опроса, перевод глагола прочту меняется в зависимости от ситуации. Форма -ып бирү встречается чаще в ситуации, когда адресат не воспринимается говорящим как вышестоящее в иерархии лицо. Таким образом,

можно сделать вывод о том, что использование конструкции с глаголом – бирергэ в татарском языке в некоторых случаях действительно обусловлено коммуникативной ситуацией, когда говорящий воспринимает собеседника в позиции

равного по статусу. Употребление данной конструкции по отношению к вышестоящему может звучать надменно как в татарском, так и в японском языках.

Нужно подчеркнуть, что форма, в составе которой есть модифицирующий глагол со значением 'получать' также существует в татарском языке, однако, ее значение не полностью совпадает со значением той же формы в японском языке. Рассмотрим конструкцию с глаголом *-альрга* 'получать' или 'брать' в татарском языке. По форме образования данная конструкция является идентичной конструкции с глаголом *-бирергә* 'давать': основной глагол в деепричастной форме, оканчивающийся на *-ып* с добавлением модифицирующего глагола *-альрга* 'получать' или 'брать'. Согласно М.З. Закиеву, данная форма выражает:

1) совершение действия в очень короткий промежуток времени: Чү! Газраил канатларын селкеп алды. (Х. Такташ) Газраил встряхнул крыльями. *ガスライルが羽を震わせた*. Газурай:ру-га ханэ-о фурувасэга. (Перевод автора)

2) действие, происходящее в небольшой промежуток времени: Без бергэлэп киттек. Бергэ борчак жыйдык. Шаяра-шаяра сөйлэнеп, талашкалап алдык. (Г. Ибрагимов) Мы отправились вместе. Вместе собирали горох. Забавлялись и ругались в шутку. 私たちは一緒に出掛けました。一緒に枝豆狩りをしました。楽しんでしゃべったり、冗談気味に暴言を吐いたりしました。Ватаситати-ва иссэни дэкакэмасита. Иссэни эдамамэгаро-о симасита. Таносиндэ сьабэттари, дзэдангими-ни бо:гэн-о хаитарисимасита (Перевод автора).

3) завершение, результат действия: Бар биргәнәң тартып алдың да кимсеттең. (Х. Такташ) Ты отнял у меня, все, что дал и унизил меня. あなたがくれた物をすべて奪われ、いじめられたわ。Аната-га курэта моно-о субэтэ убаварэ, идзимирарэта-ва. (Перевод автора).

4) действие, происходящее в интересах субъекта: Кит эле, бир, үзем утыртам, – дип, мин курчакны Рэйсэдән тартып алдым. (А. Бикчентаева) “Подвинься! Дай мне самой ее усадить.”, – сказала я и отняла у Райсы куклу. 私はライサに「ちょっと私に人形を座らせて」と言い、人形を奪い取った。Ватаси-ва Раиса-ни 「тётто ватаси-ни нингё-о суварасэтэ」 – то ии, нингё-о убаитотта. (Перевод автора).

Как видно из примера 4), конструкция с глаголом 'ал' – брать или получать в татарском

языке так же, как и в японском языке, может выражать действие, происходящее в интересах субъекта, однако с отличающимся смысловым оттенком. В японском языке бенефактивная конструкция со вспомогательным глаголом *мору* несет смысловой оттенок благодарности бенефицианта за совершаемое в его интересах действие, тогда как в татарском языке конструкция с модифицирующим глаголом *альрга* подобного значения не выражает. Более того, разнятся и актанты – в японском языке актантом действия, совершаемого в интересах субъекта является собеседник, тогда как в татарском языке актантом является сам субъект, совершающий действие в собственных интересах.

Считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что бенефактивные конструкции со вспомогательными глаголами *мору* и *курэру* в японском языке могут выражать разные оттенки благодарности. И в том и в другом случае реципиентом является говорящий, однако в предложении, где употребляется грамматическая конструкция с глаголом в *-тэ* форме и вспомогательным глаголом *мору*, подлежащим является говорящий (реципиент), тогда как в предложениях, где употреблена конструкция с глаголом в *-тэ* форме и вспомогательным глаголом *-курэру*, подлежащим является актант. Рассмотрим следующие примеры с использованием бенефактивных конструкций *-тэ--мору* и *-тэ -курэру* в японском языке и проанализируем эквиваленты данных конструкций в татарском языке.

私は手をけがして料理が作れないので、主人に頼んで作ってもらった。Ватаси-ва тэ-о кэгаситэ рё:ри-га цукурэнай-но-дэ, сюдзин-ни танондэ цукуттэ-моратта. Мин кулымны авырттыру сэбэлле пешерэ алмадым, шуңа күрә иремнең пешерүен сорарым. һәм ул пешерде. (Перевод автора)

毎日忙しくしていたら、私は何も言っていないのに、主人が料理を作ってくれた。Майнити исогасику-ситэитара, ватаси-ва нани-мо иттэинай-но-ни, сюдзин-га рё:ри-о цукуттэ-курэта. Минем һәр көнне эшем күп, ләкин иремне сорамасам да, ул ашарга пешерде. Шуңа күрә мин аңа рэхмәтле. (Перевод автора)

Грамматические конструкции *-тэ -мору* и *-тэ -курэру*, являясь бенефактивными конструкциями, выражают значение совершения действия в чьих-либо интересах. В рассмотренных нами примерах действие совершается в интересах говорящего. В предложении с глаголом *мору* подлежащим является говорящий, тогда как в предложении с глаголом *курэру* подлежащим является актант. Что касается смыслового оттенка, передаваемого данными конструкциями, как замечают авторы учебного

пособия по грамматике японского языка *Рэбэру-аппу нихонго бумпо* [10. с. 124], в предложениях с грамматической конструкцией *-тэ -курэру*, с помощью данной конструкции можно выразить чувство благодарности за действие, совершенное в интересах говорящего, где актант не был попушен говорящим о совершении данного действия. Тогда как в предложениях с конструкцией *-тэ -морау* актант совершает действие в интересах говорящего по просьбе говорящего. В татарском языке, как нами было рассмотрено выше, нет прямых эквивалентов для данных конструкций, а значение совершения действия в интересах говорящего, передается лексически.

Таким образом, мы видим, что конструкции с глаголами в значении *давать* и *получать* существуют как в татарском, так и в японском языках. Нужно отметить, что и в татарском и в японском языках данные глаголы могут выступать как в качестве самостоятельных глаголов, так и в составе грамматических конструкций. Грамматические конструкции с использованием данных глаголов в татарском языкознании, относятся к группе модифицирующих глаголов, тогда как в японском языке они принадлежат к классу вспомогательных глаголов. Что касается грамматического образования форм с использованием данных глаголов, оно полностью совпадает в обоих языках: деепричастная форма с прибавлением глагола в значении *давать* или *получать*. Близки по смыслу в двух языках формы с глаголом '*давать*' *агэру* в японском языке и *бирергэ* в татарском языке. В обоих языках данные формы можно отнести к бенефактивным в связи с выражением данных форм значения действия, совершенного в интересах собеседника. Нужно отметить, что данные формы с меньшей вероятностью используются говорящим по отношению к вышестоящим как в татарском языке, так и в японском языке. Что касается семантики формы с модифицирующим глаголом *ал* '*брать/получать*' в татарском языке и вспомогательным глаголом *морау* '*получать*' в японском языке, мы сделали вывод, что данные формы в некотором смысле семантически совпадают, если используются в предложениях, где действия выполняются в интересах субъекта, однако есть и случаи, когда смысловые значения, выражаемые с помощью данной формы в татарском языке, не находя точных грамматических эквивалентов, передаются лексическими средствами.

Таким образом, рассмотрев грамматические конструкции с глаголами, выражающими значение передачи и получения в татарском и японском языках, мы пришли к следующим **выводам**, что

наиболее выраженными являются типологические сходства на морфологическом уровне. Также нами были выявлены некоторые сходства данных конструкций на семантическом уровне. Прямым эквивалентом конструкции *-ып бирергэ* в татарском языке стала конструкция *-тэ -агэру* в японском языке. Конструкция *-ып алырга* нашла лишь свое частичное отражение в конструкции *-тэ -морау*. Что касается рассмотрения данных конструкций с точки зрения культуры – в татарском языкознании тема уместности употребления определенных грамматических конструкций с точки зрения вежливости остается неизученной. Незучеными также остаются множественные сходства татарского и японского языков, в частности, на морфологическом уровне, что будет являться темой наших дальнейших исследований в данной области.

Литература

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. М., 2008. 447 с.
2. Басс И.И. Бенефактивные конструкции в японском языке // Вестник Российского университета дружбы народов Санкт-Петербург, 2014. С. 159 – 168.
3. Головин И.В. Грамматика современного японского языка. М.: Изд-во МГУ, 1986. 316 с.
4. Закиев М.З. Татарская грамматика: в 3-х т. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. Т. 2. 383 с.
5. Лаврентьев Б.П. Практическая грамматика японского языка. 3-е изд., испр. М.; Живой язык, 2002. 353 с.
6. Нихонго Кидзюцу Бумпо Кэнкюкай. Гэндай нихонго бумпо (Грамматика современного японского языка). Токио: Изд-во Куроисио сюппан, 2007. 321 с.
7. Тумашева Д.Г. Татарский глагол. Казань: Издательство Казанского университета, 1986. 189 с.
8. Хисамова В.Н. Глагольная система татарского и английского языков: сопоставительный анализ в аспекте изучения английского языка на базе родного (татарского) языка. Казань: Изд-во Казанского университета, 2015. 252 с.
9. Хисамова Ф.М. Татар теле морфологиясе: югары уку йортлары өчен д-лек. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 335 с.
10. Хэо М., Миядзаки К. Рэбэру-аппу нихонго бумпо (Грамматика японского языка). Токио: Изд-во Куроисио, 2013. 263 с.

References

1. Alpatov V.M., Arkad'ev P.M., Podlesskaya V.I. Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka. M., 2008. 447 s.
2. Bass I.I. Benefaktivnye konstrukcii v yaponskom yazyke. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov Sankt-Peterburg, 2014. S. 159 – 168.
3. Golovnin I.V. Grammatika sovremennogo yaponskogo yazyka. M.: Izd-vo MGU, 1986. 316 s.
4. Zakiev M.Z. Tatarskaya grammatika: v 3-h t. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993. T. 2. 383 s.
5. Lavrent'ev B.P. Prakticheskaya grammatika yaponskogo yazyka. 3-e izd., ispr. M.; ZHivoj yazyk, 2002. 353 s.
6. Nihongo Kidzyucu Bumpo Kenkyukaj. Gendaj nihongo bumpo (Grammatika sovremennogo yaponskogo yazyka). Tokio: Izd-vo Kurosio syuppan, 2007. 321 s.
7. Tumasheva D.G. Tatarskij glagol. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1986. 189 s.
8. Hisamova V.N. Glagol'naya sistema tatarskogo i anglijskogo yazykov: sopostavitel'nyj analiz v aspekte izucheniya anglijskogo yazyka na baze rodnogo (tatarskogo) yazyka. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2015. 252 s.
9. Hisamova F.M. Tatar tele morfologiyase: yugary uku jortlary ochen d-lek. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2015. 335 s.
10. Heo M., Miyadzaki K. Reberu-appu nihongo bumpo (Grammatika yaponskogo yazyka). Tokio: Izd-vo Kurosio, 2013. 263 s.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF BENEFICIAL CONSTRUCTIONS
IN THE TATAR AND JAPANESE LANGUAGES**

*Khisamova V.N., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Khaliullina A.A.,
Magdeev R.R.,
Kazan Federal University*

Abstract: *the purpose of the study* is to study the ways of transmitting beneficial meanings in the Tatar and Japanese languages and to identify typological correspondences in terms of semantics and grammatical design of beneficial constructions. Also we consider these constructions in the linguoculturological aspect, in order to analyze the cases of using constructions with a beneficial meaning depending on the relationship of the object and the subject in the hierarchy.

As a result, it is proved that the presence of beneficial constructions is characteristic of both Tatar and Japanese languages. The morphological design of these constructions is completely identical in both languages. As a result of the analysis of examples from works of art, it was revealed that there are both similarities and differences in semantic terms.

Keywords: the Tatar language, the Japanese language, agglutinative languages, comparative linguistics, typological similarities and differences, beneficial constructions, transmission and reception phrases

ОСНОВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДОГОВОРОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Ван Хайцзяо,
Иркутский государственный университет*

Аннотация: в статье представлен обзор основных типов лингвистических экспертиз, которые используют как юридический инструмент в судопроизводстве, а именно в делах, связанных с документальными спорами. Приведена краткая характеристика лингвистических параметров текстов используемых при экспертизе договоров. Очерчена теоретическая и методологическая основа лингвистической экспертизы по делам о документальных спорах. Это комплексное лингвистическое исследование, объектом анализа в котором являются лингвистические параметры договоров на русском языке, которые имеют юридические последствия.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, юридическая лингвистика, лингвистическая экспертиза, лингвистические параметры, перформативное высказывание, перформативность, теория речевых актов

В начале нового тысячелетия использование лингвистической экспертизы в судопроизводстве в большинстве стран заметно возросло. Российские юристы все чаще прибегают к услугам лингвистов. Среди разновидностей экспертиз с использованием лингвистических знаний самую длительную историю в России имеет автороведческая экспертиза, которая устанавливает, кто является автором текста и при каких обстоятельствах этот текстовый материал создан. Но потенциальный круг возможностей в применении лингвистических знаний при решении юридических задач несравненно шире [8].

Лингвистическая экспертиза – это специализированное лингвистическое исследование текста и других языковых материалов для выяснения юридически значимых вопросов. Слово, сказанное или написанное при определенных обстоятельствах, становится действием, которое предусматривает юридические последствия: объявление пары супругами, присяга, признание или непризнание вины, приговор, текст закона или сделки и тому подобное. Конфликтные ситуации также обычно «одеты» в речевой материал. Через потенциальную множественность интерпретаций сообщения факты речи могут получать ту или иную юридическую оценку. От способности аргументированно раскрыть смысл того или иного высказывания может зависеть решение суда. Поиск ответов на вопросы, возникающие во время следствия и судебного разбирательства, обычно требует специальных лингвистических знаний [1].

Объектами лингвистического экспертного исследования являются параметры устного или письменного текста как составляющая соответствующего дискурса, коммуникативная норма, которая выводится на основании действующих дискурсивных практик, ее варьирование и юридически релевантные отклонения от нее. Юридические нормы также фиксируются в соответствующих текстах, которые могут быть объектом лингвисти-

ческой экспертизы. Нарботка лингвоэкспертной практики подытоживает лингвистическая экспертология – одно из направлений прикладной лингвистики, задачей которого является выработка методологических принципов применения специальных лингвистических знаний в юридической сфере [2].

Научно-экспертная, методологическая и теоретическая работа лингвоэкспертологии сосредоточена в РФ на государственном предприятии АНО «Центр Лингвистических Экспертиз». Специалисты осуществляют экспертизу при рассмотрении уголовных, гражданских и административных дел, оскорблениях, клевете, экстремизме, разжигании религиозной и межнациональной розни.

Самый большой массив составляют экспертизы по спорным интерпретациям текстов, которые предполагают юридические последствия: нормативных актов, контрактов, договоров, деловых писем, завещаний, расписок и т.д. Следует подчеркнуть, что эксперт-лингвист не толкует юридическую норму, а устанавливает, какая из альтернативных интерпретаций спорного текста или его элементов имеет лингвистические основания [7]. Важной задачей при этом является аргументированное отклонение другой интерпретации. Такие экспертизы объединяются под названием «экспертизы по делам о документальных спорах». Вопросы, выносимые на рассмотрение эксперта, можно формулировать в виде лингвистических задач, иногда – с несколькими неизвестными. Задача экспертизы – предложить для каждой задачи однозначное лингвистическое решение.

Несмотря на отличный юридический статус документов, которые предусматривают юридические последствия (от законов и подзаконных актов, приказов и распоряжений, решений и постановлений судов личных документов: долговых обязательств, доверенностей, завещаний и т.п.), и, несмотря на все жанровые отличия, такие текстовые

материалы объединяет ряд характеристик, которые отличают их от других сфер – разговорного и художественного вещания, рекламных текстов, текстов средств массовой информации.

Задача экспертизы – предложить для каждой задачи однозначное лингвистическое решение. Приведем лишь несколько примеров таких задач.

– Или слово «договариваются», употребленное в одном из пунктов договора: «В случае невозможности разрешения спора путем переговоров. Стороны, руководствуясь Законом РФ «О третейских судах», договариваются о том, что спор рассматривается единолично третейским судьей...», указывает на то, что на момент подписания договора между сторонами уже есть договоренность о рассмотрении спора третейским судьей, или на то, что такая договоренность между сторонами должна быть достигнута, если между ними возникнет спор, который можно решить путем переговоров?

– Дает текст расписки «я, Петренко С.С.... взял в долг у Иваненко А.А.... 10 тысяч (десять тысяч) у.е.» лингвистические основания определить содержание словесного обозначения у.е. (ввиду того, что юридического определения это обозначение не имеет)?

– Какой день в соответствии с текстом расписки «я, Петренко С. С.... взял в долг у Иваненко А.А. 100 000 (сто тысяч) гривен к 20.10.2020» является последним днем возврата долга – 20.10.2020 или 19.10.2020?

Связаны ли определенные элементы текста нормативного акта (слова, изречения, композиционные части) по смыслу?

– Дает предоставленный для исследования текст лингвистические основания характеризовать его как текст документа определенной жанровой разновидности (расписки, договора, завещания; письма-уведомления о расторжении договора; письма-ответа, который содержит аргументированный отказ и т.п)?

– Содержит ли текст договора указание на определенное событие (например, на получение денег заемщиком) как на такое, что уже состоялось? Какие языковые средства указывают на это?

– Можно ли из текста договора установить те или иные юридически важные обстоятельства (время, с которого договор вступил в силу; время возврата займа; хронологическую последовательность упоминаемых в тексте событий; как соотносятся во времени события, описанные в текстах юридически связанных документов; дает возможность установить текст определенные юридически важные обстоятельства и прочее)?

Лингвистическое обоснование может потребовать терминологическое или нетерминологическое использование слова в определенном

контексте. Спорные интерпретации текстов возникают также из-за разницы в толкованиях смысловых и грамматических связей в тексте, служебных слов, аббревиатур, как, например, составленный союз и/или подобное слово, выражение и т.п., аббревиатура, употребление знаков препинания, сложных синтаксических конструкций и т.д.

Объектом экспертизы может стать текст перевода по сравнению с оригинальным текстом.

Пример. В английском тексте контракта употреблено выражение арбитражная коллегия; эксперт-юрист утверждает, что его значение тождественно значению выражения арбитражный суд. На этом основании сделан вывод, что арбитражная коллегия, так же как и арбитражный суд, может быть только коллегиальным, а не единоличным органом. Для решения спора на рассмотрение эксперта-лингвиста вынесен ряд вопросов: 1. Какое значение имеет английское слово коллегия в составе юридического термина arbitration panel? 2. Являются ли английские термины арбитражная коллегия и арбитражный суд тождественными по содержанию и могут ли эти термины употребляться как взаимозаменяемые в официально-деловом тексте или в переводе официально-делового текста? 3. Всегда ли слово panel в составе юридического термина арбитражная коллегия указывает на коллегиальный орган? Если нет, то в каких случаях оно указывает на орган, который является коллегиальным, а состоит из одного человека? Лингвистическая экспертиза дает аргументированный вывод, что в тексте исследуемого документа выражения арбитражная коллегия и арбитражный суд не могут употребляться как взаимозаменяемые в официально-деловом тексте, а слово panel в составе юридического термина arbitration panel указывает сугубо на коллегиальный орган.

Для лингвистической диагностики этих и других юридически релевантных параметров текста необходим анализ его содержательной структуры с применением широкого спектра приемов лингвопрагматики.

Лингвоэкспертная практика показывает, что авторы текстов договоров очень редко прибегают к прямым эксплицитным языковым средствам для реализации таких речевых актов. Помимо прямых средств выражения призыва и пропаганды существуют многочисленные речевые приемы их маскировки. Это, прежде всего, представления соответствующих речевых актов в виде содержательных импликаций, которые используются, с одной стороны, как элементы эффективного приема речевой манипуляции – скрытого речевого воздействия на сознание, а с другой стороны, связаны с попыткой избежать ответственности за нарушение закона. Лингвистическая диагностика коммуника-

тивного намерения призыва и пропаганды выстраивается на исходных презумпциях осмысленного конструирования текста и его адекватного восприятия и предполагает подтверждение или опровержение его целенаправленной организации – на достижение соответствующего коммуникативного эффекта. Теория лингвистических экспертиз постоянно совершенствует методы обнаружения манипулятивных стратегий для реализации тех или иных речевых актов в текстах, что позволяет эффективно диагностировать юридически важные факты, на всех смысловых уровнях рассматриваемого текста [6].

Теоретической основой лингвистической экспертизы, связанной с документальными спорами, является прагмалингвистический подход к анализу языковых явлений. В выводах специалистов, привлекаемых к юридическим дискуссиям, до сих пор господствуют традиционные, стереотипные представления о тексте как формальное сочетание определенных значительных компонентов. При этом абсолютизируются данные словарей и грамматик, выбор словарей должным образом не обосновывается, игнорируется феномен прагматического значения. Юристам в основном неизвестны возможности, которые открывает для экспертизы текста современный прагмалингвистический подход [4]. В прагматике текст рассматривают не как формальную сумму значительных компонентов, а как целенаправленное социальное действие. Те же действия, как и тот же текст, могут оцениваться и интерпретироваться по-разному. В зависимости от его интерпретации и тот же текст может предусматривать отличные юридические последствия или квалифицироваться как не имеющий юридических последствий. Такое содержание называют прагматичным, языковые возможности его реализации изучает прагмалингвистика. Прагматический смысл не всегда можно обосновать на основании лексикографических данных, ведь словари могут предложить лишь формальную сумму значений компонентов текста. Однако, поскольку элементы прагматического подтверждения или опровержения соответствия речевого элемента или одной из интерпретаций его содержания устоявшимся коммуникативным практикам является важной задачей лингвистической экспертизы. Надежным средством объективизации полученных результатов может стать привлечение к анализу корпусных данных.

Для решения прикладных задач лингвистической экспертизы прагмалингвистический подход с опорой на исходные экспертные презумпции является действенным инструментом в выстраивании лингвистической модели аргументации.

Пример. Объектом документального спора стало языковое оформление одного из обязательных реквизитов текста договора подписи одной из сторон. В исследуемом документе эта подпись была расположена после слова «ознакомлена», которое формуляром договора не предусмотрено. На экспертизу был вынесен вопрос: «есть ли основания утверждать, что надпись «ознакомлена + дата, подпись» в соответствующем месте договора равнозначна обязательной подписи стороны договора под этим документом?» Для ответа на поставленный вопрос необходимо выяснить и сравнить содержание двух элементов, которыми заканчивается текст договора: с одной стороны, «подпись стороны договора», с другой стороны, «слово ознакомлена + подпись стороны договора». Чтобы выяснить содержание указанных элементов, лингвистический анализ целесообразно перенести в прагмалингвистическую плоскость. При этом приобретает особую актуальность прагматика текста анализируемого юридического документа и устоявшиеся дискурсивные практики речевой фиксации его прагматического содержания.

Прагматика текстов, предполагающих юридические последствия, определяет их стержневой лингвистический признак – перформативность, то есть способность языковой единицы (слова, выражения, текста) не только указывать на определенные действия и явления, но и реализовывать соответствующие действия. Текст документа, который предусматривает юридические последствия, в категориях теории речевых актов, с которой выстраивается современная прагмалингвистика, мы рассматриваем как текст-перформатив [3].

Юридические тексты разных договоров, долговых обязательств, завещаний и др. реализуют различные типы юридических действий. Каждое из этих юридических действий условно может быть представлено в виде перформативного глагола или глагольной конструкции. Определенный инвариантный перформатив обобщает перформативное содержание всех текстов этого жанра. Например, обобщенным перформативным содержанием текста приказа является «приказываю...»; текст договора – «приобретаю права и беру на себя обязанности...»; текста долгового обязательства, расписки – «беру на себя обязанность...»; текста завещания – «завещаю» и др.

В некоторых текстах, предусматривающих юридические последствия, перформативные глаголы (или глагольные конструкции) заранее предусмотрены структурой такого текста и требованиями условного формуляра. В некоторых текстах, которые предполагают юридические последствия, средством выражения перформативного значения видо-временные формы глаголов,

как, например, в решениях и постановлениях: «коллегия судей Судебной палаты постановила», «Конституционный Суд РФ решил». В текстах договоров, которые также оформляются в соответствии с устоявшимся формуляром, соответствующие перформативные глаголы требованиями формуляра не предусмотрены. Однако обобщенное перформативное содержание договора «приобретаю указанные права и беру на себя указанные обязанности» остается общим для всех текстов договоров. Средствами лексической экспликации этого перформативного содержания в договорах являются, в частности, такие обязательные элементы структуры текста, как клише преамбульной части «заключили настоящий Договор о таковом» и заголовок обязательной части такого текста «права и обязанности сторон». Это дает возможность оставлять соответствующие глагольные перформативные конструкции «за кадром», переводить их в подтекст как общий для всех договоров перформативный содержательный компонент, который поддерживается всеми частями структуры текста и детализируется в этих частях.

Таким образом, текст договора как документа, предусматривающего юридические последствия, с лингвистической точки зрения характеризуется перформативным содержанием «приобретаю указанные права и беру на себя указанные обязанности». Обобщенный перформативный смысл «приобретаю указанные права и беру на себя указанные обязанности» является общим для всех текстов договоров, тогда как конкретное содержание прав и обязанностей сторон в каждом договоре отличается и поэтому в каждом тексте договора подробно детализируется.

В анализируемом тексте перед подписью одной из сторон зафиксировано перформативное слово «ознакомлена», которое условным формуляром договора не предусмотрено, не соответствует дискурсивным практикам и поэтому с лингвистической точки зрения является стилистически маркированным. Перформативное значение слова «ознакомлена» является нетождественным перформативному содержанию текста договора «приобретаю указанные права и беру на себя указанные обязанности». Наличие в тексте договора слова «ознакомлена» рядом с подписью одной из сторон полностью меняет прагматику текста, значение этого слова не поддерживает заложенное в тексте договора перформативное содержание «приобретаю указанные права и принимаю на себя указанные обязанности», а заменяет его другим: «ознакомлена с текстом».

Одним из обязательных реквизитов договора являются подписи сторон. Именно с момента подписания сторонами (если в договоре нет

дополнительного предостережения о времени его вступления в действие) договор вступает в силу. Это означает, что для каждой из договаривающихся сторон именно подписание договора является реализацией перформативного действия со значением «приобретаю указанные права и принимаю на себя указанные обязанности». Поэтому с лингвистической точки зрения именно подпись в соответствующем месте договора является тем текстовым элементом, который делает этот текст перформативным – реализует действие «приобретаю указанные права и беру на себя указанные обязанности» от имени стороны договора.

Текстовый элемент «подпись стороны договора «является средством реализации перформативного действия» приобретаю указанные права и беру на себя указанные обязанности». Это действие является обязательным имплицитным элементом всех договоров, и поэтому в тексте договора она лексически не эксплицируется. Зато текстовый элемент «ознакомлена + подпись» является лексическим средством экспликации отличного перформативного действия «с текстом ознакомлена», которая не соответствует перформативному содержанию договора. Содержание этого текстового элемента в анализируемом тексте выводится из лексического значения слова «ознакомлена» с учетом перформативности текста в целом. Это содержание не является равнозначным содержанию обязательного реквизита договора – подписи одной из сторон, который реализует перформативное действие с характерным для договоров содержанием «приобретаю указанные права и беру на себя указанные обязанности».

Большой количественный массив составляют экспертизы документальных записей собственных названий. Запись в документе собственного названия, прежде всего компонентов собственного имени или топонимов, выполняет функцию юридического идентификатора. При совершении ряда юридических процедур (установление родственных отношений, подтверждения имущественных прав, получения гражданства и другие) идентичность записей того самого договора в различных документах становится релевантным юридическим признаком, и даже минимальное орфографическое распределение этих записей имеет нежелательные юридические последствия. Для юридической идентификации документов как принадлежащих одному лицу или подтверждающих родственные связи, необходимо полное совпадение записей компонентов собственного имени и других собственных названий. При этом соответствие или несоответствие этих записей орфографиче-

ским и транслитационным стандартам не имеют принципиального значения.

Во многих случаях разногласия или несоответствия в документальных записях того же названия или разными языками иллюстрируют регулярные для практики документирования явления или типовые динамические тенденции в развитии фонемных парадигм, обусловленные действием объективных лингвистических факторов или тех или иных социальных факторов. При воспроизведении кириллических имен собственных латиницей, несоответствия возникают в результате применения разных принципов межъязыкового преобразования или через смену транслейтерных стандартов (Евгений – Evgeniy – Evgenii – Eugenio, Елена – Elena – Helena, Андрей – Andrei – Andrii – Andrew и др.). По сравнению с европейскими языками, в именах, связанных с арабской, вьетнамской, китайской и другими национальными традициями, различия записей могут быть обусловлены особенностями структуры и компонентного состава собственного имени (особая последовательность элементов имени, использование в составе имени артиклей, инициальных обозначений и др.). Кириллические записи таких собственных названий часто делаются через посредство соответствующих записей на английском, французском и других европейских языках, что создает дополнительные предпосылки для орфографических распределений (Chaher – Shahir – Чахер – Шагир). В документальных записях имен и фамилий, связанных с еврейской культурной традицией, обнаруживается ряд других специфических особенностей. Вариативность документальных записей компонентов собственного имени затрудняет юридическую идентификацию этих документов как принадлежащих тому же лицу.

Несмотря на то, что такие экспертизы имеют четко очерченный и специфический объект анализа, они, по сути, являются одной из разновидностей экспертиз по делам о документальных спорах: задачей такого исследования является выявить возможность или невозможность установления определенных юридически важных фактов – принадлежности документов одному лицу или лицам, связанным родственными связями, – на основании текстов предоставленных для экспертизы документов.

Экспертизы, связанные с идентификацией документальных записей собственных названий, являются одной из разновидностей экспертиз по делам о документальных спорах. Задачей такой экспертизы является установить, позволяют ли тексты предоставленных документов, в частности записи собственных имен и топонимов, установить юридически важные факты принадлежности

документов одному лицу или лицам, связанным родственными связями [5]. Лингвистическая аргументация идентичности записей собственных названий в разных документах на одном или разных языках требует обоснования причины возникновения разногласий и подтверждения регулярно характера такой трансформации фонемы в практике документирования под действием объективных лингвистических и социолингвистических факторов. Дополнительными фактологическими опорами для заключения эксперта могут быть время и место выдачи документа и национальная принадлежность носителя имени. Во многих случаях задачей лингвистической экспертизы является не только установить идентичность записей собственного названия, но и определить нормативную форму записи на русском, английском или другом языке.

С каждым годом круг возможностей и задач лингвистической экспертизы расширяется. Этому способствуют разработка методов исследования приемов и средств скрытого речевого влияния, речевых манипуляций и проекция этих лингвистических знаний на юридическую концептуальную и теоретическую базу.

Вывод. Изучение лингвистических параметров договоров на русском языке, которые имеют юридические последствия, показало, что лингвистическая экспертиза решает круг задач по делам о документальных спорах. Опираясь на достижения теории языка, она должна дать аргументированные и однозначные ответы на четко сформулированные вопросы. Такое исследование требует специального инструментария и должно выстраиваться на приемлемых для права лингвистических аргументах.

Лингвистическая экспертология и лингвоэкспертная практика сейчас ищут и шлифуют новые, доступные технологии применения лингвистических знаний в юридической сфере. Вместе с этим постоянно расширяется и потенциальный круг возможностей их применения. Аргументация лингвиста во многих случаях становится мощным средством усиления правовой позиции юриста-практика. Она способна предложить новые, нестандартные подходы при решении юридической коллизии в договорных документах. Как показывает практика, заключение лингвистической экспертизы в договорных спорах, нередко становится той каплей, которая склоняет чашу весов правосудия.

Литература

1. Белянский Г.Д. Значение лингвистических параметров текста в правореализационных и правоинтерпретационных процессах / отв. ред. О.В. Белянская // Современные вопросы государства, права, юридического образования: сб. науч. тр. по материалам XIV Международной научно-практической конференции. 2019. С. 14 – 18.

2. Бычкова С.Е. Проблема имплицитного в лингвистической экспертизе текста // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы V Международной научно-практической конференции. 2020. С. 81 – 84.

3. Горбань О.А. Лингвистический корпус деловых документов XVIII в.: жанровые признаки и параметры метаразметки текстов // Языковое сознание. Речевая коммуникация: материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.Е. Гольдина. Саратов, 2020. С. 154 – 162.

4. Катышев П.А. Деликтогенное вовлечение в опосредованной политической коммуникации: проблемы дискурсивного анализа и судебно-лингвистической параметризации. В кн.: Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса. Коллективная монография. Москва, 2021. С. 293 – 319.

5. Козерацкая А.О. Судебная лингвистическая экспертиза креолизованных коммерческих обозначений (правовой аспект) // В кн.: Традиции и новации в системе современного российского права: сб. тезисов XVII Международной научно-практической конференции молодых ученых. 2018. С. 839 – 841.

6. Кутузова Е.В., Пименова А.А. Особенности проведения лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Студенческий форум. 2021. № 20-2 (148). С. 63 – 65.

7. Моргунова А.И., Рядчикова Е.Н. Языковое выражение оценки в текстах экстремистско-религиозного характера как проблема судебной лингвистической экспертизы // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы VI Международной научно-практической конференции. 2021. С. 141 – 147.

8. Полозов В.М., Лебедев Р.В. Лингвистическая экспертиза как разновидность судебной

экспертизы // Студенческий форум. 2020. № 16-2 (109). С. 57 – 58.

References

1. Belyanskij G.D. Znachenie lingvisticheskikh parametrov teksta v pravorealizacionnyh i pravointerpretacionnyh processah. otv. red. O.V. Belyanskaya. Sovremennye voprosy gosudarstva, prava, yuridicheskogo obrazovaniya: sb. nauch. tr. po materialam XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2019. S. 14 – 18.

2. Bychkova S.E. Problema implicitnogo v lingvisticheskoy ekspertize teksta. Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2020. S. 81 – 84.

3. Gorban' O.A. Lingvisticheskij korpus delovykh dokumentov XVIII v.: zhanrovye priznaki i parametry metarazmetki tekstov. YAzykovoe soznanie. Rechevaya kommunikaciya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati professora V.E. Gol'dina. Saratov, 2020. S. 154 – 162.

4. Katyshev P.A. Deliktogennoe вовлечение v oposredovannoy politicheskoy kommunikacii: problemy diskursivnogo analiza i sudebno-lingvisticheskoy parametrizacii. V kn.: Semiotiko-semasiologicheskoe izmerenie politicheskogo diskursa. Kollektivnaya monografiya. Moskva, 2021. S. 293 – 319.

5. Kozerackaya A.O. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza kreolizovannykh kommercheskikh oboznachenij (pravovoj aspekt). V kn.: Tradicii i novacii v sisteme sovremennogo rossijskogo prava: sb. tezisov XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodykh uchenykh. 2018. S. 839 – 841.

6. Kutuzova E.V., Pimenova A.A. Osobennosti provedeniya lingvisticheskoy ekspertizy po delam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoj reputacii. Studencheskij forum. 2021. № 20-2 (148). S. 63 – 65.

7. Morgunova A.I., Ryadchikova E.N. YAzykovoe vyrazhenie ocenki v tekstah ekstremistsko-religioznogo haraktera kak problema sudebnoj lingvisticheskoy ekspertizy. Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2021. S. 141 – 147.

8. Polozov V.M., Lebedev R.V. Lingvisticheskaya ekspertiza kak raznovidnost' sudebnoj ekspertizy. Studencheskij forum. 2020. № 16-2 (109). S. 57 – 58.

THE MAIN LINGUISTIC PARAMETERS OF CONTRACTS IN RUSSIAN

*Wang Haijiao,
Irkutsk State University*

Abstract: the article provides an overview of the main types of linguistic expertise that are used as a legal tool in legal proceedings, namely in cases related to documentary disputes. A brief description of the linguistic parameters of the texts used in the examination of contracts is given. The theoretical and methodological basis of linguistic expertise in cases of documentary disputes is outlined. This is a comprehensive linguistic study, the object of analysis in which are the linguistic parameters of contracts in Russian, which have legal consequences.

Keywords: applied linguistics, legal linguistics, linguistic expertise, linguistic parameters, performative utterance, performativity, theory of speech acts

К ВОПРОСУ О МОДАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ РЕЧЕВОГО ЖАНРА УПРЕКА В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Гасанова Дж.С., аспирант,
Дагестанский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются близкие по семантике речевые жанры упрека, порицания, неодобрения и обвинения и осуждения в современном английском, русском и даргинском языках, модальная специфика их семантики и социокоммуникативный статус участников при каждом речевом акте. Поднимается вопрос о сходстве и различиях семантики и контекста употребления указанных речевых жанров, а также – социолингвистические различия и употребления в указанных языках. Целью статьи является определение специфики употребления и функционирования речевых жанров упрека, неодобрения, порицания, обвинения и осуждения в английском, русском и даргинском языках. В статье показано, что речевые акты упрека, порицания, осуждения – это ментальные действия. Автор приходит к выводу, что конструкции неодобрения и упрека способны входить в состав сложных предложений и, значит, в состав более сложных речевых актов, но в то же время, могут также иметь форму отдельного законченного суждения. Порицание, как вариант упрека, но в более мягкой форме, характерно, как выяснилось, для профессиональной сферы общения. В бытовой ситуации все же преобладают упрек и осуждение, а в юридической сфере используется чаще всего обвинение, которое отличается наибольшей категоричностью по сравнению с другими негативными оценками. Статья может быть интересна специалистам, изучающим социолингвистику и речевой этикет, а также – широкой аудитории, изучающей указанные языки.

Ключевые слова: модальная семантика, речевой жанр, упрек, порицание, неодобрение, обвинение, осуждение

Как известно, модальная семантика речевого жанра *упрека* перекликается по своему значению с такими выражениями отрицательной оценки, как *неодобрение*, *обвинение* и *порицание* [4, с. 77]. Ядром семантического значения такой цепочки оценочных значений является *неодобрение*, т.к. оно входит во все оттенки других оценок с неодобрительной модальной семантикой [4, с. 77].

Есть мнение, что возможно функционирование нескольких вариаций неодобрительной оценки, взаимосвязанное с объектом, к которому это неодобрение направлено (одушевленный или неодушевленный объект): «лицо», «социальное явление», «положение вещей, состояние дел», «событие», «общественная среда, социальные условия жизни», «поступки, деятельность, поведение» [1, с. 93].

Само порицание как негативная оценка в процессе коммуникации обычно идентифицируется как некий проступок или ошибка, совершенный случайно и поэтому требующий не осуждения со стороны окружающих, а сочувствия и прощения, а со стороны объекта – признание своей вины и обещания больше этой ошибки не совершать.

Однако существуют различные и даже прямо противоположные мнения лингвистов на этот счет. Вопрос возникает и в случае с иерархией оттенков всех лексем со значением порицания, которое одни классифицируют как «действие, когда объект несёт ответственность за свои действия» [6], другие – как «действие, которое совершается произвольно и, значит, не требует дальнейших объяснений» [7].

Спорным так же остается и вопрос о принадлежности к ядру лексем с семантикой упрека. Так,

например, Е.Ю. Джандалиева и М.В. Петрушина называют эмоционально-оценочное значение *неодобрения* самым сильным по своей силе высказывания, а такие негативные оценки, как *упрёк*, *оскорбление*, *осуждение* – разновидностями порицания [2]; *упрёк*, *осуждение*, *порицание*, *угроза* – вариациями неодобрения в различных социокоммуникативных ситуациях [4].

И.Г. Дьячкова предлагает объединить речевые жанры *упрёка*, *осуждения*, *неодобрения*, *порицания* и *обвинения* на основании их близкой семантики [3].

Мы, в свою очередь, согласны с мнением Т.А. Графовой и рассматриваем речевой жанр *упрека* в рамках речевых жанров *неодобрения* и *порицания*, но с учетом каждой данной ситуации и контекста.

Как показывает наш анализ, при выражении упрека чаще всего возможно социальное неравенство коммуникантов. Это могут быть родители и дети, учитель и ученик, начальник и подчиненный и т.д. В случаях с негативной оценкой индивида при неодобрении, обвинении или осуждении его социальный статус не важен. В каждом из этих случаев необходим свой конкретный спектр знаний об объекте и происходящем действии.

Так, например, речевой жанр *упрека* чаще всего применяется при коммуникации со знакомым человеком и выражается либо советом, либо укором о совершенном действии. Ср.:

англ. *Mr. Dany: You'll be coming into the Studio next year. How the hell do you expect to get anywhere if you don't show some interest in your career?* (Hailey, p. 59).

М-р Дэни: В следующем году ты будешь работать в студии. Как ты, черт возьми, представляешь

себе это, если ты совершенно не заинтересован в своей карьере?

You should have preserved with your Russian roulette game, Jay. If you had blown your horrible, insane brains out, I wouldn't be in this position now. In fact you look like a badly frightened rabbit! – Jay made an angry gesture (Hailey, p. 142).

Ты должен был завязать со своей игрой в русскую рулетку, Джей. Если б тебе вышибли твои ужасные, идиотские мозги, я бы не находился сейчас в такой ситуации. Ты реально напоминаешь сильно напуганного кролика! – Джей отмахнулся со злостью.

Прагматической целью данного упрека является не столько причинение морального ущерба адресату, сколько выражение говорящим собственных переживаний.

русс. Отец, сделавшийся смиренным и виноватым, загородил собою Бойе.

– Это ж собака... В людских делах она не разбирается... (Астафьев, с. 17).

«Сгинь, Ульчин, сгинь! – боязливо открещивался Коля. – Ты умер, еще когда мы всей семьей в Плахино зимогорили. Ты с папкой вино жрал. Думаешь, забыл?..» (Астафьев, с. 27).

дарг. – Селичи дукаркИулри? Дигахъис!

- Ху кьалли гечрикIес багъандан шери рукъесра гелумхIерилзад, – уркъубяхъиб Къис-Таманни, илчи разиагарли хIеррикIули (Абубакар, с. 23).

- Что ты смеешься? Да, нравится кочевать (с чабанами).

- Да ты, чтобы кочевать, и замуж выйти не откажешься, – упрекнула Кис-Таман.

- Вари, вари, рурси, нешиличил илкъяйда чурхли гъайрикIес асухIебирар! ХIу илгъуна чакусан сари или гъеч гъанхIебирки! – иб Зумрудли, хIиллаличил пиширхъули (Абубакар, с. 29).

- Ну, ну, девочка, с мамой так грубо разговаривать нельзя! Вообще бы не подумала, что ты такая капризная!

Специфика речевого жанра *упрека*, как видим, заключается в соотносении совершенного действия к настоящему или прошедшему времени, ибо коммуникант упрекает объект за уже совершенное (чаще всего) действие, либо за то, что он должен был совершить, но не сделал этого. В зависимости от этого, возможна различная ответная реакция на упрек.

Чаще всего упрек вызывается несоблюдением каких-либо социальных норм. Оценка говорящим происходящего может отличаться, быть отчасти субъективной, но все его возможные высказывания негативного характера будут объединены тем фактом, что он будет осуждать действия или намерения объекта. Таким образом, речевые акты

упрека (порицания, осуждения) – это ментальные действия:

англ. *He is bitten by that same bug of wanting to improve everybody's lives for them (Christie, p. 15).*

Он пострадал от этого вечного желания помочь другим.

В этой ситуации говорящий порицает объект, не зная, что случилось на самом деле, а строит догадки на мнениях других участников диалога.

Life is never fair, Robert (Hailey, p. 44).

Жизнь всегда несправедлива, Роберт.

Этот пример интересен тем, что в нем объектом осуждения или упрека является сама жизнь. Это случай так называемого *квазиупрека* (упрек без прямого обращения к лицу).

русс. – Чем тебя и благодарить, Игнатъич?

– Благодарить? – усмехнется Игнатъич. – Ты бы лучше в лодке прибрался, сам обиходился, руки с песком да с мылом оттер. Чисто чухонец, прости господи! (Астафьев, с. 84).

Меланхоличная запись сопровождала высказывание Дрека Брайса: «Что это у вас, мистер, все любимцы из «оттуда»? (с. 195). Здесь мы можем наблюдать шуточный упрек, сопряженный с иронией и выражающий положительное отношение к объекту.

дарг. – Гур се барес раиусури, гъатIи, школализи? – гъимрукIили, някъби гъакIариб Кис-Таманни (Магомед-Расул, с. 78).

- А зачем ты ходишь в школу тогда? – обиженно взмахнула руками Кис-Таман.

- ЦаххIебилзулив хIед, азгъин, хъярхъли айзи! Къасум хев вакIили (Магомед-Расул, с. 85).

- Не стыдно тебе, лентяй! Быстро вставай, Касум там пришел.

Таким образом, можно отметить, что реакции адресата на упрек могут быть самыми разными и зависят от многих факторов.

Порицание, как вариант упрека, но в более мягкой форме, характерно, как выяснилось, для профессиональной сферы общения. В бытовой ситуации все же превалируют упрек и осуждение, а в юридической сфере используется чаще всего обвинение, которое отличается наибольшей категоричностью по сравнению с другими негативными оценками.

В английском и русском языках выявлены случаи так называемого автоупрека:

англ. *It's a little late to admit, I know, but your mother and I weren't entirely free from blame (Osborn, p. 103).*

«Немного запоздало, но признаюсь, что мы с матерью тоже виноваты в том, что случилось».

Отец винит себя и свою жену в том, что они вмешивались в жизнь молодой дочери.

It's my own fault entirely, I must be mad, coming here like this (Osborn, p. 131).

«Это полностью моя вина. Я, должно быть, обезумела, раз пришла сюда, зная все».

Молодая женщина обвиняет себя в том, что пришла в дом к мужу, зная, что он уже живет с другой женщиной.

русс. «Чего за свою бурную жизнь не перевидал, – говорит, – приключений каких только не изведал, однако подобного дива не зрел еще. Бестия – не кобель! Раньше бы меня повесили вместе с собакой на ливеннице, либо утопили обоих – за колдовство, привязавши к одному камню...» (Астафьев, с. 16).

В даргинском языке случаев автоупрека не обнаружено. Возможно, это объясняется тем, что горцы свято чтут обычаи гор, одним из которых является не совершать ничего дурного, ни в мыслях, ни в поступках.

Вслед за Н.А. Трофимовой, мы считаем, что упрек, как правило, представляет собой многословный речевой жанр с разнообразными синтаксическими конструкциями, построенным по различным моделям и способным взаимно дополнять друг друга. Однако встречаются и краткие формы, одночленные предложения, выражающие упрек, которые точно подчеркивают мысль адресанта или действие, совершенное объектом [5]. Следовательно, конструкции неодобрения и упрека способны входить в состав сложных предложений и, значит, в состав более сложных речевых актов, но в то же время, могут также иметь форму отдельного законченного суждения.

Во всяком случае, мы убедились, что речевые жанры порицания, упрека, неодобрения и осуждения имеют в своей семантике много общего, хотя и различаются по сфере употребления и эмоциональной окраске. Другими словами, нельзя здесь умалять роль контекста, который в данном случае выполняет назывную функцию – указывает на ситуацию общения и, тем самым, дает возможность идентифицировать тот или иной речевой жанр при выборе одного из вышеперечисленных речевых жанров.

В результате исследования стало возможным определить критерии разграничения речевых жанров упрека, неодобрения и порицания.

Каждый из этих речевых жанров имеет свою социальную цель и, в зависимости от этого, свой круг коммуникантов с учетом их статуса. Так, например, упрек характерен чаще всего в ситуации, когда адресант старше по возрасту или по должности, порицание допускает коммуникацию как равностатусных, так и неравнозначных по статусу коммуникантов, в то время как основная цель

неодобрения – это констатация факта недовольства выполненным действием.

Таким образом, различия близких по смыслу речевых жанров упрека, неодобрения и порицания позволяют более детально характеризовать ту или иную социальную ситуацию, а также – более точно выразить отношение адресанта с учетом статуса объекта действия.

Литература

1. Графова Т.В. Женские комплименты в английской лингвокультуре // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. 1994. Вып. 1. С. 118 – 123.
2. Джандалиева Е.Ю. Акт «комплимент» в современном английском языке // www.samgueng.narod.ru/rus/tez2.htm
3. Дьячкова И.Г. Похвала и порицание как речевые жанры (прагматический анализ) // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 3. С. 55 – 58.
4. Петрушина М.В. Фатические эмотивы и их роль в коммуникации // Эмоции в языке и речи. М., 2005. С. 150 – 160.
5. Трофимова Н.А. Речевой акт упрека в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. <http://www.dissercat.com/content/rechevoi-akt-upreka-v-angliiskom-yazyke>
6. Хертцберг Р. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки, 2002. № 4. С. 59 – 67.
7. Zillig N. Principles of pragmatics. London: Longman, 1982.

References

1. Grafova T.V. Zhenskije komplimenty v anglijskoj lingvokul'ture. Vestnik VolGU. Ser. 2, YAzykoznanie. 1994. Vyp. 1. S. 118 – 123.
2. Dzhandalievva E.Yu. Akt «kompliment» v sovremennom anglijskom yazyke. www.samgueng.narod.ru/rus/tez2.htm
3. D'yachkova I.G. Pohvala i poricanie kak rechevye zhanry (pragmaticheskij analiz). Vestnik Omskogo universiteta. 1998. Vyp. 3. S. 55 – 58.
4. Petrushina M.V. Faticheskie emotivy i ih rol' v kommunikacii. Emocii v yazyke i rechi. M., 2005. S. 150 – 160.
5. Trofimova N.A. Rechevoj akt upreka v anglijskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2009. <http://www.dissercat.com/content/rechevoi-akt-upreka-v-angliiskom-yazyke>
6. Hertcberg R. YAzykovaya lichnost' v emocional'noj kommunikativnoj situacii. Filologicheskie nauki, 2002. № 4. S. 59 – 67.
7. Zillig N. Principles of pragmatics. London: Longman, 1982.

**ON THE PROBLEM OF MODAL SEMANTICS OF SPEECH GENRE
OF REPROACH IN THE ENGLISH, RUSSIAN AND DARGHIN LANGUAGES**

*Gassanova Dzh.S., Postgraduate,
Daghestan State University*

Abstract: the article considers speech genres of reproach, reprimand, disapproval, accusation and condemnation in modern English, Russian and Darghin languages, from the point of view of their close semantic meanings, as well as specifics of their modality and socio-communicative status of the participants in every of the mentioned acts. There a question of similarity and difference in the semantics and the context of usage of the given speech genres, as well as social and linguistic differences and functioning of these genres in the above-mentioned languages is raised. The objective of the article is to find out the specifics of usage and functioning of the speech genres of reproach, reprimand, disapproval, accusation and condemnation in modern English, Russian and Darghin languages. The article claims that the speech genres of reproach, reprimand and disapproval are mental acts. The author of the article comes to conclusion that constructions of disapproval and reproach can comprise into much more complicated sentences and, consequently, into much more complicated speech acts, but in the same time they can have the form of that of separate completed statement. Reprimand as the variant of reproach, but in a milder form is typical for professional sphere of communication. In everyday communication reproach and reprimand predominate, while in the juridical sphere accusation is mostly used, and it has a more objective meaning in comparison with the other negative estimations. The article can be of use for specialists studying sociolinguistics and speech etiquette, as well as for everyone studying the mentioned languages.

Keywords: modal semantics, speech genre, reproach, reprimand, disapproval, accusation, condemnation

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕРОГАТИВНО МАРКИРОВАННЫХ ЭТНОНИМОВ- ХЭШТЕГОВ ДЛЯ НЕГРОИДНОЙ РАСЫ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

*Цебровская Т.А., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского*

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу этимологических и морфологических характеристик дерогативно маркированных этнонимов-хэштегов (ДМЭ-хэштегов) современного английского языка. Отличительной особенностью является то, что изучение ДМЭ-хэштегов, используемых для обозначения представителей негроидной расы, проводится впервые в отечественном языкознании. Целью данной статьи является когерентное рассмотрение ДМЭ-хэштегов для представителей негроидной расы в Интернет-дискурсе для понимания этимологических и словообразовательных механизмов их образования. Цель исследования определила следующие задачи: 1) наблюдение и подбор фактологических материалов, находящихся в открытом доступе, из Интернет-дискурса современного английского языка при помощи таких социальных сетей, как “Twitter”, “Facebook” и “Instagram”; 2) выявление этимологических и морфологических характеристик ДМЭ-хэштегов для обозначения негроидной расы в Интернет-дискурсе современного английского языка; 3) определение высокопродуктивных способов словообразования ДМЭ-хэштегов для негроидной расы в Интернет-дискурсе с опорой на изученные эмпирические материалы. Практическое применение материалов данной статьи видится в лекциях по словообразованию, этимологии и неологии современного английского языка, а также в спецкурсе об особенностях современного англоязычного Интернет-дискурса.

Ключевые слова: дерогативно маркированный этноним, ДМЭ, ДМЭ-хэштег, хэштег, этимология, морфология, по расовому признаку, Интернет-дискурс

Мы ведём наблюдения за этимологическими и морфологическими особенностями дерогативно маркированных этнонимов в форме хэштегов (ДМЭ-хэштегов) в Интернет-дискурсе с 2010 года. Количественные показатели упоминаний ДМЭ-хэштегов коррелируют со степенью распространения, доступности и популярности социальных сетей. Под наблюдение попали более 438 000 публикаций, содержащих ДМЭ-хэштеги современного английского языка для негроидной расы в таких распространенных в англоязычных странах социальных сетях, как *Instagram*, *Twitter* и *Facebook*.

В ходе наблюдений, ДМЭ-хэштеги, используемые в Интернет-дискурсе современного английского языка, были сгруппированы по расовому признаку. Нами выделены следующие лексические единицы-хэштеги для обозначения представителей негроидной расы:

- ДМЭ-хэштеги *#Abeed* / *#abeed* / *#abeeds* используются эмигрантами из стран Среднего Востока (647 публикаций в *Instagram*, 71 публикация в *Twitter* и 2 публикации в *Facebook*). Здесь и далее представлены количественные данные, актуальные по состоянию на ноябрь 2021 года – *пояснение Т.Ц.*: “... *I don't support Arabs using #Abeed*” [5] («Я не поддерживаю использование арабами слова “раб” (для обозначения афроамериканцев – *пояснение Т.Ц.*) (*#Abeed*)» – *перевод Т.Ц.*). “*Stop pretending #abeed doesn't mean what it really means. Don't be duplicitous in your speech*” [5] («Прекратите претворяться, что “раб” означает нечто иное (*#abeed*). Не лгите» – *перевод Т.Ц.*). “*I am not surprised that some #abeed are trying to bully someone for speaking her mind*” (авторский стиль сохранен)

[5] («Не удивлен, что некоторые рабы (*#abeed*) пытаются запугивать тех, кто говорит, что думает» – *перевод Т.Ц.*). “*To my black folk: never allow anyone to call you #Abeed*” [5] («Моим чёрным братьям: никогда никому не позволяйте называть себя рабами» – *перевод Т.Ц.*). Образован от ДМЭ *Abeed* (от арабского «раб») – афроамериканец [4];

- *#afriblack* / *#afriblack*s (15 публикаций в *Instagram*, 6 публикаций в *Facebook* и 3 публикации в *Twitter*): “*What are you raging about, #afriblack? Text me*” [5] («Что так сильно выводит тебя из себя, чёрный (*#afriblack*)? Напиши мне» – *перевод Т.Ц.*). Данный ДМЭ-хэштег образован от ДМЭ *Afri-Black* [6] – в американском варианте английского языка, афроамериканец с очень темной кожей. Способ образования: словосложение с конечным усечением *African* («африканец») + *Black* («чёрный»): “*Check that Afri-Black guy over there*” [Urban Dictionary, 2021] («Проверьте того афроамериканца» – *перевод Т.Ц.*);

- *#africanafrikan* / *#AfricanAfrican* / *#africanafrikan*s (295 публикаций в *Instagram*, 39 публикации в *Twitter* и 10 публикаций в *Facebook*): “*So if an #AfricanAmerican goes to #Africa, will they be called an #AmericanAfrican or a #AfricanAfrican?*” [5] («Если афроамериканец вернется в Африку, его будут называть американским африканцем или африканским африканцем (*#AfricanAfrican*)?» – *перевод Т.Ц.*). Образовано от ДМЭ *African-African* – в американском варианте английского языка, африканец, родившийся за пределами США, позже иммигрировавший в эту страну. При образовании данного ДМЭ использован такой стилистический прием как лексическая

анафора:

Jasmine: What's your name?

African: Chinedu.

Jasmine: Where are you from?

Chinedu: Nigeria. I was born and raised there and I moved here last year.

Jasmine: Ooohhh! So you are not African American, you are African-African [6];

- *#afroape* (букв. «человекообразная афро-обезьяна») (5 публикаций в *Instagram*, 2 публикации в *Twitter* и 2 публикации в *Facebook*): “*It's an ape, it's got Afro, it's African #afroape*” [3] («Это обезьяна, у нее прическа в стиле афро, это африканская афрообезьяна (#afroape)» – перевод Т.Ц.). Способ образования: словосложение от *Afro* («афро-») + ДМЭ *Ape* (букв. «человекообразная обезьяна»);

- *#afrolicious* / *#afroliciouswoman* / *#afroliciouswomen* (93 000 публикаций в *Instagram*) от ДМЭ *Afrolicious* – в американском варианте английского языка, ДМЭ, а также дерогативно маркированное прилагательное для обозначения афроамериканца [6];

- *#afropean* / *#AFROPEAN* (более 9 000 публикаций в *Instagram* и *Facebook*, 83 публикации в *Twitter*): “*Denmark gets first public statue of a Black woman, an #Afropean «rebel queen»*” [5] («Дания установит первый государственный памятник черной женщине, афроевропейской (#Afropean) “королеве повстанцев»» – перевод Т.Ц.); “*Any born and bred African that can't speak his/her native tongue is a blood clot #AFROPEAN*” [5] («Африканец по факту рождения и воспитания, который не владеет родным языком, – это ненавистный афроевропеец (#AFROPEAN)» – перевод Т.Ц.); “*If you are a black female and you still fry or process your hair to make it straight, then you're #AFROPEAN*” [5] («Если ты – черная женщина, которая выпрямляет волосы, значит, ты – афроевропейка (#AFROPEAN) – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Afropean* – выходец из стран Африки, проживающий в Европе [6]. Способ словообразования: словосложение с конечным усечением *African* («африканец») + начальное усечение *European* («европеец»): “*English is your first language and you don't speak an African language, not even your mother tongue? You're so Afropean!*” [6] («Твой основной язык – английский. Не владеешь африканским языком или хотя бы родным языком? Ты – самый настоящий афроевропеец!» – перевод Т.Ц.);

- *#afropig* / *#AfroPig* / *#afropigs* (букв. «афросвинья») (63 публикации в *Twitter* и 62 публикации в *Instagram*, 1 публикация в *Facebook*): “*When we met #AfroPig...*” [5] («Когда мы встретили афросвинью (#AfroPig)...» – перевод Т.Ц.). образо-

вано от ДМЭ *Afropig* – в американском варианте английского языка, афроамериканец: “*Shut up you Afropig*” (пунктуация сохранена). Способ словообразования: словосложение *Afro-* («афро-») + *pig* («свинья») [6] («Замолчи, афросвинья» – перевод Т.Ц.);

- *#afropino* (210 публикаций в *Instagram*, 41 публикация в *Facebook* и 8 публикаций в *Twitter*): “*I see you #Afropino*” (пунктуация сохранена) [2] («Я тебя вижу, афрофилиппинец (#Afropino) – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Afropino* – человек, рожденный от африканско-филиппинского союза [Urban Dictionary, 2021]. Способ словообразования: словосложение с конечным усечением *African* («африканец») + начальное усечение *Filippino* («филиппинец»);

- *#akata* (4 995 публикаций в *Instagram*, более 1 000 публикаций в *Twitter* и 800 публикаций в *Facebook*): “*You can't even spell yur name right ... Mr mensah #akata*” (орфография и пунктуация сохранены) [5] («Ты даже не можешь правильно написать свое имя, ... мистер Менса, #akata» – перевод Т.Ц.). Образовано от заимствованного западноафриканского (нигерийского) ДМЭ, обозначающего «предок рабов» либо «сборщик хлопка». В американском варианте английского языка используется для обозначения афроамериканцев: “– *Who is that? – That's the Akata boy I was telling u about*” (орфография сохранена) [6];

- *#americoon* / *#americoons* / *#americoonboy* / *#americoonexpress* (53 публикации в *Instagram* и 20 публикаций в *Twitter*). Образовано от ДМЭ *Americoon* [6]. Способ словообразования: словосложение *American* («американец») + *coon* («енот», «негр») с конечным усечением первого компонента;

- *#baboomba* / *#baboombas* (205 публикаций в *Instagram*, 53 публикации в *Twitter* и 12 публикаций в *Facebook*). Образовано от ДМЭ *Baboomba* [4] (звукоподражание громкой музыки в машине – *boom*) – афроамериканец. Этноним образован при помощи ономотопеи;

- *#bankadoo* (2 публикации в *Twitter*). Образовано от ДМЭ *Bankadoo* – в американском варианте английского языка, корпулентный афроамериканец из штата Луизиана [6];

- *#biscuitlips* (129 публикаций в *Instagram*, 80 публикаций в *Twitter* и 9 публикаций в *Facebook*): “*So did #biscuitlips stop talking?*” [5] («Значит #biscuitlips прекратил разговаривать?» – перевод Т.Ц.); “*Just spotted out #biscuitlips on campus*” [5] («Только что обнаружил #biscuitlips в университетском городке» – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Biscuit Lips* – в американском варианте английского языка, афроамериканец [6];

- *#blackanese* (21 936 публикаций в *Instagram*, более 20 000 публикаций в *Facebook* и *Twitter*): “*Finally saw someone #blackanese*” [5] («Наконец-то увидел чёрного азиата (*#blackanese*)» – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Blackanese* – в американском варианте английского языка, человек, родившийся от восточноазиатско-афроамериканского союза [6]. Данный ДМЭ зафиксирован в фильме «Час-пик-2» (2001 год). Способ словообразования: аффиксация *black* («чёрный») при помощи аффикса *-ese*, указывающего на такие восточноазиатские национальности, как *Chinese, Japanese, Vietnamese* и т.д.: “*Chris Tucker is Blackanese, who would've known?!*” (орфография и пунктуация сохранены) [6] («Крис Такер – чёрный азиат. Кто же знал?!» – перевод Т.Ц.);
- *#blackface* (более 70 000 публикаций в *Instagram, Facebook* и *Twitter*): “*Wife just put on a charcoal facial mask and tried to scare me. All I said was, «That's so racist» #blackface*” [5] (орфография и пунктуация сохранены) («Жена только что сделала маску из древесного угля и попыталась меня напугать. Все, что я сказал: “Это расистская шутка” *#blackface*» – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Blackface / Black face* – в американском варианте английского языка, 1) афроамериканец; 2) представитель европеоидной расы, подражающий афроамериканцам [6]. Способ словообразования: словосложение от “*black*” («чёрный») + “*face*” («лицо»): “*Robert Downey Jr. was a Black face in the movie «Tropic Thunder»*” [6] («Роберт Дауни младший сыграл афроамериканца в фильме “Солдаты неудачи”» – перевод Т.Ц.);
- *#blackychan / #blackychans* (3 650 публикаций в *Instagram*, более 3 000 публикаций в *Twitter* и *Facebook*): “*Hope you're seeing my tweets because they're about you #blackychan*” (орфография и пунктуация сохранены) [5] («Надеюсь, ты видишь мои твиты, потому что они о тебе, чёрный Чан (*#blackychan*)» – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Blacky Chan* – в американском варианте английского языка, афроамериканец, который владеет боевыми искусствами [6]. Присутствует игра слов *Jackie Chan* (Джеки Чан – американский актер и каскадер китайского происхождения) и *Blacky Chan*. Способ образования ДМЭ-хэштега: словосложение с аффиксацией *black* («чёрный») при помощи диминутивного суффикса *-y* + *Chan* (фамилия американского актера и каскадера китайского происхождения): “*... He had to go to the hospital for a broken nose! That guy was like Blacky Chan or something!*” (орфография и пунктуация сохранены) [6] («... Ему пришлось идти в больницу со сломанным носом! Тот парень был как похож на чёрного Чана» – перевод Т.Ц.);
- *#chaindragger / #chaindraggers* (8 публикаций в *Instagram* и 5 публикаций в *Twitter*). Образовано от ДМЭ *Chain Dragger* (букв. «тот, кто тащит за собой цепь»). Этимология: работорговцы использовали железные цепи [4];
- *#charkie / #charkies / #charkiebrown* («коричневый Чарки») (800 публикаций в *Instagram* и 36 публикаций в *Twitter*). Образовано от ДМЭ *Charkie* – в американском варианте английского языка, афроамериканец. Способ словообразования: словосложение с конечным усечением *Charcoal* (древесный уголь) + начальное усечение ДМЭ *Darkie* («негритос») [6];
- *#coaltrain* (букв. «поезд с углём») (более 17 000 публикаций в *Instagram*, более 2 000 публикаций в *Facebook* и *Twitter*). Образовано от ДМЭ *Coal Train* [4]. Способ словообразования ДМЭ-хэштега: словосложение *coal* («уголь») + *train* («поезд»);
- *#coontaco / #coontacos* (3 публикации в *Twitter* и 2 публикации в *Instagram*). Образовано от ДМЭ *Coon taco* – в американском варианте английского языка, афроамериканец, который подражает мексиканцам: “*Stop acting like a Coon taco*” [6] («Перестань вести себя как чернокожий тако» – перевод Т.Ц.). Способ словообразования ДМЭ-хэштега: словосложение *coon* («енот», «негр») + *taco* (мексиканское блюдо тако);
- *#meshky* (5 публикаций в *Facebook*). Образовано от ДМЭ *Meshky* (прилагательное *meshky* в переводе с персидского языка означает «чёрный»): “*4 meshkys decided to stop for a small chit chat and a small step dance*” [4] («Четверо чёрных остановились поболтать и сплясать чечётку» – перевод Т.Ц.);
- *#mulatto / #Mulatto / #Mulattos* (более 99 000 публикаций в *Instagram, Twitter* и *Facebook*): “*You are #mulatto, not African-American, right?*” [5] («Ты – мулат (*#mulatto*), а не афроамериканец, верно?» – перевод Т.Ц.). “*I am a #Negro (#Mulatto), so what I'm about to say can't be considered #racist ...*” [5] («Я – негр (мулат *#mulatto*), поэтому то, что я собираюсь сказать, нельзя назвать расистским ...» – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Mulatto* – человек, чьи предки были представителями как негроидной, так и европеоидной рас. Данный этноним относится к дерогативно маркированным. Так, в 2018 году полиция города Эдмонтон в Канаде принесла извинения за некорректное описание внешности пропавшего подростка с использованием существительного “*mulatto*” («мулат(ка)») [1]: “*Hey, see that girl there? Her mom is black and dad is white. I think that makes her a mulatto*” [4] («Эй, видишь девушку? Ее мать – чёрная, а отец – белый. Думаю, она – му-

латка» – перевод Т.Ц.);

- *#nigger / #nigga / #niggers / #niggas / #nig-gaz* (более 4 000 000 публикаций в *Instagram*, *Twitter* и *Facebook*): “*Why do only #niggas do this?*” [5] («Почему только негры (*#niggas*) так делают?» – перевод Т.Ц.). “*#niggas got all the answers with no actions*” [5] («Негры (*#niggas*) получили ответы на все вопросы, ничего не предпринимая» – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Nigger / Nigga* (от латинского *niger* – «черный цвет» через испанское прилагательное *negro* – «черный цвет», а также от английского *Negro* (гр. «негр»)) – афроамериканец. Данный ДМЭ образован при помощи метафоры, основанной на интерпретационном поиске. Метафорическое сближение базируется на мотиве цвета (чёрный);

- *#niggo / #niggoos* (12 публикаций в *Instagram*, 4 публикации в *Twitter* и 4 публикации в *Facebook*). Образовано от ДМЭ *Niggo* – в американском варианте английского языка, афроамериканец; синоним ДМЭ “*Nigger*” («негр») [6];

- *#octoroon / #Octoroon / #octoroons* (479 публикаций в *Instagram*, 71 публикация в *Twitter* и 23 публикации в *Facebook*): “*#Octoroon – the first time this term was used in Louisiana was in 1910, in English by Anglophone attorneys and jurors*” [2] («Слово “окторон” (*#Octoroon*) введено в узус в штате Луизиана, США в 1910 году англоязычными адвокатами и присяжными» – перевод Т.Ц.). “*I had family that were slaves, that fought for Union, and Confederacy. I’m considered #Octoroon*” [5] («В моей семье были рабы, которые боролись и за Союз (в США в период Гражданской войны – прим. Т.Ц.), и за Конфедерацию. Меня считают октороном (*#Octoroon*)» – перевод Т.Ц.). “*Millennials are not interested in #octoroons*” [5] («Миллениалам не интересны октороны (*#octoroons*)» – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Octoroon* («окторон», от латинского “*octo*” – «восемь») – в американском варианте английского языка, человек, который на 1/8 является представителем негроидной расы: “*No one knew she was an Octoroon*” [6] («Никто не знал, что она – на 1/8 афроамериканка» – перевод Т.Ц.);

- *#porchmonkey / #PorchMonkey / #porchmonkeys / #porchmonkeyz* (4 943 публикации в *Instagram*, около 1 000 публикации в *Facebook* и более 400 публикаций в *Twitter*): “*When the devil sends his minions to your door, let God turn them into #porchmonkeys*” [2] («Когда дьявол отправляет приспешников к твоей двери, позволь Господу превратить их в обезьян на крыльце (*#porchmonkeys*)» – перевод Т.Ц.); “*Is it bad that I just googled #porchmonkey to see what kind of monkeys they were? Hm turns out its nothing to do with monkeys*” (орфография и пунктуация сохране-

ны) [5] («Только что искал в “Google”, что такое “обезьяна на крыльце” (*#porchmonkey*). Я плохо поступил? Оказалось, это никак не связано с обезьянами» – перевод Т.Ц.); “*Today’s trendy topic will be #PorchMonkey*” (орфография сохранена) [5] («“Обезьяна на крыльце” (*#PorchMonkey*) станет сегодня самой обсуждаемой темой» – перевод Т.Ц.); “*I knew him as the twitter #coon and was informed tht he was also a #porchmonkey by @jonnythaprince*” (орфография сохранена) [5] («Знал его как негра из “Твиттера”, но Джонни-зэ-Принс (*@jonnythaprince*) сообщил, что он еще и обезьяна на крыльце (*#porchmonkey*)» – перевод Т.Ц.); “*I didn’t know #porchmonkey was a racial slur*” [5] («Не знала, что «обезьяна на крыльце» (*#porchmonkey*) – это дерогативно маркированный этноним» – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Porch Monkey / Porchmonkey* («обезьяна на крыльце») – в американском варианте английского языка, ленивый афроамериканец: “*A #Porchmonkey is something my grandmother use to call me because I use to sit on the porch all day looking at the neighbors*” (орфография сохранена) [6] («Дед называл меня «обезьяной на крыльце», потому что я целыми днями сидел на крыльце, глаза на соседей» – перевод Т.Ц.); “*An Alabama Porch Monkey*” [4] («Обезьяна на крыльце из Алабамы» – перевод Т.Ц.). Способ словообразования ДМЭ-хэштега: словосложение;

- *#powderburn* (1 115 публикаций в *Instagram*, более 1 000 публикаций в *Twitter* и 3 публикации в *Facebook*): “*Another morning, another #powderburn*” [5] («Еще одно утро, еще один негр» – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Powder Burn / powder burn* («сгоревшая пудра») – в американском варианте английского языка, афроамериканец: “*Did you just see that powder burn?! He blended in with the asphalt!*” (орфография сохранена) [6] («Видел только что негра?! Он слился с асфальтом!» – перевод Т.Ц.). Способ словообразования ДМЭ-хэштега: словосложение;

- *#quashie / #Quashie / #quashies* (151 публикация в *Instagram*, 122 публикации в *Twitter* и 21 публикация в *Facebook*): “*All about #Quashie*” [5] («Всё об африканце (*#Quashie*)» – перевод Т.Ц.). “*Who are you? #Quashie*” [5] («Кто ты? Африканец (*#Quashie*)» – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Quashie* – африканец или афроамериканец;

- *#raisinhead / #raisinheads / #raisinheaded* (букв. «голова из изюма») (324 публикации в *Instagram* и 40 публикаций в *Twitter*): “*This guy is such a #raisinhead*” [5] («Этот парень такой *#raisinhead*» – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Raisin Head* – в американском варианте английского языка, афроамериканец [6]. Способ словообра-

зования ДМЭ-хэштега: словосложение;

- *#shaft / #Shaft* (более 500 публикаций в *Instagram*, *Facebook* и *Twitter*): “*These two Whites came into my office and asked me about #Shaft, so naturally I pretended like I didn't know what Shaft was ...*” [5] («Двое белых пришли ко мне в офис с расспросами о чёрном (*#Shaft*). Естественно, я сделал вид, что не знаю, о чем речь...» – перевод Т.Ц.). Образовано от антропонимического ДМЭ *Shaft* – афроамериканец. Данная этноминация происходит от фамилии главного героя – детектива-афроамериканца Джона Шафта в американском фильме “*Shaft*” («Шафт», 2000 год) [4];

- *#spook / #spooks* (285 000 публикаций в *Instagram*, *Twitter* и *Facebook*). Образовано от ДМЭ *Spook* («привидение») – в американском варианте английского языка, афроамериканец: “*There're a lot of Spooks up in here*” [Urban Dictionary, 2021] («Здесь повсюду негры» – перевод Т.Ц.);

- *#tarbaby / #tarbabys / #tarbabies* (около 4 000 публикаций в *Instagram*, *Twitter* и *Facebook*): “*My co-worker said something about a #tarbaby and I had no idea what he was talking about*” [5] («Коллега сказал что-то о смоляном чучелке (*#tarbaby*), а я не имел ни малейшего представления, о чем это он» – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Tar Baby* («гудроновое дитя», «смоляное чучелко») – в американском варианте английского языка, ребенок-афроамериканец, а также взрослый афроамериканец [6]. Этимология ДМЭ восходит к вымышленному персонажу «Смоляное Чучелко» (*Tar Baby*) одноименного романа американской писательницы Тони Моррисон (1981 год): “*Oh, boy, look at that Tarbaby. I bet I couldn't see him in a dark alley*” [6] («О, дружище, только взгляни на это смоляное чучелко! Бьюсь об заклад, его невозможно разглядеть ночью в переулке» – перевод Т.Ц.). Способ словообразования ДМЭ-хэштега: словосложение;

- *#thisnigger / #thisniggers* (197 публикаций в *Instagram*, 43 публикации в *Twitter* и 28 публикаций в *Facebook*) / *#thisnigga / #thisniggas / #thisniggaz* (более 80 000 публикаций в *Instagram*, *Twitter* и *Facebook*) / *#disnigger / #disnigga / #disniggas* (более 15 000 публикаций в *Instagram* и *Facebook*, 233 публикации в *Twitter*). В 2014 году певица Мадонна использовала ДМЭ-хэштег *#disnigga* (“*this Nigger*” – пояснение Т.Ц.) под фотографией с сыном в *Instagram*. Публикация вызвала резонанс, и вскоре последовало объяснение певицы: “*It was not meant as a racial slur I am not a racist*” («Под этим не подразумевалось расовое оскорбление Я не расист») [Instinct Magazine, 2014];

- *#treeswinger / #treeswingers / #treeswingerz*

(375 публикаций в *Instagram*, 59 публикаций в *Twitter* и 3 публикации в *Facebook*): “*... My joke can't be worse than your afro kid #treeswinger*” (орфография и пунктуация сохранены) [5] («... Моя шутка ничем не хуже твоего раскачивающего на дереве (*#treeswinger*) афродетёныша» – перевод Т.Ц.); “*Steven couldn't have fitted anymore racist remarks into that one paragraph if he tried #TreeSwinger*” (орфография и пунктуация сохранены) [5] («Высказывание Стивена казалось чрезвычайно расистским» – перевод Т.Ц.); “*Dani Alves looks like a monkey #treeswinger*” [5] («Дани Алвес похож на раскачивающуюся на дереве обезьяну» – перевод Т.Ц.). Образовано от ДМЭ *Tree swinger / Treeswinger* – 1) в американском варианте английского языка, человек европеоидной расы, подражающий афроамериканцам; 2) в американском варианте английского языка, афроамериканец: “*Hey tree swinger, why dont you go up there and get me some apples?*” (орфография и пунктуация сохранены) [6] («Эй, раскачивающийся на дереве, как на счёт того, чтобы подняться на крону и сорвать мне несколько яблок?» – перевод Т.Ц.). Способ словообразования ДМЭ-хэштега: словосложение;

- *#zigaboo* (638 публикаций в *Instagram*, 97 публикаций в *Twitter* и 5 публикаций в *Facebook*). Образовано от ДМЭ *Zigaboo* – в американском варианте английского языка, афроамериканец: “*Like most Zigaboos they are all in your business*” [Urban Dictionary, 2021] («Подобно большинству афроамериканцев, они вмешиваются в чужие дела» – перевод Т.Ц.).

Таким образом, общее число публикаций в социальных сетях *Instagram*, *Twitter* и *Facebook* (за период наблюдений с 2010 года), содержащих исследуемые в данной работе ДМЭ-хэштеги для негроидной расы с делением по расовому признаку, превышает 438 000 единиц, что свидетельствует об активном узусе ДМЭ-хэштегов для обозначения представителей негроидной расы в Интернет-дискурсе англоязычных стран. По результатам анализа 97 ДМЭ-хэштегов для негроидной расы по расовому признаку, к 3 наиболее продуктивным способам словообразования относим:

1) чистое словосложение – 44%, например, *#tarbaby / #tarbabys / #tarbabies*;

2) словосложение с усечением – 23%, например, *#americoon / #americoons / #americoon-boy / #americoonexpress*;

3) чистая аффиксация – 3%, например, *#afrolicious / #afroliciouswoman / #afroliciouswomen*.

Большинство (92 единицы или 94,9%) ДМЭ-хэштегов для негроидной расы зафиксированы распространенные в синхронии во всех трёх социальных сетях (*Instagram*, *Twitter* и *Facebook*), например, *#Abeed / #abeed / #abeeds* (продуценты -

выходцы из стран Среднего Востока), #octoroon / #Octoroon / #octoroons (в американском варианте английского языка).

Обобщение эмпирического материала позволило выделить некоторые функциональные особенности ДМЭ-хэштегов в Интернет-дискурсе:

– декапитализация заглавных букв: #abeed образован от ДМЭ #abeed – афроамериканец; #afropino образован от ДМЭ *Afropino* – человек, рожденный от африканско-филиппинского союза;

– параллельное существование вариантов написания одних и тех же ДМЭ-хэштегов с заглавной буквы и с прописной: #africanafrikan / #AfricanAfrican – африканец; #aunthomasina / #AuntThomasina – афроамериканка;

– образование плюративов ДМЭ-хэштегов на основе ДМЭ единственного числа, в том числе, с намеренно некорректным написанием: #tarbaby / #tarbabys / #tarbabies – афроамериканец.

Литература

1. CTV News [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ctvnews.ca/canada/edmonton-police-apologize-for-describing-girl-as-mulatto-in-amber-alert-1.4124507> (дата обращения: 6.11.2021)

2. Facebook [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.facebook.com/> (дата обращения: 6.11.2021)

3. Instagram [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.instagram.com/> (дата обра-

щения: 6.11.2021)

4. The Racial Slur Database [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rsd.org/> (дата обращения: 6.11.2021)

5. Twitter [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://twitter.com/> (дата обращения: 6.11.2021)

6. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 6.11.2021)

References

1. CTV News [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.ctvnews.ca/canada/edmonton-police-apologize-for-describing-girl-as-mulatto-in-amber-alert-1.4124507> (data obrashcheniya: 6.11.2021)

2. Facebook [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.facebook.com/> (data obrashcheniya: 6.11.2021)

3. Instagram [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.instagram.com/> (data obrashcheniya: 6.11.2021)

4. The Racial Slur Database [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.rsd.org/> (data obrashcheniya: 6.11.2021)

5. Twitter [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://twitter.com/> (data obrashcheniya: 6.11.2021)

6. Urban Dictionary [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.urbandictionary.com/> (data obrashcheniya: 6.11.2021)

ETYMOLOGICAL AND MORPHOLOGICAL FEATURES OF DEROGATIVELY MARKED ETHNONYMS-HASHTAGS FOR NEGROID RACE IN INTERNET DISCOURSE

Tsebrovskaya T.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer, Crimean Federal V.I. Vernadsky University

Abstract: the article focuses on etymological and morphological analysis of derogatively marked ethnonyms-hashtags (DME-hashtags) of the modern English language. A distinctive feature is that the study of DME-hashtags used to denote representatives of the Negroid race is carried out for the first time in Russian linguistics. The purpose of this article is coherent consideration of DME-hashtags for representatives of the Negroid race in the Internet discourse in order to understand etymological and word-formation mechanisms of their formation. The purpose of the study has defined the following tasks: 1) observation and selection of publicly available factual materials from the Internet discourse of the modern English language using such social networks as “Twitter”, “Facebook” and “Instagram”; 2) identification of etymological and morphological characteristics of DME-hashtags for designation of the Negroid race in the Internet discourse of the modern English language; 3) determination of highly productive ways of word formation of DME-hashtags for the Negroid race in the Internet discourse based on the studied empirical materials. Practical application of the materials of this article is seen in lectures on word formation, etymology and neology of modern English, as well as in a special course on the features of modern English-language Internet discourse.

Keywords: derogatively marked ethnonym, DME, DME-hashtag, hashtag, etymology, morphology, on race grounds, Internet discourse

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЯЗЫКА МАОРИ СО ЗНАЧЕНИЕМ «УСТНОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО» НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НОВОЗЕЛАНДСКОГО ПИСАТЕЛЯ МАОРИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИТИ ИХИМАЭРА

*Галахова М.С., аспирант,
Московский государственный областной университет*

Аннотация: данная статья представляет собой описание культурных реалий из области устного музыкального творчества на примере художественных произведений новозеландского писателя Вити Ихимаэра. Исследование проводится с помощью метода лингвокультурологического комментирования, статистического и дефиниционного методов.

В статье идет речь преимущественно о лексическом заимствовании как самом частотном из всех уровней языка. Слова перенимаются в язык-реципиент для называния новых реалий, ранее не существующих в принимающем языке, для заполнения пробелов в языке.

Примеры заимствований взяты из текстов новозеландской художественной литературы, которая была создана маорийскими авторами на английском языке для широкого круга читателей как способ поддержать миноритарную культуру маори.

В ходе исследования сделан вывод, что заимствования из маорийского языка приобретают некоторые грамматические характеристики языка-реципиента, ассимилируются в языке; в основном употребляются без пояснительного перевода. Некоторые слова в современных условиях приобретают новые, расширенные значения. Это происходит потому, что в картине мира маори появляются новые концепты из европейской картины мира.

Теоретическая и практическая значимость заключается в том, что автору удалось описать заимствования из области устного музыкального творчества маори, дать им грамматическую характеристику, отобрать релевантные примеры из художественных текстов новозеландского писателя Вити Ихимаэра. Результаты исследования значимы для области вариантологии и изучения миноритарных языков.

Ключевые слова: вариантология, контактная литература, реалии, заимствования, миноритарный язык, устное музыкальное творчество, новозеландский английский, маори

Введение

Актуальность настоящей статьи обусловлена повышенным интересом к миноритарным языкам, находящимся под угрозой исчезновения, и стремлением сохранить языковое разнообразие в мире. Маорийский язык в Новой Зеландии отнесен ЮНЕСКО к «уязвимым» языкам, то есть его функционирование ограничено внутрисемейным общением. Язык маори не используется в престижных сферах общения, в отличие от доминирующего языка – английского. Эти языки сосуществуют на одной территории, в разной степени оказывая друг на друга влияние.

В результате культурно-языковых контактов языки принимают в свой состав новые слова, заполняя пробелы в языке. Автор Жером Багана в своей книге «Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм» делает вывод о том, что в большинстве случаев заимствованные слова попадают в язык «как средство называния новых вещей и выражение ранее неизвестных понятий» [1, с. 93].

Как свидетельствует Л.П. Крысин, чаще всего заимствования происходят на лексическом уровне: это «наиболее частый и типичный случай заимствования» [5, с. 24]. Что касается маорийского языка, исследователь Виктор Крупа отмечает, что маорийское влияние на английский язык в Новой

Зеландии ограничивается сферой лексики [4, с. 10]. Действительно, словарный фонд новозеландского варианта английского языка пополнился национально-специфической лексикой из аборигенного языка маори. Это слова, «свойственные одному языку, только ему присущие реалии культуры, быта, среды, которым в иной культуре (и понятийной системе) соответствуют полные или частичные пробелы» [6, с. 89].

Согласно «Словарю терминов межкультурной коммуникации» под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной, термин **реалия**, впервые введенный в оборот Л.Н. Соболевым в 1952 году, обозначает «1. culture-specific object. Предмет материальной культуры. 2. culture-bound notion. Понятие о предмете своей или иной культуры. 3. culture-loaded-bound word. Слово, называющее это понятие; культурнообусловленное слово» [3, с. 340].

В новозеландском варианте английского языка к реалиям относятся такие слова, как киви, маори, хака, вака, туи, века, марае, пои, каранга.

Целью данной статьи является изучение и характеристика культурных реалий из области устного музыкального творчества в новозеландском английском языке художественной литературы. Основными **методами** исследования послужили метод лингвокультурологического комментирования, статистический и дефиниционный метод.

Предметом исследования является творчество новозеландского писателя маорийского происхождения Вити Ихимаэра.

Понятие контактной литературы

Вследствие контакта языков и культур в литературоведении возникло новое понятие контактной литературы (contact literature), которое ввел в употребление индийский лингвист Брэдж Качру.

Как характеризуется это понятие в «Словаре терминов межкультурной коммуникации», контактная литература или кросс-культурная литература – «художественная литература, созданная на втором (неродном) языке, характеризующаяся симбиозом двух культур и литературных традиций. В настоящее время используется преимущественно по отношению к национальной (индийской, сингапурской, филиппинской и др.) литературе на английском языке, но может также относиться к литературе на других языках (например, афро-французская литература)» [2, с. 186].

Несмотря на то, что данная литература часто критикуется за неспособность точно передать детали родной культуры, произведения авторов-билингвов отмечаются престижными наградами, такими как Нобелевская и Букеровская премии.

В данной статье рассматривается художественная литература авторов-маори на английском языке второй половины XX века. Здесь смешиваются две культуры, маорийская и англоязычная. Примеры взяты из романа Вити Ихимаэра «Оседлавший кита» [Witi Ihimaera “The Whale Rider”, 1987], сборника рассказов «Поунаму, Поунаму» [“Pounamu Pounamu”, 1972], романа «Булибаша» [“Bulibasha”, 1986].

Культурные реалии маори из области устного музыкального творчества

Одним из важных элементов культуры маори является священное место – **марае (marae)**. Как подробно описывает это место Н. А. Бутинов, марае «была сердцем общины. Это было пространство в центре деревни, покрытое ровной невысокой травой, а иногда и лишенное травы». Что касается событий, происходящих в жизни народа маори, то автор свидетельствует, что «здесь члены общины собирались перед отправлением на коллективную охоту или обработку земли; здесь делилась добыча после коллективной охоты; здесь проходили общие собрания членой общины; здесь принимали чужестранцев, произносили приветственные речи; здесь давались драматические представления, устраивались празднества, исполнялись пляски «хака» и «пои»; здесь маори ежедневно обедали (они никогда не ели внутри дома); здесь играли дети, а юноши занимались спортом и проходили военную подготовку; сюда приносили умирающего вождя, и он давал последние настав-

ления членам общины; здесь проходили погребальные церемонии, «танги» и т.д.» [2, с. 101].

На марае исполняются в особенности три из следующих жанров: **karanga** – ритуал приветствия, **whaikorero** – произнесение речей гостями и хозяевами, **waiata** – песнь, **pihe** – танец.

В культуре маори распространены песни и танцы. Как свидетельствует Британская энциклопедия Britannica, новозеландские авторы Маргарет Орбелл и Мервин Маклин [Margaret Orbell; Mervyn Mclean] выделили три вида песен вайата (waiata): вайата танги (waiata tangi) – жалобные песни, оплакивающие мертвых и другие несчастья; вайата ароха (waiata aroha) – песни о любви; и вайата вайаайпо (waiata whaiaaipo) – песни восхваления возлюбленных. Также есть пао (pao) – песни-беседы, пои (poi) – песни, сопровождаемые ритмичными танцами, которые исполняются с мячами на льняных веревках, ориори (oriori) – песни, сложенные для детей вождей и воинов, и каранга (karanga) – песня-chant, исполняемая женщинами на марае для приветствия или прощания с посетителями.

Некоторые чанты являются скорее речитативами, а не песнями. Среди них каракия (karakia) – вид заклинания, призывающее силы, чтобы защитить исполнителя, паатере (paatere) – чанты, исполняемые женщинами в ответ на сплетни и клевету, каиораора (kaioara) – выражения ненависти к врагу, обещающие жестокую месть, и хака (haka).

Рассмотрим подробнее некоторые заимствования из области музыкальных жанров.

Как пишет Мервин Маклин, каранга – это клич, исполняемый женщинами на марае, обычно во время церемонии приветствия. Приветственная церемония на марае (roowhiri), как правило, начинается с обмена кличем между хозяйками и женщинами, ведущими гостей в марае [12]. При этом упоминаются умершие, называется причина встречи, представляются все присутствующие; затем тем же самым отвечают гости. Обмен репликами продолжается до тех пор, пока гости не умолкают.

Каранга заканчивается вздохом – длинным, протяжным, к концу затихающим криком, которому предшествует дрожание голоса [12].

Как правило, заимствованное слово приобретает грамматические категории принимающего языка, ассимилируется в нем. Например, маорийское заимствование часто употребляется с артиклями английского языка ‘a/an/the’. Этот факт говорит о некоторой освоенности языка маори в английском языке.

Примеры из романа Вити Ихимаэра «Булибаша»: “Just as he was going through the door

with his groomsmen he heard **the karanga**” [11, с. 87]. “You better do **the karanga** for your mother,” Aunt Ruth said [11, с. 170].

Героиня «Оседлавшего кита» исполняет танец **пои**. Как уже ранее отмечалось, **пои** (poi) - песни, которые сопровождаются ритмичными танцами, с мячами на веревках. Игроки держат веревку и, двигаясь в ритм песни poi (rangī poi), вращают мячи в разных направлениях – перед собой, над правым плечом, над левым и т.д. [12].

Как свидетельствует словарь маорийского языка Герберта Уильямса, слово **пои** имеет значение «мяч, кусок»; как следует из этого, poi dance (танец **пои**) дословно означает «танец с мячом»:

1. “n. *Ball, lump*. He poi oneone.

2. A light ball with a short string attached to it, which was swung and twirled rhythmically to the accompaniment of a song, the so-called **poi** dance” [14].

Пример из романа «Оседлавший кита»: “Guess what, I am in the front row of our Maori culture group at school. I can do the **poi**” [9, с. 52].

К слову может прибавляться флексия ‘s’ при образовании множественного числа. В маорийском языке нет флексии для обозначения множественного числа, множественное число образуется с помощью артикля (tereo – language, ngareo – languages). В настоящее время окончание –s используется в речи и в текстах СМИ, но все больше людей используют маорийские слова без окончания, следуя аналогу слов sheep, deer, fish. Однако, слово Kīwi является исключением [8, с. 74].

Пример из сборника рассказов “Pounamu, Pounamu”: “Beside it, hung two long **pois**, my Nani Miro’s **pois**, which she used in action song competitions at Takitimu Hall” [10, с. 57].

Исследовав все случаи употребления слова poi в отобранных произведениях, можно сделать вывод, что в произведениях слово **poi** используется самостоятельно, не в гибридном сочетании **poi dance**. Однако, оно функционирует в гибридном сочетании **to do the poi**, что характеризует его как адаптированное в системе английского языка. Кроме того, это слово приобретает грамматические категории английского языка: употребляется с артиклем и имеет флексию множественного числа.

Каракия (karakia) – это молитвы или заклинания. Они используются, как правило, чтобы обеспечить благоприятный исход важных событий и дел, таких как tangihanga (ритуал прощания с ушедшими), hui (встречи), открытия и т.д., однако, они могут охватывать все сферы жизни. Маори произносят их для встречи рассвета и провода дня, благополучного путешествия, от разных болезней, во время того, как делают тату (ta toko), во время гравировки whareni (домов встреч) или waka

(традиционного каноэ). Каракия, по своей сути, – ритуальные чанты, взывающие к помощи Бога.

Как свидетельствует словарь маорийского языка Герберта Уильямса 1957 года, **karakia**. “1. n. *Charm, spell, incantation*; particularly the ancient rites proper to every important matter in the life of the Maori” [14].

В словаре маорийского языка Те Ака у слова **karakia** появляется дополнительное значение «церковная служба» для новых в картине мира маори религий, особенно христианства: “(noun) *prayer, grace, blessing, service, church service* – an extension of the traditional term for introduced religions, especially Christianity”. Таким образом, под влиянием европейской картины мира у маори появляется новая концептосфера христианство и слово karakia в современном мире приобретает расширенное значение.

Примеры из книги «Булибаша»: “Grandfather went to kneel in **karakia**. We were following him down on our knees” [11, с. 203].

“She had just finished **karakia**, calling on God’s aid in this fight against the Infidel. Aunt Miriam was centre forward” [11, с. 155].

“The day was peaceful and quiet. Most of the people in the village had gone to **karakia**, to church, at Mangatu” [11, с. 43]. В данном предложении слово **karakia** употребляется в новом общем значении «молитва/молебен» в церкви.

В трех указанных произведениях чаще всего используется слово karanga – 15 раз, poi – 8 раз, karakia – 8 раз.

Заключение

Проведенное исследование, осуществленное на материале новозеландской художественной литературы, позволило описать некоторые реалии маорийской культуры из области устного музыкального творчества, охарактеризовать их функционирование в предложении, подсчитать количество этих слов в текстах художественной литературы. В произведениях автора Вити Ихимаэра упоминаются некоторые музыкальные и танцевальные жанры, среди них: poi, karanga, karakia, waiata tangi, haka. В двух романах и одном сборнике рассказов Вити Ихимаэра слово karanga встретилось 15 раз, poi – 8 раз, karakia – 8 раз. Следует отметить и некоторую освоенность маорийского языка. Это проявляется в том, что в английском языке заимствования приобретают грамматические характеристики языка-реципента, английского, а также употребляются в текстах в основном без пояснений и понимаются читателями. Также выяснилось, что под влиянием европейской картины мира слова приобретают новые значения.

Художественная литература Новой Зеландии является одним из способов популяризировать маорийский язык и культуру, она призвана дать новую жизнь миноритарной культуре, расширить читательскую аудиторию за счет языка-посредника, английского языка. Писатель маорийского происхождения Вити Ихимаэра и другие авторы, используя английский язык в своем творчестве, передают нюансы культуры народа маори. Английская форма выражения в контактной литературе Новой Зеландии имеет маорийское содержание, которое обуславливается этнической принадлежностью автора.

Литература

1. Багана Ж., Хапилина Е.В. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм. М.: ФЛИНТА, 2016. 160 с.
2. Бутинов Н.А. Маори // Океанийский этнографический сборник. М.: Изд-во академии наук СССР, 1957
3. Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] / под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. 3-е изд., стер. М.:ФЛИНТА, 2017. 632 с.
4. Крупа В. Язык маори. М.: Наука, 1967. 79 с.
5. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с. (Studia Philologica).
6. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.; СПб.: ГЛОССА: КАРО, 2004. 336 с.
7. Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории. World Englishes Paradigm [Электронный ресурс]: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2017. 208 с. ISBN: 978-5-9765-2694-5
8. Hay J., Maclagan M., Gordon E. New Zealand English. Oxford University Press, 2008. 184 p.
9. Ihimaera Witi "The Whale rider". NZ ePenguin, 2008.
10. Ihimaera Witi "Pounamu, Pounamu". NZ ePenguin, 2012.
11. Ihimaera Witi, "Bulibasha". NZ ePenguin, 1998. 304 p.
12. Mclean Mervyn Maori Music. Auckland University Press, 2013. - 480 p. [Электронная книга]
13. Mclean Mervyn Traditional Songs of the Maori. Auckland University Press, 2013. 324 p. [Электронная книга]
14. Williams H. Herbert A dictionary of the Maori language. Government Printer, 1957 [Электронный ресурс].

References

1. Bagana ZH., Hapilina E.V. Kontaknaya lingvistika. Vzaimodejstvie yazykov i bilingvizm. M.: FLINTA, 2016. 160 s.
2. Butinov N.A. Maori. Okeanijskij etnograficheskij sbornik. M.: Izd-vo akademii nauk SSSR, 1957
3. Zhukova I.N., Lebed'ko M.G., Proshina Z.G., YUzefovich N.G. Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii [Elektronnyj resurs].pod red. M.G. Lebed'ko i Z.G. Proshinoj. 3-e izd., ster. M.:FLINTA, 2017. 632 s.
4. Krupa V. Yazyk maori. M.: Nauka, 1967. 79 s.
5. Krysin L.P. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 888 s. (Studia Philologica).
6. Oshchepkova V.V. YAzyk i kul'tura Velikobritanii, SSHA, Kanady, Avstralii, Novoj Zelandii. M.; SPb.: GLOSSA: KARO, 2004. 336 s.
7. Proshina Z.G. Kontaknaya variantologiya anglijskogo yazyka: Problemy teorii. World Englishes Paradigm [Elektronnyj resurs]: ucheb. posobie. M.: FLINTA, 2017. 208 s. ISBN: 978-5-9765-2694-5
8. Hay J., Maclagan M., Gordon E. New Zealand English. Oxford University Press, 2008. 184 p.
9. Ihimaera Witi "The Whale rider". NZ ePenguin, 2008.
10. Ihimaera Witi "Pounamu, Pounamu". NZ ePenguin, 2012.
11. Ihimaera Witi, "Bulibasha". NZ ePenguin, 1998. 304 p.
12. Mclean Mervyn Maori Music. Auckland University Press, 2013. - 480 p. [Elektronnaya kniga]
13. Mclean Mervyn Traditional Songs of the Maori. Auckland University Press, 2013. 324 p. [Elektronnaya kniga]
14. Williams H. Herbert A dictionary of the Maori language. Government Printer, 1957 [Elektronnyj resurs].

**LEXICAL BORROWINGS FROM THE MAORI LANGUAGE
REPRESENTING “ORAL MUSIC TRADITION” (BASED ON THE BOOKS OF
THE NEW ZEALAND WRITER OF MAORI ORIGIN WITI IHIMAERA)**

*Galakhova M.S., Postgraduate,
Moscow Region State University*

Abstract: the present article describes cultural realia from the area of oral music tradition (based on a number of books written by New Zealand author of Maori origin Witi Ihimaera). The research is carried out using the method of linguocultural commenting, statistical and definitional methods.

The article concerns primarily a lexical borrowing as the most common of all of the language levels. Words are borrowed into the recipient language to name new realia, that have never been in existence before, to fill in the lacunas in the language.

The examples of the loanwords are taken from New Zealand fiction, which has been created by Maori authors in the English language for a wide range of readers as a way of supporting minority Maori culture.

The research has shown that Maori borrowings acquire a number of grammatical characteristics of the recipient language, they are mostly used with no translation, some of the borrowings extend their meanings because Maori's worldview acquires new concepts from the European worldview.

The article is of theoretical and practical significance because the author was able to describe the loanwords from the area of oral music tradition, to characterize them, select relevant examples from New Zealand fiction books of Maori writer Witi Ihimaera. The results can be used in the field of variety studies and minority languages.

Keywords: variety studies, contact literature, realia, loanwords, minority languages, oral music tradition, New Zealand English, Maori

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ В ТЕКСТАХ АМЕРИКАНСКОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

*Грищук А.В., аспирант, ассистент,
Московский городской педагогический университет
Севастопольский государственный университет*

Аннотация: в статье рассматриваются определения термина «лексико-семантическое поле», приводимое разными авторами и даётся их краткая характеристика. Также даётся теоретическая информация относительно текстовых единиц с патриотической семантикой. В практической части статьи рассматривается, как лексико-семантические поля отражаются в текстах американских патриотических песен. Был выполнен анализ 7 песен, в частности был выполнен детальный анализ лексико-семантических единиц. Было выявлено, что семантическое поле включает в свой состав слова различных частей речи, с допущением включения фразеологизмов и лексических материалов различных форм существования национального языка не только литературного языка и стиля, но и просторечия, диалектов с обращением к историческим лексическим материалам. Лексико-семантическое поле характеризуется рядом признаков системности. Однако в силу тесной связи с внеязыковыми реалиями поле является незамкнутой единицей организации лексики и поэтому существенно отличается от систем других языковых уровней (фонологического, морфологического). Из этого вытекает, что всегда необходимо учитывать лексический уровень языка, который организован сложными соотношениями лексико-семантических полей как смежных, так и пересекающихся, и соподчиненных. Для данного исследования были выбраны сборники песен «All American Patriotic Songbook» и «American Patriotic Songs».

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, патриотическая песня, Родина, текст, патриот, лирический герой

Введение

В лингвистике семантическое поле представляет собой лексический набор слов, сгруппированных семантически (по значению), который относится к определенному предмету.

Американский историк К. Бринтон определяет «семантическое поле» или «семантическую область» и связывает лингвистическое понятие с гипонимией: «Понятие семантического поля или области связано с концепцией гипонимии, но более свободно определено. Семантическое поле обозначает сегмент реальности, символизируемый набором связанных слов. Слова в семантическом поле имеют общее семантическое свойство» [1].

Общее описание семантического поля предполагает, что слова в семантическом поле не обязательно являются синонимами, но используются, чтобы описывать и обсуждать общее явление [1].

По словам финского философа Я. Хинтика синонимия требует разделения семы или семы, в то время как семантическое поле – это большая область, окружающая семы. Значение слова частично зависит от его отношения к другим словам в той же концептуальной области [2]. Философ А. Акмаджан считает, что типы семантических полей варьируются от культуры к культуре, антропологи используют их для изучения систем убеждений и рассуждений в разных культурных группах [3]. Британский философ Дж. Андерсен определяет традиционное использование теории «семантического поля» как средством для сравнения лексической структуры разных языков и разных состояний одного и того же языка [4].

Согласно современному традиционному структуралистскому взгляду язык имеет парадигматиче-

ски определенный ряд слов, каждое из которых является оптимальным для описания ситуации. Фактический выбор из этого ряда представляет собой фундаментальное семантическое решение, которое является релевантным [5, 6]. В нашем случае лексико-семантическое поле патриотических песен предоставляет серию лемм для описания слышимого и видимого человеческого поведения, которое делает фундаментальные различия в этом поведении.

Гипотеза заключается в том, что если анализ лексико-семантического поля патриотических американских песен позволит углубить знания о лексике и сравнительных оборотах речи языка, расширить знания об особенностях языка, обнаружить иерархию таких фундаментальных различий, как вокализованные и не вокализованные, которые в языке могут быть частично лексикализованы и иным образом выражены через контекст или оставаться неявными.

Таким образом, семантическое поле является структурообразующим механизмом для языка. Особое место в нем занимает патриотическая семантика. Ярким примером патриотической семантики является патриотическая песня. Патриотическая песня – это музыкальное произведение, в котором ярко выражается чувство любви и преданности своему народу, нации, стране или сообществу.

Целью данного исследования является рассмотрение лексико-семантические поля в текстах американской патриотической песни, что позволяет лучше изучить особенности языка, культуры, ментальность национальности.

Текстовые единицы патриотической семантики

Текстовую единицу с патриотической семантикой можно рассматривать как средство накопления, хранения и передачи знаний, приобретенных и отраженных в поэтической форме. Такой подход позволяет раскрыть ментальность нации, языковые и культурные явления. Текстовый компонент данного типа характеризуется тематически обусловленной семантикой, различными формами выражения, функциональной значимостью и определенной силой воздействия в связи с популярностью песен в коммуникативном пространстве.

Текстовая пейзажная единица с патриотической семантикой способна передать основное содержание песенного текста и сохранить историческую память народа. Отличительной особенностью рассматриваемой группы элементов является универсальность: они могут быть базовыми для одних текстов и фоновыми для других примеров текстов, иметь ядерный центр и периферийные зоны.

Информация, связанная с семантикой патриотизма, представляет собой наиболее сложную структуру, включающую общественное и индивидуальное, одновременно объективное и субъективное представление человека о реальной картине мира, что связано не только с порождением автора текста, но и восприятием слушателя.

В рамках данного исследования на примерах будет рассмотрено, как лексико-семантические поля отражаются в патриотических песнях и какую функцию они несут.

Отражение и функции лексико-семантических полей в патриотических песнях

Для данного исследования были выбраны сборники песен «All American Patriotic Songbook» и «American Patriotic Songs»:

1. «All American Patriotic Songbook» – это сборник самых известных американские патриотические песни, отредактированных и продюсированных американским поэтом и профессором Джоном Хаагом, который является редактором и продюсером 72 любимых сборников песен в Америке. «American Patriotic Songs» подборка популярных и редких мелодий времен Гражданской войны в США.

2. «All American Patriotic Songbook» и «American Patriotic Songs» включают в себя 46 песен, содержание которых в основном сосредоточено на естественной красоте нации, любви к Америке, гордости и чести быть американцем, непреклонном духе американского народа, продолжающемся конфликте и призыве к движениям сопротивления.

Результаты

Было выявлено 7 наиболее ярких примеров

американской патриотической песни для изучения лексико-семантического поля.

Пример №1: Песня Ли Гринвуда “God, bless the USA” 1983 г.

В песне певец поет о том, что, если бы он потерял все, что у него было, и ему пришлось бы начинать все с нуля, он бы сделал это в Соединенных Штатах, потому что он считает, что его свобода гарантирована только в Америке. Взаимосвязь свободы и Америки выражается лексико-семантическим полем следующих строк:

“I’d thank my lucky stars,
To be livin here today.
Cause the flag still stands for freedom...”,

Звёзды на небе символизируются звёздами на флаге государства. Звёзды, которые дали возможность человеку жить в стране и флаг, развевающийся в небе во имя свободы.

“And I won’t forget the men who died,
Who gave that right to me”.

Автор вспоминает, как другие американцы погибли, чтобы обеспечить эту свободу. Слова “men who died” и “who gave that right to me” адресованы храбрецам, которые дали возможность людям жить в свободной стране. Также в данном контексте видно, как автор заявляет, что, если ему когда-либо придется защищать США, он с радостью встанет и будет сражаться, потому что любит свою страну.

“And I’m proud to be an American,
Where at least I know I’m free”.

В данных строчках мы также видим, как патриот ассоциирует свою родную страну со свободой. Он гордится быть американцем, где по крайней мере знает, что он свободен и готов приложить максимальные усилия для защиты своего родного края [7].

Пример №2: песня Тоби Кейт “American soldier”, 2003 г.

“I’m just trying to be a father...
Be a lover to their mother...”

Это первые строки, которые демонстрируют лексико-семантическую связь, с помощью которой проводится сравнение солдата с отцом для детей, а также любовника для мамы. Данный приём показывает, насколько солдат предан своей семье.

“...I just do it anyway
Providing ... my responsibility”
“I just work straight on holidays
And sometimes all night long”.

Слова “anyway” и “responsibility” показывают, что нашему главному герою не нужны ни деньги, ни слава. Он служит своей Родине, чтобы показать ответственность за свой родной край, и чтобы будущее поколение знало каким должен быть настоящий солдат. У патриота нет выходных, и если

необходимо, он будет вставать на защиту родины и в праздники, а иногда и всю ночь работать, это выражается в словах “on holidays” и “all night long”.

“Hey, I’m solid, hey I’m steady, hey I’m true down to the core”

Набор эпитетов в этих словах подчёркивает силу и отважность армии и флота. Главный герой подтверждает, что он верен и предан Родине, что играет неотъемлемую роль в сохранении мира и защите страны [8].

Пример №3: песня Джонни Кэша “Ragger old flag”, 1974 г.

«Your old court house is kinda run down,
He said, «Naw, it’ll do for our little town».

Данное сравнение показывает, что старик не переживает, что его дом накренился. Он гордится своим родным краем, говоря, что этот дом теперь отлично подходит для их маленького городка.

“we’re kinda proud of That Ragged Old Flag...”

“It got powder burned the night Francis Scott Key sat watching it...”

“It got a rip in New Orleans”

В следующих строках идёт непосредственное упоминание рваного флага, а самое главное событий, через которые он прошёл. Автор олицетворяет флаг с его собственным домом, а также с американским государством и его особенностями в целом.

Отрывок, представленный ниже, включает в себя патриотические строки, которые обращены к каждому поколению. «Рванный старый флаг», о котором рассказывает старик, детально описывает историю американского государства. Основа этого сравнение – показать, как патриотизм распространяется на поколения, а также почему такая песня, как «Ragged Old Flag», является важной частью патриотизма в Соединенных Штатах Америки.

«So we raise her up every morning

And we bring her down slow every nigh

Cause I’m mighty proud of That Ragged Old Flag»

Каждый день жители поднимают и опускают флаг, даже не обращая внимание на то, что он рванный. Стоит обратить внимание, что автор персонализирует флаг, используя местоимение “her”. Этим он в очередной раз доказывает, что через что бы не проходила Америка, он всегда будет гордиться своей страной [9].

Пример №4: песня Алана Джексона “Where were you (When the world stopped turning)”, 2001 г.

Песня основана на собственном опыте Джексона 11 сентября 2001 года, когда он только возвращается домой и узнает о страшном теракте. В этой песне лексико - семантическая связь прослеживается в риторических вопросах, которые автор задаёт мирным жителям и в тех вариантах ответов,

которые он предлагает. Рассмотрим этот приём на примерах:

“Where were you ... That September day?”

“Out in the yard... ,

Or working on some stage in L.A.?”

“Did you stand there in shock at the sight of that black smoke”

При более глубоком анализе текста песни становится очевидно, что эти риторические вопросы продолжают по всему тексту песни и у каждого вопроса своя функция. Основная общая характеристика – все вопросы направлены на реакцию мирных жителей. В одних строках спрашивается: “Did you lay down at night and think of tomorrow? /Go out and buy you a gun?” В промежутке автор спрашивает о том, где находились люди, когда разыгралась трагедия:

“Did you go to a church and hold hands with some strangers

Did you stand in line and give your own blood?”

В припеве Джексона пытается подытожить собственные чувства и чувства окружающих, сначала он называет себя «певцом простых песен» (“a singer of simple songs”) и «не настоящим политиком» (“not a real political man”), а затем перефразирует первое послание апостола Павла к коринфянам из библейского Нового Завета. «Вера, надежда и любовь – это лучшие вещи, которые Он дал нам / И самое важное – любовь» (“Faith, hope and love are some good things He gave us/And the greatest is love.”) [10].

Пример №5: Песня Бига и Ричи “8th of November”, 2005 г.

“Said goodbye to his momma as he left South Dakota

To fight for the red, white and blue”

С данного разговорного вступления Криса Кристофферсона начинается данная песня. Далее рассказывается история Найлза Харриса, солдата 173-й воздушно-десантной бригады армии США во время военной операции в Южном Вьетнаме 8 ноября 1965 года. В словах “red, white and blue” идёт ассоциация с американских флагов, объясняющая, что герой готов сражаться за Родину.

“Like a dark evil cloud, 1,200 came down on him and 29 more”

В представленной выше строке автор обращает внимание на тот факт, что в то время, когда он был сброшен в джунглях, вместе с ним было сброшено еще 1229 человек. Они тоже патриоты, но когда они были выброшены, это выглядело как облако зла, состоящее из людей, при этом каждый боролся за свою жизнь.

“On the 8th of November the angels were crying

As they carried his brothers away”

Люди, которые сражались вместе с главным героем, стали для него родными братьями. Слово *brothers* подчеркивает этот момент.

“Now he's 58 and his pony tail's gray
But the battle still plays in his head”

В третьем куплете раскрывается главный смысл песни. Он состоит в том, что, когда солдаты возвращаются с войны, они часто вспоминают эти события, потому что служба Родине остаётся в памяти навсегда [11].

Пример №6: песня Тоби Кейта “*Courtesy of the Red, White and Blue (The Angry American)*”, 2002 г.

“American Girls and American Guys
We'll always stand up and salute
We'll always recognize”
“So we can sleep in peace”

Данные строки являются вступительной частью песни. Слова “*Girls and Guys*” являются призывом для всей американской нации, его главная цель – стремление к миру в стране. Автор персонализирует жителей родного края и объясняет им, что они могут спать спокойно, а выражение “*in piece*” подразумевает под мирным небом.

“And the Statue of Liberty
Started shaking her fist
When you hear Mother Freedom
Start ringing her bell”

В данном контексте лирический герой проводит сравнение в виде идиомы. Статуя свободы символизируется дословным выражением «Свобода-Мать», которая позвонит звонком, и свобода восторжествует в стране.

“Justice will be served
And the battle will rage
This big dog will fight”

Глаголы, употреблённые в этих строках, разные по значению, но одинаковы по смыслу. Ради того, чтобы мир был в родной стране и правосудие восторжествует и будет идти жаркий бой, и даже собака готова будет встать на защиту страны.

“My daddy served in the army”

“He wanted my mother, my brother, my sister and me

To grow up and live happy
In the land of the free”.

Следует обратить особое внимание на второй куплет. Эту песню Toby Keith написал своему отцу, который 24 марта 2001 года погиб в автокатастрофе. И здесь проводится ещё одна ассоциация Америки со свободной страной “*the land of the free*”. Его отец Hubert Keith хотел, чтобы его семья жила в свободной стране и даже когда он потерял правый глаз в битве, он продолжал сражаться за Родину [12].

Пример №7: песня Дэрил Уорлей “*Have You Forgotten?*”, 2003 г.

“I say there's some things worth fighting for
What about our freedom and this piece of ground”

Лексико-семантическая связь в данном контекста выражается в том, что автор объясняет, что есть за что стоит побороться во благо родной страны, а именно свобода и кусок земли, которые невозможно будет сохранить, если люди сдадутся и начнут отступать.

“Have you forgotten how it felt that day?” Посредством данной строки лирический герой объясняет важность всей ситуации на примере событий, произошедших 11 сентября 2001 г. Он не пишет конкретную дату, а употребляет фразу “*that day*”, которая помогает всё вспомнить.

“We had neighbors still inside going thru a living hell” – в данной строке соседи, которые находились во время взрыва в башнях и пытались спастись описаны в образе людей, проходящих через огненный ад.

“To see your homeland under fire
And her people blown away”

Читая фразу “*homeland and her people*” в строках выше, мы видим, как автор персонифицирует Родину, представляя её в образе родного человека, которая также стремится защитить своих патриотов [13].

Выводы

Проанализировав в данной статье 7 патриотических песен, можно сделать следующий вывод. Семантическое поле включает в свой состав слова различных частей речи, с допущением включения фразеологизмов и лексических материалов различных форм существования национального языка не только литературного языка и стиля, но и просторечия, диалектов с обращением к историческим лексическим материалам. Лексико-семантическое поле характеризуется рядом признаков системности, таких как семантическая соотносительность лексем; определенный набор неоднократно реализованных мотивационных моделей; повторяемость словообразовательных моделей).

Однако в силу тесной связи с внеязыковыми реалиями поле является незамкнутой единицей организации лексики и поэтому существенно отличается от систем других языковых уровней (фонологического, морфологического).

Лексический уровень языка организован сложными соотношениями лексико-семантических полей как смежных, так и пересекающихся, и соподчиненных.

Литература

1. Brinton Laurel J. The structure of modern English: a linguistic introduction. Illustrated edition. John Benjamins Publishing Company. ISBN 9789027225672. Source: [3] (accessed: Sunday May 2, 2010). 2000. P. 112.
2. Jaakko Hintikka, Aspects of Metaphor, Springer, 1994, ISBN 0-7923-2786-1. P. 41.
3. Adrian Akmajian, Richard A. Demers, Ann K. Farmer, Robert M. Harnish, Linguistics, MIT Press, 2001, ISBN 0-262-51123-1. P. 239.
4. Andersen, Peter Bogh. A theory of computer semiotics: semiotic approaches to construction and assessment of computer systems. Volume 3 of Cambridge series on human-computer interaction. Cambridge University Press. ISBN 0-521-39336-1, ISBN 978-0-521-39336-2. Source: [4] (accessed: Sunday May 2, 2010), 1990. P. 327.
5. Эгамназаров Х.Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2018. № 1 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-leksiko-semanticheskogo-polya-v-lingvistike> (дата обращения: 23.11.2021)
6. Куренкова Т.Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике // Сибирский аэрокосмический журнал. 2006. № 4 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskoe-pole-i-drugie-polya-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 22.11.2021)
7. Тамбовцева Карина Джаббаровна Лексико-семантические поля молодежного американского сленга // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskoe-polya-molodezhnogo-amerikanskogo-slenga> (дата обращения: 26.11.2021)
8. Waddell, Ray (15 November 2003). "Reviews". Billboard. Nielsen Business Media, Inc. № 115 (46). P. 22. ISSN 0006-2510.
9. Huss, John; Werther, David (2011-08-31). Johnny Cash and Philosophy: The Burning Ring of Truth. Open Court. ISBN 978-0-8126-9778-0. P. 25.
10. Mansfield, Brian (November 21, 2001). "Inspiration awakens Jackson to country hit". USA Today. Retrieved 19.07.2021.
11. "8th of November' sheet music". Retrieved November 26, 2015 [Digital Resource]. URL: musicnotes.com. Date of application: 19.07.2021
12. CBS News (November 5, 2003). "Toby Keith: Being Honest On Red, White and Blue, CMAs And Shock'n Y'all". The Early Show. [Digital Resource]. URL: <https://www.cbsnews.com/stories/2003/11/05/earlyshow/leisure/music/main582006.shtml>. Date of application: 20.07.2021

References

1. Brinton Laurel J. The structure of modern English: a linguistic introduction. Illustrated edition. John Benjamins Publishing Company. ISBN 9789027225672. Source: [3] (accessed: Sunday May 2, 2010). 2000. P. 112.
2. Jaakko Hintikka, Aspects of Metaphor, Springer, 1994, ISBN 0-7923-2786-1. P. 41.
3. Adrian Akmajian, Richard A. Demers, Ann K. Farmer, Robert M. Harnish, Linguistics, MIT Press, 2001, ISBN 0-262-51123-1. P. 239.
4. Andersen, Peter Bogh. A theory of computer semiotics: semiotic approaches to construction and assessment of computer systems. Volume 3 of Cambridge series on human-computer interaction. Cambridge University Press. ISBN 0-521-39336-1, ISBN 978-0-521-39336-2. Source: [4] (accessed: Sunday May 2, 2010), 1990. P. 327.
5. Egamnazarov H.H. O ponyatii leksiko-semanticheskogo polya v lingvistike. Uchenye zapiski Hudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki. 2018. № 1 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-leksiko-semanticheskogo-polya-v-lingvistike> (data obrashcheniya: 23.11.2021)
6. Kurenkova T.N. Leksiko-semanticheskoe pole i drugie polya v sovremennoj lingvistike. Sibirskij aerokosmicheskij zhurnal. 2006. № 4 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskoe-pole-i-drugie-polya-v-sovremennoy-lingvistike> (data obrashcheniya: 22.11.2021)
7. Tambovceva Karina Dzhabbarovna Leksiko-semanticheskoe polya molodezhnogo amerikanskogo slenga. Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskoe-polya-molodezhnogo-amerikanskogo-slenga> (data obrashcheniya: 26.11.2021)
8. Waddell, Ray (15 November 2003). "Reviews". Billboard. Nielsen Business Media, Inc. № 115 (46). P. 22. ISSN 0006-2510.
9. Huss, John; Werther, David (2011-08-31). Johnny Cash and Philosophy: The Burning Ring of Truth. Open Court. ISBN 978-0-8126-9778-0. P. 25.
10. Mansfield, Brian (November 21, 2001). "Inspiration awakens Jackson to country hit". USA Today. Retrieved 19.07.2021.
11. "8th of November' sheet music". Retrieved November 26, 2015 [Digital Resource]. URL: musicnotes.com. Date of application: 19.07.2021
12. CBS News (November 5, 2003). "Toby Keith: Being Honest On Red, White and Blue, CMAs And Shock'n Y'all". The Early Show. [Digital Resource]. URL: <https://www.cbsnews.com/stories/2003/11/05/earlyshow/leisure/music/main582006.shtml>. Date of application: 20.07.2021

**LEXICO-SEMANTIC FIELDS IN THE TEXTS OF
THE AMERICAN PATRIOTIC SONG**

*Grischuk A.V., Postgraduate, Assistant Professor,
Moscow Teacher Training University,
Sevastopol State University*

Abstract: the article discusses the definitions of the term "lexico-semantic field", which caused by different authors and give them a brief characteristic. Theoretical information is also given regarding text units with patriotic semantics. In the practical part of the article, it is considered as lexico-semantic fields are reflected in the texts of American patriotic songs. An analysis of 7 songs was performed, in particular, a detailed analysis of lexico-semantic units was performed. It was revealed that the semantic field includes the words of various parts of speech, with the admission to the inclusion of phraseological and lexical materials of various forms of the national language of the national language, not only the literary language and style, but also the surprise, dialects with the appeal to historical lexical materials. The lexico-semantic field is characterized by a number of signs of systemicity. However, due to the close relationship with non-language realities, the field is an unlocked unit of the organization of vocabulary and therefore differs significantly from systems of other language levels (phonological, morphological). This implies that it is always necessary to take into account the lexical level of the language, which is organized by the complex relations of lexico-semantic fields as related and intersecting, and coented. For this study, collections "All American Patriotic Songbook" and "American Patriotic Songs" were selected.

Keywords: lexico-semantic field, patriotic song, homeland, text, patriot, lyrical hero

ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТЕРМИНОЛОГИИ СФЕРЫ ТРАНСПОРТНОЙ ЛОГИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

*Лазько А.Ю., старший преподаватель,
Непеклонова М.Е., старший преподаватель,
Дубовская О.В., кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)*

Аннотация: одним из современных и быстро развивающихся направлений экономики является логистика, в рамках которой функционирует достаточно обширная терминологическая система. Статья посвящена выявлению и изучению основных тематических групп терминологических единиц сферы транспортной логистики современного английского языка. Материалом послужила выборка общим объемом 1200 англоязычных терминологических единиц сферы транспортной логистики. Методы исследования включают метод сплошной выборки терминологических единиц, используемый при отборе материала для анализа, метод сравнения, метод дефиниционного анализа, а также методы фреймового и тезаурусного моделирования, метод тематической классификации, методики количественного анализа. В ходе работы кратко рассматривается история развития сферы транспортной логистики, ее ключевые разделы как отрасли человеческой деятельности, доказывається неоднородность и сложность строения функционирующей в ее рамках терминосистемы. Авторы выделяют по крайней мере четыре крупные тематические группы, а именно: «Общие логистические термины», «Термины транспорта», «Термины комплексной сторонней логистики и складского дела» и «Торговые термины». Данные группы наиболее полно отражают содержание транспортной логистики как одной из ключевых современных сфер экономической деятельности. В рамках каждой из групп выделяются более мелкие группы и подгруппы, в определенных моментах создающие пересечения между крупными тематическими группами логистических терминов.

Ключевые слова: тематическая группа, термин, терминология, транспортная логистика, терминосистема, транспорт, складское дело, торговый термин, тематическая подгруппа, термин-неологизм

В современном мире транспорт рассматривается как значимый элемент логистической системы, а также является частью экономической деятельности, связанной с удовлетворением потребностей людей, имеющих непосредственное отношение к предпринимательской деятельности, путем перемещения (доставки) материальных предметов, веществ, товаров и оказания услуг. Следует отметить, что оптимальным является маршрут доставки, по которому возможно в кратчайшие сроки привести логистический объект (материальный предмет, товар) с минимальными затратами как для отправителя, так и для заказчика, а также минимальным вредом для самого транспортируемого объекта [1, 2, 4, 8, 9, 10, 12, 17, 20, 23]. Таким образом, транспорт напрямую связан с экономикой, промышленностью, сферой услуг и другими областями человеческой деятельности.

Одним из современных и быстро развивающихся направлений экономики является логистика. Логистический подход повышает эффективность работы и распределения товаров, снижает затраты и издержки на перемещение (доставку) товаров, а также обеспечивает высокое качество обслуживания. Транспортная составляющая является неотъемлемой частью всего логистического процесса. Кроме того, будучи отдельной и относительно независимой сферой, транспортная логи-

стика неразрывно связана с остальными звеньями данной предметной области.

Как и любая сфера профессиональной деятельности, транспортная логистика обладает собственной терминологией, функционирующей и необходимой, в первую очередь, для профессиональной коммуникации [3, 7, 14, 15]. Статья ставит целью рассмотреть основные тематические группы терминологии сферы транспортной логистики на материале современного английского языка. Среди методов исследования выделяются метод сплошной выборки терминологических единиц, используемый при отборе материала для анализа, метод сравнения, метод дефиниционного анализа, а также методы фреймового и тезаурусного моделирования, методы тематической классификации, методики количественного анализа. Материалом послужила выборка общим объемом 1200 терминологических единиц сферы транспортной логистики современного английского языка.

Английская терминосистема транспортной логистики является относительно молодой, так как сама сфера в современном ее понимании возникла относительно недавно. Терминосистема постоянно пополняется новыми лексическими единицами – терминами-неологизмами, что в определенной степени расширяет ее тематическое разнообразие. Рассматриваемая англоязычная терминология сферы транспортной логистики достаточно актив-

но взаимодействует со смежными терминологиями, в результате чего также активно пополняется новыми терминами, которые заимствуются из смежных областей знаний, таких как транспорт, экономика, менеджмент, финансы и др. Исходя из этого можно сделать вывод, что данная терминосистема еще полностью не сформировалась, она находится на стадии становления. Несмотря на это, термины исследуемой области, а также терминосистема в целом имеют определенные свойства и характеристики, позволяющие говорить о последней как о специальной и самостоятельной сфере деятельности.

Благодаря развитию современной науки многие научные дисциплины сближаются между собой. В связи с этим, языки различных научных дисциплин также сближаются, взаимно дополняют друг друга. Однако они не только используют терминологию друг друга, но и создают новые терминологические единицы. Благодаря этому в составе уже существующей терминосистемы появляются термины из других областей. Терминология транспортной логистики не является исключением. В рассматриваемой терминосистеме можно встретить заимствования из сферы юриспруденции (*detention* – задержка сверх срока, *lien* – залоговое право), маркетинга (*vendor* – поставщик, *bar code* – штриховой код), коммерции (*invoice* – накладная, *cancelling date* – дата отмены), а также информационных технологий (*automated storage and retrieval system* – автоматизированная транспортно-накопительная система). Также существуют термины, зафиксированные в терминологиях нескольких сфер деятельности. К таким можно отнести термин *information logistics system* (информационная логистическая система). Данный термин используется не только в сфере логистики, но также в сфере информационных технологий и маркетинге.

Англоязычная терминология логистики может быть представлена в виде нескольких более или менее крупных тематических групп. Данные группы могут включать в себя абстрактные понятия технологий перевозок (к данной группе относятся такие термины, как *door to door* – от двери до двери и *just in time* – точно в срок), а также группы терминов типов перевозок (*rolling motorway* – бегущее шоссе, *piggyback* – контрейлерная перевозка). Более крупные тематические группы могут составлять термины из более мелких тематических групп. Так, например, термин *container terminals* – контейнерные терминалы может создать собственную тематическую группу «Контейнерные терминалы» из таких терминов, как *container yard* – контейнерная площадка, *apron* – разгрузочная площадка, *container freight station* – контейнерная

грузовая станция и др., при этом являясь частью более обширной тематической группы «Контейнерные перевозки».

Базируясь на анализе некоторых печатных источников и нескольких онлайн-словарей по логистике в целом и транспортной логистике в частности [17, 18, 19, 20, 21, 22, 23], мы выделяем по крайней мере четыре крупные тематические группы: «Общие логистические термины» (General Logistics Terms), «Термины транспорта» (Transportation Terms), «Термины комплексной сторонней логистики и складского дела» (3PL & Warehousing Terms), «Торговые термины» (Trade terms).

Так, в первую тематическую группу «Общие логистические термины» (General Logistics Terms) входят следующие терминологические единицы: *anti-competitive activity* (антиконкурентная деятельность), *anti-competitive behaviour* (антиконкурентное поведение), *API (Application Program Interface)* (интерфейс прикладных программ, программный интерфейс пользователя), *B/L / BOL (Bill of Lading)* (накладная, транспортная накладная, накладная на груз, коносамент), *CFR (Code of Federal Regulations)* (свод федеральных постановлений, свод федеральных правил), *DimWt (Dimensional Weight)* (объемный вес, габаритный вес), *volumetric weight* (объемный вес, габаритный вес), *EDI (Electronic Data Interchange)* (электронный обмен данными, электронная система обмена данными, система электронного документооборота), *EDIFACT (Electronic Data Interchange for Administration, Commerce, and Transport)* (ЭДИФАКТ, стандарт электронного обмена данными в управлении, торговле и на транспорте, обмен электронными данными для служб администрации, коммерции и транспорта, электронный обмен данными в управлении, торговле и на транспорте), *ERP (Enterprise Resource Planning)* (планирование ресурсов предприятия, планирование корпоративных ресурсов), *FMCSA (Federal Motor Carrier Safety Administration)* (Федеральная администрация по пассажирским перевозкам, Федеральная администрация по безопасности автомобильных перевозок), *GRI (General Rate Increase)* (повышение общей ставки, повышение общего тарифа), *HAWB (House Air Waybill)* (внутренняя авианакладная, фирменная авианакладная, экспедиторская авианакладная), *HazMat (Hazardous Materials)* (опасные вещества, опасные грузы, опасные материалы), *INCO / Incoterms (International Commercial Terms)* (ИНКОТЕРМС, Международные коммерческие термины, Международные правила толкования торговых терминов), *Supply Chain* (канал поставок, цепочка поставок, система снабжения, системная организация снабжения, передвижение

продукции, передвижение продукта, цепочка поставщиков, звено системы поставок) [13, 18, 19, 21, 22] и др. Данная тематическая группа весьма разнообразна и включает общие логистические термины (*anti-competitive activity, anti-competitive behaviour, volumetric weight, dimensional weight, supply chain, enterprise resource planning, general rate increase, hazardous materials* и др.), имеющие широкое употребление в рассматриваемой сфере, термины, обозначающие документы (тематическая группа «Логистические документы») (*bill of lading, house air waybill* и др.), законы и акты (*Code of Federal Regulations* и др.) (тематическая группа «Законы»), организации (тематическая группа «Логистические организации») (*Federal Motor Carrier Safety Administration* и др.), а также специфические терминологические единицы, заимствованные из сферы информационных технологий (*Application Program Interface, Electronic Data Interchange, Electronic Data Interchange for Administration, Commerce, and Transport* и др.).

Еще одна крупная тематическая группа терминологических единиц – «Термины транспорта» (*Transportation Terms*), куда входят следующие единицы: *ACAS (Air Cargo Advanced Screening)* (заблаговременная проверка воздушных грузов), *AOBRD (Automatic On-board Recording Device)* (автоматическое бортовое записывающее устройство), *AWB (Air Waybill)* (авиатранспортная накладная, воздушная накладная, грузовая авианакладная), *CMV (Commercial Motor Vehicle)* (автомобиль неиндивидуального пользования, обслуживающий торговые предприятия; автомобиль неиндивидуального пользования, обслуживающий промышленные предприятия; коммерческое транспортное средство), *ELD / E-log (Electronic Logging Device)* (электронное устройство регистрации, электронное записывающее устройство), *FAA (Federal Aviation Administration)* (Федеральное авиационное управление; Федеральное управление гражданской авиации; Федеральное авиационное управление; Федеральное управление гражданской авиации), *FCL (Full-Container Load)* (партия груза на полный контейнер, полный контейнерный груз, монозагрузка), *FMC (Federal Maritime Commission)* (Федеральная морская комиссия), *IATA (International Air Transport Association)* (МАВТ, Международная организация воздушного транспорта, Международная авиатранспортная ассоциация), *LTL shipment (Less-than Truckload shipment)* (мелкая партия грузов, малотоннажная отправка, неполная загрузка грузового автомобиля), *MAWB (Master Air Waybill)* (основная авианакладная, мастер-авианакладная, внешняя авианакладная), *HAWB (House Airway Bill)* (экспедиторская авианакладная, внутренняя авианакладная),

NVOCC (Non-Vessel Operating Common Carrier) (договорный перевозчик, не располагающий судами, несудоходная транспортная организация общего назначения), *SCAC (Standard Carrier Alpha Code)* (стандартный альфа-код перевозчика, стандартный код перевозчика альфа), *TEU (Twenty-Foot Equivalent Unit)* (единица измерения большегрузных контейнеров, эквивалентная 20-футовому контейнеру; двадцатифутовый эквивалент, стандартный контейнер), *TMS (Transportation Management System)* (система управления транспортом, система управления перевозками) [13, 18, 19, 21, 22] и др. В данной тематической группе мы выделяем наименования документов (тематическая группа «Логистические документы») (*air waybill, master air waybill, house airway bill* и др.), организаций (тематическая группа «Логистические организации») (*Federal Aviation Administration, Federal Maritime Commission, International Air Transport Association, Non-Vessel Operating Common Carrier* и др.), систем управления (тематическая группа «Системы управления») (*Transportation Management System* и др.), логистических процессов и операций (тематическая группа «Логистические процессы») (*Air Cargo Advanced Screening* и др.), технологии и типы перевозок (тематическая группа «Типы перевозок») (*door to door, just in time; rolling motorway, piggyback, roll-on-roll-off* и др.), различные устройства (тематическая группа «Логистические устройства») (*Automatic On-board Recording Device, Electronic Logging Device* и др.), транспортные средства (тематическая группа «Транспортные средства») (*commercial motor vehicle* и др.). Сюда же мы относим термины, обозначающие специальные понятия, связанные с грузом и отгрузкой товара (тематическая группа «Грузы и отгрузка») (*full-container load, less-than truckload shipment* и др.), а также единицы измерения (тематическая группа «Единицы измерения») (*Twenty-Foot Equivalent Unit* и др.).

Третью крупную тематическую группу образуют «Термины комплексной сторонней логистики и складского дела» (*3PL & Warehousing Terms*), например: *3PL (3rd Party Logistics)* (комплексная сторонняя логистика, логистическое обеспечение третьей стороны, выполнение логистических операций третьим лицом), *ABC (Activity-based Costing)* (функционально-стоимостной анализ затрат, учет затрат по видам деятельности, учет затрат на деятельность, функциональный бухгалтерский учет), *CFS (Container Freight Station)* (пункт обработки грузовых контейнеров, склад контейнерных грузов, склад комплектации, товарная контейнерная станция, контейнерный пункт, контейнерная грузовая площадка, контейнерный терминал), *DP (Demand Planning)* (план спроса, план

потребности), *EAM (Enterprise Asset Management)* (управление основными фондами, управление активами предприятия), *AMS (Automated Manifest System)* (автоматическая система декларирования), *FTZ (Free Trade Zone)* (свободная экономическая зона, зона свободной торговли), *FTZ (Foreign Trade Zone)* (зона внешней торговли, зона свободной торговли), *OS&D report (Over, Short, and Damaged report)* (Акт об установленном расхождении по количеству и качеству), *RFID (Radio Frequency Identification)* (радиочастотная идентификация, радиоидентификация, считывание радиометок на упаковке товаров), *RL (Reverse Logistics)* (обратная логистика, реверсивная логистика, реверсная логистика), *UPC (Uniform Product Code)* (код однородного продукта), *WMS (Warehouse Management System)* (АСУС, автоматизированная система управления складом) [13; 18; 19; 21; 22] и др. Третья группа включает такие тематические группы, как типы и разновидности логистики как сферы человеческой деятельности (тематическая группа «Типы логистики») (*3rd Party Logistics, Reverse Logistics* и др.), системы управления (тематическая группа «Системы управления») (*Enterprise Asset Management, Warehouse Management System, Automated Manifest System* и др.), логистические процессы и операции (тематическая группа «Логистические процессы») (*activity-based costing, demand planning, Radio Frequency Identification* и др.), зоны и области (тематическая группа «Экономические зоны») (*Free Trade Zone, Foreign Trade Zone* и др.), логистические пункты и площадки, особенно связанные с контейнерными перевозками (*container terminal, container yard, apron, container freight station* и др.), документы (тематическая группа «Логистические документы») (*Over, Short, and Damaged report* и др.) и коды (тематическая группа «Логистические коды») (*Uniform Product Code* и др.). Следует отметить, что термин *Automated Manifest System* (автоматическая система декларирования) также входит в следующую выделенную нами тематическую группу.

Четвертую тематическую группу составляют «Торговые термины» (Trade terms), среди которых можно выделить, например, следующие: *ABI (Automated Broker Interface)* (автоматизированная брокерская система), *ACE (Automated Commercial Environment)* (автоматизированная среда для проведения коммерческих операций), *ACS (Automated Commercial System)* (автоматизированная коммерческая система), *AD (Anti-dumping)* (антидемпинг), *AMS (Automated Manifest System)* (автоматическая система декларирования), *CBP (Customs and Border Protection)* (таможенный контроль и охрана границ, органы пограничного и таможенного кон-

троля, погранично-таможенная служба), *CI / CI (Commercial Invoice)* (коммерческий счет, коммерческий счет-фактура, лист описи груза, товарно-транспортная накладная), *C/O / COO (Certificate of Origin)* (сертификат происхождения товара, сертификат о происхождении продуктов, свидетельство о происхождении груза), *CIF (Cost, Insurance, and Freight)* (сиф; стоимость, страхование, фрахт), *COGS (Cost of Goods Sold)* (себестоимость реализованной продукции, затраты на реализацию, себестоимость, себестоимость реализации, фактическая стоимость проданных товаров), *CPSC (Consumer Protection & Safety Commission)* (Комиссия по защите прав потребителя и безопасности), *CTPAT (Customs-Trade Partnership Against Terrorism)* (Таможенно-торговое партнерство в борьбе с терроризмом, Таможенно-торговое партнерство против терроризма), *CVD (Countervailing Duties)* (компенсационные уравнивательные пошлины, компенсационные таможенные пошлины), *FCPA (Foreign Corrupt Practices Act)* (Закон о борьбе с коррупцией во внешнеэкономической деятельности, Закон о противодействии коррупции за рубежом), *FTC (Federal Trade Commission)* (Федеральная торговая комиссия, Федеральная комиссия по торговле), *FOB (Free on Board)* (фоб, франко-борт судна), *FSIS (Food Safety Inspection Service)* (Инспекционная служба по безопасности пищевой продукции), *GATT (General Agreement on Tariffs and Trade)* (Общее соглашение о торговле и тарифах, Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ), генеральное соглашение по торговле и тарифам), *ISF (Importer Security Filing)* (Декларация безопасности импортера), *MID (Manufacturer Identification Code)* (код идентификации производителя, маркировка производителя), *MPF (Merchandise Processing Fee)* (сбор за обработку товара), *VAT (Value-Added Tax)* (налог на добавленную стоимость (НДС)), *WTO (World Trade Organization)* (Всемирная торговая организация (ВТО)) [13; 18; 19; 21; 22] и др. Четвертая тематическая содержит в себе такие тематические группы, как системы управления (тематическая группа «Системы управления») (*Automated Broker Interface, Automated Commercial System, Automated Manifest System* и др.), документы (тематическая группа «Логистические документы») (*Commercial Invoice, Certificate of Origin, Importer Security Filing* и др.), логистические процессы и мероприятия (тематическая группа «Логистические процессы») (*anti-dumping, Customs and Border Protection* и др.), условия поставки (тематическая группа «Условия поставки») (*Cost, Insurance, and Freight; Free on Board* и др.), организации (тематическая группа «Логистические организации») (*World Trade Organization, Food Safety Inspection Service,*

Federal Trade Commission, Consumer Protection & Safety Commission и др.), соглашения (*Customs-Trade Partnership Against Terrorism, General Agreement on Tariffs and Trade* и др.), законы и акты (тематическая группа «Законы») (*Foreign Corrupt Practices Act* и др.), платежи, налоги и пошлины (тематическая группа «Платежи, налоги и пошлины») (*countervailing duties, merchandise processing fee, cost of goods sold, value-added tax* и др.), логистические коды (тематическая группа «Логистические коды») (*Manufacturer Identification Code* и др.)

Таким образом, мы приходим к выводу о наличии в терминологии сферы логистики по крайней мере четырех крупных тематических групп – «Общие логистические термины» (*General Logistics Terms*), «Термины транспорта» (*Transportation Terms*), «Термины комплексной сторонней логистики и складского дела» (*3PL & Warehousing Terms*) и «Торговые термины» (*Trade terms*). В рамках данных групп наблюдается значительное разнообразие более мелких тематических групп и подгрупп (например, тематические группы «Логистические процессы», «Логистические системы», «Логистические организации», «Законы», «Условия поставки» и др.), которые создают пересечения между крупными тематическими группами, образуя единую терминологическую систему сферы логистики.

Литература

1. Акаева Х.А., Алимуратов О.А. О некоторых системных критериях разграничения фундаментальных и прикладных терминологий // *Российский гуманитарный журнал*. 2016. Т. 5. № 2. С. 200 – 211.
2. Акаева Х.А., Алимуратов О.А., Лату М.Н. Прикладные и фундаментальные терминосистемы как взаимокоррелирующие вербальные основы профессиональной коммуникации: к постановке проблемы // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2014. № 3. С. 40 – 45.
3. Алборова А.А., Раздвев А.В. Структурные особенности гуманитарной и научно-производственной терминосистем в сопоставительном аспекте (на примере терминосистем киноиндустрии и нанотехнологий) // *Вестник Брянского государственного университета*. 2014. № 2. С. 306 – 312.
4. Алесинская Т.В. Основы логистики. Общие вопросы логистического управления. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. 121 с.
5. Алимуратов О.А., Лату М.Н. Особенности моделирования семантики терминосистем. Терминологические оппозиции (на материале англоязычной военной терминологии) // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2010. № 3. С. 6-15.
6. Алимуратов О.А., Чурсин О.В. Фреймовое моделирование специализированного знания и его репрезентация в речи (на материале терминологической музыкальной лексики современного английского языка) // *Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности*. 2011. № 6. С. 6 – 27.
7. Андриевская В.Ю., Докуто Б.Б., Раздвев А.В. Семантические модели терминосистем фундаментальной и прикладной терминосистем современного английского языка (сравнительный анализ на примере терминосистем нанотехнологий и газодобычи) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 9-1 (51). С. 29 – 34.
8. Бауэрсокс Д.Дж., Клосс Д.Дж. Логистика: интегрированная цепь поставок. 2-е изд.: пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. 640 с.
9. Гаджинский А.М. Логистика: учебник для высших и средних специальных учебных заведений. 2-е изд. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 1999. 228 с.
10. Лавриков И.Н., Пеньшин Н.В. Транспортная логистика: учебное пособие. Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2016. 92 с.
11. Лату М.Н. Основные характеристики термина в современном английском языке: эталон и динамика (на материале современного английского языка военно-исторической терминологии) // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2009. № 2. С. 93 – 96.
12. Мешкова Л.Л., Белоус И.И., Фролов Н.М. Логистика в сфере материальных услуг (на примере снабженческо-заготовительных и транспортных услуг). 2-е изд. испр. и перераб. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. 188 с.
13. Мультитран. Электронный словарь. URL: <https://www.multitrans.com/> (дата обращения: 01.02.2020).
14. Раздвев А.В., Алимуратов О.А. Некоторые антропоцентрические параметры терминологической номинации (на материале терминов-эпонимов сферы нанотехнологий) // *Когнитивные исследования языка*. 2016. № 27. С. 580 – 591.
15. Раздвев А.В., Лазько А.Ю., Мазевская А.Е. История развития сфер генетики и геномной инженерии и ее влияние на формирование соответствующих терминосистем в современных русском, английском и испанском языках // *Филология: научные исследования*. 2019. № 6. С. 15 – 28.
16. Чернышенко А.Г., Алимуратов О.А. Прикладная терминосистема с функциональной точки зрения: терминологический компонент англоязычного дискурса медиации // *Вестник Брянского государственного университета*. 2014. № 2. С. 408 – 415.

17. Christopher M., Peck H. *Marketing Logistics*. Boston: Butterworth-Heinemann, 2003. 169 p.

18. Freight transportation and logistics terminology. Common freight shipping and trucking lingo. URL: <https://www.freightquote.com/how-to-ship-freight/shipping-logistics-terminology/> (дата обращения: 01.02.2020)

19. Guide to Shipping & Logistics Terminology. Trinity Logistics. URL: <https://d32z59618trqrd.cloudfront.net/wp-content/uploads/2017/02/LogisticsTerminology.pdf> (дата обращения: 01.02.2020)

20. Sarkar S. *The Supply Chain Revolution: Innovative Sourcing and Logistics for a Fiercely Competitive World*. N.Y.: AMACOM, 2017. 244 p.

21. The ABCs of supply chain: Your go-to glossary of logistics terminology. Front Blog. URL: <https://frontapp.com/blog/2019/02/22/logistics-terminology/> (дата обращения: 01.02.2020).

22. Vehicle Logistics Terminology. 2015. URL: https://www.neptunelines.com/sites/default/files/15.01.29._fvl_glossary-final.pdf (дата обращения: 01.02.2020).

23. Wood D.F., Barone A.P., Murphy P.R., Wardlow D.L. *International Logistics*. 2nd ed. N.Y.: AMACOM, 2002. 456 p.

References

1. Akaeva H.A., Alimuradov O.A. O nekotoryh sistemnyh kriteriyah razgranicheniya fundamental'nyh i prikladnyh terminologij. *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal*. 2016. T. 5. № 2. S. 200 – 211.

2. Akaeva H.A., Alimuradov O.A., Latu M.N. Prikladnye i fundamental'nye terminosistemy kak vzaimokorreliuyushchie verbal'nye osnovy professional'noj kommunikacii: k postanovke problem. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2014. № 3. S. 40 – 45.

3. Alborova A.A., Razduev A.V. Strukturnye osobennosti gumanitarnej i nauchno-proizvodstvennoj terminosistem v sopostavitel'nom aspekte (na primere terminosistem kinoindustrii i nanotekhnologij). *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 2. S. 306 – 312.

4. Alesinskaya T.V. *Osnovy logistiki*. Obshchie voprosy logisticheskogo upravleniya. Taganrog: Izd-vo TRTU, 2005. 121 s.

5. Alimuradov O.A., Latu M.N. Osobennosti modelirovaniya semantiki terminoedinic. terminologicheskie oppozicii (na materiale angloyazychnoj voennoj terminologii). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2010. № 3. S. 6-15.

6. Alimuradov O.A., CHursin O.V. Frejmovoe modelirovanie specializirovannogo znaniya i ego reprezentaciya v rechi (na materiale terminologicheskoj muzykal'noj leksiki sovremennogo anglijskogo

yazyka). *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti*. 2011. № 6. S. 6 – 27.

7. Andrievskaya V.Yu., Dokuto B.B., Razduev A.V. Semanticheskie modeli terminoedinic fundamental'noj i prikladnoj terminosistem sovremennogo anglijskogo yazyka (sravnitel'nyj analiz na primere terminosistem nanotekhnologij i gazodobychi). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015. № 9-1 (51). S. 29 – 34.

8. Bauersoks D.Dzh., Kloss D.Dzh. *Logistika: integririrovannaya cep' postavok*. 2-e izd.: per. s angl. M.: ZAO «Olimp-Biznes», 2005. 640 s.

9. Gadzhinskij A.M. *Logistika: uchebnik dlya vysshih i srednih special'nyh uchebnyh zavedenij*. 2-e izd. M.: Informacionno-vnedrencheskij centr «Marketing», 1999. 228 s.

10. Lavrikov I.N., Pen'shin N.V. *Transportnaya logistika: uchebnoe posobie*. Tambov: Izd-vo FGBOU VO «TGTU», 2016. 92 s.

11. Latu M.N. Osnovnye harakteristiki termina v sovremennom anglijskom yazyke: etalon i dinamika (na materiale sovremennogo anglijskogo yazyka voenno-istoricheskoy terminologii). *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2009. № 2. S. 93 – 96.

12. Meshkova L.L., Belous I.I., Frolov N.M. *Logistika v sfere material'nyh uslug (na primere snabzhenchesko-zagotovitel'nyh i transportnyh uslug)*. 2-e izd. ispr. i pererab. Tambov: Izd-vo Tamb. gos. tekhn. un-ta, 2002. 188 s.

13. Mul'titran. *Elektronnyj slovar'*. URL: <https://www.multitran.com/> (data obrashcheniya: 01.02.2020).

14. Razduev A.V., Alimuradov O.A. Nekotorye antropocentricheskie parametry terminologicheskoy nominacii (na materiale terminov-eponimov sfery nanotekhnologij). *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2016. № 27. S. 580 – 591.

15. Razduev A.V., Laz'ko A.YU., Mazevskaya A.E. Istoriya razvitiya sfer genetiki i gennoj inzhenerii i ee vliyanie na formirovanie sootvetstvuyushchih terminosistem v sovremennyh russkom, anglijskom i ispanskom yazykah. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2019. № 6. S. 15 – 28.

16. CHernyshenko A.G., Alimuradov O.A. Prikladnaya terminosistema s funkcional'noj tochki zreniya: terminologicheskij komponent angloyazychnogo diskursa mediacii. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 2. S. 408 – 415.

17. Christopher M., Peck H. *Marketing Logistics*. Boston: Butterworth-Heinemann, 2003. 169 p.

18. Freight transportation and logistics terminology. Common freight shipping and trucking lingo. URL: <https://www.freightquote.com/how-to-ship-freight/shipping-logistics-terminology/> (data obrashcheniya: 01.02.2020)

19. Guide to Shipping & Logistics Terminology. Trinity Logistics. URL: <https://d32z59618trqrd.cloudfront.net/wp-content/uploads/2017/02/LogisticsTerminology.pdf> (data obrashcheniya: 01.02.2020)

20. Sarkar S. The Supply Chain Revolution: Innovative Sourcing and Logistics for a Fiercely Competitive World. N.Y.: AMACOM, 2017. 244 p.

21. The ABCs of supply chain: Your go-to glossary of logistics terminology. Front Blog. URL:

<https://frontapp.com/blog/2019/02/22/logistics-terminology/> (data obrashcheniya: 01.02.2020).

22. Vehicle Logistics Terminology. 2015. URL: https://www.neptunelines.com/sites/default/files/15.01.29._fvl_glossary-final.pdf (data obrashcheniya: 01.02.2020).

23. Wood D.F., Barone A.P., Murphy P.R., Wardlow D.L. International Logistics. 2nd ed. N.Y.: AMACOM, 2002. 456 p.

MAIN THEMATIC GROUPS OF TRANSPORT LOGISTICS TERMINOLOGY (BASED ON THE MODERN ENGLISH MATERIAL)

*Lazko A.Yu., Senior Lecturer,
Nepoklonova M.Ye., Senior Lecturer,
Dubovskaya O.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)*

Abstract: logistics is one of the modern and rapidly developing areas of the economy, within which a fairly extensive terminology system functions. The article is devoted to the identification and study of the main thematic groups of terminological units in the field of transport logistics of the modern English language. A selection of a total of 1200 English-language transport logistics terminological units has served as the research material. Research methods include the method of continuous selection of terminological units used in the process of picking out the material for analysis, the method of comparison, the method of definitional analysis, as well as methods of frame and thesaurus modelling, the method of thematic classification, methods of quantitative analysis. In the course of the work, the history of the development of the sphere of transport logistics, its key sections as a branch of human activity are briefly considered, the heterogeneity and complexity of the structure of the terminological system functioning within its framework is proved. The authors identify at least four major thematic groups, namely: “General logistics terms”, “Transport terms”, “Terms of complex third-party logistics and warehousing” and “Trade terms”. These groups most fully reflect the content of transport logistics as one of the key modern spheres of economical activity. Within each of the groups, smaller groups and subgroups are distinguished, at certain points creating intersections between large thematic groups of logistics terms.

Keywords: thematic group, term, terminology, transport logistics, terminological system, transport, warehousing, trade term, thematic subgroup, neologic term

«ОБРАТНЫЙ ПЕРЕВОД» ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СКАЗКИ КАК МЕТОД НЕЙРОКОРРЕКЦИИ РЕЧИ ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ COVID-19

*Балута А.А., доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет,
Орлова Н.Н., преподаватель, практический психолог,
заместитель руководителя,
Научно-исследовательский реабилитационный центр
нейрофизиологии и лингвистической психокоррекции*

Аннотация: данная статья представляет собой описание методики и результатов лингвистического эксперимента по нейрокоррекции речи на основе составления «обратного перевода» лингвистической сказки. В работе дано краткое теоретическое обоснование основных принципов методики нейрокоррекции на основе «обратного перевода». Выявлены сложности процесса «обратного перевода», связанные с необходимостью сжатия смысла. В ходе лингвистического эксперимента описан алгоритм работы по «обратному переводу» лингвистической сказки. Установлено, что процесс «обратного перевода» основан на четко организованной системе логического мышления, поэтому в нем задействованы префронтальные отделы коры лобных долей головного мозга. В качестве основных методов исследования были использованы методы компонентного анализа, контекстологического анализа, методы лингвистической диагностики и лингвистической психокоррекции, лингвистический эксперимент. «Обратный перевод» лингвистической сказки показал себя особенно эффективно в рамках нейролингвистической восстановительной терапии у психически здоровых людей, перенесших заболевание COVID-19. В результате занятий по данной методике отмечено постепенное повышение мозговой активности, восстановление временных ассоциативных связей и элементов логического мышления. Работа с переводами лингвистических сказок, особенно последний ее этап, непосредственно направлена на восстановление ассоциативных цепей и образование утраченных в последствии болезни элементов ассоциативно-коммуникативных мостов.

Ключевые слова: лингвистическая сказка, нейрокоррекция речи, восстановление ассоциативных связей

Введение

Работа с лингвистическими сказками плодотворно влияет на развитие речи, как было описано в предыдущих статьях [1] [2], она состоит из нескольких этапов. Первый из которых – перевод одной из лингвистических сказок с языка «несуществующего» на русский язык. Подобный перевод осуществляется благодаря угадыванию и узнаванию слов, похожих на русские слова, а также с опорой на грамматическую и синтаксическую структуру текста. Начальный этап состоит из восприятия текста на слух, затем непосредственной работы с ним. Как правило работа над первым этапом осуществляется с создания перевода первых двух сказок Л. Петрушевской из сборника «Дикие сказки» текста «Пуськи бятые» и романа из двух частей «Бурлак». Перевод не должен быть вольным, при его осуществлении необходимо сохранять грамматически формы слов и структуру предложений.

После того, как становится возможным свободный перевод сказки, воспринятой на слух, можно переходить ко второму этапу. Второй этап предполагает написание собственной лингвистической сказки, для этого необходимо понимание структуры текста и навык создания новых слов несуществующего языка. Это творческий процесс, в результате которого происходит преодоление в том числе и психологического барьера, поскольку словотворчество с опорой на детскую речь, разговор-

ные, жаргонные и диалектные слова доступно каждому носителю языка. Третьему этапу, более сложному и требующему специфических навыков посвящена данная статья.

Цель данной статьи – описание метода нейрокоррекции речи на основе результатов лингвистического эксперимента по «обратному переводу» лингвистических сказок.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

1. Дать краткое теоретическое описание основных принципов методики нейрокоррекции на основе «обратного перевода».

2. Выявить основные сложности процесса «обратного перевода», связанные с необходимостью сжатия смысла.

3. В ходе лингвистического эксперимента описать алгоритм работы по «обратному переводу» лингвистической сказки.

4. Охарактеризовать применение данной методики для нейролингвистической восстановительной терапии у психически здоровых людей, перенесших заболевание COVID-19.

5. Включить результаты лингвистического эксперимента по работе «обратным переводом» лингвистической сказки в общую методологию психокоррекции речи.

Основные методы исследования – компонентный анализ, контекстологический анализ, методы лингвистической диагностики и лингвисти-

ческой психокоррекции, лингвистический эксперимент.

Основная часть

Третий этап понимания и интерпретации лингвистической сказки связан с мозговой организацией осознания внутреннего смысла или подтекста речевого сообщения. Переход от исходного замысла к составлению развернутого речевого высказывания представляет совершенно особый процесс, отличный от овладения кодами языка [3, с. 64]. При обратном переводе лингвистической сказки происходит сложная и многогранная мыслительная работа: первичное декодирование элементов речевого высказывания (интерпретация существующей лингвистической сказки), затем селекция языковых единиц, заключающаяся в дифференциации уже имеющегося «сказочного» словаря с целью подбора наиболее подходящих элементов, конструирование ограниченного числа недостающих элементов, что обусловлено необходимостью перевода новых слов, и, наконец, обратное кодирование существующей на русском языке сказки в систему, где грамматические значения языка не меняются, а лексическое значение узнаваемо, но искажено. Весь этот сложный процесс основан на четко организованной системе логического мышления, поэтому в нем задействованы префронтальные отделы коры лобных долей головного мозга.

В психолингвистике эта проблема фрагментарно изучалась на исследовании больных с локальными поражениями мозга, поскольку понимание не только внешнего, но и внутреннего смысла сообщения малодоступно для больных с поражениями лобных отделов, у которых весь инвентарь лексических и логико-грамматических кодов языка остается сохранным [3, с. 65]. Современная нейропсихология еще не располагает достаточно точными данными относительно нарушения понимания подтекста или внутреннего смысла сообщения у больных с поражениями лобных долей мозга, однако по имеющимся наблюдениям можно предположить, что процесс активного анализа сначала общего значения, а затем внутреннего смысла речевого высказывания у таких больных сильно нарушен [3, с. 65].

Обратный перевод лингвистической сказки показал себя особенно эффективно в рамках нейролингвистической восстановительной терапии у психически здоровых людей, перенесших заболевание COVID-19. Исследования о вариантах и масштабах последствий локальных мозговых нарушений переболевших ковидом людей находятся только в самом начале изучения, так как основной акцент в разгар эпидемии направлен, прежде всего, на восстановление физического здо-

ровья. Однако люди, перенесшие это заболевание, отмечали у себя значительное снижение мозговой активности, более всего выраженное в нарушении временных ассоциативных связей и элементов логического мышления. Работа с переводами лингвистических сказок, особенно последний ее этап, непосредственно направлен на восстановление ассоциативных цепей и образование утраченных в последствии болезни элементов ассоциативно-коммуникативных мостов.

Лингвистический эксперимент

Для перевода предлагается уже существующий текст русской народной или авторской сказки, важно выбирать максимально простой, примитивный текст сказки из раздела «для самых маленьких», поскольку он обладает простой структурой и ограниченным словарным запасом.

В качестве примера перевода приведем фрагмент русской народной сказки «Мороз и заяц» [4]. Используя, составленный словарь слов лингвистических сказок, необходимо приступить к обратному переводу. Таким образом заголовок будет звучать следующим образом «Дубачина и Нюхлик», поскольку слова «мороз» и «заяц – кролик» уже присутствуют в словаре.

Русская народная сказка начинается с предложения:

1. Повстречались как-то в лесу Мороз и заяц.

Слова «повстречались» в словаре нет, но одно из важных условий создания обратного перевода заключается в следующем - нежелательно создание новых слов. Необходимо обойтись набором существующих, при этом расширяя спектр их возможных значений, при этом происходит любопытный процесс зарождения полисемии. Таким образом слову «повстречались» становится синонимично слово «сопритюкнулись». Глагол «сопритюкнуться» в контексте разных лингвистических сказок имел такие значения: «в сказке Л. Петрушевской – морально собраться, взять себя в руки или сориентироваться; собраться вместе; сбиться в кучу». При обратном переводе у этого глагола возникает еще одно значение – «встретиться».

1. Сопритюкнулись как-то на опушке Дубачина и Нюхлик.

Место действия подавляющего большинства лингвистических сказок – «напушка», т.е. лесная опушка. Второе предложение короче первого:

2. Мороз расхвастался.

Глагола «расхвастался» нет в словаре, поэтому снова происходит процесс расщепления контаминации уже придуманного слова. Глагол «разбызвить», означавший «раскрыть, распустить, разжать, распахнуть, топорщить» получает перенос-

ное значение – «топорщить и раскрыть» но не крылья, а самолюбие, т.е. расхвастаться.

2. Дубачина разбызился.

Следующий затем диалог героев требует от делающего перевод все боле творческого подхода.

3. – Я самый сильный в лесу. 4. Любого одолею, заморожу, в сосульку превращу.

В сказках Петрушевской возникает любопытное слово «зюмо-зюмо», которое по мере развития повествования обрастает смыслами – «вероятно от устар. «зело» – сильно, указывает на качество действия, может быть осмысленно как громко-громко, очень-очень, зло-зло, быстро-быстро», а в данном контексте означает качество – сильный-сильный. Но у данного слова есть еще и негативный оттенок, оно может использоваться в значении «плохой». В следующем предложении это же слово получает еще один смысл «любой». Третье и четвертое предложение могут в переводе звучать так:

3. – Я зюмо-зюмо дюбый на напушке. 4. Зюмо-до докверкаю, задубачу, в морозюльку передзявлю.

Еще два глагола получают новый смысл: «докверкиваться» – «доставать, докучать» используется в значении «одолеть, победить». Слово «передзявлять» в контексте других сказок означает «передразнивать», здесь же обретает значение «превратить».

Таким образом обратный перевод производит ревизию значений многих выдуманных слов, ставших уже привычными в ходе второго этапа работы над лингвистическими сказками.

Выводы

Основная сложность обратного перевода заключается в необходимости сжатия смысла, т.е. в данном случае не допустимо развернутое повествование. Следовательно, происходит процесс сложного подбора слов с уточнением возможного значения каждого из них. В процессе написания текста у носителей языка формируется определенный стереотип, согласно которому необходимо как можно точнее передать свою мысль, используя определенное количество слов. При выполнении практики обратного перевода многообразие оттенков смыслов как бы «сжимается». Получается игольное ушко крайне простого, примитивного языка, сквозь которое нужно пропустить связный текст. Таким образом осуществляется комплексный процесс, направленный на восстановление селекции и комбинации языковых единиц: подбор оптимального «угадываемого» смыслового варианта и включение этого варианта в общую семантико-грамматическую систему повествования.

Практика обратного перевода позволяет разрушить стереотип, дать возможность мышлению подойти к процессу написания текста и выбора нужного слова с новой непривычной точки зрения. Благодаря этому возможно формирование новых

нейронных связей у носителя русского языка. Игровой аспект и условность лингвистических сказок, их нарочитая несерьезность дают возможность повернуть вспять языковую эволюцию, прикоснуться к структурам языка, которые были характерны для более ранней фазы его существования. Благодаря этому, сознание взрослого носителя языка повторяет получает возможность вернуться к первоисточнику и совершить своего рода регресс, который дает возможность устранить возможные причины проблем с устной и письменной речью. Например, связанные со структурированием высказывания, поиском точного слова, пополнением словарного запаса.

Литература

1. Балута А.А., Орлова Н.Н. Работа с лингвистическими сказками как метод диагностики и профилактики эммисивной и атактической афазии. Ч. 1: теоретическое обоснование // «Modern humanities success/Успехи гуманитарных наук». 2020. № 7. С. 186 – 190.

2. Балута А.А., Орлова Н.Н. Работа с лингвистическими сказками как метод диагностики и профилактики эммисивной и атактической афазии. Ч. 2: лингвистический эксперимент // «Modern humanities success/Успехи гуманитарных наук». 2020. № 7. С. 228 – 232.

3. Лурия А.Р. Мозговая организация процессов декодирования (понимания) речевого сообщения / Нейропсихоллингвистика: хрестоматия. Составитель: К.Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2009. С. 54 – 69.

4. Мороз и заяц. Русская народная сказка. [Электронный ресурс]. URL: [https://mishka-knizhka.ru/skazki-dlay-detey/russkie-narodnye-skazki/russkie-skazki-pro-zhivotnyh/moroz-i-zajac/] (дата обращения:– 28.12.2021)

References

1. Baluta A.A., Orlova N.N. Rabota s lingvisticheskimi skazkami kak metod diagnostiki i profilaktiki emmisivnoj i atakticheskoj afazii. Ch. 1: teoreticheskoe obosnovanie. «Modern humanities success/Uspekhi gumanitarnyh nauk». 2020. № 7. S. 186 – 190.

2. Baluta A.A., Orlova N.N. Rabota s lingvisticheskimi skazkami kak metod diagnostiki i profi-laktiki emmisivnoj i atakticheskoj afazii. Ch. 2: lingvisticheskij eksperiment. «Modern humanities success/Uspekhi gumanitarnyh nauk». 2020. № 7. S. 228 – 232.

3. Luriya A.R. Mozgovaya organizaciya processov dekodirovaniya (ponimaniya) rechevogo soobshcheniya. Nejropsiholingvistika: hrestomatiya. Sostavitel': K.F. Sedov. M.: Labirint, 2009. S. 54 – 69.

4. Moroz i zayac. Russkaya narodnaya skazka. [Elektronnyj resurs]. URL: [https://mishka-knizhka.ru/skazki-dlay-detey/russkie-narodnye-skazki/russkie-skazki-pro-zhivotnyh/moroz-i-zajac/] (data obrashcheniya:– 28.12.2021).

**"REVERSE TRANSLATION" OF A LINGUISTIC FAIRY
TALE AS A METHOD OF SPEECH NEUROCORRECTION
TO ELIMINATE THE CONSEQUENCES OF COVID-19**

*Baluta A.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Moscow Region State University,
Orlova N.N., Lecturer, Practical Psychologist, Deputy Manager,
Research Rehabilitation Center for Neurophysiology
and Linguistic Psychocorrection*

Abstract: this article is a description of the methodology and results of a linguistic experiment on speech neurocorrection based on the compilation of a "reverse translation" of a linguistic fairy tale. The paper provides a brief theoretical justification of the basic principles of the neurocorrection technique based on "reverse translation". The difficulties of the process of "reverse translation" associated with the need to compress the meaning are revealed. In the course of a linguistic experiment, an algorithm for the "reverse translation" of a linguistic fairy tale is described. It has been established that the process of "reverse translation" is based on a well-organized system of logical thinking, so it involves the prefrontal cortex of the frontal lobes of the brain. The methods of component analysis, contextual analysis, methods of linguistic diagnostics and linguistic psychocorrection, linguistic experiment were used as the main research methods. The "reverse translation" of the linguistic fairy tale has proved to be particularly effective in the framework of neurolinguistic rehabilitation therapy in mentally healthy people who have suffered from COVID-19 disease. As a result of the lessons on this technique, a gradual increase in brain activity, restoration of temporary associative connections and elements of logical thinking were noted. The work with translations of linguistic fairy tales, especially its last stage, is directly aimed at restoring associative chains and the formation of elements of associative-communicative bridges lost as a result of the disease.

Keywords: linguistic fairy tale, neurocorrection of speech, restoration of associative connections

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИДЕИ О ГУМАНИЗМЕ И ВОСПИТАНИИ ВЕЛИКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ И ПЕДАГОГОВ АЗЕРБАЙДЖАНА. МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЕГО МЕСТО В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Вагабова Т.А., доктор философских наук по педагогике,
заслуженный учитель Азербайджанской Республики,
Азербайджанский государственный
педагогический университет, Азербайджан*

Аннотация: в научной статье анализируются мысли и идеи о гуманизме и воспитании, как прогрессивно мыслящей интеллигенции в начале XX века. Человек считается самым ценным творением и почетом земли, высшим из всех существ, как в классических религиях, так и в сфере светской мысли. Религиозные лидеры и светские мыслители считали, что предпосылкой справедливости, счастья, порядка и равенства в каждом обществе является гуманная жизнь. Она начинается с любви к другим и гуманного обращения с ними. Любовь, искренность, узы любви между людьми, их взаимное уважение, помощь и добродетельное поведение ведут к освобождению и счастью общества в целом от угнетения. Мера общего благосостояния, как отдельных людей, так и масс, возникает пропорционально степени и масштабу чувств человечества, укоренившихся в этом обществе. Научная новизна статьи раскрывает идеи азербайджанских педагогов, которые внесли ценный вклад в развитие теории образования в новом контексте и направлении. Они выдвинули теоретические идеи о содержании, организационной форме и особенностях. В первую очередь начали борьбу за создание образовательных средств, которые дают возможность и стимулируют граждан их Родины к получению современного образования. Потому что без этих средств образование и новое духовное воспитание было бы невозможно. Преподавание светских наук в школах, рост науки и образования, появление современных учебников, учебных пособий, научных и художественных произведений, становление и развитие национальной прессы, развитие национального театра, повышение роли родного языка в учебном процессе и т.д.

Азербайджанские педагоги в своих педагогических теориях особое внимание уделяли воспитанию гуманизма и интернационализма.

Ключевые слова: гуманизм, воспитание, прогрессивизм, просветительство, социально-педагогические идеи, гуманистическое воспитание, международное образование

По мере того как исторический прогресс время от времени прогрессирует, в каждом социальном сообществе возникает система образования в соответствии с идеалами, желаниями, целями, идеями и взглядами, а также уровнями развития этого общества. Кодекс образования формируется в соответствии с характером общества, людей, их мировоззрением, образом мышления и жизни, уровнем развития, системой убеждений, обычаями и традициями. Однако этот код может время от времени постепенно меняться. По мере роста отношений между факторами воспитания происходит связь, сближение, интеграция.

Ряд выдающихся мыслители древности и средневековья, а также недавнего времени, педагоги и духовные лидеры, как правило, считали важным строить образование общества на религиозных принципах. По их словам, это высшая и основная цель образования.

М.Ф. Ахундов показал, что деспотизм порождает чувство слабости, незащищенности, послушания, унижения, лицемерия, как у отдельных людей, так и в обществе в целом, притупляет человеческие способности и разъедает «скудный разум». В результате человек не может любить себя или других и осознавать свою ценность. Он видит

в своих сверстниках не благородных существ, а рабов, которые должны подчиняться угнетателю. Но что нужно, чтобы проложить путь человечеству, то есть искоренить угнетение? М.Ф. Ахундов, ссылаясь на европейских философов как Вольтер, Руссо, Монтескье и другие, заявляет: «Для искоренения угнетения необходимы две вещи: либо угнетатель должен отказаться от угнетения, либо угнетенный должен терпеть угнетение. Нет другого способа преодолеть угнетение с помощью подтверждения понимания, кроме этих двух способов».

Выдающийся мыслитель отмечает, что на протяжении многих веков религиозные лидеры, философы и поэты считали, что угнетателя нужно проповедовать и предупреждать, чтобы устранить угнетение. Поэтому пророки угрожали угнетателю адом и обещали праведникам рай. В средние века восточные поэты написали множество произведений, напоминающих деспота. Однако ни пророки, ни поэты их ничему не учили. Угнетение никогда не было устранено. Чтобы предотвратить это, «проповеди и увещания не должны влиять на характер угнетателя». Какой выход? Азербайджанский философ, делая выводы из слов своих европейских советников, определяет выход так:

вы много раз опередили; так за что тебя преследуют? Пробудись ото сна и подожги могилу отца угнетателя. Такой революционный призыв был, по сути, связан с высоким гуманизмом М.Ф. Ахундова, справедливым отношением к людям, его желанием видеть всех свободными и равными перед законом в общественной жизни.

Сотрудники газеты «Экинчи» также выступили советниками Мирзы Фатали по вопросам человека и его достоинства. На страницах газеты встречаются интересные статьи о воспитании гуманизма и интернационализма. Ценная статья Ахсанул-Гавайда, активного члена этой прессы, была опубликована в разделе «Письма» (29 февраля 1876 г.). Хотя статья лаконична, здесь мы находим полный и содержательный комментарий о гуманности и интернационализме. Автор указывает на то, что между людьми существует «какое-то братство». Мы хотим поговорить о «двух частях» из них. Первая часть – это «братство человечества, в котором каждый является братом. Однако из-за разногласий существуют секты, каждая из которых называется нацией, а их большая община – государством ... ». Ахсан аль-Кавайд объясняет, что все люди – дети одного происхождения, одного типа творений. Позже они разделились на секты, нации, общины и государства. Все люди, живущие в одном обществе и государстве, должны любить друг друга, а не превосходить друг друга. Это касается общества и братства в одних и тех же государствах. Автор комментирует наличие второго братства: «Во-вторых, нация – это братство». То есть братство разных народов, которое мы называем интернационализмом. Как люди одной национальности должны любить друг друга, так и народы должны любить друг друга и должны относиться друг к другу мирно и спокойно ... ». Автор отмечает, что поскольку они одинаковы по происхождению и природе, все люди – богатые и бедные должны помогать друг другу. Это долг каждого человека» [1].

Теоретические взгляды Г. Зардаби на гуманизм и интернационализм также обращаются к проблеме войны и мира. Точнее, «Одно из важных мест в мировоззрении Г. Зардаби – его идеи о войне, мире и дружбе народов. В своих статьях Г. Зардаби всегда выступал против агрессивных войн, говоря, что войны – это великое бедствие для человечества, «несовместимое с человечеством». В 1904 г. (№114) в статье «Движение за мир», представленной читателям через газету «Каспи», просвещенный педагог выразил следующее отношение к проблеме войны и человечности: это тоже горькое сатанинское издевательство над душевным. деятельность, знания, этика и право. Война похожа на легендарного дракона, пожирающего и уничто-

жающего все самое лучшее, молодое и жизненно важное. Он создает бесполезных героев, калек, потерявших способность выполнять какую-либо работу [3].

Гасан-бей освещал национальную вражду между армянами и азербайджанцами во время Первой русской революции 1905-1907 гг. как в газете «Экинчи», так и в нескольких статьях, которые он пытался объяснить общественности ее причины и последствия. В номере газеты «Экинчи» от 17 февраля 1877 года он обвинил редактора армяноязычной газеты «Мшак» в разжигании национальной розни между двумя соседними народами и критиковал редактора «Мшак» за отравление своего народа национальной ненавистью к азербайджанским туркам. «Господин Арсруни ..., мы были соседями с армянами на протяжении сотен лет, и теперь вам стыдно, сэр, что вы сеете вражду между нами ...» [7].

В ряде статей, опубликованных в газете «Каспи» (1905, №21; 1906, №113; 1906, №154), Зардаби намеревался разъяснить общественности сущность и причины армяно-мусульманских погромов и цель царизма в совершении и разжигании этой розни. В то же время Армянская национальная партия раскрыла внутреннюю часть Дашнакцутюн. Также издающаяся в Баку газета на азербайджанском языке «Дават-Коч» приветствовала призывы армян и азербайджанцев не следовать коварной политике врага - царизма и Дашнакцутюн, жить в мире и согласии. Например, Хасан-бей, комментируя позицию газеты «Дават-Коч», писал в 113-м номере «Каспи» за 1906 год: «В основной статье ... газета определяет свое направление следующим образом: мир для всех народов. Любой ценой пусть будет мир, мир ради человечества, мир ради прогресса, мир ради культуры» [8].

Издатель «Шерги-Рус» М. Шахтахлы заявил, что его профессия в газете – это очень простой и хороший путь. Он сказал, что этот путь отношение к человечеству и другим народам с уважением и добротой, и сказал, что будет следовать этому во всех материалах газеты: «Моя профессия в газете показывает очень простой и очень хороший путь. В той мере, в какой я считаю, что никто не будет этим недоволен. Чтобы проявить любовь к моему народу и доброту к другим народам... Это то, что я сделал в написанных мною абзацах».

М. Шахтахлы выступает за распространение гуманизма во всем обществе. По его словам, все люди, независимо от религии, пола или национальности, должны жить свободно, быть освобожденными, а законы гуманности должны работать в общественной жизни в целом. Гуманизм, уважение к человеческой чести и достоинству должны стать общей гармонией общества. Человеческий

идеал должен быть направлен на освобождение человека от рабства и создание социальных обществ, живущих по человеческим законам. В статье «Мусульмане и Конституция» (Новое Обозрение, 1905, №234) автор писал по этому поводу: «Этот идеал можно грубо выразить так: или шелка, а не счастье всех членов большой человеческой семьи. без исключений. Если у народов своя судьба, можно обеспечить жизнь каждому человеку на земле».

В статье «Международное подтверждение нашей республики» («Азербайджан», 1920, январь) М.Шахтагли говорит о проблеме интернационализма. Он указывает, что признание прав меньшинств, прописано в программах и выступлениях, но на практике это редко решается. Когда создавалась наша Демократическая Республика, у нас были Карабах, Сурмали, Новый Беязид и другие. Мы признали права армян, проживающих в этом районе. Мы ожидаем того же от наших соседей. Мы «сострадательные и законопослушные соседи и иностранцы, не уважающие права других в наших международных делах».

Н. Нариманов, один из наших национальных просветителей, в своем романе «БахаDIR и Сона» (1896-1899) эффективно отражает, что религиозные разделения и разделения создают «глубокие разрывы» между людьми и вызывают их трагедию. Воспитательный эффект работы действительно сильный. Один из героев романа БахаDIR – азербайджанский сын, а Сона – армянская девушка. Они очень любят друг друга. Но пожениться им невозможно. Потому что БахаDIR – мусульманин, а Сона – христианка. Ислам и христианство «изобрели пропасть между собой». По словам БахаDIRа, настоящий виновник – не вера или вера в Бога, а невежественные люди, не знающие истины. БахаDIR задается вопросом, почему вместо того, чтобы любить и сосуществовать, люди «изобретают» пути, секты и религии, которые их разделяют. Следующие слова Н.Нариманова на языке БахаDIRа были выражением его протеста против бесчеловечных традиций и законов, «изобретенных» человечеством, его негативного отношения к античеловеческой системе образования, передаваемой из поколения в поколение: «Замечательно! Как нас могут разделить «бездонные долины»? Это странно! Если эти овраги построили мы, люди, разве не в наших силах их уничтожить? Почему меня следует называть мусульманином, а вас – христианином, не евреем или язычником? Почему эти люди должны поклоняться различным законам, которые были установлены позже? Конечно? Нет! Естественный закон необходим всем людям, всем людям нужно идти к цели. А это мир свободы, любви ... Я не понимаю и не хочу пони-

мать, что будет с мусульманами, христианами, евреями, язычниками!» По сути, эта идея является основной философией выводов Н. Нариманова о воспитании гуманизма и интернационализма. В своей обширной статье «Об учительской общине» («Жизнь», 3, 6, 8, 9, 13 августа 1906 г.) он возвращается к проблеме любви между людьми, говоря о теории воспитания известного педагога И.Х. Песталоцци [5]. Он продвигает чувство гуманизма. Он отмечает, что Песталоцци справедливо делит законы мира на три части. Первый связан с отношениями с самим собой, второй – с отношением к Богу, а третий – с отношением к другим людям. Третий закон гласит, что каждый должен любить своих братьев, восхищаться ими и помогать им. По словам Песталоцци, «пока люди любят друг друга, угнетение исчезнет, а потребность уменьшится».

Есть еще одна проблема, о которой нужно напомнить. Говоря об армяно-мусульманской вражде, наши теоретики в области образования не только сожалели и призывали к миру, они также пытались объяснить общественности политический источник коррупции, откуда она взялась и почему это произошло. Это провокация царских политиков «разделяй и властвуй!» – Они объяснили, что его политика имела горькие последствия. Дж. Мамедгулузаде в своих более поздних мемуарах «Мои воспоминания» так честно описал политический характер проблемы: «Любой, кто был осведомлен о ситуации и политике царского правительства, которое было ослаблено русско-японским конфликтом в то время, мог видеть, что армяно-мусульманская вражда была очень благоприятным вопросом для политики Санкт-Петербурга, потому что эти две могущественные Народы Кавказа оказались в беде, и, конечно, он не успел бы вмешаться в политику российского правительства [4].

Следовательно, самые лояльные, гуманные и образованные элементы этих двух соседей, как бы сильно они ни пытались погасить эту вражду, эта ядовитая вражда длилась многие годы благодаря благословениям тайного дьявола и провокации, которая преобладала и причиняла страдания людям, тысячи ни в чем не повинных рабочих.

Статьи и колонки Дж. Мамедгулузаде о гуманистическом образовании также посвящены обращению с бедными, приехавшими на Кавказ из Ирана, чтобы заработать деньги. Возвращаясь к этой теме, автор горько сетует на бесчеловечное и унижающее достоинство обращение с этими бедными людьми в их странах - Иране и на Кавказе в газетах «Кавказский рабочий листок» (24 ноября 1905 г.), «Хеир-Дуа» («Благословение») (9 декабря 1905 г.) и др. Опубликованные в русскоязычной

газете «Кавказский рабочий листок» [4]. В своих статьях он объясняет политический и социально-экономический характер бесчеловечного обращения с иранскими рабочими. Он считает это большим недостатком в атмосфере народного просвещения в обществе. Писатель также указывает, что отсутствие любви к этим несчастным, которые никто нигде не любит, объясняется материальными бедствиями: «Но они крайне несчастны. Потому что их никто не любит, никому нет дела до них, никому нет дела до них. Они не любят их там, где они их оставили, и они не любят нас.

Почему они их не любят? Никто этого не знает. И я думаю, что они не любят их, потому что они в лохмотьях, потому что голодные» [4].

В целом период национального возрождения как бесчеловечное, равнодушное отношение к бедным, сиротам, презрение, серьезный социальный порок общественной жизни неизменно заставлял азербайджанских педагогов задуматься. Они также сомневались, что гуманное образование будет уместным в такой среде.

М.А. Сабир «Очаровательный» («Молла Насреддин», 1908, №17), «О бродячий ребенок с окровавленным сердцем!» («Молла Насреддин», 1908, №10) говорит о безразличии членов общества к сироте, «плачущей о куске хлеба». Социализирует проблему. Это показывает, что такие дети-сироты на самом деле дети Родины. Если будет обнаружено, что их «лелеют», то есть о них заботятся и лелеют, возможно, они вырастут полезными детьми своей родины.

Поэт-сатирик, как и его коллеги, считает, что гуманизм и свобода человека переплетаются. Если у членов общества нет гуманистического мышления, они не смогут понять, что такое свобода как духовное благословение. Или, если в обществе нет свободы, не может быть и речи о гуманности, искреннем отношении и заботе о людях.

У. Гаджибеков также рассматривает помощь богатых голодным как истинный пример человечности в разделе «Nüriyet-kalam» («Иршад», 1 марта 1907 г.). В нем рассказывается о голоде в Зангезуре во время Первой русской революции (1905-1907). Критикуется, что богатые мусульмане безразличны к судьбе своих голодных соотечественников.

В колонке «Проходит месяц, проходит день» («Иршад», 4 февраля 1907 г.) Узеир Гаджибеков указывает, что и созданная армянскими националистами партия «Дашнакцутюн», и царизм сделали вещи, выходящие за рамки справедливости и человечности. Автор указывает, что в глазах секты Дашнакцутюн «справедливость» состоит в том, чтобы продвигаться вперед и нападать на чужие народы. В глазах правительства значение термина

«справедливость» имеет антигуманистическое значение: «Через год или два создайте суд для рассмотрения их дела. Если он согрешил, его следует снова предать смерти, а если он не виновен, его следует освободить, чтобы он не стал бездельничать». В этой короткой колонке автор, по сути, пытается объяснить публике совершенно антигуманистический характер тиранического режима монархии в правительстве.

Статья Узеира «Все мы кавказские дети» была написана в 1906 году (9 марта) во время армяно-мусульманских погромов. В статье мы видим яркое выражение идеи интернационализма. Автор считает Кавказ общим домом для всех проживающих здесь многочисленных этносов и народов. В приговоре содержится призыв к усердию просвещать землю этой земли, общую родину кавказцев, тысячелетиями населенную потоками крови и разногласий: «Мы все кавказские дети. Будьте знамениты от радости. Давайте поделимся горестями и радостями друг друга». Обращаясь к кавказцам, Узеир сказал, что мы все должны избегать предвзятости, пристрастий и вражды и стремиться к благополучию и счастью друг друга. Наши печали и потребности одинаковы. Сила, которая обеспечит благополучие и счастье в нашем будущем, зависит от единства и усилий всех нас. Когда мы страдаем, мы должны разделять его боль, а когда мы счастливы, мы должны радоваться его радости. «Если у одного из нас есть враг, он враг для всех нас, мы все должны объединиться. Если кому-то из нас угрожает угроза, она угрожает всем нам, наше спасение в союзе. Религия и национальное разделение не должны быть препятствием для нашего союза!» Наш священный долг – соглашаться и сотрудничать. Наша культура, наше просвещение, наше образование должны помогать невежественным, сильные должны помогать слабым, богатые должны помогать бедным. У нас, кавказцев, должны быть общеобразовательные школы, медресе, газеты, союзы, сообщества и организации. На таких общих собраниях мы должны вместе обсуждать наши проблемы и искать их решения. Чтобы достичь своей цели, мы должны так или иначе «объединить наши духовные и физические силы».

Узеир Гаджибеков считает важным, чтобы средства образования, особенно владельцы прессы и пера, вели теоретическую пропаганду и начали практическую работу на Кавказе, продвигая идеи дружбы, единства и интернационализма. Он добавил, что работа писателей и прессы - объяснять широкой публике, объяснять пользу дружбы и обучать их в этом направлении. Если наши газеты оставят неизвестные и бессмысленные дебаты, запыхавшиеся статьи, провокационные диалоги,

напишут статьи о союзе, пахнувшие искренностью, и начнут пропагандировать и объяснять методы и средства, которые воплотят идею союза в жизнь, они скоро достигнут своих целей.

Как мы уже сказали, помимо многочисленных выступлений о конфликте между армянами и мусульманами в начале XX века появился ряд статей и работ в прессе. Эта тема, если можно так сказать, тогда была основным направлением международного образования в общественно-политической и культурной среде Азербайджана.

В 1905 году, когда А. Гусейнзаде был главным редактором газеты «Хаят», он опубликовал в газете статью «Рекомендации и стимулы для наших армянских граждан» (№21). Он отметил, что «Армянский этикет» писал статьи «сеют ложь и клевету в газетах», «невежественную рознь» и что армянская пресса и владельцы пера служат вражде, что серьезно мешает просвещению масс. Он призвал армянское руководство не пропагандировать идеи национальной вражды, а уделять время «просвещению, цивилизации, эволюции».

Ахмед бек Агаев в своей статье «Правда о событиях в Баку», опубликованной в авторитетной газете «Петербургские ведомости» (21, 22 апреля 1905 г.), издающейся в столице империи Санкт-Петербурге, об армянско-мусульманские погромы в Баку 1905 года создают реалистичную картину правды, знакомят широкую читательскую аудиторию с реалиями событий. Отметив, что правящие круги Кавказа, представители власти, политическая элита, полиция были заинтересованы в этой резне и раздоре, Ахмад бей пояснил фактами, что армянские идеологи также были виноваты в этом деле. Напротив, он подчеркнул, что мусульманские интеллектуалы всегда занимали примирительную, интернационалистскую позицию в национальных отношениях и начали посылать поразительно преувеличенные телеграммы. Они говорили об убитых 10-15 тысячах человек и называли мусульман кровожадными дикарями. Поднялась вся Россия и Европа. Со всех сторон были постоянные попытки вызвать общую ненависть к мусульманам». Ахмад-бей добавил, что армяне и их сторонники обвиняют мусульман во всех их грехах и отравляют свой народ ядом национализма.

М.С. Ордубади в своей книге «Кровавые дни», изданной отдельной книгой в 1911 году, более подробно, детально, полно и основано на фактах объясняет ландшафт армяно-мусульманского конфликта до того времени. Он подробно объясняет, что азербайджанский народ и его интеллектуалы всегда занимали примирительную позицию по этому вопросу, что армянские идеологи и наши идеологи занимали противоположные позиции, и

что азербайджанские интеллектуалы и мыслители подошли к проблеме гуманно.

Обобщая все свои выводы, А. Гусейнзаде разделяет мнение основоположника христианства, пророка Мухаммада (мир ему и благословение), основателя ислама, а также ряда просветителей, просветителей и философов Иисуса, что спасение человечества в любви друг к другу. Предвидя кровопролитный исход вооруженных столкновений, они старались увести народ от «страшной пропасти» и распространяли идеи духовно-нравственной эволюции. Не случайно одна из статей А. Гусейнзаде призывала к спасению через любовь. Выдвигая лозунг в статье «Спасение в любви», опубликованный в журнале «Фьюзат», он считал, что свобода и независимость могут быть достигнуты мирным путем – нравственным возрождением, просвещением и прогрессом общества. Не скоро суждено было ему постичь путь к осуществлению «великой истины» – борьбы за единение, свободу и независимость всех тюркоязычных мусульман.

Если есть справедливость, то есть свобода, а если есть свобода, есть и любовь. Законы как Иисуса, так и Мухаммеда основаны на этой истине.

Итак, вся цель и содержание образования должны служить созданию в людях чувства любви и гуманизма.

В своей статье «Национальность и гуманизм» («Открытое слово», 21 октября 1915 г.) Мухаммед Эмин Расулзаде делает акцент на одном из главных национально-человеческих проявлений фактора гуманизма и интернационализма. Ясно, что любить нацию и своих представителей необходимо и достойно похвалы. Но любить только свой народ – ограничение и национальный эгоизм. Это не говорит о совершенстве гражданина. Напротив, это показывает, что он жил как человек с несовершенными чувствами. Человека можно считать совершенным, духовно и практически зрелым, если он любит каждого человека и представителей чужого народа так же сильно, как своих родственников. Автор подходит к проблеме в глобальном масштабе: «Настоящий националист, любящий свою нацию, уважает права и чувства другой нации. Любая любовь к деревенскому народу приходит только тогда, когда вы любите другие культуры и наслаждаетесь чудесными результатами, которые они приносят» [6].

"День брата!" («Ени Икбал», 6 мая 1915 г.), «Сегодня» («Ени Икбал», 7 мая 1915 г., май) и др. в своих статьях М.А. Расулзаде сожалеет о голоде и нищете в Карсе и Ардахане во время Первой мировой войны. Он считает настоящей гуманитарной инициативой сбор пожертвований под названием

«Братская помощь» через благотворительные организации в Баку, чтобы помочь беженцам и голодным в Карсе и Ардахане собранными пожертвованиями и помощью [6].

Педагоги-демократы в Азербайджане, как правило, осуждают притеснение, рабство и эксплуатацию общества «верхний» и общества «низший». Они неоднократно напоминают нам, что это бесчестный поступок, несовместимый с человечностью. Ф. Кочарли указывает, что такое противостояние между сильными и слабыми, между богатыми и бедными, между официальным и неофициальным недопустимо в общественной жизни, и что общественные «верхи» в долгу перед низшими. Он указывает, что ради человечества «высшие» и «низшие» обязаны «посвятить себя прогрессу и образованию». Так же, как обеспечивают нас материальным комфортом, безопасностью и порядком, так и мы обязаны служить им духовно. Давайте отразим их притеснение и угнетение и посвятим себя развитию и воспитанию их душ и умов».

В стихотворении «Долг человечества» А. Сахат просит милости у господина Хака, учит нас науке и гуманизму. Потому что благодаря этому уроку науки человечество, гуманизм и любовь, прогресс и счастье могут жить на Земле.

Литература

1. Axundov C.N. Nərimanov fərdin kollektivdə tərbiyəsi haqqında. Bakı: Azərbaycan məktəbi, 1970. № 12. S. 15 – 22.
2. Axundov M.F. Əsərləri: [3 cildə]. Bakı: Elm, c. 1. 1987. 320 s.

3. Azərbaycan klassik uşaq ədəbiyyatı antologiyası / tərt. ed. M. Məmmədov, T. Salamoğlu, Y. Babayev. Bakı: Elm, 1998. 300 s.

4. Məmmədquluzadə C. Əsərləri 6 cildə, I – cild, Bakı Azər nəşr 1983 cü-il, 348 səh.

5. Nərimanov N. Seçilmiş əsərləri Bakı, “Elm” jurnalı, 1973, 451 səh.

6. Rəsulzadə M.Ə. Nəktəb və mədrəsə. “Açıq söz” qəz., Bakı, 1916 (mart, aprel, iyun nömrələri).

7. Zərdabi H. Torpaq, su və hava. Bakı: “Kaspi” mətbəəsi, a) 1907; b) 1912. S. 74 – 75.

8. Zərdabi H. Dil və din, “Həyat” qəzeti, Bakı, 1906, 8 yanvar.

References

1. Axundov C.N. Nərimanov fərdin kollektivdə tərbiyəsi haqqında. Bakı: Azərbaycan məktəbi, 1970. № 12. S. 15 – 22.

2. Axundov M.F. Əsərləri: [3 cildə]. Bakı: Elm, c. 1. 1987. 320 s.

3. Azərbaycan klassik uşaq ədəbiyyatı antologiyası. tərt. ed. M. Məmmədov, T. Salamoğlu, Y. Babayev. Bakı: Elm, 1998. 300 s.

4. Məmmədquluzadə C. Əsərləri 6 cildə, I – cild, Bakı Azər nəşr 1983 cü-il, 348 səh.

5. Nərimanov N. Seçilmiş əsərləri Bakı, “Elm” jurnalı, 1973, 451 səh.

6. Rəsulzadə M.Ə. Nəktəb və mədrəsə. “Açıq söz” qəz., Bakı, 1916 (mart, aprel, iyun nömrələri).

7. Zərdabi H. Torpaq, su və hava. Bakı: “Kaspi” mətbəəsi, a) 1907; b) 1912. S. 74 – 75.

8. Zərdabi H. Dil və din, “Həyat” qəzeti, Bakı, 1906, 8 yanvar.

**IDEAS ON HUMANISM AND EDUCATION OF GREAT THINKERS
AND TEACHERS OF AZERBAIJAN. INTERNATIONAL EDUCATION
AND ITS PLACE IN AZERBAIJAN IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY**

*Vagabova T.A., Philosophy Doctor of Pedagogy,
Honored Teacher of the Republic of Azerbaijan,
Azerbaijan State Pedagogical University, Azerbaijan*

Abstract: the scientific article analyzes thoughts and ideas about humanism and education as a progressively thinking intelligentsia at the beginning of the XX century. Man is considered the most valuable creation and honor of the earth, the highest of all beings, both in classical religions and in the sphere of secular thought. Religious leaders and secular thinkers believed that a humane life is a prerequisite for justice, happiness, order and equality in every society. It begins with loving others and treating them humanely. Love, sincerity, bonds of love between people, their mutual respect, help and virtuous behavior lead to the liberation and happiness of society as a whole from oppression. The measure of the general welfare, both of individuals and of the masses, arises in proportion to the degree and scale of the feelings of humanity, rooted in this society. The scientific novelty of the article reveals the ideas of Azerbaijani teachers who made a valuable contribution to the development of the theory of education in a new context and direction. They put forward theoretical ideas about content, organizational form and features. First of all, they began to fight for the creation of educational tools that provide an opportunity and stimulate citizens of their homeland to receive a modern education. Because without these means, education and new spiritual upbringing would be impossible. Teaching secular sciences in schools, the growth of science and education, the emergence of modern textbooks, teaching aids, scientific and artistic works, the formation and development of the national press, the development of the national theater, increasing the role of the native language in the educational process, etc.

In their pedagogical theories, Azerbaijani teachers paid special attention to the upbringing of humanism and internationalism.

Keywords: humanism, education, progressivism, enlightenment, socio-pedagogical ideas, humanistic education, international education

ПОДГОТОВКА УЧЕНИКОВ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ К ВЫПОЛНЕНИЮ НОРМ ВФСК «ГТО» МЕТОДОМ УЧЕБНОГО ПРОЕКТА

*Черепанов К.Н., аспирант,
Тихонов А.М., кандидат педагогических наук, доцент,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Морданёв А.П., учитель,
Гимназия № 2, г. Пермь*

Аннотация: в образовательных учреждениях разных видов – от дошкольных до высших профессиональных – вводится деятельностный подход в преподавании учебных предметов. В связи с этим появились проблемы в их преподавании – в меньшей степени для общеобразовательных предметов, и в большей – для физической культуры. Объясняется это тем, что технологии развивающего образования, на основе которых разработаны новые Федеральные государственные образовательные стандарты, апробированы и даже в перестроечные годы были рекомендованы Министерством образования и науки, наряду с традиционными методиками обучения, к использованию. Но эти технологии, по неизвестным нам причинам, никоим образом не затрагивали предмет «Физическая культура».

Актуальность разработки преподавания физической культуры с позиций деятельностного подхода объясняется и тем – и это более существенный фактор, чем предыдущий, – что Стандарты не освобождают предмет «Физическая культура» от их требований. Попытки вывести предмет из-под действия этих требований, ссылаясь на отличные от других предметов процессуальные условия, пока не в состоянии увенчаться успехом: управляющие образованием органы, администрация школ настоятельно требует с учителей физической культуры преподавание предмета в соответствии со Стандартами.

Представленная статья обусловлена научной проблемой в образовании детей по физической культуре, актуальность которой определяется обострением противоречий между требованиями Федерального государственного образовательного стандарта и недостаточной разработанностью метода проектов на уроках физической культуры.

С учётом выявленных противоречий авторами сформулирована проблема данного исследования: каким образом организовать системный образовательный процесс по физической культуре в соответствии с требованиями Стандарта.

Главной целью исследования является разработка и экспериментальная проверка проектного метода для подготовки к выполнению нормативов Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне».

Кроме этого, в данной статье приводятся результаты экспериментальной работы по выявлению эффективности метода проекта в основной школе при подготовке учеников к выполнению нормативов Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне». Приводится подробное описание проекта и его результаты, доказывающие результативность данного метода при подготовке к выполнению нормативов на уроках физической культуры в седьмом классе основной общеобразовательной школы.

Ключевые слова: проектный метод, физическая подготовка, физическая подготовленность, нормативы ВФСК «ГТО», Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС)

В образовательных учреждениях разных видов – от дошкольных до высших профессиональных – вводится деятельностный подход в преподавании учебных предметов. В связи с этим появились проблемы в их преподавании – в меньшей степени для общеобразовательных предметов, и в большей – для физической культуры. Объясняется это тем, что технологии развивающего образования, на основе которых разработаны новые Федеральные государственные образовательные стандарты (далее ФГОСы), апробированы и даже в перестроечные годы были рекомендованы Министерством образования и науки, наряду с традиционными методиками обучения, к использованию. Но эти технологии, по неизвестным нам причинам, никоим образом не затрагивали предмет «Физическая культура».

Актуальность разработки преподавания физической культуры с позиций деятельностного подхода объясняется и тем – и это более существенный фактор, чем предыдущий, – что ФГОСы не

освобождают предмет «Физическая культура» от их требований. Попытки вывести предмет из-под действия этих требований, ссылаясь на отличные от других предметов процессуальные условия, пока не в состоянии увенчаться успехом: управляющие образованием органы, администрация школ настоятельно требует с учителей физической культуры преподавание предмета в соответствии со Стандартами [10].

Остроту в проблематику преподавания учебного предмета «Физическая культура» добавляет и то, что, взяв в далёкие 20-30-е годы прошлого века курс на спортивный подход к школьной физкультуре (с гигиенической и санитарной – в терминологии П.Ф Лесгафта – направленностью), педагогика физической культуры оказалась не силах выработать иные принципы, которые бы дали основания для разработки и реализации технологий, направленных на достижение педагогических целей. Иллюстрацией этого положения являются ре-

зультаты анализа учебников и программ на соответствие их требованиям Стандарта [2].

Ограничение предмета преподавания физической культуры развитием двигательных качеств привело к изоляции от тенденций, происходящих в общем образовании, где активно разрабатываются современные технологии, которые основываются на новых методах и принципах дидактики, на совершенно иных формах взаимоотношений субъектов образовательного процесса [8]. Изменения в этом направлении происходят и в исследованиях, концептуальных положениях в сфере физической культуры [4, 5, 6, 11, 13].

В них достаточно чётко прослеживается общая тенденция к смещению акцентов (приоритетов) в понимании физической культуры. Попытки построения учебного процесса по физической культуре в системе развивающего обучения были предприняты в работах М.Д. Кудрявцева [3], С.Д. Неверковича [5], Д.Д. Кечкина и А.М. Тихонова [9], Фомичёвой [12], В.Н. Шаулина [13]. В диссертационном исследовании Л.А. Архиповой [1] продемонстрированы возможности применения продуктивных методов обучения физической культуре. И развивающее обучение, и продуктивные методы обучения лежат в основе новых Стандартов.

Экспериментальные работы по формированию универсальных учебных действий (УУД) ведутся на факультете физической культуры ПГГПУ в течение уже 20 лет (за 11 лет до введения ФГОС нового поколения в рамках технологии развивающего обучения Д.Б. Эльконина-В.В. Давыдова). Разработаны и проверены на эффективность методы: развития самооценки двигательного действия, целеполагания, самоконтроля темпа бега и величины нагрузки на уроке, прогнозирования, планирования, коррекции, формирования понятий, соблюдения конвенциональных норм. Повсеместное применение, начиная с начальной школы, получил исследовательский метод при решении учебных задач. Проектный же метод проверялся только единожды в пилотажном исследовании во внеурочное время [7]. А для основной школы, принимая во внимание основной вид деятельности в этом возрасте (общественно значимая), с нашей точки зрения, большую значимость приобретает применение проектного метода, в процессе которого ученики овладевают навыками общения.

Таким образом, появилась научная проблема в образовании детей по физической культуре, **актуальность** которой определяется обострением **противоречий** между требованиями ФГОС и недостаточной разработанностью метода проектов на уроках физической культуры.

С учётом выявленных противоречий сформулирована **проблема исследования**: каким образом

организовать системный образовательный процесс по физической культуре в соответствии с требованиями Стандарта.

Цель исследования состоит в разработке и экспериментальной проверке проектного метода для подготовки к выполнению нормативов ВФСК «ГТО».

В исследовании приняли участие ученики 7-х классов МАОУ «Гимназия № 2» г. Перми: экспериментальная группа (ЭГ) – 28 человек (14 мальчиков и 14 девочек) и контрольная группа (КГ) – 23 человека (13 мальчиков и 10 девочек).

Эксперимент проводился с целью проверки выдвинутой гипотезы: подготовка к выполнению нормативов ВФСК «ГТО» будет эффективной, если она будет осуществляться проектным методом.

Эксперимент осуществлялся следующим образом.

Определение (выбор) нормативов, к выполнению которых будут готовиться школьники, был сделан самими школьниками. Ученикам было дано задание: «Выбрать из списка нормативов ГТО нормативы для подготовки, исходя из возраста, условий и времени (урочное время) подготовки». Возрастную группу все определили безошибочно, а вот условия смогли учесть не все. Понадобилась корректировка и уточнение, суть которого состояла в том, что основной период подготовки выпал на зимний период, а это значит, что занятия будут проходить в спортивном зале. После уточнения условий все участники эксперимента справились с поставленной задачей. Таким образом были выбраны четыре норматива комплекса ГТО: 1. Прыжок в длину с места толчком двумя ногами. 2. Подтягивания (из виса на высокой перекладине (мальчики) и из виса лежа на низкой перекладине (девочки)). 3. Поднимание туловища из положения лежа на спине. 4. Наклон вперед из положения стоя с прямыми ногами на полу. Класс был разделен на четыре группы, в каждой группе был лидер (командир). Учитель выступал в роли консультанта и методолога.

Каждой группой, на основании полученного задания (выбранного ими самими норматива комплекса ГТО), был подготовлен реферат-доклад. В реферате были описаны нормативы, определены мышечные группы, участвующие в движении, подобраны подводящие упражнения, а также подобраны упражнения для разминки. Были сделаны коррективы в программе подготовки к выполнению норматива «Наклон вперед из положения стоя с прямыми ногами на полу». По условиям выполнения норм ВФСК «Готов к труду и обороне», условием выполнения норматива на «золотой» знак отличия является касание пола ладонями. Ка-

сание пола пальцами рук это «бронзовый» и «серебряный» знаки отличия. При таких ориентирах трудно отслеживать динамику результатов. Участники эксперимента (к которым относится и учитель), обсудив это, решили, что будут фиксироваться результаты в сантиметрах. Участник эксперимента встаёт на гимнастическую скамью и выполняет наклон. Судья при помощи линейки замеряет расстояние между кончиками пальцев тестируемого и скамьёй. Фиксирует результат. Если тестируемый не достал скамью, то результат фиксируется со знаком «-», если коснулся скамьи – «0», если кончики пальцев тестируемого оказались ниже скамьи, то результат фиксируется со знаком «+». Таким образом легко проследить динамику развития гибкости тестируемого. Даже если на контрольных испытаниях тестируемый не достал пальцами скамью, он может показать положительную динамику в развитии гибкости. Например: в начале подготовки результат в тесте на гибкость составлял – 15см, т.е. ребенок не дотягивался до скамьи на 15см. На финальном тестировании он показал результат – 3см. По условиям ВФСК «Готов к труду и обороне» он как не мог выполнить норматив так и не может, т.е. время, потраченное на подготовку, прошло впустую. Но, применяя наш метод фиксации результатов, мы видим, что результатом подготовки является улучшение результата на 12см. Таким образом, ребенок видит результат своего труда, тем самым мотивируется, укрепляется вера в себя, свои силы.

Как уже было сказано ранее, подготовка к выполнению нормативов ВФСК «Готов к труду и обороне», проходила в урочное время. По школьной программе уроки физической культуры проводятся три раза в неделю согласно школьному расписанию. На каждом уроке выбирались два направления, по которым шла подготовка на данном уроке. Например: сегодня работают группа «Прыжки» и «Гибкость». Начинает группа «Гибкость». Выходят члены группы «Гибкость». Остальные делятся на несколько групп. Каждой группой руководят несколько членов группы «Гибкость». Проводят разминку и тренировку на развитие гибкости. Затем настает черед группы «Прыжки». Группа «Гибкость» вливается в состав тренируемых. Группа «Прыжки» проводит свою разминку, затем тренировку. На следующем уроке работают другие группы – «Пресс» и «Подтягивания». Комбинация тренирующих групп может меняться в зависимости от внешних условий. Этими условиями может быть посещение столовой, прививки, болезнь (отсутствие по какой либо причине) большинства членов группы.

В контрольной группе также была прочитана лекция «О значении и пользе выполнения норма-

тивов ВФСК «Готов к труду и обороне»». Подготовка проводилась во время уроков согласно школьному расписанию. Использовался метод показа. Дети выполняли указания учителя. Например: учитель показывает как прыгать в длину с места толчком двумя ногами. Затем по списку вызывает детей и они совершают заданное количество прыжков. Разминку также проводил учитель.

Результаты исследования и их обсуждение

За время педагогического эксперимента у мальчиков контрольной группы произошли улучшения результатов во всех тестах физической подготовленности. Но на статистически достоверном уровне улучшение результата произошло только в поднимании туловища из положения лёжа на спине ($t = 2,54$; $p < 0,05$).

Результаты физической подготовленности девочек контрольной группы схожи с результатами мальчиков: у них тоже наблюдается улучшение показателей во всех тестах. И так же, как и у мальчиков, на достоверно значимом уровне различие между показателями до эксперимента и после его окончания произошло в поднимании туловища из положения лёжа на спине ($t = 2,41$; $p < 0,05$).

В отличие от контрольной, в экспериментальной группе улучшение результатов произошло в большей степени. В прыжках в длину в КГ улучшение в среднем произошло на 16,6 см, а в ЭГ на 28,2 см (разница в улучшении – 11,6 см). В других тестах такая разница составила: в поднимании туловища из положения лёжа на спине – 7,3 раза; в наклоне вперёд из положения стоя – 5,1 см; в подтягивании из виса на высокой перекладине – 5 раз. К тому же, в сравнении с контрольной, в экспериментальной группе все изменения в результатах находятся на высоком уровне достоверности ($p < 0,01$).

Высокий уровень достоверности различий в результатах тестирования до и после эксперимента оказался у девочек экспериментальной группы: t -критерий Стьюдента находится в пределах от 3,17 (прыжки в длину с места) до 6,28 (подтягивание из виса на низкой перекладине), что находится на уровне значимости $p < 0,01$.

В прыжке в длину с места результат девочек ЭГ улучшился на 19,5см. Разница в улучшении результата в сравнении с КГ (улучшение у них произошло на 5,8 см) составила 13,7 см. В других тестах такая разница составила: в поднимании туловища из положения лёжа на спине – 3,6 раза; в наклоне вперёд из положения стоя – 4,5 см; в подтягивании из виса на низкой перекладине – 7,1 раза.

В табл. 1 представлены результаты тестов, ориентированных на получение знака отличия «Золотой» в начале и по завершению исследования.

Таблица 1

Количество участников эксперимента, выполнивших норматив на уровне «Золотой» знак отличия, до и после эксперимента

Группы	Прыжки			Пресс			Подтягивания		
	До	После	Итог	До	После	Итог	До	После	Итог
КГ	7	12	+5	5	13	+8	0	4	+4
ЭГ	2	20	+18	8	27	+19	2	1	+14

Обработка результатов тестирований показала, что при предварительном тестировании, на старте проекта в контрольной группе с нормативом ГТО «Прыжки» справлялись семь человек, после завершения проекта на финальном тестировании с нормативом справлялись уже двенадцать человек, т.е. на пять человек больше. С нормативом «Пресс» в контрольной группе на старте проекта справлялись пять человек, а по окончании проекта с нормативом справились уже тринадцать человек. Это на восемь человек больше. И третий норматив – «Подтягивания». С этим нормативом на старте проекта в контрольной группе не справлялся никто. Положительные результаты в конце реализации проекта показали четыре человека.

Проанализировав сведенные в таблицу результаты тестирования экспериментальной группы, мы видим, что с нормативом «Прыжки» на первичном тестировании справлялось всего лишь два человека. После завершения учебного периода на протяжении, которого реализовывался метод учебного проекта с нормативом «Прыжки» справлялось уже двадцать человек.

В упражнении «Поднимание туловища из положения лежа на спине» («Пресс») при первичной диагностике норматив выполнили восемь человек, по окончании эксперимента – 27.

И, наконец, норматив «Подтягивания». Здесь на начальном этапе на «Золотой» знак отличия готовы были сдавать два гимназиста. Финальное тестирование показало, что с нормативом справляются шестнадцать гимназистов. Положительная разница составила четырнадцать человек.

Таким образом, сравнив изменения в показателях увеличения количества ребят, которые выполняли нормативы ГТО на «золотой» знак отличия до начала проекта, и после его окончания, видим следующее.

Вывод

Результаты эксперимента однозначно показали эффективность применения проектного метода на уроках физической культуры. Преимущество его над традиционным уроком является подтверждением мысли, что свободный труд не только облагораживает, но ещё и результативнее исполнительского.

Литература

1. Архипова Л.А. Использование продуктивных методов обучения двигательным действиям в процессе организации учебного взаимодействия учащихся: дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2002. 140 с.
2. Гончаров К.В. Соответствие программ и учебников по физической культуре Федеральному государственному образовательному стандарту // Физическая культура, спорт, туризм: науч.-метод. сопровождение: матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (18-20 апреля 2019 г., г. Пермь, Россия / ред. кол.: Е.В. Старкова (глав. ред.), Т.А. Полякова (науч. ред.); Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2019. С. 56 – 61.
3. Кудрявцев М.Д. Методика обучения младших школьников двигательным действиям на основе теории учебной деятельности: учеб.-метод. пос. М.: АПКИПРО, 2003. 105 с.
4. Лукьяненко В.П. Современное состояние и концепция реформирования системы общего образования в области физической культуры: монография / Советский спорт, 2005. 256 с.
5. Неверкович С.Д. Принципы развивающего образования // Совершенствование подготовки кадров в области физической культуры и спорта в условиях модернизации профессионального образования в России: тез. докл. II Всерос. науч.-практ. конф. (г. Москва, 25-27 марта 2004 г.). М.: Флинта, 2004. С. 29 – 30.
6. Николаев Ю.М. Теория физической культуры: базовые концепции и основополагающий категориальный аппарат // Теория и практика физической культуры. 2002. № 3. С. 15 – 20.
7. Пырцаки Н.Г., Тихонов А.М. Применение метода учебного проекта при подготовке учащихся основной школы к межшкольным соревнованиям // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 1, Психологические и педагогические науки. Вып. 2: в 2 ч. Ч. 1: электрон. науч. журн. [Электронный ресурс] / ред. кол.: Л.А. Косолапова (отв. ред. сер.), К.Э. Безукладников, Б.А. Крузе, Н.А. Гангнус (отв. секретарь вып.), Е.К. Гитман, Л.В. Коломийченко, Т.А. Полякова (отв. ред. вып.), А.И. Санникова; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2016. С. 99 – 106.

8. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. М.: НИИ школьных технологий, 2006. 816 с. Т. 1. (Серия: «Энциклопедия образовательных технологий»).

9. Тихонов А.М., Кечкин Д.Д. Физическая культура: системно-деятельностный подход в преподавании / Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2013. 104 с.

10. Тихонов А.М., Кечкин Д.Д., Полякова Т.А. Физическая культура: проблемы и перспективы // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 1. Психологические и педагогические науки. Вып. 2: в 2 ч. Ч. 1: электрон. науч. журн. [Электронный ресурс] / ред. кол.: Л.А. Косолапова (отв. ред. сер.), К.Э. Безукладников, Б.А. Крузе, Н.А. Гангнус (отв. секретарь вып.), Е.К. Гитман, Л.В. Колонийченко, Т.А. Полякова (отв. ред. вып.), А.И. Санникова; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2016. С. 31 – 43.

11. Тихонов А.М. Физическая культура от дошкольных до высших учебных заведений // Физическая культура, спорт и здоровье молодежи [Электронный ресурс]: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (26 окт. 2018 г.) / под науч. ред. К.В. Чедова. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Электрон. дан. Пермь, 2018. 1,5 Мб; 191 с. Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/fizicheskaya-kulturasport-i-zdorovie-molodezhi.pdf>. С. 157 – 161.

12. Фомичева Н.В.. Активизация мыслительной деятельности младших школьников в процессе обучения двигательным действиям: дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2005. 136 с.

13. Шаулин В.Н. Развивающее обучение на материале физической культуры // Физическая культура в школе. 1994. № 6. С. 9 – 12.

References

1. Arhipova L.A. Ispol'zovanie produktivnyh metodov obucheniya dvigatel'nym dejstviyam v processe organizacii uchebnogo vzaimodejstviya uchashchihsya: dis. ... kand. ped. nauk. Tyumen', 2002. 140 с.

2. Goncharov K.V. Sootvetstvie programm i uchebnikov po fizicheskoj kul'ture Federal'nomu gosudarstvennomu obrazovatel'nomu standartu. Fizicheskaya kul'tura, sport, turizm: nauch.-metod. soprovozhdenie: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (18-20 aprelya 2019 g., g. Perm', Rossiya. red. kol.: E.V. Starkova (glav. red.), T.A. Polyakova (nauch. red.); Perm. gos. gumanit.-ped. un-t. Perm', 2019. S. 56 – 61.

3. Kudryavcev M.D. Metodika obucheniya mladshih shkol'nikov dvigatel'nym dejstviyam na osnove teorii uchebnoj deyatelnosti: ucheb.-metod. pos. M.:

APKiPRO, 2003. 105 s.

4. Luk'yanenko V.P. Sovremennoe sostoyanie i koncepciya reformirovaniya sistemy obshchego obrazovaniya v oblasti fizicheskoj kul'tury: monografiya. Sovetskij sport, 2005. 256 s.

5. Neverkovich S.D. Principy razvivayushchego obrazovaniya. Sovershenstvovanie podgotovki kadrov v oblasti fizicheskoj kul'tury i sporta v usloviyah modernizacii professional'nogo obrazovaniya v Ros-sii: tez. dokl. II Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 25-27 marta 2004 g.). M.: Flinta, 2004. S. 29 – 30.

6. Nikolaev Yu.M. Teoriya fizicheskoj kul'tury: bazovye koncepcii i osnovopolagayushchij kategori-al'nyj apparat. Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury. 2002. № 3. S. 15 – 20.

7. Pyrcaki N.G., Tihonov A.M. Primenenie metoda uchebnogo proekta pri podgotovke uchashchihsya osnovnoj shkoly k mezhskol'nym sorevnovaniyam. Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. 1, Psihologicheskie i pedagogicheskie nauki. Vyp. 2: v 2 ch. CH. 1: elektron. nauch. zhurn. [Elektronnyj resurs] / red. kol.: L.A. Kosolapova (otv. red. ser.), K.E. Bezukladnikov, B.A. Kruze, N.A. Gangnus (otv. sekretar' vyp.), E.K. Gitman, L.V. Kolonijchenko, T.A. Polyakova (otv. red. vyp.), A.I. Sannikova; Perm. gos. gumanit.-ped. un-t. Perm', 2016. S. 99 – 106.

8. Selevko G.K. Enciklopediya obrazovatel'nyh tekhnologij: v 2 t. M.: NII shkol'nyh tekhnologij, 2006. 816 s. Т. 1. (Seriya: «Enciklopediya obrazovatel'nyh tekhnologij»).

9. Tihonov A.M., Kechkin D.D. Fizicheskaya kul'tura: sistemno-deyatelnostnyj podhod v prepodavanii. Perm. gos. gumanit.-ped. un-t. Perm', 2013. 104 s.

10. Tihonov A.M., Kechkin D.D., Polyakova T.A. Fizicheskaya kul'tura: problemy i perspektivy Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. № 1. Psihologicheskie i pedagogicheskie nauki. Vyp. 2: v 2 ch. CH. 1: elektron. nauch. zhurn. [Elektronnyj resurs]. red. kol.: L.A. Kosolapova (otv. red. ser.), K.E. Bezukladnikov, B.A. Kruze, N.A. Gangnus (otv. sekretar' vyp.), E.K. Gitman, L.V. Kolonijchenko, T.A. Polyakova (otv. red. vyp.), A.I. Sannikova; Perm. gos. gumanit.-ped. un-t. Perm', 2016. S. 31 – 43.

11. Tihonov A.M. Fizicheskaya kul'tura ot doshkol'nyh do vysshih uchebnyh zavedenij. Fizicheskaya kul'tura, sport i zdorov'e molodezhi [Elektronnyj resurs]: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (26 okt. 2018 g.). pod nauch. red. K.V. Chedova. Perm. gos. nac. issled. un-t. Elektron. dan. Perm', 2018. 1,5 Мб; 191 с. Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/fizicheskaya-kulturasport-i-zdorovie-molodezhi.pdf>. S. 157 – 161.

12. Fomicheva N.V.. Aktivizaciya myslitel'noj deyatel'nosti mladshih shkol'nikov v processe obucheniya dvigatel'nyim dejstviyam: dis. ... kand. ped. nauk. Tyumen', 2005. 136 s.

13. SHaulin V.N. Razvivayushchee obuchenie na materiale fizicheskoy kul'tury. Fizicheskaya kul'tura v shkole. 1994. № 6. S. 9 – 12.

PREPARATION OF STUDENTS FOR RWD STANDARDS BY METHOD OF EDUCATIONAL PROJECT

*Cherepanov K.N., Postgraduate,
Tikhonov A.M., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Mordanev A.P., Teacher,
Gymnasium No. 2, Perm*

Abstract: in educational institutions of various types – from preschool to higher professional – an activity-based approach is introduced in the teaching of academic subjects. In this regard, there were problems in their teaching – to a lesser extent for general education subjects, and to a greater extent for physical culture. This is explained by the fact that the technologies of developing education, on the basis of which new Federal State Educational Standards were developed, were tested and even in the perestroika years were recommended by the Ministry of Education and Science, along with traditional teaching methods, for use. But these technologies, for reasons unknown to us, in no way affected the subject of «Physical Education».

The relevance of the development of physical culture teaching from the standpoint of the activity approach is also explained by the fact – and this is a more significant factor than the previous one – that the Standards do not exempt the subject "Physical Education" from their requirements. Attempts to withdraw the subject from the scope of these requirements, referring to procedural conditions different from other subjects, have not been able to succeed yet: educational authorities, school administrations strongly require physical education teachers to teach the subject in accordance with Standards.

The presented article is caused by a scientific problem in the education of children in physical education, the relevance of which is determined by the aggravation of contradictions between the requirements of the Federal State Educational Standard and the insufficient development of the project method in physical education lessons.

Taking into account the revealed contradictions, the authors formulated the problem of this study: how to organize a systematic educational process in physical education in accordance with the requirements of the Standard.

The main purpose of the study is the development and experimental verification of a design method for preparing for the implementation of the standards of the All-Russian sports complex «Ready for Work and Defense».

In addition, this article presents the results of experimental work to identify the effectiveness of the project method in primary school in preparing students to meet the standards of the All-Russian sports complex «Ready for Work and Defense». A detailed description of the project and its results are given, proving the effectiveness of this method in preparing for the implementation of standards in physical education lessons in the seventh grade of the basic secondary school.

Keywords: project method, physical training, physical fitness, standards of RWD, Federal State Educational Standard (FSES)

САМООЦЕНКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО УРОВНЯ ЗДОРОВЬЯ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРИЗНАКОВ БОЛЕЗНИ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

*Каленикова Н.Г., кандидат педагогических наук, доцент,
Брянский государственный технический университет*

Аннотация: в статье автор раскрывает процесс проведения исследования средствами скрининг-диагностики самооценки здоровья студентов первого курса проводимые на базе Брянского государственного технического университета. Дается оценка на основании анализа всех тест – опросных листов первого и второго этапа мониторинга. По каждому блоку - вопросов, представленных в тест-опроснике выведен интегральный коэффициент и выстроен графический профиль здоровья обучающихся в БГТУ студентов. Получены результаты самооценки индивидуального уровня здоровья по совокупности признаков болезни всех физиологических систем, проведена сравнительная работа двух этапов мониторинга. Определены индикаторы отклонения здоровья от нормы. Работа студентов по самооценке индивидуального уровня здоровья и анализу совокупности признаков болезни. Описана подробно программа, с помощью которой формировалась мировоззренческая система ценностей у студентов (в рамках лекционного курса по дисциплине «Физическая культура»). Рассмотрена оценка по личным ощущениям студентов уровня индивидуального здоровья по шкале А-«частоты» и Б-«степени выраженности». Сравнительный анализ статистических данных по показателям здоровья на когорте молодых людей студенческого возраста.

Рассматривались критерии нормы и патологии в работе паттернов на примере дыхательной и пищеварительной функции.

По итогам мониторинга установлены проблемные моменты в понимании вопроса здоровья студенческой молодежи на современном этапе развития общества. В статье рассматриваются критерии негативных факторов и их общий итог под названием заболевание.

Ключевые слова: здоровье обучающихся студентов, симптомо-комплексы, графический профиль здоровья студентов

Проблема здоровья во все времена исторического развития человеческого общества была актуальной.

Здоровье человека – это не константа. Поэтому на всех этапах развития онтогенеза она имеет свой градус значимости [1].

Не одно столетие учёные мужи ищут подходы и разрабатывают концепции для укрепления и поддержания уровня здоровья человека на высоком уровне. В настоящем столетии это имеет колоссальное значение в силу стремительно меняющегося жизненного уклада общества.

Исходя, из понимания широкого спектра проблематики специалисты конструируют новые модели и подходы к решению задачи под названием «здоровье».

В настоящем сегодняшнем дне время имеет особую значимость. В процессе сокращения болезней необходимо рассматривать вопрос их истоков возникновения. Сегодня человек должен и обязан управлять своим здоровьем. В связи с задачами специалисты в сфере физической культуры и спорта высшей школы обязаны научить своих студентов как надо приобретать знания и навыки прорабатывать самостоятельно полученную информацию о собственном здоровье основываясь на личностной самооценке индивидуального уровня здоровья по совокупности признаков болезни.

Сравнительный анализ статистических данных по показателям здоровья на когорте молодых людей студенческого возраста показывает стабильную динамику снижения данного показателя за последние двадцать лет во всех регионах Российской Федерации.

Критерии ухудшения показателей здоровья базируются на образе жизни молодых людей.

Совокупность факторов таких как: снижения качества сна, режима труда и отдыха, уменьшения двигательного показателя, проблемы качества пищи и режима её принятия, фактор личностной тревоги и не стабильного психоэмоционального состояния, адаптационные срывы организма все это в целом создаёт общий итог под названием заболевание.

Умение прогнозировать возникновение негативных явлений для организма в виде признаков болезни, их профилактика – это основа сохранения целостности организма.

Паттерн образа жизни, который способствует укреплению и сохранению здоровья понимает под собой жизнедеятельности и комплекс оздоровительных и профилактических мероприятий, направленных на сохранение и укрепление адаптационного потенциала, что и является прямым здоровьем [6].

Здоровье сегодня это неотъемлемая сущность каждого индивида. Разработка концептуальных

программ по сохранению здоровья как адаптационного потенциала в образовательном пространстве высшей школы, прежде всего, формируется в виде планомерной логически выверенной комплексной системы неотъемлемо связанной со всеми циклами обучения студента [8].

Исходным определяющим этапом является ежегодное медицинское обследование студентов первого курса университета. Итог медицинского обследования формирование студентов по группам здоровья (основное отделение, подготовительное и специальное медицинское).

На втором этапе в университете идёт работа студентов по самооценке индивидуального уровня здоровья и анализу совокупности признаков болезни. Студенты работают по программе, которая помогает им в формировании мировоззренческой системы ценностей (в рамках лекционного курса по дисциплине «Физическая культура») [5].

Третий этап – практическая работа по построению личного профиля здоровья. Третий этап осуществляется по двум трекам:

- первое направление это методико-практический раздел, который даёт навыки практического операционного овладения методами и способами самооценки собственного состояния здоровья через тесты-опросники;

- самооценка индивидуального уровня здоровья студентов по совокупности признаков болезни через выстраивание графического профиля здоровья с подробной оценкой всех базовых систем организма.

Как итог работы студентов по заданным траекториям это формирование когнитивных ценностей у студентов. Через такую категорию как знание (действие осуществляется студентом через запоминание терминов и воспроизведение изученного материала в виде графического профиля). В свою очередь знание формирует у студента понимание. Индивидуальные графические профили самооценка индивидуального уровня здоровья по совокупности признаков болезни являются показателями понимания данной проблемы и её переоценке. Процесс выстраивания графического профиля собственного здоровья по данным тест-опроса рассматривается в контексте интерпретации учебно-образовательного материала полученного студентом на лекции [7, 9].

В перспективе это даёт основание служить основой для применения наработанных практических умений использовать изученный материал в конкретных жизненных условиях и разработках новых лично-ориентированных концепций здоровья.

В последние десятилетия проблема здоровья приобрела настолько глобальные масштабы, что

её уже невозможно рассматривать через призму устаревших жизненных шаблонов, подходов и методов.

Собственная самооценка студентами своего личного уровня здоровья (психического и соматического), которое опирается на итоги экспресс-тестирования, позволяет специалистам выявить, в общей когорте студентов определённые триггерные моменты здоровья и даёт возможность прохождения ранней более обширной клинико-экспертной диагностики.

В плане лекционного курса по дисциплине «Физическая культура» тема «Принципы, критерии, средства и формы образа жизни студента» широко раскрывает вопросы по физиологии здоровья человека как фундаментальной ценности. Раскрываются методики, которые дают возможность эффективно определить проблему в показателях физического состояния. Чётко устанавливается логическая взаимосвязь между общей культурой человеческого поведения и культурой образа жизни студента. Образ жизни и основные критерии, которые его составляют; личностное отношение современного поколения молодёжи к собственному здоровью [3].

Для более глубокого понимания данной темы студентам предлагается возможность самостоятельно провести анализ и дать оценку по ощущениям уровню индивидуального здоровья по шкале А – «частоты» и Б – «степени выраженности».

На вводном этапе проведения скрининг-диагностики студентов знакомят с показателями нормальной деятельности различных систем организма.

В скрининг-диагностике, *система органов дыхания* даёт представление в виде положительных критериев, которые представляют норму функционирования и критерии отклонения от нормы.

Показателями нормы служат индикаторы свободного дыхания через нос, показатели паттерна дыхания в покое (16-18 раз в минуту), ритм дыхания, годовой ритм болезней (на примере ОРВИ – не чаще 1-2 раза в год).

Индикаторами отклонения от нормы считаются показатели трудности дыхания через нос, насморк, признаки не обильного носового кровотечения, тяжёлое дыхание при ходьбе, эффект заложенность пазух носа в состоянии покоя, частые приступы глубокого кашля, наличие болевых ощущений в области грудной клетки.

Система *пищеварения* и её норма функционирования: язык влажный без налёта, зубы в состоянии целостности, стул в суточном периоде регулярный, отсутствует симптом жжения, симптома отрыжки, тошноты, болевых признаков в абдоминальной части, вздутий и запоров кишечника, же-

вательный и глотательный паттерн протекает без затруднений.

Отклонениями от нормы служат следующие критерии: угасший аппетит, чувство жажды ярко ощутимо, имеет быть дискомфорт «сухости» во рту, неприятный вкусовой привкус, сложность в глотании, присутствует отрыжка, сильно выражен рефлюкс изжоги, присутствует чувство тошноты по утрам, отмечаются частые позывы рвотных рефлексов, «загазованность» живота, боли в области эпигастрия, запоры и др.

При проведении тест – опросов на знание положительных и отрицательных критериев помогло студентам сделать правильную самооценку индивидуального уровня здоровья по совокупности признаков болезни студентов установить уровень собственного здоровья [4].

Исследования самооценки индивидуального уровня здоровья по совокупности признаков болезни студентов по основным системам и синдромам организма студентов первого курса Брянского государственного технического университета проводилось в два этапа. Первый этап проводился в период с 2008-2009 учебный год и второй в период с 2019-2021 год.

Цель исследования: определить уровень самооценки индивидуального здоровья по индикаторам оценки основных систем организма, выявить наиболее слабые функции организма (с точки зрения самооценки студентов), оценить уровень теоретической подготовленности студентов при проведении такого тестирования, провести сравнительный анализ результатов юношей и девушек в группах и между группами.

В анкетном опросе на первом этапе участвовали студенты первого курса (260 студентов), на втором этапе (320 студентов)

Информативность данного метода составляет 70-80% [2].

Вопросы в тест-опросном исследовании, были представлены блоками, по десяти симптомо-комплексам, которые максимально объективно отражали состояние всех исследуемых физиологических систем.

Каждый блок тестовых вопросов, состоял из десяти наиболее характерных симптомов, которые оценивались по двум параметрам:

- по частоте проявления (шкала баллы от 0 до 3);

- по силе выраженности (шкала баллы от 1 до 3).

Итогами анализа всех тест – опросных листов первого и второго этапа мониторинга был интегральный коэффициент который и являл основной индикатор по степени низкого балла в том или ином блоке симптомо-комплексов, а следовательно, и уровня физического здоровья респондентов.

Полученные результаты анкетного исследования были обработаны в офисном приложении Microsoft Excel с использованием встроенных статистических и математических функций. Результаты исследования представлены в виде графиков, построенных с помощью базовых типов графиков и диаграмм.

Графики профиля здоровья учебных групп студентов участвовавших в мониторинге представляли собой по оси ординат критерии уровни здоровья (от 1-4), а по оси абсциссы были отмечены синдромы.

Оценивались вопросы по признакам болезней и отклонений от нормы в таких физиологических системам как:

- центральная нервная система;
- система органов дыхания;
- система органов кровообращения;
- система органов кроветворения (анемический синдром);
- система органов пищеварения;
- система органов мочевого выделения и кожи;
- эндокринная система;
- костно-мышечная система;
- лимфатическая система;
- иммунная система;
- периферическая нервная система;
- ЛОР;
- вегетососудистая дистония.

Каждый студент, участвовавший в мониторинге на первом этапе, должен был самостоятельно ответить на вопросы анкеты. Обработка полученных данных показала, что только 43% студентов справились с заданием самостоятельно. Просили консультативной помощи преподавателя 38% студентов. Количество студентов, пожелавших ответить на вопросы анкеты в присутствии преподавателя, – 12%. Студенты, полностью не справившиеся с заданием, – 7%.

Рис. 1.

Это свидетельствует о низком уровне теоретических знаний. Наблюдая за студентами, было отмечено, что большинство из них впервые серьезно задумывались над темой.

Более серьёзно отнеслись к выполнению задания 65% девушек и только 35% юношей. Графические профили как критерии состояния здоровья указывают на низкие баллы показателей здоровья. Сравнительный анализ первого и второго этапа исследования показал динамику ухудшения критериев здоровья студентов в период 2019-2021 г обследования.

Довольно чётко установлен процент студентов отнесённых по состоянию здоровья в специальную медицинскую группу на втором этапе – 51%. Выявлено численное количество студентов имеющих инвалидность 23 студента. Подготовительная группа (студенты, имеющие временное ограничение по состоянию здоровья) по своему составу выросла на 27% от первоначального исследования. Численный состав студентов в группах (основного отделения) сократился на 34%.

При анализе симптомо-комплексов (синдромов) по основным системам организма чётко прослеживался спад в работе ЦНС у всех респондентов, в система органов дыхания, в системе органов пищеварения, мочевыделительной и кожной системе; выявлены ухудшения в работе эндокринной системы, сложности в полноценном функционировании костно-мышечной системы, наиболее ярко отмечен спад в работе иммунной системы, увеличилось количество ЛОР заболеваний, остаётся в лидирующих позициях по заболеваемости вегето-

сосудистая дистония.

На первое место по самооценке ухудшения уровня здоровья по совокупности признаков болезни студентами была выставлена иммунная система.

Основные результаты полученные в ходе скрининг-диагностики здоровья студентов ставят вопрос перед специалистами в поиске новых форм и методов укрепления здоровья подрастающего поколения молодёжи.

Литература

1. Войнов В.Б. Практикум по валеологии. Ростов-на-Дону: УНИИВ РГУ, 1999. С. 194.
2. Косованова Л.В., Мельникова М.М., Айзман Р.И. Скрининг – диагностика здоровья школьников и студентов. Организация оздоровительной работы в образовательных учреждениях: учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2003. С. 240.
3. Лига М.Б., Щепкина И.А., Томских М.С. Обеспечение социальной безопасности через достижение достойного качества жизни // Ученые записи ЗабГУ. 2014 № 4 (57). С. 44.
4. Основные компоненты здорового образа жизни в сохранении и укреплении здоровья: учеб. пособие // Культура здоровья / под ред. Т.М. Брук, И.И. Бахраха, С.А. Корневского. Смоленск: СГИФК. 2002. С. 21, 113.
5. Программа дисциплины «Физическая культура» / под ред. В.И. Ильинич, Ю.И. Евсеев М.: Министерство образования Российской Федерации, 2015. С. 25.

6. Суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, возрастные коэффициенты рождаемости и смертности по муниципальным образованиям Кузбасса (2015-2019 гг.) // Статистический сборник / Кемеровостат. Кемерово, 2020. С. 45, 56, 67.

7. Чеснокова М.Г. Понятие здоровья в контексте ключевых категорий культурно-деятельностного подхода // Вестник Московского Университета. Серия 14, Психология. 2015. С. 25 – 35.

8. Шухатович В.Р. Здоровый образ жизни // Энциклопедия социологии. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 45, 268, 347.

9. Luszczyńska A., Hagger M., Benyaamini Y., Johnstone M., Karademas E.C. (eds.). Health Behavior // Assessment in health psychology. Boston: Hogrefe Publishing, 2016. P. 60 – 72.

References

1. Vojnov V.B. Praktikum po valeologii. Rostov-na-Donu: UNIV RGU, 1999. S. 194.

2. Kosovanova L.V., Mel'nikova M.M., Ajzman R.I. Skrining – diagnostika zdorov'ya shkol'nikov i studentov. Organizaciya ozdorovitel'noj raboty v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah: ucheb.-metod. posobie. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo, 2003. S. 240.

3. Liga M.B., SHЧepkina I.A., Tomskih M.S. Obespechenie social'noj bezopasnosti cherez

dostizhenie dostojnogo kachestva zhizni. Uchenye zapisi ZabGU. 2014 № 4 (57). S. 44.

4. Osnovnye komponenty zdorovogo obraza zhizni v sohranении i ukreplenii zdorov'ya: ucheb. posobie. Kul'tura zdorov'ya. pod red. T.M. Bruk, I.I. Bahraha, S.A. Korenevskogo. Smolensk: SGIFK. 2002. S. 21, 113.

5. Programma discipliny «Fizicheskaya kul'tura». pod red. V.I. Il'ich, YU.I. Evseev M.: Ministerstvo obrazovaniya Rossijskoj Federacii, 2015. S. 25.

6. Summarnyj koefficient rozhdaemosti, ozhidaemaya prodolzhitel'nost' zhizni pri rozhdenii, vozrastnye koefficienty rozhdaemosti i smertnosti po municipal'nyh obrazovaniyam Kuzbassa (2015-2019 gg.). Statisticheskij sbornik. Kemerovostat. Kemerovo, 2020. S. 45, 56, 67.

7. CHesnokova M.G. Ponyatie zdorov'ya v kontekste klyuchevyh kategorij kul'turno-deyatel'nostnogo podhoda. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14, Psihologiya. 2015. S. 25 – 35.

8. SHuhatovich V.R. Zdorovyj obraz zhizni. Enciklopediya sociologii. Mн.: Knizhnyj Dom, 2003. S. 45, 268, 347.

9. Luszczyńska A., Hagger M., Benyaamini Y., Johnstone M., Karademas E.C. (eds.). Health Behavior. Assessment in health psychology. Boston: Hogrefe Publishing, 2016. P. 60 – 72.

**SELF-ASSESSMENT OF THE INDIVIDUAL LEVEL OF HEALTH
ACCORDING TO THE TOTALITY OF SIGNS OF ILLNESS OF STUDENTS
(ON THE EXAMPLE OF STUDENTS OF THE BRYANSK
STATE TECHNICAL UNIVERSITY)**

*Kalenikova N.G., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Bryansk State Technical University*

Abstract: in the article, the author reveals the process of conducting research by means of screening diagnostics of self-assessment of the health of first-year students conducted on the basis of the Bryansk State Technical University. The assessment is based on the analysis of all test questionnaires of the first and second stages of monitoring. For each block of questions presented in the test questionnaire, an integral coefficient is derived and a graphical profile of the health of students studying at BSTU is built. The results of self-assessment of the individual level of health according to the totality of disease signs of all physiological systems were obtained, comparative work of two monitoring stages was carried out. Indicators of health deviation from the norm have been determined. students' work on self-assessment of individual health level and analysis of the totality of disease signs. The program is described in detail, with the help of which the ideological system of values was formed among students (as part of a lecture course on the discipline "Physical Education"). The assessment of students' personal feelings of the level of individual health on A scale of A-"frequency" and B-"degree of severity" is considered. Comparative analysis of statistical data on health indicators on a cohort of young people of student age.

The criteria of norm and pathology in the work of patterns were considered on the example of respiratory and digestive function.

According to the results of the monitoring, problematic moments in the understanding of the issue of health by the student youth at the present stage of the development of society have been identified. The article discusses the criteria of negative factors and their overall outcome under the name disease.

Keywords: health of students studying, symptom complexes, graphic profile of students' health

МЕТОДИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

*Балканов И.В., кандидат филологических наук, доцент,
Макаренко А.С., кандидат филологических наук,
Муруг И.А., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации*

Аннотация: в современном мире военным специалистам приходится использовать знания иностранного языка в целях решения различных коммуникативных задач для налаживания связи и взаимодействия между частями и подразделениями Вооруженных Сил Российской Федерации и частями и подразделениями вооруженных сил иностранных государств, участвующими в выполнении совместных задач по борьбе с терроризмом, поддержанию мира и порядка, проведению гуманитарных, миротворческих и иных операций.

Целью исследования ставится анализ и обобщение опыта, полученного при реализации различных программ языковой подготовки в военных образовательных организациях. Авторы выделяют этапы подготовки (обучение языку и обучение переводу), изучают приемы и способы формирования, развития и совершенствования различных языковых и базовых переводческих навыков. Предлагают способы отбора и анализа языкового материала. Формулируют методические рекомендации для преподавателей и обучающихся.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования системы профессиональной подготовки в целях решения коммуникативных задач в ситуации отсутствия языкового посредника, военного переводчика.

Результаты исследования найдут свое практическое применение как в учебном процессе, так и при разработке актуальных учебных пособий и практикумов.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, военный перевод, обучение переводу, обучение иностранному языку, формирование компетенций

Вооруженные Силы Российской Федерации выполняют задачи за пределами нашей Родины, принимая активное участие в проведении военных, миротворческих, гуманитарных, антитеррористических и других операций. При этом военным специалистам приходится использовать знания иностранного языка в целях решения различных коммуникативных задач, возникающих в ходе встреч с зарубежными коллегами, при проведении инспекций в рамках международных договоров, в работе заграничных представительств и групп военных советников, а также для налаживания связи и взаимодействия между частями и подразделениями Вооруженных Сил Российской Федерации и частями и подразделениями вооруженных сил иностранных государств, участвующих в выполнении совместных задач. Специалистам в области международного военного и военно-технического сотрудничества приходится устанавливать и поддерживать дистантный контакт с иностранными коллегами, проводить сбор, анализ и обработку материалов об иностранных государствах и их вооруженных силах.

Все вышеперечисленное свидетельствует об особой роли иностранного языка в работе военных специалистов и позволяет нам говорить о необходимости подготовки как специальных (военных) переводчиков, владеющих устойчивыми навыками устного и письменного перевода, так и о повышении качества общего языкового образования в Вооруженных Силах Российской Федерации путем реализации различных дополнительных программ

языковой и начальной переводческой подготовки в сфере профессиональной коммуникации.

Современный военный специалист зачастую взаимодействует с представителями других стран без языкового посредника, военного переводчика. Именно этим обуславливается реализация в системе военного образования дополнительных программ языковой и начальной переводческой подготовки.

Область профессиональной деятельности специалистов, обучающихся по подобным программам включает в себя лингвистическое обеспечение задач военной деятельности с международным участием. Целью реализации подобных программ является «формирование у слушателей профессиональных компетенций, необходимых для профессиональной деятельности в области лингвистического обеспечения военной деятельности» [1, с. 3].

В ходе языковой подготовки основная роль обычно отводится дисциплинам, объектом которых выступает военная речь на иностранном языке и военный перевод, соответственно. При этом под военной речью мы понимаем «все те речевые произведения, которые порождаются военными либо для военных, в специфических условиях коммуникации» [2, с. 17], а под военным переводом – «один из видов специального перевода с ярко выраженной военной коммуникативной функцией» [2, с. 32]. Кроме того, в ходе освоения подобных программ обучающиеся формируют общее представление о системе родного и изучаемого языков, изучают историю, культуру, особенности внут-

ренной, внешней и военной политики стран изучаемого языка.

В ходе нашего исследования мы более подробно поговорим о том, как следует выстраивать общую языковую и начальную переводческую подготовку.

Основными целями общей языковой подготовки обучающихся являются формирование филологического кругозора, получение начальных знаний обо всех уровнях языковой системы изучаемого языка в сопоставлении с родным языком, формирование речемыслительной компетенции в объеме, необходимом для его изучения в контексте профессиональной (военной) сферы деятельности.

В ходе обучения слушатель получает представление о способах выражения мысли на иностранном языке, запоминает минимальный объем лексических единиц, позволяющий решать коммуникативные задачи в ситуациях повседневного общения, учится вести монолог и диалог. В результате обучения умело пользуется словарями, справочниками, банками данных и другими источниками информации, может не только поддержать беседу общего характера, но и выделить основную идею практически любого не адаптированного текста.

Полученный опыт реализации различных программ языковой подготовки в военных образовательных организациях позволяет нами рекомендовать преподавателю – в ходе практических занятий по иностранному языку в целях формирования, развития и совершенствования знаний, умений и навыков общей языковой подготовки – следовать определенным методическим принципам:

1. Принцип коммуникативности. Предполагает моделирование коммуникативных задач в ситуациях повседневного общения, решением которых обучающийся будет заниматься после завершения обучения.

2. Принцип активности. Подразумевает использование деятельностного подхода в целях создания, в ходе практических и контрольных занятий, условий, которые бы стимулировали развитие мыслительных способностей обучающихся.

3. Принцип ситуативности. Требуется от обучающихся решения проблемных (речевых и переводческих) задач в ходе ролевых и деловых игр, а также в ходе формирования у обучающихся навыка публичного выступления.

4. Принцип интенсивности. Предполагает достижение учебных и воспитательных целей практического занятия с минимальными затратами времени. Достигается путем активного использования технических средств обучения, активной работы с оригинальным языковым материалом, применением таких видов работы как фронталь-

ный опрос, работа в парах, групповая беседа, дискуссия, аудирование с обсуждением и расширенным воспроизведением, диктант, изложение, сочинение и т.д.

При проведении практических занятий основной акцент должен делаться на решение коммуникативных задач за счет полученных знаний в области лексики и грамматики изучаемого языка. Не меньшее внимание преподавателю следует уделять работе с военной (специальной) лексикой – «как словами и сочетаниями, выражающими специфические военные понятия, так и словами и сочетаниями, употребительными прежде всего в вооруженных силах» [4, с. 1019]. При этом следует помнить, что «изменение состава военной лексики и непрерывное ее пополнение обусловлено постоянным развитием военной науки и общих условий функционирования вооруженных сил» [5, с. 105]. Именно поэтому мы рекомендуем преподавателю регулярно актуализировать предлагаемый обучающимся языковой материал при подготовке к практическим занятиям.

В ходе учебных занятий преподавателю следует стремиться к тому, чтобы каждый обучающийся получил обоснованную оценку, при выставлении которой будут учтены добросовестность выполнения задания на самостоятельную подготовку, активность на уроке и качество ответов на учебные вопросы. Важным элементом определения степени усвоения материала являются контрольные работы, которые можно проводить в виде словарных диктантов, диктантов-переводов, изложений, сочинений и письменных переводов текстов. По результатам контроля следует спланировать работу по устранению недостатков в подготовке обучающихся, внести коррективы в методику преподавания (подбор и количество упражнений, характер применяемых дидактических материалов, эффективность использования ТСО и т.п.).

Для успешного освоения обучающимися дисциплин, формирующих и развивающих общие языковые навыки, преподавателю необходимо обеспечить эффективную организацию самостоятельной работы, с помощью которой у обучающихся развиваются целеустремленность, трудолюбие и навыки работы с оригинальными материалами. Выполнение заданий по закреплению пройденного лексического и грамматического материала способствует формированию навыков и умений письменной и устной речи.

Итоговая проверка и оценка полученных знаний, сформированных навыков и умений осуществляется в ходе промежуточной аттестации, которую мы рекомендуем проводить непосредственно перед началом изучения курса, целью которого является формирование компетенций в об-

ласти специального, или военного, перевода изучаемого иностранного языка. В ходе освоения подобных специальных дисциплин обучающиеся получают знания о профессиональных и поведенческих аспектах деятельности военного переводчика, формируют базовые навыки устного (последовательного) и письменного перевода, знакомятся с организационно-штатной структурой, вооружением и военной техникой вооруженных сил стран изучаемого языка – потенциальных противников и возможных союзников России на международной арене.

Основной формой обучения специальному (военному) переводу являются практические занятия, «в ходе которых с различной степенью приближенности моделируются параметры реальной переводческой деятельности» [6], ставятся задачи военной деятельности, при решении которых обучающимся предстоит применить полученные знания в области иностранного языка и перевода. Обучение следует планировать с учетом постепенного формирования навыков переводческой деятельности на основе углубления и конкретизации знаний, приобретенных в курсах страноведения и практики речи. Познавательная и переводческая деятельность обучающихся активизируется путем решения проблемных задач. Система практической подготовки строится исходя из необходимости знания предмета речи, сопоставления двух языковых систем и нахождения соответствий и различий в понятиях и приемах перевода.

Функциональное предназначение военного специалиста, владеющего иностранным языком и базовыми навыками перевода, обуславливает выбор и моделирование ситуаций, имитирующих его реальную работу. Речевая деятельность требует развития таких качеств, как концентрация внимания, памяти, выделение существенного в информации. Переводческая деятельность требует развития как кратковременной, или оперативной, памяти, так и долговременной, учета всех факторов и законов переноса информации, знаков, значений из кратковременной памяти в долговременную.

Формирование навыков письменного перевода осуществляется с учетом принципов посильности, постепенности, повторяемости и соответствующей степени сложности – от перевода однозначных однокомпонентных терминов к переводу многокомпонентных, многозначных терминов, от перевода свободных словосочетаний к переводу фразеологизмов, от перевода простых предложений к переводу предложений сложной синтаксической структуры, от перевода отрезков текста, содержащих высказывания простой структуры, к переводу абзацев и текстов сложной структуры, от перевода текстов нейтрального описательного характера к

переводу текстов, имеющих ярко выраженную стилистическую окраску.

Базовые навыки последовательного перевода формируются и развиваются на основе вышперечисленных принципов и постепенного увеличения объема переводимых отрезков текста, наращивания темпов предъявления информации и усложнения условий ее предъявления. Формирование навыка двустороннего перевода начинается с очередного перевода предложений с языка перевода на родной и наоборот, а также с перевода вопросительных предложений.

Значительное место в комплексе учебной работы отводится овладению лексико-фразеологическими и грамматико-синтаксическими единицами изучаемого языка на основе тематики текстов учебной программы. Важно пояснять и отрабатывать на практических занятиях теоретические положения перевода, приводить примеры лексической сочетаемости, употребления определенных грамматических категорий, предлагать обучающимся тренировочные упражнения на закрепление лексического минимума, отыскание соответствий, адекватных замен безэквивалентной лексики, осуществление трансформаций и других переводческих приемов.

Таким образом, языковая подготовка обучающихся осуществляется путем формирования, развития и совершенствования соответствующих профессиональных компетенции в тех областях, которые связаны с их последующей профессиональной деятельностью. Поэтому при подготовке к занятиям мы рекомендуем преподавателю продумывать, каким образом тот языковой материал, который он собирается предложить обучающимся, будет использован ими в профессиональной (военной) сфере общения. При подборе языкового материала преподавателю следует проводить его анализ путем:

- опроса обучающихся на предмет описания реальных ситуаций общения с представителями иностранных государств;

- оценки языковых средств, используемых носителями языка для достижения успешности коммуникации в заданных ситуациях общения;

- установления минимального уровня иноязычной компетенции, т.е. составления приблизительного перечня слов и фраз, а также определения уровня фонетической и грамматической корректности оформления речи обучающихся на изучаемом иностранном языке, обеспечивающих успешность коммуникации в заданных ситуациях общения.

Мы рекомендуем обучающимся самостоятельно работать с электронными системами обучения

и мультимедийными файлами (аудио и видео), что позволит им воспроизводить отдельные звуки, слова, предложения и тексты, подражая голосу диктора, отрабатывать произносительные навыки, заучивать устойчивые формулы речевого общения, диалоги, иллюстрирующие типовые ситуации общения, а также совершенствовать навыки чтения и записи с контролем правильности при помощи эталонной записи. При этом особое внимание следует уделить упорядочению записей, поскольку разрозненные записи снижают эффективность работы, заставляют тратить много времени на поиск необходимой для конкретного вида работы информации.

В случае затруднений обучающимся следует обратиться к более успевающим коллегам или к преподавателю. Это позволит экономить время и использовать его для изучения основного и дополнительного материала. В то же время это создаст дух здорового соревнования, направленного на достижение высокого уровня знаний, умений и навыков, стремление показать свои достижения и доказать, что собственным трудом обучающийся способен идти впереди остальных.

Специалист, успешно освоивший программу профессиональной подготовки в области иностранного языка и перевода, может получать и усваивать профессионально значимую информацию, содержащуюся в устной и письменной речи носителей языка, осуществлять непосредственную устную коммуникацию в различных ситуациях профессиональной деятельности с учетом социально-культурных особенностей носителей языка, используя соответствующие коммуникативные стратегии для обмена сообщениями, волеизъявления, распознавания и преодоления случаев непонимания. Он может осуществлять письменный и базовый последовательный перевод в рамках своей профессиональной сферы деятельности, выступать в роли языкового посредника при проведении переговоров, учений и совместных операций.

Литература

1. Квалификационные требования к уровню подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации и минимуму содержания дополнительной профессиональной программы профессиональной переподготовки: «Переводчик в

сфере профессиональной коммуникации» / Министерство обороны Российской Федерации, 2020 г.

2. Гарбовский Н.К., Мишкурин Э.Н. Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социальные аспекты) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 22. Теория перевода. 2010. № 2. С. 16 – 38.

3. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

4. Англо-русский военный словарь: ок. 50 000 терминов / под общ. ред. Г.А. Судзиловского. М.: Воениздат, 1968. 1064 с.

5. Балканов И.В. Теоретические аспекты двуязычной лексикографии (на материале военных переводных словарей): дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 194 с.

6. Туова М.А. Педагогические условия развития субъектности будущих специалистов-переводчиков: дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2002. 200 с.

References

1. Kvalifikacionnye trebovaniya k urovnyu podgotovki perevodchikov v sfere professional'noj kommunikacii i minimumu soderzhaniya dopolnitel'noj professional'noj programmy professional'noj perepodgotovki: «Perevodchik v sfere professional'noj kommunikacii». Ministerstvo oborony Rossijskoj Federacii, 2020 g.

2. Garbovskij N.K., Mishkurov E.N. Voennyj perevod v sovremennom mire (teoretiko-metodologicheskie, lingvisticheskie, voenno-istoricheskie i social'nye aspekty). Vestn. Mosk. un-ta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2010. № 2. S. 16 – 38.

3. Nelyubin L.L. Tolkovyy perevodcheskij slovar'. 3-e izd., pererab. M.: Flinta: Nauka, 2003. 320 s.

4. Anglo-russkij voennyj slovar': ok. 50 000 terminov. pod obshch. red. G.A. Sudzilovskogo. M.: Voenizdat, 1968. 1064 s.

5. Balkanov I.V. Teoreticheskie aspekty dvuyazychnoj leksikografii (na materiale voennyh perevodnyh slovarej): dis. ... kand. filol. nauk. M., 2017. 194 s.

6. Tuova M.A. Pedagogicheskie usloviya razvitiya sub"ektnosti budushchih specialistov-perevodchikov: dis. ... kand. ped. nauk. Krasnodar, 2002. 200 s.

**METHODOLOGICAL AND PEDAGOGICAL BASIS FOR TRAINING
TRANSLATORS IN THE AREA OF PROFESSIONAL COMMUNICATION**

*Balkanov I.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Makarenko A.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Murog I.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation*

Abstract: in the modern world military specialists use foreign languages and solve communication tasks to provide interaction with foreign partners in joint antiterrorism, stability, humanitarian, peacekeeping, and other operations.

The research summarizes lessons learned in the implementation of various advanced training programs in military educational organizations. The authors identify the stages of linguistics training (language training and translation training) and examine techniques and methods applied to develop language and basic translation skills. They submit methodological recommendations for instructors and their students.

The relevance of the study is explained by the necessity to improve the system of language and translation training of military specialists. They need the ability to solve communicative problems without a military interpreter.

The results can be applied in the training of military specialists and in the development of relevant training manuals.

Keywords: advanced training, military translation, translation and interpretation training, foreign language training, competence building

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО ПРАЗДНИКА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

*Пяо Лисян, аспирант,
Псковский государственный университет*

Аннотация: цель данной статьи – представить концепцию реализации лингводидактического потенциала русского праздника. В задачи исследования входила разработка комплекса учебно-методических материалов по теме «День пожилых людей», позволяющей формировать лексические и грамматические навыки иностранных студентов и их умения в рецептивных (чтение) и продуктивных (говорение, письмо) видах речевой деятельности. Комплекс разработанных материалов включает лексический минимум, культурно-исторический текст для ознакомительного чтения, подборку формул речевого этикета (поздравление, пожелание, дарение), проблемный текст для организации дискуссии и другие материалы. Особое внимание уделяется лингвокультурологическому аспекту темы, который раскрывается в сопоставительном аспекте. Для сопоставительного фона репрезентации русского праздника избирается аналогичный праздник и его традиции, бытующие в среде китайских корейцев, проживающих в Яньбянь-Корейском автономном округе Китая. В сопоставительном аспекте рассматривается история праздника, его атрибутика, традиции поздравления и праздничные кулинарные традиции. Отмечается возможность использовать материалы на разных уровнях обучения иностранцев русскому языку. Представлены результаты контрольного среза, которые подтверждают эффективность разработанного тематического учебно-методического комплекса, раскрывающего лингводидактический потенциал праздника. Подчеркивается возможность использования материалов исследования в практике обучения русскому языку иностранцев.

Ключевые слова: методика обучения русскому языку как иностранному, сопоставительная лингвокультурология, праздник, речевой этикет, формы поздравления, учебный текст, диалогическая речь, учебная дискуссия

Введение

Русские и китайские праздничные традиции во многом различаются в силу особенностей мировоззрения и культуры двух народов. Освоение коммуникативного поведения русских в ситуации праздника – одна из важных задач социокультурной адаптации китайских обучающихся в России и формирования рече-поведенческих параметров их лингвокультурной компетенции. Для успешного решения этой задачи выявляются различия в русской и китайских праздничных культурах, сопоставляются особенности речевой реализации этих традиций в форме поздравлений, пожеланий, приглашений и т.п., разрабатывается система заданий с использованием текстового материала для освоения этого этнокультурно маркированного языкового материала [1, 2]. Кроме того, участие в праздновании может стать хорошим поводом для обмена впечатлениями в иноязычной аудитории, написания эссе о русских и китайских обычаях празднования, ознакомления с дополнительными текстовыми материалами о том или ином празднике, просмотра видеоматериалов о нем, а это значит, что помимо лингвокультурологических знаний и лексико-фразеологических навыков, иностранные учащиеся могут развивать умения во всех видах речевой деятельности на материале русских праздников, что и будет показано в данной статье. Для репрезентации методической концепции избран праздник, который в России только набирает популярность – День пожилых людей, а в Яньбянь-Корейском автономном округе Китая

этот праздник имеет давнюю историю и устоявшиеся обычаи.

Методы

С использованием описательного метода (наблюдение, систематизация, интерпретация) мы обобщили результаты российских и китайских лингвокультурологических исследований лексики и фразеологии, отражающей традиции праздников. Сопоставительный метод использовался при выявлении сходств и различий в сфере коммуникативного поведения носителей русского и китайского языков в ситуациях праздника. Приемы минимизации языкового материала и его лингвокультурологического комментирования применялись при разработке учебно-методического обеспечения темы «Русские праздники» для ее репрезентации китайским студентам-русистам.

Результаты и обсуждение

Как отмечается в работах лингвокультурологов, одни и те же поводы празднования (Новый год, Женский день и др.) приобретают в русской и китайской культурах национально специфические воплощения [2-4], а в ряде случаев на них накладывается и региональная специфика. Региональные праздники широко представлены как в России, так и в многонациональном Китае. Помимо основной национальности – ханьцев, которые составляют почти 92% населения, здесь проживает большое количество национальных меньшинств, которые бережно хранят традиции своих праздников: байцы отмечают “Мартовский базар”, дайцы – Праздник Воды, народность и – Праздник факела, тибетцы – Новый год по тибетскому календа-

рю, уйгуры – Курбан-байрам. Два последних праздника уже стали государственными выходными днями, но не утратили и региональных особенностей. Еще большей этнокультурной спецификой отличается День пожилого человека, который празднуют в Яньбяне – корейском автономном округе (ЯКАО), который является регионом компактного проживания этнических корейцев и единственным национальным округом на северо-востоке Китая в провинции Цзилинь.

В основе этого праздника – глубокое уважение к пожилым людям – тем, кому более 60 лет. День пожилых людей празднуют и в остальном Китае (там это плавающая дата – 9-й день 9-го месяца по лунному календарю) [5], а китайские корейцы всегда отмечают этот праздник 15 августа. Именно в этот день 1982 года в деревне Дуншэнчон у города Лонцзин была создана первая в Китае ассоциация пожилых людей – социальная группа, организованная по их же инициативе. А в 1984 году пожилые люди решили утвердить свой праздник, и после обсуждения выбрали 15 августа – самое благоприятное время года, а также День победы китайского народа в Войне Сопrotивления японским захватчикам. Тогда яньбяньское правительство и объявило 15 августа Днем пожилых людей в Яньбянь-Корейском автономном округе. А в 2010 году 15 августа в Яньбянь-Корейском автономном округе было законодательно закреплено как День пожилых людей [6].

Такие лингвострановедческие сведения из сферы родной культуры учащихся целесообразно привлекать при репрезентации темы «День пожилых людей в России» в рамках крупного тематического блока «Русские праздники» в курсе лингвокультурологии или русского языка как иностранного при обучении китайских студентов-филологов (уровень В1-В2), когда обучающие уже могут анализировать в сопоставительном плане исторические сведения и включать эту информацию в монологические высказывания и диалоги (ср.: Международный день пожилых людей был утвержден ООН в 1990 г., в России он стал отмечаться с 1992 г., а китайские корейцы начали отмечать его на несколько лет раньше).

Интересно сравнить выбор даты праздника: 1 октября, когда в России празднуют День пожилого человека, это тоже благоприятное время – золотая осень, а пожилой возраст ассоциируется именно с осенью. Традиции празднования во многом совпадают в России и в Китае, но наличие регионального компонента праздника у китайских корейцев дает возможность более детального выявления и обсуждения на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ) сходств и различий празднования, а значит и развития речи китайских студен-

тов в ходе продуцирования речи на этом культурологически ценном материале. Так, в ходе сопоставительного обсуждения праздничных традиций выясняется, что в городах Яньбянь-Корейского автономного округа в день праздника работают тематические площадки с танцами и концертами для тысяч людей в возрасте старше 60 лет и всех желающих. В день праздника пожилые люди носят на левой стороне груди азалию – красный или розовый цветок (в соответствии с символом Яньбяни).

Подобные атрибуты праздника отсутствуют в России, различаются формы празднования в семьях и праздничное меню. Китайские корейцы приглашают своих родственников, друзей и соседей собраться вместе и поблагодарить родителей за то, что они вырастили детей. Дети и молодежь танцуют и желают пожилым здоровья и долголетия, делают все возможное, чтобы пожилые люди могли насладиться праздничным моментом. Пожилые не сидят, а тоже танцуют народные корейские коллективные танцы с молодежью. Семьи готовят традиционные блюда: макрель (разновидность рисового вина), рисовые лепешки и холодную лапшу (традиционное национальное блюдо), выражая свое уважение и благодарность пожилым родственникам за тяжелый труд, который они выполняли большую часть своей жизни. В последнее время все чаще пожилых людей и их пожилых друзей родные приглашает в ресторан, чтобы вместе насладиться новой, современной и вкусной едой. Особенно часто празднуют в ресторанах холодной лапши, которые полны весь день во время этого праздника, ведь в таких ресторанах хорошо готовят не только традиционную лапшу, но и другие корейские блюда.

В школах Яньбянь-Корейского автономного округа, как и в России в День пожилых людей проводятся мероприятия, воспитывающие у учеников уважение к пожилым людям. Дети рисуют картины, пишут сочинения. Иностранные студенты-филологи могут найти на российских педагогических интернет-сайтах сценарии классных часов и других мероприятий, посвященных Дню пожилых людей, и сравнить их с опытом школ в родной стране.

Этикетные формы поздравления и пожелания, используемые в этот праздник, универсальны. Пожилым людям желают здоровья и долголетия, благодарят за терпение, сердечность, заботу, силы, отданные детям и внукам, отмечают их оптимизм, бодрость духа, прекрасный внешний вид, красоту.

Однако не во всех культурах к этому празднику одинаково относятся сами пожилые люди. Например, в России поздравлением можно обидеть пожилого человека, который не хочет смириться со

своим возрастом, особенно это относится к женщинам. Поэтому даже у представителей русской культуры возникают вопросы: кого поздравлять с Днем пожилого человека, как поздравлять, чтобы не обидеть, что дарить в таком случае. Эти аспекты русского праздника также должны обсуждаться при репрезентации темы иностранным студентам-филологам.

В целом же материал праздника должен быть разработан в учебно-методическом плане таким образом, чтобы его можно было использовать на разных уровнях обучения РКИ. При работе со студентами-филологами, будущими преподавателями русского языка за рубежом, можно привлечь к разработке материалов и этих студентов в рамках изучения лингвокультурологии или методики обучения РКИ.

В первую очередь должен быть разработан лексический состав темы в диапазоне уровней А1-В1 (объем довузовской подготовки иностранцев). Приведем его в репрезентации носителям китайского языка: *пожилой человек – 老人, возраст – 年龄, бабушка – 奶奶, дедушка – 爷爷, уважение – 尊敬, благодарность – 感激, внимание – 留意, терпение – 耐心, забота – 关心, воспитание – 教育, поздравление – 祝贺, подарок – 礼物, цветы – 花, угощение – 宴请, национальное блюдо – 民族特色菜肴, концерт – 音乐会, золотая осень – 金秋季节;*

Праздновать – 庆祝, приглашать (кого) – 邀请, поздравлять (кого) – 祝贺, благодарить (кого) – 感谢, дарить (кому что) – 送, угощать (кого чем) – 请客, танцевать – 跳舞;

Мудрый – 英明的, опытный – 有经验的, веселый – 愉快的, жизнерадостный – 乐观的, уважаемый – 尊敬的.

Учебно-методический материал включает культурно-историческую справку, которую студенты разных уровней обучения могут расширить соответствующими материалами Интернет-сайтов и, как уже отмечалось, сопоставлением с родной культурой:

День пожилых людей (в народе его называют и Днем пожилого человека) отмечается в России с 1992 г., однако пока он не стал таким популярным, как Новый год или 8 Марта. Этот праздник – международный. Он был официально утвержден Организацией Объединенных Наций в 1990 г. Основная идея праздника – уважение к пожилым людям, благодарность и забота о них – общая для разных культур. В большинстве стран, как и в России, его празднуют 1 октября. Считается, что пожилой возраст – это осень жизни, но этот период должен быть теплым и приятным,

как золотая осень в начале октября. День пожилого человека отмечается в России на государственном уровне: представители власти обращаются со словами благодарности к пожилым людям, на предприятиях и в городских культурных центрах устраивают вечера отдыха для пенсионеров, организуют концерты, спектакли, выставки, в городских парках – оздоровительные мероприятия, веселые соревнования. В семьях поздравляют бабушек и дедушек, устраивают застолье, звонят и поздравляют пожилых родственников в других городах. Подарки, которые получают в этот день пожилые люди от своих родственников – это теплые, уютные домашние вещи или что-то полезное для дачи, где пенсионеры проводят много времени, а также гаджеты и спортивные товары, которые помогут следить за своим здоровьем и укреплять его: шагомер, палки для скандинавской ходьбы, ракетки для бадминтона. А что вы подарите своей бабушке?

На этом первом этапе работы над темой проводится традиционная работа с текстом: 1/ предтекстовая (семантизация лексики – работа со словарем); 2/ притекстовая (студентам предлагается по ходу текста подумать о сходствах и различиях праздника в русской и родной культуре); 3/ послетекстовая (ответы на вопросы по содержанию текста, в том числе требующие ответа с использованием новой лексики; коммуникативные задания: расскажите о Дне пожилых людей студентам из других групп, которые не работали с данным текстом; расскажите (напишите краткое сообщение для студенческого сайта) о сходствах и различиях празднования Дня пожилых людей в России и у вас на родине).

Формулы речевого этикета, с которыми иностранцы знакомятся, осваивая данную тему, сходны с поздравительными моделями, используемыми в день рождения: *Дорогой(ая) ...! Поздравляю тебя (Вас) с (чем)...! Желаю ... (чего)!* Они заполняются студентами с использованием лексики, освоенной в рамках темы и ранее. На примере более пространственных образцов рассматриваются возможные варианты поздравлений близких родственников, ветеранов предприятия и т.п.:

Уважаемый Василий Иванович! Поздравляем Вас с Днем пожилых людей! Желаем здоровья и бодрости духа. Пусть ничто не мешает вам наслаждаться жизнью, пусть радуют дети и внуки. Ждем Вас на корпоративном празднике 1 октября. Кафедра образовательных технологий.

Дорогая бабуля! Поздравляю тебя с Днем пожилого человека! Будь всегда такой же веселой и красивой! Люблю тебя! Твоя внучка Катя.

В качестве речевых заданий иностранным студентам предлагается написать поздравление пре-

подавателям – ветеранам кафедры и своим родственникам – на русском языке с переводом.

Для организации дискуссии на тему «Кого и как поздравлять с Днем пожилого человека?» студентам уровня В1-В2 предлагается ознакомиться с материалами Интернет-портала «Большой вопрос» (<http://www.bolshoyvopros.ru>), где на эту тему размышляют пользователи – носители русского языка. С небольшой адаптацией эти материалы можно предложить и тем, кто владеет русским языком на уровне А1-А2:

- Светлана: *С Днем пожилого человека можно поздравлять тех, кому 75 лет и более. Если поздравить 60-летних, особенно женщин – красивых, спортивных, энергичных, то они обидятся: неужели мы так плохо выглядим?*

- Сергей: *Моей маме 88 лет. Я ее поздравляю, она не обижается и всегда рада подарку.*

- Семён: *Будьте осторожны, когда поздравляете с Днем пожилого человека незнакомых людей, если точно не знаете их возраста, а бабушки и дедушки всегда будут рады поздравлением и цветам.*

Иностранные студенты-филологи приглашаются продолжить дискуссию с обращением к своему культурному опыту и сопоставительному лингвокультурологическому анализу.

Дискуссия по проблеме «Кого и как поздравлять с Днем пожилого человека?» была использована как средство текущего контроля в полиэтнической группе иностранных студентов ПсковГУ (1 курс филологического факультета, уровень В1, 20 человек) после изучения темы «День пожилого человека» в рамках экспериментального обучения. Критериями оценки умений диалогической речи студентов (оценочный максимум – 25 баллов) в соответствии с правилами тестирования умений данного вида речевой деятельности стали: адекватность решения коммуникативной задачи, отсутствие коммуникативно значимых ошибок (10 баллов), соблюдение норм речевого этикета (5 баллов), развёрнутость высказывания (5 баллов), лексико-грамматическая правильность речи (5 баллов). Результаты, показанные студентами экспериментальной группы, составили от 14 до 24 баллов (средний балл по группе – 21). В контрольной группе (также 20 иностранных студентов 1 курса филологического факультета), которая не работала над темой, дискуссия практически не состоялась: отдельные реплики студентов не отличались развёрнутостью, тематическим лексико-грамматическим наполнением и в целом не решали коммуникативную задачу. Таким образом, была доказана эффективность предложенного тематического учебно-методического комплекса, реализующего лингводидактический потенциал темы дан-

ного праздника.

Выводы

Подводя итоги исследования, отметим, что лингводидактический потенциал темы русских праздников заключается в возможности формировать на материале данной темы лексические навыки и лингвокультурологические знания иностранных студентов. В ходе работы над темой осваиваются новые формулы речевого этикета, конструкции глагольного управления и особенности согласования прилагательных с существительными, т.е. работа выходит на грамматический уровень. Тема предлагает большое количество возможностей для развития умений чтения (тематические тексты), говорения и письма (участие в дискуссиях, коммуникативно значимые монологи и письменные работы). Тема может быть развернута, как показано в статье, и в плане сопоставительного лингвострановедения, когда привлекается этнокультурно маркированный образ праздника, сложившийся у иностранных студентов на материале родной культуры. Предлагаемая концепция и подборка разработанных учебно-методических материалов может использоваться в практике обучения китайских студентов разных уровней владения русским языком. А в полиэтнической группе студентов диалог культур как принцип реализации темы может перерасти в кросскультурный полилог, что обогатит студентов в речевом и культурологическом плане.

Литература

1. Вострякова Н.А. Нормы русского коммуникативного поведения в китайской аудитории. Волгоград: ВолгГТУ, 2016. 96 с.
2. Пяо Лисян. Традиции праздника в языковом отображении: сопоставительное исследование и репрезентация иноязычному адресату // Современный учёный. 2021. № 3. С. 159 – 162.
3. Лю Ч. Особенности употребления застольной здравницы в русском и китайском языках // Филологические заметки. 2019. Т. 2. № 17. С. 146 – 159.
4. Пяо Лисян. Коммуникативное поведение русских: новогодние традиции в репрезентации китайским студентам // Инновационная наука. 2021. № 1. С. 118 – 120.
5. Пашенцева Н. Чуньян: китайский праздник двойной девятки или День пожилых людей [Электронный ресурс]. URL: <https://ekd.me/2016/10/chunyan/> (дата обращения: 07.09.2021)
6. Корейские праздники и чем уникален корейский День пожилых людей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guoxuemeng.com/lizhizhishi/505178.html> (корейский праздник День пожилых людей有啥独特之处) (дата обращения: 09.10.2021)

References

1. Vostryakova N.A. Normy russkogo kommunikativnogo povedeniya v kitajskoj auditorii. Volgograd: VolgGTU, 2016. 96 s.
2. Pyao Lisyana. Tradicii prazdnika v yazykovom otobrazhenii: sopostavitel'noe issledovanie i reprezentaciya inoyazychnomu adresatu. Sovremennyy uchyonyj. 2021. № 3. S. 159 – 162.
3. Lyu CH. Osobennosti upotrebleniya zastol'noj zdravicy v russkom i kitajskom yazykah. Filologicheskie zametki. 2019. T. 2. № 17. S. 146 – 159.
4. Pyao Lisyana. Kommunikativnoe povedenie russkih: novogodnie tradicii v reprezentacii kitajskim studentam. Innovacionnaya nauka. 2021. № 1. S. 118 – 120.
5. Pashenceva N. CHun"yan: kitajskij prazdnik dvojnoj devyatki ili Den' pozhilyh lyudej [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ekd.me/2016/10/chunyan/> (data obrashcheniya: 07.09.2021)
6. Korejskie prazdniki i chem unikalen korejskij Den' pozhilyh lyudej [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.guoxuemeng.com/lishizhishi/505178.html> (朝鲜族节日 朝鲜族的老人节有啥独特之处) (data obrashcheniya: 09.10.2021).

LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF RUSSIAN HOLIDAY AND ITS IMPLEMENTATION IN TEACHING FOREIGNERS

*Piao Lixiang, Postgraduate,
Pskov State University*

Abstract: the purpose of this article is to present the concept of the realization of the linguodidactic potential of the Russian holiday. The objectives of the study included the development of a set of educational and methodological materials on the topic " Day of Older Persons", which allows to form lexical and grammatical skills of foreign students and their skills in receptive (reading) and productive (speaking, writing) types of speech activity. The complex of developed materials includes a lexical minimum, a cultural and historical text for introductory reading, a selection of speech etiquette formulas (congratulations, wishes, gifts), a problematic text for organizing a discussion and other materials. Particular attention is paid to the linguocultural aspect of the topic, which is revealed in a comparative aspect. For a comparative background of the representation of the Russian holiday, a similar holiday and its traditions that exist among Chinese Koreans living in the Yanbin-Korean Autonomous Region of China were chosen. In a comparative aspect, the history of the holiday, its attributes, traditions of congratulations and festive culinary traditions are considered. The possibility of using materials at different levels of teaching Russian to foreigners is noted. The results of the control work are presented, which confirm the effectiveness of the developed thematic educational and methodological complex, revealing the linguodidactic potential of the holiday. The possibility of using the research materials in the practice of teaching the Russian language to foreigners is emphasized.

Keywords: methods of teaching Russian as a foreign language, comparative linguoculturology, holiday, speech etiquette, forms of congratulations, educational text, dialogic speech, educational discussion

МЕТАПРЕДМЕТНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ В ШКОЛЕ

*Дюкина Н.Г., кандидат педагогических наук,
Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко*

Аннотация: статья посвящена проблеме применения метапредметного подхода в процессе обучения математике в школе. Метапредметные умения обучающийся может применять в любой области знаний и в различных жизненных ситуациях. Сегодня это становится особенно важным и значимым, поскольку от выпускника школы требуется мобильность, креативность, способность применять свои знания на практике. Цель статьи – показать возможность формирования метапредметных результатов освоения основной образовательной программы основного общего образования в процессе обучения школьной математике.

В статье приведен пример применения метапредметного подхода для формирования экологической культуры школьников в процессе обучения математике. Задача исследования состоит в теоретическом обосновании и практической разработке методики обучения математике, применение которой обеспечит успешное формирование экологической культуры у учащихся основной школы. В процессе исследования был произведен анализ психолого-педагогической, методической литературы, проведены педагогическое наблюдение, анкетирование и тестирование учащихся 5-6 классов. В результате исследования обоснована целесообразность формирования экологической культуры обучающихся 5-6 классов в процессе обучения математике. Разработана методика обучения математике, использование которой должно обеспечивать формирование экологической культуры обучающихся 5-6 классов, с учетом принципа метапредметности и критериев отбора содержания задач по математике с экологическим содержанием.

Ключевые слова: ФГОС ООО, метапредметность, метапредметный подход, процесс обучения математике, школьный курс математики, метапредметные результаты обучения

Введение

Новые ФГОС ООО учитывают применение системно-деятельностного подхода в процессе обучения. Саморазвитие личности обучающегося, его успешная реализация в социуме становится результатом образования. Сегодня образовательная парадигма сосредоточена именно на формирование разумно мыслящей, духовно развитой, просвещенной личности школьника [4]. Требования ФГОС ООО направлены на становление у обучающихся целостной картины мира, охватывающей осознанность причинно-следственных связей всех происходящих процессов и явлений. Отсутствие интеграции дисциплин, их обособленность, лишённость практиконаправленности становятся причинами разрозненности знаний, умений школьников.

Изучение целостной картины мира по отдельным разрозненным частичкам, отсутствие межпредметных связей приводит к ограниченности восприятия неделимости мира и способствует лишь низкому уровню формирования культуры школьника в целом [4]. Методы, способы, приемы, используемые учащимися и в процессе обучения, и при разрешении повседневных задач в практической деятельности с учетом знаний, умений нескольких дисциплин составляют метапредметные результаты образовательной деятельности [4]. Введение принципа метапредметности в образовательный процесс порождает необходимость в замене традиционности методики преподавания. Проблема новаторства становится злободневной для системы школьного образования. Преподава-

ние школьных дисциплин с учетом принципа метапредметности предполагает такую организацию обучения, при которой для обучающегося знания есть сведения не только для запоминания и заучивания, а как знания, которые он осмысливает и применяет в практической деятельности [5]. Разумный подход к организации процесса обучения с учетом принципа метапредметности в сочетании с другими позволит сформировать у школьника представление об изучаемой предметной линии, как о части целостной системы знаний об окружающем нас мире, выраженной количественными отношениями (предметная линия Математика), физических явлениях (предметная линия Физика), химических преобразованиях (Предметная линия Химия) и т.д. [6].

В настоящее время достаточное внимание уделяется осуществлению перехода от освоения отдельно взятых предметов к обучению с учетом принципа межпредметности, интегрированности, метапредметности [1]. Это подробно отражено в требованиях ФГОС ООО.

В качестве примера рассмотрим формирование экологической культуры школьников на уроках математики. Актуализация данной темы обусловлена законодательными актами в области экологического развития России на период до 2030 года. В частности, содержание образовательного процесса должно быть направлено на формирование экологически ответственного поведения школьника. Вопросы формирования экологической культуры, экологического образования и воспитания необходимо учитывать в региональных программах [2].

Это влечет острую необходимость в региональности решения проблемы формирования экологической культуры и развития экологического образования обучающихся в условиях реализации ФГОС ООО.

Сегодня экологическое образование, обучение и воспитание обучающихся в единой связи с окружающей действительностью есть одна из актуальных проблем школьной системы образования [2]. Согласно требованиям ФГОС ООО, школа должна обеспечивать обучающихся и современными экологическими знаниями, и первоначальными умениями и навыками их применения в жизни. Поэтому региональный характер экологических проблем оказывается весомо значимым фактором в процессе формирования экологической культуры школьников [3].

В содержании школьных дисциплин, в том числе и математики, может и должно отражаться реальное состояние экологической обстановки страны, и в том числе региона проживания школьника. Это означает, что преподавание математики необходимо рассматривать на межпредметном уровне с учетом принципа метапредметности для обеспечения реализации практико-ориентированного подхода в школьном образовании. В процессе обучения математики должны использоваться задачи с практическим содержанием [6]. Прикладная направленность школьного курса математики позволит учащимся применять математические знания и умения в повседневной жизни [5]. Методы и средства математики позволяют осуществить количественный анализ реального состояния природных объектов и явлений, последствий практической деятельности человека в природном и социальном окружении.

Значимость метапредметного подхода в нашей работе заключается в формировании экологической культуры обучающихся в процессе обучения математики; в преодолении отчуждения дисциплины «Экология» при изучении математики, в осуществлении раскрытия культуры целостного мировоззрения школьников при обучении математике в 5-6 классах.

Методика проведения исследований

Исследование проводилось с учетом выводов, поставленных в результате анализа психолого-педагогической, методической литературы по поставленной проблеме.

На протяжении трех взаимосвязанных этапов проведения исследования (констатирующий, поисковый, формирующий) применялось теоретическое моделирование, педагогическое наблюдение, анкетирование и тестирование учащихся 5-6 классов.

Констатирующий этап

Цель: подтверждение актуальности исследования; выяснение проблемы формирования экологической культуры школьников в процессе обучения математике. Проведен анкетный опрос учителей городских и районных школ. Результат: отсутствие систематической работы по формированию экологической культуры; потребность в методических разработках по математике, содержание которых направлено для повышения уровня экологической культуры обучающихся.

Поисковый этап

Цель: построение структурной модели формирования метапредметных результатов освоения основной образовательной программы основного общего образования в процессе обучения школьной математике. (На примере формирования экологической культуры школьников в процессе обучения математике с учетом принципа метапредметности).

Специфика модели состоит в применении принципа региональности как особо значимого. Он предполагает связь школьного курса математики с экологией природной среды региона проживания школьников.

Результат:

— разработка задач с экологическим содержанием, в том числе и отражающие региональные экологические проблемы, по школьному курсу математики;

— Разработка факультативного курса «Экология в математике» для школьников 5-6 классов;

— Разработка методики проведения мероприятий, связанных с экологическими проблемами, для внеурочной деятельности;

— Разработка тематики для проведения проектной деятельности учащихся по математике, связанной с экологическими проблемами.

Формирующий этап

Цель: выявить результативность разработанной методики обучения математике с учетом принципа метапредметности.

Результат:

— Уровень предметной подготовки учащихся не ухудшился.

— Статистически доказано повышение уровня сформированности экологической культуры обучающихся (диагностика проводилась с использованием t-критерия Стьюдента).

Результаты исследования

Результаты эксперимента позволили прийти к заключению о результативности разработанной нами методики обучения математике на основе принципа метапредметности.

Одно из предметных требований по математике – это формирование умения работать на уроке ма-

тематики с учебным текстом, грамотно высказывать свои мысли с использованием специальных терминов и символов, одно из метапредметных требований – развитие экологического мышления, умение использовать его в повседневных практических ситуациях. При этом личностные требования заключаются в формировании основ экологической культуры, экологического мышления, совершенствовании опыта экологически ориентированной практической деятельности в жизненных ситуациях (<https://fgos.ru/>).

Целедостижение описанных планируемых результатов выявило несоответствие требований ФГОС ООО к результатам образования школьников в области экологического образования и организацией обучения, которая определена планами общеобразовательных учреждений [3]. В работе мы рассмотрели возможность формирования на уроках математики экологической культуры учащихся 5-6 классов. Основанием разработанной нами методики является метапредметный подход, возникший в конце XX века.

Решение вопросов метапредметного подхода (основоположники Н.В. Громько, Ю.В. Громько, А.В. Хуторской) повлияли на содержание обучения с учетом принципа метапредметности для выполнения требований ФГОС ООО к результатам освоения обучающимися образовательной программы.

По мнению Н.В. Громько, «метапредметный подход – это очень хорошее знание своего предмета, что, собственно, и позволяет деятельностно пересобрать учебный материал и заново его интерпретировать с точки зрения деятельностных единиц содержания» [1]. Наряду с этим, «метапредмет – это отличный от традиционных дисциплин учебный предмет нового типа, в основу которого положен мыследеятельностный тип интеграции учебного материала», – считает Ю.В. Громько [1].

Возникает вопрос: как проявляется метапредметность экологии в процессе изучения математики? Сегодня в педагогическом сообществе наблюдается интенсивная работа для начала нового этапа экологического образования учащихся 5-6 классов. Он заключается, прежде всего, в региональности экологических проблем. Это постановка, выяснение экологических задач региона проживания школьника. При этом содержание школьного курса математике становится средством для их разрешений. Это приводит к нарастанию вопросов, связанных с процессом формирования экологической культуры школьников на современном этапе обучения математике на ступени общего образования.

Во-первых, согласно требованиям ФГОС ООО предмет «Экология» не подлежит обязательному изучению всеми учащимися и предлагается лишь как вариативный (региональный) элемент учебного плана. (Такой вывод сделан на основе анализа учебных планов образовательных организаций г. Глазова и районов Удмуртской Республики) [2]. Это усиливает значимость проблемы о путях развития экологического образования школьников сегодня, поскольку не все обучающиеся будут обладать базовыми экологическими понятиями для познания и решения проблем экологии окружающей природной среды.

С другой стороны, требования ФГОС ООО усиливают роль экологического образования на личностном и на метапредметном уровне обучающихся. Особое внимание при этом уделяется ценностно-ориентационному компоненту планируемых результатов обучения учащихся в 5-6 классов.

Впрочем, анализ учебной деятельности учителей выявил, что в образовательных учреждениях существуют модификации экологического образования обучающихся:

- 1) изучение предмета «Экология» как отдельного предмета, как в составе с другим школьным предметом, или как регионального компонента;
- 2) экологизация основных общеобразовательных предметов, причем каждый предмет вносит свою лепту в формирование базовых экологических познаний;
- 3) изучение спецкурсов по экологии дополнительно.

Интеграция экологического материала и содержания учебного курса математики представляется нам как процесс независимо определенный. Надо полагать, что даже в случае внесения экологии в перечень обязательных дисциплин органами управления образованием интеграционными процессами нельзя будет пренебречь [3].

Требования ФГОС ООО к личностным и метапредметным результатам освоения образовательных программ четко «прорисовывают» интегративность в виде прямой, проходящей через весь процесс обучения школьника. При этом следует особо подчеркнуть, что речь идет не о единичном вкраплении предмета «Экология» в содержательную часть математики, а именно о консолидации как источника качественного уровня образования.

Во-вторых, активизация личности в обучении становится актуальнейшей проблемой, изучаемой не только на уровне психолого-педагогических исследований, но и в непосредственной практической деятельности обучаемого. По мнению Аханова Б.Ф., «стратегическим направлением активизации обучения является не увеличение объема

передаваемой информации, не усиление и увеличение числа контрольных мероприятий, а создание дидактических и психологических условий осмысленности учения, включения в него учащегося на уровне не только интеллектуальной, но личностной и социальной активности».

Показатель уровня выявления активности личности в процессе обучения, обуславливается оценкой учебной мотивации, направляющей познавательную деятельность индивида и его поведение. Все это вскрывает проблему активизации учащихся в понимании проблемных экологических задач в своем регионе проживания, их разрешении [1].

В-третьих, низкий уровень экологической ответственности учащихся, или даже ее недостаток. (Такой вывод сделан на основе анализа результаты социологических и педагогических исследований) [3].

Итак, проблемы экологической подготовки учащихся в современном обществе приводят к стойкому противоречию между важностью формирования экологической культуры учащихся в обучения и слабой разработкой теоретических и методических основ ее формирования.

В нашей работе одним из средств обучения являлось проведение внеурочных мероприятий по математике экологической направленности, например, тематический классный час «Математический мир экологии», экскурсия на водоочистные сооружения МУП «Водоканал» г. Глазова для встречи со специалистами, применяющими математические расчеты в профессиональной экологической деятельности. Во время проведения мероприятий анализировалось состояние окружающей природной среды школьника, изучалось поведение. На основании этого школьники отметили

низкий уровень экологической культуры большинства людей. Обучающимися в ходе дискуссии были выявлены следующие причины такого вывода: отсутствие достаточной научной убедительности в изданиях об экологических проблемах региона и в целом страны, в средствах массовой информации, а также незнание существования отчетной документации о состоянии природной окружающей среды по Удмуртской Республике. Все это привело к обладанию экологическими знаниями учащимися лишь на бытовом уровне. Поэтому они не могут быть осознанными школьниками и являются маловажными для них в практической жизни.

Во время проведения внеурочных мероприятий особо подчеркивалась значимость использования средств математики в деятельности экологов (например, расчет возраста активного ила в аэротенках цилиндрической формы, вычисление площади дна аэротенка, объема осевшего ила, нахождение норматива образования мусора от бытовых помещений и т.п.). Выполнение таких заданий направлено на формирование у учащихся метапредметных результатов процесса обучения математике. Они выражаются через умения обучающихся использовать базовые знания по математике в экологической деятельности.

Представленные средства внеурочной деятельности по математике позволяют формировать экологическую культуру учащихся и достигать предметный результат по математике. Об этом свидетельствуют результаты педагогического эксперимента (табл. 1). Средний балл учащихся по результатам городской итоговой работы по математике составил у экспериментальной группы – 3,9, у другой группы – 3,7).

Таблица 1

Результаты педагогического эксперимента

Компоненты экологической культуры	Уровни сформированности	Начало эксперимента, %	Окончание эксперимента, %
когнитивный	низкий	37,4	26,4
	средний	40,2	45,8
	высокий	22,4	28,0
мотивационно-ценностный	низкий	36,4	19,7
	средний	45,8	49,5
	высокий	17,8	30,8
деятельностнопрактический	низкий	47,7	25,2
	средний	37,4	48,6
	высокий	14,9	26,2

Практические результаты исследования

Практическая значимость состоит в том, что теоретические результаты доведены до уровня практического применения и внедрены в учебный процесс:

— сборник математических задач с экологи-

ческим содержанием, составленный на основе фактических данных экологического портала Удмуртской республики;

— элективный курс «Экология в математике» с дистанционным ресурсом, разработанный с использованием программного обеспечения

информационно-образовательной среды «Moodle»; — методические рекомендации для учителей общеобразовательных учреждений по формированию экологической культуры обучающихся в процессе обучения математике.

Выводы

1. Формирование метапредметных результатов обучения является необходимым требованием к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы основного общего образования в условиях реализации ФГОС.

2. Формирование метапредметных результатов освоения основной образовательной программы основного общего образования является возможным в процессе обучения школьной математике.

3. Методы и средства школьного курса математики позволяют осуществить количественный анализ реального состояния природных объектов и явлений, последствий практической деятельности человека в природном и социальном окружении.

4. Метапредметный подход в процессе обучения школьной математике позволяет формировать представления о математике как универсальном языке науки, разрешающем описывать и изучать реальные процессы и явления, в том числе и региона.

5. Средства и методы метапредметного подхода в процессе обучения математике направлены на повышение мотивации обучающихся и не снижают уровень предметной подготовки обучающихся.

Литература

1. Громько Н.В. Метапредметный подход в образовании при реализации новых образовательных стандартов. URL: <http://www.ug.ru/archive/36681> (дата обращения: 07.08.2021)

2. Дюкина Н.Г. Роль задач в процессе обучения математике // Вестник педагогического опыта. 2021. № 48. С. 32 – 35.

3. Дюкина Н.Г. Формирование экологической культуры учащихся на уроках математики // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 7 (207). С. 10 – 14.

4. Кодирова У.З. Метапредметный подход на уроках математики // Вопросы науки и образования. 2020. № 11 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metapredmetnyy-podhod-na-urokah-matematiki> (дата обращения: 24.08.2021)

5. Терешин, Н.А. Прикладная направленность школьного курса математики: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1990. 96 с.

6. Шапиро И.М. Использование задач с практическим содержанием в преподавании математики: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1990. 96 с.

References

1. Gromyko N.V. Metapredmetnyj podhod v obrazovanii pri realizacii novyh obrazovatel'nyh standartov. URL: <http://www.ug.ru/archive/36681> (data obrashcheniya: 07.08.2021)

2. Dyukina N.G. Rol' zadach v processe obucheniya matematike. Vestnik pedagogicheskogo opyta. 2021. № 48. S. 32 – 35.

3. Dyukina N.G. Formirovanie ekologicheskoy kul'tury uchashchihsya na urokah matematiki. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 7 (207). S. 10 – 14.

4. Kodirova U.Z. Metapredmetnyj podhod na urokah matematiki. Voprosy nauki i obrazovaniya. 2020. № 11 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metapredmetnyy-podhod-na-urokah-matematiki> (data obrashcheniya: 24.08.2021)

5. Tereshin, N.A. Prikladnaya napravlennost' shkol'nogo kursa matematiki: Kn. dlya uchitelya. M.: Prosveshchenie, 1990. 96 s.

6. SHapiro I.M. Ispol'zovanie zadach s prakticheskim soderzhaniem v prepodavanii matematiki: Kn. dlya uchitelya. M.: Prosveshchenie, 1990. 96 s.

METASUBJECT IN SCHOOL MATHEMATICS LEARNING

*Dyukina N.G., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko*

Abstract: the article is devoted to the problem of using the metasubject approach in the process of teaching mathematics at school. The student can apply metasubject skills in any field of knowledge and in various life situations. Today it becomes especially important and significant, since a graduate of a school is required to be mobility, creativity, the ability to apply their knowledge in practice. The purpose of the article is to show the possibility of forming metasubject results of mastering the basic educational program of basic general education in the process of teaching school mathematics.

The article provides an example of the application of the metasubject approach for the formation of the ecological culture of schoolchildren in the process of teaching mathematics. The objective of the research is to theoretically substantiate and develop practical methods of teaching mathematics, the application of which will ensure the successful formation of an ecological culture among primary school students. In the course of the research, the analysis of psychological, pedagogical, methodological literature was carried out, pedagogical observation, questioning and testing of students in grades 5-6 were carried out. As a result of the study, the expediency of the formation of the ecological culture of students in grades 5-6 in the process of teaching mathematics has been substantiated. A methodology for teaching mathematics has been developed, the use of which should ensure the formation of an ecological culture of students in grades 5-6, taking into account the principle of meta-subject matter and criteria for selecting the content of mathematics problems with environmental content

Keyword: Federal State Educational Standard of BGE, metasubject; metasubject approach, the process of teaching mathematics, school mathematics course, metasubject learning outcomes

ВЕДУЩИЕ МОТИВЫ К ИЗУЧЕНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ И ПРАКТИКУЮЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

*Салехова Л.Л., доктор педагогических наук, профессор,
Литвиненко Е.В., аспирант,
Казанский федеральный университет*

Аннотация: мотивация является одним из ключевых факторов, влияющих на успешное овладение иностранным языком. В рамках социально-образовательной модели изучения иностранного языка в структуре мотивации нами были выявлены 7 групп мотивов (поведенческие, внутренние, внешние, когнитивные, перспективные, социальные и мотивы достижения успеха).

Целью статьи является определение и сравнительный анализ ведущих мотивов к овладению английским языком у студентов-будущих педагогов и у практикующих учителей английского языка. В качестве метода использовалось анкетирование. Участниками опроса выступили 33 первокурсника Казанского федерального университета – будущие учителя английского языка, а также 49 практикующих учителей английского языка г. Казани. Данные анализировались с помощью статистических инструментов пакета SPSS.

Результаты исследования свидетельствуют о наличии высокой интегративной мотивации к изучению английского языка, как у будущих педагогов, так и у практикующих учителей. Статистические расчеты и их анализ показали, что у студентов и учителей ведущими являются когнитивные, внутренние мотивы и мотивы достижения успеха. Группа перспективных мотивов является одной из доминирующих у будущих учителей английского языка, что нельзя сказать о практикующих учителях. У учителей достаточно сильно проявляются внешние мотивы, то есть доминирование интегративной мотивации может смениться на инструментальную под воздействием внешних факторов. В целом, можно сделать вывод, что выделенные ведущие мотивы являются неустойчивыми как у студентов, так и у учителей, поэтому необходимы новые средства обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: мотив, мотивация, интегративная мотивация, инструментальная мотивация, изучение английского языка

Введение

Формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции будущих и практикующих учителей английского является непрерывным процессом, поскольку овладение иностранным языком возможно только при условии его постоянного применения и изучения. Основным предиктором успешности в овладении иностранным языком является мотивация, поэтому поиск эффективных средств ее оценки, методов, форм формирования и развития является одной из центральных проблем методики обучения иностранным языкам [1].

Задачей данного исследования является выделение и сравнение ведущих мотивов к изучению английского языка у студентов-будущих педагогов и у практикующих учителей английского языка. Данное исследование является частью пролонгированного исследования, целью которого является поиск имеющихся и разработка новых средств формирования, развития и поддержания устойчивой мотивации к овладению английским языком.

Анализ литературы показал, что существуют различные теории мотивации, которые изучают разные мотивы учения, чтобы объяснить ту или иную специфику поведенческой сферы личности, определяющую ее направленность, организованность, активность и устойчивость в учебной дея-

тельности. Однако не существует единой теории, которая описывала бы все факторы мотивационного процесса, поэтому наблюдается активная интеграция мотивационных теорий в последние годы.

По мнению А.Н. Леонтьева, мотивы являются «мотором деятельности», что говорит о тесной взаимосвязи понятий «мотив» и «мотивация» [2]. В контексте изучения иностранного языка «мотив» понимается как действие или усилие, направленное на достижение высокой языковой компетенции» [3].

Различные определения мотивации к изучению иностранных языков приведены в работах Л.И. Божович, И.А. Зимней, Е.П. Ильина, А.К. Марковой, Е.А. Маслыко, Г.В. Роговой, R. Bornstein, E. Deci, Z. Dörnyei, R. Ryan и др. Важно отметить, что от методологической позиции автора зависит акцент, на который он указывает в формулировке определения данного понятия [4-12]. Например, Г.В. Рогова рассматривает мотивацию к изучению иностранного языка как «главную движущую силу процесса овладения иностранным языком, обеспечивающая его результативность» [13]. Гарднер Р. определяет мотивацию как «степень стремления и желания к изучению языка, испытывая внутреннее удовлетворение от процесса данной деятельности» [14]. Ученый предлагает следующую формулу: мотивация = стремление к достижению цели

(effort) + желание достичь цели (desire) + положительное отношение к изучению языка [15]. Гарднер Р. и Ламберт У. являются наиболее известными исследователями мотивации в области изучения иностранного языка, они соединили теорию социальной психологии, направленную на изучение поведения и деятельности людей, обусловленные их включением в различные социальные группы, и теорию языкознания.

В настоящее время классической широко используемой моделью изучения мотивации к овладению иностранным языком является социально-образовательная модель Роберта Гарднера.

В данной модели выделяется два основных взаимозависимых типа мотивации: *интегративный и инструментальный*. Интегративная мотивация строится на «принципе открытости и уважению к различным культурным группам и их образу жизни» [14]. Инструментальная мотивация заключается в желании выучить иностранный язык с целью достижения определенных преимуществ, таких как получение диплома, престижной работы или высокой заработной платы [14]. Считается, что интегративная мотивация обеспечивает устойчивый интерес и более качественные результаты в овладении иностранным языком, чем инструментальная мотивация [15].

Интегративная мотивация личности включает в себя: *внутренние мотивы*, которые ориентированы на интересы, стремление и потребность в положительных эмоциях; *когнитивные мотивы*, которые удовлетворяют потребность в новых знаниях, умениях и навыках; *мотивы достижения успеха*, базирующиеся на внутреннем удовлетворении от успеха в изучении языка.

В социально-образовательной модели изучения иностранного Гарднера Р. интегративная мотивация характеризуется такими показателями, как прикладываемые усилия студента для достижения цели, проявление настойчивости в изучении языка, отношение студента к цели, характер поведения и желание студента достичь цели, насколько велико стремление к изучению языка. Гарднер Р. утверждает, что все эти компоненты взаимосвязаны между собой и могут быть выявлены в поведении студентов [15].

Компонентами инструментальной мотивации являются: *внешние мотивы*, которые преследуют материально-практические, утилитарные цели, *перспективные мотивы*, ориентированные на будущие возможности обучающегося и обусловлены прагматическими намерениями личности.

Данный тип мотивации включает непосредственный интерес к овладению иностранным языком (например, интерес к особенностям поведения в иноязычном взаимодействии, требующий линг-

вострановедческие знания) и опосредствованный интерес (например, интерес к внешнему иноязычному коммуникативному воздействию или влиянию со стороны).

Необходимо отметить, что *социальные мотивы*, как и *поведенческие мотивы* имеют отношение, как к интегративной, так и к инструментальной мотивации. Например, социальные мотивы выражаются в стремлении интегрироваться в новую языковую среду посредством общения. Дёрнеи З. и Чизер К. считают, что социальный мотив может проявляться, как в желании обучающегося приобщиться к иноязычной культуре, так и в желании получить высокий социальный статус, работу в творческом коллективе, одобрение со стороны родственников, друзей и т.д. [16]. В нашем исследовании группа социальных мотивов характеризует инструментальный тип мотивации.

Таким образом, рассматриваются семь групп мотивов, влияющих на овладение иностранным языком и формирование интегративной и инструментальной мотивации: *внутренние, внешние, когнитивные, перспективные, социальные, поведенческие и мотивы достижения успеха*. Необходимо выделить ведущие мотивы к овладению английским языком у будущих педагогов и практикующих учителей английского языка средней общеобразовательной школы, определить их выраженность и провести сравнительный анализ.

Методология, материалы и методы

Методология исследования строится на социально-образовательной модели изучения иностранного (второго) языка Гарднера Р. В качестве инструмента определения мотивации к овладению иностранным языком и выявления ведущих мотивов использовалась анкета АМТВ (Attitude/Motivation Test Battery). Данная анкета построена на 5-балльной шкале Лайкерта, согласно которой респондент может выбрать ответы на вопросы анкеты, начиная с «Абсолютно согласен» – 5 баллов, до «Абсолютно не согласен» – 1 балл. Шкала является способом определения уровня согласия и несогласия респондентов с утверждениями, которые отражают их мотивы и желания к изучению английского языка. Анкета состоит из трех частей и включает 52 утверждения. Анкетирование проводилось через созданную Google-форму. Результаты опроса были проанализированы с помощью программы SPSS.

В анкетировании приняли участие две группы респондентов. Первая группа состояла из 33 *студентов* первого курса Казанского федерального университета, будущих учителей английского языка, обучающихся по направлению 44.03.05 Педагогическое образование (Русский язык и иностранный (английский) язык). Их возраст колебал-

ся от 18-20 лет, из них 87,9% опрошенных относились к женскому полу и 12,1% к мужскому. Вторая группа включала в себя 49 практикующих учителей английского языка средних общеобразовательных школ города Казани, все – женщины. Средний возраст учителей составил 45 лет. Средний стаж педагогической деятельности учителей варьировался 17 лет.

Результаты исследования и обсуждение

Для проверки внутренней надежности и валидности анкеты для данных выборок был рассчитан коэффициент Альфа Кронбаха, который варьируется в диапазоне от 0.77 до 0.90 для анкеты студентов и от 0.76 до 0.94 для анкеты учителей по всем семи группам мотивов. Средняя надежность

анкеты студентов составляет 0.84, анкеты учителей – 0.87, следовательно, анкеты надежно измеряют латентные конструкции исследуемой области и имеют внутреннюю согласованность, они подходят для выявления доминирующих групп мотивов и типа мотивации (интегративной или инструментальной).

В табл. 1 представлена статистика различных типов мотивов к изучению английского языка у будущих педагогов английского языка и практикующих учителей английского языка. Сравнивая значения среднеквадратического отклонения для каждого компонента, можно отметить, что ответы студентов имеют меньший разброс (от 0.62 до 0.90), чем ответы учителей (от 0.69 до 1.03).

Таблица 1

Среднее значение и среднеквадратическое отклонение

Компонент	Среднее значение (M)		Среднеквадратическое отклонение (SD)	
	студенты	учителя	студенты	учителя
Поведенческие мотивы	4.3	4.2	0.67	0.69
Внутренние мотивы	4.3	3.9	0.68	0.83
Внешние мотивы	3.9	3.5	0.68	1.07
Когнитивные мотивы	4.4	4.1	0.62	0.78
Мотивы перспективы	4.3	3.5	0.67	0.98
Социальные мотивы	3.5	3.3	0.90	1.03
Мотивы достижения успеха	4.3	4.0	0.82	0.86

Из данных, представленных в табл. 1 видно, что у студентов наблюдается достаточно высокий уровень интегративной мотивации, так как ведущими мотивами выступают когнитивные мотивы ($M=4.4$; $SD=0.62$), внутренние мотивы ($M=4.3$; $SD=0.68$) и мотивы достижения успеха ($M=4.3$; $SD=0.82$), ярко проявляются поведенческие мотивы ($M=4.3$; $SD=0.67$) к изучению английского языка.

Поведенческие мотивы учителей также сильно

выражены ($M=4.2$; $SD=0.69$), когнитивные мотивы, мотивы достижения успеха и внутренние мотивы имеют высокие средние значения, в среднем 4.0, следовательно, учителя также имеют высокий уровень интегративной мотивации, но он ниже, чем у студентов. Для того, чтобы убедиться в справедливости данных был использован парный выборочный t -тест, результаты которого представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Парный выборочный t -тест для студентов 1 курса

Компонент	Внутренние мотивы		Внешние мотивы		Когнитивные мотивы		Перспективные мотивы		Социальные мотивы		Мотивы достижения успеха	
	t	Sig.	t	Sig.	t	Sig.	t	Sig.	t	Sig.	t	Sig.
Внутренние мотивы			2.549	0.016*	-0.891	0.380*	-0.035	0.973*	4.688	0.000**	0.184	0.855*
Внешние мотивы					-3.516	0.001*	-3.123	0.004*	2.840	0.008**	-2.638	0.013*
Когнитивные мотивы							0.700	0.489*	5.491	0.000**	0.856	0.380*
Перспективные мотивы									5.439	0.000**	0.292	0.772*

Продолжение таблицы 2

Социальные мотивы											-4.767	0.000***
Мотивы достижения успеха												

* $p < .05$ ** $p < .01$ *** $p < .001$

Таблица 3

Парный выборочный t-тест для учителя английского языка

Компонент	Внутренние мотивы		Внешние мотивы		Когнитивные мотивы		Перспективные мотивы		Социальные мотивы		Мотивы достижения успеха	
	<i>t</i>	<i>Sig.</i>	<i>t</i>	<i>Sig.</i>	<i>t</i>	<i>Sig.</i>	<i>t</i>	<i>Sig.</i>	<i>t</i>	<i>Sig.</i>	<i>t</i>	<i>Sig.</i>
Внутренние мотивы			4.569	0.000**	-1.763	0.084*	4.337	0.000**	5.273	0.000**	-0.300	0.765*
Внешние мотивы					-6.008	0.000**	-0.512	0.611*	1.452	0.153*	-4.738	0.000**
Когнитивные мотивы							6.675	0.000**	7.772	0.000**	1.408	1.166*
Перспективные мотивы									1.800	0.078*	-4.765	0.000**
Социальные мотивы											6.505	0.000**
Мотивы достижения успеха												

* $p < .05$ ** $p < .01$ *** $p < .001$

Между когнитивными мотивами и мотивами достижения успеха нет статистически значимой разницы ($t = 0.856$, $Sig. = 0.380$) (табл. 2), ($t = 1.408$, $Sig. = 1.166$) (табл. 3), таким образом, они являются доминирующими как для студентов, так и для учителей. Респонденты осознают, что без систематического расширения знаний, умений и навыков в области иностранного языка они не смогут быть конкурентоспособными личностями в динамично-развивающемся обществе. Можно также сказать, что участники опроса следуют своим интересам по развитию иноязычных навыков, они полны решимости активизировать интеллектуальные усилия, проявить смекалку и находчивость для достижения успеха.

Несмотря на доминирование у учителей интегративной мотивации, она может смениться на инструментальную под воздействием внешних факторов. Средняя разница между группами внутренних и внешних мотивов у учителей составляет 0,05, t -значение = 4.56 и p -значение = 0.000. Поскольку значение p меньше 0.05, разница между двумя типами мотивов статистически значима.

Такие желания, как возможность путешествовать и получать высокую заработную плату, чаще упоминаются респондентами среди внешних мотивов.

Что касается студентов, то разница между внешними и внутренними группами мотивов статистически незначима. Студентов можно охарактеризовать как более мотивированных к повышению уровня овладения английским языком. Эти результаты согласуются с исследованием Чанга С. и Лю Х., которые считают, что студенты могут получать внутреннее удовольствие от процесса обучения иностранному языку, при этом основным желанием изучения английского языка является все-таки достижение инструментальных целей [17].

Результаты парного выборочного t -теста показывают, что нет статистически значимой разницы между группами внутренних и когнитивных мотивов как у студентов ($t = -0.891$, $Sig. = 0.380$), так и у учителей ($t = -1.763$, $Sig. = 0.084$). Это еще раз подтверждает тот факт, что данные группы мотивов являются доминирующими для двух групп респондентов.

Следует отметить, что группа перспективных мотивов ($M=4.3$; $SD= 0.67$) является еще одной доминирующей группой к изучению английского языка у будущих учителей английского языка, что нельзя сказать о школьных учителях ($M=3.5$; $SD= 0.98$). Это можно объяснить тем, что перед каждым студентом стоит проблема выбора будущего места работы или же учебного заведения для продолжения обучения в магистратуре. Большинство

студентов отметили, что получение знаний в области английского языка необходимо для реализации перспектив, например, стать компетентным преподавателем английского языка, иметь возможность продвигаться по карьерной лестнице. Для анализа взаимосвязи между группами мотивов и мотивами поведения респондентов был использован корреляционный анализ Пирсона (табл. 4).

Таблица 4

Корреляционная матрица всех групп мотивов с поведенческими мотивами респондентов

	Поведенческие мотивы	Внутренние мотивы	Внешние мотивы	Когнитивные мотивы	Перспективные мотивы	Социальные мотивы	Мотивы достижения успеха
Поведенческие мотивы студентов	1	0.736**	0.351*	0.483**	0.480**	0.283*	0.540**
Поведенческие мотивы учителей	1	0.664**	0.618**	0.556**	0.548**	0.528**	0.675**

Примечание: *Корреляция значима на уровне 0.05

** Корреляция значима на уровне 0.01

Поведенческие мотивы респондентов имеют несколько положительных корреляций на значимом уровне 0.01. Мотивы поведения имеют сильную корреляцию с внутренними мотивами как у студентов ($r = 0.736$, $p < .01$) так и у учителей ($r = 0.664$, $p < .01$), что доказывает факт наличия преобладающей интегративной мотивации у респондентов к изучению английского языка. Однако у учителей мотивы поведения также ярко коррелируют с внешними мотивами. Возможно, внешне мотивированные учителя продолжают совершенствовать свою иноязычную коммуникативную компетенцию для прохождения аттестации, подтверждения уровня владения иностранным языком, участия в международных конференциях, форумах и т.д.

Поведенческие мотивы участников коррелируют с мотивами достижения успеха. Папи М. отмечает важность данной корреляции, так как она указывает на то, что последовательные достижения в академической среде придают высокое чувство внутреннего удовлетворения [18]. Каждая группа респондентов имеет разную интенсивность мотивации по поведенческим мотивам, указывающим на прилагаемые усилия в изучении языка.

Однородность средних величин между всеми группами мотивов является наиболее эффективной мотивационной конфигурацией Папи М. и Теймури Й. [18]. Такие учащиеся обладают высокими основными поведенческими чертами личности, необходимыми для долгосрочного и систематического изучения языка. Однако, наши результаты свидетельствуют о неустойчивости мотивов, по-

требностей и желаний, которым свойственна узкая временная перспектива при наличии конкретной цели.

Выводы

Результаты исследования свидетельствуют о наличии высокой интегративной мотивации к изучению английского языка, как у будущих педагогов, так и у практикующих учителей. Статистические расчеты и их анализ показали, что у студентов и учителей ведущими являются когнитивные, внутренние мотивы и мотивы достижения успеха, то есть мотивация обусловлена, прежде всего, профессиональным познавательным интересом. Интегративная мотивация ведет к достижению максимально высоких и качественных результатов, говорит о сформированных внутренних мотивах и интересе к приемам самостоятельного приобретения знаний и способам саморегуляции, т.е. ко всему тому, что способствует реализации целей в овладении иностранным языком.

Следует отметить, что группа перспективных мотивов является одной из доминирующих групп в интегративной мотивации к изучению английского языка у будущих учителей английского языка, что нельзя сказать о практикующих учителях.

У учителей достаточно сильно проявляются внешние мотивы, владение английским языком воспринимается ими как утилитарная ценность, внутренний интерес сопровождается неравнодушием к внешним наградам, славе, то есть доминирование у учителей интегративной мотивации может смениться на инструментальную под воздействием внешних факторов.

В рамках дальнейшего исследования важной является проблема разработки средств поддержания устойчивой интегративной мотивации студентов к изучению английского языка на всех этапах обучения в университете, а также в процессе их будущей профессиональной деятельности.

Литература

1. Dornyei Z., Ushioda E. *Motivation, Language Identity and the L2 Self*. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters, 2009. 352 p.
2. Акишина А.А., Каган О.Е. *Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного*. М: «Русский язык», 2005. 234 с.
3. Gardner R.C. *Social psychology and second language learning: The role of attitudes and motivation*. London: Edward Arnold, 1985.
4. Божович Л.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // *Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович и Л.В. Благонаждежиной; Науч.-исслед. ин-т общ. и пед. психологии АПН СССР*. М.: «Педагогика». 1972. С. 7 – 44.
5. Зимняя И.А. *Педагогическая психология*, 1997. 477 с.
6. Ильин Е.П. *Мотивация и мотивы*. Издательский дом «Питер», 2013. 518 с.
7. Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. *Формирование мотивации учения*. М.: «Просвещение», 1990. 192 с.
8. Маслыко Е.А. Пути формирования мотивации овладения студентами иностранного языка // *Мотивационные аспекты профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в ВУЗе: Межвузовский сб. науч. Тр. М.: Изд-во МГУ*. 1999. С. 51 – 56.
9. Рогова Г. В. О методах и приемах обучения иностранным языкам // *Иностранные языки в школе*. 2014. №. 3. С. 74-80.
10. Bornstein R.F. *Exposure and affect: Overview and meta-analysis of research, 1968-1987 // Psychological Bulletin*. 1989. № 106 (2). P. 265 – 289.
11. Deci E.L., Ryan R.M. *A motivational approach to self: Integration in personality*. 1991. P. 237 – 288.
12. Dörnyei Z. *Conceptualizing motivation in foreign-language learning // Language learning*. 1990. Vol. 40. № 1. P. 45 – 78.
13. Рогова Г.В., Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е. *Методика обучения иностранным языкам в средней школе*. М.: Просвещение, 1991. 287 с.
14. Gardner R.C. *The socio-educational model of second language acquisition*. In: *The Palgrave handbook of motivation for language learning*. Palgrave Macmillan, Cham, 2019. P. 21 – 37.
15. Dörnyei Z., Csizér K., Németh N. *Motivation, language attitudes and globalization: A Hungarian*

perspective. Clevedon, England: Multilingual Matters, 2006. 205 p.

16. Chang C.H., Liu H.J. *Language learning strategy use and language learning motivation of Taiwanese EFL university students // Electronic Journal of Foreign Language Teaching*. 2013. № 10(2). P. 196 – 209.

17. Papi M., Teimouri Y. *Language learner motivational types: A cluster analysis study // Language Learning*. 2014. № 64 (3). P. 493 – 525.

References

1. Dornyei Z., Ushioda E. *Motivation, Language Identity and the L2 Self*. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters, 2009. 352 p.
2. Akishina A.A., Kagan O.E. *Uchimsya učit'. Dlya prepodavatelya russkogo yazyka kak inostrannogo*. M: «Russkij yazyk», 2005. 234 s.
3. Gardner R.C. *Social psychology and second language learning: The role of attitudes and motivation*. London: Edward Arnold, 1985.
4. Bozhovich L.I. *Problema razvitiya motivacionnoj sfery rebenka. Izuchenie motivacii povedeniya detej i podroستkov. Pod red. L.I. Bozhovich i L.V. Blagonadezhinoy; Nauch.-issled. in-t obshch. i ped. psihologii APN SSSR*. M.: «Pedagogika». 1972. S. 7 – 44.
5. Zimnyaya I.A. *Pedagogicheskaya psihologiya*, 1997. 477 s.
6. Il'in E.P. *Motivaciya i motivy*. Izdatel'skij dom «Piter», 2013. 518 s.
7. Markova A.K., Matis T.A., Orlov A.B. *Formirovanie motivacii ucheniya*. M.: «Prosveshchenie», 1990. 192 s.
8. Maslyko E.A. *Puti formirovaniya motivacii ovladeniya studentami inostrannogo yazyka. Motivacionnye aspekty professional'no-orientirovannogo obucheniya inostrannomu yazyku v VUZe: Mezhvuzovskij sb. nauch. Tr. M.: Izd-vo MGU*. 1999. S. 51 – 56.
9. Rogova G. V. *O metodah i priemah obucheniya inostrannym yazykam. Inostrannye yazyki v shkole*. 2014. №. 3. S. 74-80.
10. Bornstein R.F. *Exposure and affect: Overview and meta-analysis of research, 1968-1987. Psychological Bulletin*. 1989. № 106 (2). P. 265 – 289.
11. Deci E.L., Ryan R.M. *A motivational approach to self: Integration in personality*. 1991. P. 237 – 288.
12. Dörnyei Z. *Conceptualizing motivation in foreign - language learning. Language learning*. 1990. Vol. 40. № 1. P. 45 – 78.
13. Rogova G.V., Rabinovich F.M., Saharova T.E. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam v srednej shkole*. M.: Prosveshchenie, 1991. 287 s.

14. Gardner R.C. The socio-educational model of second language acquisition. In: The Palgrave handbook of motivation for language learning. Palgrave Macmillan, Cham, 2019. P. 21 – 37.

15. Dörnyei Z., Csizér K., Németh N. Motivation, language attitudes and globalization: A Hungarian perspective. Clevedon, England: Multilingual Matters, 2006. 205 p.

16. Chang C.H., Liu H.J. Language learning strategy use and language learning motivation of Taiwanese EFL university students. *Electronic Journal of Foreign Language Teaching*. 2013. № 10(2). P. 196 – 209.

17. Papi M., Teimouri Y. Language learner motivational types: A cluster analysis study. *Language Learning*. 2014. № 64 (3). P. 493 – 525.

**DOMINANT MOTIVES OF STUDENTS (FUTURE TEACHERS)
AND PRACTICING FOREIGN LANGUAGE TEACHERS
IN ENGLISH LANGUAGE LEARNING**

*Salekhova L.L., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Litvinenko E.V., Postgraduate,
Kazan Federal University*

Abstract: motivation is considered as one of the key factors influencing the successful acquisition of a foreign language. Based on the Gardner's socio-educational model of learning a foreign language, 7 groups of motives were identified in the structure of motivation (motivated learning behaviour, internal, external, cognitive, perspective, social and motives of achieving success).

The aim of the study is to identify and analyze dominant motives in learning and mastering English among the first-year students and practicing foreign language teachers. The methodology used a questionnaire via an online-Google Form among 33 first-year students of Kazan Federal University and 49 practicing foreign language teachers of Kazan. The data was analyzed by using the SPSS program.

The overall results indicate that students and teachers have a high integrative motivation. A comparative analysis of statistical calculations showed that the dominant groups of motives are cognitive, internal and motives of achieving success. The group of perspective motives can be regarded as dominant for the students in comparison with practicing teachers. However, extrinsic motives are the drives for teachers in learning English. It indicates that integrative motivation may change into instrumental motivation under the influence of external factors. To sum up, the identified dominant motives are unstable for both students and teachers so that new forms, tools and methods of teaching English are necessary to developed.

Keywords: motive, motivation, integrative motivation, instrumental motivation, English language learning